

Археологические вести

— 35 —



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ



Памяти Е. Я. Рогова (1951–2001) посвящается...

Archaeological news

35
(2022)

Saint Petersburg
2022

Археологические вести

35
(2022)

Санкт-Петербург
2022

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвоцинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Ю. Вахтина (отв. редактор), В. А. Горончаровский, А. В. Багасова, Н. А. Павличенко

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 35 /
[Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2022. — 284 с.: ил.

Очередной выпуск «Археологических вестей» посвящен памяти талантливого исследователя, старшего научного сотрудника Отдела истории античной культуры ИИМК РАН Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001), безвременно ушедшего из жизни 20 лет назад. В 2021 г. ему исполнилось бы 70 лет. Круг научных интересов Е. Я. Рогова, как и ареал его археологических исследований, был чрезвычайно широк, что нашло отражение в тематике сборника. В него вошли статьи, написанные его друзьями, коллегами, а также молодыми исследователями античной культуры и археологии Северного Причерноморья. Они посвящены памятникам и находкам, датируемыми от эпохи ранней архаики до римского времени, а также важным проблемам развития античной культуры в регионе. В разделе «Новые открытия и исследования» представлены статьи, знакомящие читателей с результатами недавно проведенных исследований, а также предлагающие новые интерпретации ранее известных источников. Раздел «Актуальные проблемы археологии» содержит статьи, речь в которых идет о важных проблемах взаимодействия греческой культуры и культуры местного населения. Представлены также работы по истории науки.

The present issue of “Archaeological News” is dedicated to a memory of the talented scholar, senior researcher of the Department of History of Ancient Culture of IIMC RAS Eugenij Yakovlevich Rogov (1951–2001), who untimely deceased 20 years ago. In 2021 he could be 70 years old. A sphere of his scientific interests, as well as the area of his archaeological investigations, was an extremely wide, that affected the contents of the volume. It consists of the articles written by his friends, colleagues and younger researches of Classical culture and archaeology of the Northern Black Sea Region. They devote to sites and artifacts dated from the Early Archaic Period till the Roman Time, as well as to important problems of the development of the antique culture in the region. The series of works comprised in the section “New discoveries and studies” deals with the results of recent surveys and offers new interpretations of the sources known before. The section “Topical problems of archaeology” consists of articles deal with significant problems connected with the interaction between the Greek culture and cultures of local population. In addition, the book presents works on the history and organization of the archaeological science.

ISSN 1817-6976

Авантитул — Е. Я. Рогов. СПб., 1999 г. Фото С. В. Яблочкина
Avantitul — E. Ya. Rogov. St. Petersburg, 1999. Photo by S. V. Yablochkin
Первая страница обложки — золотая серьга из некрополя Херсонеса
(© Гос. Эрмитаж, Инв. № X.1899-19, фото А. М. Кокшарова)

First page of cover — A golden earring from Chersonesos (© State Hermitage Museum, Inv. No. X.1899-19, photo by A. M. Koksharov)

Четвертая страница обложки — Поселение Панское I, некрополь, курган 34, вид с востока, 1974 г.
Forth page of cover — Settlement Panskoe I, necropolis, mound 34, view from the east, 1974

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2022

Содержание

<i>М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. Спустя 20 лет. Вспоминая Евгения Яковлевича Рогова (28.05.1951–15.07.2001)</i>	9
Библиография работ <i>Е. Я. Рогова (составитель Л. М. Всевиов)</i>	15

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ю. И. Ильина. Килики VII в. до н. э. на Березани (по материалам раскопок в 2004–2018 гг.)</i>	19
<i>Д. В. Журавлев, А. В. Батасова, У. Шлотцауер. О системе обороны поселения Голубицкая 2</i>	28
<i>Ю. А. Виноградов. О находках зерновок злаковых на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров)</i>	44
<i>А. А. Гиблова. Поселение Козырка 12 – южная в контексте развития хоры Ольвии</i>	50
<i>А. Н. Берлизов, Н. И. Сударев. Погребальные обряды некрополей Виноградный 7 и Виноградный северо-восточный во второй половине V — IV в. до н. э.</i>	60
<i>И. В. Бруйко. Miscellaneous Romani (несколько редких находок римского времени из Картала)</i>	73
<i>Ю. А. Виноградов, М. И. Тюрин, Е. С. Лесная. Фрагмент формы для изготовления рельефной чаши из Южного пригорода Херсонеса</i>	81
<i>Н. А. Гаврилюк. Лепные кастрюли античных центров Северного Причерноморья (материалы к справочнику по лепной керамике)</i>	90
<i>В. А. Горнчаровский, Т. С. Тихонова. Известняковый рельеф с изображением Кибелы и ее спутников из раскопок Горгиппии в 2020 г.</i>	100
<i>А. А. Завойкин. Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории VI–I вв. до н. э.</i>	105
<i>В. Ю. Зуев, Н. И. Сударев. Борисфенитское зеркало пятой серии из погребения в могильнике «Южный склон-4» на Тамани</i>	119
<i>М. А. Коваленко, А. В. Круглов. Редкие металлические перстни из археологического комплекса «Усатова балка»</i>	130
<i>С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова. «Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии</i>	145
<i>И. А. Снытко, А. А. Бондаренко. Гилея в сакральной истории народов Северного Причерноморья в античную эпоху</i>	159
<i>С. В. Кашаев. Погребальные сооружения на некрополе Артющенко-2</i>	170
<i>А. Е. Терещенко, В. А. Горнчаровский. Митиленские следы в монетном деле Боспора Киммерийского</i>	181
<i>Д. Е. Чистов. Древнейшие антовые постройки Северного Причерноморья</i>	187

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. М. Чорэф.</i> Савмак или Савлак: к вопросу об атрибуции монет с ΣΑΥ на реверсе.....	202
<i>И. Ю. Шауб.</i> Эроты феодосийских серег	208
<i>М. Ю. Вахтина.</i> Об изображении на среднем фризе треугольной пластины из кургана Карагодеуашх в Прикубанье	214
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.</i> Погребение с греческими импортами позднеклассического времени из могильника Старокорсунского городища № 2	222

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>А. Н. Коваленко.</i> Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона: трансформация взглядов и современное состояние	230
<i>А. М. Бутягин.</i> Стратегии греко-варварских взаимоотношений в основных античных центрах Северного Причерноморья: причины формирования	245

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>А. В. Батасова.</i> Работы разведочного отряда Таманской экспедиции ГАИМК в 1931 г. на левобережье Старой Кубани	252
<i>Н. А. Павличенко.</i> Российская эпиграфика после В. В. Латышева (1921–1941). II. Лапидарные надписи	260
<i>М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина.</i> Поселение бронзового века Ярылгачское Восточное (Тарханкут) по данным 1975 г.	272

AD MEMORIAM

<i>Е. Я. Рогов.</i> Великое перенесение того, что осталось от греков и римлян, из палаты № 6 в Авгиевы конюшни	280
Список сокращений	283

Contents

<i>M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov. Twenty years later. Remembering Evgeniy Yakovlevich Rogov (28.05.1951–15.07.2001)</i>	9
<i>Bibliography of works by E. Ya. Rogov (compiled by L. M. Vseviov)</i>	15

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>Yu. I. Il'yina. Kylikes of the 7th cen. BC on Berezan (after the materials of excavations in 2004–2018)</i>	19
<i>D. V. Zhuravlev, A. V. Batasova, U. Schlotzhauer. The fortification system of the settlement of Golubitskaya 2</i>	28
<i>Yu. A. Vinogradov. Finds of corn seeds from the settlement-site of Artyushchenko-1 (Taman peninsula)</i>	44
<i>A. A. Giblova. Settlement of Southern Kozyrka 12 in the context of the development of the chora of Olbia</i>	50
<i>A. N. Berlizov, N. I. Sudarev. Burial rites at the necropoleis of Vinogradny 7 and North-Eastern Vinogradny in the second half of the 5th–4th cen. BC</i>	60
<i>I. V. Bruyako. Miscellaneous Romani (several rare findings of the Roman period from Kartal)</i>	73
<i>Yu. A. Vinogradov, M. I. Tyurin, E. S. Lesnaya. Fragment of a mould for manufacturing of the relief bowls from the southern suburbs of Chersonesos</i>	81
<i>N. A. Gavriilyuk. Handmade saucepans from Classical centres of the Northern Black Sea littoral (materials for a handbook of handmade pottery)</i>	90
<i>V. A. Goroncharovskiy, T. S. Tikhonova. Limestone relief with a representation of Cybele and her companions from excavations of Gorgippia in 2020</i>	100
<i>A. A. Zavoykin. Defensive installations and some problems of the historical periodisation of Phanagoria of the 6th–1st cen. BC</i>	105
<i>V. Yu. Zuyev, N. I. Sudarev. Borysthenitic mirror of the fifth series from a grave at the burial ground of “Yuzhny Sklon-4” on the Taman Peninsula</i>	119
<i>M. A. Kovalenko, A. V. Kruglov. Rare metal signet-rings from the archaeological complex of “Usatova Balka”</i>	130
<i>S. Yu. Monakhov, E. V. Kuznetsova. “Mendeian” amphorae from the Prikubansky necropolis: questions of the chronology</i>	145
<i>I. A. Snytko, A. A. Bondarenko. Gyleya in the sacred history of the peoples of the Northern Black Sea region in the ancient era</i>	159
<i>S. V. Kashaev. Burial installations at the necropolis of Artyushchenko-2</i>	170
<i>A. E. Tereshchenko, V. A. Goroncharovskiy. The Mytilene traces in the coinage of the Cimmerian Bosphoros</i>	181

CONTENTS

<i>D. E. Chistov.</i> The earliest antae buildings in the Northern Black Sea littoral	187
<i>M. M. Choref.</i> Saumakos or Saulakos: on the issue of attribution of coins with ΣΑΥ on the reverse	202
<i>I. Yu. Schaub.</i> Erotes of the Theodosian earrings	208
<i>M. Yu. Vakhtina.</i> About the representation on the middle frieze of the triangular plate from the kurgan Karagodeuashkh in the Kuban River region	214
<i>N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko.</i> Burial with Greek imports of the Late Classical period from the burial ground of the Starokorsunskaya settlement no. 2	222

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>A. N. Kovalenko.</i> Problems of the chronology of the Elizavetovskoye fortified site in the delta of the Don: the transformation of the views and the present situation	230
<i>A. M. Butyagin.</i> Strategies of the Graeco-barbarian interrelations in the major Classical centres of the Northern Black Sea littoral: the causes of their formation	245

HISTORY OF SCIENCE

<i>A. V. Batasova.</i> Works of the surveying team of the Taman Expedition of GAIMK in 1931 on the left bank of the old Kuban	252
<i>N. A. Pavlichenko.</i> Russian epigraphy after V. V. Latyshev (1921–1941). II. Lapidary inscriptions	260
<i>M. T. Kashuba, M. Yu. Vakhtina.</i> Bronze Age settlement Yarylgachskoye Vostochnoye (Tarkhankut peninsula) according to 1975 data	272

AD MEMORIAM

<i>E. Ya. Rogov.</i> The great transfer of what was left of the Greeks and Romans, from ward number 6 to the Augean stables	280
List of abbreviations	283

Спустя 20 лет. Вспоминая Евгения Яковлевича Рогова (28.05.1951–15.07.2001)

М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов

Аннотация. Заметка посвящена памяти Е. Я. Рогова (1951–2001), одного из самых ярких и талантливых сотрудников Отдела истории античной культуры ИИМК РАН.

Ключевые слова: Е. Я. Рогов, Отдел истории античной культуры ИИМК РАН, Панское-I, Козырка-12, Артющенко-2, Херсонес.

Река времени движется неустанно и неумолимо. Вот уже более двадцати лет нет с нами Евгения Яковлевича Рогова, одного из самых ярких сотрудников Отдела истории античной культуры ИИМК нашего поколения, университетского выпуска 1976 г. Он безвременно и внезапно ушел из жизни 15 июля 2001 г., незадолго перед этим отпраздновав свое 50-летие. По образному и очень верному выражению Д. А. Мачинского, это случилось тогда, когда «лепестки его таланта только начали раскрываться в полную силу». Незадолго до своего ухода Евгений успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную некрополю Панское в Северо-Западном Крыму (Рогов, 1998)¹. Позже, уже после смерти автора, этот фундаментальный труд вышел в виде отдельной книги (Рогов, 2011). Некрополь, как и само античное поселение Панское I, исследовался Женей со студенческих лет. Он был полон планов, в сравнительно сжатый срок собирался написать и защитить докторскую, сознавая, что с защитой кандидатской он затянул в силу разных житейских обстоятельств...

Мы не будем здесь останавливаться подробно на биографии Евгения Яковлевича, при желании каждый может легко найти сведения об основных этапах его жизненного пути в имеющихся публикациях (Вахтина и др., 2002; Зуев, 2002; Вахтина, Виноградов, 2003; 2005; Зинько, 2011; 2021; Виноградов,

2021). Предваряя сборник, посвященный двум годовщинам (70-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти), мы лишь хотим сказать, что наше археологическое сообщество бережно хранит память об этом светлом и талантливом человеке.

Круг научных интересов Евгения Яковлевича Рогова был широк. Уже в студенческие года его интересовали глобальные, ключевые проблемы археологии, при этом не только античной. Наряду с этим следует признать и то, что он умел и любил работать с вещами. У Жени были золотые руки — он прекрасно рисовал, чертил, реставрировал находки...

Столь же обширен был и ареал его археологических исследований: география экспедиций, в которых он принимал участие, двигаясь по пути от студента-практиканта до руководителя отрядов и экспедиций, охватывает пространство от Южного Буга на западе до предгорий Копетдага на востоке.

Особую роль в его судьбе, конечно, сыграло участие в Тарханкутской экспедиции ЛОИА, которую возглавлял А. Н. Щеглов, ставший учителем талантливого студента. Евгений в течение многих сезонов трудился на раскопках поселения Панское I и его некрополя. Он не только руководил курганным отрядом экспедиции, можно сказать, он был ее душой. Чувство юмора, находчивость и быстрота реакции были у него феноменальны, о забавных и ярких эпизодах с его участием до сих пор ходят легенды. На фотографии 1975 г. он запечатлен за праздничным столом по случаю Дня археолога. Только что

¹ Библиографические описания работ Е. Я. Рогова см. с. 15–18.



Рис. 1. 1981 г. Дружеский шарж, выполненный художником Тарханкутской экспедиции Д. С. Хмельницким

Fig. 1. 1981. Friendly caricature, made by the artist of the Tarkhankut expedition D. S. Khmel'nitsky

закончился импровизированный спектакль, в этом году представлявший шествие греческих богов. Трудно сказать, кого именно изображал тогда Евгений, облаченный в простыню. Но помнится, что в одном из таких спектаклей, организованном в предшествующие сезоны, он вызвался исполнить роль Афродиты, от которой все остальные отказались. Для своего выступления Женя мгновенно соорудил табличку с надписью «Я за свободную любовь!», которую и прикрепил на «хитон» из простыни, обернув ее вокруг тела с присущим ему артистизмом.

Как уже упоминалось, Е. Я. Рогов трудился не только на раскопках археологических памятников Херсонеса Таврического. Хорошо известны его исследования на хоре Ольвии. Особо следует отметить многолетние раскопки поселения Козырка-12, давшие в высшей степени важные результаты. Он принимал участие в работах на о-ве Березань, а такой счастливый удел выпадает на долю далеко не каждого археолога-антиковеда.

Исследования Евгения Рогова на Елизаветовском городище в дельте Дона — особая, очень яркая страница. Там он работал под руководством И. Б. Брашинского и К. К. Марченко, но именно Евгению Яковлевичу принадлежит главная заслуга в открытии греческой колонии на территории запустевшего варварского поселения. Он обнаружил остатки первого строительного комплекса, принадлежавшего греческим (вероятнее всего, боспорским) переселенцам. Не беда, что первоначально Женя интерпретировал эту постройку как античную усадьбу (по аналогии с усадьбами Панского), но последующие исследования показали всю грандиозность сделанного открытия (Марченко и др., 2000. С. 252–261).

С конца 1970-х гг. Е. Я. Рогов принимал самое активное участие в раскопках на юге Туркмении. Казалось бы, этот регион весьма далек от круга его основных научных интересов. Да и ездить туда ему приходилось, в том числе, и потому, что он работал в Лаборатории ЛОИА, во главе которой стоял А. Я. Щетенко (фигура весьма странная!), а тот изучал земледельческие культуры Древнего Востока и являлся руководителем парторганизации ЛОИА. Женя оказался для него бесценным помощником, что признавал и сам Анатолий Яковлевич (Щетенко, 2002). Постигнув приемы раскопок сырцовых построек, Евгений мастерски открывал памятники, о существовании которых не подозревали самые маститые археологи, трудившиеся в Туркмении.

В 1990-е гг. Е. Я. Рогов много работал под Керчью. Здесь он, как и некоторые другие петербургские исследователи, всё с большей и большей остротой ощущал свою «ненужность» в системе археологической науки Украины. Постепенно пришло убеждение, что перспектива дальнейшего развития античной полевой археологии ИИМК лежит в области изучения памятников Таманского полуострова. Евгений приложил немало усилий для того, чтобы открыть это новое для нашего Института направление. Трудные реалии жизни того времени — полное отсутствие финансирования полевых исследований, противодействие некоторых влиятельных коллег расширению в этом направлении работ петербургских ученых — делали задачу чрезвычайно сложной. Тем не менее работы на Тамани были начаты.

В 1996–1997 гг. Е. Я. Рогов провел исследования на поселении Волна-1 в составе совместной экспедиции Государственного Эрмитажа и



Рис. 2. 15 августа 1975 г. Тарханкутская археологическая экспедиция (Панское-I). За праздничным столом напротив Е. Я. Рогова сидят Д. С. Хмельницкий и С. Ю. Монахов (первый и второй справа)

Fig. 2. August 15, 1975. Tarkhankut archaeological expedition (Panskoe-I). D. S. Khmelnitsky and S. Yu. Monakhov (first and second from right) are sitting at the festive table opposite E. Ya. Rogov



Рис. 3. 1996 г. Тамань, поселение Волна-1. Слева от Е. Я. Рогова — Н. Ю. Лимберис, справа — М. Ю. Вахтина и И. И. Марченко

Fig. 3. 1996 Taman, Volna-1 settlement. To the left of E. Ya. Rogov — N. Yu. Limberis, to the right — M. Yu. Vakhtina and I. I. Marchenko



Рис. 4. Январь 1999 г. На приеме в Зале мира в ратуше г. Мюнстер (Германия) после коллоквиума «Греки и негреки в Северном Причерноморье». Слева — Ю. А. Виноградов и Й. Форназир. Фото С. В. Яблочкина

Fig. 4. January 1999. At a reception in the Hall of Peace in the town hall of Münster (Germany) after the colloquium “Greeks and Non-Greeks in the Northern Black Sea Region”. On the left — Yu. A. Vinogradov and J. Fornasier. Photo by S. V. Yablochkin



Рис. 5. 2001 г. Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург. Регистрация участников Международной научной конференции «Боспорский феномен». Слева — М. Ю. Вахтина и Н. Ф. Федосеев

Fig. 5. 2001. State Museum of the History of Religion, St. Petersburg. Registration of participants of the International Scientific Conference “Bosporan Phenomenon”. On the left — M. Yu. Vakhtina and N. F. Fedoseev



Рис. 6. Октябрь 2000 г. Празднование 50-летия Ю. А. Виноградова в ИИМК РАН. Е. Я. Рогов произносит тост
Fig. 6. October 2000. Celebrating the 50th anniversary of Yu. A. Vinogradov at the IHMC RAS. E. Ya. Rogov makes a toast

ИИМК, возглавляемой С. Л. Соловьевым (*Паромов*, 2021. С. 239). Здесь им был выбран участок для первого раскопа.

В следующем году на имя Евгения Яковлевича был получен открытый лист на разведки, которые он вел в этом районе совместно с Я. М. Паромовым, продолжая участвовать и в раскопках поселения. В 1998 г. Женя возглавил Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК, который приступил к раскопкам поселения Артющенко-2 (*Там же*. С. 239, 240). Через год к этим работам присоединилась группа ученых из Вестфальского университета (г. Мюнстер, Германия) под руководством профессора К. Штелера. Надо признать, что Евгений придавал большое значение развитию сотрудничества российских и немецких специалистов. Это пусть не очень продолжительное сотрудничество дало несомненный научный результат (*Vinogradov et. al.*, 2001).

После смерти Е. Я. Рогова Таманский отряд возглавил С. В. Кашаев. Тогда здесь был обнаружен интереснейший некрополь Артющенко-2. Женя всегда мечтал открыть на Тамани памятник подобного рода, но, к огромному сожалению, ему этого сделать не удалось. Тем не менее исследования этого памятника развиваются в традициях, заложенных Евгением Яковлевичем, и дают блестящий результат (*Кашаев*, 2019).

Е. Я. Рогов был увлечен развитием Таманского направления археологических исследований, ждал новых интересных открытий. Полевик-универсал, он любил говорить, что не существует неинтересных, бесперспективных памятников. Но сердце его, как нам кажется, всегда принадлежало Херсонесу. Он мечтал когда-нибудь вернуться к раскопкам на его хоре. И такая возможность ненадолго представилась. Е. Я. Рогов как известный специалист в этой области был приглашен принять участие в раскопках на Гераклеяском полуострове, проводимых в 1990-х гг. совместной экспедицией Института классической археологии Техасского университета (США) и Национальным заповедником «Херсонес Таврический». Евгений Яковлевич работал с американской группой, возглавляемой профессором Дж. Картером, высоко оценившим знания, опыт и интуицию российского археолога. Деньги, которые Женя зарабатывал у американцев, он тратил на раскопки поселения Артющенко-2.

Среди работ, написанных Е. Я. Роговым, статьи, посвященные античным памятникам Западного Крыма, составляют особую группу. Мы уже упоминали монографию «Некрополь Панское»,

в основу которой была положена его кандидатская диссертация. Это пример образцового, всестороннего исследования комплексов античного некрополя. Написанный им раздел коллективной монографии «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» является классической обобщающей работой, в которой проанализирован весь доступный в то время круг источников (*Рогов*, 2005).

Е. Я. Рогов обращался также и к вопросам развития Херсонесского полиса (*Рогов*, 1999). Его всегда очень интересовали «ключевые» погребальные комплексы Херсонеса, а также происходящие из них произведения античного искусства. Среди его работ такого рода особо отметим исследование, посвященные знаменитому подстенному склепу 1012, который он трактовал как захоронение жриц (*Рогов*, 2000; 2002). В числе последних публикаций Е. Я. Рогова о художественных античных изделиях — статья о золотых серьгах «роскошного» стиля (*Рогов*, 2001). Он собирался и в дальнейшем заниматься памятниками искусства Северного Причерноморья, как и другими, не менее интересными и важными вопросами истории и археологии региона. Но судьба, к несчастью, распорядилась иначе...

Евгений Яковлевич Рогов, один из талантливейших и ярчайших археологов нашего поколения, был необыкновенно светлым, ясным и добрым человеком. Он, безусловно, принадлежал к категории людей, которых можно назвать устроителями и созидателями жизни. В самых сложных ситуациях (а у него в жизни их было немало!) он сохранял присутствие духа, чувство юмора и установку на поиск выхода из любых коллизий. Трудно передать словами обаяние, исходившее от этого человека. Его могут оценить только имевшие счастье знать его лично. Предлагаемый вниманию читателей сборник — скромная дань памяти, любви и уважения нашему замечательному другу.

Время — вещь удивительная и таинственная. Казалось бы, мы достаточно давно расстались с Евгением, стали значительно старше, чем он. Но память хранит его черты, события жизни, эпизоды нашего общения — и значимые моменты, и рядовые случаи. Конечно же, перед мысленным взором легко предстают радостные часы, улыбки нашей юности... И хотя «года идут и счет не тешит», наши теплые чувства не остывают и благодарная память о Жене не тускнеет. Хочется надеяться, что пока мы живы, какая-то часть его души, его тепла будет с нами...

- Вахтина, Виноградов*, 2003 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Памяти друга // АВ. 2003. Вып. 10. С. 385–388.
- Вахтина, Виноградов*, 2005 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Памяти Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001) // *Stratum plus*. 2003–2004 (2005). № 3. С. 9–12.
- Вахтина и др.*, 2002 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Зуев В. Ю.* Евгений Яковлевич Рогов: Основные вехи биографии // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 / Ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 7–12.
- Виноградов*, 2021 — *Виноградов Ю. А. Е. Я.* Рогов, человек, которого забыть невозможно // БИ. Вып. XLIII. Керчь, Симферополь: Керченская городская типография, 2021. С. 3–16.
- Зинько*, 2011 — *Зинько В. Н.* Памяти старшего товарища и друга // *Рогов Е. Я.* Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011. С. 3.
- Зинько*, 2021 — *Зинько В. Н.* Вспоминая Евгения // БИ. Вып. XLIII. Керчь, Симферополь: Керченская городская типография, 2021. С. 17–21.
- Зуев*, 2002 — *Зуев В. Ю.* Памяти Евгения Яковлевича Рогова // РА. 2002. № 2. С. 183–185.
- Кашаев* 2019 — *Кашаев С. В.* Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V–II вв. до н. э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 230–253.
- Марченко и др.* 2000 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф, 2000 (*Pontus Septentrionalis II. Танаис 2*). 354 с.
- Паромов* 2021 — *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 3 (1992–2012 гг.) // БИ. Вып. XLI. Керчь, Симферополь: Керченская городская типография, 2021. С. 231–344.
- Щетенко*, 2002 — *Щетенко А. Я.* Вклад Е. Я. Рогова в исследование памятников эпохи бронзы на юге Туркменистана // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 / Ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 20–26
- Vinogradov et al.*, 2001 — *Vinogradov Ju. A., Rogov E. Ja., Stahler K., Fornasier J.* Archäologische Untersuchungen auf der Taman' — Halbinsel, Russland // *Eurasia Antiqua*. 2001. Band 7. S. 169–185.

Twenty years later. Remembering Evgeniy Yakovlevich Rogov (28.05.1951–15.07.2001)

M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov²

Keywords: E. Ya. Rogov, Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS, Panskoye-I, Kozyrka-12, Artyushchenko-2, Chersonesos.

This note is devoted to the memory of E. Ya. Rogov (1951–2001), one of the most remarkable and talented researchers of the Department of History of Classical Culture of IHMC RAS.

² Marina Yu. Vakhtina, Yuriy A. Vinogradov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vakhtina@rambler.ru; vincat2008@yandex.ru.

Библиография работ Е. Я. Рогова

Составитель Л. М. Всевиов

- 1974**
Погребения кочевников в курганах под Ново-черкасском // АО 1973. С. 110–111 (в соавторстве с Л. С. Клейном, А. Г. Калмыковым, А. И. Семёновым).
- 1975**
Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса // АО 1974. С. 375–376: ил. (в соавторстве с А. Н. Щегловым, А. М. Гилевич, В. В. Глазуновым, В. И. Кацем).
- 1976**
Работы на Тарханкутском полуострове // АО 1975. С. 409–410 (в соавторстве с А. Н. Щегловым, Т. В. Балт, М. Ю. Вахтиной, Г. В. Внучковым, В. И. Кацем).
- 1977**
Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: Тез. докл. Тбилиси: Мецниереба. С. 8–9 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградовым, В. А. Горончаровским).
- 1978**
Елизаветовское городище // АО 1977. С. 109–110 (в соавторстве с И. Б. Брашинским, К. К. Марченко, В. Г. Житниковым).
Тарханкутская экспедиция // Там же. С. 405–406 (в соавторстве с А. Н. Щегловым, Г. А. Внучковым, В. И. Кацем, А. П. Наумовым).
- 1979**
Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы 1-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 75–81 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградовым, В. А. Горончаровским).
Новый памятник эпохи бронзы в Южной Туркмении // АО 1978. С. 571 (в соавторстве с А. Я. Щетенко).
О населении равнинного Крыма в VII–V вв. до н. э. // Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н. э.): Материалы 2-го Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Тез. докл. Тбилиси: Мецниереба. С. 64–66.
- 1980**
Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. № 4. С. 155–161 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградовым).
Раскопки могильника Панское I // АО 1979. С. 328.
- 1981**
Сырцовые склепы могильника Панское I // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. Республиканской конф. молодых ученых / Отв. ред. В. Ф. Геннинг. Киев. С. 80–81.
- 1985**
Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Парутино. С. 86–88 (в соавторстве с А. Н. Щегловым).
Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. Вып. 182: Памятники античной археологии. С. 45–50: ил.

1986

Раскопки некрополя поселения Панское I // АО 1984. С. 297–298: ил.

1987

Новые раскопки могильника Панское I в Северо-Западном Крыму // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука. С. 213–214.

Раскопки поселения Панское I // АО 1985. С. 399–400: ил.

1988

Некрополь Панское I и его хронология // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. 3 / Отв. ред. Л. В. Павленко. Симферополь. С. 265–266.

Херсонесский некрополь и некрополь Панское I — опыт сопоставления // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.: Тез. докл. конф. Севастополь. С. 88–89.

1989

К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье: Чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. / Отв. ред. А. В. Гудкова. Одесса: Одесская охранный археологическая экспедиция. С. 16–17 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, К. К. Марченко).

К вопросу о реколонизации Нижнего Побужья IV в. до н. э.: по материалам поселения Козырка XII // Проблемы исследований античных городов: Тез. / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Институт археологии. С. 112–113 (в соавторстве с С. Л. Соловьёвым, Н. В. Головачевой).

О хронологии могильника Панское I // Там же. С. 102.

Сельские поселения классического периода Нижнего Побужья // История и археология Нижнего Подунавья: чтения памяти А. И. Доватура: Тез. докл. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. Г. Петренко. Рени: Ренийская тип. С. 51–52 (в соавторстве с К. К. Марченко).

1990

Амфоры некрополя Панское I // Античный мир и археология. Саратов. Вып. 7. С. 128–153: ил. (в соавторстве с С. Ю. Монаховым).

Греческие центры Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н. э.: к вопросу об эконо-

номических связях оседлого земледельческого общества и номадов: Тез. докл. V областного семинара / Отв. ред. В. П. Копылов. Старочеркасская; Ростов н/Д. С. 6–7 (в соавторстве с М. Ю. Вахтиной).

Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. №. 7. С. 128–153: ил. (в соавторстве с С. Ю. Монаховым).

1991

Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период) // КСИА. Вып. 204: Античный мир и варвары Евразии. С. 66–71: ил. (в соавторстве с Н. В. Головачевой, К. К. Марченко, С. Л. Соловьёвым).

Еще раз о характере событий первой трети III в. до н. э. в степной зоне Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье: II чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. / Отв. ред. А. Г. Загинайло. Одесса: Ред.-изд. отдел. Обл. управления по печати. С. 59 (в соавторстве с К. К. Марченко).

О некрополе Херсонеса V–IV вв. до н. э. // Проблемы истории Крыма. Вып. 2: Тез. докл. науч. конф. / Ред. Л. Н. Миронец. Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати. С. 103–105.

1992

О некрополе Херсонеса V–IV вв. до н. э. // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: Экономика, политика, культура / Ред. кол. Ю. Г. Виноградов и др. Севастополь: б. и. С. 38–39.

1993

Опыт палеодемографического анализа материалов некрополя Панское I // Древнее Причерноморье: Сб. тез. докл. конференций / Отв. ред. С. Б. Охотников. Одесса: Одесское управление по печати. С. 96–97.

1994

Арибаллические лекифы IV в. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. 7-й Международ. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского пед. ун-та. С. 43–46.

Исследования античных памятников Северного Причерноморья // Изучение древних культур и цивилизация: Материалы к пленуму (5–7 апреля 1994 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 33–37 (Археологические изыскания. Вып. 14) (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, А. С. Голенцовым, В. А. Горончаровским, К. К. Марченко).

Исследования на хоре Ольвии // АО 1993. С. 205.

Уникальные сооружения северного региона Ольвийской хоры — закономерность или случайность? // Ольвия-200: Тез. докл. междунар. конф. Николаев. С. 33–34 (в соавторстве с Н. В. Головачевой, К. К. Марченко).

1995

Оборонительные сооружения на сельских поселениях хоры Ольвии в позднеклассическое время // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 20). С. 42–44.

Раскопки архаического святилища на хоре Ольвии: Украина // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: Материалы пленума ИИМК (11–14 апреля 1995 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 54–55 (Археологические изыскания. Вып. 22) (в соавторстве с Н. В. Головачевой).

Раскопки сельских поселений хоры Ольвии // АО 1994. С. 331–332 (в соавторстве с Н. В. Головачевой).

1996

Два сельских поселения классического и эллинистического времени на хоре Ольвии // Древнее Причерноморье: III чтения памяти профессора П. О. Карышковского / Отв. ред. В. Н. Станко. Одесса: Астопринт. С. 90–91.

Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. № 1. С. 70–84: ил.

A propos du potentiel démographique des villes de la rive nord de la mer Noire // The Thracian world at the crossroads of civilizations / Ed. P. Roman. Bucharest: Vavila Publishing House. P. 380–381.

1997

Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Stratum+ПАВ / Под ред. М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградова. СПб.; Кишинёв. С. 66–72 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности. Азов. Вып. 5. С. 6–27 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, К. К. Марченко).

Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93–103 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, К. К. Марченко).

Сельские памятники окрестностей Гермонассы: поселение Волна I // АО 1996. С. 227–228

(в соавторстве с С. Л. Соловьёвым, А. М. Бутягиным, М. Ю. Вахтиной).

1998

Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н. э. в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / РАН. ИИМК. СПб. 22 с.

Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. Вып. 5. С. 159–175: ил. (в соавторстве с И. В. Тункиной).

Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры // РА. № 3. С. 99–110: ил., карт. (в соавторстве с Н. В. Головачевой, К. К. Марченко).

1999

Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. № 3. С. 116–144.

Укрепленные поселения Таманского полуострова // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: Материалы Междунар. науч. конф. / Науч. ред. и сост. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История. С. 153–157.

Южно-Таманская античная комплексная экспедиция // АО 1997. С. 190–192 (в соавторстве с С. Л. Соловьёвым, А. М. Бутягиным).

2000

Набор столярно-плотницких инструментов из раскопок здания V6 поселения Панское I // АВ. Вып. 7. С. 154–158: ил.

Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΣΤΙΤΙΑ: Памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя. С. 269–274.

Основные результаты работ Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции в 1999 г. // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа за 1999 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 15–17 (в соавторстве с Я. В. Доманским, Н. С. Бекетовой, К. К. Марченко, С. Г. Поповым).

Разведки в юго-западной части Таманского полуострова // АО 1998. С. 210.

Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе // Stratum plus. № 3. С. 88–97.

2001

Комплексы классического поселения Вышестеблиевской // 3-я Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Междунар. археологической конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар; Анапа. С. 156–161 (в соавторстве с С. В. Кашаевым, Й. Форназиром).

О месте производства феодосийских и херсонесских серёг роскошного стиля // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 66–73.

Общественный источник в юго-восточной части Херсонесского городища // Археология. № 4. С. 106–119: ил.

Основные результаты работ Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции в 2000 г. // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. С. 12–14: ил. (в соавторстве с Я. В. Доманским, Н. С. Бекетовой, К. К. Марченко, С. Г. Поповым).

Работы на юге Таманского полуострова // АО 1999. С. 163–165.

Работы Российско-Германского отряда на поселении Вышестеблиевская II // АО 2000 С. 139–141 (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Archäologische Untersuchungen auf der Taman'-Halbinsel, Rußland // Eurasia Antiqua. Bd. 7. S. 169–185: ill. (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, К. Штелером, Й. Форназиром).

Note on the rural temple on the northern edge of the archaic chora of Olbia // Colloquia Pontica. Vol. 6. P. 143–148: ill.

2002

Международный colloquium «Греки и не греки на северном берегу Черного моря» (Мюнстер, 15–16 января 2001 г.) // АВ. Вып. 9. С. 254–256 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым, С. В. Кашаевым).

Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 26–42: ил.

Сельский храм и зольник у поселения Козырка 11 на хоре Ольвии // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 41–44 (в соавторстве с Н. В. Головачевой).

Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма в IV в. до н. э. // АМА. Вып. 11. С. 14–153.

Чернолаковая керамика из раскопок поселения Вышестеблиевская 11 // АВ. Вып. 9. С. 124–135: ил. (в соавторстве с С. В. Кашаевым).

Metal objects. Stone objects. Ceramic objects. Glass objects. Bone objects // Panskoye I. Vol. 1 / Eds. L. Hannestad, V. F. Stolba, A. N. Ščeglov. Aarhus: Aarhus University Press. P. 252–279: ill.

2005

Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую

эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетейя. С. 137–210: ил., карт.

Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская 11 на юге Таманского полуострова // БИ. Вып. 8. С. 177–217: ил., карт. (в соавторстве с С. В. Кашевым, Й. Форназиром).

2011

Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины; Центр археологических исследований БФ «Деметра». (Материалы по археологии и этнографии Таврии; Supplementum 10). 216 с.: ил.

Литература о Е. Я. Рогове

Вахтина М. Ю. Попытка высветлить жизнь // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. С. 18–20.

Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Памяти друга // АВ. 2003. Вып. 10. С. 385–388.

Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Памяти Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001) // Stratum plus. 2003–2004 (2005). № 3. С. 9–12.

Виноградов Ю. А. Е. Я. Рогов, человек, которого забыть невозможно // БИ. Вып. XLIII. Керчь, Симферополь, 2021. С. 3–16.

Евгений Яковлевич Рогов: Основные вехи биографии / Сост. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. ... С. 7–12: портр.

Зинько В. Н. Памяти старшего товарища и друга // Рогов Е. Я. Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины; Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2011 (Материалы по археологии и этнографии Таврии; Supplementum 10). С. 3.

Зинько В. Н. Вспоминая Евгения // БИ. Вып. XLIII. Керчь, Симферополь: Керченская городская типография, 2021. С. 17–21.

Зуев В. Ю. Памяти Евгения Яковлевича Рогова // РА. 2002. № 2. С. 183–185: портр.

Христановский В. А. Отложенный тост // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1... С. 17–18.

Щетенко А. Я. Вклад Е. Я. Рогова в исследование памятников эпохи бронзы на юге Туркменистана // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1... С. 20–26: ил.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Килики VII в. до н. э. на Березани (по материалам раскопок в 2004–2018 гг.)

Ю. И. Ильина¹

Аннотация. Статья посвящена ранним образцам ионийских киликов с отогнутым краем из раскопок на Березани, проводимых экспедицией Государственного Эрмитажа в 2004–2018 гг. Чаши можно отнести к трем типам по классификации, которую разработал У. Шлотцхауер. Типы 5 и 8 известны ранее и соответствуют типам А-2 и А-1 по классификации Ф. Виллара и Ж. Валле. Тип 6, не имеющий соответствия в этой классификации и представленный единственным образцом, был выделен впервые.

Ключевые слова: Березань (Борисфен), килики с отогнутым краем ранних типов 5, 6, 8 по классификации У. Шлотцхауера.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-19-27

Ранние материалы из греческого поселения на о. Березань привлекали внимание исследователей с начала XX в., когда происходило их накопление. Значение этих находок для изучения проблем колонизации отмечал еще Э. Р. Штерн в своей статье, опубликованной в «Записках Императорского Одесского общества истории и древностей» (Штерн, 1900. С. 1–2). Первой работой, посвященной анализу всего раннего материала, был доклад, прочитанный Б. В. Фармаковским на Международном конгрессе историков в Лондоне в 1913 г., изданный с дополнениями и поправками (Фармаковский, 1914а). Вскоре Б. В. Фармаковский опубликовал статью, посвященную исключительно анализу керамики (Фармаковский, 1914б. С. 3–17). Эти работы заложили основы изучения ранних античных материалов из раскопок в Северном Причерноморье.

В 1960 г. В. М. Скуднава издала керамику из раскопок Э. Р. Штерна на Березани (Скуднава, 1960) и впервые систематизировала ее, следуя классификации и хронологии, разработанной В. Ширингом (Schiering, 1957). Эта публикация не утратила значения и сейчас, так как ввела в научный оборот очень важный материал.

В 1980-е гг. анализ ранней расписной керамики из раскопок на Березани и античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья был предпринят Л. В. Копейкиной (Копейкина, 1982. С. 6–35; 1986. С. 27–47). Эти исследования были основаны на значительных по объему материалах из раскопок на Березани, хранящихся в Государственном Эрмитаже, Археологическом музее в Одессе и Археологическом музее НАН Украины в Киеве. Работы Л. В. Копейкиной на протяжении длительного времени оставались для исследователей ионийской расписной керамики единственными обобщающими трудами, посвященными раннему материалу. Сейчас некоторые определения скорректированы, так как наши знания об ионийской керамике в результате продолжающихся археологических исследований в Милете и других греческих центрах Малой Азии значительно расширились, и старая классификация была уточнена и развита (Kerschner, Schlotzhauer, 2005. P. 25–47). Однако в этих исследованиях основное внимание было уделено расписной керамике; были учтены только единичные образцы ионийских киликов субгеометрического типа с изображением птиц. Со времени выхода этих работ количество образцов ионийских киликов ранних типов по сравнению с находками других групп расписной керамики значительно увеличилось. Это соотношение можно проследить на примере данных полевой документации, отражающих процесс

¹ Отдел античного мира, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: iouliailiyina@gmail.com.

исследований на участке «О-Западный»². Килики находят в большем количестве по сравнению с другими формами — ойнохоями и тарелками, которые входили в набор парадных сосудов, используемых в быту в раннеархаическую эпоху. В последние годы вышли две публикации материалов из раскопок В. В. Лапина, в которых ионийские килики представлены в значительном количестве (Буйских, 2016. 2019. С. 102–119). Были опубликованы диссертации, в которых детально разработаны хронология и типология ионийских киликов из раскопок в крупнейшем центре Малой Азии — Милете (Käufler, 2004; Kerschner, 1995; Schlotzhauer, 2001). Поэтому публикация киликов из раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа своевременна и позволит составить более полное представление об этой группе сосудов в первом греческом поселении на территории Северного Причерноморья.

Килики с чашей полусферической формы с росписью субгеометрического стиля уже привлекали внимание исследователей, однако килики с отогнутым краем ранних типов известны плохо. Поэтому в статье будут рассмотрены только килики этого типа, датировка которых не выходит за пределы VII в. до н. э. Они происходят из раскопок на Березани экспедиции Государственного Эрмитажа 2004–2018 гг. и особенно важны для представления о ранних киликах с отогнутым краем.

История изучения чаш этого типа уже длительная, накоплен большой материал. В середине XX в. была разработана типология Ф. Виллара и Ж. Валле (Villard, Vallet, 1955. Р. 15–20), которая долгие годы оставалась общепринятой. Однако новые материалы, полученные в ходе археологических исследований в разных районах Средиземноморья, привели к возникновению локальных типологий, которые не получили всеобщего признания. В главе, посвященной ионийским киликам, Р. М. Кук дал краткую и обобщающую классификацию и привел к соответствию типы, выделенные Ф. Вилларом, Ж. Валле и Дж. Хайсом (Cook, Dupont, 1998. Р. 129–131). Новая типология ионийских чаш была разработана У. Шлотцхауером с использованием всего доступного

материала, для датировок были использованы хорошо стратифицированные комплексы из недавних раскопок в Милете (Schlotzhauer, 2001). Типология Ф. Виллара и Ж. Валле не утратила своего значения в аспектах хронологии и последовательности развития форм киликов. Поэтому рассматриваемые нами чаши распределены по типам в соответствии с новой классификацией У. Шлотцхауера с указанием типов по классификации Ф. Виллара и Ж. Валле (Villard, Vallet, 1955). Килики VII в. до н. э. из раскопок на Березани можно отнести к трем типам, которые сосуществовали в одно время.

Тип 5/А-2. Килики, выделенные в тип 5, имеют следующие характеристики: глубокую чашу; невысокий отогнутый наружу венчик; ножку в виде невысокого кольцевого поддона; ручки горизонтальные, круглые в сечении; роспись простая из узких поясков и волны по краю, в зоне ручек помещен поясок в цвете глины. На всех киликах количество и ширина поясков по краю и в зоне ручек различны. Внутри типа они разделены на четыре варианта, которые различаются по профилю края, форме ножки и датируются 680/670–600/590 гг. до н. э. (Schlotzhauer, 2001. S. 94–97, 307). Ранее для киликов этого типа предлагали датировки от третьей четверти до конца VII в. до н. э. или последнюю четверть VII — первую четверть VI в. до н. э. (Cook, Dupont, 1998. Р. 130–131; Boardman, Hayes, 1966. Р. 113–114). Целый килик (рис. 1)³ дает представление о форме. Его принадлежность к типу 5,3 В не вызывает сомнения. Вариант типа 5,3 отличается от раннего 5,1 В менее массивной ножкой и округлым выступом на дне килика снаружи, профилем невысокого венчика, который имеет заостренный край и округлость по внешней стороне. Роспись килика состоит исключительно из поясков, что характерно для варианта «е». Следует отметить, что внутри вариантов типа все сосуды имеют небольшие различия в деталях пропорций и росписи. Килики типа 5,3 В представлены шестью целыми экземплярами: пять происходят из святилища Геры на Самосе, один — из святилища Афродиты в Милете. Они являются близкими аналогиями килику из раскопок на Березани (Schlotzhauer, 2001. Taf. 19, kat. 103; Taf. 20, kat. 106,

² Килики в полевых списках по комплексам учитывались по типам. За основу была взята типология форм для киликов Bird bowls and Rosset bowls, Ionian cups, использованная в книге: Cook, Dupont, 2003.

³ БЭ 2017.57/181. Здесь и далее приведены инвентарные номера, где БЭ означает Березань, Эрмитаж, далее указаны год раскопок и порядковый номер по описи.

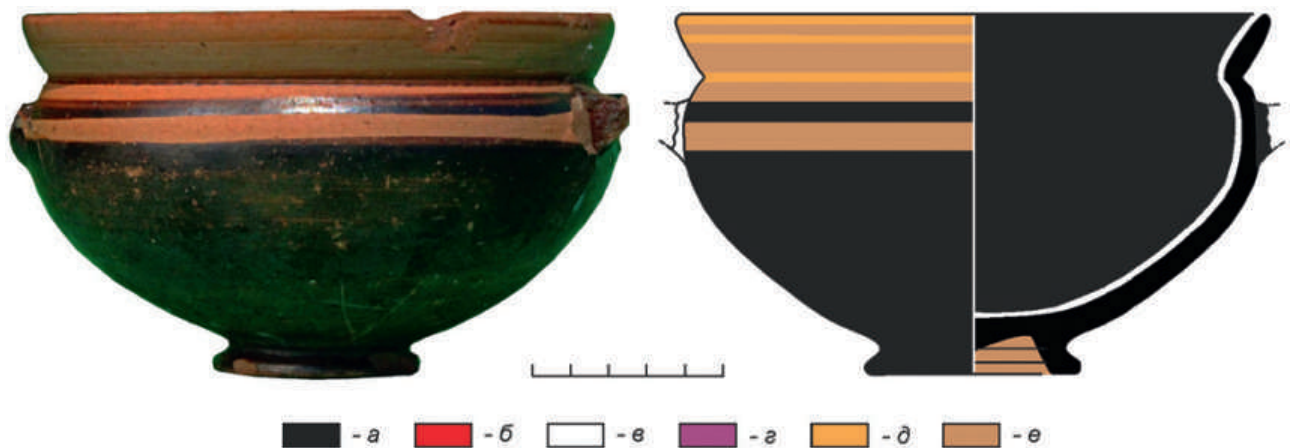


Рис. 1. Ионийский килик типа 5,3 В (БЭ 2017.57/181). Палитра для схем (рис. 1, 4–6): а, б — лаки: а — черный, б — красный; в–е — цвета: в — белый, г — пурпур, д — светло-коричневый, е — обожженная глина

Fig. 1. Ionian kylix of 5,3 B type (БЭ 2017.57/181). Palette for the schemes (Fig. 1, 4–6): а, б — glossed ware: а — black, б — red; в–е — colours: в — white, г — purple, д — light brown, е — baked clay

108; Taf. 21, kat. 109, 111, 112). Килики типа 5,3 В датируются 640/630–600/590 гг. до н. э. (*Ibid.* S. 307). Однако некоторые образцы из раскопок в Милете имеют более узкую датировку, которая опирается на контекст комплекса и не выходит за пределы VII в. до н. э. (*Ibid.* S. 501, kat. 102; 502, kat. 105; 503, kat. 109; 504, kat. 113).

К этому же типу относится и ножка килика, найденная в 2016 г. (рис. 2, 1)⁴. Фрагменты краев киликов представлены большим количеством образцов; фрагмент края и часть чаши с росписью по краю в виде пяти поясков и пояс в зоне ручек (рис. 2, б) и другие семь фрагментов края (рис. 2, 2–5, 7–9) (*Чистов и др.*, 2020. С. 98, табл. 50, 1). Еще три фрагмента были найдены в 2016 г., но не взяты на опись. Таким образом, в 2004–2018 гг. было выявлено 13 образцов киликов тип 5/А-2. В коллекции материалов из раскопок В. В. Лапина было выделено еще восемь фрагментов краев чаш этого типа (*Буйских*, 2016. С. 30–31, рис. 1, 1–8; 2019. С. 107–108, рис. 85, 4.2–4.9).

В Северном Причерноморье килики этого типа встречаются не очень часто. Самый ранний вариант 5,1 В из кургана в Оргаме датируется 650–630 гг. до н. э. (*Lungu*, 2000–2001. P. 173, 178, fig. 6). В Истрии найден один целый килик раннего типа 5,1 В (*Lambrino*, 1938. P. 83, fig. 50) и фрагмент края (*Dimitriu*, 1966. P. 82, № 281, pl. 16; *Alexandrescu*, 2005. P. 172, fig. 49). Таким образом, на Березани выявлено наибольшее количество таких чаш.

Тип 6. К редким образцам можно отнести фрагмент килика (БЭ 2016.45/264) (рис. 3). Килики этого типа имеют сравнительно толстые стенки; глубокую чашу, переход от края к чаше ясно выражен; край невысокий, почти вертикальный; чаши имеют невысокий кольцевой поддон с округлым выступом в центре; ручки горизонтальные, круглые в сечении; снаружи узкий пояс в зоне ручек оставлен в цвете глины; с внутренней стороны по краю также оставлен узкий пояс в цвете глины; остальная поверхность покрыта лаком.

В этот тип включены несколько вариантов, которые разделены на шесть подтипов, большинство которых изготовлялись на протяжении всего VII в. до н. э., и лишь поздний датируется VI в. до н. э., следовательно, период бытования можно определить как 680/670–580 гг. до н. э. (*Schlottzhauer*, 2001. S. 97–100, 315). Березанский килик не имеет ножки. Наиболее близкими его аналогиями являются килики из раскопок в Милете и из святилища Геры на Самосе, они относятся ко второму подтипу 6,2 и датируются 670/660–630/620 гг. до н. э. (*Ibid.* S. 99, abb. 17, taf. 23, 119). Для ранних вариантов этого типа характерны толстые стенки (около 4–5 мм). Как и у килика с Самоса, поверхность березанского экземпляра покрыта темным коричневым лаком, наложенным толстым слоем. Внутри по краю оставлена широкая полоса в цвете глины. Фрагменты киликов этого подтипа из раскопок в Милете имеют незначительные отличия в толщине стенок и ширине поясков в цвете глины снаружи и внутри (*Ibid.* Taf. 23, 120–121).

⁴ Она не была учтена в описи.

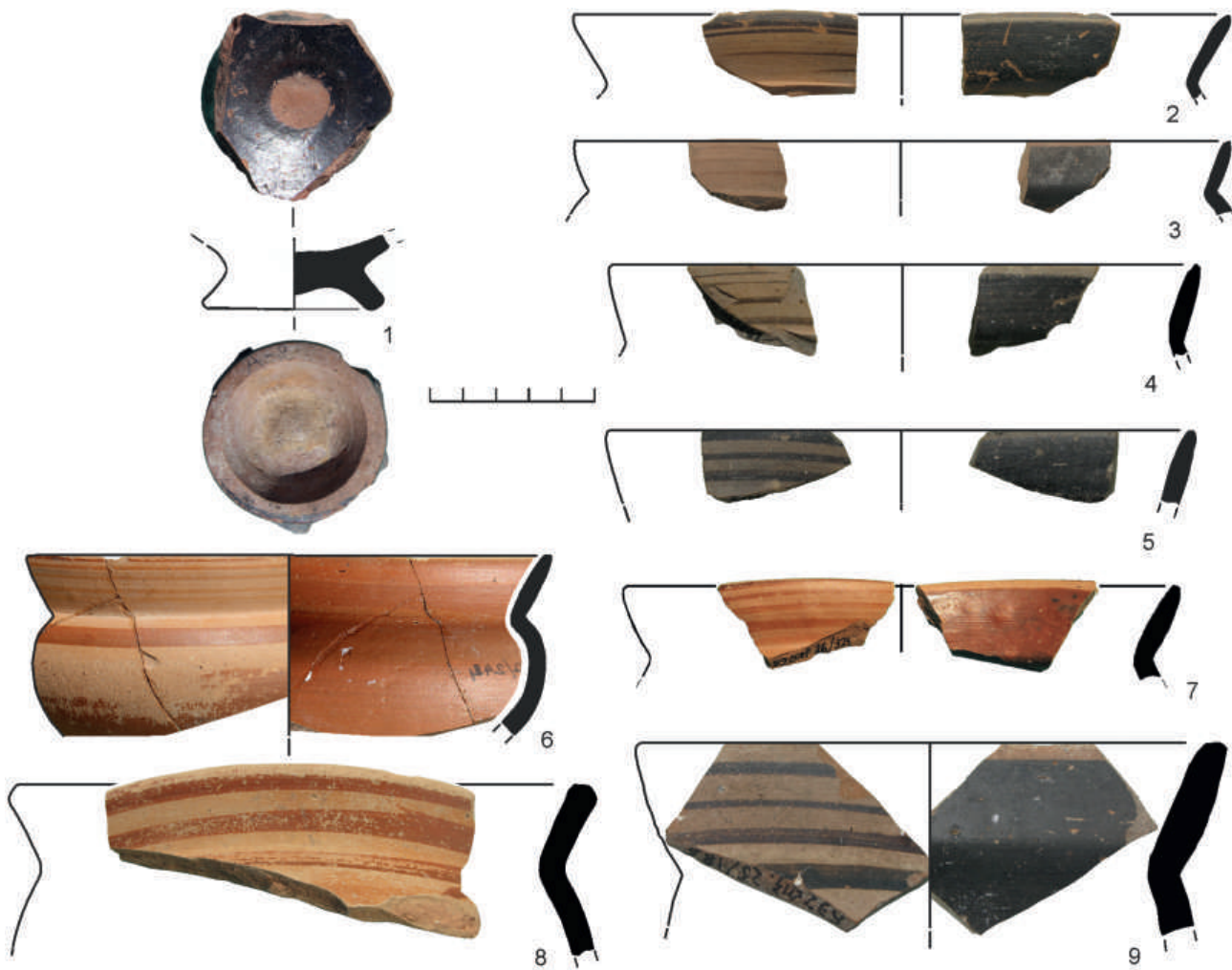


Рис. 2. Фрагменты киликов типа 5,3 В:

1 — ножка БЭ 2016. сп. 5; 2-5, 7 — фрагменты венчика: 2 — БЭ 2010.47/390, 3 — БЭ 2013.56/261, 4 — БЭ 2010.32/268, 5 — БЭ 2010.25/229, 7 — БЭ 2007.26/329; 6 — фрагмент верхней части, БЭ.2015.22/244; 8, 9 — фрагменты венчика: 8 — БЭ 2013.3/17, 9 — БЭ 2013.25/185

Fig. 2. Fragments of kylikes of 5,3 B type: 1 — stem БЭ 2016. сп. 5; 2-5, 7 — fragments of the rim: 2 — БЭ 2010.47/390, 3 — БЭ 2013.56/261, 4 — БЭ 2010.32/268, 5 — БЭ 2010.25/229, 7 — БЭ 2007.26/329; 6 — fragments of the upper body, БЭ.2015.22/244; 8, 9 — fragments of the rim: 8 — БЭ 2013.3/17, 9 — БЭ 2013.25/185



Рис. 3. Фрагмент килика типа 6,2 (БЭ 2016.45/264), фото и прорисовка-схема

Fig. 3. Fragment of a kylix of 6,2 type (БЭ 2016.45/264), photo and schematic redrawing



Рис. 4. Килик типа 8,1 В (Б.232), фото и прорисовка-схема

Fig. 4. Kylix of 8,1 B type (Б.232), photo and schematic redrawing

Датировка этого типа опирается на контекст слоев, из которых происходят сосуды. Наиболее показательны результаты последних раскопок в Милете и Эфесе (*Schlottzauer*, 2001. S. 308–315; *Kerschner*, 1997. S. 193). Находки из раскопок на Березани происходят из ямы № 243 первой половины VI в. до н. э. В комплексе находок представлены ножки киликов с субгеометрической росписью в виде птиц⁵. При исследовании святилища Артемиды в Эфесе килики типа 6 были найдены вместе с киликами с субгеометрической росписью (в виде птиц) и с другими ранними киликами типов 5 и 8 (*Kerschner*, 1997. S. 140–156).

Тип 8/A-1. Однако есть и более изящные образцы чаш, которые выделены в тип 8/A-1. Килики этого типа отличаются очень тонкими стенками и многоцветностью росписи. Снаружи

и внутри по краю и в средней части чаши помещены чередующиеся пояски, исполненные белой краской и пурпуром. Килики имеют невысокий отогнутый край, глубокую чашу и невысокую ножку в виде конуса. Очень тонкие стенки чаш влияют на сохранность найденных экземпляров. Целые формы обычно происходят из некрополей. Килики этого типа хорошо известны и представлены значительным количеством целых экземпляров (*Villard, Vallet*, 1955. Pl. IV, fig. A, B; *Gjerstad*, 1977. Pl. XVI, 1–3; *Jacopi*, 1931. P. 372, fig. 418). Килики датируются широко — в пределах VII в. до н. э. Выделено два варианта. Тип 8,1 В датируется 650/40–620/10 гг. до н. э., а тип 8,2 В — 660/650–600/590 гг. до н. э. (*Schlottzauer*, 2001. S. 327; *Kerschner*, 1997. S. 132, 152, 168). Эти изящные тонкостенные килики также известны на Березани и представлены несколькими образцами. Большинство находок можно отнести к типу 8,1 В. Наиболее полное представление

⁵ БЭ 2016.45/262 и БЭ 2016.45/263.

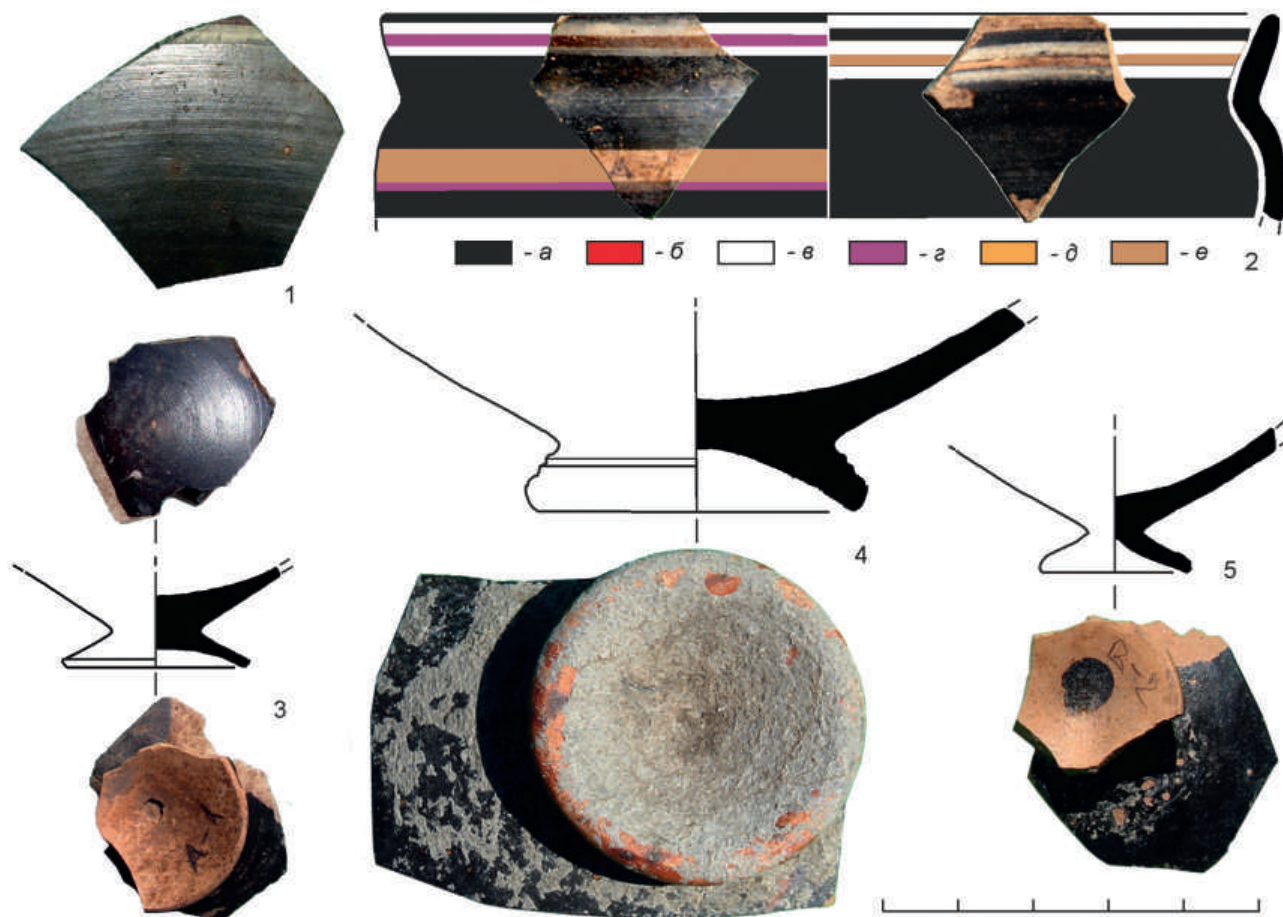


Рис. 5. Фрагменты киликов типа 8,1 В: 1 — БЭ 2007.24/243; 2 — БЭ 2016 сп. 55; 3 — БЭ 2016 сп.39; 4 — БЭ 2017 сп.14; 5 — БЭ 2017 сп.51

Fig. 5. Fragments of kyliks of 8,1 B type: 1 — БЭ 2007.24/243; 2 — БЭ 2016 сп. 55; 3 — БЭ 2016 сп.39; 4 — БЭ 2017 сп.14; 5 — БЭ 2017 сп.51

о форме и росписи дает почти целый килик из раскопок Э. Р. Штерна в 1904 г. (рис. 4). Этот интересный образец до сих пор не был опубликован. К этому же типу относятся и фрагменты стенки с частью пояска (рис. 5, 1) и края (рис. 5, 2). К нему можно отнести и три ножки киликов, которые имеют характерную коническую форму (рис. 5, 3–5).

Большой интерес представляют находки двух киликов, сохранность которых позволят наиболее полно представить их форму и декор. Они происходят из хозяйственных ям, относящихся к периоду 1: концу VII — первой половине VI в. до н. э. Один из них (рис. 6, 1) (Чистов и др., 2012. С. 31, табл. 25, 1) отличается хорошим качеством исполнения. Формы края и чаши типичны для типа 8,1 В, но экземпляр имеет ножку, форма которой совершенно нехарактерна. Она находит аналогии среди киликов типа 9,1 С / А-2 (Villard, Vallet, 1955.

Р. 19, fig. 3; Schlotzhauer, 2001. S. 330, taf. 31, № 177). Другой килик (БЭ 2009.15/149) (рис. 6, 2) (Чистов и др., 2012. С. 31, табл. 25, 2) расписан менее тщательно, лак наложен грубо, пояски исполнены не очень аккуратно. Форма и система росписи не отличаются от типичных образцов типа 8,1 В. По декору все рассмотренные килики этого типа относятся к варианту а_у, для которого характерна схема чередования поясков: белой краской — пурпуром — белой краской. Такое чередование поясков характерно для росписи киликов этого типа (Schlotzhauer, 2001. S. 319; Cook, Dupont, 1998. P. 129–131).

Таким образом, материалы из раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа на Березани дают возможность составить более полное представление о ранних киликах с отогнутым краем. Выделены два типа — 6 и 8/А-1, которые не представлены в материалах раскопок В. В. Лапина.



Рис. 6. Килики типа 8, В: 1 — БЭ 2006.45/423; 2 — БЭ 2009.15/149, фото и прорисовки-схемы

Fig. 6. kylikes of 8, B type. 1 — БЭ 2006.45/423; 2 — БЭ 2009.15/149, photo and schematic redrawings

Килики типов 5/A-2, 6 и 8/A-1 в основном происходят из комплексов и слоев, относящихся к первому периоду (концу VII — первой половине VI в. до н. э.). Сочетание этих типов в одном комплексе хорошо известно по материалам раскопок в Эфесе и Милете (Kerschner, 1997. S. 140–155, taf. XI; Schlottzhauer, 2001. S. 319, 356–357). По сравнению

с киликами с полусферической чашей, украшенными субгеометрическим изображением птицы, их число очень невелико. Изучение этой категории находок позволяет более ясно представить количество керамики, поступавшей в VII в. до н. э. на Березань, а также определять центры ее производства.

Буйских, 2016 — Буйских А. В. Ионийские килики из Борисфена // Колекції наукових фондів інституту археології НАН України. Проблеми та відкриття. Археологія і давня історія України. Київ: ІА НАН України, 2016. Вип. 1(18). С. 29–42.

Буйских, 2019 — Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев: ИА НАН Украины, 2019. 392 с., 181 ил.

Копейкина, 1982 — Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения // Художественные изделия античных мастеров: Сб. ст. / Науч. ред. С. П. Борисовская. Л.: Искусство, ЛО, 1982. С. 6–35.

Копейкина, 1986 — Копейкина Л. В. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСГЭ. Л.: Искусство, ЛО, 1986. Вып. 27. С. 27–47.

Скуднова, 1960 — Скуднова В. М. Родосская керамика с о. Березани // СА. 1960. № 2. С. 153–167.

Фармаковский, 1914а — Фармаковский Б. В. Архаический период в России // Материалы по археологии России. Пг.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1914. № 34. С. 15–78.

Фармаковский, 1914б — Фармаковский Б. В. Милетские вазы из России. М.: Тип. Г. Лисснера и

- Д. Собко, 1914 (Древности. Тр. ИМАО; Т. 25). 17 с., 6 л. ил.
- Чистов и др., 2012 — Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг.: Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. Т. 2. 297 с.
- Чистов и др., 2020 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е. Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов: Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2020 (Археология в Эрмитаже; Т. 1). Т. 3. 436 с.
- Штерн, 1900 — Штерн Э. Р. Значение керамических находок на юге России для выявления культурной истории Черноморской колонизации // ЗООИД. 1900. Вып. 22. С. 1–21.
- Alexandrescu, 2005 — Alexandrescu P. La Zone Sacrée d' époque grecque (fouilles 1915–1989). Bucaresti: Editura Academiei Române, 2005 (Histria; Vol. VII). 551 p.
- Boardman, Hayes, 1966 — Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits I // BSA. 1966. Suppl. Vol. 4. Pp. v + 170, 105 pls., 80 figs.
- Cook, Dupont, 1998 — Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. London; New York: Routledge, 2003. P. 226.
- Dimitriu, 1966 — Dimitriu S. Cartierul de locuinte din zona de vest a cetății, on epoca arhaică // Histria. Bucuresti, 1966. Vol. II. P. 19–131.
- Gjerstad, 1977 — Gjerstad E. Pottery from various part of Cyprus // Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus. Stockholm: Swedish Institute in Athens, 1977. P. 23–60.
- Jacopi, 1931 — Jacopi G. Esplorazione archeologica di Camiro. I: Scavi nelle necropoli Camiresi 1929–1930. Bergamo: Istituto storico-archeologico di Rodi, 1931 (Clara Rhodos; Vol. 4). P. 7–376.
- Käufler, 2004 — Käufler S. Die archaische Kannen von Milet. Diss. Ruhr-Universität Bochum. Available at: <http://www-brs.ub.rhr-uni-bochum.de/netathtml/HSS/Diss/KaeuflerSterffen/diss.pdf>. (accessed 03.11.2021).
- Kerschner, 1995 — Kerschner M. Die ostgriechischen Vogenschalen und Verwandtes. Studien zu Chronologie und Verbreitung der ostgriechischen Keramik. Diss. Ruhr-Universität Bochum. 1995. Ruhr-Universität Bochum.
- Kerschner, 1997 — Kerschner M. Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jhs v. Chr. Aus dem Artemision von Ephesos // JÖAI. Wien, 1997. Bd. 66. S. 86–225.
- Kerschner, Schlotzhauer, 2005 — Kerschner M. and Schlotzhauer U. A new classification system for East Greek pottery // Ancient West and East. Leiden; Boston: Brill, 2005. Vol. 4, no. 1. P. 1–56.
- Lambrino, 1938 — Lambrino M. Les Vases Archaiques d'Histria. Bucarest: Fundația Regele Carol I, 1938. 375 p.
- Lungu, 2000–2001 — Lungu V. La Tombe d' un "HPΩΣ et l' Organisation de la Nécropole d' une Cité Melésienne du Pont Euxin: le Tumulus T-A95 d' Orgamé // Talanta XXXII–XXXIII: Proceedings of the Dutch Archaeological and Historical Society. 2000–2001. Vol. XXXII–XXXIII. P. 171–188.
- Schiering, 1957 — Schiering W. Werkstätten orientalisierender Keramik auf Rhodos. Berlin: Gebr. Mann, 1957. 151 S.
- Schlotzhauer, 2001 — Schlotzhauer U. Die Südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische // Untersuchung zu de sog. Ionischen Schalen in Milet. Diss. Ruhr-Universität Bochum [Electronic resource]. Available at: www-brs.ub.rhr-uni-bochum.de/netathtml/HSS/Diss/SchlotzhauerUdo/diss.pdf. (accessed 22.12.2021).
- Villard, Vallet, 1955 — Villard M. F., Vallet G. Megara Hyblaea, V: Lampes du VIIe siècle et chronologie des coupes ioniennes // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Roma, 1955. Vol. 67. P. 7–34.

Kylikes of the 7th cen. BC on Berezan (after the materials of excavations in 2004–2018)

Yu. I. Il'yina⁶

Keywords: Berezan (Borysthenes), Ionian cups; types 5, 6, 8 after U. Schlotzhauer, 2001.

The archaeological expedition of the State Hermitage Museum has been working for many years on Berezan Island. Finds of Ionian ware from one of the earliest Greek settlements in the Northern Black Sea littoral are

⁶ Yuliya I. Il'yina — Department of the Ancient World, State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: iouliaiilyina@gmail.com.

of importance for studies of the process of colonization, trade contacts, manufacturing centres and styles of pottery. A special attention was paid to these materials since the beginning of the 20th cen. when their first findings became a subject of scrupulous studies. B. V. Farmakovskiy and E. R. Stern laid the foundations to investigation of the Ionian ware from the Northern Black Sea region. The first publication of Ionian pottery from excavations by E. R. Stern in 1904–1909 and 1913 was made by V. M. Skudnova and it introduced this important material into the scientific consideration. In her classification and dating, the researcher was basing on the system proposed by W. Schiering. In the 1980s, an analysis of the early painted ware from excavations on Berezan and at ancient settlements on the Lower Bug and Dnieper region was undertaken by L. V. Kopeykina on the basis of considerable volumes of the materials from Berezan excavations kept in a number of museums. These studies for a long time remained a single corpus of the early evidence for researchers of the Ionian painted ware. Now some definitions are corrected since our knowledge of the Ionian pottery has been considerably expanded in the course of archaeological investigations in Miletus and other Greek centres in Asia Minor and the previous classification has been made more advanced and precise. However, these studies were concerned mostly with painted ware while attention was paid only to single examples of Ionian kylikes of the subgeometric type with bird representations. Meanwhile, the Ionian kylikes constitute the most numerous and diverse material numbering by hundreds of items of different state of preservation. The kylikes from Berezan with the subgeometric painting representing birds have already been published. The present article is devoted to early examples of kylikes with an outturned rim which still have not been studied in detail. From the total number of the examples of this type only those examples are chosen which can be dated to within the 7th cent. BC (Fig. 1–6). They belong to three types after the classification developed by U. Schlotzhauer. Types 5 and 8 had been already known corresponding to types A-2 and A-1 according to the classification by F. Villard and G. Vallet. Type 6, having no correspondence to the classification by F. Villard and G. Vallet, was first identified and is represented by a single example. The finds from excavations of the State Hermitage Museum are more diverse in their types as compared with those from excavations by V. V. Lapin. Kylikes with an outturned rim are found in considerably less numbers than the early ones with a bowl of a hemispherical shape.

О системе обороны поселения Голубицкая 2¹

Д. В. Журавлев, А. В. Батасова, У. Шлотцауер²

Аннотация. Статья посвящена исследованию оборонительного рва на поселении Голубицкая 2 на Таманском полуострове. Ров был сооружен вскоре после основания поселения, во второй четверти VI в. до н. э. Уже в последней четверти столетия были проведены работы по его ремонту. Со временем ров утратил свое значение и в III в. до н. э. был засыпан. Существование оборонительных сооружений на самом раннем этапе греческого присутствия в регионе однозначно свидетельствует о том, что никакой «мирной» колонизации не было.

Ключевые слова: Таманский полуостров, греческая колонизация, фортификация, оборонительный ров, вал.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-28-43

Одним из наиболее ранних земляных оборонительных сооружений, не только на Таманском полуострове, но и в Северном Причерноморье, является фортификационная система поселения Голубицкая 2, представленная в виде рва и остатков вала. Данные оборонительные сооружения были открыты в ходе работ Боспорской археологической экспедиции Государственного исторического музея и Евразийского отдела Германского археологического института. Долгое время эта система обороны была неизвестна, поскольку никаких ее следов на современной дневной поверхности не сохранилось. В 2006 г., благодаря геофизическим исследованиям, проведенным специалистами из университета г. Киль (Германия) под руководством Х. Штюдпеля, был выявлен полукруглый контур

рва³, окружавшего поселение с восточной, не защищенной водой стороны (рис. 1). Ров сегментом круга ограничивал поселение площадью 6,7 га. Северный и южный концы рва переходят в небольшие балочки, уходящие в обрыв к современному Ахтанизовскому лиману (в древности — пролив Боспор Кубанский). Для исследования рва и прилегающей к нему территории в 2007–2010 гг. работы велись на раскопе 1, а в 2010, 2014–2019 гг. — на раскопе 4.

Линия рва весьма плавная по всему периметру, лишь в центральной части городища она имеет небольшой уступ. Первоначально, до проведения раскопок, мы предполагали, что в этом месте был въезд на городище, однако при исследованиях на раскопе 4 прямых доказательств этого получено не было. Поэтому вопрос о назначении этого поворота линии рва, явно сделанного неслучайно, пока остается открытым.

¹ А. В. Батасова выполняла работу в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Журавлев Д. В. — Отдел археологических памятников, Государственный исторический музей; Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: denzhuravlev@mail.ru. Батасова А. В. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: batasova.angela@gmail.com. Шлотцауер У. — Евразийский отдел, Германский археологический институт; Im Dol 2, 14195, Berlin, Deutschland; e-mail: udo.schlotzhauer@dainst.de

³ Аналогичная система зафиксирована и на поселении Стрелка 2, работы на котором также велись Боспорской археологической экспедицией. Здесь, как и на памятнике Голубицкая 2, была выявлена линия рва и вала, полукругом окружавших поселение. Остальная часть поселения была надежно защищена высокими обрывистыми склонами, выходящими на пролив Боспор Кубанский. На этом памятнике вал сохранился значительно лучше, до 3 м в высоту, и хорошо заметен даже сегодня. Перед ним располагался ров шириной до 8 м и глубиной до 4 м от основания вала. Время возведения этой оборонительной системы — не позднее конца VI в. до н. э. (Журавлев и др., 2016. С. 80).

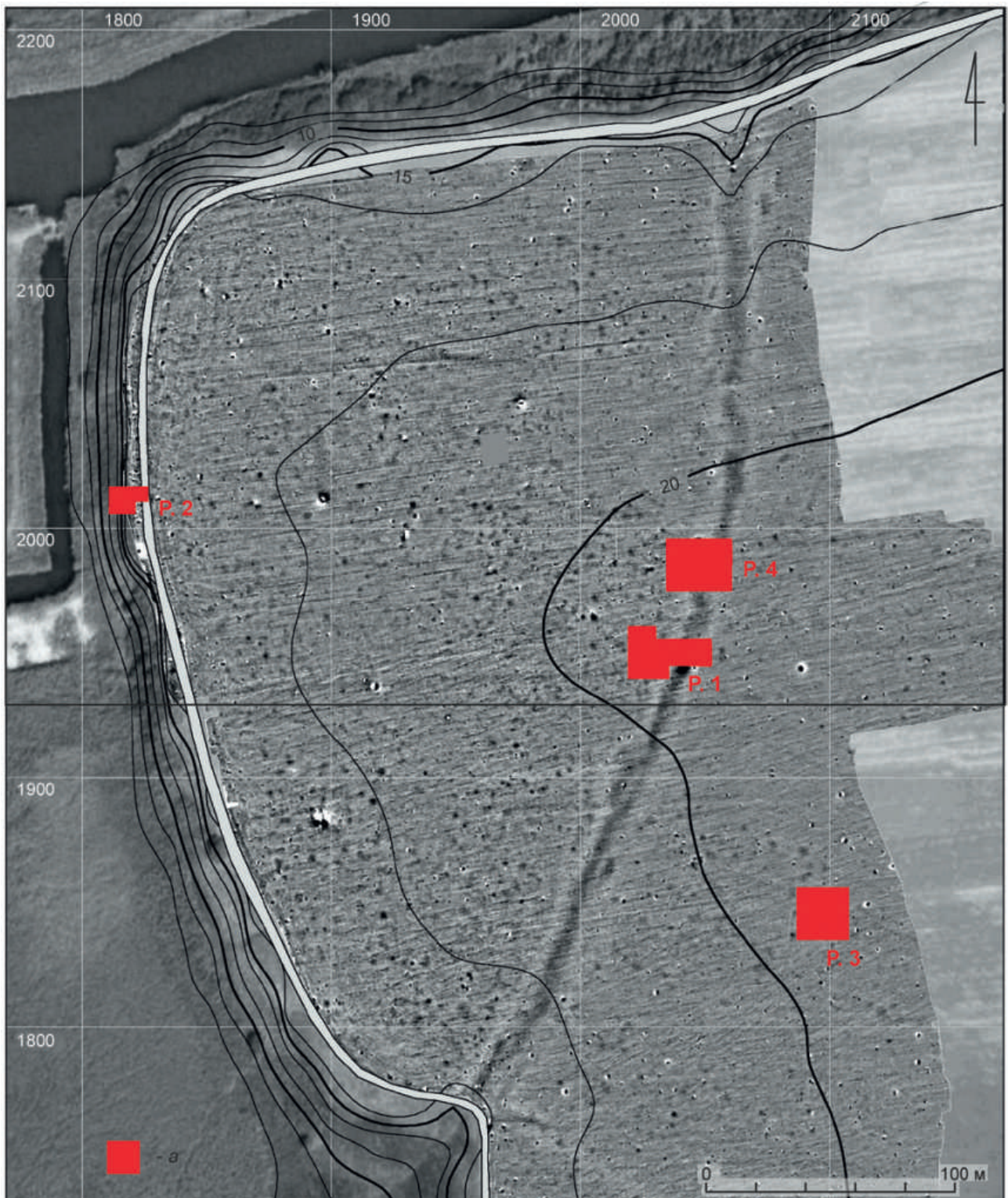


Рис. 1. Поселение Голубицкая 2. Контуры оборонительного рва, выявленные в результате геомагнитного исследования (*a* — раскопы разных лет). Магнитная разведка — Х. Штюмпель, компьютерные работы — А. Кай-Браун, А. В. Батасова

Fig. 1. Site of Golubitskaya 2. Outlines of the defensive ditch revealed by geomagnetic investigations (*a* — trenches of different years). Magnetic survey by H. Stümpel, computer processing by Kai-Browne and A. V. Batasova

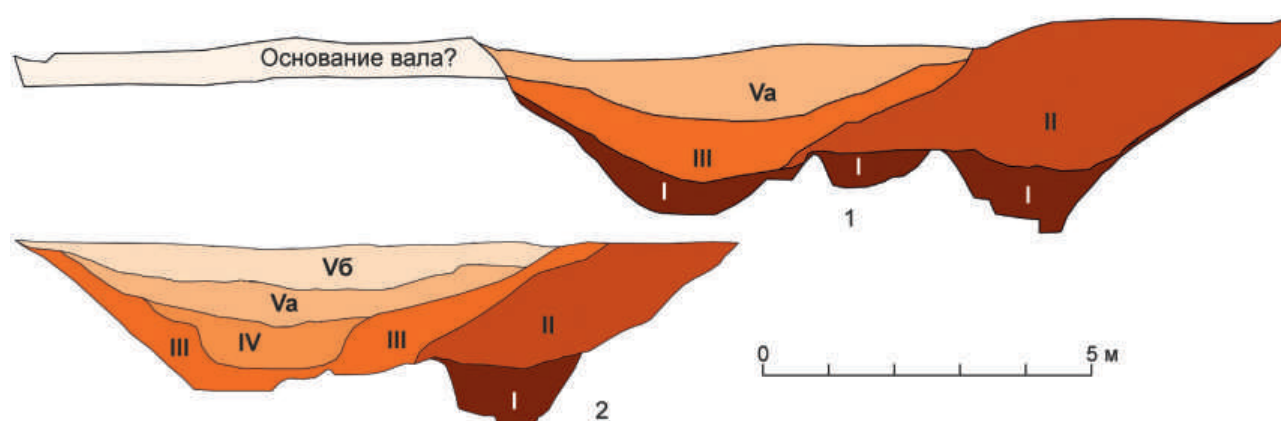


Рис. 2. Поселение Голубицкая 2. Разрезы оборонительного рва: 1 — раскоп 1; 2 — раскоп 4 (чертежи И. Е. Зайцевой, А. В. Батасовой). Фазы бытования рва: I — вторая–третья четверть VI в. до н. э.; II — последняя четверть VI в. до н. э.; III — вторая–третья четверти V в. до н. э.; IV — V–IV вв. до н. э.; Va — конец IV — III в. до н. э.; V6 — вторая половина (третья четверть?) III вв. до н. э. (слой разрушения поселения в пожаре)

Fig. 2. Site of Golubitskaya 2. Sections of the defensive ditch: 1 — trench 1; 2 — trench 4 (drawings by I. E. Zaytseva, A. V. Batasova). Phases of the use of the ditch: I — second–third quarters of the 6th cen. BC; II — last quarter of the 6th cen. BC; III — second–third quarters of the 5th cen. BC; IV — 5th–4th cen. BC; Va — late 4th – 3rd cen.; V6 — second half (third quarter?) of the 3rd cen. BC (layer of the destruction of the settlement in the fire)

Конструкция оборонительного рва

Зафиксированная магнитной разведкой общая длина линии рва равна примерно 420 м. Ширина рва по верхней кромке в разных местах составляла 9,50–10,65 (раскоп 1) и 10,5–11,0 м (раскоп 4), глубина — 2,3–2,8 м. Эскарп был вырезан в материковой глине-белоглазке под углом около 40°, более крутой контрэскарп — под углом около 30° (Журавлев и др., 2019. С. 183, 184).

Ров изначально имел клиновидную форму, но при его сооружении на дне в материковой глине была создана сложная рельефная конструкция, имеющая некоторые различия на двух раскопах (рис. 2; 3). В общих чертах на обоих раскопах она представляет собой материковый выступ, по обе стороны от которого устроены канавки. Различия заключаются в конфигурации материкового останца и степени выраженности и заглубленности канавок.

В раскопе 1 (рис. 2, 1; 3, 1) конструкция дна рва представляет собой трапециевидный в разрезе глиняный материковый выступ, шириной по верху 2,1–2,3 м, по низу — 3,5–3,8 м, расположенный на расстоянии 0,40–0,52 м к западу от основания контрэскарпа, с которым она образует углубление клиновидной формы (канавку) шириной в верхней части 1,3–1,4 м, глубиной 0,7–0,9 м (Журавлев и др., 2019. С. 184).

Верх материкового останца имеет сложную конфигурацию. В восточной части сверху

конструкция завершается выступом шириной 0,42–0,46 м, имеющим подтреугольное завершение (рис. 3, 1). С западной стороны конструкция также обрамлена выступом, ширина которого варьирует от 0,56 до 0,83 м. Если в северной части участка эта приступка имеет горизонтальную поверхность, то в центральной и южной частях она представляет собой два валикообразных выступа с горизонтальной площадкой между ними шириной около 1,1 м (Там же. С. 184).

На раскопе 4 (рис. 3, 2), где прослежен крутой поворот линии рва, эта конструкция выполнена немного проще и представляет собой две параллельные канавы, разделенные материковым останцем. Канавка у западного края рва (№ 1) неглубокая, ее дно находится на глубине 2,2–2,3 м от верхнего края рва. Дно существенно сужается в направлении от юго-востока (2,12 м) к северо-западу (1,13 м). Восточный склон канавы пологий, плавно поднимается к верху материкового останца. Восточная канавка (№ 2) более узкая и глубже западной на 0,2–0,5 м. У южного борта ее ширина составляет 1,2 м, в месте поворота рва сужается до 0,7 м. Примерно с 5 м от южного края траншеи восточная канавка разделяется перемычкой на два узких желоба. Желоб, проходящий вдоль контрэскарпа, глубже. Разница в глубине желобов в месте поворота рва — до 0,4 м. Материковый останец расположен примерно посередине рва в соответствии с его направлением.



Рис. 3. Поселение Голубицкая 2. Оборонительный ров: 1 — раскоп 1 (фото Д. В. Журавлева); 2 — раскоп 4 (фото А. В. Батасовой, Д. В. Журавлева)

Fig. 3. Site of Golubitskaya 2. Defensive ditch: 1 — trench 1 (photo by D. V. Zhuravlev); 2 — trench 4 (photo by A. V. Batasova, D. V. Zhuravlev)

На глубине 1,94 м от верха рва, у юго-восточного борта, он представляет собой возвышение с крутым склоном, образующим стенку восточной канавы, и более пологим — западной канавы. Ширина останца по верхней кромке составляет 0,5 м. Останец имеет трапециевидную форму, на некоторых участках снабжен дополнительными валиками-выступами. Изменчивость его формы может быть объяснена тем, что некоторые участки останца были скрыты в ходе перестроек рва. Несмотря на некоторые различия в деталях, общая система конструкций на обоих раскопах очень близка (*Там же*. С. 184).

Наиболее вероятным на сегодняшний день выглядит объяснение, что эта конструкция использовалась в дренажных целях, для отвода излишков воды во рву.

Конструкции различной конфигурации на дне рва известны на Узунларском валу в районе въезда (*Супренков*, 2018. С. 243). Некоторые параллели с конструкцией земляных укреплений поселения Голубицкая 2 имеет и ров четвертой линии обороны на Старокорсунском городище № 2 (*Лимберис, Марченко*, 2009. С. 218–220, рис. 4, 2), относящийся ко второй половине IV в. до н. э. Канавки для стока воды были открыты на дне рва IV в. до н. э. на Елизаветовском городище (*Марченко и др.*, 2000. С. 82, табл. 7, рис. 15). При исследовании позднеэллинистического рва Танаиса на его дне также были открыты канавки, но они имели совсем иное назначение и являлись фундаментом для протейхизмы (*Ильяшенко и др.*, 2016. С. 180, 181, 184, 185, рис. 12; 18).

Стратиграфия заполнения рва и датировка материала из его заполнения

Нижний слой засыпи рва (фаза I) представляет собой коричневатый суглинок с включениями прокаленного сырца, заполняющий пространство между контрэскарпом рва и восточной стенкой материковой конструкции на дне рва (рис. 2). Его мощность составляет 0,60–0,95 м (раскоп 4). Находки здесь немногочисленны и не выходят за пределы VI в. до н. э.⁴ При этом интересно отметить, что многие фрагменты сосудов достаточно крупные, что косвенно говорит об их попадании в слой засыпи одновременно, а не постепенно

в ходе бытования рва. Наиболее примечательна обнаруженная в раскопе 1 практически целая лесбосская красноглиняная амфора (рис. 4, 1), типа I-B по С. Ю. Монахову или типа 2 по Ю. Бирзеску, второй половины VI в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 48, табл. 30; *Birzescu*, 2012. S. 37–38, abb. 10, taf. 17, 345), а также фрагмент восточногреческой чаши (рис. 5, 7) и часть ольпы (рис. 5, 9). В горизонте реконструкции рва в раскопе 4 найдена однотипная фрагментированная красноглиняная лесбосская амфора (рис. 4, 2), также относящаяся ко второй половине VI в. до н. э.

Очень показательны массовые находки восточногреческой керамики из заполнения рва, в рамках этой статьи отметим лишь некоторые экземпляры. Среди них фрагменты североионийских тарелок NiA I (рис. 5, 1) 600–550 гг. до н. э. (ср.: *Boardman, Hayes*, 1966. P. 50, no. 635, pl. 35, 635; *Alexandrescu*, 1978. P. 24, 25, 27, 50, no. 127, pl. 12, 127; *Cook, Dupont*, 2003. P. 53) или NiA II (рис. 5, 2), относящиеся к 580–550 гг. до н. э. (ср.: *Alexandrescu*, 2005. P. 24, 25, 27, 336, C33, pl. 57, C33; *Cook, Dupont*, 2003. P. 53). К раннему материалу относится фрагмент североионийской Rosette Bowl, NiA I (рис. 5, 3), с широкой датировкой — 620–550 гг. до н. э. (ср.: *Cook, Dupont*, 2003. P. 26, 27), и обломок амфоры NiA I (рис. 5, 4), датированной 620–580 гг. до н. э., местом производства которой в равной степени может быть Северная Иония или Геллеспонт (ср.: *Boardman, Hayes*, 1966. P. 46–47, no. 580, 582, pl. 28, 580–582; *Cook, Dupont*, 2003. P. 26, 27; *Kerschner*, 2006. S. 140, 141, Taf. 12; 152, Abb. 25).

К столь же раннему времени относятся североионийская миска NiA I? (рис. 5, 5) (620–580 гг. до н. э.) (ср.: *Kalaitzoglou*, 2008. S. 154, 394, Nr. 391–392, Taf. 75, 391, 392) и чаша с отогнутым венчиком HeIA (рис. 5, 7), изготовленная на Геллеспонте в 600–580 гг. до н. э. Широко датируется североионийский фрагмент так называемой Lotus Bowl (рис. 5, 8) NiA I (610–550 гг. до н. э.) (ср.: *Alexandrescu*, 1978. P. 27, 60, 61, no. 234–236, pl. 21, 234; *Cook, Dupont*, 2003. P. 27, 28).

Не менее интересной представляется находка восточногреческой ольпы (banded ware), изготовленной в северной или южной Ионии (рис. 5, 9) и датирующейся 610–580 гг. до н. э. (*Alexandrescu*, 1978. P. 27, 101, 102, no. 664; *Kalaitzoglou*, 2008. S. 174, 175, Typus 1; 402, Nr. 448; 450, 451, Add. 88, 89; 448, 450, 451). Среди коринфских сосудов выделим обломок котилы LC I/II

⁴ Все находки с поселения Голубицкая 2 хранятся в фондах Отдела археологических памятников Государственного исторического музея.

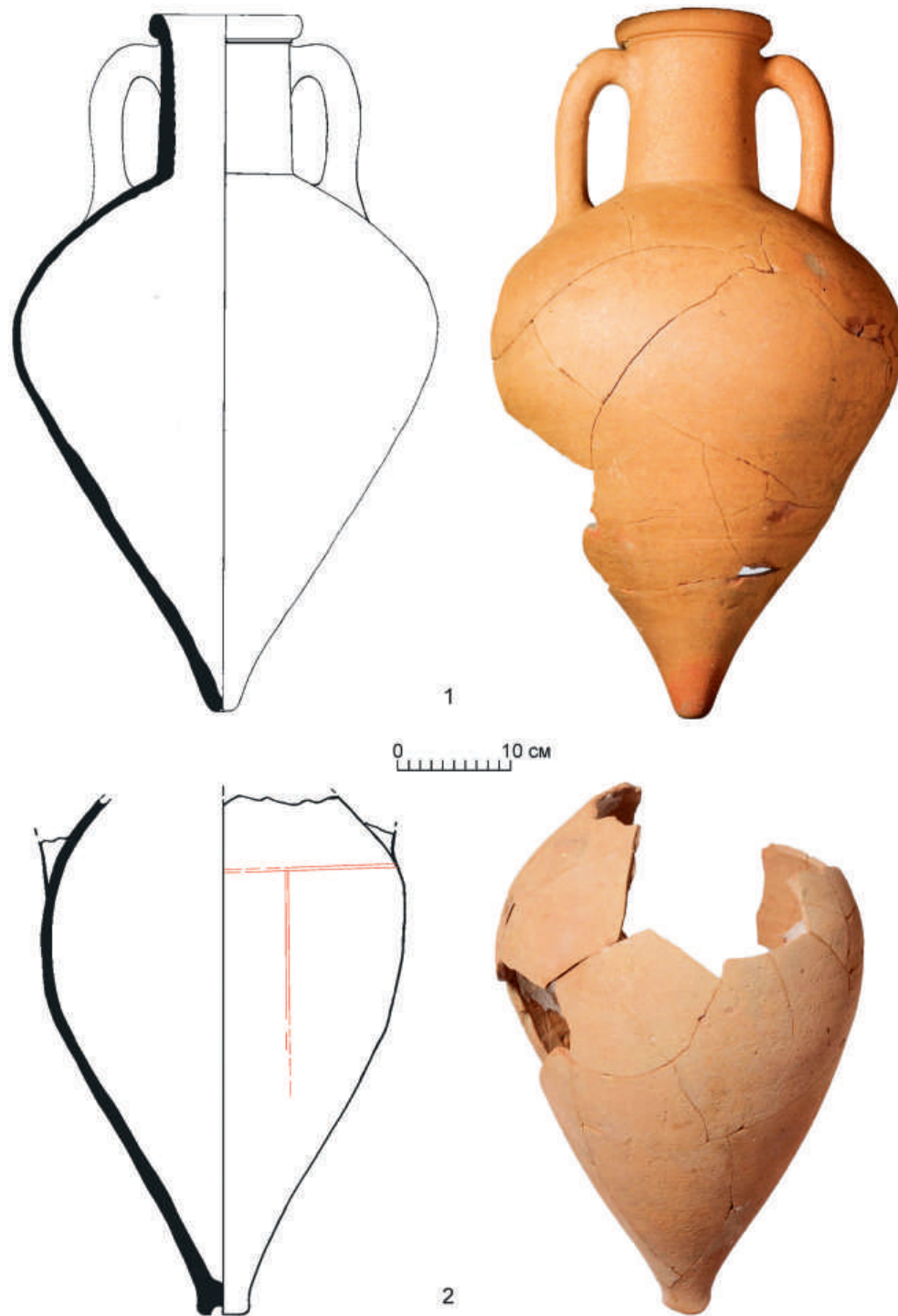


Рис. 4. Поселение Голубицкая 2. Лесбосские красноглиняные амфоры из засыпи рва (рисунки О. И. Фризен, Е. О. Назаровой, фото И. А. Седенькова)

Fig. 4. Site of Golubitskaya 2. Lesbian redware amphorae from the fill of the ditch (sketches by O. I. Frizen, E. O. Nazarova, photo by I. A. Seden'kov)



Рис. 5. Поселение Голубицкая 2. Восточногреческая керамика из заполнения рва (рисунок О. И. Фризен, фото И. А. Седеньков). Масштаб: *a* — для 1–8; *б* — для 9

Fig. 5. Site of Golubitskaya 2. East-Greek pottery from the fill of the ditch (sketch by O. I. Frizen, photo by I. A. Seden'kov). Scale: *a* — for 1–8; *b* — for 9

(рис. 5, 6), датированной немного позднее, 570–550/540 гг. до н. э. (ср.: *Payne*, 1931. P. 335, no. 1518, fig. 182 (LC II); *Dehl-von Kaenel*, 1995. S. 71–73, Nr. 199–254; *Sidorova*, 2004. P. 35, pl. 30, 3).

Наряду с импортной посудой в нижних горизонтах заполнения рва найдены и многочисленные обломки лепных сосудов, в том числе целые формы.

Причины, по которым ров подвергся реконструкции, нам неизвестны. Возможно, он залился (ср.: *Винокуров*, 2009. С. 85) или края его оплыли. В ходе ремонтных работ ров был частично засыпан с восточной, внешней, стороны. Тогда же был сооружен второй ров (последняя четверть VI в. до н. э.), контрэскарпом которого является коричнево-желтый плотный суглинок с линзами материкового грунта, перекрывающий засыпанный ров первого строительного периода (фаза II). Важно отметить, что эта тромбовка частично перекрывает материковый выступ, сужая дно рва до ширины западной канавы (*Журавлев и др.*, 2019. С. 185). Причины, побудившие жителей Голубицкой 2 использовать именно такой прием реконструкции рва, неясны. Судя по немногочисленным публикациям, в других случаях строители засыпали старый ров и копали в материке новый. Казалось бы, насыпанный контрэскарп, пусть и укрепленный многочисленными тромбовками, будет менее прочным, нежели вырезанный непосредственно в материковой глине⁵. Возможно, подобный прием был связан с недостатком людских ресурсов у обитателей поселения или со срочной необходимостью обновить ров, например ввиду военной угрозы.

Заполнение рва в основном состоит из коричнево-желтого плотного гумусированного суглинка с многочисленными прослойками (рис. 2). На раскопе 1 в нескольких местах четко прослеживается дно рва фазы III (вторая–третья четверти V в. до н. э.), покрытое слоем обломков керамики, в основном амфорной тары (*Журавлев, Шлотцауер*, 2011. Рис. 21–22; 2014. С. 170, рис. 21). В VI–V вв. до н. э. ров периодически чистился; позднее эта практика прекратилась, и он по-

степенно стал заполняться культурным слоем. В центре рва в раскопе 4 прослеживается канавка шириной в верхней части 2,0–3,4 м, на дне — 0,5–2,0 м и глубиной 0,74–0,80 м, заполненная, в свою очередь, слоем темно-коричневого гумусированного суглинка с большим количеством фрагментов керамики (фаза IV).

В целом после масштабной реконструкции рва в последней четверти VI в. до н. э. его контуры уже не менялись.

Верхний горизонт рва представлен слоем светло-серого золистого суглинка. Этим слоем уже полузасыпанный ров был заполнен до краев. В слое встречается рушенный сырец, фрагменты прокаленной обмазки стен помещений, включения раковин, золы, многочисленные кости животных (включая целый череп коня), буро-коричневые золистые прослойки (горелая рушенная обмазка).

Полузасыпанный ров на функционирующем памятнике фиксируется также на поселении Марьянское I в Прикубанье (*Иванов и др.*, 2020. С. 81) и в так называемом предместье в Ольвии (*Форнасье и др.*, 2020. С. 92–93).

Столбовые ямки

В 2018 г. после разбора основания стены на участке длиной 4,2 м между краем рва и южным отрезком стены вдоль линии рва (с незначительными отклонениями) был выявлен ряд ямок диаметром около 0,05 м, глубиной 0,1–0,6 м, заполненных темно-коричневым суглинком (рис. 6, 1). Расстояние между ними составляет 0,1–0,4 м. Ямки организованы группами по 2–4 штуки в каждой. Количество и концентрация ямок увеличивается в центральной части исследованного участка. Ямки были выстроены в направлении юго-восток–северо-запад и отстоят от границы рва на 0,35–0,40 м. Примерно посередине зачищенной границы рва столбовые ямки оконтуривают небольшой подтреугольный участок размерами 1,6 × 1,0 м, вытянутый в направлении северо-восток–восток–юго-запад–запад.

Мы предполагаем, что все эти ямки свидетельствуют о наличии кольев для крепления плетня, который мог использоваться как простая крепидо вала и предохранять его от сползания в ров. Назначение участка в центральной части границы рва, оконтуренного столбовыми ямками,

⁵ На поселении Ахтанизовская 4 перед постройкой стен цитадели в середине — третьей четверти I в. до н. э. более ранний ров был специально засыпан (*Ломтадзе*, 2015. С. 155–156, рис. 7–8). Таким образом, здесь фундамент кладки лежал не на материке, а на более мягкой засыпи рва.

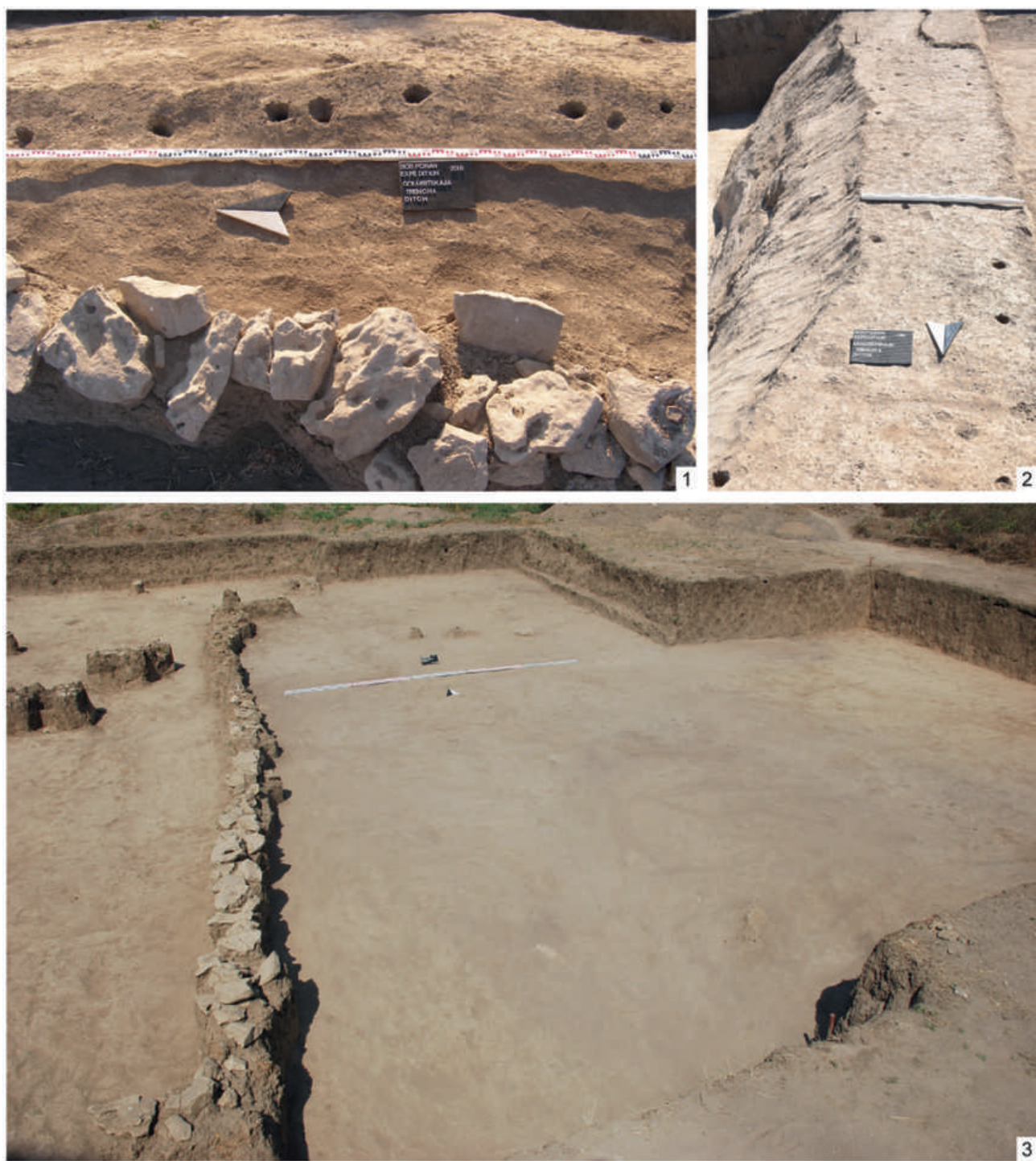


Рис. 6. Поселение Голубицкая 2: столбовые ямки от крепиды вала по внутренней трассе рва, вид с запада (1), вид с севера (2) (фото А. В. Батасовой, Д. В. Журавлева); 3 — фундамент стены эллинистического времени вдоль трассы рва, вид с юго-запада (фото А. В. Батасовой)

Fig. 6. Site of Golubitskaya 2: pillar pits from the krepis of the rampart along the internal track of the ditch, views from west (1) and from east (2) (photo by A. V. Batasova, D. V. Zhuravlev); 3 — foundation of the wall of the Hellenistic period along the track of the ditch, view from south-west (photo by A. V. Batasova)

не совсем понятно⁶. Впоследствии, после срытия вала, ямки были перекрыты сырцовой стеной.

Непосредственно между столбовых ямок на материке были найдены сероглиняная эолийская миска VI в. до н. э. и обломок ионийского блюда первой половины VI в. до н. э., подтверждающие раннее время сооружения плетня, вероятно, синхронного рву и валу.

Подобная схема возведения оборонительных сооружений в кратчайшие сроки была описана Фукидидом: «Разбив лагерь, Гиппократ приказал следующим образом укрепить Делий. Воины выкопали ров вокруг святилища и храмового участка. Вырытая земля образовывала насыпь. Вдоль насыпи они вбивали колья и переплетали их лозами из виноградника святилища, на верх насыпи наваливали камни и кирпичи из развалин близлежащих домов, всячески стараясь поднять насыпь как можно выше. В необходимых местах [...] они поставили деревянные башни» (Thuc. II. 90. 2; перевод Г. А. Стратановского).

Столбовые ямки для более внушительной тынообразной конструкции были зафиксированы, например, на Елизаветовском городище (*Марченко и др.*, 2000. С. 76, рис. 12, 3, 4).

Основание стены по внутреннему краю рва

В 2015–2016 гг. в раскопе 4 на участке к западу от внутренней линии рва было открыто основание сырцовой стены как минимум двух строительных периодов (рис. 6, 2). Сохранившаяся длина участка стены составляет около 7,25 м, ширина — от 0,20 до 0,58 м.

От первого этапа ее функционирования (горизонт А) сохранилось лишь сырцовое основание с включением необработанных обожженных камней и развалами сильно прокаленной глиняной обмазки, в том числе с отпечатками тростника, по обеим сторонам от нее. Ко второму этапу (горизонт Б) относятся необработанные камни средних и крупных размеров, уложенные по трассе первой стены (*Журавлев и др.*, 2017. С. 75–76,

⁶ Остатки еще одной похожей ямки глубиной около 0,5 м и диаметром около 0,05 м, заполненной темно-коричневым комковатым суглинком, были выявлены с внешней стороны рва в юго-восточном профиле раскопа. Сегодня это единичный случай наличия столбовой ямки с внешней стороны рва на Голубицкой 2, поэтому говорить о реальном существовании какой-либо конструкции из кольев перед рвом пока невозможно (*Журавлев и др.*, 2019. С. 187).

рис. 2). Правда, мы не можем исключить, что эта конструкция так и не была завершена, так как, помимо одного ряда камней, никаких иных строительных остатков здесь обнаружено не было.

Вероятно, фрагмент этой же стены был обнаружен в разведочной траншее 2006 г. В ней был прослежен завал мелкого бутового камня вперемешку с прокаленной глиной — возможно, остатки кладки шириной 0,40–0,51 м, ориентированной по трассе север–юг и уходящей в борта траншеи. Интересно, что к востоку от этой кладки залегал слой серого золистого суглинка, аналогичный описанному выше слою разрушения поселения.

Сооружение и функционирование этой стены относится к позднему этапу жизни поселения — III в. до н. э. Обращает на себя внимание расположение этой стены по краю рва, свидетельствующее о том, что к моменту сооружения ее первой фазы ров еще не был заполнен мусорным слоем доверху и стена была привязана именно к нему. Сырцовое основание стены уложено на слой желто-коричневого суглинка, который выклинивается у западного края рва и может быть остатком основания вала. В таком случае получается, что стена была построена уже после того, как большая часть вала была снесена, но еще сохранялся ров, хоть и частично засыпанный. На последнее обстоятельство также указывает то, что местами стена перекрывает настоящую границу рва и уложена на слой коричнево-желтого плотного суглинка, заполняющего ров, в том числе вдоль эскарпа (*Журавлев и др.*, 2019. С. 186). Видимо, она представляла собой конструкцию на сырцовом основании со стенами турлучного типа. Ее предназначение остается под вопросом.

Необходимо остановиться на хронологии сооружения стены, возникшей после разрушения вала, то есть на датировке слоя, залегающего под фундаментом стены и перекрывающего столбовые ямки, обнаруженные после разбора стены. Встреченные здесь немногочисленные находки представлены обломками амфор Лесбоса, Хиоса, Гераклеи, Синопы, а также восточнотрешеских лепных красноглиняных сосудов. Материал разновременный, но по наиболее поздним фрагментам мы можем отнести его к IV–III в. до н. э. Очевидно, стена была сооружена в первой половине III в. до н. э. Вал в это время уже не существовал, но для обитателей поселения важно было сохранить границу, маркирующую, вероятно, рубежи уже неукрепленного поселения.

Руины этой стены были перекрыты черным золистым суглинком, идентичным горелому слою в верхней части рва — хорошо выраженному горизонту большого пожара. Здесь было обнаружено значительное количество разнообразных находок, включая чернолаковые сосуды первой половины III в. до н. э. (Егорова, 2016. С. 30, 31). Среди сравнительно многочисленных амфорных клейм преобладает материал III в. до н. э., а одно родосское клеймо относится к 224–206 гг. до н. э. (Finkielsztejn, 2001. Groupe Пс; определение А. В. Ковальчук). Уточнить хронологию помогают несколько десятков медных монет второй–третьей четверти III в. до н. э., наиболее поздние из которых относятся к последней четверти III в. до н. э. (Захаров, 2016. С. 68–69; ср.: Шелов, 1956. С. 217, табл. VI, 72–73). Таким образом, мы можем надежно датировать время разрушения поселения и его оборонительных сооружений третьей — началом четвертой четверти III в. до н. э.

Вал

Необходимо уточнить, что на Голубицкой 2 собственно насыпной вал до нашего времени не сохранился. Судя по стратиграфическим наблюдениям, изначально он существовал и был насыпан из выброшенной при рытье рва земли. В пользу его наличия говорит, во-первых, отсутствие каких-либо ранних хозяйственных ям непосредственно за рвом, столь многочисленных в остальной части поселения; вблизи границы рва были выявлены лишь единичные поздние конструкции II в. до н. э., возникшие после его разрушения. Во-вторых, в раскопе 1 к западу от рва был зафиксирован слой, практически лишенный находок (вероятно, выброс материковой глины при копке рва), который мы интерпретируем как основание вала (рис. 2, 1). Немаловажно, что в северо-западном углу раскопа 1 был прослежен слой серо-черного горелого суглинка, расположенный на расстоянии около 6 м от внутренней границы рва, идентичного заполнению его верхней части. Мы предполагаем, что слой пожара III в. до н. э. перекрывал и ров, и остатки вала, и пространство между ними, но сохранился лишь во рву и за границей скрытого вала, будучи сnivelированным в результате позднейшей хозяйственной деятельности. Таким образом, основываясь на стратиграфических наблюдениях, мы предполагаем, что ширина вала в VI в. до н. э. составляла не менее 6 м (Журавлев и др., 2019. С. 187, 188).

Однако на поселении Марьянское I в Прикубанье следы вала не фиксируются ни с внешней, ни с внутренней стороны синхронных рвов трех строительных периодов (Иванов и др., 2020. С. 81).

Интересны результаты наблюдений Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко о стратиграфии вала и засыпи рва Старокорсунского городища № 2. Изучая заполнение рва четвертой линии, засыпанного слоями скрытого вала, они установили, что он состоял из различных прослоек глины, суглинка и чернозема. Эти данные привели исследователей к выводу, что глину, извлеченную при сооружении рва, могли использовать не для возведения вала, а в иных целях, например, при возведении жилых построек или в гончарном производстве (Лимберис, Марченко, 2009. С. 221).

Судя по данным раскопок, вал потерял свое оборонительное значение и был срыт еще до пожара второй половины III в. до н. э., а граница поселения уже тогда фиксировалась описанной выше сырцово-глиняной стеной, перед которой сохранилась лишь неглубокая канавка полузасыпанного рва. Разумеется, в этот момент она не несла никаких оборонительных функций. Остатки вала, если они и оставались к этому моменту, были ликвидированы в результате восстановительных работ в последней четверти III в. до н. э. (Журавлев и др., 2019. С. 188), когда даже сырцовая стена, стоящая по внутренней границе рва, прекратила свое существование. Окончательно следы вала на Голубицкой 2 были полностью сnivelированы в результате многолетней распашки.

Следы срытия вала и засыпи рва в момент функционирования поселения отмечены на Старокорсунском городище № 2 (Лимберис, Марченко, 2009. С. 220, 221) и на Елизаветовском городище (Марченко и др., 2000. С. 78).

Рвы и валы в античном мире

Как хорошо известно, рвы и валы различной конструкции являлись важнейшей составной частью боспорской фортификации (см. подробнее: Масленников, 2003). В оборонительных целях их использовало и местное население, и греческие колонисты. Широкое применение системы «ров-вал» на ранних этапах существования зафиксировано и в других греческих городах, например, в Галии в Южной Арголиде (McAllister, 2005. P. 76, 77) или в Мегарах Гиблейских (Gras et al., 2004. P. 230).

Открытия немецко-украинской экспедиции в так называемом предместье в Ольвии показали, что подобная фортификация была характерна не только для Боспора. Эта часть города с первой половины V в. до н. э. была защищена системой «вал-ров» (ширина рва 5 м, глубина 2,1 м; ширина вала 4 м) (Форнасье и др., 2020. С. 90–93). Благодаря данным магнитной разведки выявлен ранний ров и следы вала (более 480 м в длину), опоясывающие значительную территорию (Fornasier et al., 2017. S. 256, abb. 20; S. 259, abb. 24). Как считают исследователи, ольвийская система обороны изначально была рассчитана на непродолжительное время бытования.

Рассматривая оборонительную систему поселения Голубицкая 2, О. Хюльден ставил ее в один ряд с ранними фортификационными сооружениями на территории Балканской и Великой Греции времени их основания (Hülnden, 2018. P. 106, 107, fig. 8, 8). В Средиземноморье ранняя система «вал-ров» достаточно быстро была заменена каменными укреплениями (Ibid. P. 99–102). В Ольвии синхронность прекращения существования вала и рва в западной части города и строительство мощных каменных стен в центральной части, по мнению исследователей, явно связаны между собой (Форнасье и др., 2020. С. 93). На поселении Голубицкая 2 ничего этого не произошло.

По мнению А. Л. Ермолина, ров Голубицкой 2 «не является оборонительным сооружением», а служил «преградой для табунов лошадей и отар овец, перегоняемых кочевниками» (Ермолин, 2013. С. 20). Интересная концепция израильского исследователя — явно из ряда научных курьезов. Примечательно, что в исследованном им же Катарлезском вале никаких следов вала также нет, но здесь он допускает, что вал был уничтожен многолетней распашкой (Бейлин, Рукавишников, 2020. С. 10–12, рис. 4).

Захоронения собак во рву

Остается рассмотреть еще один интересный аспект, а именно захоронения собак во рву. Часто находки скелетов этих животных в фундаментах или основаниях рвов трактуются как строительная жертва, где собака выступает защитником и стражем городских укреплений. Это прослежено в Танаисе (Матера, 2019. С. 18, 19), Китее (Молева, 2002. С. 121; Молев, 2010. С. 70), Порфмии (Вахтина, 2007. С. 142), усадьбе Юбилейное 1 (Фролова, Савостина, 1998. С. 149–151, рис. 6), городище Белинское (Зубарев, 2015. С. 163–164, рис. 1–2),

а также у скифов (Daragan, Gavrish, 2017. P. 307–310). Известен этот обряд в Италии, в Фиденгах, (De Grossi Mazzorin, 2008. P. 71, fig. 1, 2) и в Греции (см., например: Там же. P. 71–79). Были ли все эти жертвоприношения символом защиты городских укреплений или призваны обеспечить их сейсмостойчивость (Молева, 2002; Завойкин, 2007) — остается пока невыясненным (см. подробнее: Журавлев и др., 2020. С. 114, 115).

При исследовании оборонительного рва на Голубицкой 2 были обнаружены четыре полных скелета собак, лежащий отдельно собачий череп и разрозненные кости от разных особей. Два скелета найдены в слое серого золистого слоя (4а), который представлял собой сброс горизонта пожара в полузасыпанный ров. Очевидно, что трупы умерших собак были просто закопаны в мусорном слое (Журавлев и др., 2020. С. 114). Контекст находок двух других скелетов более интересен. Вдоль контрэскарпа рва прослежен темно-коричневый суглинок с линзами материкового грунта, залегающими в направлении от верха рва к центру траншеи. У северного борта был найден скелет собаки без черепа, с подогнутыми конечностями, головой на юг-юго-запад (Там же. Рис. 5. 3). Второй скелет собаки, головой на юг, был найден на слое желтого песка (Там же. Рис. 4. 4), представлявшего собой одну из прослоек насыпного контрэскарпа. Кроме того, в слое 12 был найден отдельный череп собаки.

Оба скелета и череп были найдены в восточной части рва, где в конце VI — начале V в. до н. э. (фаза II) происходили его переделки: засыпь восточной траншеи (череп), подсыпка грунта при изменении контуров насыпи контрэскарпа. Оба целых скелета были ориентированы головой на юг, то есть собаки были захоронены по трассе рва, причем в момент его ремонта или реконструкции. Отдельный череп найден в слое заполнения рва последней четверти VI в. до н. э., из которого происходило крайне мало материала, в том числе и костей животных. Как уже отмечалось выше, ров периодически чистился, поэтому мы не можем исключать преднамеренное размещение черепа собаки в засыпи (Журавлев и др., 2020. С. 114).

Таким образом, мы допускаем связь находок двух скелетов и одного отдельного черепа собак в слое реконструкции оборонительного рва рубежа VI–V вв. до н. э. с определенными магическими действиями, соотнесенными с ролью собаки как защитника поселения.

Заключение

Оборонительный ров, согласно датировкам керамического материала, был сооружен вскоре после основания поселения, во второй четверти VI в. до н. э. Уже в последней четверти этого столетия во рву проводятся активные трудозатратные работы по его ремонту и реконструкции контрэскарпа. Возникновение же поселения можно отнести ко времени не позднее начала второй четверти VI в. до н. э., хотя в слоях присутствуют и фрагменты, которые можно отнести к первой четверти этого столетия (Шлотцауер, 2016. С. 40, 41). Мы уже неоднократно писали о том, что существование оборонительных сооружений на самом раннем этапе греческого присутствия в регионе однозначно свидетельствует о том, что никакой «мирной» колонизации не было (Журавлев, Шлотцауер, 2014. С. 176). Косвенно о непростой ситуации той эпохи говорят находки нескольких наконечников стрел, а также двух человеческих костей (одна — со следами погрыза собаки) в заполнении рва (Журавлев и др., 2010. С. 73).

Недавние раскопки на поселении Марьянское I в 20 км к западу от Краснодара выявили синхронную Голубицкой 2 систему оборонительных рвов (Иванов и др., 2020). Открытые в последние годы мощные позднеархаические оборонительные сооружения в Пантикапее и Фанагории (Кузнецов, 2018. С. 136, 137; Толстиков, 2020. С. 141–143; Журавлев, Толстиков, 2020. С. 201–205, ил. 2, 4), наличие ранних укреплений в Мирмекии и Порфмии (Вахтина, Виноградов, 2001. С. 41–45)

также подтверждают тезис о высокой военной активности на Боспоре уже в позднеархаическое время.

Оборонительная система на Голубицкой 2 функционировала длительное время, как минимум со второй четверти VI в. до н. э. до рубежа IV–III вв. до н. э., подвергаясь ремонтам и переделкам. Если наши предположения о наличии вала верны, то в раннеэллинистический период вал был скрыт за ненадобностью, а на его месте по краю полузасыпанного рва появляется сырцовая стена, лишь маркирующая границу поселения.

Пожар последней четверти III в. до н. э., вполне вероятно связанный с вражеским нашествием и сопровождавшийся мощными зольными отложениями во рву, не стал финальной точкой жизни поселения Голубицкая 2. Остатки сгоревших конструкций и прочий мусор были вычищены и ссыпаны в старые хозяйственные ямы и в уже полузасыпанный ров (Журавлев, Шлотцауер, 2014. С. 167, 168). На памятнике зафиксированы достаточно многочисленные ямы, содержащие материал II в. до н. э. (см., например, Журавлев, Захаров, 2016). Уже после прекращения функционирования рва в стенку его контрэскарпа была врезана глинобитная печь, которую мы можем отнести к концу III — II в. до н. э. (Журавлев и др., 2019. Рис. 1, 3). Поселение Голубицкая 2, превратившись в небольшой прибрежный неукрепленный поселок, просуществовало еще около столетия и было заброшено в конце II в. до н. э. или немного позднее.

Бейлин, Рукавишникова, 2020 — Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В. Археологические разведки в Ленинском районе Республики Крым в 2019 году // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2020. № 22. С. 6–17.

Вахтина, 2007 — Вахтина М. Ю. Еще раз о погребениях собак на Боспоре // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 141–144.

Вахтина, Виноградов, 2001 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 41–45.

Винокуров, 2009 — Винокуров Н. И. Исследование оборонительного рва ранней цитадели городища Артезиан // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь: б. и., 2009. С. 83–89.

Егорова, 2016 — Егорова Т. В. Комплекс чернолаковой керамики из раскопа 1 поселения Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы Междунар. круглого стола (7–8 июня 2016 г., Москва) / Ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 29–33.

Ермолин, 2013 — Ермолин А. Л. Оборона Европейского Боспора во второй половине III в. до н. э. — начале I в. до н. э. и таманские аналогии // Научные ведомости Белгородского ГУ. 2013. № 8 (151), вып. 26. С. 12–23.

- Журавлев, Захаров, 2016 — Журавлев Д. В., Захаров Е. В. Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2 // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2016. Т. 20. С. 220–226.
- Журавлев, Толстиков, 2020 — Журавлев Д. В., Толстиков В. П. Античная Эллада и Северное Причерноморье // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: Каталог выставки / Ред. А. Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю. Ю. Питровский. СПб.: Чистый лист, 2020. С. 196–208.
- Журавлев, Шлотцауер, 2011 — Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: Альманах. М.: Изд. дом «Любимая Россия», 2011. Т. 1. С. 252–293.
- Журавлев, Шлотцауер, 2014 — Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006–2013 гг.) // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 201). С. 150–186.
- Журавлев и др., 2010 — Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н. э. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Ред. А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. М.; Киев: Триумф-принт, 2010. С. 69–73.
- Журавлев и др., 2016 — Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Фирсов К. Б. Поселение Стрелка 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции: Сб. ст. / Ред.-сост. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 80–84.
- Журавлев и др., 2017 — Журавлев Д. В., Батасова А. В., Кудряшова А. И. Исследования на поселении Голубицкая 2 в 2013–2016 гг. // Таврические студии. Симферополь: ООО «Антиква», 2017. № 12. С. 73–80.
- Журавлев и др., 2019 — Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. Оборонительный ров поселения Голубицкая 2 // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 183–192.
- Журавлев и др., 2020 — Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. О захоронениях собак на поселении Голубицкая 2 // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2020. Т. 25. С. 98–122.
- Завойкин, 2007 — Завойкин А. А. О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества. Вып. 9–10 / Ред. А. В. Махлаюк. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. С. 42–54.
- Захаров, 2016 — Захаров Е. В. Античные монеты из раскопок поселения Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции: Сб. ст. / Ред.-сост. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 65–70.
- Зубарев, 2015 — Зубарев В. Г. Культурные объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996–2014 гг.) // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2015. Т. 19. С. 161–183.
- Иванов и др., 2020 — Иванов А. В., Кононов В. Ю., Ларенок П. А., Подорожный А. А. Поселение «Марьянское I» в Нижнем Прикубанье. Обзор // Боспорский феномен: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2020. Т. II. С. 78–83.
- Ильяшенко и др., 2016 — Ильяшенко С. М., Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Оборонительные рвы Тагнаиса во II–I вв. до н. э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / Ред. Д. В. Журавлев. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. С. 174–188.
- Кузнецов, 2018 — Кузнецов В. Д. Фанагория: заметки по планировке города // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2018. Т. 22. С. 133–140.
- Лимберис, Марченко, 2009 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Результаты исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. / Ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 213–222.
- Ломтадзе, 2015 — Ломтадзе Г. А. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / Ред. Д. В. Журавлев. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. С. 151–163.
- Марченко и др., 2000 — Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. М.: ИА РАН, 2000. 281 с.
- Масленников, 2003 — Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К., 2003. 279 с.

- Матера*, 2019 — *Матера М.* Фортификация западного района Танаиса // Вестник Танаиса. Ростов н/Д.: Альтаир, 2019. Вып. 5, т. 2. С. 12–30.
- Молев*, 2010 — *Молев Е. А.* Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь, 2010 (Боспорские исследования; Supplementum 6). 316 с.
- Молева*, 2002 — *Молева Н. В.* Жертвоприношения собак в фортификационных сооружениях античного Китея // *Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2003. С. 121–123.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, 2003. 350 с.
- Супренков*, 2018 — *Супренков А. А.* Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2018. Т. 23. С. 230–256.
- Толстиков*, 2020 — *Толстиков В. П.* Новые материалы по фортификации акрополя Пантикапея // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2020. С. 141–152.
- Форнасье и др.*, 2020 — *Форнасье Й., Буйских А. В., Кузьмищев А. Г.* О городских границах Ольвии Понтийской в архаическое время // АВ. 2020. Вып. 29. С. 88–99.
- Фролова, Савостина*, 1998 — *Фролова Н. А., Савостина Е. А.* Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1998. № 1. С. 140–155.
- Шелов*, 1956 — *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 222 с.
- Шлотцауер*, 2016 — *Шлотцауер У.* К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции / Ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 40–44.
- Alexandrescu*, 1978 — *Alexandrescu P.* La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe–IVe s.). Bucarest: Editura Academiei, 1978 (Histria; 4). 143 p.
- Alexandrescu*, 2005 — *Alexandrescu P.* La zone sacrée d'époque Grecque (fouilles 1915–1989). Bucarest: Ed. Academiei Republicii Socialiste Romania, 2005 (Histria; 7). 551 p.
- Bîrzescu*, 2012 — *Bîrzescu I.* Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. București: Editura Enciclopedică. 2012 (Histria; 15). 356 S.
- Boardman, Hayes*, 1966 — *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra 1963–1965: the Archaic Deposits I. London. Athens: British School of Archaeology, 1966. 275 p.
- Cook, Dupont*, 2003 — *Cook R. M., Dupont P.* East Greek Pottery. London: Routledge, 2003. 226 p.
- Finkielsztejn*, 2001 — *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. Eviron: premier bilan. Oxford: Archaeopress/British Archaeological Reports, 2001 (BAR; International series; 990). 260 p.
- Daragan, Gavrish*, 2017 — *Daragan M., Gavrish P.* On Manifestations of the Cult of Human Skulls in the Knÿshovskoe Settlement Dating from the Scythian Period // Ancient civilizations from Skytha to Siberia. Leiden, 2017. Vol. 23. P. 251–328.
- De Grossi Mazzorin*, 2008 — *De Grossi Mazzorin J.* L'uso dei cani nei riti di fondazione, purificazione e passaggio nel mondo antico // Uomini, piante e animali nella dimensione del sacro (Atti del Seminario di studi di Bioarcheologia Cavallino (Lecce) 28–29 giugno 2002, BACT 6). Bari, 2008. P. 71–81.
- Dehl-von Kaenel*, 1995 — *Dehl-von Kaenel Ch.* Die archaische Keramik aus dem Malophoros-Heiligtum in Selinunt. Die korinthischen, lakonischen, ostgriechischen, etruskischen und megarischen Importe sowie die 'argivisch-monochrome' und lokale Keramik aus den alten Grabungen. Berlin: Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz, 1995. 437 S.
- Fornasier et al.*, 2017 — *Fornasier J., Bujskich A. V., Kuz'miščev A. G.* Ein Stadtbild im Wandel. Neue Ergebnisse eines deutsch-ukrainischen Forschungsprojektes aus der griechischen Kolonie Olbia Pontike // Das Altertum. 2017. Bd. 62. S. 241–270.
- Gras et al.*, 2004 — *Gras M., Tréziny H., Broise H.* Mégara Hyblaea. 5. La ville archaïque. Mélanges d'archéologie et d'histoire. Suppléments. 1.5. Rome: Ecole française de Rome, 2004. 649 p.
- Hülden*, 2018 — *Hülden O.* Greek Fortifications before the Persian Wars. An Overview // Understanding Ancient Fortifications. Between Regionality and Connectivity. Oxford: Oxbow, 2018. P. 93–110.
- Kalaitzoglou*, 2008 — *Kalaitzoglou G.* Assesos. Ein geschlossener Befund südionischer Keramik aus dem Heiligtum der Athena Assesia. Milesische Forschungen 6. Mainz am Rhein: Von Zabern, 2008. 450 S.
- Kerschner*, 2006 — *Kerschner M.* Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertinum der Universität Halle-Wittenberg. Istanbuler Mitteilungen. Band 56. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, 2006. S. 129–156.

McAllister, 2005 — *McAllister M.* The Fortifications and adjacent Structures. The Excavations at ancient Halieis, conducted by the University of Pennsylvania and Indiana University Porto Kheli, Greece. Vol. 1. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 178 p.

Payne, 1931 — *Payne H.* Necrocorinthia. A Study of Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford: Clarendon Press, 1931. 363 p.

Sidorova, 2004 — *Sidorova N.* Corinthian and Etrusco-Corinthian Vases. Corpus vasorum antiquorum, Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow. Rome: L'Erma di Bretschneider, 2004. 60 p.

The fortification system of the settlement of Golubitskaya 2

D. V. Zhuravlev, A. V. Batasova, U. Schlotzhauer⁷

Keywords: Taman Peninsula, Greek colonization, fortification, defensive ditch, rampart.

The fortification system of the settlement of Golubitskaya 2 represented by a ditch and the remains of a rampart is one of the earliest earthen defensive systems known in the Northern Black Sea region. These installations were investigated in 2007–2010 and 2014–2019 by the Bosporan Archaeological Expedition of the State Historical Museum and the Eurasia Department of the German Archaeological Institute. The total length of the ditch recorded by magnetic surveys is approximately 10 m and the depth is up to 2,8 m (Fig. 1). On the bottom of the ditch, a complex relief structure was built constituted by a virgin soil projection on both sides of which small ditches were arranged intended possibly for draining the excess of water (Fig. 2; 3). The finds from the lowest layer of the fill of the ditch are rare and their dates do not extend beyond the 6th cen. BC (Fig. 4; 5). In the last quarter of that century, the ditch was reconstructed and on its outside a counterscarp was constructed from earthfill. The materials from the fill of the ditch of that phase indicate that in the 6th–5th cen. BC it was regularly cleaned. Later this practice was abandoned and the ditch began to be gradually filled with cultural deposits. The upper horizon of the ditch is represented by a layer of light-grey ashy sandy loam formed from heaps of trash of the 3rd cen. BC. In 2018, pillar pits were found ranged along the inner edge of the ditch. This fact possibly indicates that initially there was a paling here which served as the krepis of the rampart (Fig. 6, 1, 2). The pillar pits are covered over by a stone wall on an adobe base which was constructed already after the partial filling of the ditch and did not have a defensive function (Fig. 6, 3). As to the existence of the rampart, there are only indirect indications of its presence because later it was destroyed and levelled by ploughing. Parallels to the objects of fortification of such a type are known not only in the Northern Black Sea littoral but also in the territories of the Balkan Greece and Magna Graecia. Their use at the earliest stage of the Greek presence in the region under consideration allows us to doubt a peaceful character of the colonization.

⁷ Denis V. Zhuravlev — State Historical Museum; 1 Red Square, Moscow, 109012, Russia; e-mail: denzhuravlev@mail.ru. Anzhela V. Batasova — Institute for the History of Material Culture of the RAS; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: batasova.angela@gmail.com. Udo Schlotzhauer — Eurasian Department, German Archaeological Institute; Im Dol 2, 14195, Berlin, Deutschland; e-mail: udo.schlotzhauer@dainst.de.

О находках зерновок злаковых на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров)¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Статья посвящена изучению находок обгоревших зерен злаковых, обнаруженных во время раскопок античного поселения Артющенко-1 на Таманском полуострове.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, сельские поселения, ямы, святилища, зерна злаковых.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-44-49

Вряд ли кто-нибудь будет спорить, что находки зерновок злаковых на древних поселениях имеют принципиально важное значение для изучения их экономики. К сожалению, на практике это простое правило соблюдается далеко не всегда, но Е. Я. Рогов в этом отношении являлся своего рода образцом для подражания. Порой он с долей шутки декларировал, что на античных поселениях нет ни одного золистого слоя, в котором бы не было обгоревших зерен. Просеивание таких отложений было одной из методических установок, неукоснительно соблюдавшихся Евгением Яковлевичем во время проведения раскопок всех поселений, к примеру Артющенко-2 (Таманский полуостров), и оно, безусловно, дало свой положительный результат (Пашкевич, 2016. С. 223–224).

Система растениеводства, сложившаяся в греческих государствах Северного Причерноморья, как сейчас представляется, стала результатом довольно быстрой трансформации, приспособления модели земледельческой экономики, существовавшей в метрополии, к местным весьма непростым условиям. Набор культурных растений,

возделывавшихся в древности в Средиземноморье, обычно сводят к так называемой *триаде* — оливки, виноград, злаковые — или же *квартету*, когда в список добавляются бобовые (Sarpaki, 1992; Isager, Skydsgaard, 1992. P. 21 ff., 26 ff., 33 ff., 42 ff.; Garnsey, 1999. P. 13). Этот набор сложился здесь очень рано — вероятнее всего, еще в период неолита (Renfrew, 1972. P. 280–287; Андреев, 2020. С. 26–27, 96). Понятно, что в различных областях региона значение перечисленных культур, а значит и их удельный вес, то есть количественные соотношения между собой, было различным.

В этой связи огромный научный интерес представляют опубликованные четверть века назад палеоботанические определения проб семян, взятых в слоях архаического Милета. Последнее тем более важно, потому что Милет был метрополией большинства северочерноморских колоний, в том числе и в районе Боспора Киммерийского. Несмотря на немногочисленность полученных образцов, следует признать, что *триада* или *квартет* здесь выступает весьма наглядно (Stika, 1997). Не вызывает никакого сомнения, что очень большое значение в Милете придавалось возделыванию оливок, винограда и инжира. Среди злаковых преобладают ячмень и просо, сравнительно многочисленны находки спельты, чего нельзя сказать о других пшеницах — пленчатых и голозерных (*Triticum monocosum* и *Triticum aestivum*). В составе бобовых представлены чечевица, вика эрвлия; среди других культур — посевная чина, сельдерей, свекла (репа),

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

портулак, а также миндаль и лещина (*Ibid.* S. 160, tab. I). Во всем этом многообразии обращает на себя внимание то, что злаковые в архаическом Милете характеризуются, прежде всего, находками зерен ячменя и проса. Считается, что именно ячмень являлся основой питания рядового населения Древней Греции (*Sarpaki*, 1992. P. 61, 69; *Garnsey*, 1988. P. 105), пшеничный хлеб был достаточно дорог, входя в рацион зажиточных людей (*Foxhall*, 1998. P. 103; *Garnsey*, 1988. P. 105; *Rosivach*, 2000. P. 59).

Вполне очевидно, что весь этот комплекс культурных растений в неизменном виде на берегах Керченского пролива и в любом другом районе Северного Причерноморья культивироваться не мог. Прежде всего это относится к важнейшей составляющей *триады* — оливкам, которые в этом регионе вообще не могут произрастать в силу особенностей климата. С виноградом тоже не все так просто — способ спасения его от зимних морозов был найден приблизительно через 250 лет после основания греческих колоний. Таким образом, на северном берегу Чёрного моря сложился *дуэт*, состоявший из злаковых и бобовых. С бобовыми, как представляется, особых проблем не было, а набор злаковых был быстро модифицирован в соответствии с повседневными нуждами колонистов — необходимостью обладания хлебными культурами, которые могли бы обеспечить, с одной стороны, пропитание на месте проживания, а с другой — экспорт в Средиземноморье с гарантией хорошего дохода. Такими культурами здесь стали голозерная пшеница (*Triticum aestivum*) и ячмень обыкновенный (*Hordeum vulgare*), что подтверждается большим количеством специальных анализов, проведенных на материалах различных археологических памятников (*Янушевич*, 1986. С. 46; *Пашкевич*, 1990. С. 116; 1995. С. 98; 2004. С. 136; 2016. С. 262–266; *Крыжицкий, Щеглов*, 1991. С. 51; *Виноградов*, 2005). При этом именно голозерная пшеница стала главным предметом хлебного экспорта из Северного Причерноморья в Средиземноморье (*Янушевич*, 1986. С. 46–47; *Щеглов*, 1990. С. 113; *Виноградов*, 2010. С. 310–311).

Обозначенный набор хорошо представлен в некоторых ямах поселения Артющенко-1, относящихся к архаическому времени (*Виноградов*, 2013; 2018; *Пашкевич*, 2016. С. 221–223).

Приведу материалы трех очень показательных комплексов³ (табл. 1).

Набор семян культурных растений во всех трех ямах в общем одинаков, единственное зернышко винограда из ямы 58 в этом отношении особого значения не имеет. Такое зернышко, к примеру, было найдено в одной из архаических ям Мирмекия (*Виноградов*, 2005. С. 95). Количественное соотношение зерновок злаковых в каждом из названных объектов варьируется в весьма значительных пределах. К примеру, зерновки голозерной пшеницы, преобладающие в ямах 9 и 10, в яме 58 в три раза уступают ячменю. Тем не менее правильнее будет рассматривать все эти находки в целом, как единый комплекс (табл. 2).

Таблица 2 показывает, что крестьяне, трудившиеся на местных полях, в основном выращивали голозерную пшеницу (50,9 % находок) и ячмень (44,4 % находок), что, как было сказано выше, зафиксировано и на других античных поселениях Северного Причерноморья. Плечатые пшеницы (одно- и двузернянка) составляют лишь 3,8 % зерновок, спельта — и того меньше. Немногим превосходят ее находки проса и ржи. Зернышко овса, как представляется, попало сюда случайно; эта культура здесь явно не выращивалась.

Находки семян бобовых в количественном отношении сильно уступают злаковым (табл. 3), в совокупности они не составляют и пяти десятков, так что их процентное соотношение вряд ли нужно подсчитывать. Очевидно, что в наборе этих культур преобладала вика посевная. Подобная картина зафиксирована в архаическом Мирмекии (*Виноградов*, 2005. С. 95–96), и, скорее всего, она является вполне типичной.

Более поздние слои поселения Артющенко-1, к сожалению, не дали столь показательных палеоботанических материалов. Тем не менее имеются основания полагать, что набор высевавшихся здесь культурных растений не изменился в римскую эпоху (*Пашкевич*, 2016. С. 222), даже в постготское время (*Виноградов*, 2011. С. 317). Из этого правила, однако, имеется одно существенное исключение.

³ Все определения проведены Г. А. Пашкевич — старшим научным сотрудником Института геологических наук НАН Украины, доктором биологических наук. Выражаю уважаемой исследовательнице мою огромную благодарность.

Таблица 1. Культурные растения, определенные в ямах 9, 10 и 58 раскопа I поселения Артющенко-1
Table 1. Cultivated plants identified in pits 9, 10 and 58 at excavation I at the site of Artyushchenko-1

Вид растений	Количество зерновок, шт.
Яма 9	
<i>Triticum aestivum s. l.</i> (пшеница голозёрная мягкая)	861
<i>Triticum monocosum</i> (пшеница однозернянка)	15
<i>Triticum dicocum</i> (пшеница двузернянка)	75
<i>Triticum spelta</i> (пшеница спельта)	4
<i>Hordeum vulgare</i> (ячмень плёнчатый)	607
<i>Hordeum vulgare var. coeleste</i> (ячмень голозёрный)	102
<i>Secale sp.</i> (рожь)	7
<i>Panicum miliaceum</i> (просо обычное)	3
<i>Avena sp.</i> (овёс)	1
<i>Lens culinaris</i> (чечевица)	5
<i>Vicia ervilia</i> (вика эрвилия)	3
Яма 10	
<i>Triticum aestivum s. l.</i> (пшеница голозёрная мягкая)	454
<i>Triticum monocosum</i> (пшеница однозернянка)	11
<i>Triticum dicocum</i> (пшеница двузернянка)	2
<i>Hordeum vulgare</i> (ячмень плёнчатый)	144
<i>Secale sp.</i> (рожь)	4
<i>Panicum miliaceum</i> (просо обычное)	8
<i>Lens culinaris</i> (чечевица)	1
<i>Vicia ervilia</i> (вика эрвилия)	1
<i>Vicia sativa</i> (вика посевная)	12
Яма 58	
<i>Triticum aestivum s. l.</i> (пшеница голозёрная мягкая)	138
<i>Triticum dicocum</i> (пшеница плёнчатая двузернянка)	6
<i>Hordeum vulgare</i> (ячмень плёнчатый)	402
<i>Hordeum vulgare var. coeleste</i> (ячмень голозёрный)	12
<i>Panicum miliaceum</i> (просо обычное)	1
<i>Pisum sativum</i> (горох посевной)	1
<i>Vicia ervilia</i> (вика эрвилия)	5
<i>Vicia sativa</i> (вика посевная)	14
<i>Vitis vinifera</i> (виноград культурный)	1

Таблица 2. Находки зерновок злаковых из архаических ям поселения Артющенко-1
Table 2. Finds of cereal corn seeds from Archaic pits of the settlement of Artyushchenko-1

Вид растения	Количество зерновок, шт.	Доля, %
<i>Triticum aestivum s. l.</i> (пшеница голозёрная мягкая)	1453	50,9
<i>Triticum monocosum</i> (пшеница однозернянка)	26	0,9
<i>Triticum dicocum</i> (пшеница двузернянка)	83	2,9
<i>Triticum spelta</i> (пшеница спельта)	4	0,1
<i>Hordeum vulgare</i> (ячмень плёнчатый)	1153	40,4
<i>Hordeum vulgare var. coeleste</i> (ячмень голозёрный)	114	4
<i>Panicum miliaceum</i> (просо обычное)	12	0,4
<i>Secale sp.</i> (рожь)	11	0,4
<i>Avena sp.</i> (овёс)	1	–
Итого	2857	100

Таблица 3. Находки семян бобовых из архаических ям поселения Артющенко-1
 Table 3. Finds of legume seeds from Archaic pits of the settlement of Artyushchenko-1

Вид растения	Количество зерновок, шт.
<i>Vicia sativa</i> (вика посевная)	26
<i>Vicia ervilia</i> (вика эрвилия)	9
<i>Lens culinaris</i> (чечевица)	6
<i>Pisum sativum</i> (горох посевной)	1

В 2012 г. на западной окраине поселения (раскоп II) были открыты остатки весьма своеобразного комплекса сооружений II–III вв. н. э., который исследовался на протяжении нескольких полевых сезонов. В результате было сделано заключение, что здесь было расположено святилище, не имеющее ничего общего с эллинской традицией (Виноградов, 2019; 2020). Важным структурообразующим элементом этого святилища была глинобитная площадка (площадью около 130 кв. м), вытянутая по линии север–юг. В ее южной части было обнаружено огромное количество обгоревших зёрен злаковых. В этом наборе 98 % приходится на плёнчатую пшеницу однозернянку — *Triticum monocossum* (Виноградов, 2019. С. 257, 259–260)⁴. Пшеница двузернянка, или полба (*Triticum dicossum*), здесь тоже имеется, но она в количественном отношении уступает однозернянке почти в 40 раз. Доминирование однозернянки не может не вызывать удивления и заставляет считать, что этот злак высевался здесь

⁴ Первые определения этих находок были проведены Г. А. Пашкевич, затем они были продолжены И. Г. Чухиной — старшим научным сотрудником Отдела агроботаники и сохранения *in situ* генетических ресурсов растений Всероссийского института генетики ресурсов растений им. Н. И. Вавилова (ВИР). Выражаю этим исследовательницам мою благодарность. Стоит отметить, что результаты их определений полностью совпали.

специально и ни в коем случае не являлся случайной примесью.

Плётчатые пшеницы, одно- и двузернянки, в греческих государствах Северного Причерноморья по существу не культивировались. Эти злаки широко выращивались населением украинской лесостепи (Янушевич, 1976. С. 102; 1986. С. 35; Шрамко, Янушевич, 1985. С. 60; Пашкевич, 2005. С. 85). При этом плётчатая пшеница двузернянка (полба), в небольшом количестве представленная среди находок римского времени на поселении Артющенко-1, как считают специалисты, была хлебом скифского населения лесостепи (Шрамко, Янушевич, 1985. С. 61). В новое время полба выращивалась главным образом для местного потребления и не была предметом заграничного вывоза (Столетова, 1924–1925. С. 36–37, 48). Крестьяне готовили из нее крупу, реже муку; каша из полбы считалась очень питательной и вкусной, не уступающей гречневой (Там же. С. 49). Однако ни этот замечательный злак, ни пшеница однозернянка в пищевом рационе боспорян не имели никакого значения. Появление массы обгоревших зерен однозернянки на западной окраине Артющенко-1, на мой взгляд, по-своему характеризует сакральный смысл открытых там объектов (Виноградов, 2019. С. 260). И в этом, как видим, заключается еще одно значение злаковых культур, на которое почти не обращают внимание.

Андреев, 2020 — Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железного века (III — начало I тыс. до н. э.). 2-е изд. СПб.: Изд-во РГПУ, 2020 (Тр. ИИМК РАН; Т. LIV). 680 с.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. К изучению зерен культурных растений, найденных в Мирмекии // Херсонесский сборник. Севастополь: Максим, 2005. Вып. XIV. С. 94–98.

Виноградов, 2010 — Виноградов Ю. А. Некоторые современные тенденции в изучении экономики

Боспорского государства IV в. до н. э. // Античный мир и археология. Саратов: Научная книга, 2010. Вып. 14. С. 308–319.

Виноградов, 2011 — Виноградов Ю. А. Комплекс IV в. н. э. на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М. Б. Шукину (по материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 26–27 декабря 2009 г.)) / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 314–320.

- Виноградов, 2013 — Виноградов Ю. А. Основные итоги изучения поселения Артющенко I (Таманский полуостров) // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2013. № 2. С. 233–241.
- Виноградов, 2018 — Виноградов Ю. А. Поселение Артющенко-1 (Бугазское) на Таманском полуострове. Итоги археологических исследований 1998–2017 гг. // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. I / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 271–277.
- Виноградов, 2019 — Виноградов Ю. А. Священный участок античного поселения Артющенко-1 // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии): Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 254–270.
- Виноградов, 2020 — Виноградов Ю. А. Новые исследования на западной окраине поселения Артющенко-1 // БИ. Симферополь; Керчь, 2020. Вып. 40. С. 64–85.
- Крыжицкий, Щеглов, 1991 — Крыжицкий С. Д., Щеглов О. Н. Про зерновой потенциал античных держав Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 1991. № 1. С. 46–56.
- Пашкевич, 1990 — Пашкевич Г. А. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений ольвийской сельской округи // Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. С. 114–119.
- Пашкевич, 1995 — Пашкевич Г. О. Палеоботаничні матеріали з розкопок Ольвії // Археологія. Київ, 1995. № 3. С. 97–108.
- Пашкевич, 2004 — Пашкевич Г. О. Про склад рослин, вирощуваних на початку грецької колонізації Північного Причорномор'я // *Vorysthenika*–2004: Материалы междунар. науч. конф. к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном / Отв. ред. С. Д. Крыжицкий. Николаев: ИА НАН Украины, 2004. С. 131–138.
- Пашкевич, 2005 — Пашкевич Г. О. Археологія та палеоботаніка // Археологія. Київ, 2005. № 2. С. 80–88.
- Пашкевич, 2016 — Пашкевич Г. А. Археоботанические исследования на Боспоре // БИ. Симферополь; Керчь, 2016. Вып. XXXII. С. 205–299.
- Столетова, 1924–1925 — Столетова Е. Полба-эммер. *Triticum dicoccum* Schrank (опыт изучения одной из исчезающих культур) // Труды по прикладной ботанике и селекции. Л.: Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, 1924–1925. Т. 14. Вып. 1. С. 27–111.
- Шрамко, Янушевич, 1985 — Шрамко Б. А., Янушевич Э. В. Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2. С. 47–64.
- Щеглов, 1990 — Щеглов А. Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII–V вв. до н. э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII–V вв. до н. э.: письменные источники и археология: Материалы V Междунар. симпозиума по древней истории Причерноморья (Вани, 1987) / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 99–121.
- Янушевич, 1976 — Янушевич Э. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976. 215 с.
- Янушевич, 1986 — Янушевич Э. В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинев: Штиинца, 1986. 92 с.
- Foxhall, 1998 — Foxhall L. Cargoes of the heart's desire. The character of trade in the archaic Mediterranean world // *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence* / Eds. N. Fisher, H. van Wees. Duckworth. London: Classical Press of Wales, 1989. P. 295–310.
- Garnsey, 1988 — Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis. Cambridge: University Press, 1988. 303 p.
- Garnsey, 1999 — Garnsey P. Food and Society in Classical Antiquity. Cambridge: University Press, 1999. 175 p.
- Isager, Skydsgaard, 1992 — Isager S., Skydsgaard J. E. Ancient Greek Agriculture. London, New York: Routledge, 1992. 248 p.
- Renfrew, 1972 — Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium BC. London: Methuen and Co Ltd, 1972. 580 p.
- Rosivach, 2000 — Rosivach V. J. Some Economic Aspects of the Fourth-Century Athenian Market in Grain // *Hiron*. 2000. Bd. 30. S. 31–64.
- Sarpaki, 1992 — Sarpaki A. The Paleoethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or Is It a Quartet? // *Agriculture in Ancient Greece. Proceedings of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 16–17 May, 1990* / Ed. B. Wells. Stockholm: Paul Åströms Förlag, 1992 (*Acta Instituti Atheniensis regni Sueciae*. 42). P. 61–76.
- Stika, 1997 — Stika H.-P. Pflanzenreste aus dem archaischen Milet zur Kampagne 1992 // *Archäologischer Anzeiger*. 1997. Heft 2. S. 157–163.

Finds of corn seeds from the settlement-site of Artyushchenko-1 (Taman peninsula)

Yu. A. Vinogradov⁵

Keywords: Kimmerian Bosphoros, rural settlements, pits, sanctuaries, grains of Gramineae.

During excavations of pits of the Archaic period (last third of the 6th – first third of the 5th cen. BC) large quantities of burnt grains of cereals have been found. They indicate that the inhabitants of the settlement grew mainly two types of crops — bare-grained wheat (*Triticum aestivum s.l.*) and scarious barley (*Hordeum vulgare*). It is well known that wheat was the main item of the Bosporan export to the Mediterranean. At the western outskirts of the settlement, a sanctuary dated to the Roman period was revealed. With its context, large quantities of einkorn wheat (*Triticum monococcum*) are related. This cereal is not typical of Greek states of the Northern Black Sea area. It was grown by the agricultural population of the Ukraine forest-steppe.

⁵ Yuriy A. Vinogradov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

Поселение Козырка 12 – южная в контексте развития хоры Ольвии

А. А. Гиблова¹

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты анализа материалов, полученных в ходе работ Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР на поселении Козырка 12 – южная под руководством Е. Я. Рогова. Приведено описание строительных и хозяйственных комплексов памятника; определено его место в системе поселений ольвийской хоры позднеархаического – классического времени.

Ключевые слова: Нижнее Побужье, хора Ольвии, поселение Козырка 12 – южная, конец VI — первая треть IV в. до н. э.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-50-59

Нижнебугской экспедицией ЛОИА АН СССР в 1980–1990-е гг. были проведены масштабные исследования на ряде знаковых памятников Нижнего Побужья. Результаты работ на поселениях Козырка 2 и 12, Куцуруб 1, Старая Богдановка 2 позволили уточнить картину развития сельской округи Ольвии в архаическое–эллинистическое время (Марченко, 2013. С. 21, 22).

К сожалению, многие материалы Нижнебугской экспедиции, хранящиеся в Научном архиве и Отделе истории античной культуры ИИМК РАН, до сих пор остаются неопубликованными. К их числу относятся и те, в которых отражены исследования, проведенные под руководством Евгения Яковлевича Рогова на поселении Козырка 12 – южная, расположенном в 9 км к югу от ольвийского городища и в 2 км к северу от современного села Козырка Очаковского района Николаевской области, на южном склоне древней балки (рис. 1).

Поселение впервые было зафиксировано в 1990 г., когда по решению Евгения Яковлевича после окончания раскопок на соседнем памятнике Козырка 12 были проведены разведки на противоположном склоне балки. За последующие два года экспедиции удалось исследовать большую часть территории поселения. Итоговая площадь раскопок составила 2100 кв. м (рис. 2).

Работы на памятнике были прерваны в 1992 г. Е. Я. Рогов успел сделать одну небольшую обобщающую публикацию по результатам исследований (Рогов, 1996), а также подготовить ряд докладов, оставшихся неопубликованными. Однако в связи со скоростной кончиной автора раскопок исследования Козырки 12 – южная так и не получили полноценного освещения в научной литературе.

В статье, вышедшей в 1996 г., Е. Я. Рогов отмечал, что особенностью памятника является в первую очередь присутствие культурных остатков второй половины V в. до н. э. на фоне общей редукции большинства памятников хоры со второй четверти пятого столетия и вплоть до начала IV в. до н. э. (Рогов, 1996). Автор также обратил внимание на заметные различия в устройстве жизни на соседних поселениях (Козырка 12 и Козырка 12 – южная) в классический период. Эти данные впоследствии позволили К. К. Марченко в ряде своих работ выдвинуть тезис о значительно более раннем времени возобновления жизни на сельской округе и растянутости процесса колонизации во времени, что, по его мнению, было связано с наличием военной опасности в регионе (Марченко, 1999. С. 149; 2005. С. 114).

В последнее время часть материалов опубликована автором этой статьи, предложена общая характеристика вещественного комплекса памятника, предпринята попытка проведения сравнительного анализа двух соседних памятников,

¹ Институт истории СПбГУ; Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: Giblova A.A. @yandex.ru.

в том числе с применением методов многомерной статистики (Гиблова, 2020а; 2020б; 2021).

Данная работа является продолжением серии публикаций научных отчетов Е. Я. Рогова, а также результатов анализа их материалов для определения места поселения в рамках системы расселения на хоре Ольвии в позднеархаический–классический периоды.

Периодизация

Хронологические рамки существования поселения Козырка 12 – южная охватывают конец VI – середину IV в. до н. э. Автор раскопок выделяет два последовательно сменяющих друг друга периода (Рогов, 1990а. Л. 17, 18). К позднеархаическому времени относятся материал и строительные комплексы конца VI – начала V в. до н. э., датируемые по находкам амфорных ножек таких центров, как Хиос, и амфор на сложно профилированной ножке (протофасосских).

Нижняя граница классического периода маркируется гераклеями, датируемые временем не позднее первой–второй четверти IV в. до н. э. Гораздо сложнее определить верхнюю границу периода. По-видимому, жизнь на поселении во второй четверти столетия не прерывается, однако наблюдается сокращение количества культурных остатков, относящихся к этому времени. В конце столетия происходит переход к наземному строительству, что может быть связано с притоком сюда нового населения. Таким образом классический период существования памятника можно разделить на два отдельных этапа, по крайней мере на основе смены типов домостроительства и изменения общего количества культурных остатков (Рогов, 1992. Л. 8).

Архаический период

Строительные остатки архаического времени на памятнике представлены исключительно заглубленными в землю структурами, вытянутыми по линии север–юг на некотором отдалении от мысовой части поселения. Признаков регламентации в их застройке не наблюдается.

Всего было открыто пять строительных комплексов (далее СК) с материалом конца VI – второй четверти V в. до н. э. (СК 1, 3, 4, 6, 8) (рис. 2). Большинство из них можно условно отнести к типу полуземлянок, глубина котлованов которых варьируется от 0,7 до 1,1 м (см. Крыжицкий, 1982. С. 12; Отрешико, 2009. С. 98; Марченко, 2013.



Рис. 1. Раскопки К. К. Марченко и Е. Я. Рогова в Нижнем Побужье в 1985–1992 гг.: 1 — Козырка 12 – южная (1990–1992); 2 — Козырка 12 (1985–1990)

Fig. 1. Excavations by K. K. Marchenko and E. Ya. Rogov in the Lower Bug region in 1985–1992: 1 — settlement of Southern Kozyrka 12 (1990–1992); 2 — Kozyrka 12 (1985–1990)

С. 59, 60). Размеры структур дают значительный разброс: от 3,4 кв. м (СК 4) до 14 кв. м (СК 6) (Рогов, 1990а. Л. 17, 18; 1991а. Л. 9, 10, 13).

По форме выделяются овальные и подчетырехугольные полуземлянки. Форму, близкую в плане к овалу, имели три конструкции (СК 1, 3, 8) площадью соответственно 12,6, 10,5 и 12,8 кв. м. Глубина котлованов варьируется от 0,75 до 0,9 м. Две полуземлянки (СК 1 и 8) были ориентированы длинной стенкой по линии север–юг, СК 3 — по линии запад–восток (рис. 2). Элементов внутреннего благоустройства для данного типа конструкций не обнаружено. Также не были зафиксированы какие-либо следы устройства входа в полуземлянку. Только в одном случае — у СК 3 — были выявлены конструктивные особенности устройства помещения в виде столбовых ямок по его периметру и одной ямки в центральной части комплекса (рис. 3, 6, 7). Вероятно, перекрытие строительного комплекса имело купольную конструкцию (Рогов, 1990а. Л. 17, 18; 1991а. Л. 13).

Две полуземлянки имели в плане форму, близкую к квадрату (СК 4 и 9). Их площадь составила

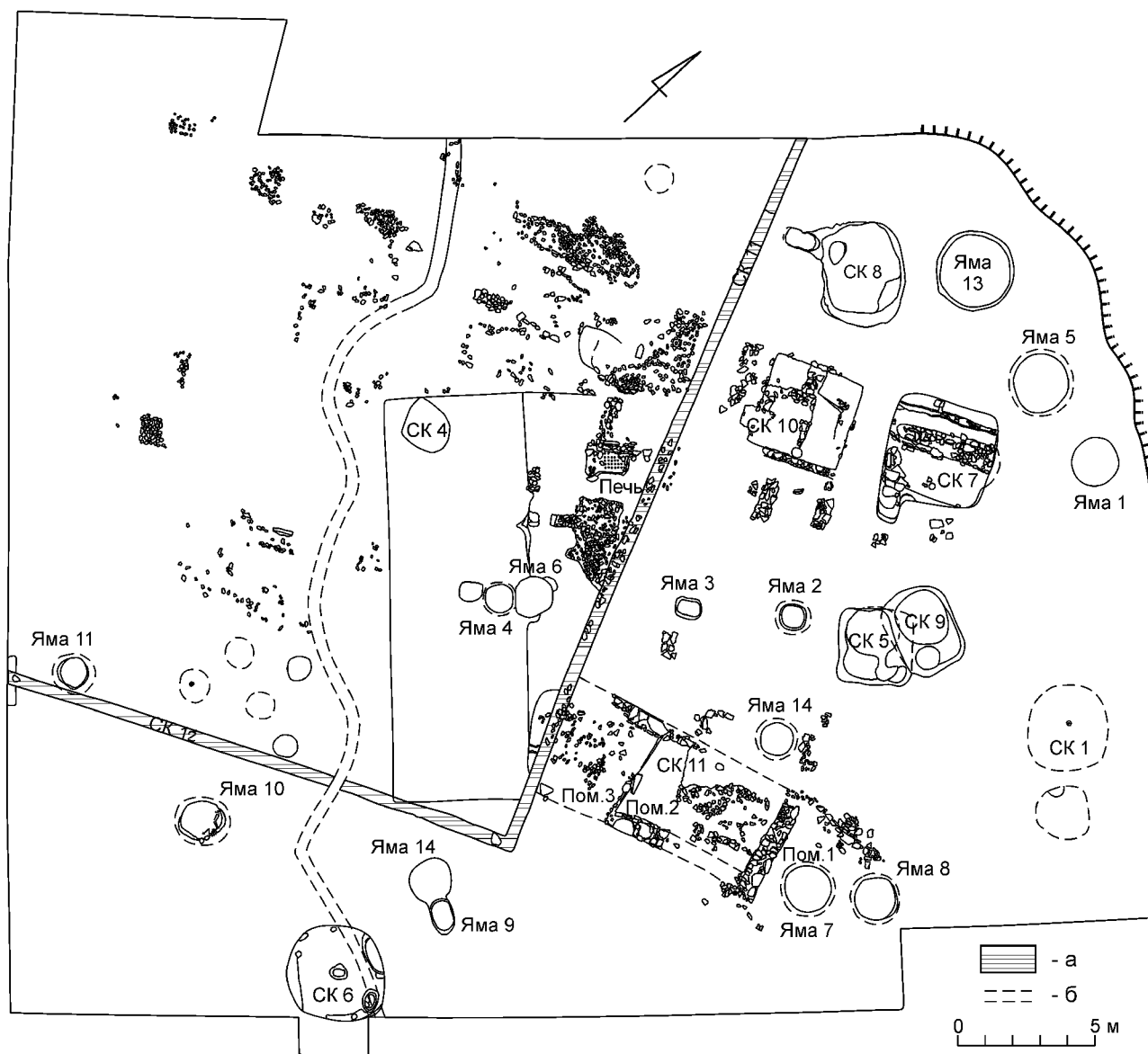


Рис. 2. Поселение Козырка 12 – южная, план раскопа (Рогов, 1991б. Л.1) (а — строительный комплекс 12; б — траншея позднего времени)

Fig. 2. Settlement of Southern Kozyrka 12, plan of the excavation (Рогов, 1991б. Sh. 1) (а — building complex 12; б — trench of the late period)

соответственно 3,4 и 8,5 кв. м при глубине котлованов 0,6–0,7 м. Строительный комплекс 9 был частично разрушен в юго-западной части полуземлянки более позднего времени.

Промежуточное положение между овальными и подквадратными комплексами занимает полуземлянка б, расположенная в южной части поселения. Постройка выделяется и более крупными размерами (14 кв. м), а также наличием элементов внутреннего благоустройства. В центре полуземлянки был зафиксирован материковый

выступ (столтик?) округлой формы диаметром 0,5 м, окруженный кольцевой канавкой глубиной 0,1 м и шириной 0,2 м. Вдоль западного борта конструкции располагалась площадка, так называемая лежанка, из плотно утрамбованной глины, забитой в пространство между стенкой полуземлянки и сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. Максимальная ширина конструкции составила 0,6 м при длине 2,2 м. В восточной части помещения располагалось большое углубление в полу (1,6 × 0,6 м), впущенное в материковый

пол на 0,35 м. К югу от углубления находился материковый «столлик» диаметром 0,6–0,7 м и высотой до 0,1 м. По периметру СК 6 были вырыты пять конусовидных ямок, видимо, использовавшихся для устройства опор кровли (Рогов, 1991а. Л. 10, 11).

Большинство полуземлянок, судя по сырцово-зольному заполнению, могли иметь наземные сырцовые стены или глиняно-плетневую конструкцию с соломенным перекрытием. Оно могло быть купольным у овальных конструкций или сооруженным в виде двускатной крыши — у квадратных в плане комплексов.

Вопрос о функциональном назначении полуземлянок остается дискуссионным ввиду отсутствия в большинстве комплексов вещей, найденных *in situ*. Традиционно принято относить овальные по форме полуземлянки к хозяйственным постройкам из-за неудобства устройства в них спальных мест (Крыжицкий и др., 1989. С. 41; Отрешико, 2009. С. 100). Однако исследования поселений, где практически все строительные комплексы относились к данному типу, доказывает факт их использования и в качестве жилых помещений (Марченко, 2013. С. 62; Чистов, 2017. С. 129–131).

Из архаических полуземлянок на поселении Козырка 12 – южная только СК 6 может быть более-менее достоверно интерпретирован в качестве жилого помещения, так как здесь были обнаружены элементы внутреннего благоустройства. Остальные строительные комплексы могли иметь как хозяйственную, так и жилую функции. Отметим только, что площадь овальных в плане полуземлянок была значительно больше, чем у двух прямоугольных построек.

Большинство полуземлянок широко датируются концом VI — первой половиной V в. до н. э. по находкам профильных частей амфор Хиоса и Самоса, амфор на сложно профилированной ножке, а также по фрагментам чернолаковой столовой посуды. Исключение составляет только СК 9, в заполнении которого были найдены две ножки амфор с прямым горлом производства Хиоса, которые датируются второй половиной V в. до н. э. Однако возможно они попали в заполнение при сооружении СК 5 конца V в. до н. э., который прорезал восточный угол котлована полуземлянки. Стоит также отметить, что СК 6 мог использоваться достаточно продолжительное время одновременно с прорезающей его угол ямой, так как их заполнение, как отметил автор раскопок, было однородным (Рогов, 1991а. Л. 10, 11).

Таким образом, если первый период жизни на поселении составил порядка 50–60 лет, можно предположить, что его территория застраивалась постепенно. Вышедшие из эксплуатации комплексы не ремонтировались, а были оставлены и затем засыпаны в пределах позднеархаического времени.

Помимо полуземлянок на поселении также было зафиксировано не менее шести хозяйственных ям колоколовидной и грушевидной в сечении форм, которые могут быть датированы позднеархаическим временем (рис. 3, 4, 5). Их глубина колеблется от 1,4 до 2,3 м. Размеры устья и дна соответственно 1,12–1,20 м и 1,6–2,7 м. Особый интерес представляют только две ямы необычной подчетырёхугольной в плане формы. Их размеры составили 1,4 × 1,8 м и 1,25 × 0,75 м при глубине 1,7–1,8 м (Рогов, 1991а. Л. 13–15, 17).

Стоит также отметить яму 10, расположенную в 4 м к западу от строительного комплекса 6, которая была использована для захоронения (рис. 2). Скелет обнаружен на уровне дна ямы, на глубине 1,52 м. Погребение принадлежало мужчине 20–30 лет. Он лежал на спине с согнутыми в коленях ногами, головой ориентирован на восток. Сопроводительный инвентарь не зафиксирован. В отчете не приведена датировка ямы, так как, по замечанию Е. Я. Рогова, материал в заполнении был крайне невыразителен (Рогов, 1991а. Л. 16, 17). Однако в описях указаны находки венчика и ножки хиосской пухлогорлой амфоры, а также ручки чернолакового килика и стенки чернолаковой чаши ионийского производства. Тогда можно предположить, что засыпь конструкции произведена в пределах позднеархаического времени.

Таким образом, в конце VI — начале V в. до н. э. поселение Козырка 12 – южная представляло из себя комплекс заглубленных в землю структур жилого и хозяйственного назначения с прилегающими к ним хозяйственными ямами, которые составляли отдельное домохозяйство (ойкос) (Крыжицкий, Буйських, 1988. С. 6, 7; Крыжицкий и др., 1989. С. 29, 30). Подобные хозяйственные модули являлись основной единицей пространственной организации поселений ольвийской хоры позднеархаического времени, как для больших селищ типа Чертоватое 7, так и на небольших «хуторах», к которым относится и Козырка 12 – южная.

Классический период

На памятнике наблюдается уменьшение количества культурных остатков конца второй

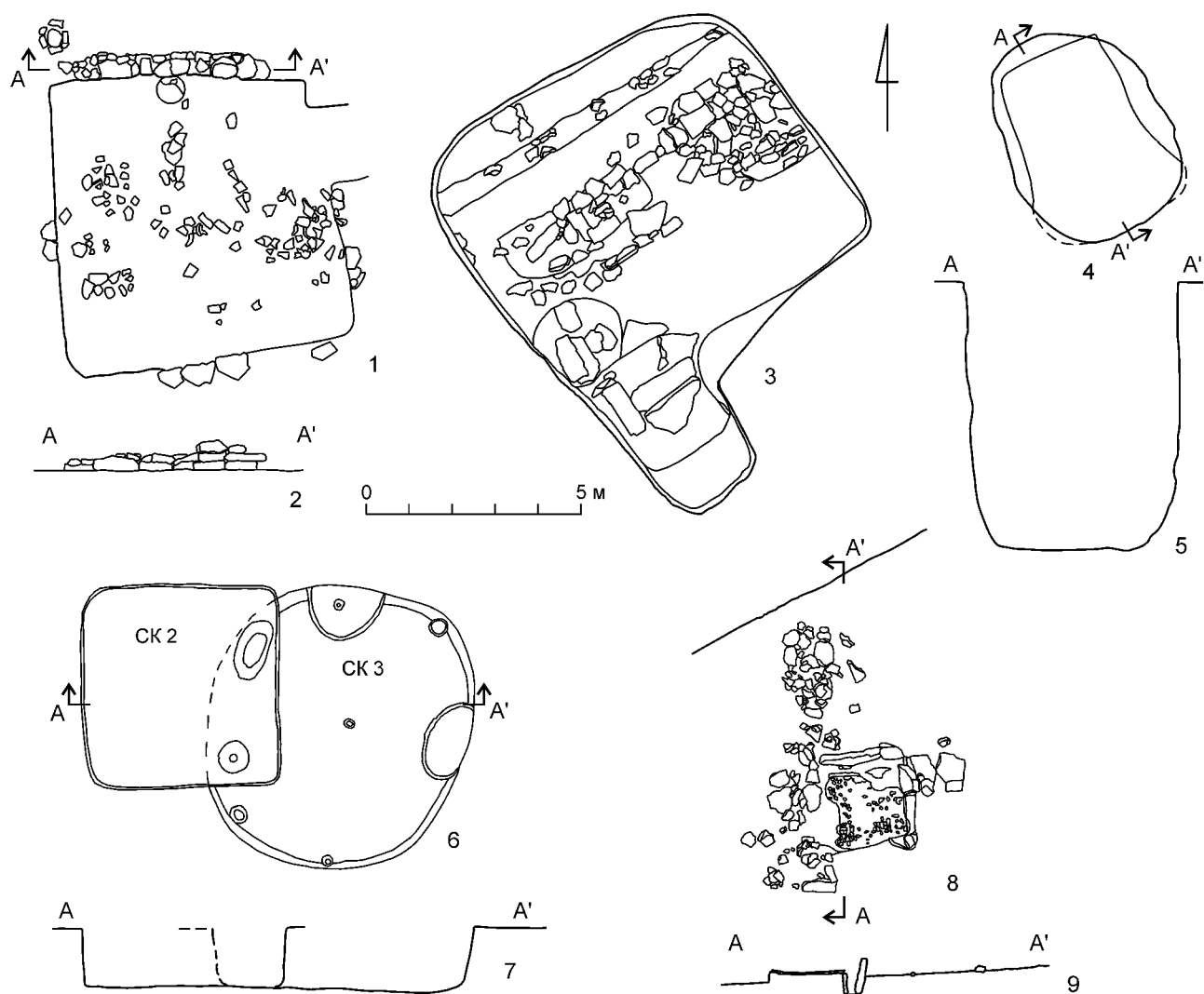


Рис. 3. Поселение Козырка 12 – южная. Строительные и хозяйственные комплексы (Рогов, 1990б. Л. 7–9; 1991б. Л. 2–5): 1, 2 – строительный комплекс 10, план и южный фас кладки AA'; 3 – строительный комплекс 7; 4, 5 – яма 3, план и разрез; 6, 7 – строительные комплексы 2 и 3, план и разрез; 8 – печь, план и разрез

Fig. 3. Settlement of Southern Kozyrka 12. Buildings and economic complexes (Рогов, 1990б. Sh. 7–9; 1991б. Sh. 2–5): 1, 2 – building complex 10, plan and the southern façade of the masonry AA'; 3 – building complex 7; 4, 5 – pit 3, plan and section; 6, 7 – building complexes 2 and 3, plan and section; 8 – oven, plan and section

четверти V в. до н. э.. Тем не менее в отличие от большинства памятников ольвийской хоры на Козырке 12 – южная в этот период продолжает вестись строительная и хозяйственная деятельность.

Строительные остатки второй половины V в. до н. э. представлены тремя полуземлянками подквадратной в плане формы (СК 3, 9, 13) (рис. 2). Интересно, что две из них находятся на месте строительных комплексов предшествующего времени, частично прорезая последние (рис. 3, 6, 7). Один из бортов котлована третьей полуземлянки был обложен камнем, что также

может быть связано с необходимостью укрепления стенки помещения (Рогов, 1992. Л. 7).

Как и в позднеархаическое время, размеры подквадратных полуземлянок сравнительно небольшие. Так, площадь СК 3 и 9 составляла соответственно 5 и 7,6 кв. м при глубине 0,8–1,0 м. Засыпь всех строительных комплексов была произведена не ранее третьей–четвертой четверти V в. до н. э. К этому же времени относятся пять хозяйственных ям, аналогичных по размерам и форме комплексам предшествующего периода (Рогов, 1990а. Л. 16; 1991а. Л. 9, 10).

В целом несмотря на то что во второй–третьей четвертях V в. до н. э. наблюдается некоторый упадок жизни на поселении, способ пространственной организации и тип домостроительства отражают продолжение бытования на нем традиций позднеархаического времени.

Кардинальные изменения происходят только в самом конце V в. до н. э., когда массовая полуземляночная застройка сменяется наземными сырцово-каменными комплексами с развернутым планом. При этом сохраняется и традиция постройки заглубленных в землю помещений, которая, однако, претерпевает значительные изменения.

Наиболее ранним для этого периода является строительный комплекс из трех помещений, вытянутых по линии запад–восток (СК 11) (рис. 2). В его заполнении обнаружены профильные части амфор Гераклеи Понтийской, Пепарета типа I–A, хиосских амфор на колпачковой ножке. Следов ремонта или перестройки помещений не зафиксировано. В целом можно предположить, что весь комплекс функционировал непродолжительное время, в пределах первой трети IV в. до н. э.

Плохая сохранность кладок цоколей позволяет установить размеры только центрального помещения, которое в плане имело форму прямоугольника со сторонами $5,5 \times 3,6$ м. В его северо-восточном углу была устроена невысокая загородка размерами $1,5 \times 1,0$ м. Интерес также представляет сохранившаяся часть восточного помещения, где в земляной пол были впущены две ямы, засыпь которых датируется концом V — началом IV в. до н. э. В нижней части котлована одной из них находилось большое количество обуглившихся злаков, а также обломки терракот и керамических грузиков. Возможно, это были votivные подношения, относящиеся к культу плодородия (Рогов, 1991а. Л. 7). Отметим, что подобная яма классического времени, в заполнении которой обнаружено 15 votивных «хлебцев», лепной светильник, терракота и «ваза» на высокой ножке, была зафиксирована на соседнем поселении Козырка 12 (Марченко, 2013. С. 292). Это может свидетельствовать о сходстве культов, управляемых жителями обоих памятников.

Еще два строительных комплекса (СК 7, 10) (рис. 3, 1–3) входили в единую жилищно-хозяйственную структуру, о чем свидетельствуют их расположение относительно друг друга, одинаковая ориентировка по линии север–юг, а также ряд

конструктивных особенностей. СК 10 состоял из нескольких помещений, от которых до нас дошли лишь фрагменты кладок цоколей. Лучшее всего сохранилось подквадратное в плане помещение площадью 12,6 кв. м.

Внутри помещения были выделены два строительных периода. Вначале здесь была возведена кладка в два ряда камней, которой было выгорожено помещение площадью около 1,5 кв. м. В его заполнении было обнаружено гераклейское клеймо второй магистратской группы, что позволяет датировать начальный период существования комплекса в пределах середины 80-х — середины 60-х гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007. С. 238, табл. 7.). К этому же времени относится яма для сброса золы глубиной 0,1 м в юго-восточном углу комплекса. Ближе к последней трети столетия эта часть помещения была перекрыта плотно утрамбованной глиняной площадкой, состоявшей из 4–5 слоев глиняных промазок. На ней в северо-восточном углу сооружается площадка из плотно утрамбованного суглинка размером $1,0 \times 1,3$ м, ограниченная с юга кладкой из известняковых камней (Рогов, 1991а. Л. 5, 6).

Вероятно, к одному из помещений СК 10 могла относиться печь, примыкавшая к небольшому фрагменту цоколя (рис. 3, 8, 9). Конструкция печи состояла из пода, обмазанного глиной, и бокового продуха, опущенного ниже пода на 0,18 м. Продух и сама печь были обложены известняковыми плитами, поставленными на ребро (Рогов, 1990а. Л. 16).

В 4 м к востоку к СК 10 примыкало заглубленное в землю помещение (СК 7). В плане СК 7 приближается к квадрату со сторонами $4,0 \times 4,0$ м. Котлован заглублен в землю на 0,6–0,9 м. Вход в помещение был оформлен в виде пяти ступенек с шириной лестничного марша в 0,7–0,8 м. Выбоина в камне с западной стороны нижней ступеньки, вероятно, служила для крепления двери. Вдоль западного борта на расстоянии 0,5 м от него была вырыта канавка шириной 0,2 м. Последняя могла служить основанием для сырцовой стены, о чем свидетельствуют заплывы известняка. В центральной части была вырыта еще одна канавка, в которую были уложены известняковые плиты, возможно служившие обкладкой для подпорных деревянных столбов, поддерживавших двускатную кровлю. Пол материковый, плотно утопанный, с многочисленными глиняными промазками, что может свидетельствовать

о достаточно продолжительной эксплуатации комплекса (Рогов, 1991а. Л. 11, 12).

Ко второму периоду строительной деятельности на поселении относится СК 12 (рис. 2), назначение его неясно. В ходе его сооружения были частично разрушены СК 11 и ряд других наземных построек, расположенных в западной части поселения. Комплекс был исследован частично ввиду его больших размеров. За годы работ были открыты две траншеи глубиной 0,2–0,4 м и шириной 0,5 м, сходящиеся под прямым углом на южной окраине памятника. Их длина составила 29 м по линии север–юг и 20 м по линии запад–восток (Рогов, 1992. Л. 8).

В классический период на памятнике велась активная хозяйственная деятельность, о чем свидетельствуют многочисленные хозяйственные ямы того времени. Интересно, что часть из них была компактно расположена в северной части поселения, что позволяет высказать предположение о выделении здесь зоны для хозяйственных работ (рис. 2).

Всего было исследовано 12 хозяйственных ям, материал которых относится к самому концу V — первой половине IV в. до н. э. (Рогов, 1991а. Л. 13–17; Рогов, 1992. Л. 2–5). Шесть ям имели в сечении грушевидную форму. Размеры диаметров устья колеблются от 1,0 до 1,5 м, дна — от 1,2 до 3,1 м. Котлованы были спущены на глубину 1,0–2,4 м. Реже встречаются ямы цилиндрической формы. Они имели несколько большие размеры, их диаметры достигают 2,5–3,0 м. К классическому времени также относится яма необычной подчетырехугольной в плане формы. Размеры устья — 1,1 × 0,7 м, дна — 0,85 × 0,60 м. Дно плоское, стенки слегка сужаются книзу. Это одна из ранних ям периода конца V — начала IV в. до н. э.

Таким образом, во время коллапса хоры Ольвии во второй половине V в. до н. э. жизнь на поселении Козырка 12 — южная в отличие от большинства памятников сельской округи не прекращается. Это делает данный памятник в некотором смысле особенным, хотя и не исключительным. Сооружения второй половины V в. до н. э. были также зафиксированы на поселениях Чертоватое 7, Широкая Балка, Закисова Балка (Крыжицкий и др., 1990. С. 104), Лупарево 2 (Виноградов, Марченко, 1986. С. 66, 67), Бейкуш (Крыжицкий и др., 1990. С. 126). Сходна с козырским поселением и хронология периодов домостроительства на памятнике «ближней» хоры Ольвии Широкая балка 6 (Папанова, Ляшко, 2015. С. 224–236).

В классическое время поселение Козырка 12 — южная активно развивалась. Вместо полуземляночных сооружений предыдущего периода строится несколько наземных сырцово-каменных домов, которые состояли из отдельных помещений хозяйственного и жилого назначения, вероятно объединенных общим двором. При этом заглубленные сооружения продолжают возводиться, однако их конструкция усложняется. Более активной становится и хозяйственная деятельность жителей. При этом территория поселения не расширяется, строительные комплексы по-прежнему концентрируются в мысовой части. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что здесь могла находиться структура, близкая по типу к так называемым индивидуальным усадьбам (Крыжицкий и др., 1989. С. 120, 121). В конце первой половины V в. до н. э. большинство построек были оставлены жителями. На их месте сооружается конструкция неясного назначения.

Общие выводы

Опираясь на вышеприведенные данные о характере организации жизни на памятнике, а также об облике материальной культуры его жителей в позднеархаическое–классическое время, можно сделать несколько обобщающих выводов, которые необходимо сопоставить с известными на настоящий момент данными о развитии ольвийского полиса как единой хозяйственно-политической структуры, состоящей из города и его сельской округи.

1. Поселение Козырка 12 — южная с начала своего основания представляло собой отдельное домохозяйство, состоящее из четырех–шести построек, как и большинство близлежащих к нему небольших хуторов площадью не более 0,2 га, компактно расположенных по склонам древних балок (см., например: Буйских, 1985; 1986; Крыжицкий и др., 1989. С. 26 сл). Памятник входил в микрорегион, непосредственно примыкавший к ольвийскому городищу, что обуславливало общность их материальных культур (Буйских С., Буйских А., 2010; Снитко, 2013. С. 3, 4; Марченко, Доманский, 1981. С. 62; Марченко, 2013. С. 58–71).

2. В отличие от большинства памятников Нижнего Побужья, затронутых сложными социально-политическими процессами, охватившими весь регион Северного Причерноморья со второй четверти V в. до н. э., на поселении продолжает вести строительная и хозяйственная деятельность,

сохраняется общий облик материальной культуры. По предположению К. К. Марченко, памятник мог стать одной из базовых точек ранней реколонизации сельскохозяйственной округи (*Марченко*, 2005. С. 114, 115).

3. Вероятно, в связи с интенсификацией процессов реколонизации в V в. до н. э. происходит переход к наземному строительству каменно-сырцовых многокамерных домов. Несмотря на изменение типа домостроительства, поселение остается отдельным ойкосом и сохраняет свою земледельческую направленность.

4. Общий облик материальной культуры, в частности вещественный комплекс, свидетельствует в пользу присутствия здесь преимущественно носителей греческой культурной традиции.

5. В целом же можно отметить единство характера развития жизни на поселении с одновременными ему памятниками Нижнего Побужья. Однако особый интерес представляет связь Козырка 12 – южная с соседним ему памятником Козырка 12 ввиду их близкого взаиморасположения, которое делает несомненным взаимодействие между ними (рис. 1). В архаическое время оба поселения, состоявшие из нескольких заглубленных в землю построек с примыкающим комплексом ям, могли иметь контакты или даже образовывать единую хозяйственную единицу. С другой стороны, на Козырка 12 жизнедеятельность прекращается во второй четверти V в. до н. э., в отличие

от соседнего поселения. Вторичное освоение его территории происходит в конце столетия практически одновременно с началом возведения наземных построек на Козырка 12 – южная. Однако поселение на северном склоне балки застраивается исключительно заглубленными структурами. Вероятно, на памятнике была гораздо более интенсивной и хозяйственная деятельность, о чем свидетельствует сопоставление количества хозяйственных ям. Так, на Козырка 12 на площади 3370 кв. м было обнаружено около 100 ям, в то время как на южном памятнике это соотношение — 30 ям на 2100 кв. м (*Марченко*, 2013. С. 127).

К. К. Марченко предполагал превалирование варварского компонента на северном поселении в классическое время (*Марченко*, 2005. С. 128). Однако, опираясь на близкий состав вещественного комплекса двух памятников и наличие схожих элементов в отправлении культов, можно утверждать, что здесь скорее присутствовали различия в социально-экономической роли двух соседних поселений в конце V — первой четверти IV в. до н. э.

В завершение хотелось бы отметить высокий уровень ведения полевой документации Е. Я. Роговым в тяжелых условиях начала 1990-х гг. По материалам его отчетов даже через тридцать лет исследователи могут достаточно полно описать и проанализировать развитие процессов жизнедеятельности на памятнике.

Буйских, 1985 — *Буйских С. Б.* Работы в сельской округе Ольвии // АО 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 263–264.

Буйских, 1986 — *Буйских С. Б.* Раскопки поселения Чертоватое 7 // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 219–220.

Буйских С., Буйских А., 2010 — *Буйских С. Б., Буйских А. В.* К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // БИ. 2010. Вып. 24. С. 3–64.

Виноградов, Марченко, 1986 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Античное поселение Лупарево 2 // Русяева А. С. (отв. ред.). Ольвия и ее округа: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1986. С. 59–68.

Гиблова, 2020а — *Гиблова А. А.* Новое поселение хоры Ольвии Козырка 12-«бис» // Новик: Матлы Третьей Междунар. науч. конф. «Археология в исследованиях молодых». Вып. 21 / Под ред.

Ю. В. Селезнёва, Е. Ю. Захаровой. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2019. С. 85–87.

Гиблова, 2020б — *Гиблова А. А.* Общая характеристика вещественного комплекса поселения Козырка 12 – южная // Вдовченков В. Е. (отв. ред.). XV Всероссий. археологическая конф. студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: Сб. тр. конф. Ростов: Изд-во Южного фед. ун-та, 2020. С. 143–149.

Гиблова, 2021 — *Гиблова А. А.* Две Козырки: Сравнительная характеристика двух поселений хоры Ольвии // Шумяков Р. А. (отв. ред.). Ноябрьские чтения-2019: Сб. ст. по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 21–34.

Кац, 2007 — *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Деметра, 2007 (БИ; Вып. 18). 480 с.

- Крыжицкий*, 1982 — *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. 163 с.
- Крыжицкий*, *Буйских*, 1988 — *Крыжицкий С. Д.*, *Буйских С. Б.* Структура архаичного поселения Нижнего Побужья // *Археология*. 1988. № 63. С. 1–8.
- Крыжицкий и др.*, 1989 — *Крыжицкий С. Д.*, *Буйских С. Б.*, *Бураков А. В.*, *Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989. 240 с.
- Крыжицкий и др.*, 1990 — *Крыжицкий С. Д.*, *Буйских С. Б.*, *Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. 130 с.
- Марченко*, 1999 — *Марченко К. К.* К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–IV вв. до н.э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 145–172.
- Марченко*, 2005 — *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // *Марченко К. К.* (отв. ред.). Греки и варвары Северного Причерноморья в Скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 42–136.
- Марченко*, 2013 — *Марченко К. К.* Хора Ольвии (дополнения к этнокультурной характеристике сельскохозяйственной территории полиса) // *Stratum plus*. 2013. № 3. С. 17–130.
- Марченко*, *Доманский*, 1981 — *Марченко К. К.*, *Доманский Я. В.* Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ. Л.: Искусство, 1981. Вып. 22. С. 62–74.
- Отрешко*, 2009 — *Отрешко В. М.* Землянки и полуземлянки на античных поселениях Нижнего Побужья // *Крыжицкий С. Д.* (отв. ред.). Ольвийские древности: Сб. науч. тр. памяти В. М. Отрешко (1949–1999). Киев: б. и., 2009. С. 98–102.
- Папанова*, *Ляшко*, 2015 — *Папанова В. А.*, *Ляшко С. Н.* Пригородные усадьбы ольвийской хоры V–IV вв. до н. э. (итоги раскопок 2003–2013) // *Stratum plus*. 2015. № 3. С. 223–249.
- Рогов*, 1996 — *Рогов Е. Я.* Два сельских поселения классического и эллинистического времени на хоре Ольвии // *Станко В. Н.* (отв. ред.). Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского: Сб. тез. докл. конф. Одесса: Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова, 1996. С. 90–91.
- Рогов*, 1990а — *Рогов Е. Я.* Отчет о работе Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1990 г. Д. 52.
- Рогов*, 1990б — *Рогов Е. Я.* Чертежи к отчету о работе Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1990 г. Д. 54.
- Рогов*, 1991а — *Рогов Е. Я.* Отчет Нижнебугской античной экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1991 г. Д. 43.
- Рогов*, 1991б — *Рогов Е. Я.* Чертежи к отчету Нижнебугской античной экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1991 г. Д. 45.
- Рогов*, 1992 — *Рогов Е. Я.* Отчет о работе Нижнебугской античной экспедиции ИИМК РАН в 1992 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1992 г. Д. 26.
- Снитко*, 2013 — *Снитко И. О.* Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійського поліса // *Археология*. 2013. № 2. С. 3–14.
- Чистов*, 2017 — *Чистов Д. Е.* Землянки архаической Березани // *Північне Причорномор'я за античної доби* (на пошану С. Д. Крижицького). Киев: Стародавній світ, 2017. С. 127–143.

Settlement of Southern Kozyrka 12 in the context of the development of the chora of Olbia

A. A. Giblova²

Keywords: Lower Bug region, chora of Olbia, settlement of Southern Kozyrka 12, late 6th — first third of the 4th cen. BC.

The site of Southern Kozyrka 12 is situated nine kilometres to the north from the Olbian townsite and two km to the south from the village of Kozyrka in the Nikolayev Oblast (Fig. 1). During the years of investigations by the

² Anastasiya A. Giblova — Institute of History, St. Petersburg State University; 5 Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: Giblova A.A.@yandex.ru.

expedition headed by E. Ya. Rogov, an area of ca 2,100 m² was excavated. Expansive numbers of artefacts had been collected (Fig. 2). Tragic circumstances resulted in the most of the materials having been unpublished. This paper is a continuation of the series of publications of the scientific reports on the excavations of 1990–1992 stored in the Manuscript Department of the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture RAS.

The site represents a separate oikos (homestead). Through the artefacts and changes of the house-building traditions, two periods of the occupation of the settlement are identifiable. Six earth dwellings of the 6th – first half of the 5th cen. BC and the series of household pits adjoining them are dated to the Archaic period (Fig. 1; 3, 4–7).

The presence of structures of that period in the background of the general crisis of the chora in the second/third quarter of the 5th cen. BC is the main peculiarity of the site under consideration (Fig. 3, 6, 7). Only in the end of that century the transition to building of surface many-chamber houses with mudbrick walls on a stone socle begins (Fig. 2; 3, 1, 2). Simultaneously, the tradition of earth-embedded structures continued (Fig. 2; 3, 2).

In general, the material culture and the character of the occupation of the settlement correspond to the common tendencies at settlements of the chora of Olbia. At the same time, of interest is the comparison of the settlement of Southern Kozyrka 12 with the site of Kozyrka 12 located on the opposite slope of the ancient balka (ravine). The coexistence at so a close distance of an earth-dwelling and surface house-building, as well as differing economic activities accompanied by a similar complex of artefacts allow us to suggest a differing social and economic status of these settlements within the system of rural surroundings.

Погребальные обряды некрополей Виноградный 7 и Виноградный северо-восточный во второй половине V — IV в. до н. э.

А. Н. Берлизов, Н. И. Сударев¹

Аннотация. Статья посвящена особенностям некрополей Виноградный 7 и Виноградный северо-восточный в сопоставлении с другими погребальными памятниками региона. Результаты проведенного исследования позволяют предполагать более неоднородный состав населения, оставившего некрополи у поселения Виноградный, чем в некрополе Фанагории. Не менее пестрый состав, по-видимому, представлен в некрополях Волны 1 и Артющенко 2. Это дает возможность поставить вопрос о взаимоотношениях городского населения с населением сельской округи.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, погребальные обряды, некрополи, древнее население, методы многомерного анализа, ГИС-технологии.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-60-72

Вопрос о составе населения, оставившего некрополи Азиатского Боспора, продолжает сохранять дискуссионность. По материалам достаточно точно локализованных некрополей Фанагории, Гермонассы, Горгиппии, Кеп, учитывая данные нарративной традиции, хотя бы в общих чертах можно судить о составе населения, оказавшего решающее влияние на формирование их погребальных обрядов.

Однако многие погребальные памятники Азиатского Боспора крайне сложно однозначно связать с группой населения определенного полиса в силу отсутствия каких-либо данных, кроме археологического материала. В их числе — недавно исследованный некрополь Виноградный 7. Первичная оценка его материалов, а также расположение некрополя у древнего пути, ведущего от Фанагории к Кизилташскому лиману, казалось бы, указывают на связь оставившего его населения с хорой Фанагории (Сударев, 2017а). Но в то

же время исследователи отмечают общность некоторых особенностей обрядов Виноградного 7 с некрополями Кеп, Пантикапея, Волны 1, Артющенко 2. Там прослеживаются разные погребальные традиции, включая и отличные от фанагорийских (Мимоход, Успенский, 2016; Мимоход и др., 2017а; Мимоход и др., 2017б; Кашаев, Сударев, 2020; Кашаев и др., 2020). Сходство погребальных обрядов некрополя Виноградный 7 не только с некрополем Фанагории, но и с этими памятниками может свидетельствовать о неоднородности оставившего его населения. Однако не исключена и возможность влияния иных факторов на специфику погребальных традиций рассматриваемого памятника, прежде всего хронологических изменений и половозрастных характеристик погребенных.

Исследование материалов других некрополей региона² показывает изменчивость обрядов во времени: одни и те же традиции могли появляться и исчезать в некрополях в разные периоды, что сказывалось на сходстве и различии этих памятников, причем в обрядах обнаруживаются и статусные особенности. В некрополе Виноградный 7 это проявилось не только в характере

¹ Берлизов А. Н. — Отдел сохранения археологического наследия; Сударев Н. И. — Отдел классической археологии, ИА РАН; ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: berlizov-aleksandr@mail.ru; sudarev@list.ru.

² См. например: Берлизов и др., 2019; Сударев, 2010.

погребальных сооружений и вариативном наборе сопроводительного инвентаря, но и в расположении самих захоронений (Сударев, 2016; Гарбузов и др., 2017). Кроме того, на особенности обрядов влияли пол и возраст погребенных

При изучении обрядов некрополей у поселения Виноградный был проанализирован материал 125 захоронений второй половины V — IV в. до н. э. Использование методов многомерного анализа³ позволило установить, что погребальные обряды некрополей Виноградный 7 и Виноградный северо-восточный менялись с течением времени. Погребения конца V — первой половины IV в. до н. э. по ряду характеристик отличались от захоронений второй половины IV — рубежа IV–III вв. до н. э.⁴ Были выявлены следующие характеристики: конструкция погребального сооружения, количество погребенных в могиле, поза и положение конечностей индивида, его ориентировка, количество сосудов в погребении, наличие и локализация кувшинов, присутствие парфюмерных глиняных и стеклянных сосудов, украшений, мелких «орудий труда», предметов ритуального назначения. С помощью кластер-анализа в исследованном массиве были определены кластеры, объединявшие исключительно погребения, датированные в пределах конца V — первой половины IV в. до н. э. В остальные кластеры объединили погребения, содержавшие инвентарь второй половины IV — рубежа IV–III вв. до н. э.

Таким образом, были выделены два периода бытования некрополя Виноградный 7. К первому периоду относятся 52 захоронения, ко второму — 73.

В первый период конструкции погребальных сооружений разнообразны: преобладают прямоугольные либо овальные ямы без перекрытия, реже обнаруживаются сооружения из сырца (ящики и склепы). Часто встречаются детские захоронения в амфорах. Выявлено одно погребение младенца в горшке. Преобладают одиночные

захоронения, реже встречаются парные. В большинстве могил индивиды располагались в вытянутом положении на спине, однако примерно в 20 % погребений⁵ прослеживаются варианты помещения умершего скорченно на боку (левом или правом) либо на спине. Только в одном захоронении зафиксировано положение ничком. Доминирует ориентация погребенного головой на восток, реже — на запад, еще реже — на юг.

В наборе сопроводительного инвентаря большинства захоронений отсутствуют сосуды. В их присутствии преобладают наборы, состоящие более чем из трех сосудов, реже — одного-двух, очень редко — трех. В 40 % захоронений встречены кувшины, которые обычно располагались за головой умершего, но могли находиться справа, слева, реже — в ногах. Более чем в половине этих могил зафиксировано сочетание кувшинов с мелкими глиняными сосудами. Только мелкие глиняные сосуды (для масел и благовоний) встречаются в 35 % погребений. В наборе украшений преобладают перстни, реже встречаются серьги, очень редко — золотые и медные нашивные бляшки. Мелкие «орудия труда» представлены преимущественно ножами и иглами⁶, реже — пряслицами и гвоздями. В этот период в 11 % погребений фиксируются монеты, которые в большинстве случаев располагались под нижней челюстью индивида, реже — в заполнении погребального сооружения.

Более вариативны обряды, прослеженные в погребениях второй половины IV — рубежа IV–III вв. до н. э. Более широкое распространение получает традиция захоронения в курганных насыпях эпохи бронзы (35 % погребений). Новым типом погребальных сооружений стали черепичные гробницы. Растет число захоронений в сырцовых склепах и сырцовых ящиках. Достаточно широко распространены младенческие захоронения в сосудах⁷. Основным типом погребальных

³ Эта методика успешно применялась в ходе изучения материалов других некрополей Азиатского Боспора, в частности при сравнительном анализе материалов некрополей Волна 1 и Артющенко 2 (Берлизов и др., 2019; Абрамова, Берлизов, 2019).

⁴ Разделение некрополей Виноградный 7 и Выше-стеблиевская 21 на два объекта при проведении полевых исследований носило исключительно технический характер. Эти памятники следует рассматривать как единый некрополь. Далее в работе памятник будет именоваться «Виноградный 7».

⁵ Здесь и далее указан процент от общего числа захоронений в выборке рассматриваемого периода.

⁶ В данном случае имеется в виду «прижизненная» функция этих вещей. Безусловно, попадая в состав погребального инвентаря, эти вещи приобретали новое назначение (см. например: Сорокина, Сударев, 2001; Сударев, 2010. С. 452–454; Morris, 1996. P. 103–127; Collins, 2008. P. 27–63).

⁷ Интересно, что два младенческих погребения (погребения 83 и 84) совершены в лепных горшках, ко-

сооружений остаются овальные и прямоугольные грунтовые ямы. В нескольких из них были обнаружены органические подстилки, в одной — перекрытие из сырцовых блоков. Исключением является захоронение в яме с заплечиками.

Особенностью периода является увеличение числа погребенных в коллективных захоронениях при сохраняющемся преобладании одиночных. Чаще, чем в предшествующий период, совершаются парные захоронения. Общее положение погребенного становится более «стандартным». В подавляющем большинстве захоронений (более 80 %) он лежит в вытянутом положении на спине, кости рук вытянуты вдоль туловища, кости ног параллельны друг другу. Значительно реже встречается скорченное положение на правом или левом боку, крайне редко — на спине. Кости рук могли быть согнуты в локтях, заведены под таз, в одном случае — отведены от туловища, кости ног были согнуты в коленях. Единичным случаем представлено положение индивида ничком, кости его рук вытянуты вдоль туловища, кости ног — параллельно друг другу. Ориентировка умерших, напротив, более вариативна: хотя по-прежнему преобладает направление головой на восток, значительно чаще встречается ориентация на запад⁸. Единичны случаи ориентации на юг и север.

Сосуды представлены почти во всех захоронениях. В подавляющем большинстве могил обнаружен набор из трех и более сосудов, реже — двух, очень редко — одного. Только в 5 % погребений сосуды отсутствовали. Почти вдвое увеличивается количество кувшинов в погребениях, которые в большинстве случаев располагались за головой погребенного, значительно реже справа, очень редко — в его ногах. Возрастает и число мелких глиняных сосудов: они выявлены в 47 % могил. Набор украшений менее вариативен: в большинстве погребений по-прежнему встречаются перстни, реже — серьги, в единичных случаях — ручные браслеты. Из «орудий труда» чаще всего присутствуют иглы, реже — ножи, в 8 % захоронений зафиксировано сочетание ножа и оселка. Значительно чаще — в 20 % погребений —

торые находят аналогии среди лепных сосудов местного населения Нижнего Прикубанья.

⁸ Эти данные получены в первую очередь при анализе материалов некрополя Виноградный северо-восточный. Именно там ориентация погребенных головой на запад в этот период являлась преобладающей.

встречаются монеты, которые обычно обнаруживаются в заполнении погребального сооружения и крайне редко — под нижней челюстью умершего. Новым в наборе предметов ритуального назначения является присутствие терракотовых статуэток, которые выявлены в 3 % погребений.

Аналогичным образом, с учетом ранее полученных результатов, было проведено исследование особенностей погребальных традиций, связанных с полом и возрастом индивидов. Были проанализированы материалы 86 захоронений, в которых был определен возраст погребенных⁹. Пол умерших удалось установить только в 34 погребениях. Выявлено, что с признаком-интерпретатором «возраст индивида» наиболее тесно связан следующий набор признаков: количество погребенных в могиле, общее положение погребенных, их ориентировка; количество сосудов в захоронении; наличие и расположение горшков, кувшинов, мисок, сосудов для питья, крупных тарных сосудов, присутствие туалетных сосудов; наступательного вооружения; наличие и расположение бус, украшений; мелких «орудий труда» и предметов ритуального назначения¹⁰. Наиболее сильные связи с индикатором «пол погребенного» отмечены у признаков: конструкция погребального сооружения, количество погребенных в могиле, их общее положение и ориентировка, наличие и размещение мисок и кувшинов, присутствие туалетных сосудов, стрелкового оружия, украшений и предметов ритуального назначения. В результате были определены отличительные особенности обряда, характерные для каждой возрастной группы, представленной в некрополях¹¹, а также установлены различия в «мужском» и «женском» обрядах захоронения.

⁹ Определение пола и возраста были сделаны специалистами-антропологами Т. Ю. Шведчиковой, Н. Г. Свиркиной и А. Н. Абрамовой.

¹⁰ Отметим, что погребения молодых женщин чаще встречались в составе коллективных захоронений, а взрослых мужчин — как коллективных, так и индивидуальных.

¹¹ В некрополях представлены следующие возрастные группы: младенцы (0–2 года), дети (3–15 лет), молодые люди (16–25 лет), взрослые (25–45 лет). Поскольку антропологические определения были сделаны лишь для одного индивида в возрасте старше 45 лет, исследование этой возрастной группы не представляется возможным.

При анализе вариаций в обрядах каждой возрастной категории было выявлено сосуществование в некрополях двух разных по статусу групп населения, для каждой из которых существовали разные «нормы» захоронения. В частности, такие различия выявлены в погребальных практиках захоронений младенцев¹². Были выделены две группы. К первой группе относятся одиночные погребения в амфорах или горшках, не содержавшие инвентаря. Направление ориентировки тел умерших неустойчиво: на восток, запад и север. Во вторую группу вошли захоронения, совершенные совместно с молодыми или взрослыми умершими в сырцовых склепах или ящиках. Погребенные обычно были ориентированы головой на восток. В наборе инвентаря в этих погребениях к младенцу могли относиться 1–2 сосуда.

Четкие различия выявлены в обрядах детских захоронений. Среди них также выделяются две группы. В первой группе погребения были совершены в простых грунтовых ямах. Ориентировка захороненных, как и в погребениях младенцев, неустойчива. В наборе инвентаря в единичных случаях встречены серьги, иные предметы отсутствуют.

Во второй группе представлены коллективные захоронения детей, как правило¹³, совместно со взрослыми. Чаще всего они были совершены в сооружениях из сырца, реже — в грунтовых ямах. Преобладает ориентация погребенного головой на восток. В набор инвентаря, принадлежавшего ребенку, могло входить до трех сосудов. Среди них — один или несколько мелких глиняных сосудов в сочетании с кувшином, реже — с сосудом для питья. Из украшений представлены серьги, из «орудий труда» — пряслица либо иглы. В заполнении нескольких захоронений встречены монеты.

Существенно отличаются обряды захоронения молодых людей, которые также можно объединить в две группы. К первой группе относятся одиночные погребения, совершенные в простых грунтовых ямах. При неустойчивой ориентации погребенных доминирующим является направление на восток. В состав инвентаря некоторых захоронений мог входить один мелкий глиняный

сосуд либо (очень редко) один сосуд для питья. В большинстве случаев сосуды отсутствовали. В наборе «орудий труда» в мужских захоронениях могли присутствовать иглы или ножи, в женских — иглы либо (редко) пряслица. В наборе украшений в мужских погребениях встречаются перстни, в женских — серьги. В большинстве случаев захоронения были безынвентарными.

Для второй группы характерны как одиночные, так и коллективные захоронения в простых грунтовых ямах, сооружениях из сырца, а также в подбойных могилах с сырцовым закладом. В большинстве случаев, за исключением захоронений в некрополе Виноградный северо-восточный, характерной остается ориентация погребенного головой на восток. В керамическом наборе в захоронениях могли присутствовать два либо три сосуда. В основном представлены кувшины и мелкие глиняные сосуды, реже — миски и сосуды для питья. И в мужских, и в женских захоронениях могли находиться одиночные наконечники стрел (см. об этом: Сударев, 1999. С. 219–227). Набор украшений представлен серьгами, перстнями, ручными браслетами. Среди «орудий труда» в погребениях встречаются ножи в сочетании с иглами, очень редко — гвозди и пряслица. Достаточно часто обнаруживаются монеты, расположенные в заполнении сооружения или под нижней челюстью погребенных.

Наиболее яркие различия между двумя группами населения прослеживаются в погребальных обрядах взрослых людей. В первой группе представлены одиночные захоронения в простых грунтовых ямах. Преобладает ориентация погребенного головой на восток, однако встречаются варианты с расположением в западном, северном и южном направлениях. Керамический набор включал не более двух сосудов, чаще они отсутствовали, реже с индивидом находился мелкий глиняный сосуд, очень редко — кувшин в сочетании с мелким глиняным сосудом. В наборе украшений в некоторых мужских захоронениях присутствуют перстни, в женских — серьги либо кольца, среди «орудий труда» — ножи и пряслица. В единичных случаях в захоронениях могли находиться монеты.

Во второй группе представлены как одиночные, так и коллективные захоронения. Коллективные погребения, как правило, совершались в сооружениях из сырца или грунтовых склепах, одиночные — в простых грунтовых ямах, подбойных могилах с сырцовым закладом, в черепяных

¹² Об особенностях погребальных практик младенческих захоронений на Боспоре см. исследование, проведенное совместно с Н. П. Сорокиной (*Сорокина, Сударев, 2000*).

¹³ В некрополе Виноградный 7 прослежены случаи парного захоронения детей.

гробницах. В двух захоронениях зафиксирован обряд кремации, в остальных — ингумации. В большинстве случаев прослежена ориентация погребенного головой на восток. В керамическом наборе представлено не менее двух, а в большинстве погребений — более трех сосудов¹⁴. Обнаружены кувшины, мелкие глиняные сосуды (для масел и благовоний), миски, реже — сосуды для питья и крупные тарные сосуды. В наборе вооружения (исключительно в мужских захоронениях) представлены один либо несколько наконечников стрел, одно или несколько копий, короткие мечи. В женских захоронениях — одиночные наконечники стрел. В наборе украшений в мужских захоронениях встречены перстни, ручные браслеты и медные пряжки, в женских — серьги, кольца и (в одной могиле) нашивные бляшки из желтого металла. Набор «орудий труда» в захоронениях мог состоять из ножей, игл, пряслиц, оселков. В единичных случаях могли встретиться гвозди. В заполнении могил или под нижней челюстью погребенных часто обнаруживаются монеты. В двух погребениях найдены терракотовые статуэтки.

Таким образом, в каждой из возрастных групп неизменно выделяется по две подгруппы. Отметим, что такая же своеобразная «бинарность» ранее прослеживалась и в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 (см.: *Абрамова, Берлизов, 2019; Берлизов, 2020. С. 92–93*).

Учитывая, что исследователи (*Сударев, 2017б. С. 187; Кашаев, Сударев, 2020*) весьма доказательно пытаются отнести Виноградный к хоре Фанагории, при изучении вопроса об их древнем населении было решено сопоставить особенности погребальных обрядов их некрополей. Для этого по предложенному ранее алгоритму были выявлены характеристики, связанные с изменениями погребальных обрядов Фанагории во времени, а также с полом и возрастом погребенных. Был проанализирован массив данных, состоящий из 127 захоронений VI–IV вв. до н. э. Поскольку рассмотреть все особенности погребальных обрядов Фанагории в рамках этой статьи не представляется возможным, уместно отразить лишь наиболее важные результаты исследования.

Наборы характеристик, связанных с изменениями погребальных обрядов во времени, в некрополях Фанагории и у поселения Виноградный

во многом похожи. Однако обнаруживается и ряд важных отличий. Например, способ обращения с телом погребенных и наличие в захоронениях сосудов для питья, маркирующие изменения обряда во времени в некрополе Фанагории, не являются хрономаркерами для некрополей у поселения Виноградный. Кроме того, процесс изменений в погребальных традициях в рассматриваемых некрополях не синхронен. Так, в пределах второй половины V — IV в. до н. э. для некрополя Фанагории выделяются два периода: 1) четвертая четверть V — третья четверть IV в. до н. э.; 2) четвертая четверть IV — первая половина III в. до н. э. Сопоставление показывает, что изменения в его обрядах произошли на четверть века позднее, чем в некрополях Виноградного.

Анализ особенностей обрядов Фанагории, связанных с полом и возрастом погребенных, выявляет четкие различия между пятью возрастными и двумя гендерными группами. Однако при высокой вариативности погребальных традиций бинарного деления возрастных групп не наблюдается: структура общества, по-видимому, была достаточно однородной.

Безусловно, обозначенные различия в целом не опровергают общего сходства некрополей у поселения Виноградный и Фанагории. Последнее прослеживается в характере погребальных сооружений, положении погребенных, господствующей на обоих некрополях восточной ориентировке, наборе сопроводительного инвентаря. Но все же возникает вопрос о причине различий в двух группах погребенных одного пола и возраста в некрополях Виноградного. Сопоставление материалов погребальных памятников у поселения Виноградный не только с захоронениями Фанагории, но и с некрополями Волна 1 и Артющенко 2¹⁵, дает возможность выяснить, что может влиять на погребальные обряды некрополей: их локализация («город — сельская округа») или связи с населением, оставившим другие памятники Азиатского Боспора (некрополи Волна 1 и Артющенко 2)¹⁶

¹⁵ В выборке некрополя Волна 1 представлено 405 захоронений второй половины V — рубежа IV–III вв. до н. э., в выборке Артющенко 2 — 78 погребений второй половины V — первой половины IV в. до н. э.

¹⁶ Эти некрополи находились на перекрестках важнейших древних дорог. Безусловно, по этим дорогам происходило движение населения региона, в том числе пришлого из Прикубанья и Синдики.

¹⁴ В некоторых погребениях могло присутствовать до 10 сосудов.

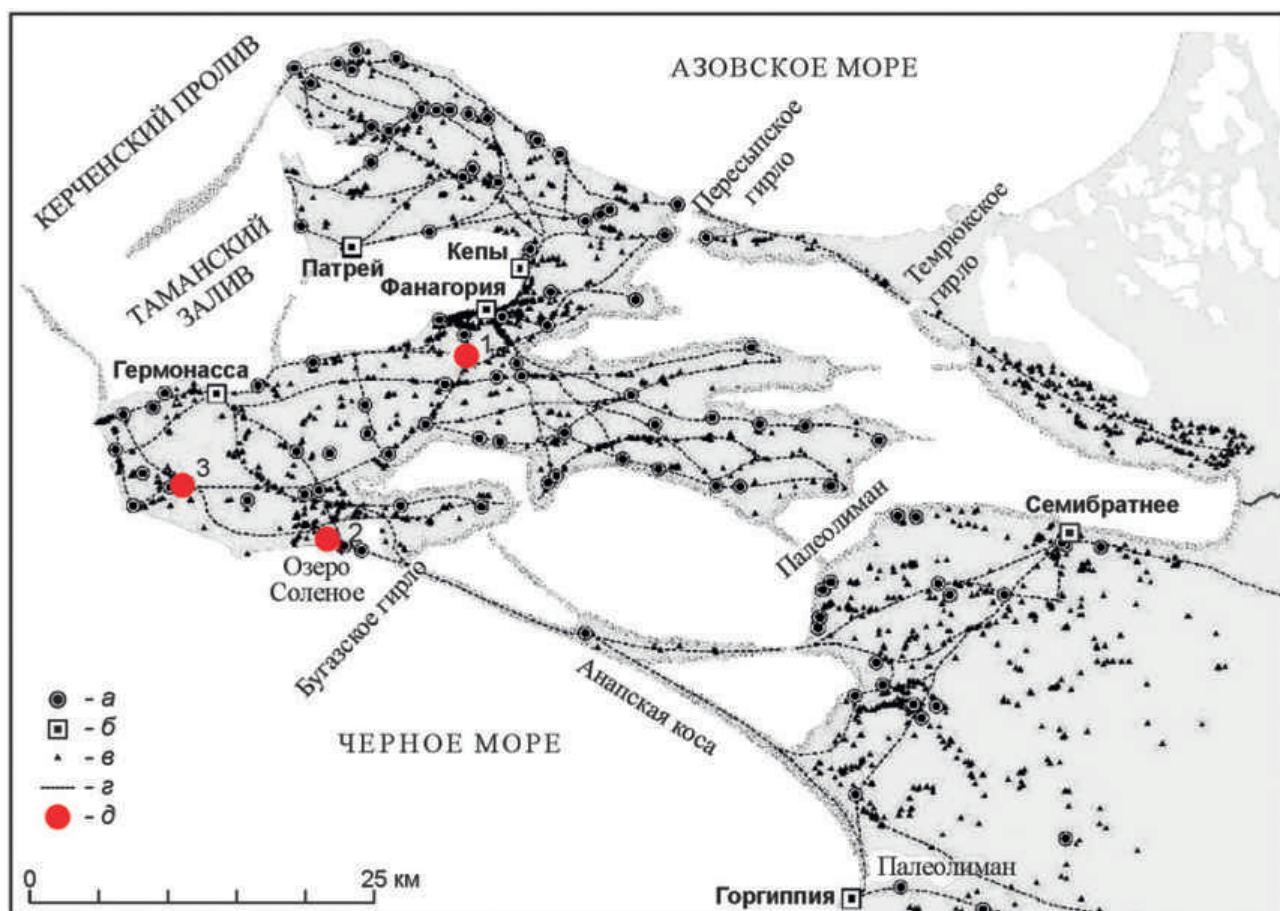


Рис. 1. Территория Азиатского Боспора и района Анапы во второй половине VI — первой половине V в. до н. э. (а — поселения; б — локализованные некрополи; в — курганы; г — древние дороги, реконструкция; д — некрополи, упоминаемые в статье): 1 — Виноградный 7; 2 — Артющенко 2; 3 — Волна 1 (Sudarev, 2021. P. 44, fig. 4)

Fig. 1. The area of the Asiatic Bosphoros and the region of Anapa in the second half of the 6th — first half of the 5th cen. BC (a — settlements; б — localized necropoleis; в — kurgans; г — ancient roads; д — necropoleis mentioned in the paper): 1 — Vinogradny 7; 2 — Artyushchenko 2; 3 — Volna 1 (Sudarev, 2021. P. 44, fig. 4)

(рис. 1). Тем более что помимо греческого компонента в этих некрополях обнаруживаются и признаки обрядов автохтонного населения (*Мимоход и др.*, 2018. С. 229–230). В частности, в детском захоронении 86 некрополя Виноградный 7 выявлены наброска из необработанных камней, западная ориентировка погребенного, лепной горшок, что в комплексе может свидетельствовать о связях с «варварами» (рис. 2). Особенно интересен выделенный тип надмогильного сооружения, ранее не встречавшийся в некрополях греческих городов Азиатского Боспора. В то же время он находит аналогии в «варварских» захоронениях в районе Анапы и Волны 1, относящихся к концу VI — первой половине V в. до н. э. (Sudarev et al., 2021. P. 52; *Мимоход и др.*, 2019. С. 138–141).

Учитывая ранее полученные результаты в некрополях Фанагории, Виноградный 7 и Виноградный северо-восточный, для каждого периода были выявлены варианты¹⁷ погребальных традиций. Ранее такой набор вариантов был установлен для некрополей Волна 1 и Артющенко 2 (*Берлизов и др.*, 2019. С. 231–240).

В ходе исследования хронологических изменений в обрядах во всех рассматриваемых некрополях удалось установить, что в целом они происходили синхронно и укладываются в два хронологических периода: 1) вторая половина V —

¹⁷ Понятие *вариант* определяется в настоящем исследовании как устойчивое сочетание особенностей погребального обряда, связанное со временем совершения захоронения, возрастом и полом индивидов.



Рис. 2. Азиатский Боспор во второй половине VI — первой половине V в. до н. э. Захоронения с похожими погребальными традициями: 1 — Виноградный 7, погребение 86; 2–4 — Волна 1, погребение 451 на разных стадиях расчистки, вид с юго-запада, севера, северо-востока (Мимоход и др., 2018. С. 221, рис. 1); 5–6 — Вестник, погребение 8 на разных стадиях расчистки, вид с севера, юга

Fig. 2. Asiatic Bosphoros in the second half of the 6th – first half of the 5th cen. BC. Burials with similar burial traditions: 1 — Vinogradny 7, burial 86; 2–4 — Volna 1, burial 451 at different stages of excavations, view from south-west, north, north-east (Мимоход и др., 2018. С. 221, рис. 1); 5–6 — Vestnik, burial 8 at different stages of excavation, views from north and south

первая половина IV в. до н. э.; 2) вторая половина IV — рубеж IV–III вв. до н. э.

В первый период в рассматриваемых некрополях удалось выделить 21 вариант и 49 подвариантов погребальных «практик». Для второго периода выделено 43 варианта и 78 подвариантов. Для каждого периода был проведен сравнительный

анализ некрополей у поселения Виноградный с некрополями Фанагории, Волна 1 и Артющенко 2. С учетом того что в некрополе Артющенко 2 обнаружено очень мало погребений второй половины IV в. до н. э., в границах второго периода были проанализированы только материалы некрополей у поселения Виноградный, Фанагории и

Волна 1. В первом периоде выделены две группы некрополей, которые по представленным на них вариантам погребальных традиций наиболее тесно связаны между собой. В первую группу вошли некрополи Фанагории и Виноградного 7, во вторую — Артющенко 2 и Волна 1 (они включают общие девять вариантов и 15 подвариантов).

Некрополи первой группы объединяют 11 вариантов и 19 подвариантов погребальных традиций. Из них два варианта и четыре подварианта специфичны только для этой группы. Особо выделяются захоронения по обряду кремации на месте с инвентарем, прослеженные в обоих некрополях. При этом в некрополях у поселения Виноградный это является единичным случаем, а в некрополе Фанагории данный обряд представлен в нескольких погребениях. Общими для некрополей Фанагории и Виноградного 7 являются захоронения младенцев совместно со взрослым человеком в сооружениях из сырца, где к младенцу мог относиться один мелкий глиняный сосуд. Некрополи первой группы сближает и наличие парных погребений детей по обряду ингумации с господствующей ориентацией погребенного головой на восток. С умершими могли находиться два сосуда, в некоторых случаях — серьги либо перстни. Только в некрополях у поселения Виноградный встречены одиночные захоронения молодых людей по обряду ингумации в грунтовых ямах в вытянутом положении с ориентацией головой на восток и набором инвентаря из трех и более сосудов, а также украшениями, представленными перстнями, серьгами или браслетами. Набор «орудий труда» включал ножи и иглы. Предметы ритуального назначения в этих погребениях представлены монетами. В некрополе Фанагории прослежены семь вариантов и девять подвариантов локальных погребальных традиций. Можно особо выделить захоронения под курганной насыпью по обряду кремации на месте, а также погребения пожилых людей, впущенные в курганную насыпь эпохи бронзы, совершенные по обряду ингумации в простых грунтовых ямах с господствующей ориентацией погребенного головой на восток и достаточно вариативным набором инвентаря.

Во второй группе (Волна 1 и Артющенко 2) выявлено 22 варианта и 28 общих подвариантов погребальных традиций. Интересно, что два варианта и 13 подвариантов из них не обнаружены в некрополе Фанагории и в некрополях у поселения Виноградный. Так, только в некрополях

Волна 1 и Артющенко 2 во второй половине V — первой половине IV в. до н. э. представлены одиночные погребения молодых людей по обряду ингумации в скорченном положении в грунтовых ямах с неустойчивой ориентировкой без инвентаря. Локальной, по-видимому, является традиция совершения коллективных захоронений молодых мужчин в грунтовых ямах по обряду ингумации в вытянутом положении головой на восток. В наборе инвентаря могли присутствовать от двух до трех и более сосудов. Набор украшений состоял из перстней и браслетов. Среди «орудий труда» могли быть ножи, оселки, очень редко — астрагалы. Только в этой группе прослежен обряд совершения «двухъярусных» погребений. Они представляют собой единый комплекс, в котором одно захоронение целенаправленно совершалось над другим. Как правило, на нижнем «ярусе» располагалось коллективное погребение в грунтовой яме. В заполнении этого сооружения с небольшим временным интервалом совершалось последующее захоронение. Расположение и сохранность сосудов в этих могилах, а также датировка инвентаря исключают возможность случайного нарушения слоя одного погребения другим.

Были выявлены девять подвариантов погребальных традиций, которые представлены в некрополях у поселения Виноградный, Артющенко 2 и Волна 1, но отсутствуют в некрополе Фанагории. Для некрополя Фанагории нехарактерны безинвентарные одиночные захоронения по обряду ингумации в грунтовых ямах в скорченном положении с неустойчивой ориентировкой и обряд совместного захоронения молодой женщины и ребенка, выявленный в погребениях у поселения Виноградный, Артющенко 2 и Волна 1.

Установленные для данного периода общие особенности в обрядах некрополей Виноградного с погребальными памятниками группы 2 не свидетельствуют об их более тесной, чем с некрополями Фанагории, связи. Более того, некоторые близкие погребальные традиции были выявлены только в некрополях Фанагории и Волна 1. В некрополях у поселения Виноградный они не встречаются.

Во второй половине IV — на рубеже IV–III вв. до н. э. набор погребальных традиций меняется. В это время набор вариантов погребальных традиций, представленный в некрополях у поселения Виноградный и Волна 1, отличается от погребальных обрядов некрополя Фанагории. Во всех некрополях выявлено 43 варианта и 78 подвариантов

погребальных обрядов. В некрополях у поселения Виноградный и Волна 1 прослежено 35 вариантов и 65 подвариантов, из них только 15 вариантов и 25 подвариантов обнаружены во всех памятниках группы, а 12 вариантов и 18 подвариантов — исключительно в некрополях Виноградный и Волна 1. Так, только там встречаются захоронения молодых женщин по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах головой на восток с очень бедным набором инвентаря, состоящим из двух-трех предметов. Сохраняется обряд совместного захоронения молодой женщины и ребенка, который по-прежнему не прослеживается в некрополе Фанагории. Нехарактерным для некрополя Фанагории является и обряд коллективного захоронения женщин¹⁸ в сырцовых ящиках по обряду ингумации в вытянутом положении с вариативным набором инвентаря.

Из 21 варианта погребальных традиций, выявленных в некрополе Фанагории, шесть являются общими для всех рассматриваемых некрополей. Семь вариантов обряда сходны с обрядами некрополей у поселения Виноградный, остальные варианты прослеживаются только на некрополях Фанагории.

Большие различия в погребальных практиках некрополя Фанагории и памятников выделенной группы проявились в способах обращения с телом погребенного и в погребальных конструкциях. В группе некрополей у поселения Виноградный выделен лишь один подвариант захоронения по обряду кремации, в некрополе Фанагории — четыре варианта и шесть подвариантов. В некрополях у поселения Виноградный представлено только одно погребение по обряду кремации на месте, в некрополе Волна 1 обнаружены только ингумации, в некрополе Фанагории представлены как кремация на месте, так и на стороне (в урне). Этот обряд выявлен в погребениях и молодых, и взрослых людей. Значительная часть вариантов, специфичная для некрополя Фанагории, связана с захоронениями под курганами. Например, это обряд коллективных воинских захоронений взрослых мужчин в вытянутом положении в каменном склепе с большим количеством сосудов и вариативным набором вооружения и украшений.

В вариантах погребальных традиций некрополей у поселения Виноградный и Фанагории

наряду с явными различиями выявлено и сходство. Так, в некрополях выявлен общий вариант обряда детского захоронения, впускного в курган эпохи бронзы, в простой грунтовой яме, где иногда умершего сопровождали один-два предмета, в том числе мелкий глиняный сосуд. Представлен обряд кремации на месте под курганной насыпью. Если различия указывали на появление новых и изменение ранее существовавших обрядов, то это сходство, безусловно, свидетельствует о сохранении прежних связей между населением Виноградного и Фанагории.

С помощью ГИС-технологий погребальные традиции некрополя у поселения Виноградный 7 были локализованы на его плане¹⁹. В результате в пределах исследуемой выборки были выделены четыре группы:

- 1) погребения, обряды которых обладают самобытными чертами;
- 2) погребения, обряды которых прослежены во всех исследованных некрополях;
- 3) погребения, обряды которых близки к традициям, прослеженным в некрополе Фанагории;
- 4) погребения, в которых выявлены обряды, тесно связанные с традициями некрополей Волна 1 и Артющенко 2.

В некрополе Виноградный 7 прослеживается не менее 12 участков, связанных с различными погребальными обрядами (рис. 3)²⁰. Достаточно

¹⁹ Для этого в системе Quantum gis была осуществлена привязка планов некрополей к спутниковой геоподоснове. Для каждого из захоронений V–IV вв. до н. э. на планах некрополей были созданы «полигоны», получившие точную привязку в системе координат WGS 84. Каждый из них был наполнен информацией о конкретном погребении. Базой данных для геоинформационной системы стала матрица, выполненная в программе Microsoft Excel, содержащая сведения о 95 погребениях некрополя Виноградный 7, использованная ранее для исследования этого массива методами многомерного анализа. Применение ГИС-систем позволяет визуализировать результаты многомерного анализа на карте и создать эффективный инструмент исследования территориального распределения погребальных традиций с учетом места расположения захоронений.

²⁰ Это участки, где представлены погребальные обряды, сближающие некрополи у поселения Виноградный с другими погребальными памятниками. Выделение «родовых» участков на некрополях представляется крайне сложным и требует проведения тщательного изучения некрополей совместно со специалистами-

¹⁸ Речь идет именно о коллективных захоронениях женщин, а не о совместных захоронениях женщин и мужчин.

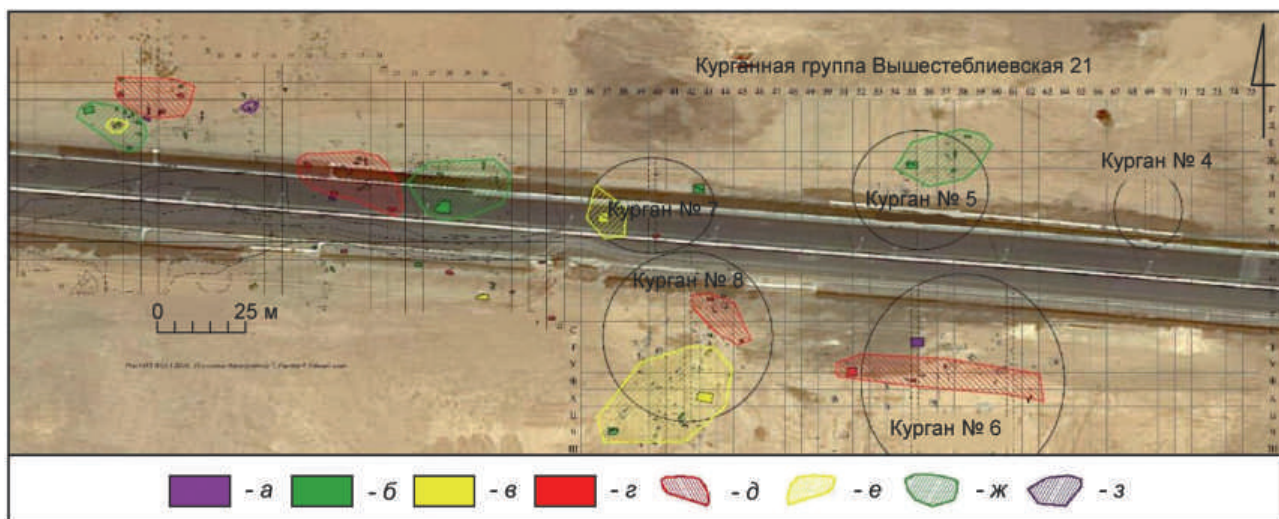


Рис. 3. Распределение участков с различными традициями погребального обряда в некрополях у поселка Виноградный. Общий план. Восточная, западная и южная части некрополя Виноградный 7. Условные обозначения: *a-z* — погребения: *a* — с самобытными чертами погребального обряда; *b* — с погребальным обрядом, одинаковым для всех некрополей; *v* — с традициями, прослеженными в некрополе Фанагории; *z* — с традициями, прослеженными в некрополях Волна 1 и Артющенко 2; *d-z* — участки с прослеженными сходствами с погребальными обрядами: *d* — некрополей Волна 1 и Артющенко 2, *e* — Фанагории, *ж* — всех исследованных некрополей, *z* — с самобытными традициями

Fig. 3. Distribution of areas with different traditions of the burial rite at the necropoleis near the settlement of Vinogradny. General plan. The eastern, western and southern sections of the necropolis of Vinogradny 7. Keys: *a-z* — burials: *a* — with peculiar features of the burial rite; *b* — with a burial rite identical at all the necropoleis; *v* — with traditions recorded at the necropolis of Phanagoria; *z* — with traditions recorded at the necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2; *d-z* — areas with revealed similarities of burial rites: *d* — the necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2, *e* — Phanagoria, *ж* — at all the investigated necropoleis, *z* — with peculiar traditions

широко представлены погребальные традиции, обнаруженные во всех изучаемых некрополях (четыре участка). На стольких же участках прослежена связь с традициями некрополей Волна 1 и Артющенко 2. На трех участках выявлено сходство с погребальными обрядами Фанагории. На одном участке представлены захоронения, обряды которых не находят аналогий с обрядами других некрополей.

Изучение территориального распространения обряда в разные периоды дает новые сведения. Наиболее ранние погребения конца V — первой половины IV в. до н. э. расположены в северной части некрополя Виноградный 7. Захоронения на

западном и восточном участках памятника фиксируются начиная со второй четверти IV в. до н. э. Однако если в западной части захоронения более активно совершаются в первой половине IV в. до н. э., то в восточной — во второй половине IV в. до н. э. Значительное количество захоронений в восточной части памятника совершено под курганами²¹, в сооружениях из сырца с достаточно вариативным набором инвентаря, включая предметы наступательного вооружения²². В этой части некрополя фиксируется один участок, близкий по погребальным традициям к захоронениям Фанагории, а другой — к обрядам некрополей Волна 1

антропологами. Например, этот вопрос освещается в исследованиях Дж. Картера и М. Берард (Carter, 1998. P. 143–167; Berard, 2017). Удачным примером исследования антропологических материалов погребальных памятников Азиатского Боспора являются работы А. Н. Абрамовой, посвященные некрополю Волна 1 (Абрамова и др., 2021).

²¹ Авторы при этом уверены, что большинство «курганных насыпей» на территории некрополя являются естественными возвышенностями.

²² Эта черта погребального обряда выделяется в некрополях особенно ярко, поскольку в других частях некрополя захоронения с вооружением фиксируются значительно реже.

и Артющенко 2. По-видимому, в южной части памятника совершение захоронений было затруднено ввиду особенности ландшафта²³. Там спорадически встречаются захоронения, совершенные как в первой, так и во второй половине IV в. до н. э.

Итак, обряды некрополей у поселения Виноградный изменялись с течением времени. В пределах V–IV вв. до н. э. изменения укладываются в два хронологических периода: 1) вторая половина V — первая половина IV в. до н. э.; 2) вторая половина IV — рубеж IV–III вв. до н. э. Этот процесс происходил относительно синхронно во всех рассмотренных погребальных памятниках²⁴, однако в некрополе Фанагории изменения фиксируются на четверть века позднее. Если погребальные обряды Фанагории демонстрируют относительную однородность населения, то структура древнего общества на территории поселения Виноградный, очевидно, была более сложной. Об этом свидетельствует наличие разных канонов захоронения в каждой половозрастной группе. Аналогичные особенности ранее были прослежены в некрополях Волна 1 и Артющенко 2. Это, в свою очередь, дает возможность поставить вопрос о взаимоотношениях городского населения с населением сельской округи. Можно предположить, что обитатели хоры были более открыты к возможным контактам с другими группами населения, что подтверждает высокая вариативность погребальных традиций, представленных в некрополях. Городское общество, напротив, было более консервативным²⁵.

²³ С учетом месторасположения могил, затрат на создание погребальных сооружений, набора инвентаря можно с осторожностью предположить, что погребенные на этом участке могли иметь более высокий статус, чем захороненные на остальных участках некрополя.

²⁴ Зафиксированные изменения происходили сразу в нескольких некрополях Азиатского Боспора. Это заставляет предположить неслучайность такой синхронности. Возможно, это могло быть связано с вхождением Азиатского Боспора в державу Спартокидов.

²⁵ Схожие особенности были отмечены и в некрополях на территории материковой Греции. Попытка интерпретации особенностей обрядов городского и сельского населения на территории Северного Пелопоннеса представлена в исследованиях Н. Димакиса (*Dimakis*, 2011. Р. 117–118; 2016. Р. 27–28). Проблема выявления различий в обрядах сельских и городских некрополей затрагивалась в недавнем исследовании А. А. Завойкина, посвященном статусу поселения и некрополя Волна 1 (*Завойкин*, 2020. С. 194–201).

Наиболее серьезные трансформации в обрядах в городском некрополе Фанагории связаны, прежде всего, с погребальными традициями зажиточных людей. Обряды рядового населения Фанагории, вероятно, были менее подвержены изменениям во времени. Об этом свидетельствует сохранение многочисленных общих характеристик обряда именно рядовых жителей Фанагории и обитателей поселения Виноградный в течение всего IV в. до н. э.

В некрополях у поселений Виноградный и Волна 1 появление новых погребальных традиций связано как с рядовым, так и с зажиточным населением. В некрополях у поселения Виноградный, как представляется, имущее население было ориентировано на погребальные обряды фанагорийской знати. На это указывает явная связь погребальных особенностей более «привилегированного» участка в некрополях у поселения Виноградный с традициями Фанагории. Погребения на соседнем участке обнаруживают связь с обрядами некрополя Волна 1. Характер их погребальных конструкций и набор инвентаря демонстрируют более низкий социальный статус погребенных.

Появление в некрополях у поселения Виноградный новых погребальных традиций у рядового населения позволяет предполагать, во-первых, некоторую унификацию обряда в рамках единого Боспорского государства, которая начинает проявляться в IV в. до н. э.; во-вторых, с учетом расположение поселений Виноградный, Артющенко и Волна 1 на перекрестках важнейших древних дорог, по которым перемещалось не только греческое, но и «варварское» население региона²⁶, представляется возможным присутствие среди обитателей поселения Виноградный представителей иных пришлых групп.

Однако хочется отметить, что сделанные в работе выводы — это, скорее, не решение вопросов, а их постановка, поскольку «при анализе ритуальных действий один ответ — как правило, ответ плохой» (*Morris*, 1996. Р. 21).

²⁶ Имеется в виду население левобережья Кубани, а также района Анапы–Новороссийска. С учетом того что большая часть данных земель в начале IV в. до н. э. вошла в состав державы Спартокидов, перемещение людей, проживавших на этих территориях, не представляется чем-то необычным.

- Абрамова, Берлизов, 2019 — Абрамова А. Н., Берлизов А. Н. Антрополого-тафологическая характеристика мужских погребений некрополя Волна 1 // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 339–355.
- Абрамова и др., 2021 — Абрамова А. Н., Свиркина Н. Г., Шведчикова Т. Ю. Сравнительная характеристика населения Таманского полуострова VI–II веков до н. э. по палеоантропологическим материалам из некрополя Волна 1 // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы VI конф. молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2021. С. 94–97.
- Берлизов, 2020 — Берлизов А. Н. Инновационные методы в изучении погребальных памятников Азиатского Боспора // Проблемы истории филологии и культуры. Магнитогорск: ИА РАН, 2020. № 2. С. 83–96.
- Берлизов и др., 2019 — Берлизов А. Н., Кашаев С. В., Мимоход Р. А. Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI–IV вв. до н. э. // Проблемы истории филологии и культуры. Магнитогорск: ИА РАН, 2019. № 3. С. 229–245.
- Гарбузов и др., 2017 — Гарбузов Г. П., Поротов А. В., Сударев Н. И. К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2017. Т. 21. С. 64–81.
- Завойкин, 2020 — Завойкин А. А. Волна 1 и некоторые другие «новые» памятники Боспора (К вопросу о статусе древнейших поселений на Таманском полуострове) // *Nomina omnium horarum*: Сб. ст. в честь 70-летия А. В. Подосинова / Под ред. А. В. Белоусова, Е. В. Илюшечкиной. М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2020. С. 189–207.
- Кашаев, Сударев, 2020 — Кашаев С. В., Сударев Н. И. Традиция погребений в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // Боспорские исследования. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2020. Вып. XL. С. 26–46.
- Кашаев и др., 2020 — Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // АВ. 2020. Вып. 30. С. 82–96.
- Мимоход, Успенский, 2016 — Мимоход Р. А., Успенский П. С. Раскопки курганных могильников на Таманском полуострове в 2014 г. // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: Материалы археол. науч. конф. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель, 2016 г.) / Отв. ред. Н. В. Волкодав. Краснодар: Экоинвест, 2016. С. 86–90.
- Мимоход и др., 2017а — Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. «Волна 1» — новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и таманского терминала навалочных грузов. Краснодар: Ирида, 2017. С. 4–31.
- Мимоход и др., 2017б — Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2017. Т. 21. С. 295–310.
- Мимоход и др., 2018 — Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Некрополь «Волна 1» 2017 г. (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М.: ИА РАН, 2018. С. 220–231.
- Мимоход и др., 2019 — Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посв. 70-летию профессора В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: Изд-во Южного науч. центра РАН, 2019. Вып. 2. С. 120–144.
- Сорокина, Сударев, 2000 — Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н. э. // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 193–204.
- Сорокина, Сударев, 2001 — Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Т. 1. С. 133–139.
- Сударев, 1999 — Сударев Н. И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 1999. Т. 2. С. 213–231.
- Сударев, 2010 — Сударев Н. И. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. М.: ИА РАН, 2010. С. 418–473.
- Сударев, 2016 — Сударев Н. И. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) //

- Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Материалы междунар. круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб.: Палаццо, 2016. С. 333–340.
- Сударев, 2017а — Сударев Н. И. «Торговля: пути — товары — отношения» через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути–товары–отношения. Керчь: Науч.-иссл. центр истории и археологии Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского, 2017. С. 525–535.
- Сударев, 2017б — Сударев Н. И. Погребения некрополя Виноградный 7 (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. М.: ИА РАН, 2017 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 19). С. 182–189.
- Berard, 2017 — Berard R.-M. Megara Hyblaea. 6. La necropole meridionale de la cite archaïque. Archeologie et histoire sociale des rituels funéraires. Rome: Ecole française de Rome, 2017. Vol. 2. 657 p.
- Carter, 1998 — Carter J. C. The chora of Metaponto. The necropoleis. Oxford: Oxford university press, 1998. Vol. 1. 482 p.
- Collins, 2008 — Collins D. Magic in the ancient Greek world. Oxford: Blackwell publishing, 2008. 207 p.
- Dimakis, 2011 — Dimakis N. Social Identity and Status in the Classical and Hellenistic Northern Peloponnese: the evidence from burials — an overview // Proceedings of the 2nd Hellenistic Studies International Workshop / Ed. K. Savvopoulos. Alexandria: Bibliotheca Alexandrina, 2011. P. 114–123.
- Dimakis, 2016 — Dimakis N. Social Identity and Status in the Classical and Hellenistic Northern Peloponnese. The Evidence from Burials. Oxford: Gordon House, 2016. 357 p.
- Morris, 1996 — Morris I. Death ritual and social structure of classical antiquity. Cambridge: Cambridge university press, 1996. 264 p.
- Sudarev et al., 2021 — Sudarev N. I. in co-operation with G. P. Garbuzov, A. V. Ivanov, Yu. Yu. Kargin, V. V. Mataev, K. V. Voronin. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug = На берегах Бура. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. S. 43–72.

Burial rites at the necropoleis of Vinogradny 7 and North-Eastern Vinogradny in the second half of the 5th–4th cen. BC

A. N. Berlizov, N. I. Sudarev²⁷

Keywords: Asiatic Bosphoros, burial rites, ancient population, methods of multidimensional analysis, GIS technologies.

This paper is devoted to the peculiarities of necropoleis of Vinogradny 7, Vyshestebliyevskaya 21 and North-Eastern Vinogradny as compared with other funerary sites of the region. It was established that the rites at necropoleis near the settlement-site of Vinogradny were changing with time. These changes were taking place during two chronological periods: 1) late 5th — first half of the 4th cen. BC, and 2) second half of the 4th — the turn between the 4th and 3rd cen. BC. It was found out that this process was occurring synchronously at all the funerary sites considered in this study. The high variability of the burial traditions represented at the necropoleis near the settlement of Vinogradny, Volna 1 and Artyushchenko 2 suggests that the population of the chora was more open to the possible contacts with other groups including foreign ethnic ones (Fig. 1–3). The urban society, on the contrary, was more conservative. The most serious transformations in the rites at the urban necropolis of Phanagoria were related primarily with the funerary traditions of prosperous individuals. The rites of the common people were less subjected to changes in time. At the necropoleis near the settlement of Vinogradny and Volna 1, the appearance of new burial traditions was linked both with the ordinary and the prosperous population.

²⁷ Alexander N. Berlizov — Department of Archaeological Heritage Preservation, IA RAS; 19 Ul. Dmitry Ulyanov, Moscow, 117292, Russia; e-mail: berlizov-aleksandr@mail.ru. Nicholay I. Sudarev — Department of Classical Archaeology, IA RAS; 19 Ul. Dmitry Ulyanov, Moscow, 117292, Russia; e-mail: sudarev@list.ru.

Miscellaneous Romani (несколько редких находок римского времени из Картала)¹

И. В. Бруяко²

Аннотация. В статье публикуются несколько вещей, обнаруженных в разное время при раскопках городища Картал на Нижнем Дунае. Все они датируются римским временем. Большинство являются редкими или вообще уникальными для данного региона находками.

Ключевые слова: римское время, городище Картал, фибула, конская упряжь.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-73-80

Уже почти 60 лет прошло с момента первых археологических раскопок Картала — памятника, известного так же, как Орловское городище или городище у с. Орловка. До настоящего времени материалы из раскопок акрополя (цитадели) на «Каменной горе» — господствующей над местностью природной возвышенности — опубликованы лишь в незначительной степени. Между тем происходящая отсюда археологическая коллекция в количественном отношении составляет никак не менее 2/3 всех находок из Картала.

С течением времени, особенно если с коллекцией практически не работают, очень трудно бывает установить происхождение той или иной вещи. Стираются шифры на керамике, рвутся старые бумажные пакеты, ломаются ящики и коробки. Стирается людская память, и совсем грустно, если вместе с памятью уходят ее хранители. Утрата этого источника информации трагически очевидна, когда такой человек являлся главным действующим лицом многолетних исследований памятника. Среди сделанных при этом находок иногда встречаются редкие, порой просто уникальные, во всяком случае для какого-либо региона и в определенном культурно-хронологическом контексте.

В репрезентативной археологической коллекции римского времени из Картала/Орловки — крепости, предмостного укрепления на участке нижнедунайского лимеса — есть несколько весьма незаурядных, редких предметов, часть которых утратила маркировку или вообще ее не имела. Получается, что ждать публикации соответствующего этим вещам контекста — бессмысленно, а сделать их известными широкому кругу исследователей было бы весьма полезно. Именно такие размышления и подсказали идею этой статьи, в которой собраны нерядовые предметы римского времени, найденные как на акрополе, так и в предместье³.

1. Бронзовая ножка-подставка (рис. 1, 2). Место находки: Картал-посад, участок «Северо-Восточный», раскоп I/2004 г. (слой, кв. В/2, II шт.).

Представляет собой ножку-подставку под римские бронзовые ковши типа Эггерс разных вариантов. В Европе, как Западной, так и Центральной, известно большое количество таких находок. Однако в Восточной Европе подобные подставки, напротив, весьма немногочисленны. Так, согласно каталогу А. В. Симоненко, в Северном Причерноморье известны два комплекса с аналогичными вещами (Симоненко, 2011. С. 127–129, рис. 78, 1, 3; кат. 45, 1; 61, 1). Оба находятся в южной части

¹ Статья поступила в редакцию 28.11.2020 г.

² Одесский археологический музей НАН Украины; ул. Ланжероновская, 4, Одесса, 65026, Украина; e-mail: ibruyako@yandex.ru.

³ Раскопки на акрополе городища («Каменная гора») проводились с 1963 по 1993 г. (с перерывами) под руководством Риммы Дмитриевны Бондарь (1937–2011). Работы в предместье с 2001 г. ведутся автором.

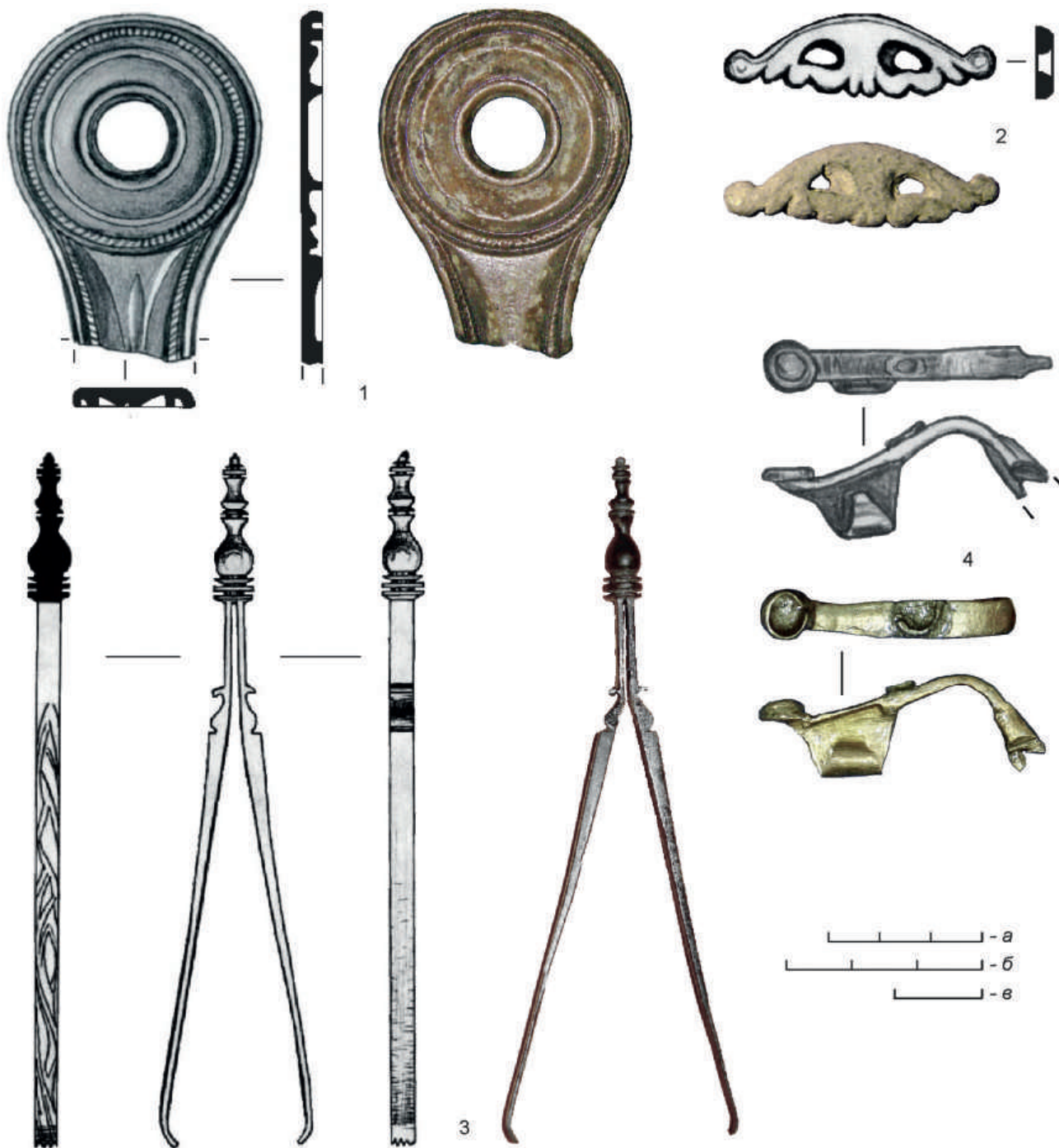


Рис. 1. Находки римского времени из Каргала: 1 — фрагмент ручки ковша типа Эггерс; 2 — фигурная подставка от ковша типа Эггерс; 3 — пинцет; 4 —фибула (рисунки Л. В. Субботина, фото И. В. Бруяко).

Масштаб: а — для 1, 3; б — для 2; в — для 4. 1-4 — бронза

Fig. 1. Finds of the Roman period from Kartal: 1 — fragment of the handle of a scoop of the Eggers type; 2 — figured support for a scoop of the Eggers type; 3 — pincers; 4 —fibula (drawings by L. V. Subbotin, photo by I. V. Bruyako).

Scale: a — for 1, 3; б — for 2; в — for 4. 1-4 — bronze

Среднего Приднепровья. Некоторые такие находки сделаны и в сарматских погребениях волго-донских степей. В одном из них был обнаружен и сам ковш Эггерс 140 вместе с ножками-подставками (Сергацков, 1998. С. 153, рис. 3, 2; 155). Известны бронзовые подставки и в Крыму — Усть-Альма, Артезиан (Винокуров, *Трейстер*, 2018. С. 142, 143, рис. 1, 3). В то же время, судя по тем данным, которые собрал М. Ю. Трейстер, в Северо-Западном Причерноморье находки ковшей и деталей от них отсутствуют. Ближайшей областью, где известна серия интересующих нас вещей, является лесостепь между Днепром и Южным Бугом (*Трейстер*, 2018. С. 153, рис. 2).

Любопытно, что если в европейских контекстах интерпретация подобных предметов разночтений не вызывает, то для исследователей, работающих на территории Малой Азии, по-видимому, все не так очевидно. Во всяком случае, в каталоге металлических изделий, обнаруженных при раскопках Сард, подставка атрибутирована как деталь костюма и отнесена к ранневизантийскому времени. Последнее, впрочем, со знаком вопроса (*Waldbaum*, 1983. P. 153, cat. 1011).

2. Часть ручки бронзового ковша (рис. 1, 1). *Место находки:* Картал-акрополь («Каменная гора»), б/п, предположительно 1979 г.

Фрагмент более всего похож на ручку ковша типа Эггерс 140. Считается, что это один из самых распространенных типов воинской посуды в наборе амуниции римских легионеров (*Симоненко*, 2011. С. 51). Соответственно находки таких ковшей нередки в комплексах первых веков новой эры, в том числе на варварской периферии, на Кубани и в Крыму. Всего в Северном Причерноморье известно более 30 находок ковшей Эггерс разных типов (*Трейстер*, 2018. С. 152)⁴.

3. Шарнирная фибула с двумя гнездами для (цветных) вставок (рис. 1, 4). *Место находки:* Картал-посад, участок «Северо-Восточный», раскоп VI/2015 (отвал с кв. С/І, вероятно, III шт.).

Пожалуй, данная фибула — одна из самых редких и примечательных находок. Ее можно отнести к типу Т-образных фибул шарнирной конструкции

с двумя вставками (T-shaped brooches with two studs). Ареал подобных застежек выглядит для нас весьма экзотично — это Британия, что само по себе заслуживает внимания. Здесь такие застежки известны в двух вариантах: с одной вставкой или с двумя. Есть ли они на континенте и насколько обычны там? Оказывается, по другую сторону Ла-Манша фибулы такого рода распространены не слишком широко. В частности, авторы монографии, посвященной фибулам из Голландии, отмечают, что здесь этот тип ограничен двумя группами, для которых характерны множественные мелкие вставки по спинке. Это субтипы 54a (с ромбическими и треугольными гнездами) и 54b (с более крупными прямоугольными) (*Heeren, Feijst van der*, 2017. P. 141, 142, fig. 4.107). Считается, что указанные фибулы являются подражанием британским прототипам (*Collingwood, Richmond*, 1969. P. 296).

В Восточной Европе и Причерноморье среди опубликованных материалов таких фибул нет. Что касается дунайских провинций, то единственная известная мне находка происходит из Дакии. Она упомянута в монографии С. Кочиша и имеет одно гнездо в верхней точке изгиба спинки, разбитое на несколько секций (субтип 54). Автор связывает появление этой фибулы с дислокацией в провинции I Британской когорты (*Cociş*, 2004. P. 85, 86, pl. LIV, 793).

Итак, наиболее близкие аналогии картальской фибуле происходят из Британии, включая острова, расположенные вблизи ее южного побережья. Раскопки на одном из них в составе небольшого архипелага Силли западнее Корнуолла дали в распоряжение исследователей свыше 260 фибул римского времени. Среди них нас интересует тип 17, которому вполне соответствует наша фибула (*Hull*, 1967. P. 38, 40, fig. 16, 84–90). Это и есть уже упомянутые Т-образные фибулы с двумя гнездами-вставками, представленные двумя вариантами — с ребром по спинке, соединяющим оба гнезда, и с гладкой плоской выгнутой спинкой (*Ibid.* P. 38). Наличие двух гнезд — обязательный признак для типа 17, и он же отличает типичные британские застежки от их континентальных вариаций. Период наивысшей активности римской фактории на этом острове (Nor'Nour) относится ко II в. н. э., хотя, как отмечает М. Р. Халл, наиболее ранние фибулы датируются последней четвертью I в. н. э. (*Ibid.* P. 29). В целом датировка таких фибул в Британии находится в диапазоне между 60 и 180 г. н. э. (*Heeren, Feijst van der*, 2017. P. 142).

⁴ О некоторых различиях («гибких подходах») в определении типов ковшей см. информацию в статье М. Ю. Трейстера, со ссылками на работы А. В. Симоненко, в том числе и на его совместную статью с Виталием Быркэ. Фамилия последнего, правда, до неузнаваемости исковеркана из-за незнания румынской диакритики (*Трейстер*, 2018. С. 152, сн. 4).

Можно отметить необычное расположение верхнего гнезда на фибуле из Картала. Если для классического британского типа характерно наличие его в верхней точке изгиба спинки, то в нашем случае эта вставка расположена ниже по спинке, как бы «сползая» в сторону приемника, ближе ко второму гнезду. Учитывая, что в данном случае использована классическая британская схема с двумя гнездами для вставок, получается, что у нас есть не меньше оснований, чем у С. Кочиша (Cociş, 2004. P. 85, 86), для того чтобы отстаивать ее британское происхождение. С какими событиями можно связать появление этой фибулы в небольшом римском кастеле на левом берегу низовьев Дуная? То ли она попала в Картал с регулярными подразделениями, укомплектованными выходцами из Британии, а для такого предположения оснований, кажется, нет (по крайней мере не было до сего дня). Либо это следствие какой-то случайности, не поддающейся учету, некий бытовой эпизод, который невозможно распознать по источникам из официальной истории дислокации римских войск (сувенир, подарок, трофей). Как бы то ни было, находку фибулы британского типа на Нижнем Дунае следует теперь считать научным фактом.

4. «Лицевой» сосуд, лепной, фрагмент верхней части (рис. 2, 2). *Место находки:* Картал-акрополь («Каменная гора»), б/п.

Обломок верхней части лепного фигурного сосуда. Год и место находки неизвестны. Фрагмент принадлежит к категории так называемых *face pots*. Различают две разновидности этой категории — так называемые *face beakers* и *face jars*. Эта оригинальная группа керамики бытовала в дунайских провинциях с конца I в. н. э. (Braithwait, 2007. P. 208). Фрагмент верхней части сохранил примерно половину окружности горла, из которого следует, что оно было овальным, а также часть стенки сосуда с личиной, сохранившейся более чем наполовину (глаза, брови, нос, часть рта). Поверхность сосуда довольно грубая, заметны неровности из-за плохо вымешанного глиняного теста. Сохранились остатки краски, белой и красной.

Фрагмент из Картала — лепной, и в этом, кажется, заключается его оригинальность. В своде Дж. Брейтуэйта отсутствуют указания на наличие лепных имитаций. Что же касается гончарных реплик, то в качестве аналогий нашему сосуду наиболее вероятными видятся типы 22 и 30 (Braithwait, 2007. Fig. H7, 3–6; H11, 1–3). Оба они

входят в хронологическую группу II–III вв. н. э. Однако тип 22 был популярен в Паннонии, тогда как тип 30 — в Мезии и Дакии (*Ibid.* P. 211, 219–220, 222). В Нижней Мезии находки *face pots* равномерно рассредоточены по линии дунайских крепостей: Эск/Oescus, Новы/Novae, Дуросторум/Durostorum и Трезмис/Troesmis (*Ibid.* Fig. H1). Любопытно, что в Новиодунуме, напротив Картала на правом берегу Дуная, о таких находках в ходе раскопок сведений в литературе нет.

Функции подобных сосудов, как часто случается с интерпретацией многих неординарных древних вещей, видят исключительно в культовой сфере. При этом делается важное уточнение — эта религиозная традиция ассоциируется в том числе с военным сообществом (Braithwait, 2007. P. 395). Картал, где был расположен римский форт, как нельзя лучше соответствует такому наблюдению.

5. Пинцет медицинский (рис. 1, 3). *Место находки:* Картал-посад, случайная находка 2003–2005 гг. Опубликовано: Бруяко, 2013.

6. Мраморный торс (рис. 2, 1). *Место находки:* Картал-акрополь («Каменная гора»), б/п.

Фрагмент мраморной статуэтки Афродиты/Венеры. Верхняя часть торса. Сохранившаяся высота — 5,5–6,0 см. Мрамор яркий белый, зернистый. Поверхность заполирована. Статуэтка изображала богиню в достаточно свободной позе, с чуть согнутой правой рукой, в которой, вероятно, был какой-то предмет. Правое плечо слегка опущено, левое, наоборот, приподнято. Статуэтки Афродиты были обнаружены в римских слоях Ольвии и Тиры (Крапивина, 2012). В Тире, в отличие от Ольвии, и мраморные, и костяные реплики Афродиты датируются эллинистическим временем. Статуэтка из Картала скорее всего римского времени, хотя теоретически она может датироваться и более ранним периодом: IV — началом III в. до н. э., когда в Картале существовало поселение гетов, какой-то весьма эллинизированной группы этого этноса. Впрочем, последняя версия — скорее эскиз возможного. И тогда, имея в виду все же римское время, можно отметить следующее. Если в крупных античных центрах подобные находки в равной мере могут свидетельствовать о религиозных предпочтениях разных слоев населения — гражданского и военного, то находка в Картале очевидно позволяет говорить о распространении культа Венеры среди солдат римского гарнизона.

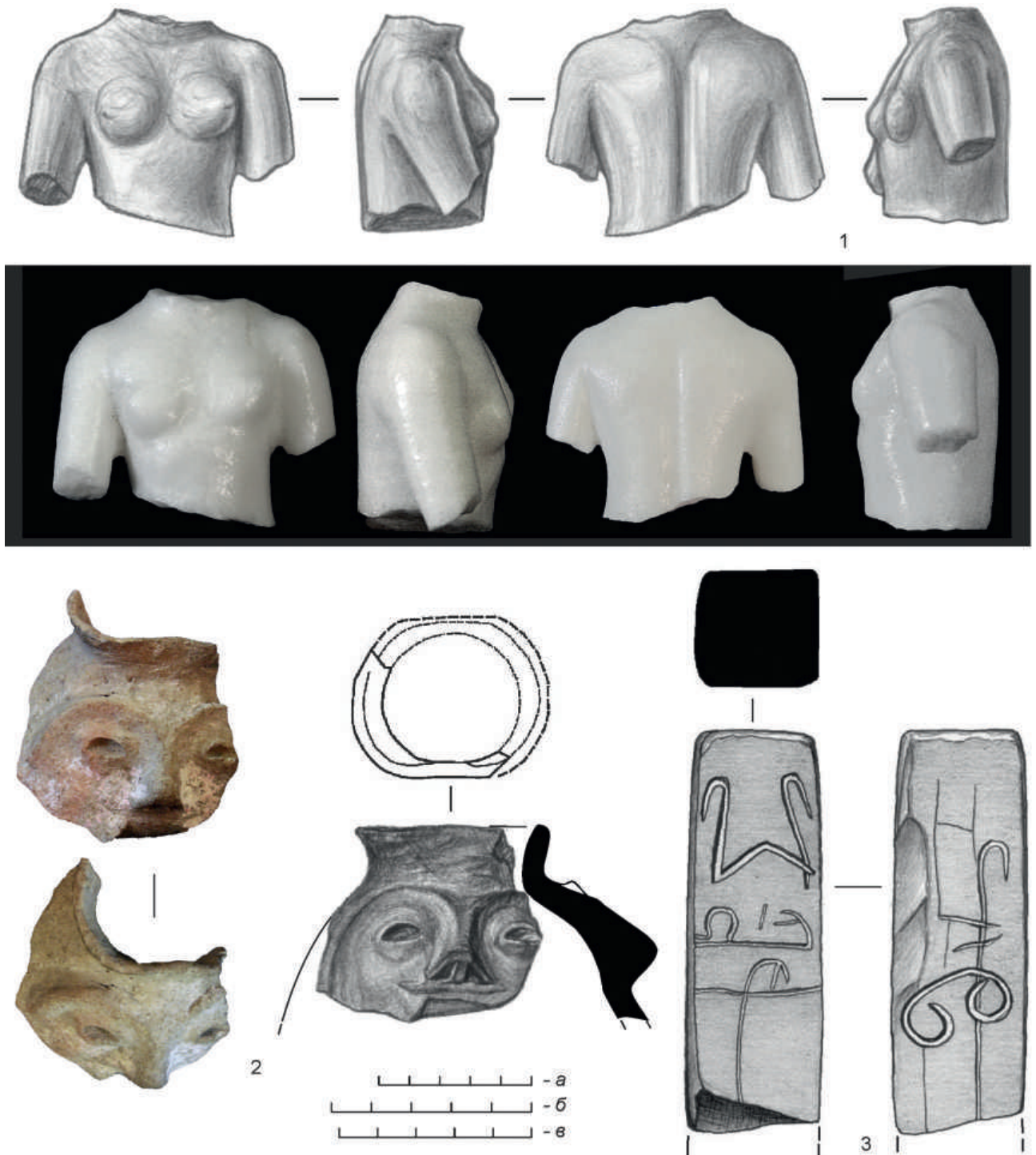


Рис. 2. Находки римского времени из Картала: 1 — торс Афродиты/Венеры; 2 — фрагмент лепного фигурного сосуда; 3 — точильный камень с тамгообразными знаками (рисунки Л. В. Субботина, фото И. В. Бруяко). Масштаб: а — для 1; б — для 2; в — для 3. 1 — мрамор; 2 — керамика; 3 — камень

Fig. 2. Finds of the Roman period from Kartal: 1 — torso of Aphrodite/Venus; 2 — fragment of a handmade vessel; 3 — grindstone with tamga-like signs (drawings by L. V. Subbotin, photo by I. V. Bruyako). Scale: a — for 1; б — for 2; в — for 3. 1 — marble; 2 — ceramics; 3 — stone

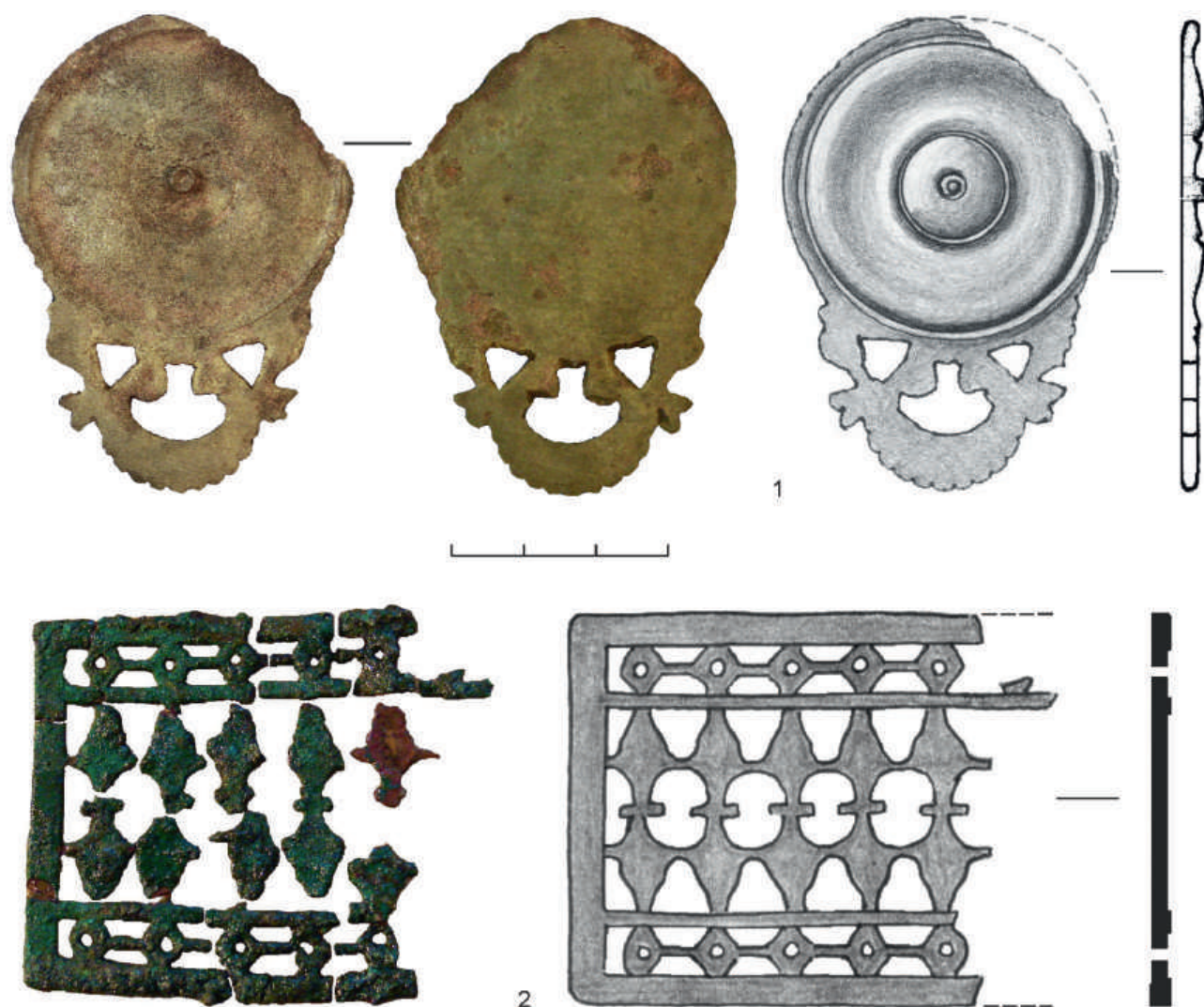


Рис. 3. Находки римского времени из Картала. Детали конской амуниции: 1 — подвеска; 2 — седельная пластина (рисунки Л. В. Субботина, фото И. В. Бруяко). 1-2 — бронза

Fig. 3. Finds of the Roman period from Kartal. Parts of a harness: 1 — pendant; 2 — saddle plate (drawings by L. V. Subbotin, photo by I. V. Bruyako). 1-2 — bronze

7. Точильный камень с вырезанными тамгами (рис. 2, 3). Место находки: Картал-акрополь («Каменная гора»), 1966 г., кв. ба⁵.

Изделие найдено в северо-западной части городища в пределах пространства, занятого в древности римским фортом. Две крупные тамги вырезаны на двух гранях. Обе они имеют сходство с греческой *омегой* и сопровождаются вспомогательными элементами, которые скорее процарапаны, чем вырезаны. Это две вертикальные линии с загнутым («посоховидным») навершием. Наконец, на одной грани нанесена еще более

беглая (контурная) композиция, немного напоминающая приставную лестницу.

Оселки с вырезанными тамгами известны по находкам на Кубани, Нижнем Днепре, в Крыму и на Нижнем Дону. География очевидно обширная, однако численно вся группа невелика. В сводке С. В. Воронятова таких оселков насчитывалось всего восемь (Воронятов, 2012).

8. Бронзовая подвеска (рис. 3, 1). Место находки: Картал-акрополь («Каменная гора»), б/п, 1979 г.(?)⁶.

⁵ ОАМ, Инв. № 81577.

⁶ С атрибуцией этой вещи возникли сложности из-за ее безусловной оригинальности для района

Подвеска типа 3a, 3b по М. Бишопу (*Bishop*, 1988. P. 145, fig. 44, 3a, 3b) предназначалась для украшения конской сбруи, конкретно — нагрудного ремня лошади, на котором располагалось несколько таких подвесок. Тип 3 считается довольно редким, а находки вариантов 3a и 3b, к которым принадлежит подвеска из Картала, известны всего по пяти пунктам, которые довольно равномерно распределились между Галлией, Британией и Германией. Исключение — подвеска из Дура-Европос (*Bishop*, 1988. P. 96, 148).

9. Бронзовая ажурная пластина (рис. 3, 2). *Место находки:* Картал-акрополь («Каменная гора»), 1964 г., раскоп АЗ⁷.

Принадлежит к группе седельных пластин (*saddle plates*), тип 6 (*Bishop*, 1988. P. 94, 110; 132, fig. 38, б), которые входили в состав декоративных украшений, так называемых *triplet straps*, нашитых поверх потника и свисавших по обе стороны седла. Тип 6 — самый оригинальный во всей группе *saddle plates*, в чем можно легко убедиться, сравнив его с предыдущими типами 1–5 (*Bishop*, 1988. Fig. 37; 38). Из-за этого иногда высказываются сомнения в правомерности его атрибуции. Однако М. Бишоп считает эти сомнения необоснованными (*Ibid.* P. 94).

Различаются два варианта — «узкие» (80–89 мм) и «широкие» (120–129 мм). Очевидно, что

Северного Причерноморья. Вначале безуспешные поиски велись в группе зеркал сарматского типа. Затем я обратился за помощью к Б. А. Раеву, который, в свою очередь, задействовал еще более широкий круг коллег, в числе которых были О. В. Шаров, В. Кульчар, Д. А. Костромичев. В конечном счете, совместными усилиями вещь была идентифицирована.

⁷ ОАМ, Инв. № 81403.

наш экземпляр относится к первому. Это единственная вещь из всех публикуемых здесь, которая имеет удовлетворительный археологический контекст. Пластина была обнаружена при зачистке пола помещения римского времени, располагавшегося в западной части акрополя.

И подвеска, и седельная пластина являются элементами снаряжения боевого коня регулярных кавалерийских подразделений римской армии. Соответственно можно предположить присутствие таких подразделений (*alae*) на этом участке лимеса и, в частности, в Картале. Насколько мне известно, подобные вещи до сих пор не были найдены в населенных пунктах Северного Причерноморья.

Датировка публикуемых вещей вряд ли будет намного точнее датировки собственно памятника, на котором они были обнаружены. А это — вторая половина (конец) I — первая половина (1-я четверть) III в. Хотя, ковш Эггерс 140 (№ 2), ножка-подставка (№ 1) и сбруйные принадлежности (№ 8 и 9) могут указывать на раннюю дату их поступления в Картал, возможно, не позднее начала II в. н. э. Что касается датировки фибулы (№ 3), то она может включать и практически весь II в.

* * *

Собственно, вот и все, чем хотелось бы поделиться и о чем рассказать. И хотя археология римского времени была для Жени Рогова не вполне привычной темой, но так ли это важно здесь и сейчас, в этом сборнике, где друзья и коллеги (а их число, увы, не увеличилось за эти 20 лет) собрались заочно, чтобы вспомнить этого прекрасного профессионала, общительного, веселого и жизнерадостного человека.

Бруяко, 2013 — Бруяко И. В. Медицинский пинцет (*vulsella*) из городища Картал // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: Сб. ст. к 60-летию А. Н. Дзиговского / Отв. ред. Е. В. Смынтына. Киев: Олег Филюк, 2013. С. 19–25.

Винокуров, Трейстер, 2018 — Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 140–148.

Воронятов, 2012 — Воронятов С. В. Оселки с сарматскими тамгами // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 54–58.

Крапивина, 2012 — Крапивина В. М. Три мраморные статуэтки Афродиты из Ольвии // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 16. С. 239–245.

Сергацков, 1998 — Сергацков И. В. Сарматское погребение с римским импортом в низовьях Иловли // РА. 1998. № 4. С. 150–159.

- Симоненко, 2011 — Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История, 2011. 268 с.
- Трейстер, 2018 — Трейстер М. Ю. Боспорско-римская война 45–49 гг. н. э. как катализатор одной из волн появления римской бронзовой посуды в Сарматии (взгляд с Боспора) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 149–156.
- Bishop, 1988 — Bishop M. C. Cavalry equipment of the Roman army in the first century AD // Military equipment and identity of Roman soldiers: Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference / Ed. J. C. Coulston. 1988 (BAR International Series; № 394). P. 67–195.
- Braithwait, 2007 — Braithwait G. Faces From the Past: A Study of Roman Face Pots from Italy and the Western Provinces of the Roman Empire. Oxford, 2007 (BAR International Series; № 1651). 508 p.
- Cociş, 2004 — Cociş S. Fibulele din Dacia Romană // The Brooches from Roman Dacia. Cluj: Editura Mega, 2004. 454 p.
- Collingwood, Richmond, 1969 — Collingwood R. G., Richmond I. The Archaeology of Roman Britain. London: Methuen & Co LTD, 1969. 350 p.
- Heeren, van der Feijst, 2017 — Heeren S., Feijst van der L. Prehistorische, Romeinse en middeleeuwse fibulae uit de Lage Landen. Amersfoort: Privately published, 2017. 600 p.
- Hull, 1967 — Hull M. R. The Nor'Nour Brooches // Dudley D. Excavations on Nor'Nour in the Isles of Scilly, 1962-6 // The Archaeological Journal. 1967. Vol. CXXIV. P. 1–64.
- Waldbaum, 1983 — Waldbaum J. C. Metallwork from Sardis. The finds through 1974. Archaeological exploration of Sardis. (Monograph 8). London: Harvard Univ. Press, 1983. 216 p.

Miscellaneous Romani (several rare findings of the Roman period from Kartal)

I. V. Bruyako⁸

Keywords: Roman period, hillfort Kartal, fibula, horse harness.

Here a number of rare objects are published which were found during excavation of the fortified settlement of Kartal on the Lower Danube. They all are dated to the Roman period and were revealed either within the limits of the fortress or in the area of its suburb. Among the objects published, of most note are items of a battle horse harness: a bronze pendant which ornamented the breast strap of the horse (Fig. 3, 1) and a saddle plate the set of which decorated the sweat cloth under the saddle (Fig. 3, 2). These two objects both are datable to the 1st cen. AD. An extremely rare and unique for the region of the Lower Danube and North-Western Black Sea littoral is the find of a bronze fibula with two bezels for colour inserts positioned on the back (Fig. 1, 4). This fibula can be attributed to the type of T-shaped brooches with two studs. The main area of the use of such fibulae is Britain while in East Europe they are practically unknown. The question is open, how this fibula occurred to be found on the Lower Danube. As a rare find, an anthropomorphic vessel can be considered of which a fragment was revealed at the site (Fig. 2, 2). The peculiarity of this vessel is in the fact that it is handmade although all its analogues known are represented by wheelmade wares. Also very rare is a part of a marble statuette depicting Aphrodite/Venus (Fig. 2, 1). Two objects are represented by bronze scoops which are items of accoutrements of Roman legionaries (Fig. 1, 1, 2). In addition, at the area of the Roman fortress also a grindstone was found with carved signs in the form of tamgas (Fig. 2, 3). The number of finds of this kind does not exceed ten items for ten years. Generally, the group of artefacts under consideration corresponds to the period of the occupation of a Roman fort at the fortified site of Kartal, i.e. the second half (end) of the 1st — first half (1st quarter) of the 3rd cen. AD.

⁸ Igor V. Bruyako — Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine; 4 Lanzheronovskaya ul., Odessa, 65026, Ukraine; e-mail: ibruyako@yandex.ru.

Фрагмент формы для изготовления рельефной чаши из Южного пригорода Херсонеса¹

Ю. А. Виноградов, М. И. Тюрин, Е. С. Лесная²

Аннотация. Статья посвящена публикации фрагмента формы для изготовления рельефных полусферических («мегарских») чаш из раскопок 2021 г. в Южном пригороде Херсонеса. Подобная находка зафиксирована в Северном Причерноморье за пределами Боспора впервые и, очевидно, свидетельствует о производстве рельефных эллинистических чаш в Херсонесе в конце II — начале I в. до н. э.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, формованные чаши (*mouldmade bowls*), формы (*moulds*), Южный пригород Херсонеса.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-81-89

Рельефные полусферические чаши («мегарские»; *англ.* *mouldmade*, «формованные») являются одной из наиболее ярких групп керамических изделий на античных памятниках эллинистического периода. Важным событием в изучении этих материалов в Северном Причерноморье стало обнаружение в середине прошлого века фрагментов форм для производства таких сосудов в Мирмекии и Пантикапее (*Гайдукевич*, 1958. С. 209, рис. 66; 1959. С. 79, рис. 85; *Гайдукевич, Михаловский*, 1961. С. 131, рис. 3; *Блаватский*, 1959). Благодаря этим находкам производство «мегарских» чаш среди центров северного берега Понта было убедительно засвидетельствовано только на Боспоре (*Kovalenko*, 1995. Р. 55; *Журавлев*, 2005. С. 239). Здесь даже были выделены условные ма-

стерские (Деметрия и Дамоклея), функционирование которых относится исследователями к финалу II — первой четверти I в. до н. э. Следует отметить, что поднимался вопрос о производстве «мегарских» чаш и в Херсонесе: на материалах городищ Чайка и Кара-Тобе С. А. Коваленко выделил предположительно херсонесскую группу рельефных чаш (*Коваленко*, 1994. С. 82; *Внуков, Коваленко*, 1998. С. 74). Тем не менее ввиду отсутствия находок форм для изготовления таких сосудов производство рельефных полусферических чаш в Херсонесе представлялось лишь гипотетическим. Результаты новейших археологических исследований позволяют по-новому взглянуть на данную проблему.

В 2021 г. в ходе спасательных археологических работ, проводимых в Южном пригороде Херсонеса³, был обнаружен фрагмент керамической формы для изготовления рельефной полусферической чаши боспорского типа (рис. 1, 1–3). Находка сделана во время проведения археологических раскопок в северной части объекта (раскоп 2, траншея 6, квадрат 116/171) (рис. 1, 7). Верхний

¹ Ю. А. Виноградовым работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Виноградов Ю. А. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vincat2008@yandex.ru. Тюрин М. И., Лесная Е. С. — Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», ул. Древняя, 1, г. Севастополь, 299045, Россия; e-mail: tyurin.m.i@mail.ru; lesnaya.kat@gmail.com.

³ Работы проводились Античной новостроечной археологической экспедицией ИИМК РАН совместно с отрядом Историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», а также отрядами ряда других учреждений.



Рис. 1. Фрагмент формы для изготовления «мегарских» чаш из Южного пригорода Херсонеса: 1-3 — прорисовка и фото; 4, 5 — макроснимок керамического теста на внешней поверхности формы; 6 — макроснимок керамического теста на сколе; 7 — место обнаружения формы. Масштаб: а — для 1-3; б — для 4; в — для 5, 6

Fig. 1. Fragment of the mould for manufacturing of “Megarian” bowls from the southern suburbs of Chersonesos: 1-3 — drawing and a photo; 4, 5 — macrophoto of the ceramic paste on the external surface of the mould; 6 — macrophoto of the ceramic paste at a break; 7 — findspot of the mould. Scale: a — refers to 1-3; b — to 4; v — to 5, 6

горизонт напластований в этой части памятника представлен преимущественно переотложенным культурным слоем; он сформировался, видимо, в начале XX в., когда сюда были перемещены отвалы из раскопок Херсонесского городища. О последнем факте свидетельствуют многочисленные находки античных и средневековых архитектурных деталей, массовый разновременный археологический материал, характерный для культурных слоев городища, в сочетании с находками XIX в. Непосредственно на участке обнаружения фрагмента в верхних пластах грунт имел явно техногенный характер: здесь были проложены современные коммуникации, в слой были впущены фундаменты построек воинской части второй половины прошлого столетия. Таким образом, изначальный контекст находки безвозвратно утрачен, но несомненно, что исследованные отложения связаны с археологическими работами дореволюционного времени на территории Херсонесского городища и некрополя.

Публикуемый предмет (ГИАМЗ ХТ № п. о. ХТ-21-р-2/1-6807) представляет собой фрагмент верхней части формы для изготовления рельефной чаши. Подобные находки характерны для центров производства эллинистической рельефной керамики. Способ их изготовления и применения подробно описан в базовой литературе (Thompson, 1934. P. 452; Edwards, 1956. P. 86; Rotroff, 1982. P. 4, 5).

Широкий бортик изделия отогнут горизонтально, внутренний диаметр устья формы составляет 13,0 см, внешний диаметр бортика — 15,4 см, толщина стенок — около 0,5 см. Верхняя поверхность бортика заглажена до блеска (очевидно, это «лощение» является следствием использования формы на гончарном круге). На внутреннюю поверхность изделия нанесена рельефная орнаментация типа long-petal. Под устьем по предварительной разметке (неглубокий горизонтальный желобок) помещен узкий фриз ионийского киматия, ограниченный сверху и снизу горизонтальными полосами из рельефных точек. Ниже расположен растительный орнамент: вертикальные (с небольшим уклоном вправо) лепестки с овальным окончанием (сохранились три в ряд), разделенные острыми ланцетовидными листьями с прожилками; между этими элементами находятся вертикальные ряды точек. Рельеф (овы и стрелки, лепестки и листья) выполнен при помощи набора штампов. На внешней стороне формы

имеются характерные следы сдавливания и неровности, а также, что особенно интересно, отпечаток пальца гончара (рис. 1, 4). Точки нанесены острым предметом вручную, они имеют различную глубину и форму. Следов износа формы при ее использовании в процессе производства не замечено.

Цвет черепка варьируется от светло-серого (5Y 7/1) (на внутренней стороне) до оранжевого (7.5Y 6/6) (рис. 1, 5, 6). В плотном хорошо отмученном тесте заметны многочисленные включения блестящих частиц слюды, красные частицы, единично — известь. Возможно, для изготовления формы была использована импортная керамическая масса.

Изделие находит ближайшие аналогии среди находок с территории Боспора, где формы для изготовления «мегарских» чаш, как уже было сказано, известны по материалам раскопок Пантикапея, Мирмекия и, вероятно, Фанагории (Kovalenko, 1995. P. 55; Журавлев, 2005. С. 239). Морфологически близкая форма (с несколько большей толщиной стенок) происходит из материалов раскопок В. П. Толстикова в Пантикапее (см.: Журавлев, 2011. С. 225, рис. 7). Близкая профилировка бортика характерна для эфесских форм (Rogl, 2015. P. 117, fig. 3), что еще раз указывает на давно подмеченное специалистами влияние эфесской («делосской») продукции на производство чаш в Северном Причерноморье (Шургая, 1962. С. 120; Kovalenko, 1995. P. 54). Судя по профилю, форма предназначалась для изготовления чаш боспорской группы первого типа (Kovalenko, 1995. P. 53) — относительно глубоких полусферических сосудов со слабо загнутым краем.

Сходная орнаментация присутствует на пантикапейской форме из раскопок В. Д. Блаватского (Блаватский, 1959. С. 174, рис. 62, 4; Лосева, 1962. С. 205, рис. 6, 1). Близкий декор хорошо известен на ряде сосудов, производство которых относят к боспорским мастерским. В качестве аналогии можно привести ряд фрагментов чаш из собрания Восточно-Крымского заповедника (Гжегжулка, 2010. № 358, 359, 361, 362, 395). В целом данный декор характерен для сосудов мастерской Деметрия (Kovalenko, 1995. P. 52, fig. 1, 4, 10, 18), хотя нам неизвестны экземпляры с клеймом эргастериарха, имеющие идентичную размерность фриза киматия, — как правило, на клейменных чашах он значительно шире, чем на публикуемой находке (см.: Гжегжулка, 2010. № 21–24).

Нельзя полностью исключать возможность того, что форма попала в Херсонес случайно (скажем, вместе с корабельным балластом). Однако вероятность этого нам кажется минимальной. Гораздо более правдоподобным объяснением нашей находки надо признать попытку производства рельефных чаш в Херсонесе в позднеэллинистическое время. Несколько неожиданно, что вновь найденная форма предназначалась для производства чаш боспорского типа, а не сосудов группы, предположительно выделенной С. А. Коваленко как херсонесская (Внуков, Коваленко, 1998. С. 74).

Отметим, что за пределами собственно Боспора рельефные чаши боспорской группы немногочисленны. Наиболее западные находки встречены в Тире (Самойлова, Строкін, 1982. С. 147; Коваленко, 2002. С. 83). Единично они зафиксированы в Нижнем Подонье (Шинкарь, 2012. С. 192, рис. 1, 2; Шинкарь, Мамонтов, 2013). Следует также отметить находки боспорских чаш среди материалов святилища у перевала Гурзуфское седло (Новиченкова, 2002. С. 126, рис. 61, 5, 6). Они хорошо известны на памятниках Крымской Скифии: один фрагмент происходит с городища Неаполь Скифский (Коваленко, 2002. С. 86; Шкрибляк, 2012. С. 204, рис. 2, 12), два — с городища Ак-Кая (Shkribliak, 2016. P. 530, fig. 2, 6, 7). Группа красноглиняных боспорских чаш производства мастерской Деметрия обнаружена на позднескифском поселении Кринички в Восточном Крыму, сероглиняных — на поселении Бурлюк на р. Альма (Shkribliak, 2016. P. 531). Рельефная керамика боспорской группы зафиксирована и на территории бывшей херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму: на городище Чайка (Коваленко, 1987. С. 7, 8), в позднескифских слоях городища Керкинитиды (Внуков, Коваленко, 1998. С. 71; Кутайсов, 2013. С. 106, рис. 52, 13), на городище Кара-Тобе фрагментированная чаша мастерской Деметрия встречена в контексте конца II – первой половины I в. до н. э. (Внуков, Коваленко, 1998. С. 71, рис. 4, 8, 9).

Ранее исследователями отмечалось отсутствие боспорских рельефных чаш в Херсонесе и на памятниках его ближайшей округи (Коваленко, 2002. С. 93), а затем, после некоторой ревизии материала, была констатирована их относительная немногочисленность (Тюрин, 2018. С. 117). Их малое количество можно объяснить весьма скромным количеством археологических комплексов конца II — первой половины I в. до н. э.,

открытых на Херсонесском городище. Нельзя полностью исключать и субъективные факторы: мелкие, зачастую лишенные лакового покрытия фрагменты могли игнорироваться исследователями, часть находок оставалась неинтерпретированной и т. д. С тех пор обработка предметов, хранящихся в фондах музея-заповедника, и материалов новых раскопок, позволила увеличить число известных нам подобных чаш как минимум до девяти (рис. 2). Прежде всего следует отметить находки из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (рис. 2, 2, 3), в числе которых имеется донце чаши с клеймом [Δη] μῆτρίου, обнаруженное в 1899 г. при работах в периболе около ворот и пристенных склепов (Косцюшко-Валюжинич, 1901. С. 31, рис. 24) (рис. 2, 3). Две находки связаны с исследованиями в Северо-Восточном районе городища (раскопки С. В. Ушакова) (рис. 2, 1, 5). На ближней хоре Херсонеса на Гераклеяском полуострове серия фрагментов боспорских рельефных чаш происходит из укрепленного комплекса в балке Бермана (раскопки К. Э. Гриневича (рис. 2, 4, 6) и Г. М. Николаенко (рис. 2, 7, 8))⁴ и один экземпляр — из усадьбы участка 320 (раскопки М. И. Тюрина) (рис. 2, 9)⁵.

Среди перечисленных предметов отметим два экземпляра, орнаментация на которых близка рельефу на вновь обнаруженной форме. Первый из них (ГИАМЗ ХТ, НВФ 1205/55) представляет собой фрагмент верхней части чаши, венец которой отбит (рис. 2, 1). Под бортиком находится фриз ионийского киматия из мелких ов, ограниченный сверху и снизу горизонтальными полосами жемчужника. Тулово декорировано вертикальными лепестками, имеющими овальное окончание (сохранились два подряд), и остроконечными листьями (сохранился один, со срединной вертикальной прожилкой). Элементы разделены рядами вертикальных точек. Черепок серый, с мелкими блестящими включениями; на внутренней поверхности имеются светлые «дутики». Фрагмент происходит из заполнения рыбозасолочной цистерны римского времени на месте позднейшей

⁴ Авторы благодарят Г. М. Николаенко и С. В. Ушакова за разрешение использовать данный материал.

⁵ Мнение о преобладании «боспорских» чаш среди рельефной керамики из раскопок усадьбы 227 («виллы Василидов», усадьба 150 по нумерации С. Ф. Стржеleckого) (Кузицин, Иванчик, 1998. С. 206) не подтверждается при работе с отчетной документацией и знакомством с хранящимися в фондах материалами *de visu*.

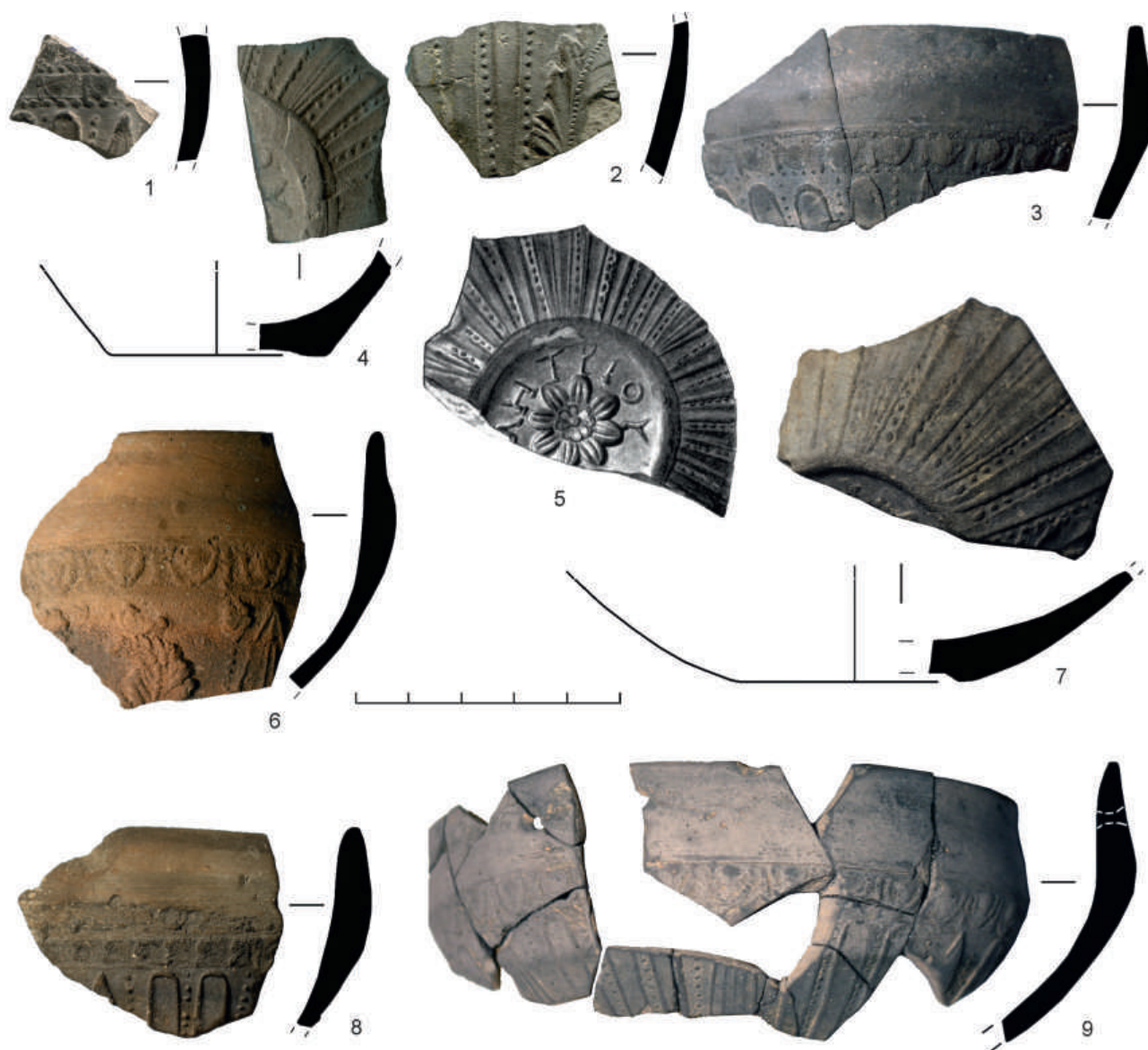


Рис. 2. Фрагменты рельефных чаш боспорского типа из Херсонеса (1–3, 5) и его ближайшей округи (4, 6–9): 1 — НВФ 1205/55; 2 — коллекция № 35272; 3 — по К. К. Косцюшко-Валюжиничу (*Косцюшко-Валюжинич*, 1901. С. 31, рис. 24); 4 — ИКАМ 35342/68, 35347/29; 5 — раскопки С. В. Ушакова, 2012 г. (номер отсутствует); 6 — ИКАМ 35399/30; 7 — ИКАМ 37417/2; 8 — 37417/14; 9 — ИКАМ 37663/40

Fig. 2. Fragments of relief bowls of the Bosporean type from Chersonesos (1–3, 5) and its close surroundings (4, 6–9): 1 — НВФ 1205/55; 2 — collection № 35272; 3 — after К. К. Kostyushko-Valyuzhinich (*Косцюшко-Валюжинич*, 1901. С. 31, рис. 24); 4 — ИКАМ 35342/68, 35347/29; 5 — excavations by S. V. Ushakov, 2012 (without a number); 6 — ИКАМ 35399/30; 7 — ИКАМ 37417/2; 8 — 37417/14; 9 — ИКАМ 37663/40

базилики Крузе в Северо-Восточном районе Херсонесского городища, раскопки полевого сезона 2011 г. Время заполнения цистерны не выходит за пределы V в. н. э. (*Ушаков*, 2014. С. 202). Орнаментация данной чаши отличается от рельефа публикуемой матрицы размерами точек жемчужника, формой лепестков и наличием горизонтальной

полосы под фризом киматия. Таким образом, сосуд был изготовлен при помощи формы, несколько отличной от нашей.

Второй экземпляр (ГИАМЗ ХТ, ИКАМ 35342/68; 35347/29) состоит из двух стыкующихся фрагментов верхней части чаши (рис. 2, 2). Под венцом находится фриз ионийского киматия, ограниченный

снизу и сверху горизонтальными полосами жемчужника. Тулово декорировано вертикальными (с небольшим уклоном влево) лепестками с овальным окончанием (сохранились четыре подряд) и острыми листьями. Диаметр бортика составляет около 12 см. Лаковое покрытие отсутствует. Черепок серый, с редкими включениями известняка («дутики») и мелких блестящих частиц. Оба фрагмента обнаружены в 1929 г. К. Э. Гриневичем при исследовании укрепленного поселения в балке Бермана (участок 347). Один из них происходит из смешанного контекста, содержавшего материалы как античного, так и средневекового времени (квадрат I, слой 2, раскопки снаружи северо-восточной стены Центральной башни Основного комплекса укрепления). Второй фрагмент обнаружен в контексте (квадрат II, слой 3) с материалами преимущественно позднеэллинистического времени.

Расположение элементов рельефного орнамента на чаше из укрепленного комплекса в балке Бермана идентично их положению на форме, обнаруженной при исследовании Южного пригорода Херсонеса. Нельзя полностью исключать, что для изготовления сосуда использовалась наша форма. Скорее всего, однако, была использована матрица, при создании которой был применен тот же набор штампов. В пользу такого объяснения свидетельствует сопоставление обеих находок *de visu*: неплотное прилегание чаши к форме выше уровня фриза киматия; разное расстояние от края фриза до границы формованной части бортика на чаше и от фриза до бортика на форме. Кроме того, орнаментация верхней части чаши несколько смазана, что может говорить о некоторой изношенности примененной формы, но на публикуемом фрагменте, как уже было сказано, следы длительного использования в процессе производства не наблюдаются.

По визуальным характеристикам керамическое тесто сосуда, фрагмент которого был обнаружен при раскопках укрепленного поселения в балке Бермана, почти не отличается от глины чаш, содержащих клейма мастерской Деметрия (отметим, однако, малое количество блестящих частиц, встречающихся на некоторых известных нам образцах продукции этой мастерской в несколько большем объеме). Если предположить местное, херсонесское, происхождение по крайней мере последней из указанных рельефных чаш, придется допустить импорт специального сырья,

нехарактерного для локальной керамической продукции. В любом случае вопрос о составе керамического теста обозначенных сосудов и его происхождении требует специального исследования с привлечением естественнонаучных методов.

Изготовление в Херсонесе продукции, типичной для соседних боспорских центров, вполне объяснимо. В этой связи следует обратить внимание на закономерности, выявленные С. Ротрофф для мастерских по производству ранних «мегарских» чаш на примере аттической мастерской Биона (Rotroff, 2013). Многочисленные совпадения в орнаментации и технологии изготовления чаш (вплоть до использования одних и тех же наборов штампов) в различных античных центрах она предлагает связывать не с заимствованиями или подражаниями, а с расширением производства и выведением дочерних мастерских за пределы Афин. Таким образом, «отделения» мастерской Биона в первой половине II в. до н. э. появились в Аргосе и, возможно, в Коринфе и на Лемносе (Rotroff, 2013. P. 18–22). Аналогичные процессы могли иметь место и в Северном Причерноморье в эпоху Митридата VI. Учитывая, что в рассматриваемое время Херсонес и Боспор были теснейшим образом интегрированы политически и экономически, для появления в городе мастеров из Боспора вряд ли были серьезные препятствия. Не исключено, что наша находка свидетельствует о попытке боспорской мастерской начать изготовление рельефной керамики в Херсонесе, и такой мастерской вполне могла быть пантикапейская мастерская Деметрия. Впрочем, для обоснования последнего предположения необходимо проделать работу по сличению штампов на известных формах.

В связи с публикуемой находкой корректность термина «боспорские рельефные чаши» в известной степени может быть поставлена под сомнение. Возможно, более удачным следует признать используемое С. А. Коваленко понятие «боспорская группа» рельефной керамики (Коваленко, 2002), к которой следует отнести в том числе продукцию гипотетической херсонесской мастерской. Можно предположить, что небольшая часть сосудов, приписываемая в настоящий момент мастерским Пантикапея, могла принадлежать производству эргастерия, расположенного в Херсонесе. По крайней мере такое предположение вполне правомерно для чаш типа long-petal bowl с узким фризом ионийского киматия.

В то же время крайне ограниченное количество находок подобных чаш в Херсонесе и его округе не позволяет утверждать, что изготовление данной продукции получило здесь широкое развитие. Для окончательных выводов о производстве рельефной керамики в Херсонесе в позднеэллинистическое время, его масштабе и ассортименте продукции требуются дополнительные находки форм, а также производственного брака. По этой причине изложенные выше соображения,

основанные на единичной находке, носят сугубо предварительный характер. Отметим также, что актуальным представляется тщательный анализ и публикация всех известных в настоящее время форм для изготовления рельефных чаш боспорской группы и сопоставление их с самими сосудами. Возможно, такое исследование позволило бы выделить новые локальные мастерские и проследить закономерности распространения их продукции.

- Блаватский*, 1959 — *Блаватский В. Д.* О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 174–176.
- Внуков, Коваленко*, 1998 — *Внуков С. Ю., Коваленко С. А.* Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 1998 (Тр. ГИМ; Вып. 102). С. 61–76.
- Гайдукевич*, 1958 — *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 85). Т. II. С. 149–218.
- Гайдукевич*, 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. II. Советские раскопки в 1956 г., 1934–1956. Варшава: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959. 121 с.
- Гайдукевич, Михаловский*, 1961 — *Гайдукевич В. Ф., Михаловский К.* Мирмекий в свете советско-польских исследований // Исследования по археологии СССР: Сб. ст. в честь профессора М. И. Артамонова / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 127–138.
- Гжегжулка*, 2010 — *Гжегжулка С.* «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Варшава: DIG, 2010. Ч. I. 344 с.
- Журавлев*, 2005 — *Журавлев Д. В.* О керамическом производстве на Боспоре в позднеэллинистическое время // *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 235–354.
- Журавлев*, 2011 — *Журавлев Д. В.* Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2011. № 4 (34). С. 221–263.
- Коваленко*, 1987 — *Коваленко С. А.* Мегарские чаши Чайкинского городища // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР: Сб. ст. / Ред. С. С. Дмитриев. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 3–13.
- Коваленко*, 1994 — *Коваленко С. А.* К вопросу о херсонесской рельефной керамике // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. междунар. конф., посв. 95-летию со дня рождения проф. Б. Н. Гракова. Запорожье: Запорожский университет, 1994. II. С. 81–82.
- Коваленко*, 2002 — *Коваленко С. А.* О структуре и динамике импорта позднеэллинистической рельефной керамики в Северное Причерноморье // Археология. Київ, 2002. № 3. С. 80–96.
- Косцюшко-Валюжинич*, 1901 — *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // Известия ИАК. 1901. Вып. 1. С. 1–55.
- Кузищин, Иванчик*, 1998 — *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1. С. 205–233.
- Кутайсов*, 2013 — *Кутайсов В. А.* Античный полис Керкинитиды. Симферополь: Феникс, 2013 (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. XII). 400 с.
- Лосева*, 1962 — *Лосева Н. М.* Импорт и местное производство «мегарских» чаш на Боспоре // Пантикапей. М.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА; № 103). С. 195–205.
- Новиченкова*, 2002 — *Новиченкова Н. Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта: РИО Крымского гос. гуманитарного ин-та, 2002. 215 с.
- Самойлова, Строкин*, 1982 — *Самойлова Т. Л., Строкин С. В.* Керамика северопонтийских городов из Тиры (IV–I вв. до н. э.) // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. С. 14–150.
- Тюрин*, 2018 — *Тюрин М. И.* Боспорские рельефные чаши из раскопок Херсонеса и его ближайшей округи // Боспорский феномен. СПб.: ИИМК РАН, 2018. XX. С. 113–120.
- Ушаков*, 2014 — *Ушаков С. В.* Время собирать камни. Основные итоги работ по исследованию участка

- базилики «Крузе» // Херсонесский сборник. Севастополь: М. Э. Арефьев, 2013–2014. Вып. XVIII. С. 201–238.
- Шинкарь, 2012 — Шинкарь О. А. Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III–II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 192–196.
- Шинкарь, Мамонтов, 2013 — Шинкарь О. А., Мамонтов В. И. Особенности производства и происхождение «мегарской» чаши из кургана I Мариновского могильника // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2013. Вып. 13. С. 127–129.
- Шкрибляк, 2012 — Шкрибляк И. И. «Мегарские» чаши из раскопок Неаполя Скифского (предварительный анализ) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 197–205.
- Шургая, 1962 — Шургая И. Г. О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Одесское книжное изд-во, 1962. Вып. 4. С. 108–120.
- Edwards, 1956 — Edwards G. R. Hellenistic Pottery // Hesperia. Suppl. X. Small Objects from the Pnyx. II. Princeton, 1956. P. 79–112.
- Kovalenko, 1995 — Kovalenko S. A. Some Notes on the Production of Hellenistic Mould-Made Relief ware in the Bosporan Kingdom // New Studies on the Black Sea Littoral. Colloquia Pontica I. Oxford: Oxbow Books, 1995. P. 51–57.
- Rogl, 2015 — Rogl C. Mouldmade Relief Bowls from Ephesus: The Current state of Research // BSS. 2015. Vol. 16. P. 113–139.
- Rotroff, 1982 — Rotroff S. I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Mouldmade Bowls // The Athenian Agora. Princeton, 1982. Vol. XXII. 136 p.
- Rotroff, 2013 — Rotroff S. I. Bion International: Branch Pottery Workshops in the Hellenistic Age // Networks in the Hellenistic World According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and beyond. Oxford: Archaeopress, 2013 (BAR International series). P. 15–24.
- Shkribliak, 2016 — Shkribliak I. Hellenistic Mold-made Relief Bowls from Late Scythian Sites of Crimea // Traditions and Innovations: Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Wien: Phoibos Verlag, 2016. P. 529–537.
- Thompson, 1934 — Thompson H. A. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. 1934. Vol. 3. P. 311–480.

Fragment of a mould for manufacturing of the relief bowls from the southern suburbs of Chersonesos

Yu. A. Vinogradov, M. I. Tyurin, E. S. Lesnaya⁶

Keywords: Tauric Chersonesos, mouldmade bowls, moulds, Southern Suburbs of Chersonesos.

Among the Greek cities of the Northern Black Sea littoral, the production of relief hemispherical mouldmade bowls has been until recently identified only at several Bosporan centres. In view of the absence of finds of moulds for manufacturing of such vessels, the question of the production of “Megarian” bowls in the Tauric Chersonesos remained open. In 2021, in the course of the rescue archaeological excavations conducted in the Southern Suburbs of Chersonesos, The Rescue Archaeological Expedition of the Institute of the History of Material Culture RAS in cooperation with a team from the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” there was found a fragment of a ceramic mould for manufacture of relief hemispherical bowls of the Bosporan type (Fig. 1, 1). The object is made from a dense ceramic mass with inclusions of glittering particles of mica, some red particles and lime; the colour of the clay varies from light grey (5Y 7/1) to orange (7.5Y 6/6) (Fig. 1, 2–4). This matrix was intended for manufacturing of long-petal bowls characteristic of the Bosporan workshops of the Mithridates’ time. The morphology and ornamentation of the object generally find close parallels among the materials from excavations of Pantikapaion.

⁶ Yuriy A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vincat2008@yandex.ru. Maxim I. I. Tyurin, Ekaterina S. Lesnaya — The State Museum-Preserve Tauric Chersonese; 1 Drevnaya str., Sevastopol, 299045, Russia; e-mail: tyurin.m.i@mail.ru; lesnaya.kat@gmail.com.

Finds of bowls of the Bosporan group of relief pottery are rather rare in Chersonesos and its close surroundings. At present, the authors are informed about only nine examples of similar ware (Fig. 2). The closest analogues to the decoration on the mould here published are represented on fragments of a bowl (Fig. 2, 5) from the fortified complex in Berman's balka (rural house in ancient area 347). Apparently this vessel was manufactured using a matrix or a mould made using the same set of stamps.

Thus our find is an evidence of the manufacture of relief mouldmade bowls of the Bosporan type in Chersonesos. Possibly, the initiative for the making of these bowls can have been issued from one of the Bosporan workshops; such an ergasterion quite probably was represented by the Pantikapaion workshop of Demetrios. It cannot be ruled out that some ware now attributed to workshops of Pantikapaion could have been produced at an ergasterion situated in Chersonesos. Like in Bosporos, the manufacture of bowls in Chersonesos probably was taking place in the final 2nd — first decades of the 1st cen. BC when the two centres both were part of the state of Mithridates VI.

Лепные кастрюли античных центров Северного Причерноморья (материалы к справочнику по лепной керамике)¹

Н. А. Гаврилюк²

Аннотация. Представлены характеристики лепных кастрюль из античных памятников Северного Причерноморья, рассмотрены лепные сосуды с выступом для крышки на внутренней поверхности венчика, двумя ручками на плечиках. Такие сосуды повторяют формы гончарных кухонных кастрюль. Определено происхождение и распространение кастрюль трех типов. Уточнена их датировка и обозначены хронологические рамки использования.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, лепные кастрюли, хронология, генетическая группа.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-90-99

Присоединяясь к добрым и справедливым словам, сказанным о Евгении Яковлевиче Рогове, добавлю, что, будучи старшим лаборантом, он помогал К. К. Марченко обрабатывать (вручную!) огромный массив лепной посуды из материалов поселения на о-ве Березань и Ольвии. В одной из последних работ Евгения Яковлевича содержится характеристика керамического комплекса из материалов поселения Вышестеблиевская 1, часть которой посвящена характеристике лепной керамики (*Рогов и др.*, 2005. С. 177–198). Иными словами, тема изучения лепной керамики ему была не чужда.

Работая много лет с этим многочисленным и сложным для изучения массивом археологического материала, я понимаю, какую сложную, трудоемкую работу обязаны проводить «керамисты» и в поле, и при камеральной обработке. Вслед за выходом справочника по лепной керамике предскифского периода (*Гаврилюк*, 2017) готовлю справочник по лепной керамике периода архаики, в который войдут материалы античных центров Северного Причерноморья и соседних с ними «варварских» памятников. Возможно, с выходом серии таких работ споры о производстве, происхождении, появлении и особенностях

керамических комплексов греческих и скифских памятников изучаемого региона приобретут предметный характер, а наличие справочного материала позволит более точно определять лепную посуду уже в полевых условиях. Поэтому цель статьи — на примере лепных кастрюль представить структуру каталожной статьи для предполагаемого издания. Она будет отличаться от каталожных статей предыдущего тома, поскольку основана на материалах поселенческих памятников (особенно периода ранней архаики) с привлечением материалов из скифских погребений и в меньшей мере — античных некрополей. В данной работе речь пойдет лишь о находках из материалов поселений, поскольку находки лепных кастрюль из погребальных памятников пока неизвестны. Кроме того, хронологические рамки данной статьи, посвященной классификации, происхождению и эволюции лепных кастрюль, встречающихся в античных центрах всего причерноморского региона, значительно расширены и включают хронологический отрезок от ранней архаики до первых веков новой эры.

В готовящемся каталоге используются надежно датированные материалы, обработанные автором *de visu*. Поскольку включить в справочное издание весь массив изученной лепной посуды не представляется возможным, будут использованы статьи, опубликованные мною с моими соавторами, уважаемыми авторами раскопок, — серия

¹ Статья поступила в редакцию 15.12.2019 г.

² Отдел античной археологии Института археологии НАН Украины; ул. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина; e-mail: gavrylyuk_na@ukr.net.

публикаций керамических комплексов отдельных памятников.

Основой данной статьи являются материалы ключевых памятников каждого из регионов Северного Причерноморья. Таковыми для Нижнего Побужья — Приднестровья являются Борисфен, Ольвия, Тира с их окружением; для Северо-Западного Крыма — античные городища Чайка и Кульчук, для Боспора — материалы городищ Нимфей, Китей, Артезиан. Материалы памятников Азиатского Боспора мне известны лишь по публикациям. Они, как и другие опубликованные материалы, приводятся здесь в качестве аналогий.

Для составления справочника используются целые (преимущественно), археологически целые и фрагментированные (большинство сосудов из материалов поселений) сосуды. Каждая каталожная статья выстроена по следующей логике: вид сосуда — «тип»; конструкция сосуда (от венчика до дна) — «декорирование»; формовочная масса (показатель, требующий петрографической характеристики); размеры; место находки; место хранения; статистические данные по памятникам; датировка; период; генетическая группа; ближайшие аналогии; территория распространения; хронологические рамки бытования сосуда; публикация.

Кастрюли с горизонтальными ручками составляют первый тип кастрюль (тип 1). Это резко профилированные сосуды с дуговидно отогнутой шейкой, с выступом для крышки на внутренней поверхности, равномерно выпуклым туловом и плоским дном. Как правило, они не орнаментируются. Формовочная масса на каждом памятнике разная³. Диаметр венчиков — от 16 до 35 см, тулова — от 18 до 38 см, высота — от 15 до 30 см, объем 2–3 л.

Места находок: Борисфен, ямы 111; 166; Ольвия (НГС⁴) 85-705; Борисфен, яма 94; Викторовка 1949/381; Ольвия, (НГС) 93-496 III-3, В 368/147; Широкая Балка 1, 75/1086; Ольвия (ЮЗА⁵) 72/1093 (41); Тира 01/56; Борисфен, ямы 123–126 (рис. 1).

Места хранения коллекций: фонды Института археологии НАН Украины, НИАЗ «Ольвия», Одесского археологического музея.

³ О методике проведения петрографического анализа на современном уровне см.: *Кулькова*, 2012. С. 103–136.

⁴ Здесь и далее: НГС — Нижний город, северный участок — часть городища Ольвии.

⁵ Здесь и далее: ЮЗА — юго-западный участок, Агора — часть городища Ольвии.

Статистические данные по памятникам: от 2,2 % (Борисфен) до 18 % (Ольвия).

Датировка: Борисфен — рубеж VII–VI — первая половина VI в. до н. э.; Ольвия — вторая половина VI — первая половина V в. до н. э., эллинизм; Большая Черноморка 2 — VI в. до н. э.; Викторовка 1 — V в. до н. э.; Нимфей, цистерна № 1 — последняя четверть IV — середина III в. до н. э. (*Соколова*, 2004. С. 179, рис. 5, 6); вторая кастрюля (95) — из здания I–III вв. н. э. (*Гаврилюк, Соколова*, 2007).

Генетическая группа: греческая.

Аналогии: гончарные — (*Sparkes, Talcot*, 1970. Fig. 18, № 1968) — VI–V вв. до н. э. (*Четверкина*, 2018. С. 245–246, рис. 2); лепные — Ольвия — вторая половина IV — первая половина I в. до н. э. — тип 4 (*Марченко*, 1988. С. 86, рис. 16, 3).

Территория распространения: в основном памятники Побужья–Приднестровья. Встречаются и в эллинистических памятниках Северо-Западного Крыма.

Хронологические рамки бытования сосуда: первая половина VI в. до н. э. — III в. н. э.

Публикации (кроме указанных ранее): *Гаврилюк*, 2014. С. 436–437; *Gavrylyuk*, 2010b. P. 337, tab. 2; *Гаврилюк, Молев*, 2013. С. 68, табл. 1, 74–76; *Гаврилюк*, 2010. С. 30; *Гаврилюк, Отрешко*, 1982.

Кастрюли с горизонтальными ручками (тип 1), приземистым туловом (подтип 1). Неглубокие сосуды с прямыми или загнутыми внутрь стенками, имевшими чаще всего широкий выступ для упора крышки. Большой диаметр и венчика, и дна в сочетании с невысокими (до 15 см) стенками не позволяют относить их ни к кастрюлям, описанным выше, ни к мискам или обычным жаровням. Они, как правило, имеют наклепные горизонтальные или подкововидные ручки. Сильная закопченность всей внешней, а иногда и внутренней поверхности сосуда позволяет считать их сосудами для тушения — жарки под крышкой, когда источник тепла находился и под сосудом, и над ним. Проще говоря, такие сосуды не ставились на огонь, а скорее всего, закапывались в раскаленные угли.

Формовочная масса: с крупными примесями дресвы и шамота, пластическая масса — с лиманым илом с примесью ракушек.

Размеры: диаметр венчика 25–40 см, высота 10–15 см.

Места находок: Ольвия (НГС); Тира; Полянка и Ахтаназовская-4 (*Клемешова, Ломтадзе*, 2018. С. 311); Вестник-1 (*Клемешова*, 2019. С. 317).

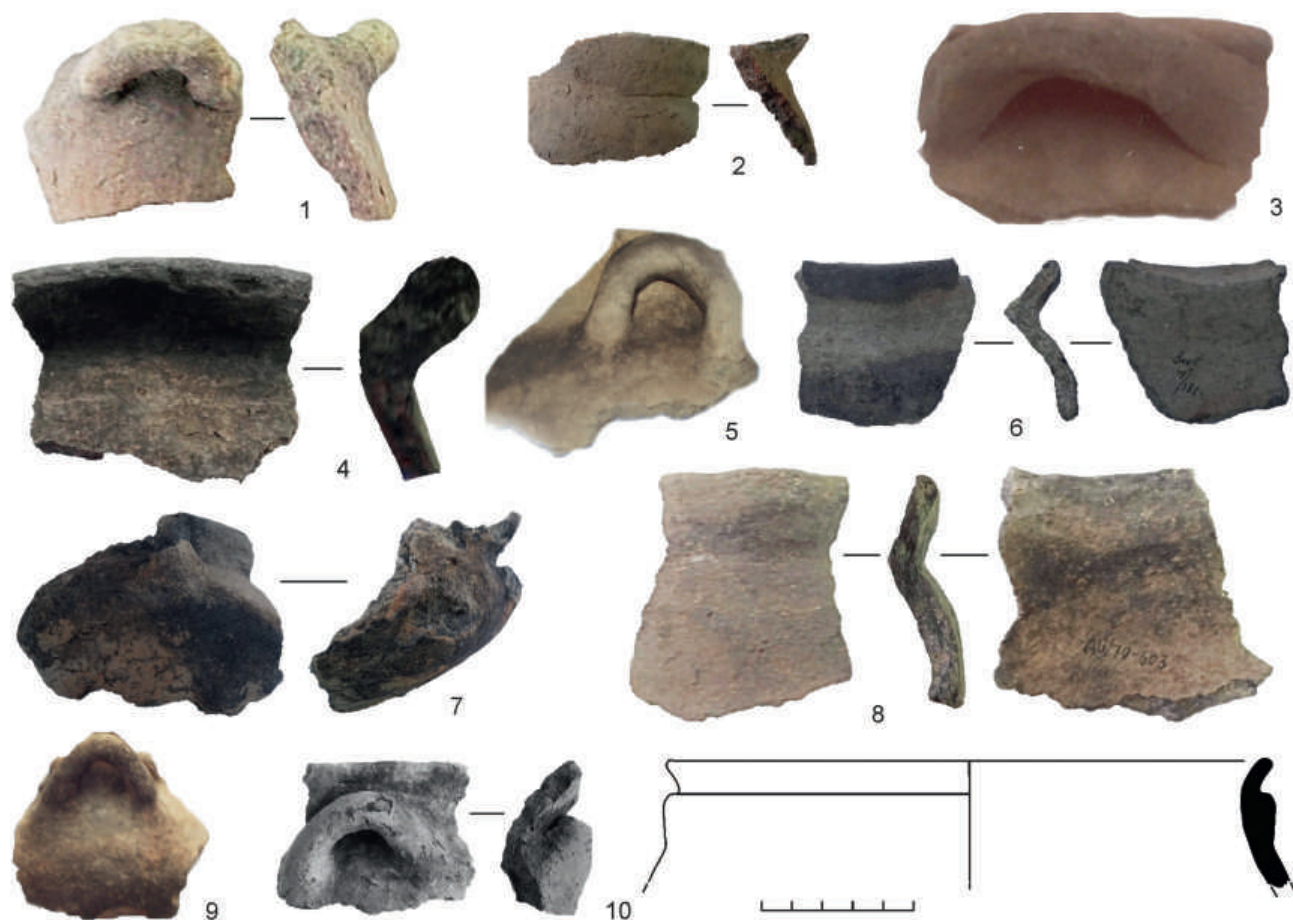


Рис. 1. Кастрюли с горизонтальными ручками: 1 — конец VII — начало VI в. до н. э.; 2, 4, 6, 8 — первая половина VI в. до н. э.; 3, 5, 9 — эллинизм; 7 — вторая половина VI — первая четверть V в. до н. э.; 10 — вторая половина V — IV в. до н. э.

Fig. 1. Saucepans with horizontal handles: 1 — late 7th — early 6th cen. BCE; 2, 4, 6, 8 — first half of the 6th cen. BCE; 3, 5, 9 — Hellenism; 7 — second half of the 6th — first quarter of the 5th cen. BCE; 10 — second half of the 5th — 4th cen. BCE

Места хранения коллекций: фонды Института археологии НАН Украины и Одесского археологического музея.

Статистические данные по памятникам: 9 % — классика; 2,5 % — эллинизм (табл. 1).

Датировка: не позднее I в. н. э. (Полянка), конец II — I в. до н. э. (Ахтанизовская-4) (Клемешова, Ломтадзе, 2018. С. 311); V–IV вв. до н. э. (Клемешова, 2019. С. 317).

Период: классический и эллинистический.

Генетическая группа: греческая.

Аналогии: находки из Ольвии (тип 6 кастрюль), которые описаны К. К. Марченко (Марченко, 1988. С. 88, рис. 18); материалы из Мирмекия второй половины III — первой половины II в. до н. э. (Кастанаян, 1981. С. 140, табл. II, 7) и II–I вв. до н. э. (Там же. С. 141, табл. IV, 7);

Илурата — конец I — III в. н. э. (Там же. С. 163, табл. XXVII, 1).

Территория распространения: Ольвия, Европейский и Азиатский Боспор.

Хронологические рамки бытования сосуда: V в. до н. э. — III в. н. э.

Публикации: Марченко, 1988. С. 86, рис. 16, 1; Гаврилюк, 2010. С. 31; Gavrylyuk, 2010a. P. 333, tab. 2.

Кастрюли с подкововидными наклепными ручками (тип 2). Это сосуды с резко отогнутым венчиком, выпуклыми плечиками и округлым или небольшим плоским дном. Они толстостенные, изготовлены из обычной для изучаемого региона глины — с примесью толченой ракушки (Боспор), сильно закопчены. Большинство кастрюль этого типа имели подкововидные ручки-налепы, расположенные сразу под венчиком.

Таблица 1. Количество кастрюль в памятниках Северного Причерноморья
Table 1. Saucepans in the monuments of the Northern Black Sea area

Название памятника	Датировка находок	Кол-во, экз.	Доля от коллекции памятника, %	Публикация
Борисфен	Конец VII — середина VI в. до н. э.	4	2,2	Коллекция В. В. Лапина 1960–1980 гг.
Ольвия, юго-запад, Агора	2-я четверть V — 3-я четверть IV в. до н. э.	6	18	Гаврилюк, 2014. С. 436–437
Ольвия, ЮЗА	Эллинизм	16	14,3	Гаврилюк, 2014. С. 438–439
Ольвия, НГС	Эллинизм	57	9,45	Gavrylyuk, 2010b. P. 337, tab. 2
Китей	Конец IV— I–II вв. н. э.	10	3,5	Гаврилюк, Молев, 2013. С. 68, табл. 1, 74–76
Тира	Эллинизм	32	8	Гаврилюк, 2010. С. 30, 31
Кульчук (ручки-подковы)	Середина I в. н. э.	8	4,4	Гаврилюк, 2013. С. 346, табл. 6
Чайка (ручки-подковы)	II–I вв. до н. э.	8	1,4	Гаврилюк, 2016. С. 185
Артезиан, слой пожара	44/45–49 гг. н. э.	4	2,21	Гаврилюк, Винокуров, 2016. С. 146, табл.; 156, рис. 7
Нимфей	I–II вв. н. э.	24	10	Гаврилюк, Соколова, 2007. С. 275
Полянка	Не позже I в. н. э.	6	3,5	Клемешова, Ломтадзе, 2018. С. 311
Ахтанизовская-4	Конец II — I в. до н. э.	47	70,2	Клемешова, Ломтадзе, 2018. С. 311
Вестник I	V–IV вв. до н. э.	9	7	Клемешова, 2019. С. 317

У кастрюли № 88 из Нимфея ручки-налепы имели вид ушек, расположенных на плечиках сосуда. От описанных выше кастрюль отличаются сосуда № 93 и 94 из Нимфея.

Формовочная масса: с мелкими примесями, поверхность хорошо заглажена и даже подлощена.

Размеры: диаметр венчиков — от 16 до 30 см, тулова — от 18 до 35 см, высота — от 15 до 30 см, объем 2–4 л.

Места находок: Ольвия (НГС), 89–93, III-2, R 164/124; 90–319; 92–514; 93–38, III-3, R 278/164; Ольвия (ЮЗА), 77–353 (44); 75–147 (43); Нимфей, 62–216 (92); 49–342, H 621 (159); Артезиан, слой пожара; Китей, 09–126 (рис. 2).

Места хранения коллекций: фонды Института археологии НАН Украины, НИАЗ «Ольвия»; Государственного Эрмитажа; Керченского историко-культурного заповедника.

Статистические данные по памятникам: 2–4 % (табл. 1).

Датировка: середина I в. н. э. — Кульчук; II–I вв. до н. э. — Чайка; 44/45–49 гг. н. э. — Артезиан; IV в. до н. э. — I–II вв. н. э. — Китей; I–II вв. н. э. — Нимфей; эллинизм — Ольвия.

Периоды: классический, эллинистический.

Генетическая группа: греческая.

Аналогии: Ольвия, тип 4 (Марченко, 1988. С. 86, рис. 16, 2); Тиритака, III–IV вв. н. э. (Кастанаян, 1981. С. 148, табл. XI, 6); Илурад — III в. н. э. (Там же. С. 166, табл. XXX, 3, 4); Калос Лимен (Уженцев, 2006. С. 225, рис. 90); Тарпанчи (Дашевская, 1991. С. 75, табл. 19, 5); Неаполь Скифский (Высотская, 1979. С. 108, рис. 41, 1, 5).

Территория распространения: Нижнее Побужье, Северо-Западный и Центральный Крым, Европейский Боспор.

Хронологические рамки бытования сосуда: IV в. до н. э. — III в. н. э.

Публикации: Гаврилюк, 2014. С. 438–439; Gavrylyuk, 2010b. P. 337, tab. 2; Гаврилюк, 2013. С. 346, табл. 6.

Кастрюли с вертикальными ручками (тип 3). Это резко профилированные сосуда с дуговидно отогнутой шейкой, выступом для крышки, равномерно выпуклым туловом и плоским дном. В коллекции Нимфея их четыре. В слое пожара Артезиана — также четыре. Кастрюля № 98 из Нимфея сохранилась полностью.

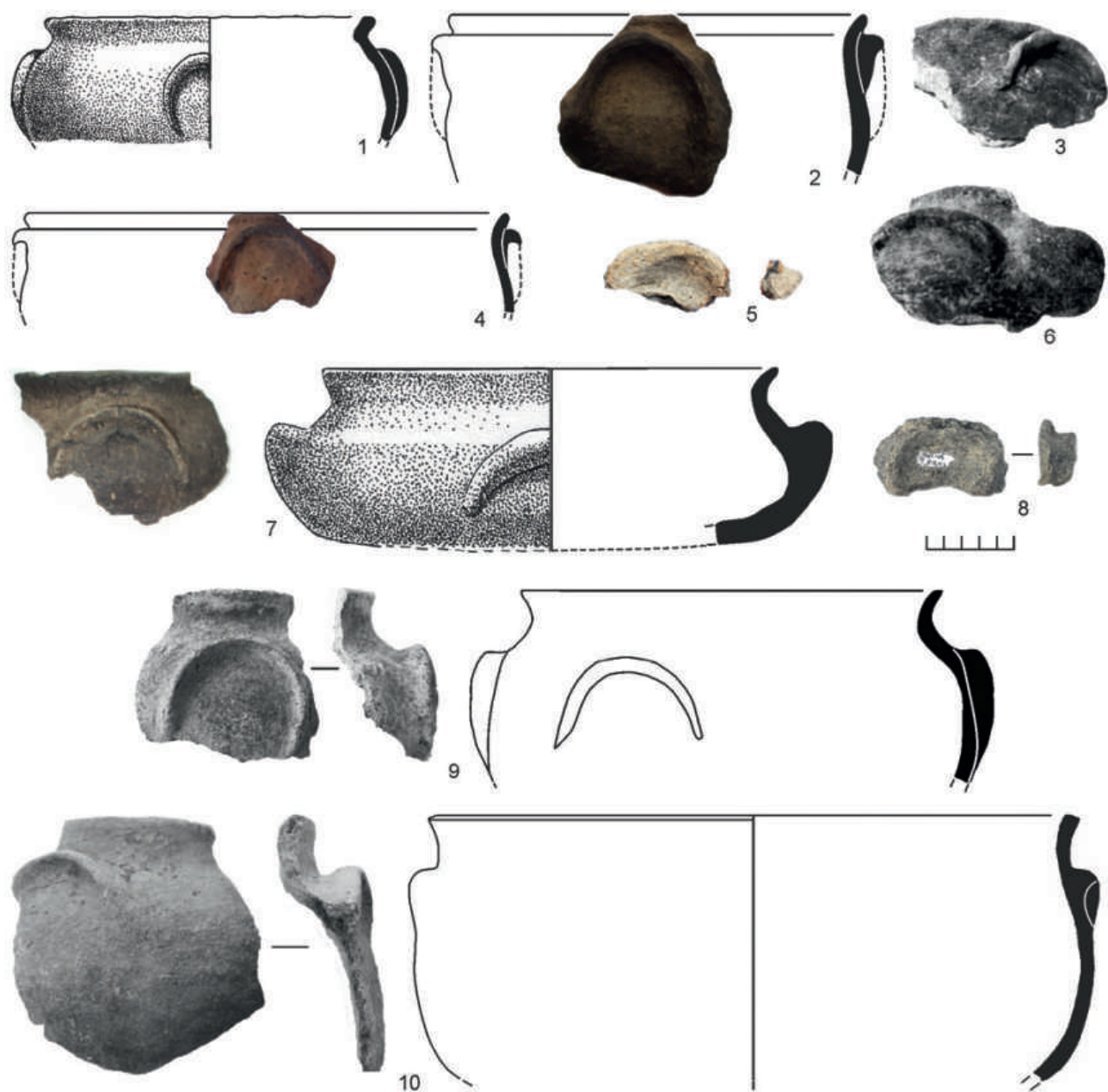


Рис. 2. Кастрюли с ручками в форме подковы
Fig. 2. Saucepans with horseshoe-shaped handles

Размеры: из Нимфея (№ 98) — диаметр венчика 14 см, дна 8 см, высота 6 см; из Артезиана — высота 8,5 см, диаметр венчика 15 см, тулова 11 см, дна 4,5 см; из Чайки — высота 20 см, диаметр венчика — 16 см, тулова — 22 см, дна — 12 см.

Места находок: Артезиан, раскоп III, юго-восточный участок, слой сырца и золы; 106 (слой пожара); Чайка — 68-784 (394); Артезиан 06, КП16422, яма 345; помещение 4, слой пожара (рис. 3).

Места хранения коллекций: фонды Керченского историко-археологического заповедника, Евпаторийского краеведческого музея.

Статистические данные по памятникам: 1,5–3,0 %; Нимфей — 10 % (табл. 1).

Датировка: Артезиан 45–49 г. н. э.; Чайка — III–II вв. до н. э. — рубеж эр. Бытуют в Боспорских памятниках до III в. н. э.

Период: эллинистический.

Генетическая группа: греческая.



Рис. 3. Кастрюли с двумя ручками (первые века н. э.)

Fig. 3. Saucepans with two handles (first centuries AD)

Аналогии: Нимфей (№ 98–111) (Гаврилюк, Соколова, 2007. С. 311, рис. 98–101); Чайка (Храпунов и др., 2009. С. 122, рис. 59, 7), Генеральское-Восточное (Масленников, 2007. С. 177, 174, рис. 79, 10); Китей (Гаврилюк, Молев, 2013. С. 95, рис. 17, 12); Мирмекий — первые века н. э. и конец I–III вв. н. э. (Кастанаян, 1981. С. 143, табл. VI, 8, 9); Илурат — середина III в. н. э. (Там же. С. 162, табл. XXVI, 2, 7, 9).

Территория распространения: Северо-Западный Крым и Европейский Боспор.

Хронологические рамки бытования сосуда: I в. до н. э. — III в. н. э.

Публикации: Гаврилюк, Винокуров, 2016. С. 157, рис. 6, 7; 7, 3; Гаврилюк, 2016. С. 224, 262, рис. 5; 6.

Описанные выше сосуды отражают известный в античной материальной культуре феномен, который заключается в большом количестве подражаний и повторов форм гончарной посуды как в лепной технике, так и в гончарной, с использованием местных глин. В материалах античных центров Северного Причерноморья и в соседних неантичных археологических памятниках повторы

античных гончарных форм в лепной керамике зафиксированы еще в прошлом веке (Гаврилюк, 1984). Это явление получает особенно широкое распространение в эллинистический период.

В период эллинизма увеличивается количество гончарной кухонной керамики в материалах всех поселений и городищ. Возрастает количество лепной керамики в целом и лепной кухонной в частности. Не подлежит сомнению, что кастрюли из Северного Причерноморья — имитация в лепной технике одной из наиболее распространенных форм гончарной кухонной посуды. Ближайшие аналогии описанным выше подражаниям гончарной керамике известны в других регионах античного мира (Harlat, 2002. P. 280, fig. 5, e).

По мнению К. К. Марченко, время появления кастрюль — вторая половина — конец IV в. до н. э., а период наибольшего распространения — вторая половина III — II в. до н. э. (Марченко, 1988. С. 87). Исследование материалов из полуземлянок и хозяйственных ям из раскопок В. В. Лапина 1960–1980 гг. и удревнение их датировок на основании недавних исследований

А. В. Буйских (*Буйских*, 2019) позволяют датировать появление кастрюль в Нижнем Побужье начиная с первой половины VI в. до н. э.

Эволюция лепной посуды вида «кастрюли» выглядит следующим образом. Первые сосуды с горизонтальными ручками (тип 1) (рис. 1, 1) появляются в Побужье в утвари первых переселенцев. К середине VI в. до н. э. количество лепных кастрюль с горизонтальными ручками достигает 2,2 % (табл. 1). В слоях второй половины VI — IV в. до н. э. их количество максимально (рис. 1, 2, 4, 6, 8, 9, 10) (18 % — Ольвия). В V в. до н. э. появляются приземистые кастрюли с горизонтальными ручками (тип 1, подтип 1), существующие в античных памятниках Северного Причерноморья до III в. н. э. в количестве, не превышающем 2,5 % лепного керамического комплекса.

Кастрюли с налепными ручками-подковами и широким выступом для крышки на внутренней поверхности венчика (тип 2) (рис. 2) датируются IV в. до н. э. — III в. н. э., то есть бытуют в течение классического и эллинистического периодов. Их количество колеблется от 1,4 до 4,4 % (табл. 1).

Кастрюли с вертикальными ручками и выступом для крышки (тип 3 — рис. 3) характерны для эллинистического периода и датируются в основном I в. до н. э. — III в. н. э. Их доля в материалах античных центров — не более 4 % (табл. 1).

Можно заметить некоторые особенности распространения описанных сосудов. Так, для Ольвии и ее округа более характерны кастрюли с горизонтальными ручками. В Нимфее распространены кастрюли с подкововидными ручками. В материалах Мирмекия такие сосуды датируются I в. до н. э. — III в. н. э. (*Кастанаян*, 1981. С. 144, табл. VII, 2, 7). Кастрюли с подкововидными ручками часто встречаются и в памятниках Северо-Западного и Центрального Крыма.

Все кастрюли входят в «греческую» генетическую группу лепной керамики Северного Причерноморья, выделенную мной в 1984 г. (*Гаврилюк*, 1984). Аргументом греческого происхождения были не только морфологические признаки сосудов, но и отсутствие в памятниках периода поздней бронзы или предскифского периода лепных форм, имитирующих гончарные греческие сосуды. В 2019 г. В. П. Власов усомнился в существовании такой генетической группы. Весьма приблизительно пересказав мои последние работы, коллега делает вывод: «В основном это группа варварской лепной керамики, но помимо них впервые

выделена группа греческой лепной керамики» (*Власов*, 2019. С. 127). Сразу уточню, что я всегда писала о генетически неоднородных группах: греческой и нескольких варварских — разных по времени и территории распространения. Далее уважаемый оппонент, известный специалист по лепной керамике крымских памятников эллинистического и римского периодов, пытается упорядочить гипотезы о происхождении лепной керамики в античных памятниках архаического и классического времени: «Если не реагировать на высказывания Н. А. Гаврилюк, то придется смириться с... подкрепленными именами авторитетных украинских и российских археологов иллюзией обогащения научных знаний в области изучения северо-причерноморской лепной керамики и этнической истории региона „новыми открытиями“, а у исследователей могут сложиться искаженные, если не сказать ошибочные представления относительно этнокультурной атрибуции лепной керамики не только античных, но и варварских центров Северного Причерноморья» (*Там же*). Можно было бы пропустить столь странный пассаж в научном издании, но я решила все же дать некоторые объяснения, возможно, они пригодятся коллеге в дальнейшем изучении лепной керамики.

Во-первых, положения из монографии и статей о лепной керамике, основанные на визуальном изучении коллекций различных периодов и регионов обширной зоны Северного Причерноморья, называть «высказываниями» по меньшей мере не точно, если не ошибочно.

Во-вторых, все мои соавторы — действительно авторитетные и уважаемые коллеги и друзья (для меня неважно, украинские, российские или крымские исследователи, главное — прекрасные специалисты), которые являются не только соавторами моих статей, но и исследователями, которые ежегодно проводят раскопки памятников, лепную керамику из которых я обрабатывала. Это дань тяжелому полевому труду моих коллег, а не желание воспользоваться их авторитетом.

В-третьих, методически неверно использовать понятие «этнокультурная атрибуция лепной керамики». Керамика по сути, вместе с погребальным обрядом, является этническим индикатором населения, но сама она обычно имеет аналогии, иногда можно установить ее происхождение и т. д. Предложенное В. П. Власовым понятие с определенными натяжками можно применить к «археологическим фактам» (см. работы Л. С. Клейна), но мой оп-

понент утверждает что «возможность изготовления лепной керамики в греческих центрах нельзя подтвердить фактами», во всяком случае имеющимися у него «данными и здравым смыслом, которые свидетельствуют против этого» (Власов, 2019. С. 128).

Я не смогла найти в весьма многословном и излишне эмоциональном тексте четких аргументов против моих «высказываний». Отмечу лишь ошибки оппонента, вызванные его незнанием литературы по вопросу.

Не соответствует действительности утверждение В. П. Власова о том, что «самые ранние ольвийские и березанские образцы обнаруживают прототипы в местной лесостепной и степной керамике» (Власов, 2019. С. 129). Степной скифской лепной керамики в период ранней архаики Борисфена и Ольвии не существует вообще — керамический комплекс Степной Скифии складывается во второй половине V — IV в. до н. э. Начало поступления лесостепной посуды в Борисфен относят ко второй половине VI в. до н. э. — они отнюдь не «прототипы».

«Из всего сказанного представляется, что изготовителями лепной посуды в античных северопричерноморских поселениях все же были не греки, а варвары. Другое дело, что ею могли пользоваться не очень зажиточные греческие семьи» (Власов, 2019. С. 130). Для подтверждения или опровержения высказанной почти 60 лет назад гипотезы о принадлежности лепной керамики только варварам, к которой присоединился В. П. Власов, можно провести повторное визуальное исследование обработанных мною памятников или воспользоваться методами естественных наук, по результатам которых большая часть лепной керамики в Ольвии и в материалах поселения на о-ве Березань изготовлена из местных глин. И пока это более существенно для археологии, чем наивные изыскания об этнической принадлежности изготовителей лепной керамики. Впрочем, у моего оппонента есть достаточно времени для опровержения моих «высказываний» и решения задач, которые он поставил прежде всего перед собой.

Буйских, 2019 — Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев: ИА НАН Украины, 2019. 392 с.

Власов, 2019 — Власов В. П. О «греческой» лепной керамике из античных центров Северного Причерноморья // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы междунар. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2019. С. 126–131.

Высотская, 1979 — Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979. 206 с.

Гаврилюк, 1984 — Гаврилюк Н. О. Скіфські імітації форм античного гончарного посуду // Археологія. Київ, 1984. № 48. С. 7–12.

Гаврилюк, 2010 — Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Тиры // Тира–Белгород–Аккерман (материалы исследований) / Ред. С. Д. Крыжицкий. Одесса: Печатный дом, 2010. С. 11–46.

Гаврилюк, 2013 — Гаврилюк Н. А. Лепная керамика из башни на поселении Кульчук в Северо-Западном Крыму // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посв. 65-летию проф. В. П. Копылова / Ред. А. Н. Коваленко.

Ростов на/Д.: Изд-во науч.-метод. центра Южного фед. ун-та, 2013. С. 341–361.

Гаврилюк, 2014 — Гаврилюк Н. А. Кухонная керамика // С. Д. Крыжицкий, Н. А. Лейпунская. Жилые дома Центрального квартала Ольвии / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2014 (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Supplementum; Вып. 13). С. 435–485.

Гаврилюк, 2016 — Гаврилюк Н. А. Лепная керамика городища Чайка // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища Чайка и некрополя Заозерное) / Ред. Е. А. Попова. М.: Ист. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. С. 179–271.

Гаврилюк, 2017 — Гаврилюк Н. А. Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX — первая половина VII в. до н. э.). Киев: Издатель Олег Филук, 2017. 338 с.

Гаврилюк, Винокуров, 2016 — Гаврилюк Н. А., Винокуров Н. И. Лепная керамика из слоя пожара городища времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. городища Артезиан // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 20. С. 143–176.

- Гаврилюк, Молев, 2013 — Гаврилюк Н. А., Молев Е. А. Лепная керамика городища Китей // Древности Боспора. Вып. 17 / Ред. А. А. Масленников. М.: ИА РАН, 2013. С. 65–110.
- Гаврилюк, Отрешко, 1982 — Гаврилюк Н. А., Отрешко В. М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка 2 // Древности Степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1982. С. 75–90.
- Гаврилюк, Соколова, 2007 — Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю. Лепная керамика Нимфея I в. до н. э. — III в. н. э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор: Сб. ст. / Гл. ред. Н. А. Гаврилюк, А. А. Масленников. М.; Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2007. С. 258–342.
- Дашевская, 1991 — Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991 (САИ; Вып. Д1-7). 140 с.
- Кастанаян, 1981 — Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Боспорских городов. Л.: Наука, 1981. 176 с.
- Клемешова, 2019 — Клемешова М. Е. Основные итоги и перспективы изучения лепной керамики с территории Азиатского Боспора // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы междунар. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2019. С. 294–317.
- Клемешова, Ломтадзе, 2018 — Клемешова М. Е., Ломтадзе Г. А. Некоторые особенности керамического комплекса конца II — I в. до н. э. поселения Ахтанизовская 4 // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Издательско-полиграфический центр СПб Гос. ун-та технологии и дизайна, 2018. С. 310–317.
- Кулькова, 2012 — Кулькова М. А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований. СПб.: Изд-во Российский гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2012. 152 с.
- Марченко, 1988 — Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. Л.: Наука, 1988. 142 с.
- Масленников, 2007 — Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.: Гриф и Ко, 2007. 560 с.
- Рогов и др., 2005 — Рогов Е. Я., Кашаев С. В., Фornaзир Й. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская 11 на юге Таманского полуострова // Боспорские исследования / Ред. Д. В. Журавлев. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. VIII. С. 177–217.
- Соколова, 2004 — Соколова О. Ю. Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 г.) // Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сб. ст. к 60-летию М. Б. Пиотровского / Науч. ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 175–184.
- Уженцев, 2006 — Уженцев В. Б. Эллины и варвары в Прекрасной Гавани. Симферополь: Сонат, 2006. 242 с.
- Храпунов и др., 2009 — Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В., Шапцев М. С. Поселение в Барабановской балке. Симферополь: Доля, 2009. 130 с.
- Четверкина, 2018 — Четверкина Е. В. Кухонная посуда Боспора: греческая традиция и местные особенности // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 241–247.
- Gavrylyuk, 2010a — Gavrylyuk N. A. Cookingware // The Lower City of Olbia (Sektor NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD / Eds. N. A. Lejpuns-kaja, Pia Guldager Bilde, Jakob Hojte, V. V. Krapivina, S. D. Kryzickij. Aarhus, 2010. P. 325–334.
- Gavrylyuk, 2010b — Gavrylyuk N. A. Handmade pottery // The Lower City of Olbia (Sektor NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Aarhus, 2010. P. 335–354.
- Harlat, 2002 — Harlat C. Productions ceramaques Egyptiennes D’Alexandrie l’epoque Ptolémées // Evolution des formes et de la production: traditions et innovati ons. Céramiques de production hellénistique et romaine et diffusion en Méditerranée orientale (Cyprus, Egypte et Syro-Palestinienne). Lyon; Parise, 2002. P. 243–287.
- Sparkes, Talcot, 1970 — Sparkes B., Talcot L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton; New Jersey, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XII, Part 2). 398 p.

Handmade saucepans from Classical centres of the Northern Black Sea littoral (materials for a handbook of handmade pottery)

N. A. Gavrilyuk⁶

Keywords: Northern Black Sea area, handmade saucepans, chronology, genetic group.

At present, there is a necessity for compiling a catalogue raisonné covering a computer museum space. Here, a variant of an information article for such a catalogue is considered through characteristics of handmade saucepans. The most important condition is that of the use of reliably dated sources examined by the researchers *de visu*. For this reason, the basis of the present paper is constituted by materials of the key sites in each region of the Northern Black Sea littoral. As the Lower Bug and Dnieper area is concerned, these sites are Borysthenes, Olbia and Tyras with their surroundings; in North-Western Crimea these are the ancient fortified settlements of Chayka and Kulchuk, in Bosporos there are materials from townsites of Nymphaion, Kytaiion and Artesian.

The saucepans are represented by wares of three types. Saucepans with horizontal handles (type 1) are distinctly profiled vessels with an ached outturned neck having a ledge for a lid on the inner surface, a bulging body and a flat bottom (Fig. 1). The subtype 1 of saucepans of type 1 is represented by saucepans-braziers with a squat body. Saucepans with appliqué horseshoe handles (type 2) are high vessels with a sharply outturned rim, a bulging shoulder and a rounded or flat bottom (Fig. 2). The saucepans with vertical handles (type 3) are represented by sharply profiled vessels with an archlike outturned neck, a ledge for a lid, evenly bulging body and a flat bottom (Fig. 3).

The finds from excavations by V. V. Lapin of 1960–1980 allow us to date the emergence of saucepans in the Lower Bug region to the first half of the 6th cen. BC. In the 5th cen. BC, the squat saucepans appear. The saucepans with appliqué horseshoe handles (type 2) are dated to the 4th cen. BC — 3rd cen. AD; they are distributed throughout the entire Northern Black Sea area. The saucepans with vertical handles and a ledge for a lid (type 3) are characteristic of the Hellenistic period and are dated mostly to the 1st cen. BC — 3rd cen. AD. All the saucepans are comprised by the “Greek” genetic group of the handmade pottery from the Northern Black Sea littoral.

⁶ Nadezhda A. Gavrilyuk — Department of Ancient Archaeology of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 12 Heroes of Stalingrad, Kiev, 04210, Ukraine; e-mail: gavrilyuk_na@ukr.net.

Известняковый рельеф с изображением Кибелы и ее спутников из раскопок Горгииппии в 2020 г.¹

В. А. Горончаровский, Т. С. Тихонова²

Аннотация. Статья посвящена обнаруженному в ходе охранно-спасательных раскопок раннеэллинистическому известняковому рельефу, где изображена богиня Кибела на троне и рядом с ней — Гермес и Геката. Эта находка дает возможность обратиться к вопросу о происхождении этого сюжета и датировке ранее известных рельефов с подобной трехфигурной композицией, происходящих с территории Боспорского царства.

Ключевые слова: Боспорское царство, Горгииппия, рельеф с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-100-104

В полевом сезоне 2020 г. экспедиция ООО «Кубаньархеология» проводила охранно-спасательные раскопки во дворе одного из корпусов анапского санатория «ДиЛуч» по адресу: ул. Пушкина, д. 24. В ходе произведенных здесь работ были открыты остатки построек конца IV — первой половины II в. до н. э., расположенных на западной окраине античной Горгииппии. Среди сделанных при этом находок стоит отметить посвященный рельеф в виде наиска, где впервые на территории Азиатского Боспора представлена композиция из трех фигур — Кибелы, Гермеса и Гекаты³.

¹ В. А. Горончаровским данная работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Горончаровский В. А. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: goronvladimir@yandex.ru. Тихонова Т. А. — ООО «Кубаньархеология», Кубанская наб., 37/11, Краснодар, 350063, Россия; e-mail: ana-re@mail.ru.

³ Благодарим за возможность публикации рельефа и содействие в работе представителей ООО «Кубаньархеология» и зав. Отделом фондов Анапского археологического музея, канд. культурологии О. В. Галут.

Известняковая плита с рельефом, лежавшая лицевой стороной вниз, была вторично использована около середины III в. до н. э. при перестройке хозяйственного комплекса, связанного с изготовлением и обжигом керамических изделий (рис. 1). Ее размеры: высота — 44–47 см; ширина — 43 см; толщина — 10 см. Глубина фона рельефа составляет около 3,5 см. На рамке заметны потертости и небольшие сколы. Задняя поверхность плиты неровная, со следами грубой отески.

Рельеф увенчан треугольным фронтоном, украшенным акротериями. Слева на уровне нижней границы тимпана фронтона прослеживается тонкая линия горизонтальной разметки. Под ней, в 3 см от края плиты, уцелели несколько букв высотой 2,0–2,3 см. Плохо сохранившаяся, не слишком тщательно вырезанная надпись читается как АРТЕМІ[- - -]⁴ и, видимо, является началом имени дедиканта. В отношении его возможного восстановления отметим, что в известном горгииппийском списке победителей на спортивных состязаниях, датируемом первой половиной III в. до н. э., в качестве патронимика присутствует имя

⁴ Справа от сохранившейся части надписи прослеживаются едва различимые следы еще нескольких букв. Пользуемся случаем поблагодарить ст. науч. сотр. ИИМК РАН Н. А. Павличенко за консультацию по поводу чтения надписи.

Артемидор (КБН, 1137). Из палеографических особенностей обращает на себя внимание *альфа* с прямой поперечной гаской и *мю* с наклонными боковыми линиями, что характерно для шрифта раннеэллинистических боспорских надписей (Болтунова, Книпович, 1962. С. 13, табл. III).

Фигуры изображенных ниже персонажей, как по высоте, так и по ширине поля рельефа, занимают почти все его пространство, следуя принципу исокефалии. Местами они сильно сглажены, особенно лица, имеются отдельные утраты. В центре находится восседающая на троне Кибела, в северопричерноморской эпитафике именуемая обычно Мать, Мать богов или Фригийская Мать (Русяева, 2005. С. 154, 168; Быковская, 2020. С. 254, 255). Ее лицо обрамляют волнистые пряди волос. В правой руке богиня держит фиалу, в левой — тимпан, на коленях лежит львенок. Кибела одета в хитон, поверх которого наброшен плащ, мягко обрисовывающий очертания ее фигуры. Из-под складок нижней части одежды виднеются носки обуви. Слева в трехчетвертном развороте изображен облаченный в короткий хитон Гермес с петасом на голове. В правой руке он держит ойнохоя. По другую сторону от Кибелы представлена Геката в длинном ниспадающем складками подпоясанном хитоне. В ее руках — два поднятых длинных факела. Как и Гермес, она выступает здесь проводником души умершего в ее загробном странствии. Не исключено, что выбор данного сюжета обусловлен посвящением дедиканта в таинства, связанные с культом Кибелы и дававшие надежду на блаженство после смерти. В таком случае ойнохоя у Гермеса выступает как символ ритуального очищения (Roller, 1999. P. 202).

Наибольшей популярностью сюжет с Кибелой, Гермесом и Гекатой пользовался в Афинах позднелленистической и раннеэллинистической эпох. В Метрооне на Афинской агоре находилась известная статуя Матери богов работы Фидия или его ученика Агоракрита (Paus. I. 3, 5; Plin. NH. XXXVI, 17; Salis, 1913. S. 1–26). Отсюда происходит наиск с посвящением богине от имени некоего Критона. В углубленном поле рельефа фигурки Гермеса и Гекаты показаны анфас по обе стороны от сидящей на троне Кибелы (Champion-Smith, 1998. P. 101, pl. 28). Особый интерес представляет небольшой мраморный рельеф IV в. до н. э., обнаруженный немецкими археологами в конце XIX в. на северном склоне Афинского акрополя. От него сохранилась только нижняя часть,



Рис. 1. Посвятительный рельеф с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты из раскопок Горгиппии

Fig. 1. Votive relief with a representation of Cybele, Hermes and Hecate from excavations in Gorgippia

но все персонажи вполне узнаваемы благодаря таким атрибутам, как ойнохоя, львенок и факелы (Schrader, 1896. S. 278)⁵. За пределами Аттики в IV–III вв. до н. э. этот сюжет практически неизвестен. Видимо, тогда он и стал с некоторыми изменениями копироваться на Боспоре, что неудивительно, учитывая тесные торговые и культурные связи «школы Эллады» с данным регионом именно в этот период.

Датировка горгиппийского рельефа определенно соответствует сделанным наблюдениям, поскольку он был создан не позднее начала III в. до н. э. и попал в слой около середины того же столетия. Это могло произойти после мощного землетрясения силой 8–9 баллов (Корженков и др., 2018. С. 117), разрушившего какое-то находившееся поблизости святилище, где почиталась Мать богов. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что всего в 250 м к юго-востоку от раскопа на территории санатория «Дилуч» располагался священный участок Деметры и ее дочери Кору-Персефоны (Алексеева,

⁵ Другой вариант этой композиции можно видеть на мраморном рельефе из Пирея (Vermaseren, 1977. Pl. 23).



Рис. 2. Боспорские рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты из Пантикапея
 Fig. 2. Bosphoran reliefs with a representation of Cybele, Hermes and Hecate from Pantikapaion

1997. С. 227–229). Не исключено, что здесь поклонялись не только им, но и Кибеле, также связанной с идеей плодородия. Впрочем, это было не единственное место почитания богини. Недавно на северном склоне горы Митридат были открыты остатки храма, с которым связана обнаруженная в период до 1826 г. мраморная статуя Кибелы, хранящаяся ныне в Эрмитаже (Толстиков, Муратова, 2017. С. 145, 146, рис. 1; 2). Отсюда же происходит лучший по сохранности и качеству исполнения боспорский рельеф с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты (рис. 2, 1), приобретенный В. В. Шкорпилом в 1902 г. для Керченского музея (Škorpil, 1913. S. 200; Античная скульптура, 2004. С. 64).

Высота рельефа составляет 79 см, ширина — 51 см, а толщина — 17 см. Небольшие отличия в деталях — положение правой руки Гермеса, факелов Гекаты и другое — позволяют говорить о стремлении передать композиционную идею оригинала, не следуя ему в точности. То же самое можно сказать и о других боспорских рельефах с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты, с более грубой

трактовкой образов, что, возможно, объясняется финансовыми возможностями заказчиков или разными навыками и мастерством исполнителей. Наиболее показателен в этом отношении наиск, обнаруженный в ходе наблюдения за строительными работами 1911 г. на Предтеченской площади (современная пл. Ленина) в центре Керчи (Шкорпил, 1914. С. 20). Его фронтоны практически стесаны (рис. 2, 2). Размеры сохранившейся части стелы — 55 × 39 см, углубленного поля — 32,5 × 31,5 см. При этом фигуры персонажей исполнены в настолько низком рельефе, что В. В. Шкорпилу удалось правильно идентифицировать только одного из них — изображенного слева Гермеса с петасом на голове и крылатым кадуцеем в руках. Над ним возвышается центральная фигура Кибелы с тимпаном, описанная как сидящий «бородастый бог с зеркалом (?) в левой руке и в головном уборе, который можно принять за калаф или за фригийскую шапку», Геката с факелом в данном случае упомянута просто как «женская фигура» (Там же. С. 21, рис. 6). Кстати, вблизи церкви

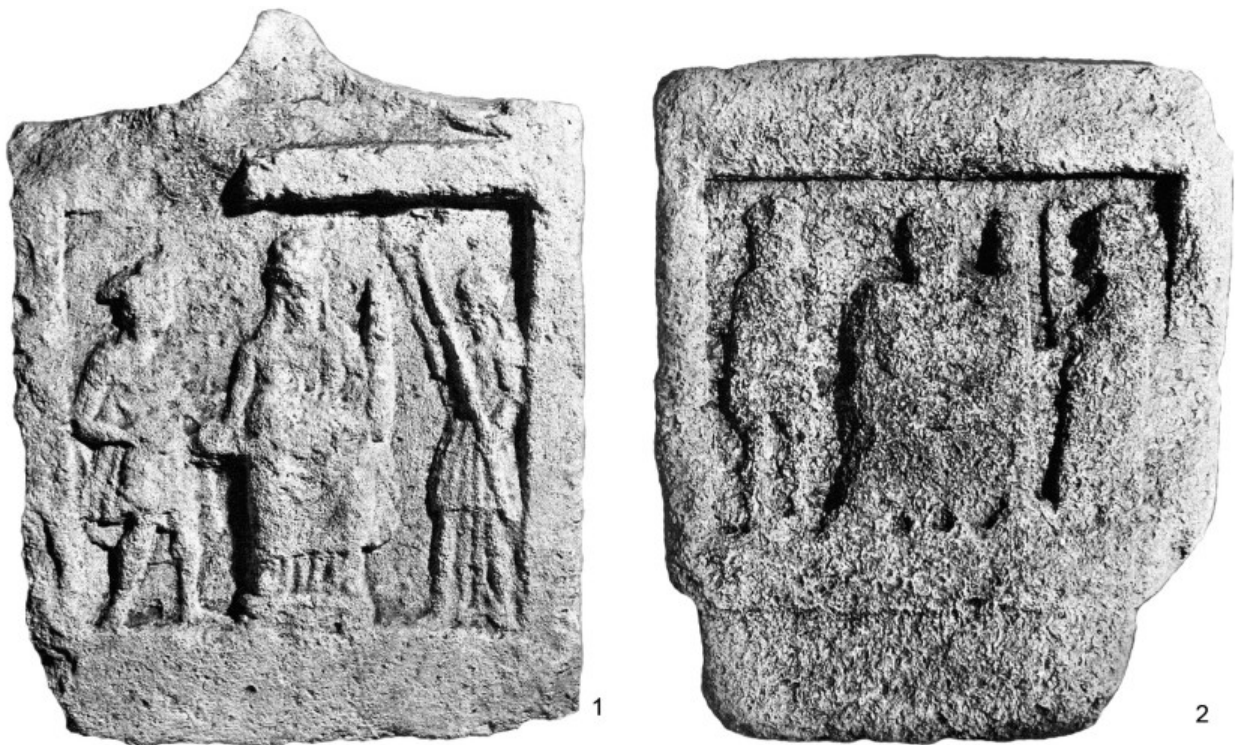


Рис. 3. Боспорские рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты: 1 — из Нимфея; 2 — из Тиритакки
 Fig. 3. Bosphoran reliefs with a representation of Cybele, Hermes and Hecate: 1 — from Nymphaion; 2 — from Tyritake

Иоанна Предтечи найдены и все известные лапидарные посвящения Матери Фригийской, которые относятся ко времени правления Перисада II (284–245 гг. до н. э.) (КБН, 21, 23). Упоминание в одном из них жрицы Гестиеи, дочери Метродора, говорит об официальном характере культа богини и существовании в этом районе Пантикапея еще одного ее храма. При этом стоит отметить, что вотивные приношения Кибеле, особенно терракоты, наиболее многочисленны именно для III в. до н. э. (Глушец, 2006. С. 101; Толстиков, Муратова, 2017. С. 148).

Еще один наиск с трехфигурной композицией, увенчанной фронтоном, скаты которого слегка прогибаются, был случайно найден на территории некрополя Нимфея в 1929 г. (рис. 3, 1). Его размеры несколько меньше: высота — 40–46 см, ширина — 35–36 см, толщина — 10 см (Античная скульптура, 2004. С. 65). Наконец, последняя по времени

находка — вотивный рельеф из раскопок Тиритакки в 1984 г. (Там же. С. 66). Высота его — 50 см, ширина — 41 см, толщина — 10 см. В данном случае фронтоном отсутствует, внизу имеется выступ для крепления в постаменте. По археологическому контексту рельеф отнесли к I в. н. э., но поверхность его настолько выветрена и потерта (рис. 3, 2), что он явно относится к более раннему времени.

Отметим, что и упомянутые ранее рельефы из Пантикапея и Нимфея датированы по слою или чисто стилистически в пределах I в. до н. э. — I в. н. э. (Кобылина, 1978. С. 35–37; Горончаровский, 1999. С. 226; Античная скульптура, 2004. С. 64–66). Теперь, после находки горгиппийского наиска, становится очевидным, что, по крайней мере, некоторые из них древнее, чем это представлялось ранее, иначе хронологический разрыв между ними трудно объяснить.

Алексеева, 1997 — Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал, 1997. 558 с.

Античная скульптура, 2004 — Античная скульптура. Лапидарная коллекция. Из собрания Керчен-

ского государственного историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво, 2004. 255 с.

Болтунова, Книпович, 1962 — Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерки истории греческого

- лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. М.: Наука, 1962. Т. III. С. 3–31.
- Быковская, 2020 — Быковская А. В. Изучение культа Кибелы на Боспоре в контексте мировой историографии // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2020. № 3. С. 247–268.
- Глушец, 2006 — Глушец Л. Н. Изображения богини на троне в коллекции терракот Керченского историко-культурного заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. 2006. Вып. 1. С. 99–121.
- Горнчаровский, 1999 — Горнчаровский В. А. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 224–227.
- Кобылина, 1978 — Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.: Наука, 1978. 215 с.
- Корженков и др., 2018 — Корженков А. М., Ларьков А. С., Овсяченко А. Н., Соколова О. Ю. Следы сильных землетрясений в руинах боспорского города Нимфея // БИ. Керчь: Керченская городская типография, 2018. Вып. XXXVII. С. 111–138.
- Русяева, 2005 — Русяева А. С. Религия понтийских эллинов. Киев: Изд. дом «Стилос», 2005. 559 с.
- Толстиков, Муратова, 2017 — Толстиков В. П., Муратова М. Б. О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н. э. в свете новейших археологических исследований // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2017. № 12. С. 144–149.
- Шкорпил, 1914 — Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // Известия Археологической комиссии. Пг.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1914. Вып. 56. С. 1–74.
- Champion-Smith, 1998 — Champion-Smith V. A. *Pausanias in Athens: An Archaeological Commentary on the Agora of Athens*. London: University College, 1998. 318 p.
- Roller, 1999 — Roller E. L. *In search of God the Mother: The Cult of Anatolian Cybele*. London: University of California Press, 1999. 380 p.
- Salis, 1913 — Salis H. Die Göttermutter des Agorakritos // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1913. Bd. 28. S. 1–26.
- Schrader, 1896 — Schrader H. Die Ausgrabungen am Westabhange der Akropolis // *Athenische Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1896. Bd. 21. S. 265–286.
- Škorpil, 1913 — Škorpil V. Kybelin kult v říši Bosporske // *Sbornik prací fi logických dvornímu radovi professoru Josefu Kralovi k Šedesatým narozeninám*. Praha, 1913. S. 190–203.
- Vermaseren, 1977 — Vermaseren M. J. *Cybele and Attis. The Myth and the Cult*. London, 1977. 224 p.

Limestone relief with a representation of Cybele and her companions from excavations of Gorgippia in 2020

V. A. Goroncharovskiy, T. S. Tikhonova⁶

Keywords: Bosporan Kingdom, Gorgippia, relief with a representation of Cybele, Hermes and Hecate.

This paper is a publication of a votive relief of the late 4th — early 3rd cen. BC found during excavations at Gorgippia in the form of a naiscus with a representation of Cybele, Hermes and Hecate (Fig. 1). Of note is an inscription ΑΡΤΕΜΙ[- -] partly preserved beneath its fronton. Possibly this is the name of the dedicant. The very earliest joint images of the mentioned three divine characters are related with Athens of the late Classical and early Hellenistic epoch. It is apparently then that this scene began to be copied with slight alterations at Bosporos. This fact is not surprising taking in consideration the close trading and cultural connections of the “school of Hellas” with this region exactly in that period. The three-figure composition of the same type has already been encountered on pieces of art from the territory of the Bosporan Kingdom (Fig. 2; 3) but the relief here published is of special interest due to the fact that it is for the first time correlated with a definite archaeological context close to the time of the creation of the relief. All the reliefs with a representation of Cybele, Hermes and Hecate found in Bosporos before were dated through their deposition layer or simply stylistically to within the 1st cen. BC — 1st cen. AD. After the finding of the Gorgippian naiscus it becomes evident that at least some of them are more ancient than it has been supposed earlier, for otherwise it is difficult to explain the chronological gap between them.

⁶ Vladimir A. Goroncharovskiy — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: goronvladimir@yandex.ru. Tatiana S. Tikhonova — Kuban-archeology LLC, 37/11 Kubanskaya nab., Krasnodar, 350063, Russia; e-mail: ana-pe@mail.ru.

Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории VI–I вв. до н. э.¹

А. А. Завойкин²

Аннотация. В статье рассматриваются открытые раскопками участки оборонительных стен Фанагории, относящихся к трем периодам ее истории. Древнейшие стены защищали апойкию около 530/20–480 гг. до н. э. Фортификационные сооружения 30-х гг. — конца V в. до н. э. огораживали всю территорию города (около 60 га). Новые крепостные стены города были построены в III в. до н. э. и функционировали до середины I в. до н. э.

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, город, акрополь, оборонительные сооружения, хронология, периодизация.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-105-118

Невозможно усомниться в том, что во все времена люди стремились обеспечить свою безопасность всеми доступными средствами. Особенно эта проблема стала актуальной с тех пор, как война и военные действия стали постоянным фактором жизни людей и, тем более, когда они оказывались за пределами родной земли, на территории, окруженной недружественным населением. Так, эллины, которые уже в эпоху архаики достигли высокого уровня развития в области вооружения и фортификации, в результате Великой греческой колонизации оказавшись на окраинах ойкумены, были серьезно заинтересованы в том, чтобы с момента основания апойкии защитить ее от потенциальной или реальной угрозы нападения врагов³. По этой причине зачастую

строительство оборонительных стен в колонизационной практике греков даже предшествовало обустройству частных домохозяйств — «это первое, с чего колонисты обычно начинали свою деятельность на новом месте жительства» (Яйленко, 1982. С. 123)⁴. В полной мере это относится и к тем колонистам, которые в первой половине — середине VI в. до н. э. основали свои города (полисы) на побережьях Киммерийского Боспора.

В мою задачу не входит обсуждение проблем, связанных с процессом формирования урбанистической структуры в апойкиях⁵. Очевидно, что этот процесс занял определенное время, поскольку демографический и экономический потенциал вновь основанных гражданских общин был весьма ограничен. Вместе с тем трудно усомниться в том, что планировка территории будущего города

¹ Работа выполнена в рамках НИР по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

² Отдел классической археологии, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bospor@inbox.ru.

³ Прежде всего, это выразилось в выборе местности для будущего поселения: с учетом множества других природных факторов предпочтение, безусловно, отдавалось местам, удобным для обороны (на мысах, на возвышенностях, огражденных оврагами, и т. п.).

См. некоторые рекомендации античных авторов: Arist. Polit. VII. 10. 2 (о топографии города на случай войны); Veg. De re. mil. IV. 1 (города должны быть укреплены или природой, или искусственно).

⁴ См.: Vitruvius. De archit. I. 5. 1 (о закладке фундаментов стен и башен сразу после выбора места для города и налаживания инфраструктуры).

⁵ Этот процесс обстоятельно рассмотрен применительно к Пантикапею в коллективной монографии с примечательным названием «Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу» (Толстиков и др., 2017).

(как и сельской округи) производилась незамедлительно, в первое же время после прибытия на место переселенцев, а не исключено, что и до того. Время реализации таких планов зависело от многих факторов и обстоятельств: приоритеты определялись как возможностями коллектива, так и степенью актуальности той или иной задачи в зависимости от изменений конкретной обстановки. На примере будущей столицы Боспорского государства, Пантикапея, мы видим, что, несмотря на договоренности со скифами о предоставлении переселенцам из Милета земли под город (St. Byz. s. v. Παντικάλαιον), колонисты приступили к строительству оборонительных стен, можно сказать, незамедлительно (Толстиков и др., 2017. С. 15). Несколько позже первые оборонительные сооружения были выстроены и в двух других апойкиях в Восточном Крыму. В Мирмекии, основанном во второй четверти VI в. (Гайдукевич, 1952а. С. 216; Кузнецов, 1991. С. 33; Виноградов, 1992. С. 105; Бутягин, 2000. С. 183⁶), открытая раскопками куртина стены, защищавшей возвышенную часть поселения (раскоп «С»), датируется «может быть, ближе к середине» того же столетия (Вахтина, Виноградов, 2001. С. 42). В Порфмии, основанном не ранее третьей четверти того же столетия, зафиксирована оборонительная стена, которую по находкам из «слоя катастрофы» по трассе этой стены датируют в пределах второй половины VI в. до н. э. (Вахтина, Виноградов, 2001. С. 44; Vakhtina, 2003. P. 41 f.)⁷.

Древнейшие оборонительные сооружения Пантикапея и Мирмекия, по мнению исследователей, защищали «ядро» будущего города или его «акрополь». Впрочем, открытым остается вопрос: какую часть синхронного поселения защищали эти стены? Можно ли полагать, что здесь мы

⁶ Автор датирует основание Мирмекия рубежом первой и второй четвертей VI в. до н. э.

⁷ Находки в горелом слое за пределами этой стены фрагментов человеческих останков позволяют рассуждать о том, что и в первые десятилетия жизни поселений опасность вовсе не была мнимой, что реальная обстановка в регионе стимулировала греков к скорейшей организации обороны своих жилищ. Имеются и другие примеры того, что боспорские поселения наиболее раннего времени были разрушены в пожаре: в Мирмекии, середина VI в. до н. э. (Бутягин, 2000. С. 180–183); в Пантикапее, начало третьей четверти VI в. (Толстиков и др., 2017. С. 13, 14); в Кепах, третья четверть VI в. до н. э. (Кузнецов, 1992. С. 32, 42, 43) и т. д.

имеем дело с цитаделью, в которой должно было в случае опасности найти убежище все население, или же само это древнейшее поселение было столь невелико, что целиком ограничивалось данными оборонительными рубежами? Судить об этом весьма затруднительно, поскольку мы не располагаем достоверными данными о внешних границах архаических городов, раскопанных лишь в очень незначительных масштабах.

Очевидно, что с течением времени по мере роста населения в апойкиях и, соответственно, площадей самих этих поселений внешняя их граница, подлежащая обороне, отодвигалась все дальше от древнейших укреплений. Таким образом, рано или поздно вновь вставал вопрос о необходимости защиты новых рубежей. Очень наглядный пример находим в Мирмекии. В конце VI — начале V в. до н. э. городская территория значительно расширяется, но когда военно-политическая обстановка существенно обострилась, в конце первой трети V в. до н. э. новая оборонительная стена⁸ охватила только юго-западную часть застройки, примыкающую к акрополю (Виноградов, 1992. С. 106–107). Максимальных размеров город достигает в конце V или начале IV в. до н. э. и в этих границах обстраивается новыми оборонительными стенами с башнями⁹ (Гайдукевич, 1952а. С. 142, 143, 217).

Иного рода выразительный пример ранней фортификации имеем в Тиритаке, основанной в 60-е гг. VI в. до н. э.: в конце этого столетия территория города была защищена крепостными стенами (Зинько, 2014. С. 315). Участки позднеархаических стен были открыты на западной (участок XIV) и южной (участки I–II, V, XV) окраинах городища (Гайдукевич, 1952б. С. 88–89). Характерно, что в конце IV — III в. до н. э. крепостные стены Тиритаки были решительно перестроены на тех же самых рубежах, и это позволяет предполагать, что ранняя система фортификации охватывала всю площадь города¹⁰ (Зинько, 2014. С. 307, 308),

⁸ Участок ее открыт на раскопе «Р». По мнению Ю. А. Виноградова, уже в третьей четверти V в. до н. э. эти укрепления теряют свое оборонительное значение (Виноградов, 1992. С. 107).

⁹ Застраивается жилыми домами и новыми оборонительными стенами некрополь Мирмекия, существовавший в северной части городища (участок «Б»), по крайней мере до первых десятилетий V в. до н. э.

¹⁰ По оценке В. Н. Зинько, около 5 га, но может быть, и больше. К сожалению, в районе северо-западного

хотя она и не смогла защитить его от вражеского разгрома во второй четверти V в. до н. э.

Поступательный рост территории Пантикапея (застройка Западного плато и Северного склона, II строительный период) с 40-х гг. VI в. до н. э. ставил перед его жителями аналогичные задачи по обороне города. Однако раскопками пока открыты лишь элементы оборонительной системы акрополя на северном краю Западного плато, которую В. П. Толстиков датирует от конца 90-х — 80-х гг. V в. до н. э.¹¹ (Толстиков и др., 2017. С. 33, 34).

Из сказанного, разумеется, не следует, что в Тиритаке не было оборонительных сооружений раньше конца VI в. до н. э. и что эта апоikia с момента основания заняла чуть не всю площадь городища или же что в Пантикапее в V в. до н. э. был защищен исключительно его акрополь, а городских стен не имелось. Все приведенные примеры иллюстрируют, прежде всего, насколько наши знания об оборонительных системах боспорских городов (особенно наиболее ранних) находятся в зависимости от масштабов проведенных полевых исследований, от сохранности этих объектов и в какой-то мере от случая, определяющего выбор места раскопок. Например, сложно усомниться в том, что городскими оборонительными стенами располагала почти не затронутая раскопками Феодосия. Иначе невозможно представить, как бы этот полис мог в течение столь длительного времени противостоять войскам сначала Сатира I, а затем и Левкона I. Однако об этой фортификации нам до сих пор ничего неизвестно. Из этого следует лишь один простой вывод: недопустимо строить гипотезы *ex silentio*.

Вместе с тем высказывалась мысль (и автор этих строк, увы, тоже отдал ей должное), согласно которой два региона (Восточный Крым и Таманский полуостров) противопоставлялись друг другу по наличию или отсутствию на поселениях (в городах) VI–V вв. до н. э. оборонительных

сооружений. Вернее, констатация этого «факта сегодняшнего дня» послужила косвенным аргументом для объяснения резкого отличия в темпах и характере освоения сельских территорий в этих двух регионах через разницу военно-политической обстановки на территориях к западу от Керченского пролива и к востоку от него (Абрамов, Паромов, 1993. С. 78–79; Завойкин, Масленников, 2006. С. 124). Однако обострение ситуации, связываемое с передвижениями и агрессией скифов, относится уже к концу VI — первой половине V в. до н. э., а до этого с момента колонизации, по представлению исследователей, в целом обстановка была мирной и благоприятной для греков (например, см.: Гайдукевич, 1949. С. 34, 36; Жебелёв, 1953. С. 122, 123; Толстиков, 1984. С. 27, 28; Шелов-Коведяев, 1985. С. 62).

Если не ошибаюсь, один только В. Д. Кузнецов — до того как новые полевые открытия внесли в эту картину принципиальные изменения¹² — высказывался в пользу того, что города Азиатского Боспора (в том числе и Фанагория) с самого начала имели оборонительные стены, которые на тот момент на Таманском полуострове еще не были найдены исключительно ввиду плохой сохранности слоев и объектов архаического времени и недостаточной их изученности (Кузнецов, 2009а. С. 196). Прошло всего несколько лет, когда это *a priori* высказанное умозаключение получило свое практическое подтверждение. В 2016–2017 гг. во время раскопок на «Верхнем городе» Фанагории на краю западной части верхней террасы были открыты и исследованы остатки древнейших в городе фортификационных сооружений весьма своеобразной конструкции, построенной из сырцовых кирпичей около 530–520 гг. до н. э. (Кузнецов, 2018а. С. 215–219, рис. 1; 2, 1). Эти оборонительные сооружения в виде ряда примыкающих друг к другу помещений защищали

и северо-восточного углов городища (участки XIX–XX и XXI), где исследовались оборонительные сооружения IV–III вв. до н. э., ранний культурный слой не сохранился (Гайдукевич, 1952б. С. 149–152).

¹¹ Датировка по двум амфорам из подвала перед фасом кургины № 204 (Толстиков и др., 2017. С. 285, табл. 49). По моим представлениям, эта дата должна быть «повышена» лет на 10 по крайней мере (см.: Завойкин, 2020. С. 257, 258, рис. 2, 3).

¹² В их числе раскопки системы оборонительных рва и вала архаического времени на поселении Голубицкая 2. Открытие этих сооружений позволило их исследователям отвергнуть традиционный тезис об исключительно мирном характере греческой колонизации азиатской части Боспора (Журавлев, Шлотцауер, 2014. С. 164–167, 174, рис. 20; 21, 1). Лишь предположительно к тому же времени относится и ров на расположенном на противоположном берегу лимана поселении Ахтанизовская 4 (Ломтадзе, 2013. С. 217, рис. 1, 2; 225).

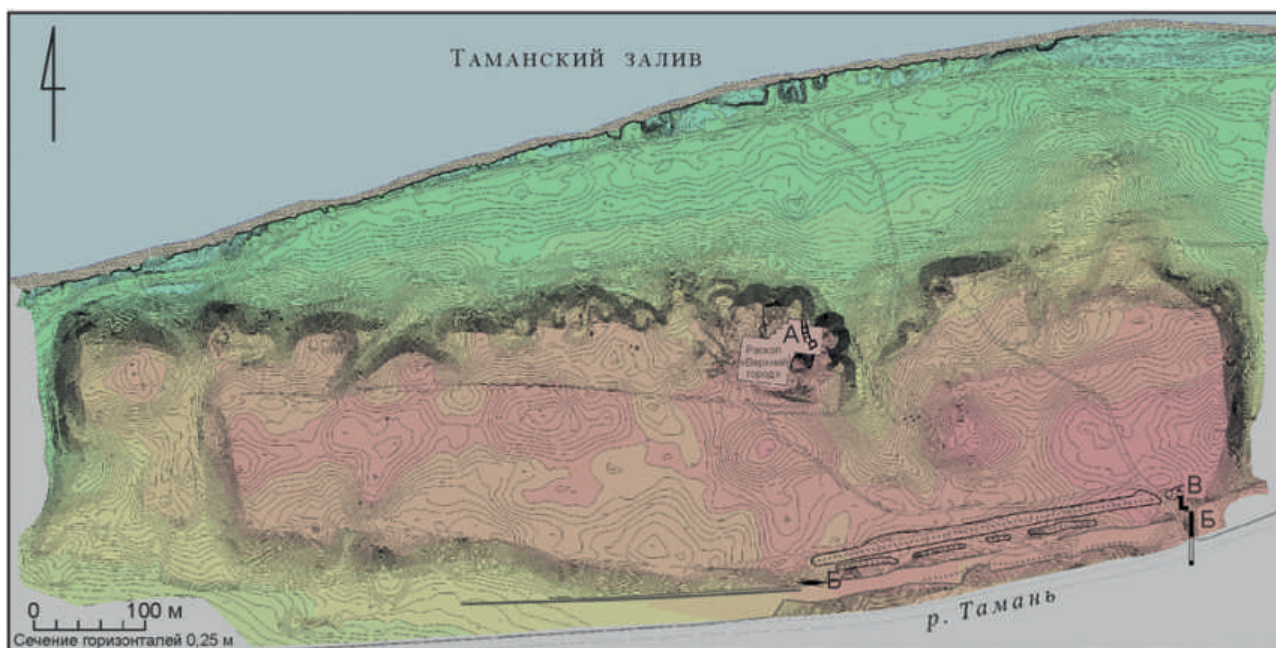


Рис. 1. Городище Фанагория. Места расположения оборонительных сооружений: А — 530/20–480 гг. до н. э.; Б — 430 гг. — конец V в. до н. э.; В — III — середина I в. до н. э. (топографический план выполнен М. О. Жуковским, 2010–2013 гг.)

Fig. 1. Site of Phanagoria. Locations of defensive installations: A — 530/20–480s BC; Б — 430s — late 5th cen. BC; В — 3rd — mid-1st cen. BC (topographic plan compiled by M. O. Zhukovskiy, 2010–2013)



Рис. 2. Городище Фанагория. Раскоп «Верхний город»: схематический план построек позднеархаического времени (Кузнецов, Абрамзон, 2020. С. 104, ил. 2, 1), оборонительные сооружения А

Fig. 2. Townsite of Phanagoria. Excavation area of the “Upper Town”: schematic plan of structures of the Late Archaic period (Кузнецов, Абрамзон, 2020. С. 104, ил. 2, 1), defensive installations А

с востока территорию¹³, на которой располагалось историческое ядро города и где впоследствии формируется его акрополь (рис. 1; 2). В архаическое же и раннеклассическое время здесь наряду с общественными зданиями гражданского и культового назначения располагались жилые дома и ремесленные мастерские (Кузнецов, 2019. С. 404 сл.; Завойкин, Кузнецов, 2019. С. 95). Поэтому, учитывая, что следы городской жизни времени основания Фанагории (вторая половина 540-х гг. до н. э.) в других местах городища пока не обнаружены, закономерно мнение, что здесь мы имеем дело не с укреплениями акрополя, а с городскими стенами. Так как нам известен лишь небольшой отрезок этих стен, то, исходя из топографии местности, можно лишь наметить естественные рубежи архаического города на севере и востоке (по краю обрыва верхней террасы), но каким образом и где трассы этих стен замыкались на юге и западе — сказать нельзя. Наблюдения микро-рельефа позволили В. Д. Кузнецову осторожно

¹³ Подробное описание постройки, аналогии ей и обоснование датировки см. в статье В. Д. Кузнецова (2021. С. 112–128).

предположить, что первоначально территория апойки могла не выходить за пределы небольшого холма площадью около 1,5–2,0 га, однако исследователь не исключает, что первоначальное поселение несколько превышало эту площадь (Завойкин, Кузнецов, 2012. С. 133; Кузнецов, 2019. С. 403).

Древнейшие оборонительные сооружения Фанагории были разрушены около 480 г. до н. э. в ходе катастрофических событий военного характера, о которых можно судить по находкам наконечников стрел и следам пожара, в котором погибли и все другие постройки на «Верхнем городе» (см.: *Абрамзон и др.*, 2019. С. 6–7)¹⁴. Вместе с тем раскопками на «Южном городе» были зафиксированы факты, позволяющие говорить о том, что практически сразу после этих событий территория Фанагории существенно увеличилась. Начинается застройка южной окраины городища с рубежа первой–второй четвертей V в. до н. э. — это глиноплетневые постройки, а затем и дома из сырцового кирпича; местами эти строения перекрыли периферийный участок некрополя последней трети VI — первых двух десятилетий V в. до н. э., «ядро» которого предположительно располагалось на восточной части верхнего плато городища (см.: *Завойкин и др.*, 2016). Согласно весьма приблизительным подсчетам В. С. Долгорукова, территория города выросла с 20,0–22,5 га в архаическое время до 50 га в первой половине V в. до н. э. (*Долгоруков*, 1990. С. 31, 32, рис. 1)¹⁵. В. Д. Кузнецов, признавая, что «уже в первой половине V в. до н. э. город почти достиг своих максимальных размеров», полагает, что оценка В. С. Долгоруковым площади архаического города сильно преувеличена. В частности, он склоняется

к мысли, что прибрежная (затопленная) часть городища, равная примерно 20–25 га, оставалась за пределами раннего города (*Кузнецов*, 2009а. С. 192, 195). Ссылаясь на результаты своих небольших (25 кв. м) раскопок 2003 г. в полосе приобья¹⁶, исследователь в самой осторожной форме допускает, что освоение этой территории относится уже к IV в. до н. э. (*Кузнецов*, 2009б. С. 200–203).

Этой гипотезе, на мой взгляд, противоречат некоторые факты. Прежде всего, необходимо отметить, что редко прибрежные раскопы удавалось довести до материка. Это объясняется тем, что за прошедшие столетия уровень воды в Таманском заливе поднялся на 3,5–4,0 м, и море не только частично разрушило, а также местами затопило северную часть городища, но и *подтопило* ранние слои, лежащие ниже современного его уровня. Поэтому раскопки в зоне подтопления приходилось останавливать, достигнув приблизительно этого уровня. Однако на «Береговом» раскопе, примыкавшем к раскопу «Северный»¹⁷, в 1939 г. благодаря «непрерывной откачке морской и родниковой воды» все же удалось исследовать «архаический» слой мощностью 1,6 м (!), лежащий на материковом песке¹⁸. В нем был открыт фрагмент (3,25 м) каменной кладки фундамента и цоколя стены «монументального здания» конца VI в. до н. э., а в 2,5 м к востоку от него — четырехугольное в плане подвальное помещение, в котором обнаружено девять хиосских амфор «архаического типа» (*Кобылина*, 1956. С. 15; *Блаватский*, 1950. С. 35, рис. 2–4). К сожалению, раздавленные землей амфоры не сохранились, поэтому нам остается лишь полагаться на датировку И. Б. Зеест, которая датирует дом с подвалом концом VI — началом V в. (*Зеест*, 1960. С. 75; *Блаватский*, 1940. С. 298).

¹⁴ В. Д. Кузнецов связывает эти события с действиями персов накануне греко-персидской войны (*Кузнецов*, 2018б. С. 174, 179).

¹⁵ Этот стремительный рост исследователь объясняет притоком эпоиков после и вследствие разгрома в 494 г. до н. э. Ионийского восстания. Вполне допуская реалистичность заметного роста населения в результате такого переселения, невозможно согласиться с тем, что количество эпоиков, если ориентироваться на цифры площади, предложенные В. С. Долгоруковым, более чем вдвое превысило численность «первопоселенцев» в Фанагории (*Завойкин, Кузнецов*, 2012. С. 132). Попытку «смягчить» это противоречие, апеллируя к примеру колонизации в Мегаре Гиблее (*Долгоруков*, 1990. С. 31, 32), едва ли можно признать приемлемой.

¹⁶ Примерно напротив глубокой ложины, разделяющей верхнее плато городища на две части, вблизи раскопа 1870 г. И. Е. Забелина (см.: *Паромов*, 1993. С. 121–122).

¹⁷ Также находятся на оси север–юг, проходящей через городище примерно напротив балки, разделяющей верхнее плато на две неравные части: большую — западную — и меньшую — восточную, западнее упомянутого раскопа Забелина (см.: *Паромов*, 1993. С. 128, № 33). К югу от этих береговых раскопов располагаются раскопы «Центральный» (на нижнем плато) и «Верхний город» (на верхнем).

¹⁸ До 2 м ниже уровня моря! (*Блаватский*, 1940. С. 298; 1950. С. 35).

На «Центральном» раскопе¹⁹ были открыты остатки построек конца VI — второй четверти V в. до н. э., в том числе здание, которое М. М. Кобылина интерпретировала как «храм в антах». Оно было возведено на мощной субструкции, черепки из которой несли на себе явные следы пожара, а под ним сохранились руины предшествующего деревянного (?) сооружения, погибшего в этом пожаре около 480 г., и сопутствующие его разрушению предметы вооружения (Кобылина, 1983. С. 51–56, рис. 2; 3; см.: Завойкин, 2019. С. 109 сл., 115).

Таким образом, по крайней мере часть нижнего плато входила в городскую территорию в конце VI в. до н. э., и предполагать, что вся затопленная ныне морем часть городища осваивалась только с IV в. до н. э., нет достаточных оснований. Другое дело, что мы не располагаем необходимыми данными, чтобы определить хотя бы приблизительно динамику роста Фанагории во второй половине VI — начале V в. до н. э., как на нижнем плато, так и на верхнем.

Единственным твердым ориентиром границ территории города являются остатки фундамента восточной оборонительной стены (рис. 3, II, 2; 4, 2) и пороговых камней въездных ворот (рис. 3, II, 1; 4, 1), которые были открыты на раскопах «Керамик» и «2-й Железнодорожный» в юго-восточном углу городища (Кобылина, 1963. С. 132, рис. 3, 5, 6; С. 133, 134, рис. 6; 1969. С. 98, 99, рис. 30), а также траншея выборки участка южной городской стены в западной части раскопа «Южный город»²⁰ (рис. 1, Б) (Горлов, 1986. С. 135–137; Завойкин, 2004. С. 40–51). Напомню, что раннюю стену на юго-восточной окраине городища М. М. Кобылина датировала V в. до н. э. Тот факт, что в этом районе культурный слой датируется не ранее середины этого столетия, говорит в пользу того, что и фортификация должна относиться ко второй половине V в. до н. э. Более точную дату (*terminus post quem*) строительства позволяют определить находки из дома, располагавшегося с внешней стороны от трассы, по которой должна была пройти южная оборонительная стена, и по этой причине дом был разобран в 30-е гг. V в. до н. э.

¹⁹ По не зависящим от исследователя и природных обстоятельств причинам раскопки и здесь тоже не были доведены до конца.

²⁰ Речь идет о том отрезке раскопа, который пролегал через городище, точнее — через его юго-восточную половину.

(Завойкин, 2004. С. 39–40). Несмотря на то что открыты весьма незначительные по протяженности участки оборонительных стен, их месторасположение и, главное, четкая соотнесенность с ярко выраженными топографическими границами городища (южной и восточной), на мой взгляд, с весьма высокой степенью уверенности позволяют проецировать продолжение этих стен: *южной* — по южному краю верхнего плато к западу до точки, где примерно под углом 110° плато поворачивает к северу; *восточной* — от юго-восточного угла городища к северу сначала по краю верхнего плато, отрезанного от соседних холмов глубоким оврагом, а затем поворачивает на северо-северо-запад, проходя до моря по гребню невысокого всхолмления на нижнем плато (рис. 1, Б).

Именно в тех местах, где можно было предполагать пролегание восточной и западной городских стен, на прибрежном пляже береговых раскопов²¹ были открыты участки траншей их выборки (Кобылина, 1956. С. 69). Выборка восточной стены (ширина ямы 14 м) прослежена ниже уровня воды в заливе до глубины 0,85 м, в ней обнаружено множество бутового камня и керамики. Этот объект, открытый в 1947 г., М. М. Кобылина относил к первым векам новой эры. К сожалению, подтвердить или опровергнуть эту датировку не представляется возможным. Не больше данных и по хронологии выборки западной стены (ширина ямы ее выборки составила 10 м), открытой в 1938 г. В. Д. Блаватским (1940. С. 291). Стоит отметить, что напротив траншеи выборки восточной стены в море располагался каменный объект внушительных размеров (по разным данным, от 100 до 150 сажень в длину и 3 сажени в ширину), именуемый исследователями прежних времен «молом», в котором со времен В. Д. Блаватского с большим основанием видят остатки фундамента городской стены²² (см.: Кобылина, 1956. С. 11–12). С учетом

²¹ Их расположение см.: Паромов, 1993. С. 127, № 29; С. 130, № 42; план-вкладка.

²² Крупные камни из верхней части этого сооружения в 1819–1827 гг. были использованы для строительства церкви в станице Ахтанисовской. Исследования последних лет в затопленной части городища под руководством В. Д. Кузнецова и С. В. Ольховского (которым я выражаю свою искреннюю признательность за ценную информацию) не выявили в этом месте следов упомянутого сооружения. Но в то же время значительно западнее, напротив раскопа «Верхний город», был обнаружен массивный и протяженный с юга на север

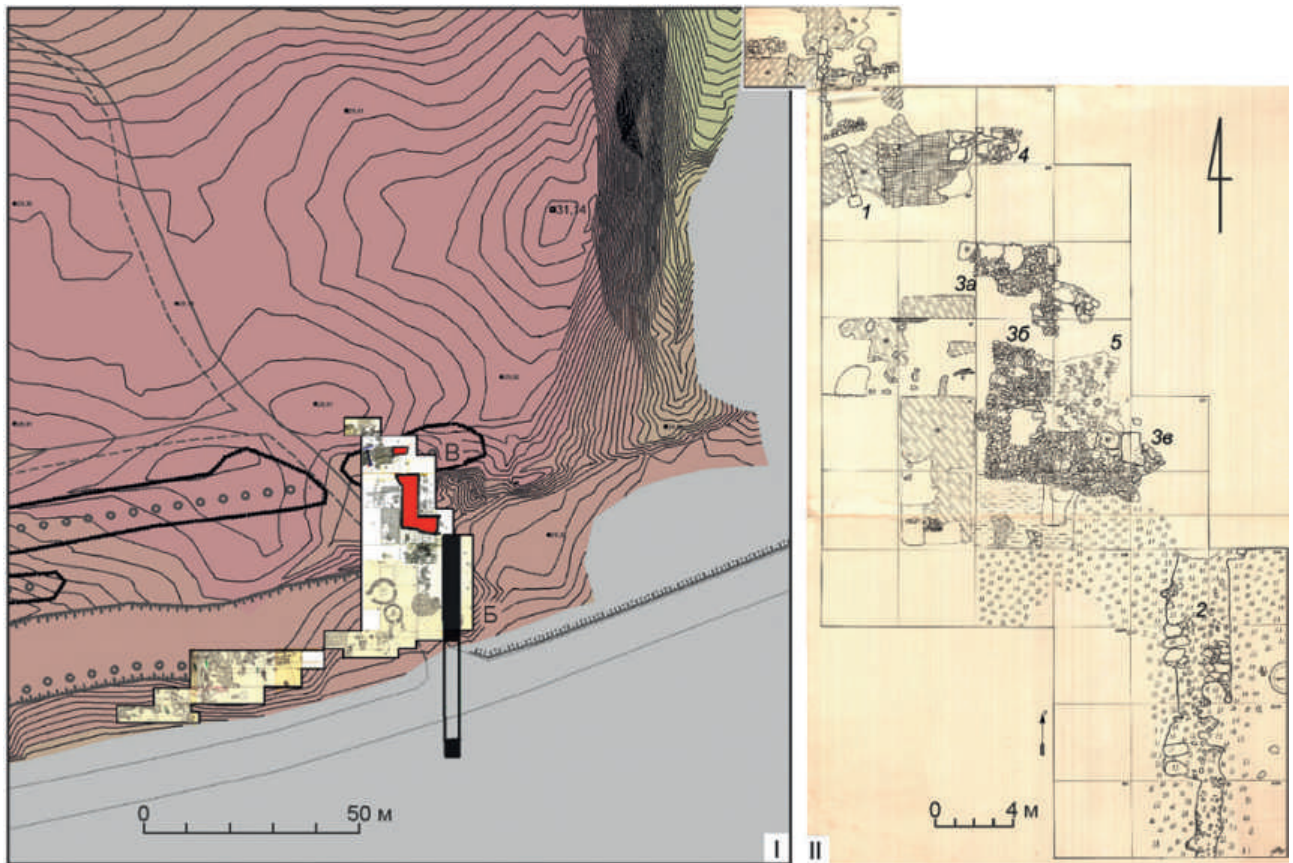


Рис. 3. Фанагория. Оборонительные сооружения в районе юго-восточного угла городища: I — раскопки «Керамик» и участки Б и В на фрагменте топографического плана (остатки стен: Б — последняя треть V в. до н. э.; В — III — середина I в. до н. э.); II — раскоп «Керамик», генеральный план 1960 г. (Кобылина, 1960): 1 — камни порога въездных ворот (№ 68) в ранней оборонительной стене; 2 — остатки городской стены (№ 72a) последней трети V в. до н. э.; 3a–3в — остатки стены (№ 21–23), III — середина I в. до н. э.; 4 — то же (?) (№ 51); 5 — свалка керамического боя под стеной эллинистического времени

Fig. 3. Site of Phanagoria. Defensive installations near the south-eastern corner of the hillfort: I — excavations “Keramik” and areas Б and В in a fragment of the topographic plan (remains of walls: Б — last third of the 5th cen. BC; В — 3rd — middle of the 1st cen. BC); II — excavation “Keramik”, general plan of 1960 (Кобылина, 1960): 1 — stone blocks of the threshold of the entrance gate (No. 68) in the early defensive wall; 2 — remains of the city’s wall (No. 72a) of the last third of the 5th cen. BC; 3a–3в — remains of the wall (No. 21–23), the 3rd — mid-1st cen. BC; 4 — idem (?) (No. 51); 5 — a dump of broken pottery under a wall of the Hellenistic period

естественных выраженных топографически границ городища и допущением того, что на протяжении веков городские стены проходили примерно по одним трассам, допустимо считать, что открытые раскопками северные участки траншей выборок западной и восточной стен соответствуют границам городской территории, защищенной оборонительными сооружениями последней трети V в. до н. э.

каменный объект предположительно гидротехнического характера («восточный мол»), построенный в V–III вв. до н. э. на песчаной косе.

Таким образом, имеются достаточные основания говорить о том, что уже во второй половине V в. до н. э. Фанагория достигла своих максимальных размеров (включая затопленную часть, около 60 га) или, во всяком случае, сильно приблизилась к этому показателю.

Оборонительные стены не спасли Фанагорию от разгрома в конце V в. до н. э. По крайней мере ее южные районы подверглись разрушениям и пожару. Слой этих разрушений сопровождают многочисленные находки наконечников стрел, что свидетельствует в пользу далеко не мирного хода событий. Анализ совокупности источников

привел к выводу, что это событие напрямую связано с захватом полиса тираном Пантикапея Сатиром I и включением Фанагории в состав формирующейся державы Спартокидов (Завойкин, 2004. С. 114, 115). Не последнюю роль в системе доказательств играет тот факт, что вскоре после военного захвата города он лишился своих оборонительных сооружений²³. Стены были разобраны до основания, видимо, с таким расчетом, чтобы лишить граждан покоренного полиса воли к борьбе за свои автономия и независимость²⁴.

Установить *terminus ante quem* разборки оборонительных стен дают возможность находки из траншеи выборки южной стены. После того как эта стена была демонтирована и извлечены камни ее фундамента, образовавшееся углубление засыпалось в течение первых двух-трех десятилетий IV в. до н. э. Эту временную грань, кажется, можно еще уточнить. Камень из основания стен (весьма дефицитный в данном регионе), видимо, мог быть использован для новых общественных построек. Так, если судить по характеру строительного материала, весьма похоже, что довольно примечательные огромные плиты и глыбы песчаника из основания оборонительных стен были использованы вторично для сооружения мощного фундамента общественного здания (№ 460) на акрополе, построенного в начале IV в. до н. э. (см.: Завойкин, 2018. С. 105–115, рис. 11–20). Если это предположение верно, названная дата послужит *terminus ante quem* для установления времени разборки городских стен Фанагории. Впрочем, этот процесс мог занять некоторое время.

Насколько можно судить, город обходился без крепостных сооружений довольно длитель-

ное время. Поверх остатков старых оборонительных построек формируется свалка керамического мусора IV–III вв. до н. э. (рис. 3, II, 5; 4, 3, 4) (Кобылина, 1956. С. 25, рис. 6; 1963. С. 132–133; 1967. С. 127; 1969. С. 98–99, рис. 30; 101, 102). Но в III в. до н. э. ситуация изменилась: поверх этих мусорных отложений возводятся новые оборонительные стены.

В отличие от стены ранней (№ 72) (рис. 3, II, 2), трасса которой прослежена на протяжении 43 м по прямой линии, менее протяженный открытый участок эллинистической стены (№ 22–23–43[–51?])²⁵, шириной около 3–4 м, имеет уступчатые в плане очертания из трех отрезков, образующих конфигурацию в виде буквы Z (рис. 3, II, 3а–3в)²⁶.

Следы продолжения этой постройки от окончания южного ее отрезка к востоку не сохранились. Логично предположить, что этот отрезок стены поворачивал к югу где-то недалеко от трассы стены ранней или непосредственно над ней. В любом случае, топография местности предопределяла трассу восточной оборонительной линии напротив границы верхнего плато и крутого склона глубокого оврага, отделяющего городище от холмов, на которых располагался некрополь. Столь же предположительно можно рассуждать и о северном отрезке стены, бесследно обрывающемся на западе. Если не принимать в расчет небольшой участок стены (№ 51; рис. 3, II)²⁷, — что расположен в 4 м к северу от внешнего фаса северного отрезка, перпендикулярно ему, — опираясь на аналогию со стеной ранней, допустимо предполагать, что северный отрезок представляет собой фрагмент стены, фланкирующей с юга въездные ворота в город.

²³ М. М. Кобылина (1963. С. 136; 1969. С. 98, 99) демонтаж ранних оборонительных стен объясняла тем, что в IV в. до н. э. отсутствовала угроза со стороны местных племен после того, как они были включены в состав Боспорского государства. Логика в этом суждении имеется, но есть и один, но принципиального характера недостаток. Военно-политическая обстановка могла меняться в регионе стремительно, и предугадать это было невозможно. В случае ее внезапного ухудшения не было бы шансов быстро возвести новые городские укрепления. Поэтому поверить в то, что городские стены были разобраны за ненадобностью, весьма трудно.

²⁴ Напомним, что тогда же Фанагория была лишена и права чеканки собственной монеты, начатой незадолго до утраты своей независимости.

²⁵ Остатки стены залегали в слое (4), датированном III–II вв. до н. э.

²⁶ Южный отрезок (9,3 м) под прямым углом поворачивал к северу (длина второго отрезка от внешнего, юго-западного, угла до северного фаса северного отрезка — около 12,3 м), а затем стена под прямым углом поворачивала к западу (по северному фаса — около 5,4 м); расстояние от внутреннего угла до внешнего (северо-восточного) — 9,8 м (Кобылина, 1956. С. 25, рис. 6).

²⁷ Характер этой кладки аналогичен кладкам 22–23–43 (относительно крупные камни песчаника, косо поставленные на ребро в основании; огромные камни фундамента, оформляющие западный фас кладки). Залегает кладка 51 в том же слое (4) III–II вв. до н. э. (Кобылина, 1955. С. 10).

Хронология строительства этой фортификации основана на несомненном стратиграфическом факте: ниже подошвы оборонительных сооружений залегает мощный (до полуметра) слой городской свалки, насыщенный разнообразными находками (рис. 4, 3, 4)²⁸, которую автор раскопок датировал IV в. до н. э., относя постройку оборонительных стен «скорее всего» к III в. до н. э. (Кобылина, 1954. С. 44–46). Отсутствие точной хронологической привязки в данном случае серьезно затрудняет суждение о возможных причинах этого события. Допустимы разве что гипотезы самого общего характера. Если даже предполагать в определенный момент резкое обострение военно-политической обстановки у границ Боспора²⁹, то и в этом случае надо принимать в расчет то, что строительство новых стен в Фанагории должно было санкционироваться центральной властью, ранее лишившей город этого права. Необходимо также принимать во внимание, что взаимоотношения правителей Боспора и полиса, за полтора-два столетия глубоко инкорпорированного в состав территориального государства, могли существенно измениться³⁰, равно как и характер самой

²⁸ «Столь же показательны для этой даты находки в субструкции у западного края стены... — обломки амфор с красной краской на горле IV в. до н. э., чернолаковые фрагменты IV в. до н. э., более поздних находок нет» (Кобылина, 1954. С. 44).

²⁹ Насколько мне известно, пока только в Горгипии фиксируются следы серьезного пожара середины — третьей четверти III в. до н. э. (Алексеева, 2010. С. 486; Савостина, Тихонова, 2021. С. 296).

³⁰ Примерно на рубеже III и II вв. до н. э. в Фанагории возобновляется после двухвекового перерыва чеканка монеты. Монетный двор здесь работал до конца эпохи Спартокидов (около 110/109 г. до н. э.), чеканя исключительно мелкие медные монеты. Эту чеканку не следует рассматривать в качестве свидетельства неких «сепаратистских устремлений». Она, на мой взгляд, лишь подтверждает статус Фанагории как второго по значимости города Боспора и полный над ней контроль со стороны его царей.

Трудно судить о конкретных причинах того, почему крупнейшему городу Азиатского Боспора было позволено возобновить чеканку монеты, хотя бы и медной. Возможно, правы те, кто видит в этом факте отражение экономических реалий того времени и попытку возложить на вторую столицу государства расходы, связанные с обеспечением местного рынка разменной медью (Анохин, 1986. С. 56), разумеется, под контролем центральной власти. Во всяком

центральной власти (со времени Спартока III — царской) тоже претерпевал определенную эволюцию.

По мнению М. М. Кобылиной, эллинистическая стена «...в I в. до н. э., может быть, во II в. до н. э. уже была разрушена. Об этом свидетельствует культурный слой над стеной и наличие над остатками стены (и около нее) керамических печей I в. до н. э. — IV в. н. э.». (Кобылина, 1954. С. 46). Однако позднейшие находки из слоя над стеной служат хронологическим ориентиром только для установления *terminus ante quem* ее разрушения, но не позволяют произвольно отодвигать датировку этого события на столетие или два от этой временной границы. Аналогичная ошибка была допущена и в датировке наиболее ранней обжигательной печи I в. до н. э. (№ 30; слой 4). В ее развале найдена бронзовая монета, датированная Д. Б. Шеловым концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. По мнению М. М. Кобылиной, эта находка и определяет время разрушения печи (Кобылина, 1954. С. 47). Однако дата этой монеты — лишь *terminus post quem* для данного события. В своей обобщающей статье 1956 г. М. М. Кобылина формулирует датировку разрушения стены более корректно: «В I в. до н. э. стена уже была разрушена» (Кобылина, 1956. С. 26; ср.: Цветаева, 1965. С. 235).

Уточнения датировок как строительства оборонительных стен Фанагории, так и их разборки были бы весьма важны для понимания исторической ситуации. Однако, к сожалению, в отношении первой даты таких возможностей нет, поскольку материалы из подстилающего слоя свалки не были документированы и не сохранились; относительно же второй — допустимы некоторые заключения косвенного характера.

Во-первых, раскопками на «Южном городе» Фанагории установлено, что в середине I в. до н. э. постройки (включая здания предположительно общественного характера) были разрушены, после чего жизнь в этом районе восстанавливается лишь частично и в иных формах, чем прежде, а в конце того же столетия она и вовсе затухает³¹.

случае чеканка мелкой медной монеты — никак не свидетельство «сепаратистских тенденций» или чего-то подобного.

³¹ Этот последний этап застройки в данном районе завершается, судя по монетным находкам, в конце I в. до н. э. (время Полемона).

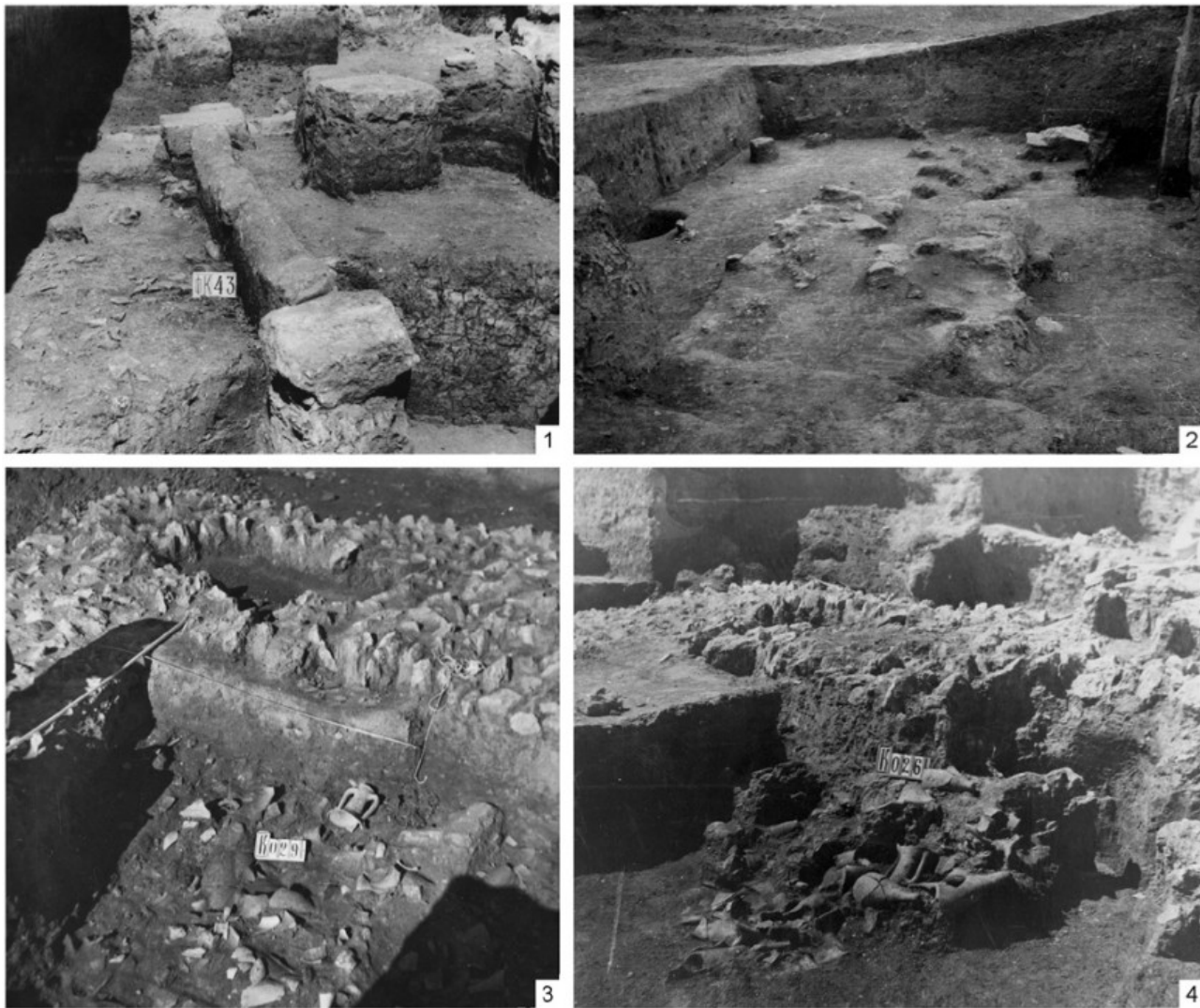


Рис. 4. Городище Фанагория. Фрагменты оборонительных сооружений на раскопе «Керамик»: 1 — камни порога въездных ворот проезда в оборонительной стене, вид с юга (Кобылина, 1955. Рис. 5); 2 — основание оборонительной стены (№ 72а), вид с севера (Кобылина, 1960. Рис. 33); 3, 4 — участки керамической свалки под основанием оборонительной стены (№ 21–23) III — середины I в. до н. э., вид с северо-запада (Кобылина, 1954. Рис. 52)

Fig. 4. Site of Phanagoria. Fragments of defensive installations at the excavation “Keramik”: 1 — stone blocks of the threshold of the entrance gate in the defensive wall, view from south (Кобылина, 1955. Рис. 5); 2 — the foundation of the defensive wall (No. 72a), view from north (Кобылина, 1960. Рис. 33); 3, 4 — areas of a dump of broken pottery under the defensive wall (No. 21–23) of the 3rd — mid-1st cen. BC, view from north-east (Кобылина, 1954. Рис. 52)

Здесь образуются пустыри, в юго-восточной части с рубежа новой эры начинают функционировать гончарные мастерские, местами фиксируются следы винодельческого производства, очевидно, уже за пределами городской черты (см.: Завойкин, 2021. С. 123–124).

Во-вторых, предполагая связь разборки городских стен с разрушениями и перестройкой середины I в. до н. э., вполне допустимо сопоставлять их демонтаж с событиями, о которых сообщает

Аппиан. В частности, историк рассказывает о том, что Фарнак стал царем Боспора (63–47 гг. до н. э.) при поддержке Помпея. Фанагории же римский полководец в благодарность за то, что она первой восстала против власти Митридата Евпатора, предоставил свободу и автономию. Однако спустя какое-то время Фарнак «...стал осаждать фанагорийцев и соседей Боспора, пока не одолел в битве фанагорийцев, вступивших в битву из-за голода, и, не причинив им никакого вреда, но сделав

друзьями и взяв заложников, удалился» (App. Mithr. 113, 120; пер. С. П. Кондратьева). Сообщение о том, что осажденные голодали, означает, что осада была довольно продолжительной. В ходе ее, надо полагать, осаждавшие предпринимали какие-то усилия для захвата города, чему, конечно, препятствовали оборонительные стены. Но и после того, как изможденные жители Фанагории были вынуждены выйти из города, они не сразу сдались на милость победителя, а вступили в бой. Поэтому позволю себе усомниться в словах греческого историка о том, что Фарнак «не причинил им никакого вреда». Захват заложников должен был стать гарантией того, что в будущем граждане Фанагории, лишённые дарованных Помпеем привилегий, станут более лояльны к центральной власти. Ту же цель должно было преследовать и лишение города оборонительных стен. Таким образом, я вполне солидарен с оценкой всех этих обстоятельств, более полувека назад предложенной Г. А. Цветаевой (*Цветаева*, 1965. С. 236)³².

Итак, судя по всему, в результате осады города войском Фарнака в середине I в. до н. э. постройки на южной окраине Фанагории оказались в той или иной степени разрушенными. Полис лишился не

³² Г. А. Цветаева пишет: «Разбор стены происходил не постепенно, а в очень короткий период и материалом датируется I в. до н. э. ... Картина одновременного и быстрого разбора стен дополняется следами пожара, обнаруженными в слое I в. до н. э., и находкой каменного ядра из известняка, аналогичного ядру, найденному в северной части Фанагории и опубликованному В. Д. Блаватским (*Блаватский*, 1951. С. 135)» (*Цветаева*, 1965. С. 235). В. Д. Блаватский находку ядра в 1949 г. на «Северном раскопе» связывал с событиями антимиридатовского восстания 63 г. до н. э., полагая, что обстрел города из баллист велся с акрополя, занятого осажденным восставшими фанагорийцами понтийским гарнизоном (App. Mithr. 108).

только свободы и независимости, дарованных ему Помпеем после антимиридатовского восстания 63 г. до н. э., но и стен, которые защищали город от врагов. Цель этой акции в полной мере аналогична замыслу Сатира I, завоевавшего Фанагорию тремя с половиной столетиями ранее, — пресечь сепаратистские устремления граждан полиса.

Рассуждать далее об оборонительных стенах Фанагории, около 12 г. до н. э. переименованной в Агриппию, не представляется возможным в силу отсутствия каких-либо источников по этому вопросу. Несомненен лишь факт, что в этот период в том месте, где в последней трети V в. до н. э., а затем в III–I вв. до н. э. проходили трассы городских стен, новые оборонительные сооружения так и не появились. Поскольку сложно допустить, что в первые века новой эры. Фанагория оставалась незащищенной, приходится лишь предполагать, что линия обороны в это время проходила где-то в другом месте.

Рассмотрение остатков разновременных городских оборонительных укреплений Фанагории, несмотря на плохую сохранность и весьма незначительные их участки, открытые раскопками, позволило затронуть ряд важных проблем, связанных с некоторыми узловыми моментами истории полиса. Территориальное и хронологическое соотношение оборонительных стен служит ценным источником не только в исследовании этапов роста площади города с момента его основания, но и несет в себе важную информацию о первых пяти столетиях истории Фанагории (середина VI — середина I в. до н. э.). Как строительство фортификационных сооружений, так и преднамеренный их демонтаж отражают события принципиального характера, притом обусловленные не только внешней военной опасностью, но и статусом полиса в составе территориальной державы.

Абрамзон и др., 2019 — *Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А.* Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // *Нуранис*. М.: ИА РАН, 2019. Т. 1. С. 5–27.

Абрамов, Паромов, 1993 — *Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // *Боспорский сборник*. М.: Научно-исследовательский археологический центр АРХЭ, 1993. Вып. 2. С. 25–98.

Алексеева, 2010 — *Алексеева Е. М.* Горгиппия // *Античное наследие Кубани*. Т. I / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука, 2010. С. 470–509.

Анохин, 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 180 с.

Блаватский, 1940 — *Блаватский В. Д.* Раскопки Фанагории в 1938–1939 гг. // *ВДИ*. 1940. № 3–4. С. 287–300.

Блаватский, 1950 — *Блаватский В. Д.* О строительном деле Фанагории // *Доклады и сообщения*

- исторического факультета МГУ. 1950. Вып. 9. С. 30–45.
- Блаватский*, 1951 — *Блаватский В. Д.* Каменное ядро из Фанагории // КСИИМК. 1951. Вып. XXX-IX. С. 135–136.
- Бутягин*, 2000 — *Бутягин А. М.* Расписная керамика из ранних комплексов Мирмекия (раскопки 1992 г.) // Античное Причерноморье: Сб. ст. по клас. археологии / Науч. ред. С. Л. Соловьев. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 166–185.
- Вахтина, Виноградов*, 2001 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 41–45.
- Виноградов*, 1992 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 99–120.
- Гайдукевич*, 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: ИИМК им. Н. Я. Марра, 1949. 622 с.
- Гайдукевич*, 1952а — *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. Ч. 1: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 25). С. 135–220.
- Гайдукевич*, 1952б — *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. Ч. 1... М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 25). С. 15–134.
- Горлов*, 1986 — *Горлов Ю. В.* К истории Фанагории IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 135–137.
- Долгоруков*, 1990 — *Долгоруков В. С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197: Железный век Восточной Европы. С. 30–37.
- Жебелёв*, 1953 — *Жебелёв С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 387 с.
- Журавлев, Шлотцауер*, 2014 — *Журавлев Д. В., Шлотцауер У.* Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 // Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников: Сб. ст. / Под ред. Д. В. Журавлева, Н. И. Шишлиной. М.: ГИМ, 2014 (Тр. ГИМ; Вып. 201). С. 150–186.
- Завойкин*, 2004 — *Завойкин А. А.* Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города»). М.: ИА РАН, 2004 (Древности Боспора; Supplementum I). 242 с.
- Завойкин*, 2018 — *Завойкин А. А.* Общественное здание IV в. до н. э. на акрополе Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. М.: ИА РАН, 2018 (Фанагория; Т. 6). Вып. 3 / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. С. 101–141.
- Завойкин*, 2019 — *Завойкин А. А.* О пифоидных амфорах «с полыми доньями» из Фанагории // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 104–118.
- Завойкин*, 2020 — *Завойкин А. А.* Комплекс с «псевдо-самосской» амфорой из раскопок Фанагории // АВ. 2020. Вып. 29. С. 252–262.
- Завойкин*, 2021 — *Завойкин А. А.* Южная окраина Фанагории в IV–I вв. до н. э.: некоторые итоги и проблемы исследований // Древности Боспора. М., 2021. Т. 26. С. 111–134.
- Завойкин, Кузнецов*, 2012 — *Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.* Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики: Материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня, 2012. С. 130–146.
- Завойкин, Кузнецов*, 2019 — *Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.* Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории в архаический период // Нурапіс. М.: ИА РАН, 2019. Т. 1. С. 73–97.
- Завойкин, Масленников*, 2006 — *Завойкин А. А., Масленников А. А.* Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос: Сб. материалов конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2006. С. 110–128.
- Завойкин и др.*, 2016 — *Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И.* Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. М.: ИА РАН, 2016 (Фанагория; Т. 4). Вып. 2 / Под ред. А. А. Завойкина. С. 110–207.
- Зеест*, 1960 — *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 83). 177 с.
- Зинько*, 2014 — *Зинько В. Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Симферополь; Керчь: ТОВ «Оранта Арт Бук», 2014 (Боспорские исследования; Supplementum 11). 592 с.

- Кобылина*, 1954 — *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1954 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 1010, 1010а.
- Кобылина*, 1955 — *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1955 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 1420, 1421.
- Кобылина*, 1956 — *Кобылина М. М.* Фанагория // Фанагория / Под ред. А. П. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 57). С. 5–101.
- Кобылина*, 1960 — *Кобылина М. М.* Отчет об археологических раскопках Фанагории 1960 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 2333, 2333а, 2333б.
- Кобылина*, 1963 — *Кобылина М. М.* Исследования Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг. // СА. 1963. № 4. С. 129–138.
- Кобылина*, 1967 — *Кобылина М. М.* Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109: Античные памятники на территории СССР. С. 124–129.
- Кобылина*, 1969 — *Кобылина М. М.* Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116: Северное Причерноморье в античную эпоху. С. 98–104.
- Кобылина*, 1983 — *Кобылина М. М.* Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983. № 2. С. 51–61.
- Кузнецов*, 1991 — *Кузнецов В. Д.* Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204: Античный мир и варвары Евразии. С. 31–37.
- Кузнецов*, 1992 — *Кузнецов В. Д.* Раскопки в Кепак 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 28–45.
- Кузнецов*, 2009а — *Кузнецов В. Д.* Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский ГУ, 2009. С. 192–198.
- Кузнецов*, 2009б — *Кузнецов В. Д.* Новейшие исследования в Фанагории // Археологические открытия 1991–2004 гг.: Европейская Россия: Сб. ст. / Под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2009. С. 190–204.
- Кузнецов*, 2018а — *Кузнецов В. Д.* Оборонительные сооружения Фанагории // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 215–219.
- Кузнецов*, 2018б — *Кузнецов В. Д.* Боспор Киммерийский в V в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Материалы по археологии и истории Фанагории. М.: ИА РАН, 2018 (Фанагория; Т. 6). Вып. 3 / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. С. 160–185.
- Кузнецов*, 2019 — *Кузнецов В. Д.* Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // Древности Боспора. М., 2019. Т. 24. С. 398–416.
- Кузнецов*, 2021 — *Кузнецов В. Д.* Оборонительные сооружения Фанагории // *Nuropolis*. М.: ИА РАН, 2021. Т. 3. С. 111–130.
- Кузнецов, Абрамзон*, 2020 — *Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г.* Клад позднеархаических монет из Фанагории. М.: ИА РАН; Гос. историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», 2020 (Фанагория; Т. 8). 158 с.
- Ломтадзе*, 2013 — *Ломтадзе Г. А.* Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // Древности Боспора. М., 2013. Т. 17. С. 216–231.
- Паромов*, 1993 — *Паромов Я. М.* Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. М.: Научно-исследовательский археологический центр АРХЭ, 1993. Вып. 2. С. 111–148.
- Савостина, Тихонова*, 2021 — *Савостина Е. А., Тихонова Т. С.* Мастерская короппласта в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгишии // Древности Боспора. М., 2021. Т. 26. С. 277–299.
- Толстиков*, 1984 — *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48.
- Толстиков и др.*, 2017 — *Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В.* Древнейший Пантикапей. От апойки — к городу. М.: РФФИ, 2017. 396 с.
- Цветаева*, 1965 — *Цветаева Г. А.* Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических данных // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965 (МИА; № 130). С. 234–236.
- Шелов-Коведяев*, 1985 — *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М.: Наука, 1985. С. 5–87.
- Яйленко*, 1982 — *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1982. 312 с.
- Vakhtina*, 2003 — *Vakhtina M. Ju.* Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of 70th birthday / Eds. P. Guldager Bilde, J. M. Højte, V. F. Stolba. Aarhus: Aarhus University Press, 2003. P. 37–54 (Black Sea Studies; Vol. 1).

Defensive installations and some problems of the historical periodisation of Phanagoria of the 6th–1st cen. BC

A. A. Zavoykin³³

Keywords: Bosporos, Phanagoria, city, acropolis, defensive walls, chronology, periodisation.

This paper considers the excavated areas of the defensive walls of Phanagoria related with three periods of the latter's history within the context of the archaeological topography of the city. The goal of the article is not only in definition of the stages of the expansion of the city's territory from the moment of the foundation of the colony but also an attempt to relate the construction or destroying of the defensive installations with the critical events in the history of the Phanagorian polis. In order to realize this task, the author paid much attention to problems of the chronology of the fortifications and compared their initial and final dates with synchronous facts known from other sources.

The most ancient walls defended the *apoike* of Theos since the first decades after its foundation (*ca.* 530/20–480 BC) (Fig. 1, A; 2). These defensive walls were destroyed during war activities in the course of which also all other constructions in the "Upper Town" perished in fire (afterwards the acropolis of the city arose here). At the same time, in the first half of the 5th cen. there took place an expansion of the built-up area of Phanagoria. In the 430s BC, new defensive walls protected the territory of the considerably expanded town enveloping *ca.* 60 hectares (Fig. 1, B; 3, I, B, II, 2; 4, 2). In the late 5th — early 4th cen. BC they were destroyed after the military seizure of Phanagoria by the tyrant Satyros I of Pantikapaion and the inclusion of the polis into the composition of the Bosporan state. The city obtained the right to build new defensive walls only in the 3rd cen. BC (Fig. 1, B; 3, I, B, II, 3; 4, 3, 4). These walls defended Phanagoria up to the mid-1st cen. BC when the polis, having received from the Roman authorities the rights of autonomy and *eleutheria*, in 63 BC was again besieged and seized by the armies of the Bosporan king Pharnakos. The deprivation of the urban defensive walls by Phanagoria both in the late 5th and mid-1st cen. BC must have served as a warranty of the loyalty of the Phanagorian citizens towards the rulers of the Bosporan Kingdom.

³³ Alexey A. Zavoykin — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow, 117036, Russia; e-mail: bospor@inbox.ru.

Борисфенитское зеркало пятой серии из погребения в могильнике «Южный склон-4» на Тамани

В. Ю. Зуев, Н. И. Сударев¹

Аннотация. Статья посвящена публикации бронзового зеркала из грунтового погребения 11 могильника городища VI–V вв. до н. э. «Южный склон-4» на Тамани, расположенного на правом берегу р. Кубань. Зеркало относится ко второму варианту пятой серии зеркал типа Борисфенита. На сегодняшний день в Северном Причерноморье известно 26 экземпляров таких зеркал. Согласно находкам из погребений с такими зеркалами, они датируются серединой VI в. до н. э. и являются импортом мастерских Борисфенского полиса в районе Нижнего Буга в различные провинции Скифии в архаическую эпоху.

Ключевые слова: Скифия эпохи архаики, полис Борисфен, Таманский полуостров, бронзовые зеркала борисфенитского типа.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-119-129

Бронзовые зеркала борисфенитского типа широко распространены в памятниках Скифии эпохи архаики в период второй половины VI в. до н. э. Классификация и топография этого материала позволили в последние годы наметить совершенно неожиданную картину экономических и культурных связей различных провинций кочевого мира Евразии от Зауралья и Северного Кавказа до Трансильвании с ионийскими полисами (Борисфеном и Ольвией) Нижнего Побужья (Зуев, 2017; 2020), а также наметить особый путь распространения зеркал этого типа через Европейский и Азиатский Боспор в Предкавказье и далее на северо-восток, в Южное Приуралье (Зуев, 2014).

На Азиатском Боспоре и в Северном Предкавказье первые зеркала борисфенитского типа были найдены еще 140 лет назад. В 1881 г. профессор Д. Я. Самоквасов при раскопке могилы III на горе Чеснок в Пятигорье у селения Каррас нашел борисфенитское зеркало третьей серии (Самоквасов, 1882. С. 1–31). В 1885 г. на Ставрополье

у станции Крымгиреевская случайно было найдено бронзовое зеркало третьей серии (ОАК, 1891. С. XCII). В 1911 г. В. В. Шкорпил в некрополе на мысе Тузла на Тамани в гробнице № 55 раскопал бронзовое зеркало борисфенитского типа четвертой серии (Pharmakowsky, 1912. Sp. 343, № 1). А в 1913 г. в окрестностях г. Нальчик было случайно найдено и доставлено в Императорскую археологическую комиссию бронзовое зеркало борисфенитского типа второй серии (Pharmakowsky, 1914. Sp. 202, abb. 47).

Первые наблюдения и выводы о находках подобных зеркал в Предкавказье сделала в 1957 г. Н. П. Сорокина. Она заключила, что «нет основания сомневаться, что зеркало из Тузлинского некрополя является изделием ольвийских ремесленников конца VI — V века до н. э.». Но при этом она заметила, что «у нас нет других предметов этого времени из некрополя, которые могли бы свидетельствовать о более или менее регулярных непосредственных связях населения города у мыса Тузла с Ольвией и не только в этот ранний, но и более поздний период. Скорее всего, это зеркало попало сюда случайно, путем посреднической торговли» (Сорокина, 1957. С. 22, 24). Это мнение о случайности попадания зеркал с ольвийского рынка в Предкавказье в конце VI в. до н. э. стало

¹ Зуев В. Ю. — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru. Сударев Н. И. — Отдел классической археологии, ИА РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sudarev@list.ru.

традицией и общим местом при рассуждениях о находках подобных предметов случайно или в женских погребальных комплексах эллинов и варваров, живших к юго-востоку от Боспора Киммерийского. Правда, в 90-е гг. прошлого века Т. М. Кузнецова предложила более чем оригинальную гипотезу, согласно которой подобные зеркала не имеют ничего общего с производством зеркал Ольвии и Борисфена, зеркала второй серии борисфенитского типа на самом деле попадают в Предкавказье из Малой Азии от ионийских греческих мастеров и через посредство северокавказских металлургов и литейщиков ионийские зеркала адаптируются к скифской художественной традиции трактовки зооморфных образов (прежде всего — пантер, оленей и баранов). В обновленном виде зеркала с подобными рукоятями во второй половине VI в. до н. э. распространяются с расселяющимися скифами с Кавказа в лесостепном Причерноморье (особенно в Приднепровье), откуда эти предметы попадают в Ольвию и Борисфен, где подвергаются сильной художественной стилизации изображений животных, образы которых по сути вырождаются в абстрактные зооморфные символы (Кузнецова, 1991. С. 80, 81). Гипотеза Т. М. Кузнецовой не выдерживает критики в силу ее ничем не обоснованной надуманности (Бажан, Зуев, 2014. С. 11, 12).

Анализ совокупности материалов, учтенных к 2021 г., позволяет выдвинуть и обосновать другую гипотезу — о существовании торговых и сакральных путей связи всего степного Предкавказья с Ольвией и Борисфеном во второй половине VI в. до н. э. В пользу этого свидетельствуют находки в общей сложности 34 зеркал борисфенитского типа, относящихся к пяти сериям.

В 2016 г. в Краснодарском крае случайно было найдено зеркало с бортиком по краю диска, с декорированной гравировками рукоятью, капителью в месте крепления рукояти к диску и сложным по форме элементом с гравировками на конце, относимое к первой серии зеркал борисфенитского типа (Зуев, 2018а. С. 27, рис. 2, 3; 33, 34).

Четыре раза в Предкавказье были найдены зеркала второй серии борисфенитского типа — с бортиком по краю диска, фигуркой лежащего льва на конце рукояти и фигурками оленя или кабана в месте крепления рукояти к диску (в 1913 г. — в окрестностях г. Нальчик; в 1985 г. — в кургане 5, погребении XV курганного могильника Мингрельский II в Абинском районе Краснодарского

края; в 2019 г. — в окрестностях г. Майкоп; в 2019 г. — в Краснодарском крае (Зуев, 2018б)).

Девять раз в регионе были найдены зеркала третьей серии борисфенитского типа — с бортиком по краю диска, фигуркой пантеры на конце рукояти и геометрическим элементом в месте крепления рукояти к диску (в 1881 г. — в могиле III могильника Каррас; в 1885 г. — у станицы Крымгиреевская в Ставропольском крае; около 1962 г. — на Таманском полуострове; в 2015 г. — в Краснодарском крае; в 2016 г. — в Адыгее; два зеркала в 2018 г. — в Ставропольском крае; в 2019 г. — на севере Кабардино-Балкарии; в 2019 г. — на границе Пятигорья и Кабардино-Балкарии (см.: Зуев, 2019. С. 73–145)).

Десять раз в Предкавказье были найдены зеркала четвертой серии борисфенитского типа — с бортиком по краю диска, фигуркой пантеры на конце рукояти и фигуркой оленя в месте крепления рукояти к диску (в 1911 г. — в гробнице 55 некрополя на мысе Тузла; до 1980 г. — у хут. Пульхерово в Адыгее; в период с 1990 по 1996 г. — у с. Трехречное в Адыгее; в 1993 г. — на территории могильника Нечерезий у аула Вочепший в Адыгее; в 1997 г. — на территории затопленного Краснодарским водохранилищем могильника Казазово 3; в 2000 г. — в Краснодарском крае; в 2003 г. — в погребении 6 кургана 5 могильника Украинский I Динского района Краснодарского края; в 2013 и 2019 г. — в Краснодарском крае) (Зуев, 2022а. В печати).

Одиннадцать раз в рассматриваемом регионе были найдены зеркала пятой серии борисфенитского типа — с бортиком по краю диска, головкой барана на конце рукояти и геометрическим элементом в месте крепления рукояти к диску (в 1954 г. — в каменном ящике Каменноостского могильника; в 1972 г. — на площади разрушенного могильника Цемдолина под г. Новороссийск; в 1993 г. — на территории Восточного могильника Старокорсунского городища на р. Кубань; в 2011 г. — в Краснодарском крае; в 2015 г. — в Краснодарском крае; в 2015 г. — на р. Кубань; в 2017 г. — в погребении 11 грунтового могильника на поселении Южный склон-4 на берегу р. Кубань; в 2017 г. — на побережье Черного моря под Новороссийском; в 2019 г. — на границе Кабардино-Балкарии и Ставрополья; два зеркала в 2019 г. — в Краснодарском крае) (Зуев, 2022б. В печати).

Единственная серия зеркал, образцы которой пока не найдены на Азиатском Боспоре и

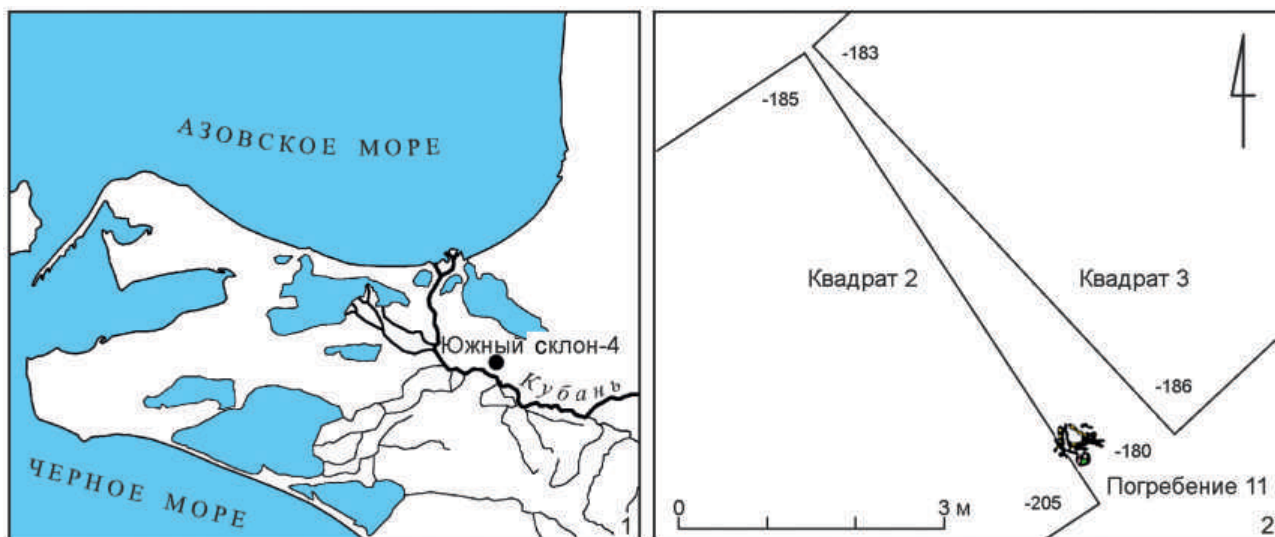


Рис. 1. Поселение и могильник «Южный склон-4»: 1 — план-карта; 2 — часть ситуационного плана рекогносцировочных раскопок, погребение 11

Fig. 1. The settlement and burial ground of “Yuzhny Sklon-4”: 1 — plan; 2 — part of the situational plan of reconnaissance excavations, burial 11

на Северном Кавказе, — это немногочисленная группа зеркал шестой серии с бортиком по краю диска, головкой барана на конце рукоятки и фигуркой оленя в месте крепления рукоятки к диску.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что мы имеем дело не со случайно завезенными зеркалами борисфенитского типа на Азиатский Боспор и в Предкавказье из Нижнебугского региона через Крым и Боспор Киммерийский, а со стабильными поставками бронзолитейных мастерских Борисфена на протяжении нескольких десятилетий VI в. до н. э. Особенно интересны для лучшего понимания ситуации с распространением подобных находок закрытые археологические комплексы погребального характера, рассмотрение которых исключает элемент случайности попадания древних артефактов вне культурного контекста эпохи скифской архаики.

Эту статью мы посвящаем публикации одного комплекса из грунтового некрополя эпохи архаики варварского поселения Южный склон-4, частично исследованного разведочными раскопками в 2017 г.² Памятник находится в Темрюкском

районе Краснодарского края на правом берегу р. Кубань, на пограничье Таманского полуострова (рис. 1, 1).

Раскоп 1 не затронул культурного слоя поселения, но оказался на месте грунтового некрополя, который был очень сильно потревожен современной плантажной распашкой. Квадраты рекогносцировочных шурфов располагались произвольно и имели целью обозначить северный край поселения. Но так получилось, что они затронули грунтовые захоронения VI–V вв. до н. э., оставленные жителями поселения, одно из которых попало в пространство между квадратами и было замечено в обрыве юго-восточной стены кв. 2 (рис. 1, 2). Мощность суглинка от поверхности земли до материка составляла в этом квадрате 0,75 м. Материк — светло-желтая глина с вкраплениями известнякового карбоната и вулканической лавы — был зафиксирован в северо-восточном углу кв. 2 на глубине 1,85 м от репера (R0), а в юго-восточном углу — на глубине -2,05 м.

В восточном борту кв. 2 располагалось погребение 11 (рис. 2). Оно было обнаружено при разборке бровки между кв. 2 и 3 на уровне пласта 2, на глубине -1,71 м от R0, на расстоянии 1,3 м от юго-западного угла. Форма погребального сооружения не была прослежена из-за потревоженности

² Исследования на поселении и некрополе Южный склон-4 были проведены в 2017 г. ООО «Центр практической археологии» (г. Ростов-на-Дону) под руководством канд. ист. наук Л. Э. Голубева (ныне — научного сотрудника Адыгейского республиканского Института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева) (открытый лист и Отчет о раскопках по № 1592 за 2017 г).

Выражаем Л. Э. Голубеву благодарность за возможность опубликовать комплекс находок из погребения 11.

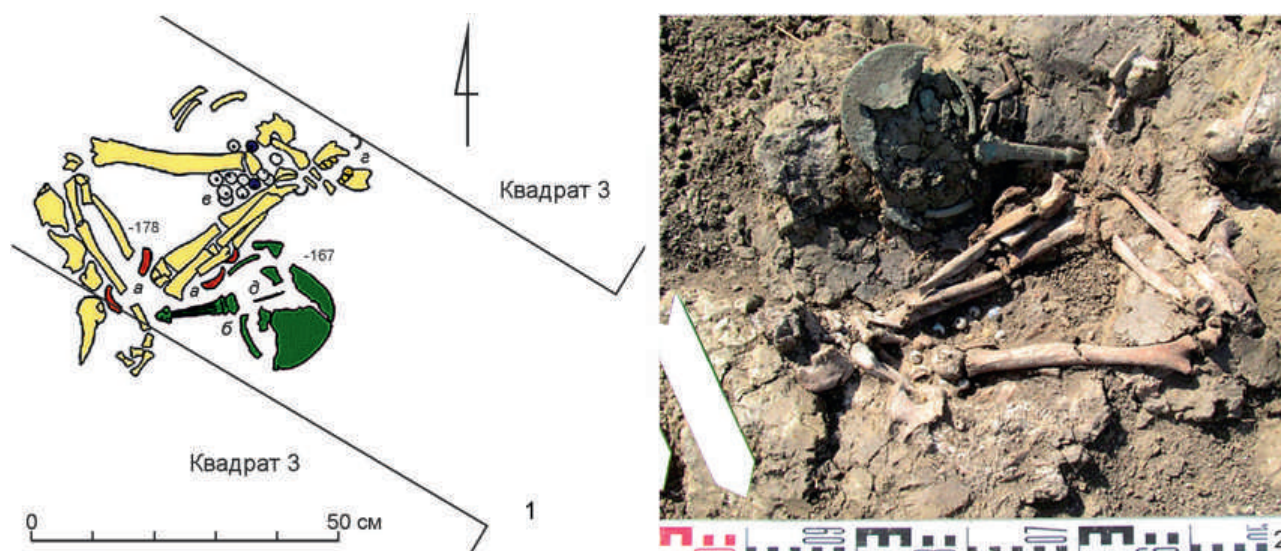


Рис. 2. Могильник «Южный склон-4», погребение 11: 1 — план (а — фрагменты железных браслетов; б — бронзовое зеркало; в — стеклянные бусы; г — бронзовые серьги; д — штырь железный); 2 — *in situ*, вид с северо-востока
 Fig. 2. burial ground of “Yuzhny Sklon-4”, burial 11: 1 — plan (a — fragments of iron bracelets; б — bronze mirror; в — glass beads; г — bronze earrings; д — iron pin); 2 — *in situ*, view from north-east

грунта регулярной распашкой. Сохранность костей очень плохая. Погребенная молодая женщина лежала, вероятно, скорченно на левом боку с поджатыми к тазу пятками. Руки были согнуты в локтях. Левая кисть находилась у подбородка. В правой кисти располагалось зеркало. Голова была ориентирована на восток.

В погребении был найден следующий инвентарь: у черепа и в районе груди лежали 18 стеклянных покрытых перламутровой патиной бусин, одна из которых — синего цвета, а две оказались спаянными (рис. 2, 1, в; 3, 8–24). Средний размер бусин 1,4 × 0,9 см. Пастовые бусы желтого цвета с выступами, похожими на пятиконечную звезду (6 штук средней сохранности) (рис. 3, 2–7), имели в среднем размер 0,8 × 1,1 см. У кисти правой руки находилось бронзовое зеркало плохой сохранности (рис. 2, 1, б). На конце рукояти зеркала было помещено стилизованное изображение головы барана. Высота зеркала 280 мм. Диск зеркала диаметром 155 мм имел вертикальный бортик. Все зеркало покрыто патиной, и его диск рассыпался при расчистке. Зеркало двухчастное: рукоять и диск крепились друг к другу припоем и были изготовлены из деталей разного качества (рис. 3, 1, 1а). На запястьях обеих рук находились сильно корродированные железные браслеты (диаметром 7 см, толщиной 1 × 1 см, подквадратные в сечении), распавшиеся на фрагменты

в процессе расчистки (рис. 2, 1, а; 3, 27, 28). При разборке погребения на черепе и под ним в районе ушей были найдены две развалившиеся на части бронзовые проволочные серьги (рис. 2, 1, г; 3, 25, 26) (диаметр установить не удалось, толщина 0,2 см). Под зеркалом был найден железный штырь, вероятнее всего шило, плохой сохранности, которое рассыпалось при разборке погребения (рис. 2, 1, д).

Рассматривая комплекс находок из погребения 11 грунтового могильника «Южный склон-4» отметим, прежде всего, набор бусин из ожерелья погребенной. Он очень напоминает по своему составу (особенно бусины с шпильками) россыпи стеклянных бус на культовом месте в Виташково (Феттерсфельде — *Furtwängler*, 1912. S. 469–516), где, как показали исследования 2001–2004 гг. под руководством профессора Збигнева Кобылинского, над каптированным источником в жреческих ритуальных действиях были рассыпаны аналогичные бусы, совершались ритуальные возлияния божествам и рядом горел огонь в священном костре (*Kobyliński*, 2014. P. 129–210). Эта аналогия позволяет предположить, что женщина из погребения в некрополе Южного склона-4 также была сопричастна к ритуальным действиям, то есть была жрицей, а бронзовое зеркало, вероятно, было одним из атрибутов культа.

Найденное в этом погребении зеркало принадлежит пятой серии, второму варианту зеркала



Рис. 3. Могильник «Южный склон-4», погребение 11, инвентарь: 1, 1а — зеркало второго варианта пятой серии борисфенитского типа; 2-7 — желтые бусины с шишечками; 8-18, 20-24 — белые бусины; 19 — синяя бусина; 25, 26 — фрагменты проволочных серег; 27, 28 — фрагменты браслетов. 1, 25, 26 — бронза; 2-7 — глухое стекло; 8-24 — стекло; 27, 28 — железо. Масштаб: а — для 1; б — для 2-26; в — для 27-28

Fig. 3. Burial ground of “Yuzhny Sklon-4”, burial 11, grave-goods: 1, 1а — mirror of the second variant of the fifth series of the Borysthenitic type; 2-7 — yellow beads with knobs; 8-18, 20-24 — white beads; 19 — blue bead; 25, 26 — fragments of wire earrings; 27, 28 — fragments of bracelets. 1, 25, 26 — bronze; 2-7 — opaque glass; 8-24 — glass; 27, 28 — iron. Scale: а — for 1; б — for 2-26; в — for 27-28



Рис. 4. Зеркала второго варианта пятой серии борисфенитского типа: 1 — с. Улан-Эрге (Астраханская губерния, 1904 г.); 2 — Красногвардейский район (Адыгея, 2016 г.); 3 — левобережье р. Кубань (2015 г.); 4 — восточнее пос. Супсех (Анапский район, 2017 г.)

Fig. 4. Mirrors of the second variant of the fifth series of the Borysthenitic type: 1 — v. Ulan-Erge (Astrakhan Province, 1904); 2 — Krasnogvardeysky district (Adygea, 2016 г.); 3 — left bank of the Kuban River (2015); 4 — to the east from the urban settlement of Supsekh (Anapa district, 2017)

борисфенитского типа. Они характеризуются тем, что имеют диск с бортиком по краю и соединены на оборотной стороне с рукоятью при помощи полуовала, ниже которого в навершии рукояти имеется трапециевидная фигура, форма ее и определяет один из трех вариантов зеркал данной серии (зеркала с овалами, трапециями и шестигранниками). Ниже трапеции есть два заостренных выступа в стороны, далее которых рукоять делится на обеих сторонах зеркала на пять равномерных вертикальных колонок, чуть сужающихся к низу рукояти. Основания вертикальных колонок переходят в единую шейку головки барана, лоб которого, украшенный по бокам крутыми завитками рогов, изображен на лицевой стороне зеркала.

Диаметр диска зеркала — 155 мм; высота вертикального бортика — 10 мм; общая длина зеркала — 280 мм; высота полуовала — 20 мм, ширина — 38 мм; высота трапеции с боковыми выступами — 22 мм, ширина — 30 мм; общая длина рукояти от полуовала до конца морды барана — 140 мм; ширина рукояти под боковыми шипами — 19 мм; ширина вертикальных колонок — 3,8 мм; высота горла и головки барана — 45 мм, ширина рогов — 21 мм. Зеркало изготовлено методом отливки деталей (диска с бортиком и рукояти) по утрачиваемым восковым моделям с последующей проковкой полуовала на навершии рукояти с фрагментом диска. Рукоять и головка барана отлиты в одной форме (рис. 3, 1, 1а).

В настоящее время от Южного Приуралья до Трансильвании известно 26 зеркал пятой серии второго варианта борисфенитского типа, у которых в навершии имеются трапециевидная фигура и острые боковые шипы по бокам, а конец рукояти украшен головкой барана (Зуев, 2022б. В печати). Из них одно найдено у с. Улан-Эрге Астраханской губернии (ныне Калмыкия) в 1904 г. в 1904 (ОАК, 1907. С. 134) (рис. 4, 1). Пять зеркал этой серии и вида найдены на Азиатском Боспоре и в Предкавказье (рис. 4, 2–4). Причем любопытно, что одно из зеркал (рис. 4, 4) найдено в окрестностях одного из древнейших греческих поселений этого региона у пос. Супсех, имеющего выразительные материалы с последней трети VII в. до н. э. и первой половины VI в. до н. э. (Sudarev et al., 2021. S. 54–56).³

³ Находки борисфенитских зеркал непосредственно на греческих поселениях у побережья Черного моря (Супсех, 2017; Цемдолина, 1972; Тузла, 1911) возвращают нас к дискуссионной идее, высказанной А. М. Новичихиным в ходе обсуждения статьи (Зуев, 2014),

Одиннадцать зеркал, аналогичных найденному в погребении 11 на поселении Южный склон-4, происходят с просторов лесостепного и степного Северного Причерноморья (Зуев, 2022б. В печати). Семь зеркал второго варианта пятой серии происходят из погребений Ольвийского могильника и его окрестностей, три зеркала этой конструкции — из скифских погребений Трансильвании. В 1908 г. у дер. Торда в Галиции (Королевство Румыния) случайно было найдено бронзовое зеркало второго варианта пятой серии борисфенитского типа (Roska, 1937. P. 192, abb. 19). В 1951 г. при раскопках могильника у дер. Тапиошеле в погребении 462 (84) археолог М. Пардуц (Párducz, 1958. T. 85. P. 58, pl. XXI. 2) обнаружил в остатках кремационного кострища такое же бронзовое зеркало в сопровождении нескольких гончарных сероглиняных сосудов, бусин, бронзовых проволочных сережек и длинного широкого железного ножа (рис. 5). В 1981 г. в дер. Кисгер-Бутете, Венгрия, было найдено погребение с подобным зеркалом, побывавшим в огне кремации (Kóós, 1985. P. 29–35). В связи с этими находками в Трансильвании следует отметить мнение Яна Хохоровского, высказанное задолго до открытия керамических мастерских в Борисфене, о том, что именно из ионийских (милетских) колоний — Борисфена и Ольвии — в середине VI в. до н. э. наряду с произведениями художественной пластики из цветных металлов через Закарпатье начинает активно поступать в Центральную Европу сработанная на гончарном круге сероглиняная керамика (Chochorowski, 1996. P. 128–130, ryc. 5).

Очень характерен для датировки зеркал этой разновидности и серии комплекс из погребения 30 Ольвийского некрополя, исследованного в 1940 г. экспедицией под руководством Т. Н. Книпович (Книпович, 1940. С. 112–117). Погребенная девушка была положена в простую яму на дощатый настил, сверху над ней было сооружено деревянное перекрытие. Головой тело было ориентировано строго на восток (рис. 6, 1). В инвентаре бронзовое зеркало второго варианта пятой серии борисфенитского типа (рис. 6, 2, 2а) сочетается

о возможности прямой морской связи греческих поселений Азиатского Боспора еще в эпоху архаики с Борисфеном на о. Березань и возможности распространения борисфенитских зеркал в предгорья Северного Кавказа из городов припонтского побережья не только из Пантикапея через Боспорский пролив, но и в результате морской транзитной торговли.

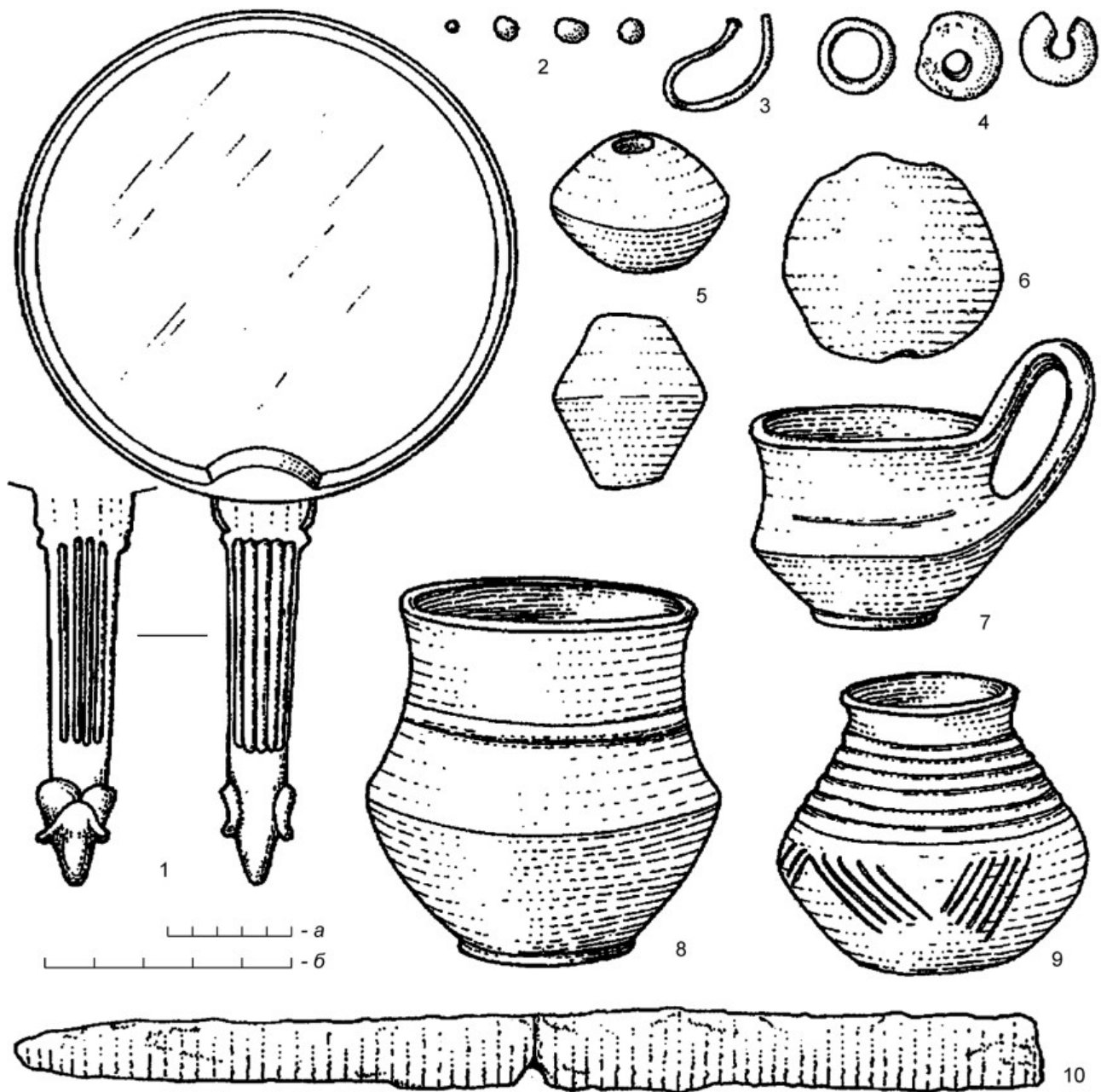


Рис. 5. Могильник у дер. Тапиошселе (Венгрия), погребение 462 (84), инвентарь: 1 — зеркало второго варианта пятой серии борисфенитского типа; 2, 4 — бусины; 3 — проволочная серьга; 5 — пряслица; 6 — ткацкое грузило из стенки гончарного сосуда; 7 — лощеный черпак; 8, 9 — серые гончарные сосуды; 10 — нож. Масштаб: а — для 1, 7-9; б — для 2-6, 10. 1, 3 — бронза; 2 — глухое стекло; 4 — стекло; 5-9 — керамика; 10 — железо

Fig. 5. Burial ground near the village of Tápiószele (Hungary), burial 462 (84), grave-goods: 1 — mirror of the second variant of the fifth series of the Borysthenitic type; 2, 4 — beads; 3 — wire earring; 5 — spindle whorls; 6 — loom weight from the wall of a wheelmade vessel; 7 — polished ladle; 8, 9 — greyware wheelmade pottery; 10 — knife. Scale: a — for 1, 7-9; b — for 2-6, 10. 1, 3 — bronze; 2 — opaque glass; 4 — glass; 5-9 — ceramics; 10 — iron

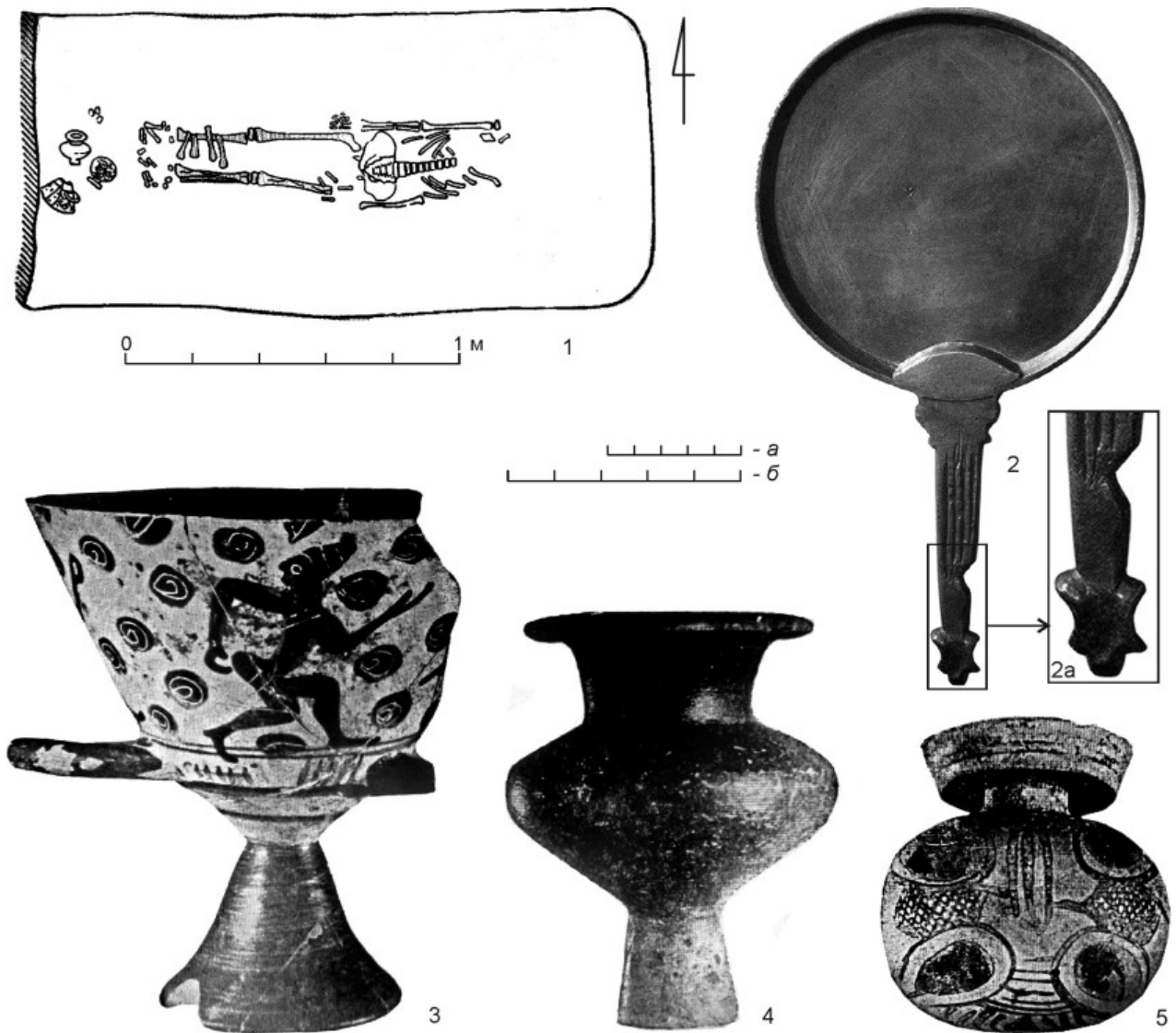


Рис. 6. Некрополь Ольвии, погребение 30 (1940 г., раскопки Т. Н. Книпович): 1 — план; 2–5 — инвентарь: 2. 2а — зеркало второго варианта пятой серии борисфенитского типа; 3 — кубок из Навкратиса группы Naucratic Chalice Comos Style; 4 — самосский сосуд; 5 — коринфский арибалл. Масштаб: а — для 2; б — для 2а, 3–5

Fig. 6. Necropolis of Olbia, burial 30 (1940, excavations by T. N. Knipovich): 1 — plan; 2–5 — grave-goods: 2. 2а — mirror of the second variant of the fifth series of the Borysthenitic type; 3 — beaker from Naukratis of the group of Naucratic Chalice Komos Style; 4 — Samian vessel; 5 — Corinthian aryballos. Scale: а — for 2; б — for 2а, 3–5

с очень характерным киликом из Навкратиса с изображением трех пляшущих человеческих фигурок. Килик, соотносимый с группой кубков Naucratic Chalice Comos Style, — очень типичный образец ритуальной посуды Навкратиса, милетской колонии на Ниле (рис. 6, 3), изготовление которой прекратилось с завоеванием персами Египта около 525 г. до н. э. (Printz, 1908. S. 14–99). Килик из Навкратиса сочетается в комплексе с коринфским арибаллом (рис. 6, 5) со схематизированным растительным орнаментом,

характерным для середины VI в. до н. э. и с самосским сосудиком без ручек, покрытым коричневато-красной глазурью (рис. 6, 4), которые очень характерны для сопроводительного погребального инвентаря в некрополях ионийских греков VI в. до н. э. Этот комплекс сосудов определяет не только датировку погребения 30 ольвийского некрополя, но и дает основание датировать зеркало второго варианта пятой серии из погребения 11 некрополя поселения Южный склон-4 серединой VI в. до н. э.

- Бажан, Зуев, 2014 — Бажан И. А., Зуев В. Ю. Случайные находки скифских зеркал эпохи архаики в Северном Причерноморье // МАИАСК. Севастополь; Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 5–29.
- Зуев, 2014 — Зуев В. Ю. Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // Погребальная культура Боспорского царства: Материалы круглого стола, посв. 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998) / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., Нестор-История, 2014. С. 66–94.
- Зуев, 2017 — Зуев В. Ю. Типология борисфенитских зеркал // Північне Причерномор'я за античної доби (за пошану С. Д. Крижицького) / Науч. ред. Й. Форназіер и др. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 144–154.
- Зуев, 2018а — Зуев В. Ю. Первая серия зеркал борисфенитского типа // Боспорский феномен. Общие и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Ч. 2. С. 25–47.
- Зуев, 2018б — Зуев В. Ю. Об одной серии зеркал борисфенитского типа // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посв. 70-летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов на/Д.: Тип. «Лаки-Пак», 2018. Вып. 2. С. 232–243.
- Зуев, 2019 — Зуев В. Ю. Третья серия зеркал борисфенитского типа // МАИАСП. 2019. № 11. С. 73–145.
- Зуев, 2020 — Зуев В. Ю. Феномен зеркал борисфенитского типа в Евразии эпохи скифской архаики // АВ. 2020. Вып. 26. С. 283–293.
- Зуев, 2022а — Зуев В. Ю. Зеркала борисфенитского типа четвертой серии // Записки ИИМК. 2022. № 26. В печати.
- Зуев, 2022б — Зуев В. Ю. Пятая серия зеркал борисфенитского типа // МАИАСП. 2022. В печати.
- Книпович, 1940 — Книпович Т. Н. Некрополь на территории Ольвии (из работ экспедиции 1940 г.) // КСИИМК. 1941. Вып. X. С. 112–120.
- Кузнецова, 1991 — Кузнецова Т. М. Этюды по скифской истории. М.: ИА РАН, 1991. 152 с.
- ОАК, 1891 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1891. СССXXXIV, 133 с.
- ОАК, 1907 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1907. 187 с.
- Самоквасов, 1882 — Самоквасов Д. Я. Могильные древности Пятигорского округа (Отчет об археологической командировке на Кавказ) // Варшавские университетские известия. Варшава, 1882. № 6. С. 1–31 (5-я паг.).
- Сорокина, 1957 — Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М.: Сов. Россия, 1957. 74 с.
- Chochorowski, 1996 — Chochorowski J. Problem recepcji elementów kultury antycznej (Greckiej) w kotlinie Karpackiej w VI w. p. n. e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. Szarej ceramiki toczonej // Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedlowi. Kraków, 1996. S. 115–147.
- Furtwängler, 1912 — Furtwängler A. Der Goldfund von Vettersfelde // Kleine Schriften von Adolf Furtwängler / Hrsg. von J. Sieveking, L. Curtius. München, 1912. S. 469–516. Bd. I. Taf. 18–20.
- Kobyliński, 2014 — Kobyliński Z. Contextualisation of the Hoard from Vettersfelde / Witaszkowo: archaeological excavation at Kozów, site 2 in the Lubusz Land. Zielona Góra, 2014. 522 p.
- Koós, 1985 — Koós Ju. S. Szkíta-kori bronztükör Kisgyörből // НОМЭ. 1985. Т. 22–23 (1983–84). P. 29–35.
- Párducz, 1958 — Párducz M. Szkíta tükrök a Kárpát-medencében // АЭ. 1958. Т. 85. P. 58–64.
- Pharmakowsky, 1912 — Pharmakowsky B. Rußland [Archäologische Funde in Jahre 1911] // Archäologischer Anzeiger. 1912. Sp. 323–381.
- Pharmakowsky, 1914 — Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1913. Russland // Archäologischer Anzeiger. 1914. Sp. 202. Abb 47.
- Printz, 1908 — Printz H. Funde aus Naukratis // Klio. 1908. Bieheft 7. S. 14–99.
- Roska, 1937 — von Roska M. Der Bestand der scythischen Altertümer Siebenbürgens // Eurasia septentrionalis antiquae. 1937. Т. XI. S. 167–203.
- Sudarev et al., 2021 — Sudarev N. I., Garbuzov G. P., Ivanov A. V., Kargin Yu. Yu., Mataev V. V., Voronin K. V. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug. На берерах Бура. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021 (Frankfurter Archäologische Schriften; Bd. 42). S. 43–72.

Borysthenitic mirror of the fifth series from a grave at the burial ground of “Yuzhny Sklon-4” on the Taman Peninsula

V. Yu. Zuyev, N. I. Sudarev⁴

Keywords: Scythia of the Archaic epoch, polis of Borysthenes, Taman Peninsula, bronze mirrors of the Borysthenitic type.

Bronze mirrors of the Borysthenitic type are widespread at sites of Scythia of the Archaic era in the second half of the 6th cen. BC. In the Asian Bosphorus and the Northern Ciscaucasia, thirty-four mirrors of the Borysthenitic type have been today recorded belonging to five different series of the six known. Unfortunately, in most cases, these are accidental finds. The discovery of these mirrors in archaeological complexes, primarily in burials, is always an interesting event that enriches the picture of their distribution and clarifies the cultural context of each such find. This article is devoted to the publication of a complex of finds from burial 11 at the flat grave necropolis of the 6th–5th cen. BC. The settlement of Yuzhny Sklon-4, is located in the lower reaches of the Kuban River, on its right bank (Fig. 1; 2). The mirror from this complex belongs to the second version (with the trapezoidal top of the handle) of the fifth series of mirrors of the Borysthenitic type (Fig. 3). Twenty six copies of such mirrors are known in the Northern Black Sea region (Fig. 4). All of them are very similar to each other and were cast using the lost wax model. They were manufactured at a single bronze casting workshop of the polis of Borysthenes on the island of Berezan. Some mirrors of the second variant of the fifth series of the Borysthenitic type are very confidently datable according to the accompanying Greek pottery to the middle of the 6th cen. BC. In addition, some mirrors of this type are accompanied, especially in Transcarpathia (Fig. 5), by greyware pottery which is considered by J. Chochorovsky as imports produced by Ionian poleis of the Lower Bug region (Fig. 6). A comparison between these materials allows us to speak about dating of grave 11 of the “Yuzhny Sklon-4” burial ground to the middle of the 6th cen. BC and to regard the mirror from this burial among the imports of the products of the Milesian colony on the Taman Peninsula in the Archaic era.

⁴ Vadim Yu. Zuyev — Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru. Nikolay I. Sudarev — Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow, 117292, Russia; e-mail: sudarev@list.ru.

Редкие металлические перстни из археологического комплекса «Усатова Балка»

М. А. Коваленко, А. В. Круглов¹

Аннотация. *Анализируется контекст находки двух перстней IV–III вв. до н. э. с редкой для Северного Причерноморья иконографией. В одном случае это изображение возничего на колеснице, в другом — кельтского воина с овальным щитом. Выбор сюжетов демонстрирует эллинизированные вкусы владельца первого перстня и, возможно, военно-административный статус обладателя второго.*

Ключевые слова: *археологический комплекс «Усатова Балка», «птолемеевские» перстни-печати, железные перстни, кельтский щит, колесница.*

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-130-144

Настоящая публикация посвящена находкам двух редких перстней, обнаруженных при исследовании культурного слоя поселения античного времени близ хутора Усатова Балка (г. Анапа) на территории Краснодарского края в 2011 г. (рис. 1). Работы проводились охранно-спасательным отрядом ООО «Южно-российский центр археологических исследований» в зоне строительства высоковольтной линии электропередачи для нужд Олимпиады 2014 г. в Сочи.

Контекст находок

В ходе разведочных изысканий, предшествовавших раскопкам, на участке прохождения проектируемой трассы линии электропередачи по левому берегу р. Анапка специалистами НП «Южархеология» были локализованы два поселения античного периода — Усатова Балка 3 и Усатова Балка 4. Основные объемы охранно-спасательных работ, предпринятых отрядами М. А. Коваленко и А. А. Крайневой, пришлось на пункты размещения будущих опор линии электропередачи.

В результате руководителями исследований была установлена хронологическая близость обоих памятников, что с учетом их территориальной близости дало возможность объединить оба поселения в рамках единого археологического комплекса «Усатова Балка».

На поселении Усатова Балка 3 М. А. Коваленко было заложено шесть раскопов общей площадью 2350 кв. м. Исследованные площади находились на территории пахотных земель близ юго-восточной окраины хутора Усатова Балка. Период формирования древних культурных напластований на памятнике достаточно широк и определяется амфорными и нумизматическими находками в пределах с конца VI по II в. до н. э. Помимо публикации обнаруженных кладов боеспорских монет (*Абрамзон и др.*, 2011) автором раскопок планируется отдельное издание других материалов, связанных с этим памятником. Здесь приводится лишь краткая характеристика тех участков поселения, где были обнаружены интересные нас артефакты.

Раскоп 1 (рис. 1, 2) располагался в непосредственной близости от перекрестка пер. Березовый и ул. Парковая. Размеры исследованной тут площади составляли 30 × 30 м (900 кв. м). Мощность культурного слоя не превышала 1 м. Стратиграфические наблюдения позволили заключить, что уровень древнего горизонта поселения

¹ Коваленко М. А. — Отдел памятников археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Администрации Краснодарского края; ул. Советская, 49, г. Краснодар, 350063, Россия; e-mail: kovalenko_max@list.ru. Круглов А. В. — независимый исследователь, Нью-Йорк–Санкт-Петербург; e-mail: alexvkruglov@gmail.com.

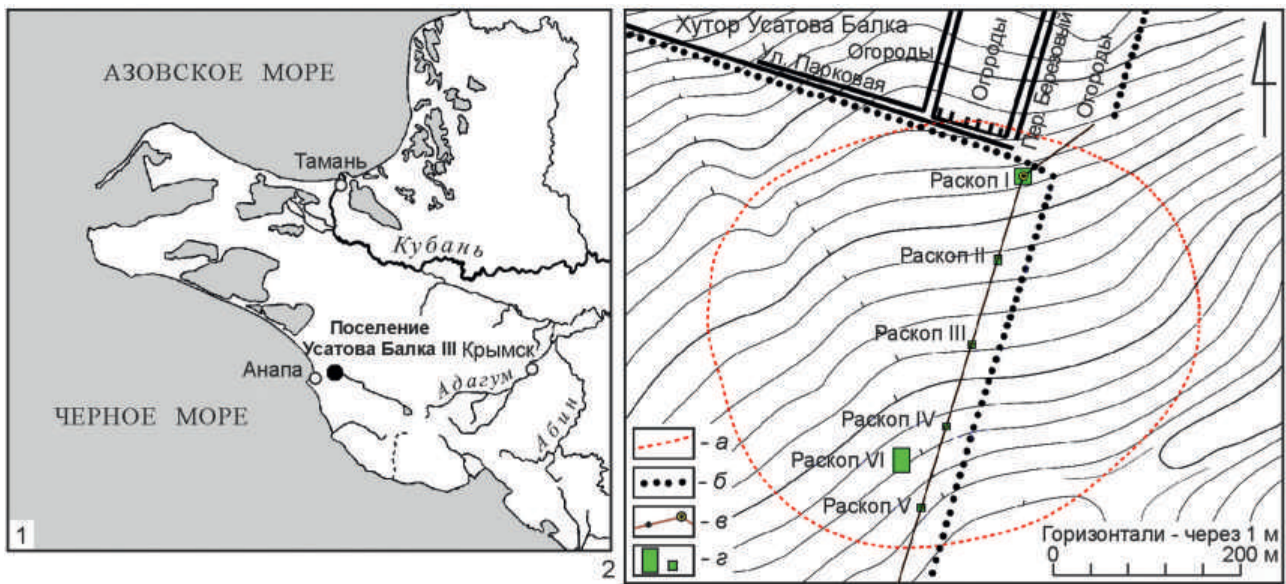


Рис. 1. Поселение Усатова Балка III: 1 — план-карта; 2 — ситуационный план (а — границы поселения; б — лесополоса; в — линия электропередачи с опорами; з — раскопы и шурфы 2011 г.)

Fig. 1. Settlement of Usatova Balka III: 1 — map; 2 — situational plan (a — boundaries of the settlement; б — forest belt; в — line of electric power transmission with the pylons; з — excavations and exploratory pits of 2011)

находился в интервале глубин 0,4–0,6 м и оказался значительно потревожен современной распашкой². В ходе работ на раскопе выявлены три археологических объекта, вероятно, являвшихся остатками жилых строений III в. до н. э., и 15 хозяйственных ям.

Бронзовый перстень-печать с изображением колесницы. Описание и аналогии

При исследовании кв. 21 в нижнем горизонте слоя серо-коричневого суглинка³ при помощи металлоискателя был обнаружен фрагмент цельнометаллического бронзового перстня-печати⁴ (рис. 2, 1, 6–9) с выступающим щитком. Сохранились полностью щиток с изображением колесницы и частично шинка. Щиток — овальный скругленный (17 × 12 мм), сужающийся с двух сторон к трехгранной шинке толщиной 2 мм в сечении. Реконструируемый внутренний диаметр кольца 20 мм. По классификации Дж. Бордмана форма

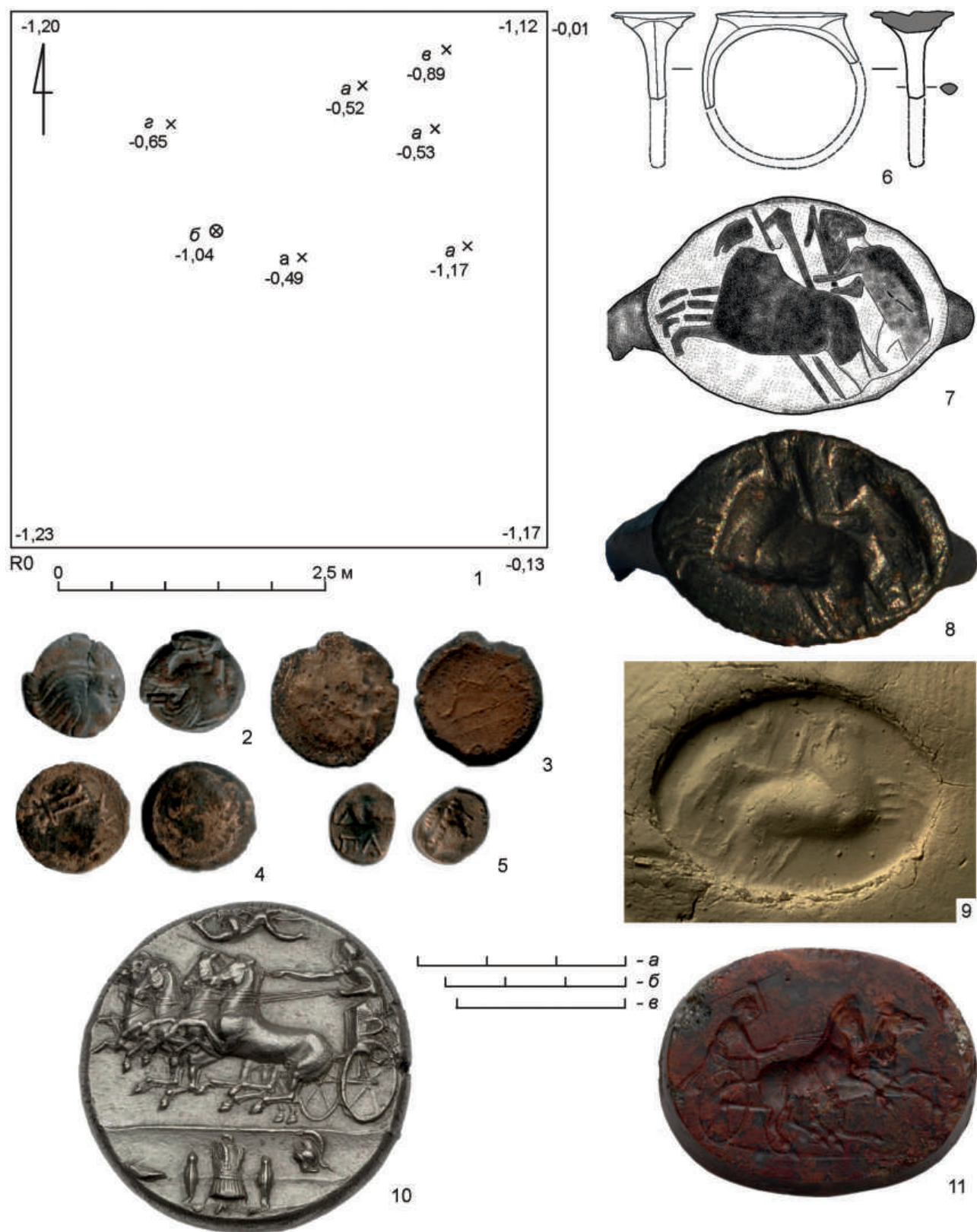
перстня соответствует типу VIII, которому предшествует тип VI, возникший около 400 г. до н. э. У типа VIII по сравнению с ним более широкий овал щитка, распространенный в период с середины и до конца IV в. до н. э. (Boardman, 2001. P. 213, 214). По систематизации О. Я. Неверова эта форма входит в группу I, тип IV, вариант Б, который появляется еще в 40-е гг. V в. до н. э. и продолжает использоваться в IV в. до н. э. (Неверов, 1986. С. 20, 147). В обоих случаях речь идет об устойчивой на протяжении всего IV в. до н. э. позднеклассической форме с плоским щитком, более пригодным для достаточно сложной композиции по сравнению с щитками узкой овальной или листовидной формы.

На перстне представлена мчащая вправо (по отпечатку) колесница, колесо которой едва различимо. Она запряжена двумя лошадьми и управляется стоящим возничим, по-видимому, бородатым. В одной руке у него вожжи, в другой — хлыст (kentron). Езда во весь опор подчеркнута вздыбленными передними ногами скакунов и резким наклоном тела возничего вперед. Схематичное изображение почти лишено деталей, но если исходить из количества передних ног лошадей, то колесная упряжка является бигой. Вряд ли ее можно рассматривать как боевую или охотничью колесницу. Последние хорошо известны по ассирийским рельефам со сценами охоты царя

² Здесь и далее все высотные отметки даны от нулевого репера.

³ Находка сделана на глубине 1,04 м ниже культурного слоя поселения, что, вероятно, связано с деятельностью землеройных животных.

⁴ Инв. № КМ 14162/26, ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына».



Ашшурбанипала (ок. 645 г. до н. э.). Как правило, в них помещались двое — возничий и стрелок из лука или копьеметатель.

Данный сюжет требует обращения к истории изображения колесничных состязаний — как части погребального ритуала или военных действий, или охоты, или спортивных игр.

Как известно, самые ранние изображения колесниц в древнегреческом искусстве встречаются в росписях ваз микенского периода и на золотом перстне-печати XV в. до н. э. Это колесницы в составе погребальных процессий и на конных ристалищах (Decker, 2019. P. 1–26, fig. 27, 28). В «Илиаде» Гомера: старец Нестор вспоминает «четыре победных коня с колесницей» своего отца Нелея (Hom. II. XI, 698–700), а описание конных состязаний, устроенных Ахиллом как часть ритуала погребения Патрокла, составляет целую главу поэмы (Hom. II. XXIII).

Конные состязания в греческом мире входили в Олимпийские, Панафинейские, Дельфийские и Истмийские игры. На Олимпийских играх соревнования четверок лошадей (tethrippon) были введены в 680 г. до н. э., а двойных упряжек (synoris) — в 408 г. до н. э. Условия состязаний были жесткими, и особую опасность для колесниц представляли повороты, отмеченные столбами (метами), где упряжку могло занести. Ось повозки, столкнувшись с метой или колесом соседней колесницы, ломалась и приводила к неизбежному крушению или столкновению с соперничающими колесницами. При этом следует отметить, что помимо возможного кровавого исхода и даже смерти столкновение с метой считалось позором

для возничего (Hom. II. XXIII, 340–342). Напротив, его мастерство, сила и смелость высоко ценились зрителями. Впрочем, победа доставалась не ему, а владельцу колесной упряжки, который сам, как правило, в состязаниях не участвовал. Знаменитая бронзовая статуя возничего из Дельф (ок. 478–474 гг. до н. э.) была частью вотивного дара Полизела, тирана Гелы на Сицилии, в виде монументальной скульптурной группы, включавшей также колесницу, четверку коней и фигуру мальчика-слуги (Herrmann, Kondoleon, 2004. P. 116). Возничий изображен в длинном многоскладчатом хитоне без рукавов, закрывающем все тело, но не сковывающем движения. Предотвращать одежду от вздутия при быстрой езде могли с помощью перепоясанных крестом на груди кожаных ремней, которые можно видеть благодаря четко моделированным деталям изображений возничих в глиптике.

Только богатые представители родовой знати могли владеть колесницей, подготавливать ее к соревнованиям, главной же целью участия в них было, как это красноречиво выразил Пиндар в первой Олимпийской оде, достижение всемирной славы — высшего удела мужчин, берущей начало с легендарной победы Пелопа над Эномаем (Pind. Olymp. I, 132–142). Ода посвящена Гиерону Сиракузскому, победившему в состязании колесниц на Олимпийских играх в 476 г. до н. э. Спортивные победы Гиерона (трижды в Олимпии и трижды в Дельфах) были отмечены изображением мчащейся колесницы на монетах Сиракуз. В начальный период правления сиракузского тирана Дионисия I (405–367 гг. до н. э.) этот

Рис. 2. Поселение Усатова Балка III. Раскоп I, кв. 21: 1 — план (а — монеты бронзовые; б — фрагмент бронзового перстня; в — наконечник стрелы бронзовый; г — фрагмент каменного терочника); 2–5 — монеты: 2 — Пантикапей, ок. 330–315 гг. до н. э.; 3 — Пантикапей, ок. 300–275 гг. до н. э.; 4 — Пантикапей, III в. до н. э.; 5 — Пантикапей, середина III в. до н. э.; 6–11 — перстень и аналогии: 6 — вид сбоку; 7, 8 — щиток, прорисовка и фото; 9 — оттиск щитка; 10 — победная колесница и военные доспехи, декадрахма Дионисия I, Сиракузы, 396 г. до н. э. (Музей изобразительных искусств, Бостон) (public domain); 11 — бига, конец V — начало IV в. до н. э. (Художественный музей Метрополитен, Нью-Йорк) (URL: <https://images.metmuseum.org/CRDImages/gr/original/DP111396.jpg>). 2–6 — бронза; 10 — серебро, 11 — красная яшма. Масштаб: а — для 2–5; б — для 6; в — для 7, 8

Fig. 2. Settlement of Usatova Balka III. Excavation I, square 21: 1 — plan (a — bronze coins; б — fragment of a bronze signet-ring; в — bronze arrowhead; г — fragment of a grindstone); 2–5 — coins: 2 — Pantikapaion, ca 330–315 BCE; 3 — Pantikapaion, ca 300–275 BCE; 4 — Pantikapaion, 3rd cen. BCE; 5 — Pantikapaion, mid-3rd cen. BCE; 6–11 — signet-ring and parallels: 6 — side view; 7, 8 — bezel, drawing and photo; 9 — imprint from the bezel; 10 — triumphal chariot and war armour, dekadrachm of Dionysios I, Syracuse, 396 BC (Museum of Fine Arts, Boston) (public domain); 11 — biga, late 5th — early 4th cen. BCE (The Metropolitan Museum of Art, New York) (URL: <https://images.metmuseum.org/CRDImages/gr/original/DP111396.jpg>). 2–6 — bronze; 10 — silver, 11 — red jasper. Scale: a — to 2–5; б — to 6; в — to 7, 8

сюжет стал символизировать военные победы над войсками Карфагена. На аверсе серебряных декадрахм композиция в виде квадриги, возникшего с хлыстом и парящей над ним Ники (рис. 2, 10) дополнена нижним регистром с изображением военных доспехов — щита, поножей, шлема и нагрудного панциря (White, 1986).

Плутарх приводит известный эпизод в жизнеописании Алкивиада, когда тот в 416 г. до н. э. выставил за свой счет на конных состязаниях в Олимпии одновременно семь упряжек, чтобы показать превосходство Афин, и победил всех соперников, своих и чужих, настоящих и будущих (Plut. Alc. 11, 1). Это показательный пример использования богатства и аристократического происхождения в политических целях (Gribble, 2012. P. 45–71). Более чем спортивными были и победы в конных состязаниях на Олимпийских играх македонского царя Филиппа II в 356, 352 и 348 гг. до н. э. (Plut. Alex. 3, 5). Выпуск им нескольких серий золотых тетрадрахм великолепного качества чеканки с головой Зевса на аверсе и конным всадником/колесницей на реверсе⁵ означал претензии монарха на роль общеэллинского политического и военного лидера, которого благоволят боги (Romano, 1985. P. 10, 19).

Семантика несущейся колесницы с возникшим может иметь особое значение в отношении смерти и возрождения, судя по истории об Оресте, рассказанной Софоклом в «Электре». Там описана страшная картина мнимой гибели Ореста на конных состязаниях в Дельфах. После крушения восьми колесниц он помчался за единственным оставшимся соперником, но задел за поворотный столб, упал с разбитой колесницы и погиб, запутавшись в вожжах, влекомый по земле все еще несущимися конями (Soph. Electra. 681–761).

Колесницы и возникшие — устойчивый образительный мотив на резных перстнях-печатах, инталиях (рис. 2, 11), мраморных рельефах и монетах, начиная с архаической эпохи (Boardman, 1968. Fig. 353, 591; 2001. Fig. 281, 479, 561, 563, 639, 643, 790; Marshall, 1968. P. 9, cat. 42, pl. II; 198, cat. 1257, pl. XXX). При этом изображения богов, героев или смертных на колесницах ничем не различаются. Без сопроводительной надписи или опознаваемых атрибутов изображение остается анонимным. Например, атрибуция как Ахилла возникшего

колесницы на золотом перстне середины V в. до н. э. из скифского кургана № 2 (24) / 2001 г. некрополя Перещепино I (Кулатова, Супруненко, 2010. С. 98, 99) вызывает большие сомнения.

В изображении на нашем перстне обращают на себя внимание пропорции коня с преобладанием объемов массивной шеи, груди и тела. Резчик мог таким образом трактовать признаки нисейской породы, отличавшейся крупными размерами (Hdt. VII. 40, 2–3). Но пропорции изображения могли быть продиктованы индивидуальной манерой мастера, для которой свойственны заглабленные округлости тела коня и неглубокие штрихообразные линии ног. Схожие стилистические особенности характерны и для других бронзовых перстней-печатей IV в. до н. э., обнаруженных в меотских могильниках. Они считаются изделиями боспорских мастерских (Лесков и др., 2005. С. 17, 107, рис. 32, 5; Кононов, 2006. С. 129; Иванов, 2020. С. 23, 58, 68, 141, рис. 48, III, 3, 7), но нельзя исключить возможности их местного изготовления.

Во многих случаях сохранность этих перстней не позволяет определить сюжет изображения. Тем не менее обобщенная трактовка одиночных фигур, например, со щитом или с факелом, не соответствует известным типам эллинской иконографии. В этом отношении перстень с динамичной многофигурной композицией возникшего на колеснице является достаточно редким. Его датировка IV в. до н. э. на основе формы и изображения согласуется с нумизматическим материалом из слоя, перекрывавшего горизонт суглинка, где он был найден. В том же квадрате были обнаружены четыре бронзовые пантикапейские монеты (рис. 2, 2–5), датируемые в пределах 330–200 гг. до н. э. (Шелов, 1956. С. 56, 65, 95). Таким образом, имеется достаточно точная датировка культурного слоя в кв. 21, что позволяет с определенной долей вероятности отнести бытование нашей находки к концу IV — III в. до н. э. Массовый керамический материал в данном случае малоинформативен, поскольку представлен лишь сколом ручки хиосской амфоры, фрагментами столовой посуды и придонной части красноглиняного лутерия.

Железный перстень с бронзовой вставкой с изображением воина со щитом.

Описание и аналогии

Раскоп 3 находился в 180 м к западу–юго-западу от раскопа 1 и занимал центральное положение

⁵ Об этих тетрадрахмах упоминает даже Плутарх (Plut. Alex. 4, 5).

в линии исследованных площадей (рис. 1, 2). Вскрытый участок имел форму квадрата размерами 10 × 10 м. Здесь выявлены фундаменты трех строений IV–III вв. до н. э. На уровне нижней части горизонта распашки между ними обнаружена значительная концентрация необработанных камней, фрагментированных керамид и калиптеров от завала стен усадьбы. При исследовании кв. 2 раскопа 3 у его южной бровки на глубине 0,27 м в завале стены усадьбы был обнаружен железный перстень с бронзовой вставкой на щитке, где помещено изображение воина со щитом⁶ (рис. 3, 1, 6–8).

Массивный перстень имеет почти круглый щиток диаметром 35 мм и широкую шинку шириной 8 мм, уплощенную внутри и слегка выпуклую снаружи. Внутренний профиль кольца характеризуют следующие параметры: 15 мм по вертикальной оси и 21,7 мм по горизонтальной. Такая сплюснутая форма получилась в результате слияния внешнего контура шинки с краем высокого каста. Если обратиться к классификации форм греческих перстней классического и позднеклассического времени Дж. Бордмана, то наиболее близким является тип XI (*Boardman*, 2001. P. 213, 214): перстень стремевидной формы с круглым щитком, распространенный во второй половине IV в. до н. э. и в последующий период. Наш перстень является его вариантом, который по массивности щитка сближается с типом XVII, названным Дж. Бордманом «птолемеевским». Это египтизирующий тип, который повторяет форму, возникшую еще в Новом царстве, когда вместо подвижной дужки скарабей был полностью помещен внутри высокого каста с примыкающей к нему шинкой без какого-либо членения по внешнему контуру.

О. Я. Неверов, основываясь на обширном материале памятников Северного Причерноморья, предложил свою классификацию перстней, согласно которой интересующее нас изделие относится к VII типу II группы (*Неверов*, 1986. С. 22, 24, 147). Она включает все декоративные перстни, не имеющие углубленного изображения на щитке, вне зависимости от их датировки. VII тип — это перстни эллинистического времени с напаянным на щиток рельефным декором. На наш взгляд, эти перстни с повествовательными

изобразительными мотивами, не имеющие ничего общего с группами перстней в виде змеек (тип V) и в форме Гераклова узла (тип VI), должны быть выделены в самостоятельную категорию — перстни с металлическими рельефными щитками, которую следует поместить за группой перстней-печатей, поскольку по морфологии и хронологии они полностью соответствуют VII типу I группы перстней-печатей по О. Я. Неверову и типу I эллинистических перстней с резными камнями в классификации Д. Плантцоса (*Plantzos*, 1999. Fig. II).

Благодаря изображению портретов правителей из династии Птолемеев, О. Я. Неверов обоснованно отнес перстни VII типа I и II групп к александрийскому импорту в Северное Причерноморье, и для данного региона античного мира они представляют довольно хорошо изученный круг памятников (*Неверов*, 1974; 1986. С. 22; *Трейстер*, 1982. С. 70–76; 1985; *Коровина*, 1987. С. 140–145; *Финогенова*, 2001; *Завойкин*, 2017. С. 235, 236; *Арсентьева, Горская*, 2019. С. 53–54, кат. 21, 22; 57, 58, кат. 28). Однако продолжительная дискуссия о причинах и путях попадания этой группы изделий торевики из птолемеевского Египта (помимо указанных работ О. Я. Неверова и М. Ю. Трейстера, см.: *Литвиненко*, 1991. С. 15–26; *Молев*, 1994. С. 100–102; *Ладынин*, 2007) страдает неполнотой статистики⁷ и преувеличенным представлением о концентрации такого рода вещей на Боспоре. Публикация большой группы эллинистических перстней из Херсонеса (*Краснодубец*, 2018) позволила получить новую информацию по этому вопросу. К тому же открытие в Египте архивов глиняных оттисков печатей, приложенных к папирусным документам, измеряющихся тысячами (!) единиц (*Spier*, 1989. P. 21–22), свидетельствует о том, что на Боспор попала только малая их часть.

Железные перстни являются достаточно частыми находками в Северном Причерноморье. Их появление в последней четверти VI в. до н. э. зафиксировано в погребальном инвентаре ольвийского некрополя (*Скуднова*, 1988. С. 27, 127, 139–142). Для V–IV вв. до н. э. они известны в некрополе Нимфея (*Грач*, 1999. С. 59, 62, 220, 225. Табл. 48, 6; 55, 1), в материалах раскопок нередко перстни эллинистического и римского времени.

⁶ Инв. № КМ 14162/85, ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына».

⁷ Кроме Лувра, Британского музея и Музея Эшмола, не учтены какие-либо другие музейные и частные собрания.



Исследование и систематизация железных перстней пока далеки от завершения, а имеющиеся данные не сведены в единый корпус.

Собственно употребление железа для изготовления перстней известно уже в эгейской цивилизации во II тыс. до н. э. Помимо полностью железных колец, в этот период наблюдается своеобразное сочетание с этим металлом золота, серебра, бронзы или свинца. В данном случае железным был только щиток, в некоторых случаях покрытый золотым листом⁸. Выделена группа перстней с серебряной шинкой, где железный щиток с гравировкой достигает длины 33 мм, что имело эстетическую привлекательность и придавало изделию дополнительный вес. Нельзя обойти стороной тему магических свойств железа, связанную как с небесным происхождением метеоритов, так и с магнетизмом (Palermo, 2018. С. 91–108). Платон уподобил божественное вдохновение магнетизму,

соединяющему кольца в цепь (Plato. Ion. 533d). Последнее относится к эффекту движущихся под действием магнита железных колец, который продемонстрировался в самофракийском святилище кабиров (Lucr. De rer. nat. VI, 1045–1047; Plin. Hist. Nat. XXXIII, 6). Намагниченные железные кольца являлись знаками посвящения в культ и приобретались на месте, а демонстрация эффекта магнетизма могла быть частью соответствующего ритуала (Blakeley, 2012. Р. 61–64).

Нередко железные перстни включены в храмовые описи как подношения. Они известны в сокровищницах делосского святилища (Marshall, 1968. Р. XXXIV–XXXV) и Парфенона (восемь колец, одно покрытое листовым золотом: Harris, 1995. Р. 51). В святилище Деметры и Коры на поселении Береговой 4 к северо-западу от Патрея железные перстни как вотивы были связаны с функционированием ступенчатого алтаря (Завойкин, 2017. С. 236, 237, прим. 18). Характерно, что в храме Посейдона в Истмии железные перстни составляли количественно большую часть (27 целых и 169 фрагментов) по отношению к серебряным

⁸ Такая традиция могла сохраняться веками: под Фанагорией был обнаружен серебряный перстень IV в. до н. э. с железной вставкой (Коровина, 1987. С. 138, 140).

Рис. 3. Поселение Усатова Балка III. Раскоп III, квадрат 2: 1 — план (а — перстень железный; б — фрагменты железного предмета; в — грузик свинцовый; г — гвоздь бронзовый; д — фрагмент бронзового предмета; е — монеты бронзовые; ж — гвоздь железный; з — грузило каменное); 2–5 — монеты: 2, 4, 5 — Пантикапей, первая половина III в. до н. э.; 3 — Пантикапей, середина III в. до н. э.; 6–13 — перстень и аналогии: 6–8 — перстень и его щиток, прорисовка и фото; 9 — оттиск перстня-печати с кельтским воином, конец IV — начало III в. до н. э. (Музей Дж. Пола Гетти) (URL: <https://media.getty.edu/museum/images/web/enlarge/013114T1V1.jpg>); 10 — сражающийся воин, статер ликийского династа Перикла, 390–360 гг. до н. э. (Художественный музей Род-Айлендской школы дизайна) (URL: <https://risdmuseum.org/art-design/collection/stater-coin-1997425>); 11 — фаланга, рельеф героона ликийского династа Перикла в Лимире, 370–362 гг. до н. э. (Археологический музей, Анталия) (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Pericles,_Dynast_of_Lycia#/media/File:Tomb_of_Pericles_of_Lycia_phalanx.jpg); 12 — надгробная стела галата Исидора из Александрии, вторая половина III в. до н. э. (Художественный музей Метрополитен, Нью-Йорк) (URL: <https://images.metmuseum.org/CRDImages/gr/original/DP330007.jpg>); 13 — наемники-галаты на резном цилиндре-печати раннеэллинистического времени (Музей изобразительных искусств, Бостон) (прорисовка М. А. Коваленко). 2–5 — бронза; 6 — бронза, железо; 10 — серебро; 11, 12 — известняк; 13 — сард. Масштаб: а — для 6; б — для 7, 8; в — для 2–5

Fig. 3. Settlement of Usatova Balka III. Excavation III, square 2: 1 — plan (a — iron signet-ring; б — fragments of an iron object; в — lead weight; г — bronze nail; д — fragment of a bronze object; е — bronze coins; ж — iron nail; з — stone sinker); 2–5 — coins: 2, 4, 5 — Pantikapaion, first half of the 3rd cen. BCE; 3 — Pantikapaion, mid-3rd cen. BCE; 6–13 — signet-ring and parallels: 6–8 — signet-ring and its bezel, drawing and photo; 9 — imprint from signet-ring with a Celtic warrior, late 4th — early 3rd cen. BCE (The J. Paul Getty Museum) (URL: <https://media.getty.edu/museum/images/web/enlarge/013114T1V1.jpg>); 10 — fighting warrior, stater of the Lycian dynast Perikles, 390–360 BCE (Art Museum of the Rhode Island School of Design) (URL: <https://risdmuseum.org/art-design/collection/stater-coin-1997425>); 11 — phalanx, relief of the heroon of the Lycian dynast Perikles of Lymyra, 370–362 BCE (Archaeological museum, Antalya) (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Pericles,_Dynast_of_Lycia#/media/File:Tomb_of_Pericles_of_Lycia_phalanx.jpg); 12 — grave stele of the Galatian Isidoros from Alexandria, second half of the 3rd cen. BCE (The Metropolitan Museum of Art, New York) (URL: <https://images.metmuseum.org/CRDImages/gr/original/DP330007.jpg>); 13 — Galatian mercenaries on a carved cylinder-seal of the early Hellenistic period (Museum of Fine Arts, Boston) (redrawing by M. A. Kovalenko). 2–5 — bronze; 6 — bronze, iron; 10 — silver; 11, 12 — limestone; 13 — sard. Scale: а — for 6; б — for 7, 8; в — for 2–5

(целому и шести фрагментам) и шести бронзовым перстням (*Gebhardt*, 1998. P. 114, app. B), что свидетельствует об особом предпочтении этого металла. Его дешевизной объясняется использование в составе храмовых даров железных колец с золотыми и серебряными обкладками. Подобная практика была распространена и среди представителей социальных низов в древнем Риме. Как сетовал Плиний, в его времена рабы покрывали железные кольца золотом (*Plin. Hist. Nat.* XXXIII, 6).

Нам неизвестно, придавал ли владелец рассматриваемого перстня какое-либо значение целебным или чудодейственным свойствам железа согласно народным поверьям⁹. Более важными представляются его эстетические качества. Железные перстни известны и в женских захоронениях (*Нечипорук, Черненко*, 2018). Начищенное железо имеет особый холодноватый блеск, контрастирующий в случае отдельной вставки с тепловатым золотистым цветом бронзы или сиянием золота. Этот контраст становился более разительным при употреблении вставок из цветных камней и стекла.

Железный перстень мог быть символом царской удачи, как кольцо Селевка I¹⁰. Он мог быть и должностной печатью для скрепления официальных документов, и знаком придворной иерархии, и дипломатическим подарком, как в птолемеевском Египте (*Неверов*, 1974. С. 114, прим. 65; *Boardman, Vollenweider*, 1978. P. 77, 81; *Трейстер*, 1985. С. 127, 128, 130, 131; *Spier*, 1992. P. 48). Идентичность портретных образов правителей на перстнях и монетах говорит об использовании их в целях династической пропаганды. Вставленная в железный перстень из Музея Эшмола золотая эмблема с портретом Береники I (?) является, по словам М.-Л. Фолленвайдер, одним из самых прекрасных портретов раннеэллинистического времени (*Boardman, Vollenweider*, 1978. P. 67, 78, 79, cat. 282). Такое исключительное качество и сам металл вставки, использовавшийся только для царских портретов¹¹,

⁹ К примеру, Плиний приводит сведения о том, что железные гвозди, выгашенные из гробницы и вставленные в дверной порог, избавляют от дурных снов или что магнит излечивает глаза (*Plin. Hist. Nat.* XXXVI, 25; XXXIX, 44).

¹⁰ Его матери было видение, что сын станет царем того места, где потеряет подаренный ему перстень, и это произошло на берегах Евфрата (*App. Syr.* 11, 56).

¹¹ В этой связи небезынтересно отметить, что золотой перстень с портретом Арсиной II из коллекции

определяли высокий статус владельца этого железного перстня.

Бронзовая рельефная вставка нашего перстня имеет тонкий валик по краю и обозначение плоскости земли внизу. Все ее поле занимает изображенная влево фигура воина, который делает шаг вперед, широко замахиваясь мечом. Большой овальный щит с продольным ребром и выделенным краем полностью закрывает плечо, грудь и тело ниже колен. При увеличении изображения головы воина хорошо видны большой глаз, крупный нос в профиль, массивный подбородок (или борода) и всклокоченные длинные волосы. Последнее полностью соответствует описанию внешности кельтов (галлов) у Диодора Сицилийского: «Роста галлы очень высокого, тела у них нежные и белые, а волосы русые от природы, причем этот естественный цвет они стараются усилить ещё более с помощью искусственных средств. Поэтому галлы очень часто моют волосы известковым раствором и зачёсывают их ото лба к макушке и шее, напоминая таким образом видом своим сатиров и панов. Благодаря такому уходу волосы у них становятся толстыми, ничем не отличаясь от конской гривы. Бороду некоторые бреют, а некоторые оставляют её расти до определённой величины. Знатные мужчины выбривают щеки, а усы оставляют, чтобы те закрывали губы...» (*Diod. V*, 28, 1–3)¹².

Коррозия металла не позволяет определить предмет или знак, находящийся у левого края вставки, а также разглядеть такие детали, как одеяние и обувь. Однако форма и конструкция этой важной части защитного вооружения не оставляет сомнения в изображении щита типа *тыреос* (*θυρεός*, *thureos*), также описанного Диодором: «Щиты — высокие, в человеческий рост, с особыми украшениями, на некоторых из которых выступают также искусно изготовленные медные изображения животных и не [только] для красоты, но и для большей надёжности» (*Diod. V*, 30, 2).

Позади фигуры воина виден свисающий справа меч, ножны которого имеют выделенный

Эрмитажа имеет наивысшую пробу металла 990 (*Арсентьева, Горская*, 2019. С. 53, кат. 21).

¹² Здесь и далее пер. О. П. Цыбенко (Диодор Сицилийский (ок. 90–21 гг. до н. э.). Историческая библиотека. Греческая мифология / Пер. с древнегреч., ст., коммент., и указ. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000 (Античное наследие: Мифология. История.). 222 с.).

наконечник-насадку (бутероль) характерной закругленной формы (Coussin, 1927. P. 165, 166). Тот же Диодор Сицилийский отмечал: «Вместо короткого меча они сражаются длинным мечом, который носят, подвесив на железной или медной цепи к правому бедру» (Diod. V, 30, 2).

Изучению овальных щитов посвящены многие работы по истории и археологии Боспора, где рассматриваются вопросы их хронологии, разновидностей, конструкции, отношения к римскому *scutum*, принимая во внимание как находки деталей этих щитов в захоронениях, так и разнообразные изображения их в нумизматике, настенных росписях, скульптуре и терракотах, а также бронзовых миниатюрных вотивах (Ростовцев, 1913. Табл. LXXIX; Соколовский, 1955; Пругло, 1966; Толстиков, 1976; Трейстер, 1985. С. 133–136; Виноградов Ю. А., 1997; Зайцев, 2018; Gunby, 2000; Казакевич, 2015. С. 200–204). Избегая повторения, укажем, что суть полемики и критики сводится к этнической принадлежности воинов-наемников с овальными щитами, и времени их появления в Северном Причерноморье и в частности на Боспоре (помимо указанных работ см.: Соколовский, 1958; Treister, 1993. P. 789–791; Шукин, 1993; Молев, 1994. С. 102–103; Treister, 1995. P. 56; Фролова, 1999; Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 113–118). В обсуждении мотива овального щита на монетах Левкона II естественна отсылка к появлению того же символа на монетах Птолемея II выпуска 275–264/261 гг. до н. э. Д. Зальцман, рассматривая обширную группу изображений овального щита на вазах стиля Гадры, терракотовых фигурах, фаянсовых и терракотовых вотивах или декоративных накладках в форме щита, приводит легенду из византийского лексикона Суды, рассказывающую о Лаге, который, не веря, что Птолемей (будущий Сотер) — его собственный сын, не принял его, отстранив на щите, но ребенка спас орел Зевса. Таким образом, считает Д. Зальцман, щит, изображенный на монетах, является не столько символом победы Птолемея над восставшими галатами в 275 г., сколько символом птолемеевского правления и династического континуитета. Однако в данном случае непонятно, почему изображен щит именно кельтского типа (Salzmann, 1980. P. 36–39).

Наиболее близкую аналогию для изображения на нашем перстне дает железный перстень-печатка птолемеевского типа из собрания Музея Дж. Пола Гетти, датированный концом IV — началом III в. до н. э. (рис. 3, 9). На его щитке

с тончайшими деталями представлен воин в островерхом шлеме со щитом-тюреосом и поднятым мечом в наступающей позе. Дж. Спир отмечает классицизирующий стиль фигуры, который копирует позы амазонок в скульптуре конца V до н. э. (Spier, 1992. P. 47, cat. 86). Это стиливое направление особенно заметно в работах аттических мастеров начала следующего столетия, где присутствуют не только композиционные мотивы, но и манера изображения развевающихся складок одежды с вихреобразными краями (Goette, 2009. P. 192, fig. 41).

В скульптуре одиночная фигура воина в атакующей позе, понимаемая как редуцированная сцена битвы с врагом, появляется на рельефах аттических надгробий V–IV вв. до н. э. и связана с изображением героизированного персонажа. Такая композиционная схема проникает и в боспорские надгробия на примере рельефа, найденного на античной усадьбе Юбилейное I, выполненного, по мнению Е. А. Савостиной, не ранее третьей четверти IV в. до н. э. странствующими мастерами (Савостина, 2012. С. 119–121, кат. 2.7).

Торс фигуры на нашем перстне полностью прикрыт большим щитом, но по позиции широко расставленных ног очевидно, что он почти полностью развернут — такая композиция следует более ранним схемам, устойчивым в скульптурных памятниках начала — первой половины IV в. до н. э. Помимо указанных аттических памятников большинство находится в Малой Азии и является надгробиями местных правителей. Важно отметить, что они не являются собственно греческими, но демонстрируют как распространение греческих форм, соединение их с местными художественными приемами, так и физическое присутствие греческих скульпторов на Востоке до походов Александра Македонского и начала эллинистической эпохи. В этом отношении особенно интересны рельефы героона ликийского династа Перикла в Лимире (370–362 гг. до н. э.) (Ridgway, 1997. P. 94–99; Şare, 2013). На его западном фризе изображены гоплиты, формирующие фалангу, фигура каждого из них демонстрирует композиционный принцип широкого шага и развернутого торса (рис. 3, 11). Исполненные местным мастером, рельефы плоскостны, в моделировке преобладает линейный контур. С точки зрения иконографии наемного войска изображение интересно тем, что фиксирует разные виды облачения и вооружения, отражая в одном строю

представителей разных этносов (шлемы аттического и фракийского типов, яйцевидной формы, нагрудные панцири, туники с длинными рукавами, штаны).

В связи с этим памятником имеет смысл привлечь к рассмотрению статер династа Перикла, на реверсе которого представлен абсолютно эллинский художественный образ — полностью обнаженный воин в коринфском шлеме, со щитом, в атакующей позе (рис. 3, 10). Такое изображение в точности копирует фигуру Аякса Малого на монетах Локров Опунтийских, где этот участник Троянской войны почитался как народный герой. Прямое копирование иконографического типа довольно часто встречается в монетном деле античного мира, но в случае использования негреческим заказчиком образ приобретает особый смысл. Стандартное изображение греческого героя, вступающего в бой (*Sheedy*, 2011. Р. 27), становится явным пропагандистским заявлением о военной силе правителя, вместе с этим панэллинический характер изображения свидетельствует о распространении послания ликийского правителя всему эллинскому миру — интереснейший пример амбиций и международного утверждения задолго до того, как цари эллинистических государств стали помещать панэллинические символы на монетах своего выпуска в целях пропаганды превосходства и непобедимости. Так, Зевс появляется на монетах Александра, воинственная Афина Промехос — на монетах Птолема I Сотера, Селевка, Деметрия Полиоркета, Пирра, тирана Сиракуз Агафокла и т. д. (*Havelock*, 1980. Р. 43–47).

Попутно возникает вопрос о мастере, изготовившем вставку перстня. Им мог оказаться уже обученный в греческой традиции тореут, ремесленник-кельт, из числа тех, кто сопровождал наемников в походах. Такие мастера изготавливали и чинили не только необходимое оружие, но и украшения (*Treister*, 1995. С. 59, 60).

Еще раз подчеркнем декоративные свойства перстня, контраст металла оправы и вставки, за счет чего рельефное изображение было отчетливо выделено. Его композиционно-стилевые особенности демонстрируют ориентацию на пластику «затянувшегося классицизма» первой половины IV в. до н. э., однако сама форма перстня появляется только во второй половине этого столетия. В любом случае на рассматриваемом перстне представлено одно из ранних изображений кельтов-галатов в античном искусстве.

Производство подобных перстней связывают с птолемеевским Египтом, но заготовки для них могли быть экспортированы, а вставки делаться отдельно по желанию владельцев (*Treister*, 1985. С. 130, прим. 38).

Стоит упомянуть известные исторические эпизоды, повлиявшие на формирование эллинизированного облика варвара-кельта. Начало этому было положено во второй половине — конце IV в. до н. э. (*Grainger*, 2010. Р. 1–14). Как сообщает Арриан, в 325/324 г. до н. э. к Александру Македонскому в Вавилон «пришли кельты и иберы просить дружбы. Эллина и македоняне впервые услышали их имена и увидели их одеяния» (*Arr. Anab.* VII, 15, 4)¹³. В 281 г. до н. э. кельты двинулись из Подунавья во Фракию, два года спустя — в Македонию и далее в Дельфы, а в 278 г. до н. э. переправились в Малую Азию, вступив, таким образом, в период кровопролитного противостояния с греческими государствами. Каллимах в гимне «К острову Делосу», написанному около 270 г. до н. э., сравнивает «дикого рода галатов» с титанами (*Call. Hymn.* IV, 172–174).

Кроме того, отмечается присутствие кельтов в качестве наемников в армиях противоборствующих греческих сторон. Еще в 367 г. до н. э. представители этого племени, получив оплату за пять месяцев, были посланы сиракузским тираном Дионисием из Сицилии на помощь спартанцам (*Diod.* XV, 70, 1; *Treister*, 1993. Р. 56, 57). В конфликте Антигона Гоната и Пирра Эпирского в 274/273 г. до н. э. примечательно наличие наемников-галатов в обеих армиях (*Plut. Pirr.* 26). В этом контексте становится более понятным редчайшее изображение на резном цилиндре-печати раннеэллинистического времени из Музея изобразительных искусств в Бостоне (рис. 3, 13), где представлены следующие за конницей и предваряемые македонским военачальником галаты в заостренных шлемах, с длинными копьями и большими овальными щитами. Это изображение, сопровождаемое арамейской надписью с именем владельца печати, возможно, связано с каким-то событием в восточном ареале царства Селевкидов (*Boardman*, 2001. Р. 320, 321, 350, fig. 309).

Во второй половине III в. до н. э. наряду с образами поверженных или умирающих врагов-

¹³ В данном случае использован перевод М. С. Сергеевко (*Арриан. Поход Александра. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 394 с.*).

галатов в птолемеевской и пергамской скульптуре (*Laubscher*, 1987) на расписных стелах-надгробиях из Александрии можно видеть и вполне «мирный» облик этих варваров (рис. 3, 12), которые носят уже греческие имена (*Reinach*, 1910. Р. 41–67; *Marszal*, 2000. Р. 198, по. 34), что было обусловлено интенсивными контактами с греческим миром.

Для уточнения датировки нашего перстня обратимся к характеристике нумизматического материала (рис. 3, 2–5). В горизонте распашки между завалами стен усадьбы, в одном стратиграфическом контексте с железным перстнем, найдена пантикапейская монета первой половины III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 66). Ниже, под завалом, — еще три пантикапейские монеты первой половины — середины III в. до н. э. (*Там же*. С. 66. Табл. IV). Верхний слой памятника на участке раскопа III, где был найден перстень, оказался сильно перемешан, поэтому на одном уровне оказались материалы IV и III вв. до н. э. Тем не менее соотношение амфорного и нумизматического материалов дает дополнительную возможность уверенно датировать наш перстень в рамках последней трети IV — первой трети III в. до н. э.

Заключение

Оба рассматриваемых перстня демонстрируют сюжеты, редко встречающиеся в иконографии изделий торевтики из Северного Причерноморья, особенно на Азиатском Боспоре, и потому заставляют задуматься о статусе, материальном или должностном, их владельцев. Выбор изображения возникшего на колеснице для перстня местного производства помимо символики победы может косвенно свидетельствовать об эллинских

вкусах владельца-варвара, если это не собственно эллин-колонист. Определение образа воина на другом перстне как кельта дает новый материал для дискуссии о наемниках на Боспоре. Сам по себе образ воинствующего мужа приобретает значение самоутверждения, будучи особым предметом субкультуры «солдата с чужбины» (*Виноградов Ю. Г.*, 1991. С. 16; *Виноградов Ю. А.*, 1997. С. 76). Изображение на перстне подчеркивало силу и боевые навыки его владельца, вполне вероятно бывшего человеком достаточно высокого военно-административного ранга.

В заключение стоит отметить, что археологический комплекс «Усатова Балка», в состав которого входит исследуемое поселение, имеет четыре хронологических горизонта, относящихся к раннему железному веку. Выяснение и уточнение этнокультурной атрибуции каждого из этапов существования памятника, бесспорно, является предметом будущих исследований. Публикуемые находки обнаружены в третьем, античном, слое. Географическая близость поселения к Горгии позволяет интерпретировать поселение этого периода как входившее в состав хоры древнего города. Однако данная территория расположена всего в 1,5 км к западу от могильника у хут. Рассвет, варварская принадлежность которого неоднократно отмечалась исследователями (*Крушкол*, 1971. С. 88–90; *Масленников*, 1981. С. 18; *Кругликова*, 2007. С. 11, 12; *Новичихин*, 1993. С. 27; 2006. С. 76, 77; 2010. С. 255). Каким был конкретный этнический состав поселения Усатова Балка 3 в IV–III вв. до н. э. и кому могли принадлежать рассмотренные два перстня — вопросы, открытые для дальнейшего обсуждения.

Абрамзон и др., 2011 — *Абрамзон М. Г., Коваленко М. А., Сударев Н. И.* Два клада боспорских монет с античного поселения «Усатова Балка 3» // ПИФК. 2011. Вып. 4 (34). С. 146–165.

Арсентьева, Горская, 2019 — *Арсентьева Е. И., Горская О. В.* Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: Каталог коллекции. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2019. 195 с.

Виноградов Ю. Г., 1991 — *Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–33.

Виноградов Ю. А., 1997 — *Виноградов Ю. А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // *Stratum+ПАВ*. СПб.; Кишинев, 1997. С. 73–80.

Виноградов, Горнчаровский, 2008 — *Виноградов Ю. А., Горнчаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. до н. э.). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2008. 332 с.

Грач, 1999 — *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.

Завойкин, 2017 — *Завойкин А. А.* Металлические украшения и другие предметы из металла в святилище Деметры и Коры («Береговой 4») // КСИА. 2017. Вып. 249. С. 231–249.

Зайцев, 2018 — *Зайцев Ю. П.* Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму // *Древности. Исследования. Проблемы:*

- Сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Ред. В. С. Синика, Р. А. Рабинович. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus, 2018. С. 289–318.
- Иванов, 2020 — Иванов А. В. Меотский могильник «Фурожан» в западном Закубанье. Краснодар: ИП Вольная Н. Н., 2020. 148 с.
- Казакевич, 2015 — Казакевич Г. Східні кельти: культури, ідентичності, історіографічні конструкції. Київ, Вінниця: Нілан-ЛТД, 2015. 358 с.
- Кононов, 2006 — Кононов В. Ю. Типология и хронология перстней и колец из меотских и сарматских памятников Кубани // МИАСК. 2006. Вып. 6. С. 124–133.
- Коровина, 1987 — Коровина А. К. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. 1987. Вып. VIII. С. 137–146.
- Краснодубец, 2018 — Краснодубец Е. М. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб.: СПбГУПТД, 2018. Ч. 2. С. 105–112.
- Кругликова, 2007 — Кругликова И. Т. Анапа — 2500 лет. Анапа: ИльТан, 2007. 94 с.
- Крушкол, 1971 — Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М.: Изд-во Московского обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1971. 251 с.
- Кулатова, Супруненко, 2010 — Кулатова И. М., Супруненко О. Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. Київ: Вид.-друк. компл. Ун-ту «Україна», 2010. 200 с.
- Ладынин, 2007 — Ладынин И. А. Еще раз о перстнях «Птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н. э. // ДБ. 2007. Вып. 11. С. 235–252.
- Лесков и др., 2005 — Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтowa И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Литвиненко, 1991 — Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. (к вопросу о контактах) // ВДИ. 1991. № 1. С. 12–26.
- Масленников, 1981 — Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 122 с.
- Молев, 1994 — Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. 140 с.
- Неверов, 1974 — Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1. С. 106–115.
- Неверов, 1986 — Неверов О. Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная тореветика. Л.: Гос. Эрмитаж, 1986. С. 17–27.
- Нечипорук, Черненко, 2018 — Нечипорук А. А., Черненко В. Г. Железный перстень со вставкой из некрополя Ростовского городища // ПИФК. 2018. Вып. I (63). С. 79–90.
- Новичихин, 1993 — Новичихин А. М. Исследование архаических памятников у п. Алексеевка // Музейный вестник. Краснодар, 1993. Вып. I. С. 23–30.
- Новичихин, 2006 — Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.: ил.
- Новичихин, 2010 — Новичихин А. М. Заключение // Население архаической Синдики по материалам могильника у хутора Рассвет / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К., 2010 (Некрополи Черноморья; Т. III). С. 248–252.
- Пругло, 1966 — Пругло В. И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура и искусство античного мира. М.: Наука, 1966. С. 205–213.
- Ростовцев, 1913 — Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб.: Изд. Императорской археологической комиссии, 1913. 357 с. 112 табл.
- Савостина, 2012 — Савостина Е. А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура в Северном Причерноморье. Симферополь, Керчь: АДФУ-Украина, 2012 (БИ; Supplement 8). 390 с.
- Скуднова, 1988 — Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988. 181 с.
- Сокольский, 1955 — Сокольский Н. И. О боспорских щитах // КСИА. 1955. Вып. 58. С. 14–25.
- Сокольский, 1958 — Сокольский Н. И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV–III вв. до н. э. // СА. 1958. Вып. XXVIII. С. 298–307.
- Толстиков, 1976 — Толстиков В. П. Надгробие воина из Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 80–90.
- Трейстер, 1982 — Трейстер М. Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 67–76.
- Трейстер, 1985 — Трейстер М. Ю. Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 126–139.
- Финогенова, 2001 — Финогенова С. И. Группа бронзовых перстней из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 164–167.

- Фролова, 1999 — Фролова Н. А. Об изображении щита и меча на одном типе монет Левкона II // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 310–325.
- Шелов, 1956 — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II в. до н. э. М.: АН СССР, 1956. 222 с.
- Шукин, 1993 — Шукин М. Б. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор (материалы конф. памяти акад. М. И. Ростовцева). Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1993. С. 97–110.
- Blakeley, 2012 — Blakeley S. Toward an Archaeology of Secrecy: Power, Paradox, and the Great Gods of Samothrace // *Archaeological Papers of the American Anthropological Association*. 2012. Vol. 21, no. 1. P. 49–71.
- Boardman, 1968 — Boardman J. *Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the Sixth and Early Fifth Centuries B. C.* Eranston: Northwestern University Press, 1968. 236 p.
- Boardman, 2001 — Boardman J. *Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical*. London: Thames & Hudson, 2001. 480 p.
- Boardman, Vollenweider, 1978 — Boardman J., Vollenweider M.-L. *Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings: Ashmolean Museum. I. Greek and Etruscan*. Oxford: Clarendon Press, 1978. 122 p.
- Coussin, 1927 — Coussin P. Les armes gaulloises figures sur les monuments grecs, étrusques et romains // *Revue archéologique*. 1927. Janvier-juin. Vol. 25, no. 2. P. 138–176.
- Decker, 2019 — Decker W. Documents on horse- and chariot racing before the Greek *agones* // *BCH*. 2019. Supplément 62. P. 1–26.
- Gebhardt, 1998 — Gebhardt E. R. Small Dedications in the Archaic Temple of Poseidon in Isthmia // *Ancient Greek Cult Practice from Archaeological evidence* / Ed. R. Hägg. Stockholm: Svenska Institutet i Athen, 1998. P. 91–115.
- Goette, 2009 — Goette H. R. Images in the Athenian “Demotion Sema” // *Art in Athens During the Peloponnesian War* / Ed. O. Palagia. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 186–206.
- Grainger, 2010 — Grainger J. D. *The Galatians: Celtic Invaders of Greece and Asia Minor*. Barnsley, Havertown: Pen & Sword History, 2020. 244 p.
- Gribble, 2012 — Gribble D. Alcibiades at the Olympics: Performance, Politics and Civic Ideology // *The Classical Quarterly*. 2012. May. Vol. 62, no. 1. P. 45–71.
- Gunby, 2000 — Gunby J. Oval Shield Representations on the Black Sea Littoral // *Oxford Journal of Archaeology*. 2000. Vol. 19 (4). P. 359–365.
- Harris, 1995 — Harris D. *The Treasures of the Parthenon and Erechtheion*. Oxford: Clarendon Press, 1995. 306 p.
- Havelock, 1980 — Havelock Ch. M. The Archaistic Athena Promachos in Early Hellenistic Coinages // *AJA*. 1980. Vol. 84, no. 1. P. 41–50.
- Herrmann, Kondoleon, 2004 — Herrmann J. J. Jr., Kondoleon Chr. *Games for the Gods: The Greek and the Olympic Spirit*. Boston: Museum of Fine Arts, Boston, 2004. 201 p.
- Laubscher, 1987 — Laubscher H. P. Ein ptolemäisches Gallierdenkmal // *Antike Kunst*. 1987. Vol. 30, no. 2. P. 131–154.
- Marshall, 1968 — Marshall F. H. *Catalogue of the Finger Rings, Greek, Etruscan, and Roman, in the Department of Antiquities, British Museum*. London: The Trustees of the British Museum, 1968. 258 p.
- Marszal, 2000 — Marszal J. R. *Ubiquitous Barbarians: Representation of the Gauls at Pergamon and Elsewhere // From Pergamon to Sperlonga. Sculpture in Context* / Eds. N. T. de Grummond, B. S. Ridgway. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. P. 191–234.
- Palermo, 2018 — Palermo J. *The impact of iron technology on the economy of the Aegean and Cyprus from 1200–850 BCE*. Vol. I: Text. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Archaeology. University College: University of Oxford. 2018. 334 p.
- Plantzos, 1999 — Plantzos D. *Hellenistic Engraved Gems*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 147 p.
- Reinach, 1910 — Reinach A.-J. Les galates dans l'art alexandrin // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 1910. Vol. 18, no. 1. P. 37–116.
- Ridgway, 1997 — Ridgway B. S. *Fourth-Century Styles in Greek Sculpture*. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1997. 480 p.
- Romano, 1985 — Romano D. G. Boycotts, Bribes and Fines: The Ancient Olympic Games // *Expedition*. 1985. Vol. 27, no. 2. P. 10–21.
- Salzmann, 1980 — Salzmann D. Überlegungen zum Schild auf den Münzen des Ptolemaios Philadelphos und verwandten Denkmälern // *Schweizer Münzblätter. Gazette numismatique suisse*. Mai 1980. No. 118. P. 33–39.
- Şare, 2013 — Şare T. The Sculpture of the Heroon of Perikle at Limyra: the Making of a Lycian King // *Anatolian Studies*. 2013. Vol. 63. P. 55–74.
- Sheedy, 2011 — Sheedy K. A. The heroic image and the portrait coinages of Lykian dynasts // *Ancient Coins from Asia Minor and the East: Selection from the Colin Pitchfork Collection*. Ancient Coins in Australian Collections. Sydney: Australian Centre for

- Ancient Numismatic Studies, Macquarie University, 2011. Vol. 2 / Ed. N. L. Wright. P. 23–29.
- Spier*, 1989 — *Spier J.* A group of Ptolemaic Engraved Garnets // *The Journal of the Walters Art Gallery*. 1989. Vol. 47. P. 21–38.
- Spier*, 1992 — *Spier J.* Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum. Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1992. 184 p.
- Treister*, 1993 — *Treister M. Yu.* The Celts in the North Pontic Area: a Reassessment // *Antiquity*. 1993. Vol. 67 (257). P. 589–804.
- Treister*, 1995 — *Treister M. I.* Celtic motifs in the late Classical and Hellenistic toreutics of North Pontic area // *Études celtiques*. 1995. Vol. 31. P. 49–66.
- White*, 1986 — *White D.* The Morris Coin: A Masterpiece by Euaenetus // *Expedition*. 1986. Vol. 28 (3). P. 13–21.

Rare metal signet-rings from the archaeological complex of “Usatova Balka”

M. A. Kovalenko, A. V. Kruglov¹⁴

Keywords: archaeological complex of “Usatova Balka”, “Ptolemaic” finger-rings, iron finger-rings, Celtic shield, chariot.

This publication is devoted to two rare signet-rings found in 2011 during investigations of a settlement site of a complex chronological period of the early Iron age through the Medieval period, 8th century BCE to 12th century CE near the farmstead of Usatova Balka in Krasnodar Kray (Fig. 1). A comprehensive historical, numismatic and graphic material is attracted to analysis of the cultural context and dating of these finds. As the subject of the “charioteer” on the bronze signet-ring is concerned, it must be noted that this is a stable motif in the figurative art beginning from the Archaic epoch (Fig. 2). Stylistic peculiarities of this representation make it similar to the bronze rings/seals from the Maeotian cemeteries of the 4th cen. BCE. They are considered as products of Bosphoran workshops but it cannot be ruled out that they were manufactured locally. The representation of a Celtic warrior with an oval shield on the bronze insert of the iron signet-ring is of particular interest in the discussion of signet-rings of the “Ptolemaic” type (Fig. 3). It can be considered as an element of the subculture of foreign mercenaries at Bosphoros marking a certain military and administrative status.

¹⁴ Maxim A. Kovalenko — Department of Archaeological Monuments of the Department of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Administration of the Krasnodar Territory, Krasnodar; e-mail: kovalenko_max@list.ru. Aleksander V. Kruglov — Independent researcher, New York — St. Petersburg; e-mail: alexvkruglov@gmail.com.

«Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии¹

С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова²

Аннотация. В статье рассматриваются тарные амфоры Менды II типа («на рюмкообразной ножке»). Для уточнения датировок сосудов привлекаются материалы 14 погребений Прикубанского некрополя, содержащие «мендейскую» тару, вместе с которой встречены амфоры Гераклеи, Фасоса, Синопы и аттические чернолаковые сосуды. Благодаря узко датированным комплексам удалось проследить эволюцию морфологии мендейских амфор в рамках двух вариантов — «портичелло» и «мелитопольского» — на протяжении 400–340 гг. до н. э.

Ключевые слова: амфоры Менды, керамические комплексы, хронология.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-145-158

В 1998–2001 гг. в ходе новостроечных работ Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета была раскопана часть меотского могильника около хутора Прикубанский в Красноармейском районе Краснодарского края. Он расположен в пойменной части правого берега р. Кубань, в нижнем ее течении. Руководили работами В. В. Бочковой, Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко.

В ходе раскопок было исследовано 429 погребений, в которых обнаружены 335 амфор разной степени сохранности. Одной из особенностей изученного участка некрополя являются его достаточно узкие хронологические рамки. Материалы погребений охватывают период с рубежа V–IV вв. по начало III в. до н. э. Что для нас более важно — было зафиксировано 100 керамических комплексов, 68 из которых содержали две и более амфор. Погребений с тремя тарными сосудами насчитывается лишь пять. Существенно, что в 33 из

100 таких погребений были обнаружены клейменные сосуды Гераклеи, Синопы, Фасоса.

Помимо амфор в некоторых погребениях присутствовали и чернолаковые сосуды. Таких погребений исследовано 32. Это дает надежные основания для датировок инвентаря. Во многих комплексах присутствовали «мендейские» амфоры — их зафиксировано 51. Всего же в некрополе выявлено 75 так называемых мендейских амфор. Необходимо сразу отметить, что в данной статье не затрагивается вопрос о возможности изготовления таких амфор «мендейского» типа в других производственных центрах (подробнее об этом см.: *Filis*, 2020. P. 184; *Lawall, Tzochev*, 2020. P. 123). В данном случае нас интересует лишь хронология сосудов.

Рассмотрим последовательно в соответствии с полученной хронологией 14 наиболее ярких комплексов с «мендейскими» амфорами³.

Погребение 167 (рис. 1, 1, 2). В нем обнаружена мендейская амфора варианта «портичелло», которая имеет массу аналогий из хорошо датированных комплексов: кургана 9/1909 г. Елизаветовского могильника, кургана 28 могильника «Плавни», аджигольского кургана 1_N, херсонесского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

² Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. — Институт археологии и культурного наследия, Саратовский ГУ им. Н. Г. Чернышевского; ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Россия; e-mail: monachsjs@mail.ru, ev_kuznetsova@list.ru.

³ В дальнейшем мы не будем ставить в кавычки определение «мендейский» тип.

колодца 1992 г., помещения 32 Горгииппи, кораблекрушения у Портичелло и др. (Монахов, 1999. Табл. 57, 64, 68, 93, 95, 96, 99; Монахов и др., 2017. С. 89; 2019. С. 144, Md.9, Md.10). Сосуд отличается сравнительно невысоким горлом, очень широким и приземистым туловом.

Вместе с ней была найдена *гераклейская* амфора варианта I-4 с энглифическим клеймом на горле раннего фабриканта Εὐρύδακος хорошо известного штампа (Придик, 1917. С. 124, № 109; IOSPE, III: № 1563–1569; Монахов и др., 2017. С. 34, рис. 10, 8). Его деятельность традиционно датируется 390-ми, может быть первой половиной 380-х гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429).

Погребение 32 (рис. 1, 3, 4). Здесь находилась мендейская практически идентичная предыдущей амфора того же варианта «портичелло». Вместе с ней была обнаружена *гераклейская* клейменная амфора варианта I-4 «пифоидного» типа, который известен нам по многим находкам (Монахов, 2003. Табл. 88–90; *Buzoianu, Bărbulescu*, 2008. Pl. I-A3; *Ломтадзе*, 2016. Рис. 10, 3; Монахов и др., 2019. С. 179, 187, НР.13, НР.29). В двустрочном энглифическом клейме редкого штампа восстанавливается легенда Δαα|τρίο. Διο(--). (IOSPE, III. № 619–621; *Василенко*, 1972. № 136–137; *Федосеев*, 2016. № 1148). Магистратом в данном случае является, скорее всего, Дионисий I, имя которого дано в сокращении. В. И. Кац относит деятельность этого магистрата к 380-м гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429), а Н. Ф. Федосеев датирует его еще 390-ми гг. до н. э. (Федосеев, 2016. С. 130, № 1092, 1093). Комплекс погребения 32, по нашим представлениям, должен датироваться в пределах конца 390-х — начала 380-х гг. до н. э.

Погребение 157 (рис. 1, 5, б). В этом погребении были обнаружены две мендейские амфоры. Первая — варианта «портичелло» — аналогична предыдущим из погребений 32 и 167, и должна датироваться не позднее 380-х гг. до н. э. Второй сосуд относится к следующему, «мелитопольскому», варианту, он выше предыдущего и имеет меньший диаметр тулова и ножки (табл. 1). Первоначально этот сосуд, как и первая амфора, был отнесен к варианту «портичелло» с оговоркой, что это, скорее всего, фракция в пять хоев за счет уменьшения диаметра тулова при сохранении прочих параметров (Монахов, 2003. С. 92, табл. 63, 3). Вместе с тем для «мелитопольского» варианта как раз и характерен стандарт в пять хоев. Таким образом, можно предполагать,

что данная амфора является самым ранним образцом мендейской тары «мелитопольского» варианта. Кроме того, благодаря данному комплексу можно утверждать, что изготовление амфор «мелитопольского» варианта началось уже в начале 380-х гг. до н. э. Весь комплекс погребения 157 следует датировать не позднее 380-х гг. до н. э.

Погребение 384 (рис. 2, 1–3). Погребение содержало две амфоры (Менды и неустановленного центра производства) и краснофигурный скифос.

Амфора Менды все того же варианта «портичелло» имеет сравнительно высокое горло. На ручке стоит рельефное клеймо в виде дельты. От более ранних сосудов, описанных выше, она отличается небольшим диаметром и достаточно вытянутыми пропорциями (табл. 1), что сближает ее с сосудом «мелитопольского» варианта из погребения 157. Это позволяет датировать рассматриваемый экземпляр 380-ми, может быть началом 370-х гг. до н. э.

Скифос краснофигурный — с заметно прогнутыми в придонной части стенками и отогнутым заостренным венчиком. На обеих сторонах изображены задрапированные фигуры юношей лицом друг к другу, вверху между фигурами — тимпан. Под ручками — пальметты, по бокам — волюты. Лак густой, блестящий, глина светло-коричневого цвета, без видимых примесей. Такие скифосы стиля росписи *F.V. Group* по аналогиям из Афинской агоры датируются в пределах второй четверти IV в. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. No. 350; *Moore*, 1997. P. 63, no. 1303–1305), что подтверждается находками аналогичных сосудов в погребениях 186 и 262 Прикубанского некрополя (*Лимберис, Марченко*, 2010. С. 323, № 5; 2015. С. 239, № 34; *Кузнецова и др.*, 2021. С. 155, рис. 2).

Вторая амфора из погребения 384 — неустановленного центра производства. У нее небольшой клювовидный венец, высокое расширяющееся книзу горло, овоидное тулово и невысокая острореберная ножка с глубокой трапецевидной выемкой. Глина снаружи темно-коричневая с массой черных включений и большим количеством слюды, внутри — красная. Подобная глина иногда встречается у фасосских сосудов, однако морфология не позволяет соотнести данный экземпляр с продукцией мастерских Фасоса. Аналогии этой форме на сегодняшний день неизвестны.

Отталкиваясь от даты мендейской амфоры и скифоса, данное погребение 384 можно отнести

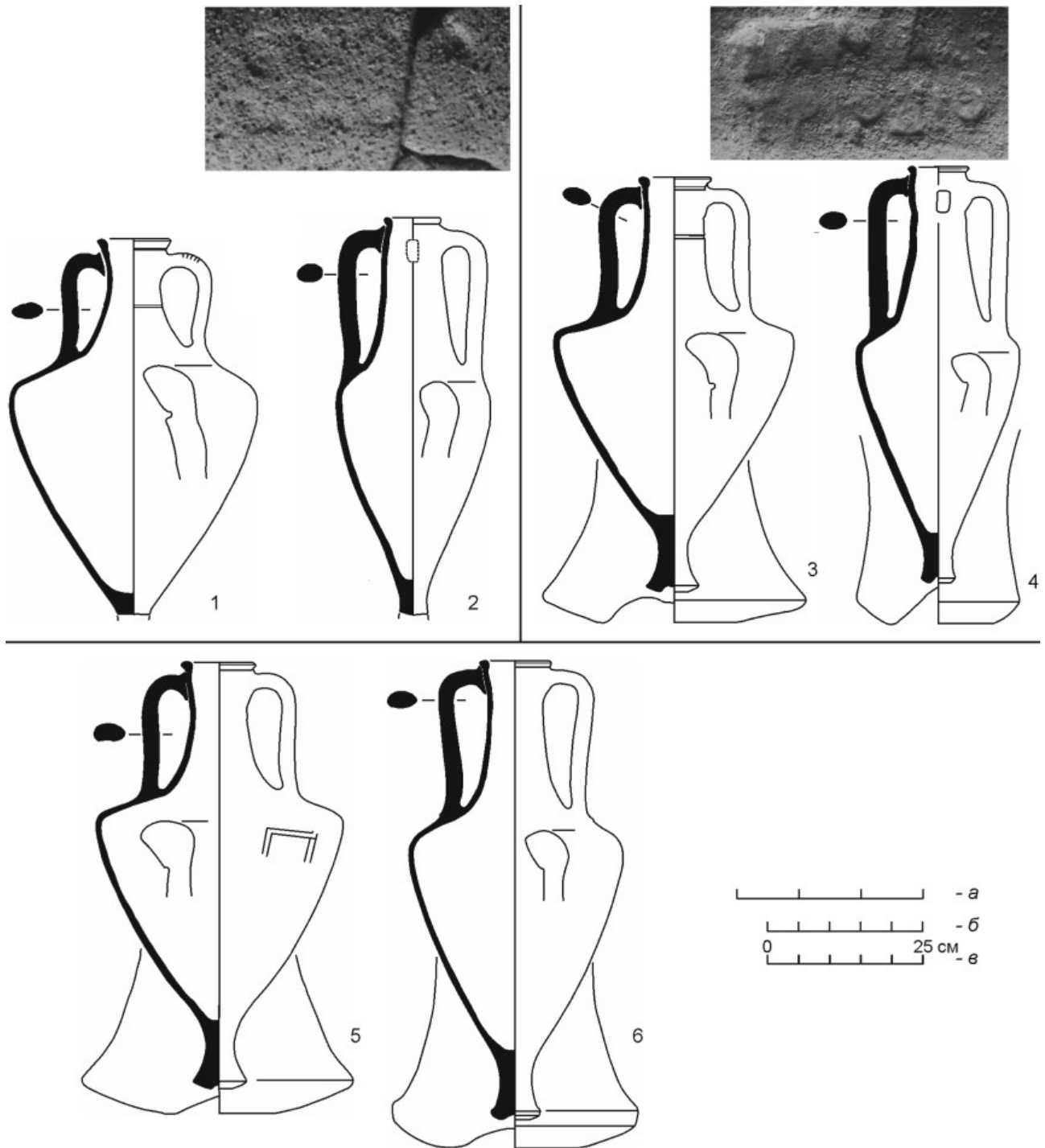


Рис. 1. Амфоры Менды вариантов «портичелло» (1, 3, 5) и «мелитопольский» (6) из погребальных комплексов Прикубанского некрополя: 1, 2 — погребение 167; 3, 4 — погребение 32; 5, 6 — погребение 157 (2, 4 — Гераклея). Чертежи авторов, Краснодар, ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына». Масштаб: а — для клейм; б — для венчиков и ножек; в — для амфор

Fig. 1. Amphoraes from Mende of the “Porticello” (1, 3, 5) and “Melitopol” (6) variants from the burial complexes of the Prikubansky necropolis: 1, 2 — burial 167; 3, 4 — burial 32; 5, 6 — burial 157 (2, 4 — Herakleia). Drawings by the authors, Krasnodar, E. D. Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve. Scale: a — for amphora stamps; б — for rims and toes; в — for amphoraes

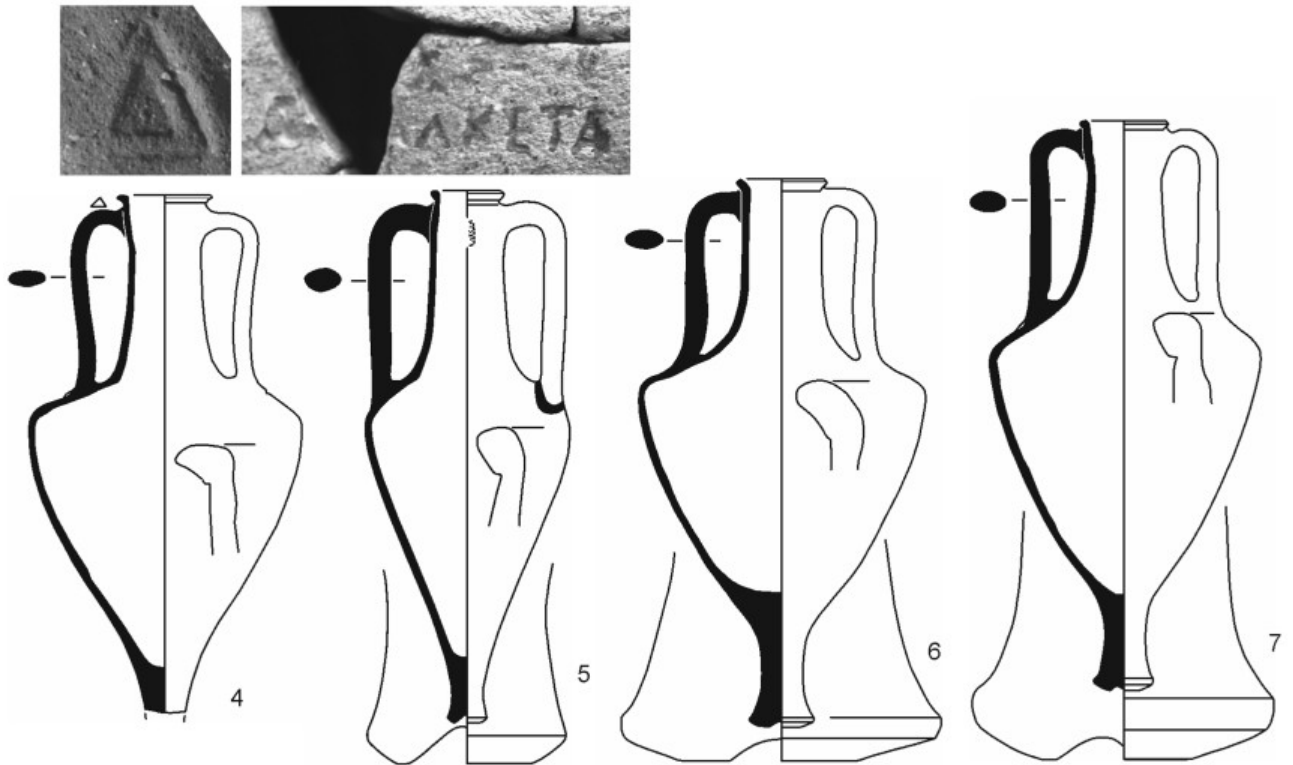
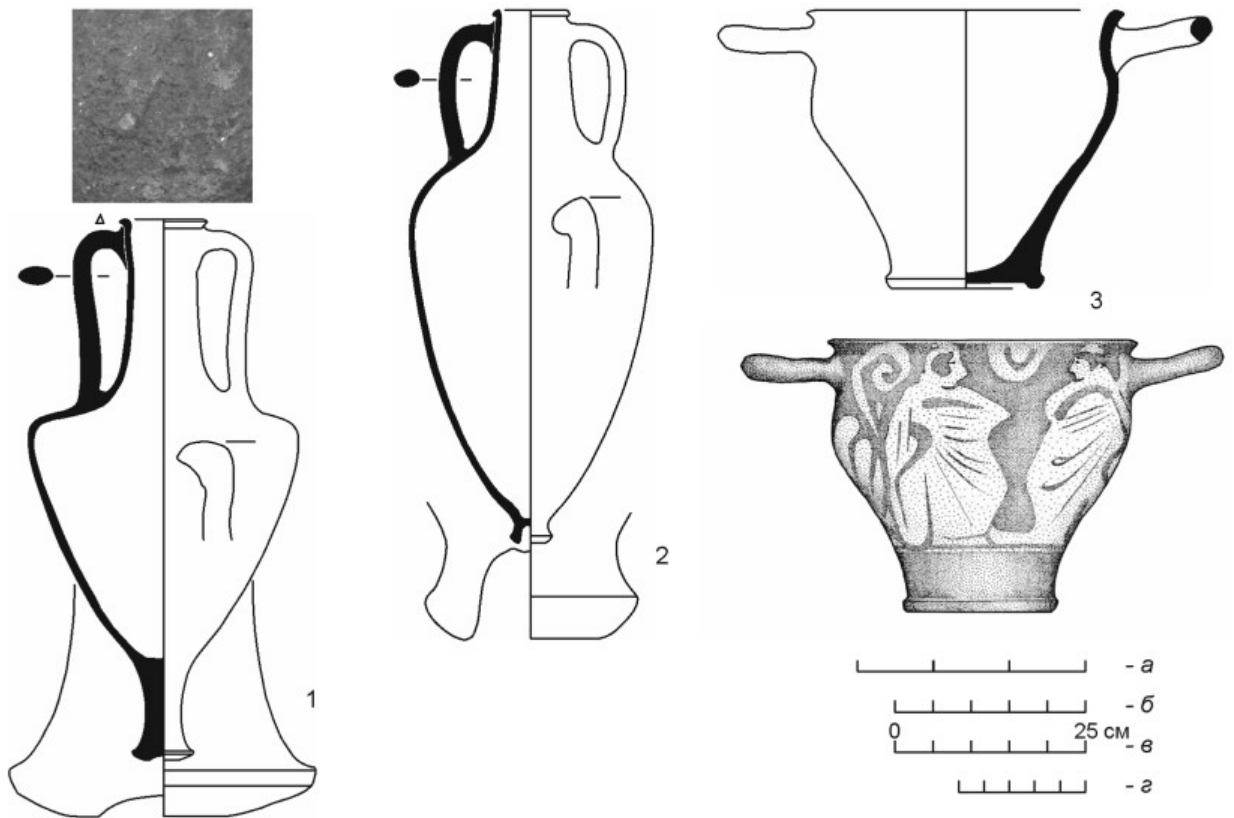
Таблица 1. Метрические параметры амфор из Прикубанского некрополя
Table 1. Metric parameters of amphorae from the Prikubansky necropolis

№ погр.	Центр производства	Линейные размеры,* мм						Дата, гг. до н.э.	Рис.
		H	H ₀	H ₁	H ₃	D	d ₁		
167	Менда	≈ 605	562	260	160	396	118	395–385	1, 1
	Гераклея	≈ 640	585	295	210	248	88 × 103		1, 2
32	Менда	666	544	265	190	386	115 × 119	395–385	1, 3
	Гераклея	668	590	300	225	264	94 × 102		1, 4
157	Менда	688	575	260	190	396	122 × 130	380-е	1, 5
	Менда	740	630	310	215	348	116 × 122		1, 6
384	Менда	710	576	290	213	358	116	380-е — начало 370-х	2, 1
	Неуст. центр	700	668	300	160	315	100		2, 2
266	Менда	≈ 680	620	310	245	358	124	370-е	2, 4
	Гераклея	698	612	315	220	270	94 × 102		2, 4
172	Менда	720	543	290	205	374	120	370-е	2, 6
	Менда	748	624	320	215	354	116		2, 7
277	Менда	–	–	–	–	366	–	360–350-е	3, 1
	Фасос	644	570	240	142	402	120		3, 2
254	Менда	742	596	275	204	350	118	390–385	3, 3
	Фасос	730	610	280	205	286	105 × 112		3, 4
78	Менда	740	580	190	215	336	120	380-е	3, 5
	Фасос	710	590	285	170	274	102		3, 6
154	Менда	844	648	315	230	364	122 × 124	370-е	3, 7
	Гераклея	650	552	280	200	254	94 × 108		3, 8
161	Менда	740	600	280	212	352	114	360–350-е	5, 1
	Фасос	706	568	275	200	255	106		5, 2
421	Менда	839	672	321	288	334	115	Конец 360-х — 350-е	5, 3
	Фасос	700	575	290	179	246	100		5, 4
346	Менда	840	670	330	239	340	114	350-е	5, 5
	Синоп	645	567	255	187	338	104		5, 6
126	Менда	≈ 662	632	290	220	360	116 × 122	350–340-е	5, 7
	Фасос	≈ 666	596	290	220	246	107		5, 8

* H — высота; H₀ — глубина; H₁ — высота верхней части; H₃ — высота горла; D — диаметр тулова; d₁ — диаметр венца.

Рис. 2. Амфоры Менды вариантов «портичелло» (1, 4, 6) и «мелитопольский» (7) из погребальных комплексов Прикубанского некрополя: 1–3 — погребение 384; 4, 5 — погребение 266; 6, 7 — погребение 172 (2 — неустановленный центр производства; 3 — краснофигурный скифос (чертеж предоставлен Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко)); 5 — Гераклея. Чертежи амфор авторов (© Краснодар, ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына»). Масштаб: а — для клейм; б — для венчиков и ножек; в — для амфор; г — для 3

Fig. 2. Amphorae from Mende of the “Porticello” (1, 4, 6) and “Melitopol” (7) variants from the burial complexes of Prikubansky necropolis: 1–3 — burial 384; 4, 5 — burial 266; 6, 7 — burial 172 (2 — unidentified manufacturing centre; 3 — red-figure skyphos (drawing presented by N. Yu. Limberis and I. I. Marchenko)); 5 — Herakleia. Drawings of amphorae are by the authors (© Krasnodar, E. D. Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve). Scale: a — for the stamps; б — for rims and toes; в — for amphorae, г — for 3



к концу первой — началу второй четверти IV в. до н. э., не позднее 370-х гг. до н. э.

Погребение 266 (рис. 2, 4, 5). Мендейская амфора практически аналогична сосуду из предыдущего погребения и также относится к варианту «портичелло». На ручке оттиснуто рельефное клеймо «Δ» в треугольной рамке, однако иного штампа. Известно такое же клеймо на фрагменте ручки амфоры из тризны кургана 9 у с. Малая Лепетиха примерно 370-х гг. до н. э. (Монахов, 1999. С. 324, 325, табл. 138, 4). Следует заметить, что недавно такое клеймо без обоснования ошибочно отнесено к Книду (Болонкина и др., 2019. С. 309, табл. 1, КН 2.1, 2.2).

Вместе с мендейской в погребении найдена гераклейская амфора варианта I-4. На горле — энглифическое клеймо, в котором надежно читается только вторая строка, где сначала идет предлог ἐ[πί], потом скол и почти полностью имя магистрата: [---] | ἐ[π'] Ἀλκέτα. Штампов с именем Алкеты известно множество, но надежного восстановления имени фабриканта получить не удается. Здесь одинаково возможно восстановление: Ἀγάθων | ἐ[πί] Ἀλκέτα, Ἀρτέμων | ἐ[π'] Ἀλκέτα или [Σάτυρος] | ἐ[πί] Ἀλκέτα (Федосеев, 2016. С. 152, № 80, 92, 119; Balabanov et al., 2016. Cat. 152 D, 166 D). В любом случае магистратом, безусловно, является Алкета, работавший в начале 370-х гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429). К этому можно добавить ссылки к нескольким комплексам с клеймами Алкеты: курган 1 у с. Прибугское, подвал 1970 г. из Николия, яма 312 из Горгиппии, которые датируются 370-ми гг. до н. э. (Монахов, 1999. С. 271, 275, 278).

В целом комплекс погребения 266 должен быть датирован в пределах 370-х гг. до н. э.

Погребение 172 (рис. 2, 6, 7). Содержало два мендейских сосуда разных вариантов. Первая амфора, безусловно, относится к варианту «портичелло» (Монахов, 2003. С. 91, табл. 62, 63). От ранних сосудов из вышеописанных погребений она отличается вытянутыми пропорциями, что может говорить о ее несколько более позднем изготовлении.

Вторая мендейская амфора явно относится к «мелитопольскому» варианту. Она практически аналогична сосуду этого варианта из погребения 157, а также из погребений 209, 266, 381,

датирующихся 370-ми гг. до н. э. Комплекс следует датировать 370-ми гг. до н. э.

Погребение 277 (рис. 3, 1, 2). Мендейская амфора из этого погребения также относится к варианту «портичелло» (II-B), но уже к его «поздней» серии. Вместе с ней была найдена амфора Фасоса достаточно редкой «порфмийской» серии I-B-3 (Монахов, 2002. С. 59 сл., рис. 1; 2003. С. 64 сл., табл. 39). Самая близкая аналогия — целый фасосский сосуд из погребения 297з/1995 г. некрополя Старокорсунского городища № 2 (Монахов, 2003. Табл. 39, 1; Лимберис, Марченко, 2005. С. 220 сл., рис. 28). Вместе с ним были найдены амфора Икоса «поздней» группы и чернолаковый скифос 375–350 гг. до н. э., что дает основание относить комплекс к середине IV в. до н. э. Более крупный стандарт представлен знаменитой трехручной амфорой из Толстой могилы того же времени (Мозолевский, 1979. С. 66, 194, 237, рис. 51; Монахов, 2003. С. 64, табл. 39, 2; Полин, 2014. С. 274 сл., рис. 210). Серединой IV в. до н. э. датируются две аналогичные фасосские неклеименные амфоры «порфмийской» серии из комплекса нимфейского подвала 1993 г., где огромный массив тары разных центров, в том числе амфоры Икоса «поздней» группы, мендейские «поздней» серии мелитопольского варианта, позволяют относить комплекс к середине IV в. до н. э. (Монахов и др., 2016. С. 51 сл., рис. 12, Th.3, Th.4; Монахов, 2016. С. 362 сл.; Monakhov, 2019. P. 64, fig. 4). Нужно отметить, что известны и отдельные клейменные образцы амфор «порфмийской» серии этого времени. Так, на Фасосе обнаружена фрагментированная амфора с клеймом магистрата Мииска 360-х гг. до н. э. (Монахов, 2003. Табл. 38, 4). В целом комплекс погребения 277 можно датировать 360–350-ми гг. до н. э.

Можно подвести некоторые итоги по группировке амфор «Менды» варианта «портичелло». К хорошо датированным и рассмотренным выше сосудам можно добавить другие мендейские амфоры из погребений Прикубанского некрополя, где не было иного импорта. Очевидно, что морфология амфор позволяет их разместить здесь достаточно надежно (рис. 4). По материалам Прикубанского могильника мы можем проследить эволюцию данного варианта мендейской тары начиная

Fig. 3. Amphorae from Mende of the “Porticello” (1) and “Melitopol” (3, 5, 7) variants from the burial complexes of Prikubansky necropolis: 1, 2 — burial 277; 3, 4 — burial 254; 5, 6 — burial 78; 7, 8 — burial 154 (8 — Herakleia; 2, 3, 6 — Thasos). Drawings by the authors, Krasnodar, E. D. Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve. Scale: a — for the stamps; б — for rims and toes; в — for amphorae

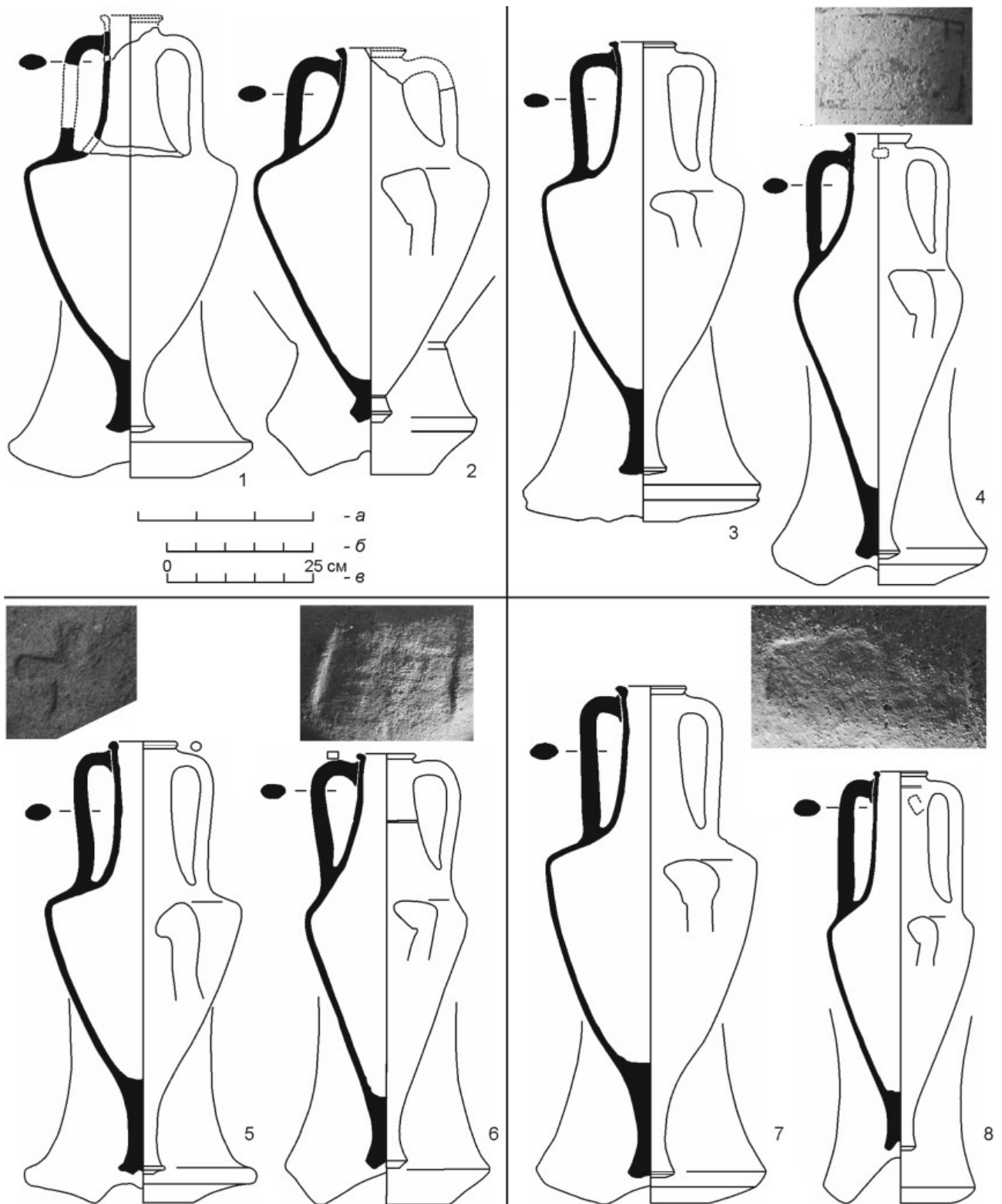


Рис. 3. Амфоры Менды вариантов «портичелло» (1) и «мелитопольский» (3, 5, 7) из погребальных комплексов Прикубанского некрополя: 1, 2 — погребение 277; 3, 4 — погребение 254; 5, 6 — погребение 78; 7, 8 — погребение 154 (8 — Гераклея; 2, 3, 6 — Фасос). Чертежи авторов, Краснодар, ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына». Масштаб: *a* — для клейм; *b* — для венчиков и ножек; *v* — для амфор

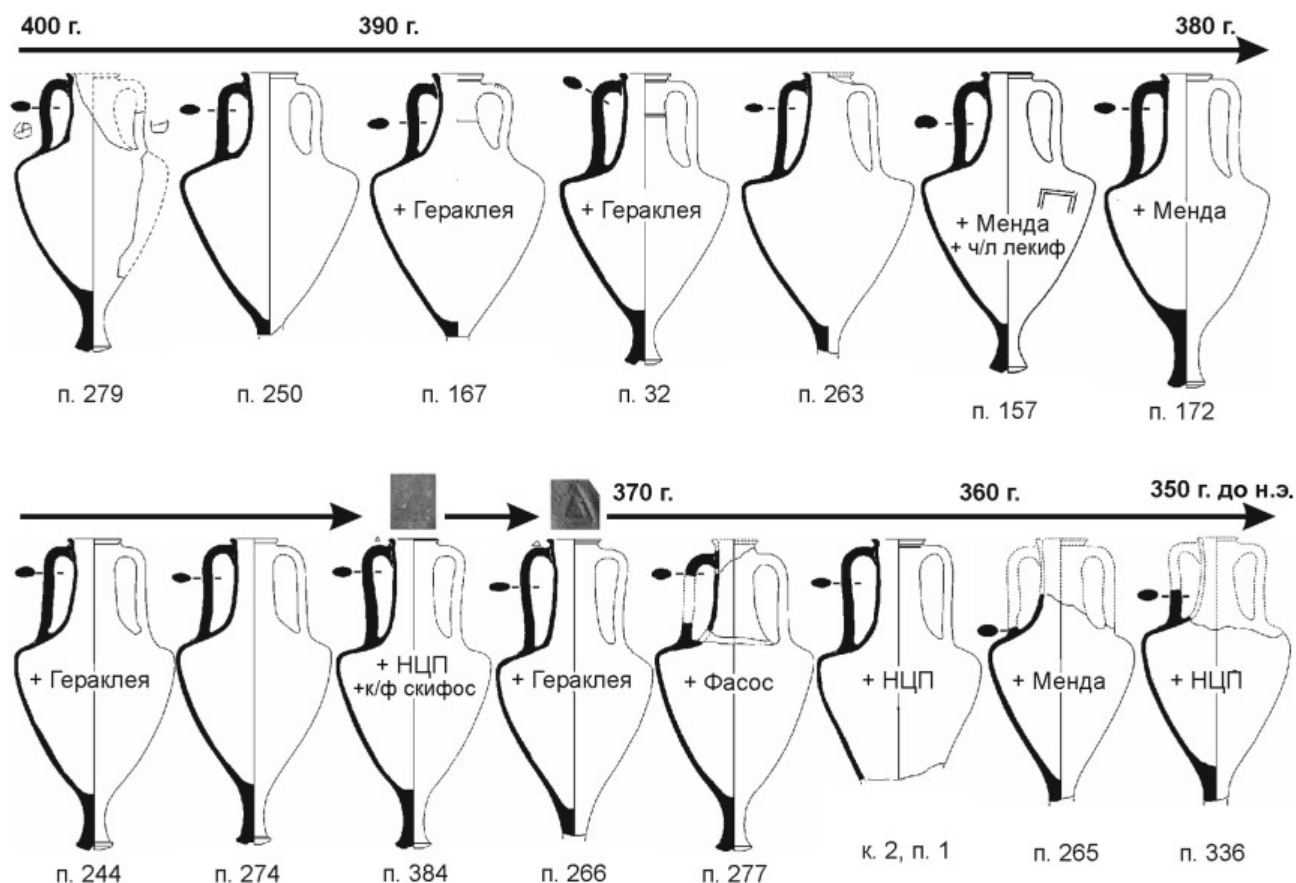


Рис. 4. Морфологический ряд амфор Менды варианта «портичелло» (НЦП — неустановленный центр производства, ч/л — чернолаковый, к/ф — краснофигурный)

Fig. 4. Morphologic series of amphorae from Mende of the “Porticello” variant (НЦП — unidentified manufacturing centre, ч/л — black-glaze, к/ф — red-figure)

с рубежа V–IV вв. до н. э. (погребение 247) до середины IV в. до н. э. На протяжении этого периода происходит постепенное увеличение высоты сосуда за счет вытягивания верхней части, а также небольшое уменьшение диаметра тулова.

Подобным же образом у нас есть возможность проследить хронологические позиции и мендейских амфор «мелитопольского» варианта II-C.

Погребение 254 (рис. 3, 3, 4). В погребении имеется мендейская амфора «мелитопольского» варианта, практически идентичная второму сосуду из погребения 157. Она может быть отнесена к «ранней» серии «мелитопольского» варианта (II-C) (Монахов, 2003. Табл. 63, 3–6). Такие образцы встречены в целом ряде погребений Прикубанского могильника, в частности, в погребении 78 в комплексе с аналогичной фасосской амфорой, в погребении 209 с синопской амфорой варианта I-A и чернолаковой солонкой 380–370-х гг. до н. э.

Вместе с мендейской находилась фасосская амфора «раннебиконической» серии (II-B-1) (Монахов, 2003. Табл. 42, 4). На горле стоит безэмблемное сильно затертое клеймо, где буквы не читаются, зато полностью сохранилась рамка оттиска. По ней возможно практически безальтернативное восстановление легенды: [Δαμάσ(της) | Θεσίων | Κίρων] (Garlan, 1999. No. 95). В данном случае магистратом является Дамаст I⁴, оттиски этого штампа хорошо известны и датируются концом 390-х — началом 380-х гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 414; Tzocher, 2016. Tab. 2). Есть и комплексы с клеймами магистрата Дамаста I и иных штампов, в частности, такая амфора встречена в комплексе склада 1947 г. из Ольвии (Монахов, 1999. С. 196, табл. 78) и точно такие же сосуды с клеймом магистрата Лавра найдены в соседнем погребении 252, а неклеяменная

⁴ В первой публикации (Монахов, 2003. С. 67) ошибочно указано, что магистратом является Кир.

амфора — в погребении 253 Прикубанского некрополя (здесь не рассматриваются).

Очевидно, что комплекс погребения 254 должен датироваться в пределах первой половины 380-х гг. до н. э.

Погребение 78 (рис. 3, 5, 6). Мендейская амфора относится к той же «ранней» серии «мелитопольского» варианта. На одной из ее ручек стоит анэпиграфное клеймо в виде четырехлепестковой энглифической розетки. Вместе с ней обнаружена фасосская амфора «раннебиконической» серии (II-B-1) с сильно затертым клеймом на ручке. Однозначное восстановление легенды затруднительно, однако здесь можно предполагать имена магистратов Λεωνί(--) , Μνμηέ(ας), Τελεσ(--) и др., все они относятся к концу 390-х — началу 380-х гг. до н. э. (Garlan, 1999. No. 196–215). Учитывая датировку амфоры Фасоса, мендейский сосуд должен быть отнесен к 380-м гг. до н. э.

Погребение 154 (рис. 3, 7, 8). Мендейская амфора является стандартным образцом «мелитопольского» варианта. В Прикубанском некрополе такие амфоры обнаружены в погребениях 186 и 262 вместе с книдскими амфорами и аттическими краснофигурными скифосами начала второй четверти IV в. до н. э. (Кузнецова и др., 2021. С. 156–161, рис. 3, 4).

Вместе с ней найдена гераклеяская амфора варианта I-A-2, образцы которого известны по множеству комплексов, в том числе и в Прикубанском некрополе (Монахов, 2003. Табл. 91; Монахов и др., 2016. С. 144 сл., НР. 25, НР. 28). На горле сильно замытое клеймо с неясной легендой. По предположению А. Б. Колесникова, скорее всего здесь ретроградный оттиск Ήρο(δωρο) | Δενο(μάχο), известный по находке в Дебелте (Balabanov et al., 2016. P. 156, cat. 138 D). Если это так, то мы имеем дело с магистратом Дейномахом магистратской II-B подгруппы, который работал в 370-е гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 429).

Комплекс погребения может быть датирован 370-ми гг. до н. э.

Погребение 161 (рис. 5, 1, 2). Мендейская амфора «мелитопольского» варианта обнаружена вместе с фасосской биконической амфорой «развитой» серии (II-B-2) (Монахов, 2003. Табл. 44, 45). На ее ручке клеймо с легендой [Καλ(λ)ι]φών | Θα[σι(..)] Μέ(γων), эмблема «лабрис», где магистратом является Мегон-2, обычно относимый к концу 360-х — началу 350-х гг. до н. э. (IOSPE III. № 1135–1148; Garlan, 1999. P. 201, 203, no. 526; Кац, 2007. С. 415; Tzocher, 2016. Tab. 2). Такие амфоры

представлены в ряде погребений Прикубанского некрополя с разными клеймами (93, 98, 113, 159, 198 и др.), а оттиск того же штампа Мегон-2 фигурирует на аналогичной амфоре из погребения 213. Следует отметить, что клейма Мегон-2, хотя и других штампов, встречены в комплексе на улице 23 мая 1919 г. в Керчи, причем там дата фасосской амфоры корректируется многочисленными находками гераклеяских, фасосских, мендейских и боспорских клейм (Монахов и др., 2016. С. 49, рис. 10).

По датировке клейменной фасосской амфоры мендейский сосуд, как и в целом комплекс погребения 161, должен датироваться 360–350-ми гг. до н. э.

Погребение 421 (рис. 5, 3, 4). Отсюда происходит набор из мендейской и фасосской амфор. Мендейский сосуд по своей угловатой конической форме явно относится к «поздней» серии «мелитопольского» варианта. Наиболее близкие аналогии происходят из погребения 156, где были найдены амфора Гераклеи и чернолаковый скифос (здесь не рассматривается), и из погребения 346, где помимо мендейской была обнаружена амфора Синопы и чернолаковая солонка (см. далее). Оба погребения датируются 360–350-ми гг. до н. э.

Фасосская амфора принадлежит «развитой» серии биконического варианта (II-B-2). На ее ручке сильно поврежденное клеймо, где видна лишь эмблема «собака». По предположению А. Б. Колесникова, возможное восстановление легенды выглядит следующим образом: Αριστείδη(ς) | Θασ[ι(..)] Μέγω|ν «собака» (Garlan, 1957. No. 649). Магистратом в данном случае является все тот же Мегон-2, деятельность которого, как уже отмечалось выше, относится к концу 360-х — 350-м гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 415). Предложенные восстановление и датировка не противоречат морфологии сосуда. К указанному времени, видимо, и следует относить комплекс погребения 421.

Погребение 346 (рис. 5, 5–7). В этом погребении вместе с мендейской амфорой обнаружены синопская амфора и чернолаковая солонка. Мендейский сосуд относится к «поздней» серии «мелитопольского» варианта и отличается вытянутыми пропорциями (Монахов, 2003. С. 92 сл., табл. 64, 65). Сосуды с аналогичными метрическими характеристиками известны в Чертомлыке, а также в скифских комплексах кургана 14 у с. Юновка, кургана 16 у с. В. Рогачик конца 360-х — 350-х гг. до н. э. (Монахов, 1999. С. 367, 379, 381, табл. 160; 2003. С. 207, прил. 1).

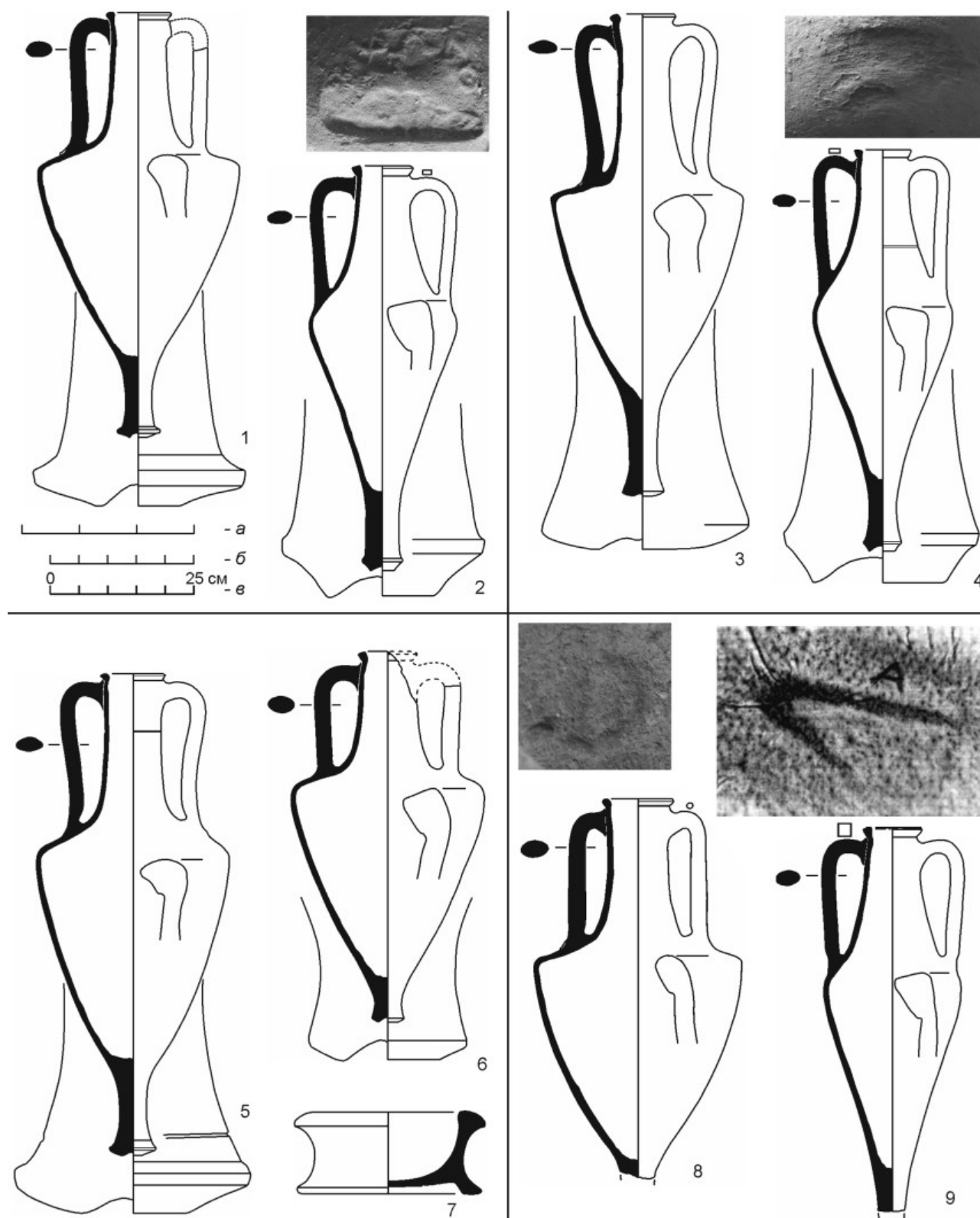


Рис. 5. Амфоры Менды «мелитопольского» варианта (1, 3, 5, 8) из погребальных комплексов Прикубанского некрополя: 1, 2 — погребение 161; 3, 4 — погребение 421; 5-7 — погребение 346; 8, 9 — погребение 126 (6 — Синопа; 2, 4, 9 — Фасос; 7 — чернолаковая солонка (чертеж предоставлен Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко)). Чертежи авторов, Краснодар, ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына». Масштаб: а — для клейм; б — для венчиков и ножек амфор и для 7; в — для амфор

Синопская неклеяная амфора относится к варианту I-A «конического» типа. Морфологически близкие сосуды известны с клеймами ранних синопских магистратов конца второй четверти — середины IV в. до н. э. (Монахов, 2003. Табл. 100, 101). Самая близкая аналогия — амфора из колодца 269 в Горгииппии с клеймом раннего астинома Никомеда, который датируется концом 350-х — 340-ми гг. до н. э. (Там же. С. 146, 147, табл. 100, 7; Кац, 2007. С. 434).

Чернолаковая солонка с вогнутыми стенками, утолщенным нависающим венчиком, на скрытом поддоне (*Saltcellar: Concave Wall*), как по причерноморским комплексам (Лимберис, Марченко, 2010. С. 335, № 39; 2017. С. 209 сл., рис. 1, № 3), так и по материалам Афинской агоры (Sparkes, Talcott, 1970. P. 137, no. 936, 937), датируется в пределах второй четверти IV в. до н. э. Как представляется, комплекс погребения 346 может быть датирован в пределах 350-х гг. до н. э.

Погребение 126 (рис. 5, 8, 9). Мендейская амфора из этого погребения относится к «мелитопольскому» варианту, однако не к «поздней», а скорее к «ранней» серии. На ручке стоит анэпиграфное рельефное круглое клеймо — буква «Ф». Такие клейма известны (Кац, 2015. № 384), но они не имеют надежной хронологии. По своей морфологии амфора практически идентична фрагментированному сосуду из комплекса погребения 426 Прикубанского некрополя, где с нею встречен сосуд неустановленного центра производства 350-х гг. до н. э. (Завойкин, Монахов, 2012. С. 118, рис. 1). Еще два подобных сосуда происходят из погребения 405, не содержащего иного импорта.

Найденная вместе с мендейской фасоская амфора «развитой» серии (II-B-2) имеет на ручке клеймо, где видна только эмблема. Такие же по морфологии клейменные амфоры зафиксированы в Гаймановой Могиле, в кургане 7 у с. Кут и других комплексах, где они датируются примерно серединой столетия (Бидзиля, Полин, 2012. С. 510; Полин, 2014. С. 291). Что касается клейма на амфоре из погребения 126, то восстановить легенду можно

только предположительно. Создается впечатление, что эмблема — не что иное, как «плуг». Похожие, но не идентичные эмблемы фигурируют у магистратов Аристотеля (Avram, 1996. No. 222), Мес(--), Нимфона, Архестрата (Garlan, 1999. No. 677, 751, 789, 827), деятельность которых приходится на широкие хронологические рамки в пределах 350-х и 340-х гг. до н. э. (Tzochev, 2016. Tab. 2).

В целом комплекс погребения 126 мы склонны датировать примерно серединой IV в. до н. э.

Можно подвести итоги группировки мендейских амфор «мелитопольского» варианта на основании рассмотренных выше комплексов с добавлением других мендейских амфор из погребений Прикубанского некрополя, где не было иного импорта (рис. 6). Таким образом, в материалах Прикубанского некрополя зафиксировано 75 мендейских амфор, из которых 47 экземпляров встречены в комплексах с иными группами импорта — амфорами других центров производства (Фасос, Гераклея, Синопа) и аттической чернолаковой керамикой. В целом подтверждается сделанный более 20 лет назад вывод, что изготовление амфор варианта «портичелло» не ограничивается первыми двумя десятилетиями IV в. до н. э. В настоящее время мы можем уверенно говорить, что тара этого варианта продолжает выпускаться как минимум до 350-х гг. до н. э., сосуществуя с сосудами «мелитопольского» варианта с 380-х гг. до н. э. На материалах Прикубанского некрополя четко прослеживается трансформация морфологии сосудов варианта «портичелло» (рис. 4).

Таким образом очевидно, что амфоры «мелитопольского» варианта не сменили вариант «портичелло», а какое-то время производились параллельно с первыми, по крайней мере с 380-х гг. до н. э. Яркое свидетельство этому — комплексы погребений 157 и 172 Прикубанского некрополя.

К сожалению, в материалах Прикубанского некрополя отсутствуют хронологически узкие комплексы, которые можно было бы отнести к 330–320-м гг. до н. э. Однако по материалам

Fig. 5. Amphorae from Mende of the “Melitopol” variant (1, 3, 5, 8) from the burial complexes of Prikubansky necropolis: 1, 2 — burial 161; 3, 4 — burial 421; 5–7 — burial 346; 8, 9 — burial 126 (6 — Sinope; 2, 4, 9 — Thasos; 7 — black-glazed saltcellar (drawing presented by N. Yu. Limberis and I. I. Marchenko)). Drawings by the authors, Krasnodar, E. D. Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve. Scale: а — for the stamps; б — for rims and toes of the amphorae and for 7; в — for amphorae

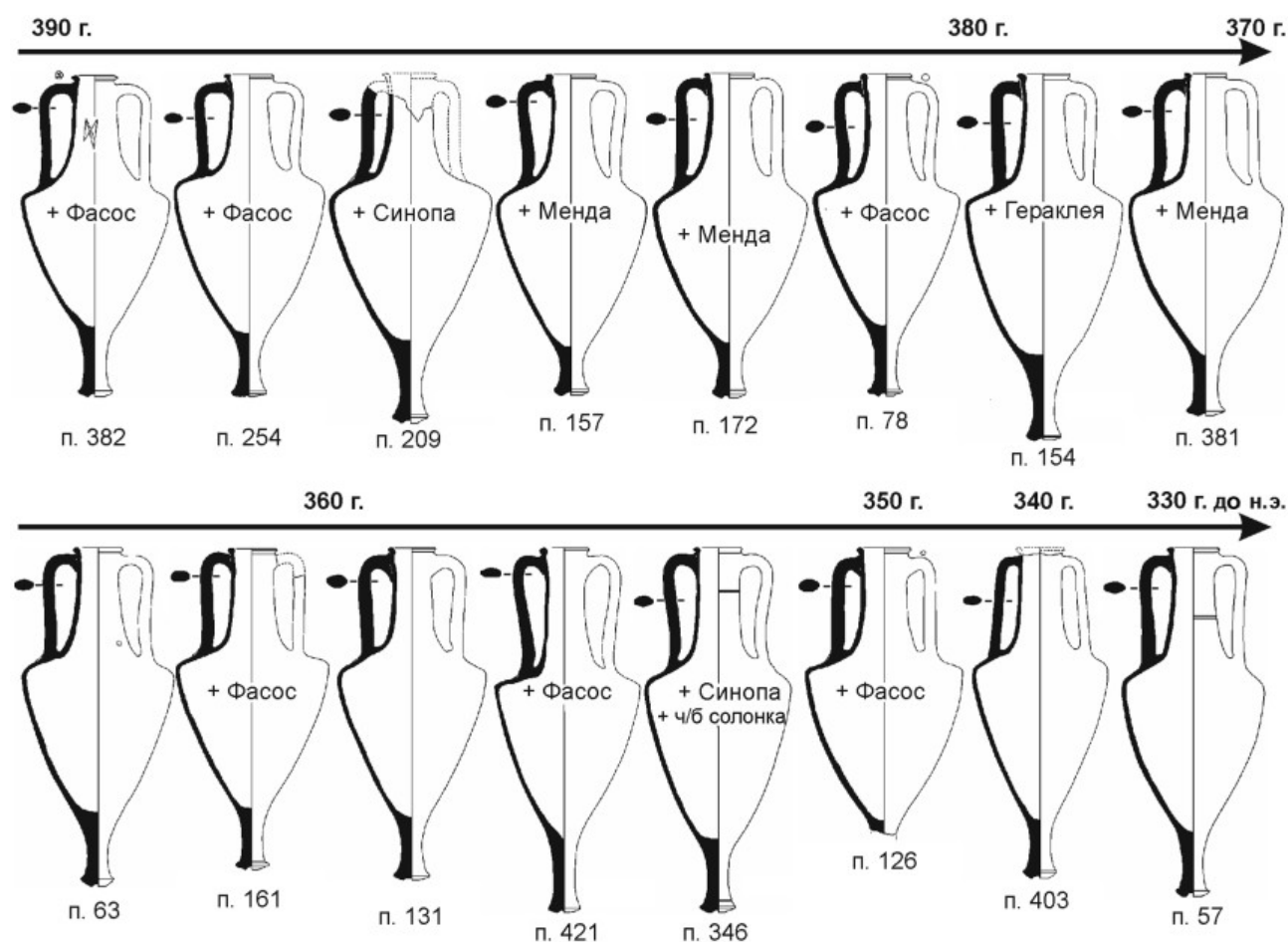


Рис. 6. Морфологический ряд амфор Менды «мелитопольского» варианта

Fig. 6. Morphologic series of amphorae from Mende of the "Melitopol" variant

Мелитопольского кургана и кургана Огуз нам известно, что производство тары в Менде (и в центрах «круга Менды») продолжалось и в это время (Монахов, 1999. С. 424–426).

Очевидно также, что к меотам, оставившим Прикубанский некрополь, мендейский импорт поступал наиболее интенсивно в пределах 400–340-х гг. до н. э., после чего он резко сократился. Лишь одна мендейская амфора следующего «конического» варианта из погребения 46 может быть датирована по аналогиям 330-ми гг. до н. э. (сосуд в данной статье не рассматривается).

Ситуация с мендейской тарой усложняется еще и тем, что у амфор «мелитопольского» варианта наблюдается удивительное разнообразие

в профилировке венцов и ножек, а также заметно отличается цвет и структура глины, на что было обращено внимание достаточно давно (Монахов, 2003. С. 93). В этих обстоятельствах мы не можем не согласиться с предположением об одновременном производстве таких амфор в нескольких центрах по единому стандарту. В то же время достаточно сложно представить, как в разных центрах изготавливались сосуды, столь одинаковые по морфологии. Гипотеза о существовании некоей «региональной формы тары», выпускавшейся одновременно в нескольких центрах Халкидики (помимо Менды еще в Аканфе и других полисах), в наиболее ясной форме в последние годы формулировалась М. Лавалем и К. Филисом (Filis, 2020; Lawall, Tzochet, 2020).

- Бидзиля, Полин*, 2012 — *Бидзиля В. И., Полин С. В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Изд. дом Скиф, 2012. 751 с., 64 ил.
- Болонкина и др.*, 2019 — *Болонкина Е. В., Ефремов Н. В., Колесников А. Б.* Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книды // *Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр.* / Отв. ред. С. Ю. Монахов. Саратов: Техно-Декор, 2019. Вып. 19. С. 274–317.
- Василенко*, 1972 — *Василенко Б. А.* Древнегреческие керамические клейма из Одессы // *Археологія*. Київ, 1972. Вып. 5. С. 82–95.
- Завойкин, Монахов*, 2012 — *Завойкин А. А., Монахов С. Ю.* Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2012. № 4. С. 117–127.
- Кац*, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Крым. отд. Ин-та востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований «Деметра», 2007 (БИ; Вып. XVIII). 480 с.
- Кац*, 2015 — *Кац В. И.* Керамические клейма Азиатского Боспора. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. Ч. I: Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. 180 с.; электр. каталог.
- Кузнецова и др.*, 2021 — *Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю.* Хронология скифосов «беглого» стиля и амфор из Прикубанского некрополя // *ВДИ*. 2021. № 81(1). С. 149–165.
- Лимберис, Марченко*, 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 219–325.
- Лимберис, Марченко*, 2010 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2010. Вып. 14. С. 322–356.
- Лимберис, Марченко*, 2015 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Чернолаковые скифосы из меотских памятников правобережья Кубани // *Древности Боспора*. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 19. С. 226–255.
- Лимберис, Марченко*, 2017 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Миниатюрные чернолаковые сосуды для сервировки стола из меотских могильников правобережья Кубани // *Античный мир и археология*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2017. Вып. 18. С. 206–223.
- Ломтадзе*, 2016 — *Ломтадзе Г. А.* Амфорный комплекс конца V в. до н. э. на поселении Голубицкая 2 // *Древние эллины между Понтом и Меотидой: Сб. ст.* / Сост., науч. ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: Исторический музей, 2016. С. 52–55.
- Мозолевский*, 1979 — *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Киев: Наукова думка, 1979. 252 с.
- Монахов*, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 679 с.
- Монахов*, 2002 — *Монахов С. Ю.* Редкие формы фассосских амфор IV–III веков // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века* / Тез. докл. VII междунар. науч. конф. (17–21 мая 1994 г.) / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов на/Д.: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 2002. С. 59–69.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммериды; Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.
- Монахов*, 2016 — *Монахов С. Ю.* Еще раз о гераклейских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Этима // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 357–369.
- Монахов и др.*, 2016 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Керчь; Саратов: Тип. «Новый проект», 2016. 222 с.
- Монахов и др.*, 2017 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Тип. «Новый проект», 2017. 208 с.
- Монахов и др.*, 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов: Амирит, 2019. 352 с., ил.
- Полин*, 2014 — *Полин С. В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV в. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филук, 2014. 776 с.
- Придик*, 1917 — *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.: Тип. Рос. Акад. наук, 1917. 191 с.

- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Керчь: Соло-Рич, 2016. Т. 2. 320 с.
- Avram, 1996 — Avram A. Les timbres amphoriques. 1. Thasos // *Histria* (VIII). Bucarest; Paris, 1996. 176 p., LXIV pl.
- Balabanov et al., 2016 — Balabanov P., Garlan Y., Avram A. Les Timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et de quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du I^{er} siècle av. J.-C.). Constanta: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie Constanța, 2016. 200 p.
- Buzoianu, Bărbulescu, 2008 — Buzoianu L., Bărbulescu M. Albești. Monografie arheologică. I. Constanța, 2008. 552 p. CV pl.
- Garlan, 1999 — Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris: École Française d'Athènes, 1999. Vol. I: Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. 335 p., XII pl.
- IOSPE, III — Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья/ Сост. Е. М. Придик, Б. Н. Граков // НОА ИА РАН. P-2. № 2157–21988.
- Filis, 2020 — Filis K. The production of North Aegean amphorae: morphology — properties — purpose // *Pottery Workshops Craftsmen and Workshops*. Athens, 2020. P. 156–196.
- Lawall, Tzochev, 2020 — Lawall M., Tzochev Ch. New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010–2020 // *Archaeological Reports*. 2019–2020. Vol. 66. P. 117–144.
- Monakhov, 2019 — Monakhov S. Yu. Once More on the Subject of Herakleian Amphorae with Stamps of the Manufacturer Etymos // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2019. Vol. 25. P. 59–78.
- Moore, 1997 — Moore M. B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery // *The Athenian Agora*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1997. Vol. 30. 419 p.
- Sparkes, Talcott, 1970 — Sparkes B. A., Tallcot L. Black and Plain Pottery of 6th–5th and 4th Centuries BC // *The Athenian Agora*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Vol. XII. 472 p., 25 fig.
- Tzochev, 2016 — Tzochev C. Amphora Stamps from BC // *The Athenian Agora*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 2016. Vol. XXXII. 244 p.

“Mendeian” amphorae from the Prikubansky necropolis: questions of the chronology

S. Yu. Monakhov, E. V. Kuznetsova⁵

Keywords: Mendeian amphorae, ceramic complexes, chronology.

Throughout the period of 400–350 BC, the polis of Mende of the Classical period produced transporting amphorae of two differing variants: “Porticello” and “Melitopol” types. The profiled parts of these vessels (rims and toes), as well as the clay of the amphorae are characterised by a wide diversity. Among the materials from the Prikubansky necropolis, there are several dozens of Mendeian vessels found in burials together with containers from Thasos, Sinope, Herakleia and Attic black-glazed pottery. The presence of stamps on the amphorae has allowed us to define very narrow dates of the complexes under discussion. Seven of the considered assemblages included amphorae from Mende of the “Porticello” variant of the late 390s — 350s BC (Fig. 1; 2). During that period, a gradual rising of the height of the vessel was taking place by extending of the upper body and also through a slight decrease of the latter's diameter. Still other seven assemblages included containers of the “Melitopol” variant (Fig. 3; 5). Of special consideration are burials No. 157 (Fig. 1, 5, 6) and No. 172 (Fig. 2, 6, 7) where vessels of the both two variants were found. Evidently, amphorae of the “Melitopol” type did not replace the “Porticello” variant but for some time, at least since the 380s BC, were produced synchronously to it.

It may be asserted with confidence that containers of the “Porticello” variant were manufactured since the 390s up to the 350s BC (Fig. 4). As early as the late 390s or the very beginning of the 380s the production of vessels of the “Melitopol” variant started which ended in the 320s (Fig. 6). Among the materials from the Prikubansky necropolis there are no assemblages which could be dated to the 330s–320s BC. However finds from the Melitopol kurgan and the Oguz barrow suggest that the manufacture of containers was continuing in Mende (and in centres of the Mendeian circle) also in that period.

⁵ Sergey Yu. Monakhov, Kuznetsova Elena V. — Institute of Archeology and Cultural Heritage, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; 83 Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russia; e-mail: monachsj@mail.ru, ev_kuznetsova@list.ru.

Гилея в сакральной истории народов Северного Причерноморья в античную эпоху¹

И. А. Снытко, А. А. Бондаренко²

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается легендарная упоминаемая Геродотом область — Гилея. Приводятся материалы, связанные с Гилеей в территориальном, культурно-историческом и археологическом аспектах. Анализируются упоминания Геродота о древнегреческих святилищах в Гилее, его новеллы о Геракле и Анахарсисе, эпиграфические и археологические сведения. Рассматриваются новые находки из указанного региона, а также приводятся аналогии им из Ольвии и Скифских степей.

Ключевые слова: Ольвия, хора, Нижнее Побужье, Нижнее Поднепровье, Гилея, святилище, сакральная территория, алтарь.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-159-169

Гилея издревле была священной территорией как для варварских народов, так и для греков-оливиополитов. С эпохи колонизации эллинами Северного Причерноморья она имела важнейшее значение, о чем свидетельствуют упоминания на сей счет Геродота. С Гилеей связаны и легенды, пересказанные отцом истории. Прежде всего интерес представляет новелла об Анахарсисе. Долго путешествовавший по Элладе и вернувшийся на родную землю из Кизика, где он участвовал в празднествах в честь Кибелы Диндимены, просвещенный мудрец Анахарсис, следуя данному им Матери богов обещанию, отправлял ее культ в Гилее. Он бил в тимпаны, навесив на себя фигурки богини (Hdt., IV. 76; *Русяева*, 1979. С. 6, 112), за что и был убит стрелой из лука своим сородичем царем Савлием по доносу наблюдавших за этими священнодействиями варваров³. Впрочем, ряд

исследователей ставит под сомнение данное сообщение Геродота об убийстве Анахарсиса в процессе совершения обряда и считает его литературным домыслом отца истории (см.: *Русяева*, *Супруненко*, 2003. С. 30). На наш взгляд, не является достаточно правильным решением «дополнять» либо вносить в контексте своих собственных соображений какие-либо коррективы в сообщения Геродота, многие свидетельства которого неоднократно подтверждались современными историческими и археологическими исследованиями. Более того, Геродот сам неоднократно подчеркивал сомнительные штрихи в своем повествовании, ссылаясь на информацию от людей, которая была им не до конца проверена⁴. В случае же с деталями

¹ Статья поступила в редакцию 28.11.2020 г.

² Снытко И. А. — Научно-методический отдел исследования объектов культурного наследия, Николаевский краеведческий музей; ул. Набережная, 29, г. Николаев, 54001, Украина; e-mail: maharadze_v@mail.ru. Бондаренко А. А. — Секция археологии, Николаевская организация Украинского общества охраны памятников; ул. 12-я Продольная, 42/23, г. Николаев, 54028, Украина; e-mail: andrew.bondarenko.mk@gmail.com.

³ События, связанные с гибелью Анахарсиса, относят к середине VI в. до н. э. (*Скржинская*, 2001.

С. 102). А. С. Русяева, проанализировав путешествия Анахарсиса по Греции и его встречи с известными политическими деятелями той эпохи, предлагает и более точную дату — 550–540 гг. до н. э. (*Русяева*, 1998. С. 33).

⁴ Некоторые маловероятные сообщения Геродота, пересказанные ему местными эллинами, которые в гипертрофированной форме характеризуют причерноморских варваров как людоедов и кровожадных дикарей, как нам представляется, имели, вероятнее всего, интенциональный характер со стороны рассказчиков. Причерноморские греки в те времена вели выгодную для себя посредническую торговлю между цивилизованными центрами Ойкумены и Скифией,

убийства Анахарсиса, которые были ему пересказаны Тимном, каких-либо сомнений на сей счет со стороны Геродота не прозвучало, наоборот, именно такая гибель мудреца была им дополнительно подтверждена (Hdt., IV. 77). Соответственно и его новеллу об этом событии, на наш взгляд, несомненно следует воспринимать как достаточно правдивую. Данный факт, если верить повествованию Геродота, как нам представляется, свидетельствует не столько о том, что скифы отомстили лично Анахарсису за восприятие чужеземных культов, сколько о том, что в Гилее, вероятнее всего, находились святилища варварских богов и скифы имели свои территориальные претензии на эти священные для них земли, пытаясь не допустить в них чуждые им культовые традиции, а с ними и иноземцев в лице греков-ольвиополитов, которые также претендовали на сакральное лидерство в этом регионе. О наличии таких святилищ и священности для скифов Гилеи косвенно свидетельствует уже сам факт, что Анахарсис отправлял культ Кибелы именно в ее чертогах, а не в какой-либо иной местности, очевидно, пытаясь привлечь к почитанию богини своих соплеменников. Кроме святилищ, вероятно, в рассматриваемом регионе у варваров находились могилы предков, которые также были священны и, безусловно, входили в территориальный и сакральный ареал номадов. Как могилы своих пращуров скифы по традиции воспринимали и курганные могильники более ранних эпох — энеолита–бронзы, тем самым подтверждая свои права на эти земельные пространства.

Предположению о конфликтах греков и скифов на религиозной почве есть и археологическое подтверждение. В письме из Ольвии на стенке амфоры стиля фikelлурa сообщается о поврежденных варварами в Гилее алтарях Матери богов, Геракла и Борисфена (Русяева, 1986. С. 513, 514; Vinogradov, 1981. S. 15). Ю. Г. Виноградов и А. С. Русяева датировали надпись 550–530 гг. до н. э. Более позднюю датировку

пытаясь ограничить прямые контакты купцов Эгиды и Средиземноморья с варварскими племенами Причерноморья не только официальными полисными фискальными методами (плата за вход и выход с гавани, проходы в русла рек и пр.), но и посредством распространения слухов о жестоких нравах местных племен, отпугивая их от коммерческих поездок вглубь Скифии, минуя колониальные греческие полисы на северных берегах Понта Эвксинского.

надписи, учитывая отдельные лингвистические особенности, а именно графему на ОУ в тексте, предлагал Л. Дюбуа, относя её ко времени около 400 г. до н. э. (Dubois, 1996. P. 55–57). На обоснованность такой датировки граффито обратил внимание В. П. Яйленко, подчеркнув, как и ее первоиздатели, что надпись начертана архаическим письмом на черепке вазы стиля фikelлурa, а также указав, что графема на ОУ встречается с конца VI в. до н. э. (Яйленко, 2017. С. 259)⁵. Очевидно, на первых этапах греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье между двумя сторонами иногда возникали конфликты подобного рода на почве коренных различий в идеологии, политике и социологии. Об этом свидетельствует и рассказ Геродота о царе Скиле и его печальной участи. Причины и следствия этой истории также ставится под сомнение отдельными современными скептиками (см.: Русяева, Супруненко, 2003. С. 30, 64, 65), пытающимися «корректировать» повествование Геродота, выискивая причины гибели Скила преимущественно в борьбе за власть среди скифской правящей элиты. При этом умаляются следствия культурно-идеологического характера, на которых заострил свое внимание как на главных отец истории. Своими новеллами о гибели Анахарсиса и Скила Геродот в первую очередь хотел подчеркнуть святость и сохранение своих древних традиций племенами Причерноморья на ранних этапах греко-варварского взаимодействия в VI–V вв. до н. э., нарушать которые было не дозволено не только рядовым скифам, но и представителям царских фамилий⁶. В любом случае говорить о полной гармонии в отношениях между ольвиополитами и варварами до начала IV в. до н. э. достаточно рискованно и неправомерно, как и утверждать, что варвары имели какой-то контроль над Ольвией, тем более в форме установленного над полисом протектората, как это предполагал Ю. Г. Виноградов (Виноградов, 1989. С. 90 сл.). Возможно, следствием какого-то

⁵ Комментарии исторического порядка относительно данной надписи готовятся одним из авторов в качестве отдельной статьи.

⁶ На наш взгляд, В. П. Яйленко, ссылаясь на сообщение Геродота, совершенно справедливо называет царских скифов, к которым он относит Анахарсиса и Скила, неким избегающим чужеземных традиций закрытым обществом (Яйленко, 2013. С. 178, 179).

конфликта в Гилее между скифами и греками явилось и прекращение жизнедеятельности на древнегреческом поселении ремесленников в Ягорлыцком заливе (Ягорлыцкое поселение) около середины VI в. до н. э.⁷ Предположение о том, что оно могло быть заброшено в это время из-за своей нерентабельности в контексте экономического развития Березанского поселения и Ольвийского полиса в целом, достаточно сомнительно и необоснованно в силу того, что ольвиополитам не имело смысла свертывать уже хорошо отлаженное производство и покидать богатые всевозможными ресурсами (лес, гематитовые пески, соль, сода, производные от переработки сырья: древесный уголь и пр., см.: *Острроверхов*, 1979. С. 118–124) территории. Наиболее вероятными причинами в данном случае нам видятся конфликтная ситуация между греками и варварами на почве взаимных территориальных претензий и реальная военная угроза со стороны кочевников, нависшая над обитателями не укрепленного в плане фортификации, к тому же, вероятно, сезонно используемого, Ягорлыцкого поселения ремесленников.

⁷ Существуют различные мнения о хронологии Ягорлыцкого поселения (см.: *Крыжицкий и др.*, 1990. С. 40–41). В. В. Рубан на основании изученного им керамического материала датирует его второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. (*Рубан*, 1980. С. 112). Первой половиной VI в. до н. э. датирует поселение Н. П. Оленковский (*Оленковский*, 1977. С. 374). К хронологическому отрезку от рубежа VII–VI до начала V в. до н. э. относят памятник А. С. Острроверхов, С. Б. Буйских и Н. А. Гаврилюк (*Острроверхов*, 1978. С. 14; *Буйских, Острроверхов*, 1978. С. 152; *Гаврилюк, Острроверхов*, 1982. С. 63; *Крыжицкий и др.*, 1990. С. 45). Концом VII — IV в. до н. э. датирует памятник С. Я. Ольговский (*Ольговский*, 2021. С. 21). Отметим, что сторонниками более широкой датировки памятника выделяются два хронологических этапа существования поселения: конец VII — середина VI в. до н. э. и вторая половина VI — начало V в. до н. э. (*Острроверхов*, 1978. С. 14). Расцвет ремесленного производства на поселении А. С. Острроверхов соотносит со второй половиной VI в. до н. э. (*Там же*. С. 14). Учитывая наличие двух хронологических групп зафиксированного вещевого материала, которые выделяют авторы, не исключен и хронологический разрыв в существовании поселения около середины VI в. до н. э. Отметим и то, что зафиксированные на поселении находки на нынешнем этапе нуждаются в дополнительном комплексном исследовании, в контексте более четкой разработки хронологии памятника.

Косвенным подтверждением тому может быть и вышеупомянутое граффито на стенке амфоры стиля фикеллура с информацией о поврежденных варварами алтарях (*Русяева*, 1986. С. 513, 514; *Vinogradov*, 1981. S. 15). Вспомним и то, что именно к этому времени относят убийство Анахарсиса царем Савлием. Связанные с Анахарсисом события, возможно, и стали неким катализатором предполагаемого греко-скифского конфликта в Гилее в середине VI в. до н. э., который, вероятно, был скоротечным и в дальнейшем не послужил весомым аргументом для радикального и глубинного ухудшения взаимоотношений между двумя народами. Анахарсис был личностью весьма уважаемой и значимой не только для причерноморских греков, но и для эллинов Ойкумены. Его изображение зафиксировано на мозаичном панно III в. н. э., открытом при раскопках виллы в Баальбеке в Сирии среди Семи самых выдающихся мудрецов. По свидетельству Диогена Лаэртского, ему была установлена статуя в Элладе в IV в. до н. э. (см.: *Русяева*, 1998. С. 34, 35). Поэтому убийство Анахарсиса царем Савлием, очевидно, могло послужить реальным поводом для обострения ситуации и конфликта между эллинами и скифами, результатом которых, возможно, и стало упоминаемое в письме из Ольвии осквернение варварами греческих алтарей в Гилее, среди которых был алтарь Матери Богов, культ которой в этой местности отправлял вернувшийся в родные края мудрец⁸. Пользовавшийся популярностью и уважением в цивилизованном мире, знавший Солона, многих известных политиков, полководцев и философов того времени Анахарсис, тем не менее был, по свидетельству Геродота, забыт своими соплеменниками, которым были в те времена чужды и враждебны эллинские культура, религия и традиции (*Hdt.*, IV. 76).

Вероятнее всего, вплоть до конца V — начала IV в. до н. э. происходил последовательный процесс формирования добрососедских отношений между греками и варварами, в том числе и согласования контактных приграничных зон.

⁸ К аналогичному выводу приходит и В. П. Яйленко, считая, что указанными в «Гимне Гилее» (вышеупомянутое граффито на стенке амфоры стиля фикеллура) врагами, повредившими алтари Матери Богов, Гераклу и Борисфену могли быть царские скифы. В итоге упоминаемый разгром Гилеи с убийством здесь Савлием Анахарсиса делает последнего вполне реальной исторической фигурой (*Яйленко*, 2019. С. 189, 190).



Рис. 1. Курганная группа между селами Рыбальче и Ивановка (фото А. Бондаренко)

Fig. 1. Kurgan group between Rybalche and Ivanovka (photo by A. Bondarenko)



Рис. 2. Вид с запада на озеро Оджиголь (фото А. Бондаренко)

Fig. 2. View from the west to Lake Odzhigol (photo by A. Bondarenko)

Вероятно, священная для двух народов Гилея каким-то образом была разделена между ольвиополитами и скифами. К сожалению, в настоящее время не представляется возможным точно определить границы этой легендарной области, а уж тем более предположить греческую и скифскую зоны влияния в ней. Тем не менее исходя из наличия поселений хоры Ольвии в районе сел Покровское, Васильевка, Геройское и Рыбальче со стороны Днепровского лимана и Ивановка (Ягорлыцкое поселение) со стороны Ягорлыцкого залива Черного моря (*Крыжицкий и др.*, 1989. С. 98; 1990. С. 45, рис. 9, 73; С. 40–42, рис. 4, 107; *Оленковская, Оленковский*, 1978. С. 364), можно гипотетически предположить, что граница зон контроля над Гилеей (контактная зона) между ольвиополитами и скифами в классическую и раннеэллинистическую эпохи находилась где-то

в районе современных Олешковского и Голопристанского районов Херсонской области. Данное предположение имеет и дополнительное косвенное подтверждение. Концентрация древних курганов (священных для скифов могил предков и сородичей) в настоящее время наблюдается в степной зоне основания Кинбурнского полуострова, именно по условной дуге, окаймляющей современный Черноморский биосферный заповедник НАН Украины, к югу и востоку от с. Ивановка (Ягорлыцкий залив) и к югу и востоку от с. Рыбальче (Днепровский лиман) и далее в восточном направлении от указанных сел (рис. 1). Заметим и то, что по этой условной дуге от с. Рыбальче по линии ныне существующих озер Рыбальчанское, Пивнив, Оджиголь (рис. 2) и далее в сторону Ягорлыцкого залива к с. Ивановка еще в XVI–XVII столетиях

проходил один из рукавов Днепра (так называемая Запорожская протока), отделявший Кинбурнскую косу от материка. Несколько западнее прослеживаются следы еще одного Днепровского рукава (Азбунов, 1985. С. 119; Крыжицкий и др., 1989. С. 17). Вполне допустимо, что эти водоразделы, несомненно, существовавшие и в античную эпоху, в VI–V вв. до н. э. могли быть тем самым рубежом, который разделял Гилею на греческую и варварскую зоны контроля.

Сложность в выделении границы контактной фронтальной зоны, особенно в позднеклассическую эпоху, усугубляется и эллинизацией варварского населения Поднепровья в IV–III вв. до н. э., массовым оседанием его на землю, восприятием им эллинских традиций, в том числе и религиозных. Как следствие наблюдается и постепенное стирание резких граней в культуре и быту, что во многом способствовало, вероятнее всего, восприятию греками и скифами Гилеи как единой сакральной территории для двух народов. К тому же и греки, создавая свою новую понтийскую мифологию, сопоставляли своих богов и героев по их функциям с местными божествами, присоединяя к ним эпиклезы, соответствующие именам местных богов (см. Яйленко, 2017. С. 15 сл.), а кроме того, распространяли среди варварских народов собственные легенды, как то о происхождении скифов от сыновей Геракла и змедевы, о Скифе, совладавшем с луком Геракла и ставшем владыкой в этих землях (Hdt., IV. 8, 9, 10). Геродот приводит эту новеллу, ссылаясь на то, что она была пересказана ему греками, живущими на берегах Понта. Примечательно и то, что Геракл встретил змедеву в одной из пещер в Гилее (Hdt., IV. 9)⁹. Упоминание о некоей пещере, возможно, дает нам дополнительную информацию о территориальных пространствах Гилеи в понимании понтийских эллинов. Дело в том, что левобережные территории низовья Днепра и Днепровского лимана низменные и песчаные, где нет никаких пещер. Теоретически, пещеры могли существовать лишь на правобережье с его высокими и крутыми берегами. Исходя из этого, можно допустить, что и определенные территории правого берега Днепра и Днепровского лимана, очевидно, входили в легендарную область Гилея, как это предполагали

многие исследователи, начиная с Ф. К. Бруна (Брун, 1879. С. 10–14). Хотя, возможно, само определение объекта, где Геракл встретил змедеву, как «пещеры» было сильно преувеличено рассказчиками легенды, и под этим понятием следует воспринимать некую крупную нору, коих и сейчас немало в песчаных кучугурах левобережья. В качестве «пещеры» в легенде о Геракле и змедеве, возможно, могло фигурировать и одно из многочисленных крупных природных углублений в песчаном грунте, ныне именуемых Кинбурнскими сагами (Коломієць і ін., 2008. С. 3, 21, 26–29, 31, 32). Такое предположение подкрепляется тем, что саги, иногда обводненные пресными водами, с богатой растительностью (кустарники, деревья), надежно защищенные от ветров, являются жилищами для многих представителей степной фауны, в том числе и для всевозможных змей. Саги, различные по площади, имеются практически на всей территории Кинбурнского полуострова. Наибольшее их число находится в центре косы и в ее основании, между селами Ивановка и Рыбальче. «Пещерой» — обителью змедевы — могла быть и одна из сложных природных систем замкнутой конфигурации из числа рельефов отрицательной формы, появление которых было обусловлено эндогенными и экзогенными факторами. В современной литературе они известны как степные «поды» и «блюдца», существующие практически на всей территории южной части Северного Причерноморья, в том числе и на левобережье нижнего течения Днепра (см.: Иевлев, 2014. С. 90, 91).

И еще на одну деталь из этой легенды хотелось бы обратить внимание. Скиф, появившийся на свет от сожительства Геракла и змедевы, ставший владыкой Скифии, родился именно в Гилее, где обитала его мать. В мифе, созданном причерноморскими греками, на наш взгляд, косвенно отражено само отношение варваров к этой исторической области, которую они, возможно, восприняли, как свою историческую родину — места кочевий своих далеких предков. И всячески эти территории оберегали. Греки, в свою очередь, привязали к происхождению скифов своего кумира Геракла, дабы подтвердить и свои права на эти земли. Происхождение скифов от Геракла также подчеркивало сородственность эллинов с варварами, которая а priori должна была содействовать мирным и добрососедским отношениям между двумя народами. В то же время отцовство Геракла подчеркивало некое лидерство греков

⁹ О неких реминисценциях этой новеллы в соответствии с греческой мифологией пишет В. П. Яйленко (Яйленко, 2013. С. 28, 29).

по отношению к скифам, оно символизировало силу и мужество Скифа по отцовской линии, а также мудрость, хитрость и коварство (присущие змеям) — по линии материнской.

Лесистая Гилея¹⁰, где издревле находились священные рощи и святилища Гекаты, Матери богов, Геракла и Борисфена, являлась одним из основных сакральных районов для ольвиополитов (Русяева, 2005. С. 154–155; Буйских, 2013. С. 95). Из Гилеи начинал свой «бег» Ахиллесов дром — Тендровская коса, на оконечности которой находилось святилище Ахилла (Тункина, 2002. С. 452–472), где в честь божественного героя периодически проводились празднества с различными спортивными состязаниями (Кубланов, 1957. С. 224–226; Русяева, 2005. С. 116–124, 215, 216). Местом поклонения Ахиллу, как отмечалось выше, следует считать и Кинбурнскую косу (Охотников, Островерхов, 1993. С. 108), где, судя по надписи (IOSPE, I²327), датированной IV в. до н. э., ему были посвящены жертвенник и плод кедр. В римское время восточные территории полиса, в том числе и Гилея, находились под сакральным протекторатом Аполлона Простата, о чем свидетельствует находка посвящения ему от коллегии ольвийских стратегов, зафиксированная у с. Бехтеры Голопристанского района Херсонской области (Карышковский, 1993. С. 77, 78). Вероятнее всего, харистерия Аполлону Простату связана с успешно проведенными лесозаготовками для строительства и ремонта фортификационных сооружений хоры — городищ и фортов (Снитко, 2012. С. 36, 37). Не исключено, что Аполлон почитался в Гилее и в более ранние времена, начиная с эпохи колонизации, в качестве Ликея, Иэтра и Дельфиния. Данное предположение подкрепляется наличием в Гилее в античное время крупных лесных массивов, которые

по известной античной традиции обычно находились под покровительством Аполлона. Следует учитывать и то, что Аполлон в Ольвийском полисе являлся главой пантеона и под его духовным покровительством находились все земли государства (Снитко, 2019. С. 65; Снитко, 2021. С. 32). Предположение о почитании Аполлона в Гилее с ранних времен на основании некоторых соображений теоретического порядка недавно было выдвинуто и Д. Браундом (Браунд, 2020. С. 186, 187).

Кроме мероприятий культового характера, учитывая известную античную практику, вероятнее всего, здесь велась и интенсивная торговля между греками-ольвиополитами и окружающими полис варварскими племенами, а также с эллинами из различных полисов Эллады — купцами и паломниками, осуществлявшими священные феории в легендарные, прославленные еще Геродотом, земли Гилеи. В какой-то степени об этом свидетельствуют отдельные находки и клады монет иных государств. Так, в 2004 г. в районе с. Васильевка в северо-западной части Кинбурнской косы был зафиксирован клад из 24 бронзовых македонских монет Филиппа II и Александра III, находку которого авторы публикации объясняют не столько торговыми контактами Ольвии с Западным Причерноморьем, сколько беспокойным временем в этих краях и вероятным оттоком населения на восток. Жители Истрии могли спастись от войн Лисимаха в восточном регионе (Былкова, Сикоза, 2011. С. 74, 75). Полностью не исключая такой гипотетической возможности, все же в данном случае, на наш взгляд, следует в первую очередь обратить внимание именно на тесные политические, экономические и религиозные связи ольвиополитов с античными полисами Северо-Западного Причерноморья, в том числе и с Истрией, имевших начиная с архаической эпохи почти одинаковый с Ольвией культовый пантеон. Отметим, что клад македонских монет найден в Гилее, в эллинистическую эпоху являвшейся территорией непосредственной контактной зоны между ольвиополитами и Приднепровской, а в дальнейшем Крымской Скифией, через которую проходили сухопутные торговые пути на полуостров. Отметим также, что если в позднеархаическую и классическую эпохи появление иностранных монет на территории Ольвийского полиса можно объяснить многими факторами и, прежде всего, торгово-экономическими связями, то в эпоху эллинизма, после имплементации закона

¹⁰ Наличие обширных природных лесных массивов (дуб, береза, ольха, берест, осина и пр.) еще в XVII — начале XIX столетий на территориях, ныне идентифицируемых с легендарной Гилеей, подтверждается достоверными источниками (см.: Иевлев, 2014. С. 88, 89). Не стоит забывать и о хвойных лесах, существовавших здесь издревле (ель, сосна, кедр). Об их наличии свидетельствует и надпись на алтаре (IOSPE, I² 327), в которой указано, что Ахиллу были посвящены жертвенник и плод кедр. Сомнительно, что этот плод был привезен на Ахиллодром издалека. Очевидно, Ахиллу была в качестве благодарности принесена жертва в виде плода после сбора кедрового нового «урожая» непосредственно в Гилее.

Каноба, круг таких причин значительно сужается. Учитывая, что многие иногородние монеты были зафиксированы в пределах сакральных зон и святилищ, их находки можно воспринимать, прежде всего, в качестве даров от иностранных купцов и феоров. Нельзя исключать и банальную утерю теми же купцами мелкой меди, в том числе и в священных для ольвиополитов районах. Отдельные находки монет, в том числе и в кладках, как то у с. Васильевка, допустимо связывать и с присутствием на территории Ольвийского государства отдельных групп беженцев из Северо-Западного Причерноморья времен войн Лисимаха. Вспомним о переселении на Боспор в период осады Каллатиса войском Лисимаха тысячи его жителей, нашедших убежище у Боспорского царя Евмела (*Diod.*, XX. 25), который, в свою очередь, сам стремился к владычеству над эллинскими полисами и варварами Причерноморья, охотно принимая недовольных политикой македонского царя переселенцев-инсургентов из греческих городов Западного Понта. Не исключено, что Диодором упомянута лишь наиболее крупная и организованная группа вынужденных переселенцев. Возможно, Гилея в те времена была своеобразной перевалочной базой для беженцев из Каллатиса, Одесса и Истрии на пути к Боспорскому царству. Тем не менее подобные находки можно воспринимать и в качестве своеобразных даров в святилища Гилеи от купцов и феоров из этих мест. Отметим и то, что наибольшее количество монет античного времени, преимущественно ольвийских, найдено именно в районе сел Покровское, Васильевка Николаевской и Геройское и Рыбальче Херсонской областей (*Крыжицкий и др.*, 1990. С. 72; *Наумов*, 1990. С. 36, 37; *Снытко*, 2020. С. 280, 281; *Снытко, Бондаренко*, 2019). Необходимо вспомнить и недавнюю находку младшего номинала ольвийского «горгонеяона» 430–420-х гг. до н. э. в окрестностях с. Рыбальче у соленого озера Оджиголь (*Снытко и др.*, 2021. С. 392–398), где, вероятно, в античную эпоху процветали соляные промыслы, а соответственно и продажа соли (рис. 3)¹¹.

В 2017 г. в этом же районе найдена и золотая модель (амулет-апотропей) лука «скифского» (сигмоподобного) типа (рис. 4)¹². Такой вариант

¹¹ О наличии крупных соляных отложений в устье Борисфена пишет и Геродот (*Hdt.*, IV. 53).

¹² Хранится в частной коллекции. Готовится к публикации В. Ю. Зуевым.



Рис. 3. Младший номинал ольвийского «горгонеяона» (фото Э. Мearагова)

Fig. 3. The lower denomination of the Olbian “gorgoneion” (photo by E. Mearagov)

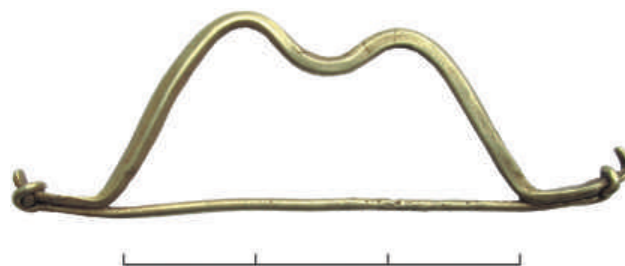


Рис. 4. Золотая модель-амулет лука скифского типа из окрестностей с. Рыбальче (фото А. Алексева)

Fig. 4. Gold model-amulet of a bow of the Scythian type from the vicinity of the village Rybalche (photo by A. Alekseev)

оружия использовался древними греками наряду с собственными типами луков начиная с VII в. до н. э. Находки моделей лука на территориях античных колониальных центров Северного Причерноморья уникальны. Тем не менее бронзовая модель лука аналогичного типа была зафиксирована в детском захоронении (1913/49) классического времени (середина V в. до н. э.) некрополя Ольвии (*Козуб*, 1974. С. 107, 108, 161, рис. 54). Данные предметы, кроме своего, вероятно, сугубо бытового предназначения (нашивки-пряжки для колчана (?), одежды и пр.), могли нести и сакральные функции, выступая в качестве амулетов-апотропеев, символизировавших культы Геракла, Аполлона, Артемиды, а возможно, какого-либо из варварских божеств. Отметим, что аналогии подобным предметам с натянутой на тетиву стрелой в большом числе имеются в сибирско-савроматском культурном ареале (*Смирнов*, 1964. Рис. 37, *1ж*) и, вероятнее всего, были характерны и для местных причерноморских скифских племен. Об этом свидетельствует и находка такой

бронзовой модели (со стрелой на тетиве в ненапрянутом состоянии) в Подунавье, в женском скифском погребении (курган 13, погребение 1, могильник Дербент) IV в. до н. э. у с. Плавни Ренийского района Одесской области (*Оанча*, 1989. С. 100–102). Однако, учитывая создаваемую новую понтийскую мифологию, в которой греки, активно используя местные варварские культурные традиции, привносили свое понимание исторического и религиозно-культурного развития этих земель, следует не сбрасывать со счетов и такой вариант, когда эти инновации находили отражение и в предметах материальной культуры, что нередко прослеживается в древнегреческом ремесле, изобразительном и ювелирном искусстве.

В моделях лука из Ольвии и Кинбурна, возможно, отражена и упомянутая нами понтийская легенда о Скифе, совладавшем с луком Геракла. В обоих случаях отсутствует обычная для варварского ареала стрела на тетиве. Вероятно, здесь прослеживается и некая последовательность в воспроизведении легенды. Модель лука из Ольвии вообще без тетивы могла отражать эпизод, когда Геракл по просьбе Ехидны оставил свой лук сыновьям Агафирсу, Гелону и Скифу. В модели из Гилеи уже присутствует тетива, символизирующая победу Скифа в состязании со своими старшими братьями.

Вероятно, именно в этих местах исторической Гилеи кроме игравших значительную роль в экономике Ольвийского полиса сырьевых промыслов находились и упоминаемые древними источниками священные рощи, святилища и алтари, точная территориальная идентификация которых в нынешнее время затруднительна и остается предметом последующих поисков. Хотя теоретически можно предположить, что они находились именно в этом предполагаемом районе, в устье Борисфена, по линии с севера на юг от храма Деметры на мысе Гипполая. Мыс Гипполая, большинством исследователей идентифицируемый как современный мыс Станислав (*Буйских*, 2013. С. 96, рис. 1, б), находится в устье правобережья Днепровского лимана при слиянии его с лиманом Бугским. Геродот сообщает о том, что там на узком участке суши между реками Борисфен и Гипанис было сооружено святилище Деметры, а за святилищем на берегу Гипаниса живут борисфениты (*Hdt.*, IV. 53). К сожалению, указанное Геродотом святилище до настоящего времени так же археологически не зафиксировано. Учитывая

подъем уровня лимана (процесс лиманообразования в низовьях рек Днепр и Южный Буг) за последние два тысячелетия, можно предположить, что данный памятник, как и затопленная часть самого Ольвийского городища, ныне находится под водой, и его поиски актуальны для подводных археологических исследований. Тем не менее следует отметить случайную находку бронзовой македонской монеты Филиппа в сакральной зоне святилища у мыса Станислав (*Былкова, Сикоза*, 2011. С. 74, рис. 3), которую в определенном контексте (учитывая упомянутый закон Каноба) можно рассматривать и в качестве дара в святилище Деметры от феоров с Западного Понта. Отметим и недавние батиметрические исследования глубин устья Днепровского лимана, в результате которых их авторы предположили, что мыс Гипполая, возможно, следует отождествлять не с мысом Станислав, а с современным мысом Бубликова (*Иевлев, Чубенко*, 2020. С. 64, 65), где зафиксированы поселения архаического и раннеклассического времени Бубликова балка-I и Александровка-I (*Крыжицкий и др.*, 1990. С. 11, рис. 4, 102, 103; С. 38, 39). В этом же районе находятся и поселения классического и раннеэллинистического времени (IV–III вв. до н. э.) — Бубликова балка, Пугач, Александровка-I–VIII (*Крыжицкий и др.*, 1990. С. 45, рис. 9, 132–141; С. 68–69). Учитывая карту глубин Днепровского лимана, приведенную М. М. Иевлевым и А. В. Чубенко, а также и ныне затопленные участки суши античного времени, такое предположение представляется достаточно реальным. Смущает лишь один из аргументов, приведенных авторами в пользу подтверждения своей гипотезы. Ссылаясь на сообщение Геродота, а также указывая расстояние от Ольвии до мыса Станислав в 23 км и от мыса Бубликова в 14,3 км, М. М. Иевлев и А. В. Чубенко вполне логично обращают внимание на то, что находясь в Ольвии, увидеть святилище Деметры на мысе Бубликова, а не на мысе Станислав, представляется наиболее вероятным (*Иевлев, Чубенко*, 2020. С. 64). Но дело в том, что Геродот никогда не писал о том, что находясь в Ольвии можно было каким-либо образом визуализировать святилище Деметры на мысе Гипполая, что неоднократно, по непонятным причинам, тиражировалось в научно-популярной и даже научной литературе, посвященной анализу его географических экскурсов. Геродот лишь, как нами отмечалось ранее, упоминал о том, что за святилищем Деметры на берегах

Гипаниса проживали борисфениты (Hdt., IV. 53). Тем не менее исходя из предполагаемой реконструкции суши между Бугом и Днепром, именно мыс Бубликова во времена Геродота, вероятнее всего, был тем самым тонким береговым клином, разделяющим Гипанис и Борисфен, что не исключает и возможное местонахождение святилища Деметры именно на нем.

В любом случае, как нам представляется, храм Деметры входил в единый сакральный комплекс Ольвийского полиса в устье Днепра, к которому относились и известные по источникам святилища, и алтари в Гилее. В свою очередь своим месторасположением они очерчивали территориальные границы государства со стороны востока и юго-востока.

- Азбунов, 1985 — Азбунов М. Г. Загадки Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985. 158 с.
- Браунд, 2020 — Браунд Д. К. Между Вифинией и Борисфеном: от ристалища Ахилла на Кальпе к прибытию Афродиты в Гилею // АВ. 2020. Вып. 29. С. 175–190.
- Брун, 1879 — Брун Ф. К. Черноморье // Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. Ч. 1. 277 с.
- Буйских, 2013 — Буйских С. Б. Мифо-географическое пространство Ольвийского полиса в VI–V вв. до н. э. // Древнее Причерноморье / Отв. ред. И. В. Немченко. Одесса: ФЛП А. С. Фридман, 2013. Вып. X. С. 94–99.
- Буйских, Островерхов, 1978 — Буйских С. Б., Островерхов А. С. Работы на Ягорлыцком поселении // АО 1977. М.: Наука, 1978. С. 304–305.
- Былкова, Сикоза, 2011 — Былкова В. П., Сикоза Д. Н. Клад македонских бронзовых монет с Кинбурнской косы // Древнее Причерноморье / Отв. ред. И. В. Немченко. Одесса: ФЛП А. С. Фридман, 2011. Вып. IX. С. 71–76.
- Виноградов, 1989 — Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Гаврилюк, Островерхов, 1982 — Гаврилюк Н. А., Островерхов А. С. Керамический комплекс Ягорлыцкого поселения // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР (Ужгород, апрель 1978). Ужгород: б. и., 1982. С. 63–64.
- Иевлев, 2014 — Иевлев М. М. Очерки античной палеоэкологии Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья. Киев: Издатель О. Филюк, 2014. 276 с.
- Иевлев, Чубенко, 2020 — Иевлев М. М., Чубенко А. В. Подводная археология античных и средневековых памятников северного побережья Черного и Азовского морей / Ред. П. П. Толочко. Киев: б. и., 2020. 144 с.
- Карышковский, 1993 — Карышковский П. О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. № 1. С. 73–96.
- Козуб, 1974 — Козуб Ю. И. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ: Наукова думка, 1974. 181 с.
- Коломієць і ін., 2008 — Коломієць Г. В., Деркач О. М., Петрович З. О., Паравіло М. М., Мовчан Я. І., Косиушин В. А., Титар В. М., Котенко Т. І., Некрасова О. Д., Мішта А. В., Пушкар Т. І. Довідник найцінніших природних територій Кінбурнського півострова в межах Миколаївської області / Під ред. Г. В. Коломієць, Я. І. Мовчана, Т. І. Котенко. Київ: Інститут зоології ім. І. І. Шмальгаузена НАН України, 2008. 96 с.
- Крыжицкий и др., 1989 — Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989. 240 с.
- Крыжицкий и др., 1990 — Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. 136 с.
- Кубланов, 1957 — Кубланов М. М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества (к истории формирования культов античного полиса) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 1. С. 222–231.
- Наумов, 1990 — Наумов В. И. Новые находки ольвийских монет у с. Васильевка на Кинбурнской косе // Проблемы археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. / Отв. ред. В. П. Былкова. Херсон: б. и., 1990. Ч. 3. С. 36–37.
- Оанча, 1989 — Оанча Е. С. Бронзовая модель скифского лука из Подунавья // Тез. докл. областной конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посв. 90-летию проф. Б. Н. Гракова. Запорожье: б. и., 1989. С. 100–102.
- Оленковский, 1977 — Оленковский Н. П. Работы Херсонского музея // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 374.
- Оленковская, Оленковский, 1978 — Оленковская М. И., Оленковский Н. П. Разведки на территории

- Херсонской области // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 364.
- Ольговський, 2021 — Ольговський С. Я. Нижньодніпровська Гілея античного часу // БОРИСФЕНІКА II: пам'яті В. В. Крутілова (археологічні дослідження острова Березань в контексті європейської історії. Миколаїв: б. и., 2021. С. 18–22.
- Островерхов, 1978 — Островерхов А. С. Экономические связи Ольвии, Березани, Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V в. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. / АН УССР, Ин-т археологии. Киев: б. и., 1978. 24 с.
- Островерхов, 1979 — Островерхов А. С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ. 1979. № 3. С. 113–126.
- Охотников, Островерхов, 1993 — Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев: Наукова думка, 1993. 140 с.
- Рубан, 1980 — Рубан В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1980. С. 104–114.
- Русяева, 1979 — Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев: Наукова думка, 1979. 172 с.
- Русяева, 1986 — Русяева А. С. Культура. Искусство. Религия // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1986. Т. 2. С. 504–560.
- Русяева, 1998 — Русяева А. С. Про дати життя Анахарсиса і вік мудреців // «Музейні читання». Матеріали між нар. наук. конф., присв. 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна. Київ, 1998. С. 29–36.
- Русяева, 2005 — Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев: Изд. дом «Стилос», 2005. 559 с.
- Русяева, Супруненко, 2003 — Русяева А. С., Супруненко А. Б. Исторические личности эллино-скифской эпохи. Киев; Комсомольск: Археология, 2003. 320 с.
- Скржинская, 2001 — Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алтейя, 2001. 304 с.
- Смирнов, 1964 — Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. 381 с.
- Снитко, 2012 — Снитко І. О. Ще раз про межі Ольвійського поліса // Археологія. Київ, 2012. № 4. С. 31–42.
- Снитко, 2021 — Снитко І. О. Роль Борисфена в сакральній історії Ольвійського полісу за античної доби // БОРИСФЕНІКА II: пам'яті В. В. Крутілова (археологічні дослідження острова Березань в контексті європейської історії. Миколаїв: б. и., 2021. С. 31–33.
- Снытко, 2019 — Снытко И. А. Еще раз об античных святилищах в контексте территориальных границ Ольвийского полиса // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: Материалы V междунар. науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 64–67.
- Снытко, 2020 — Снытко И. А. О находках иногородних монет эпохи классики и эллинизма на территории хоры Ольвийского полиса // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века): Материалы междунар. науч. конф. / Председатель редкол. В. А. Хршановский. СПб., 2020. Ч. 2. С. 277–282.
- Снытко, Бондаренко, 2019 — Снытко И. А., Бондаренко А. А. Монетные сегменты — весовые гирьки Ольвийского полиса IV–III вв. до н. э. // Tyragetia, Serie nouă, Vol. XIII [XXVIII]. Nr. 1. Arheologie. Istorie Antică. Chișinău: Muzeul national de Arheologie si Istorie a Moldovei, 2019. С. 363–371.
- Снытко и др., 2021 — Снытко И. А., Бондаренко А. А., Алексеев А. М. Новая ольвийская бронзовая монета V в. до н. э. из Гилеи // Стародавнє Причорномор'я / Голов. ред. І. В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова, 2021. Вип. XIII. С. 392–398.
- Тункина, 2002 — Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Яйленко, 2013 — Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М.: Onebook ru, 2013. 348 с.
- Яйленко, 2017 — Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.
- Яйленко, 2019 — Яйленко В. П. Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика Ольвийского гимна VI века к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ // БИ. Керчь: Керченская городская типография, 2019. Вып. XXXIX. С. 117–209.
- Dubois, 1996 — Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996. 208 p.
- Vinogradov, 1981 — Vinogradov J. G. Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 1981 (Xenia; Ht. I). 47 p.

Gyleya in the sacred history of the peoples of the Northern Black Sea region in the ancient era

I. A. Snytko, A. A. Bondarenko¹³

Keywords: Olbia, chora, lower Bug region, lower Dniپر region, Gyleya, sanctuary, sacred territory, altar.

The proposed article discusses the legendary area mentioned by Herodotus. Materials associated with Gyleya in the territorial, cultural and historical and archaeological aspects are given. Mentions on the ancient Greek sanctuaries in the Gyleyan with a chorometh, its novels about Hercules and Anacharsis, epigraphic and archaeological information are analyzed. New finds are considered from the specified region (Fig. 3; 4), and the analogies of them from Olbia and Scythian steppes are considered. The sanctuary and Altars of Mother of God, Hercules and Borys-thenes, about the existence of which are testifying to the ancient authors and epigraphic sources are mentioned. Data on the worship of Achilles and Apollo in this historical region are given. The attention is focused on the significance of the legendary area of the Gyleya, both for the Greeks of the Lower Bug region and for the barbaric tribes in the ancient era. It is assumed that in the VI–V cen. BC. the boundaries of the Greek and barbaric zones of control over the legendary region of Gilea were held between modern villages of fish and Ivanovka. Here, in Lake Rybalchansky, Pivniv and Ojigol (Fig. 2), in antiquity, one of the sleeves of the Dniپر river, separating the Kinburn peninsula from the mainland. This watershed may have been the very boundary — the southeastern border of the Olbian policy in archaic and early classical periods. It was in these places that the founding of the Kinburn Peninsula, to the east and southeast of the former watershed, are located mounded groups (Fig. 1), which Scythian tribes could perceive as the graves of their ancestors and protect these sacred territories from the penetration of alien cults, which affected in the legend about Anaharsis. In the same area, weanly from the dry sleeves of the Dniپر river, the Greek altars were also located, which may have been included in a single polis sacral complex with a Demeters church by the Hyppolai Cape mentioned by Herodot. These cult facilities labeled from the East — southeast territorial borders of the Olbian state as a sanctuary of *extra-urban*.

¹³ Ivan A. Snytko — Mykolaiv Museum of Local Lore; 29 Naberezhnaya ul., Mykolaiv, 54001, Ukraine; e-mail: maharadze_v@mail.ru. Andrey A. Bondarenko — Mykolaiv Organization of the Ukrainian Society for the Protection of Monuments; 42/23 12-ya Prodollnaya ul., Mykolaiv, 54028, Ukraine; e-mail: andrew.bondarenko.mk@gmail.com.

Погребальные сооружения на некрополе Артющенко-2¹

С. В. Кашаев²

Аннотация. Статья посвящена погребальным сооружениям грунтового некрополя Артющенко-2, расположенного в южной части Таманского полуострова. Некрополь функционировал в V–II вв. до н. э. В работе представлен анализ погребальных конструкций, выделены основные типы и варианты.

Ключевые слова: античность, Северное Причерноморье, Таманский полуостров, грунтовой некрополь, могила, обряд захоронения, погребальные сооружения.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-170-180

Грунтовой некрополь Артющенко-2 расположен в южной части Таманского полуострова на обрывистом берегу Черного моря к юго-востоку от поселка Артющенко (Кашаев, 2009. С. 188; 2019. С. 230). В ходе регулярных раскопок 2003–2021 гг. на некрополе была исследована площадь около 5500 кв. м, обнаружено 223 погребения, из которых 18 доследовано за современными грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Наиболее ранние из открытых захоронений датируются рубежом VI–V вв. до н. э. Большинство датируемых погребений совершены в промежутке примерно в сто лет, между началом V и началом IV в. до н. э., меньшая часть комплексов относится к III–II вв. до н. э. Поэтому мы полагаем, что некрополь функционировал в V–II вв. до н. э.

Все исследованные на некрополе захоронения заглублены в грунт, курганных насыпей или надмогильных холмиков не зафиксировано. В то же время с большой долей вероятности можно предположить, что в древности каждая могила была каким-то образом обозначена на местности:

холмиком, надгробием, алтариком или еще каким-либо способом. Такой вывод можно сделать, во-первых, на основании того, что случаи прорезания ранней могилы более поздним захоронением фиксируются крайне редко, известны 2–3 случая на 200 могил. Во-вторых, в пользу этого предположения свидетельствуют находки фрагментов надгробий, каменных и керамических алтарей, сделанных из частей амфор.

В ходе раскопок удалось зафиксировать несколько основных конструкций погребальных сооружений: простые грунтовые ямы без перекрытия, грунтовые ямы с деревянным, каменным или дерево-сырцовым перекрытием, сырцовые гробницы, подбойные погребения, захоронения младенцев в сосудах (амфорах). Кратко рассмотрим эти конструкции.

1. Простые грунтовые ямы. Тип I/1 по классификации, предложенной Н. И. Сударевым (Сударев, 2005. С. 12).

Яма могла быть подпрямоугольной или овальной в плане формы (рис. 1). В таких могилах отсутствовало перекрытие и, следовательно, не было свободного пространства над телом. В этом принципиальное отличие этого типа. Все остальные подразумевают создание некоторого замкнутого объема, в котором будут находиться останки (Там же. С. 12).

Не всегда представляется возможным определить, что могила не имела перекрытия. У ям без перекрытия наблюдаются две отличительные особенности. Первая — это не сдвинутые со своих мест кости и слегка «подогнутое», то есть

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kashaevs@mail.ru.

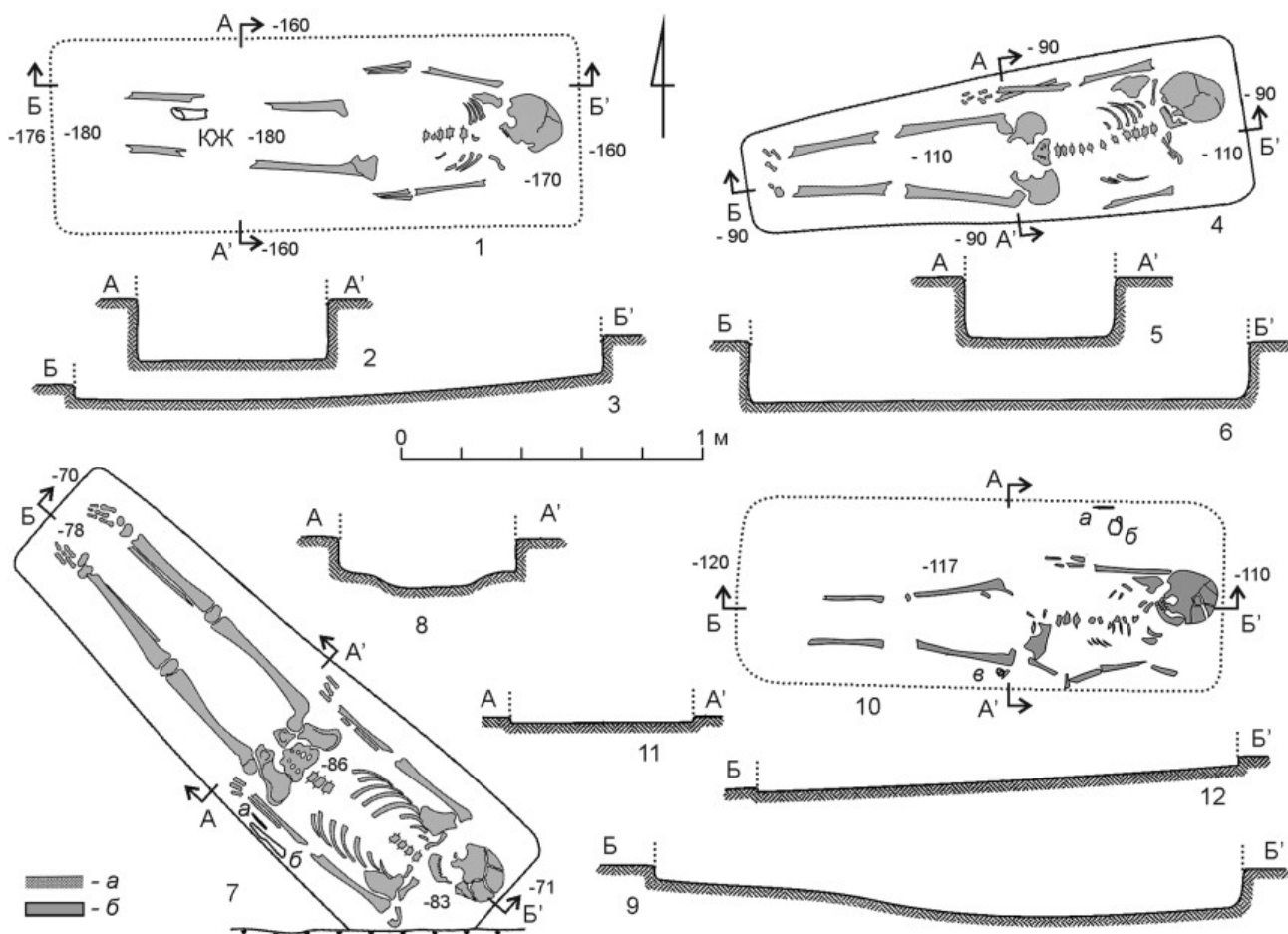


Рис. 1. Некрополь Артющенко-2. Погребения в ямах без перекрытия, планы и разрезы: 1–3 — погребение 15 (для 1: КЖ — фрагмент кости животного); 4–6 — погребение 19; 7–9 — погребение 22 (для 7: а — шило железное, б — нож железный); 10–12 — погребение 58 (для 10: а — игла бронзовая, б — кувшинчик, в — пряслице керамическое). Условные обозначения (рис. 1–4): а — материковый грунт; б — сырцовый кирпич

Fig. 1. Necropolis of Artyushchenko-2. Burials in earth graves without roofs, plans and sections: 1–3 — burial 15 (for 1: КЖ — fragment of an animal bone); 4–6 — burial 19; 7–9 — burial 22 (for 7: а — iron awl, б — iron knife); 10–12 — burial 58 (for 10: а — bronze needle, б — small jug, в — ceramic spindle whorl). Here and below, the keys are: а — virgin soil; б — mud bricks

прижатое к телу, положение черепа. Вторая — скорее всего, в этом случае могильная яма была относительно небольшого размера (узкой и короткой), и тело по длине немного не помещалось в нее. Эти особенности свидетельствуют о том, что тело сразу засыпалось землей и свободного пространства не оставалось.

Чаще всего такие погребения безынвентарны или малоинвентарны (содержащие один или два предмета). Погребенные ориентированы головой в восточном (северо-восток, восток) и южном (юг, юго-запад) направлениях. На основании датировки инвентарных погребений можно предположить, что первая группа может относиться к V в. до н. э., а вторая — к III–II вв. до н. э.

Простые грунтовые ямы без перекрытия зафиксированы в погребениях 15, 19, 22, 23, 26, 37, 42, 58, 73, 77, 79, 84, 95, 149 и других.

2. Грунтовые ямы с перекрытием. Такие могилы должны были иметь заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Сама яма могла быть подпрямоугольной или овальной в плане формы (рис. 2). Это типы I/4 и I/6 по классификации Н. И. Сударева, то есть могилы с заплечиками по длинной стороне или по всему периметру (Сударев, 2005. С. 12, 13). В могилах такой конструкции имелось небольшое свободное пространство над телом, что приводило к тому, что после разложения мягких тканей некоторые кости скелета оказывались сдвинуты. Это происходило в силу

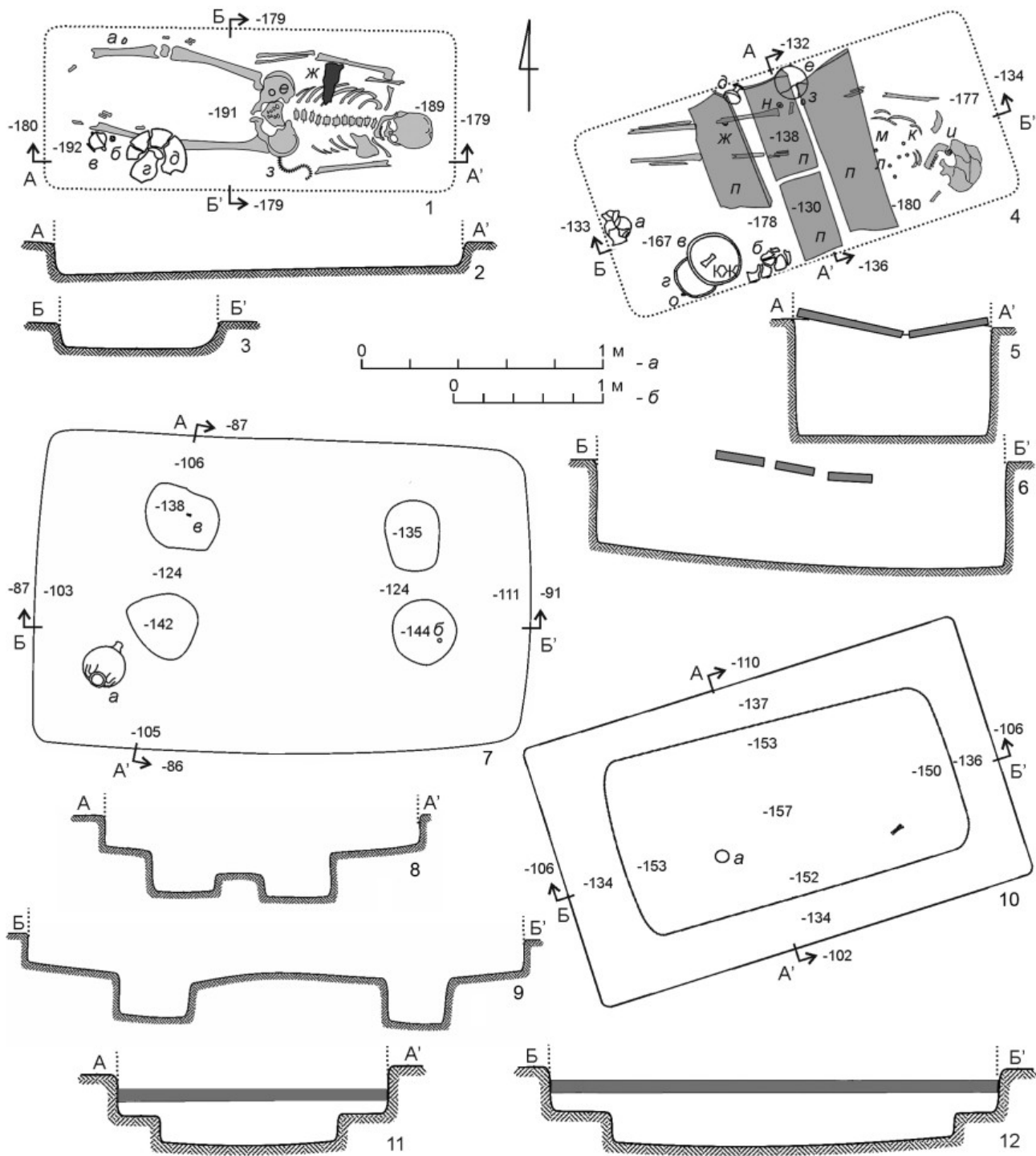


Рис. 2. Некрополь Артющенко-2. Погребения в ямах с перекрытием, планы и разрезы: 1-3 — погребение 17 (для 1: а — пряслице коническое, б — пряслице биконическое, в — гидрия миниатюрная, г — ойнохоя красноглиняная, д — миска лепная, е — колечко бронзовое, ж — доска обугленная, з — скелет змеи); 4-6 — погребение 137 (для 4: а — ойнохоя красноглиняная, б — кувшин красноглиняный, в, г — миски красноглиняные, д — чаша на ножке красноглиняная, е — зеркало бронзовое, ж — перстень бронзовый № 1, з — перстень бронзовый № 2, и — подвеска спиральная бронзовая, к — бусины гагатовые, л — бусины серебряные, м — бусина пастовая, н — пряслице керамическое, о — пряслице свинцовое, п — камни перекрытия, КЖ — кость животного); 7-9 — погребение Г8 (для 7: а — протофаласская амфора, б — перстень серебряный, в — ворворка бронзовая); 10-12 — погребение Г18 (для 10: а — отпечаток дна сосуда). Масштаб: а — для 1-6; б — для 7-12

разных причин: деятельности грызунов и землеройных животных, процессов разложения, обрушения свода, проседания и подвижки грунта. Одним из наиболее ярких признаков подобных захоронений является «открытый рот» у скелета. Таким образом, если не удалось зафиксировать наличие заплечиков, то их наличие можно установить по косвенным признакам.

Как отмечает Н. И. Сударев, материал перекрытия «не нес идеологической нагрузки», скорее важен был сам факт наличия перекрытия и создания замкнутого пространства, погребального помещения. Различия в выборе материала перекрытия объясняются доступностью тех или иных материалов при организации похорон (Сударев, 2005. С. 13).

Зафиксировать наличие заплечиков достаточно трудно из-за сложности и однородности грунта. Наиболее ярким примером ямы с заплечиками в некрополе Артющенко-2 является погребение Г18 (рис. 2, 10–12); в качестве примеров можно привести погребения 98 и 101, а также 17, 137, Г8 (рис. 2, 1–9).

Ориентация у погребенных в ямах с перекрытием, как правило, головой в восточном (северо-восток, восток) направлении. Инвентарь в таких погребениях чаще всего разнообразный и представлен различными категориями находок.

К грунтовым ямам с перекрытием относятся, например, погребения 3, 6, 9–14, 16, 17, 20, 31, 43, 48–52, 54, 55, 57, 59, 61, 70, 71, 75, 78, 81–83 и др.

Этот тип погребений по материалу перекрытия можно разделить на три варианта.

1. Грунтовые ямы с деревянным перекрытием. Перекрытие, скорее всего, было из дерева (досок) и не сохранилось. Вероятно, большинство ям с заплечиками относится именно к этому варианту. В ходе раскопок иногда удавалось обнаружить следы досок или древесного тлена. Например, в погребении 17 был найден фрагмент обгорелой доски (рис. 2, 1).

2. Грунтовые ямы с комбинированным, деревянным и сырцовым, перекрытием. Эта конструкция очень близка предыдущему варианту:

отличие заключалось в том, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей из одного или нескольких рядов (например, погребения 43, 102, Г18) (рис. 2, 10–12).

3. Грунтовые ямы с каменным перекрытием. В этом случае для перекрытия могилы использовались плоские необработанные плиты.

Часто каменных плит не хватало, чтобы сделать перекрытие на всю длину могилы, и тогда его могли дополнять деревом. Такое перекрытие, например, имели погребения 137 и 193. В обоих случаях плоские необработанные каменные плиты лишь частично перекрывают могильную яму по длине. В той или иной степени плиты просели в яму при обрушении перекрытия.

В погребении 137 в центральной части могильной ямы лежали три плоские необработанные плиты. Комплекс датируется второй четвертью V в. до н. э. (рис. 2, 4–6).

Одним из необычных примеров этой группы является конструкция погребения Г8. Погребение было совершено в большой (3,3 × 2,1 м) могильной яме. На ее плоском дне устроены четыре округлых углубления, в которые устанавливались ножки деревянного саркофага или, что менее вероятно, погребального ложа. Контуры могильной ямы в придонной части четко прослеживались. Скорее всего, это указывает на заполнение ее затёчным грунтом, что могло случиться только при наличии перекрытия (рис. 2, 7–9).

Грунтовые ямы с перекрытием (с заплечиками) и без перекрытия составляют около 75 % от общего числа исследованных погребений. Как уже отмечалось, не всегда возможно определить, имела ли могила перекрытие. Иногда об этом можно судить лишь по косвенным признакам. По предварительной оценке соотношение погребений без перекрытия и с перекрытием составляет примерно 1 : 3. При этом существует группа, в которой невозможно определить наличие или отсутствие перекрытия. По численности она примерно равна количеству могил без перекрытия. В этом случае соотношение получается

Fig. 2. Necropolis of Artyushchenko-2. Burials in graves with a covering, plans and sections: 1–3 — burial 17 (for 1: *a* — conical spindle whorl, *б* — biconical spindle whorl, *в* — miniature hydria, *г* — redware oinochoe, *д* — handmade bowl, *е* — small bronze ring, *ж* — charred board, *з* — snake's skeleton); 4–6 — burial 137 (for 4: *a* — redware oinochoe, *б* — redware jug, *в*, *г* — redware bowls, *д* — redware bowl on a stem, *е* — bronze mirror, *ж* — bronze signet ring № 1, *з* — bronze signet ring № 2, *и* — bronze spiral pendant, *к* — jet beads, *л* — silver beads, *м* — glass paste bead, *н* — ceramic spindle whorl, *о* — lead spindle whorl, *п* — stones of the roofing, *КЖ* — animal bone); 7–9 — burial Г8 (for 7: *a* — proto-Thasian amphora, *б* — silver signet rings); 10–12 — burial Г18 (for 10: *a* — imprint of the bottom of the vessel). Scale: *a* — to 1–6; *б* — to 7–12

следующее: 1/5 — ямы без перекрытия, 3/5 — с перекрытием, 1/5 — неопределимые. По мере подсчета предложенное соотношение может немного измениться, но как представляется, не кардинальным образом.

3. Сырцовые склепы (или ящики). Такие склепы являются наиболее сложными и интересными погребальными сооружениями. Открытые на некрополе Артющенко-2 сырцовые склепы конструктивно очень близки, они имеют прямоугольную в плане камеру и относятся к типу IV/2 по Н. И. Судареву (Сударев, 2005. С. 14). Все они ориентированы по линии запад–восток, иногда с небольшим отклонением к северу. Инвентарь в сырцовых гробницах, как правило, многочисленный и представлен различными категориями находок. Всего нами обнаружено более 20 таких гробниц (погребения 7, 21, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 40, 44, 45, 47, 64–67, 69, Г3, Г10, Г12, Г13), хронологически они относятся к раннему периоду функционирования могильника — V–IV вв. до н. э. (рис. 3). От общего числа исследованных погребений сырцовые гробницы составляют почти 10 %.

Во всех склепах захоронения совершены по обряду труположения. Следует отметить, что, как правило, в склепах сохранность костей лучше, чем в грунтовых могилах. Примечательно, что единственный совершенно целый череп найден в погребении 45. Единственный встреченный на некрополе случай кремации обнаружен нами в одном из склепов (погребение 47). Следов горения в склепе не наблюдалось, поэтому кремация, скорее всего, была совершена на стороне. Затем не полностью сгоревшие останки на погребальном ложе (носилках) были перенесены в могилу.

Для строительства сырцовых склепов в материковом суглинке выкапывали котлован немного большего размера, чем сама гробница. В силу особенностей грунта на памятнике контуры и размеры котлована прослеживаются очень редко³.

В котловане из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепа, затем делали перекрытие. После завершения строительства пространство между стенками котлована и склепа, если оно оставалось, засыпали грунтом. Конструкции стен, полов и перекрытия склепов, по-видимому, имели несколько вариантов исполнения.

Стенки склепов сохраняются и фиксируются лучше всего; удалось проследить различные виды кладки. В первом случае кирпичи клали вдоль длинных стен горизонтально, а вдоль коротких стен ставили вертикально на ребро (погребения 25, 27, 28, 34). Во втором — кирпичи вдоль всех стен ставили вертикально (погребение 24). В третьем — кирпичи вдоль всех стен клали горизонтально (погребения 7, 32, 40, 45, 47).

Полы склепов могли быть полностью земляными и совершенно ровными (погребения 32, 34) или с углублениями (погребения 40, 44, 45, 64). Тогда все необходимые канавки, например под ножки ложа или инвентарь, выкапывали в материковом грунте. Иногда пол частично выкладывали сырцовыми кирпичами, создавая таким образом основание для помещения на него тела (погребения 24, 25, 27, 28). Оставшаяся непокрытой часть пола образовывала канавку вдоль южной стенки склепа. Она использовалась для помещения в нее инвентаря.

Перекрытие склепов не сохранилось, но можно предположить, что оно было двух видов. Первый — сырцовые стены перекрывали горизонтальным настилом из дерева (досок, брусьев), поверх настила выкладывали слой кирпичей, формируя крышу склепа. Судя по объему сырца в заполнении, перекрытие состояло не менее чем из двух рядов кирпича. Такой вид перекрытия, скорее всего, был наиболее распространен. Фрагменты древесного тлена от перекрытия иногда фиксировались при разборке заполнения (погребения 21, Г10).

Второй — некое подобие «полуциркульного» свода склепа, сложенного из кирпичей. На возможность такой конструкции могут указывать продольные стены, сложенные с наклоном внутрь камеры склепа. Такая особенность была зафиксирована в погребении 69 (рис. 3, 1–3) и, возможно, в погребении 64.

Попытаемся выделить наиболее устойчивые типы склепов. Каждый склеп состоит из сочетания ряда конструктивных элементов, таких, как размер и вид кладки стен, вариант пола, ямки и канавки. Набор элементов конструкции у разных склепов совпадает нечасто. Таким образом получается, что практически каждый склеп индивидуален.

Наиболее устойчивыми являются четыре варианта конструкции сырцовых гробниц:

1) все стены состоят из плоско уложенных кирпичей, пол ровный грунтовый без покрытия, канавок нет (погребения 69, 76, Г3, Г13) (рис. 3, 1–3; 4, 1–3);

³ При работах на некрополе поселения Виноградный-7 такой котлован хорошо фиксировался в погребении 32 (2015) (Сударев, Кашаев, 2018. С. 478).

2) все стены из плоско уложенных кирпичей, пол грунтовый без покрытия, в ногах и в головах прямоугольные в плане канавки для установки ножек ложа (погребения 40, 45, 64, 65, Г12) (рис. 3, 4–6);

3) все стены из плоско уложенных кирпичей, центральная часть пола покрыта слоем кирпича таким образом, что в ногах и в головах образуются канавки для установки ножек ложа, а вдоль южной стенки — канавка для инвентаря (погребения 21, Г10) (рис. 3, 7–9);

4) длинные стены из плоско уложенных кирпичей, короткие — из вертикально поставленных, пол покрыт слоем кирпичей, вдоль южной стенки кирпичей нет, и таким образом создана канавка для установки инвентаря (погребения 25, 27, 28) (рис. 3, 10–12).

С одной стороны, в предложенной схеме наблюдается развитие конструкции склепов от простого варианта (первого) к более сложному (третьему). Далее снова идет упрощение конструкции (четвертый вариант). С другой стороны, как представляется, существует хронологическое деление. Первый и второй варианты характерны для первой половины V в. до н. э., третий и четвертый — для второй половины V — начала IV в. до н. э.

Иногда в конструкциях перекрытий склепов присутствовал слой камки (погребения 47, Г13). Судя по ее фрагментам, обнаруженным в заполнении, можно сказать, что камка выкладывалась поверх сырцового перекрытия.

Сырцовые кирпичи изготавливались на месте. Они формовались с применением различных доступных наполнителей и примесей. Наиболее часто встречаются кирпичи трех цветовых оттенков⁴. Преобладание материкового суглинка, глины белоглазки давало коричневый или темно-коричневый оттенок готового кирпича. Такой вид кирпича наиболее сложно читается в процессе раскопок. Также встречены кирпичи синеватого оттенка. В этом случае использовалась голубая глина, выходы которой имеются на артющенских обрывах и на берегу моря. Третий вид кирпичей имеет зеленоватый оттенок, для их изготовления применялся навоз или солома. Многократно было замечено, что в кладке одного склепа могли

использоваться кирпичи разного оттенка, и, соответственно, с разными наполнителями.

Размер кирпичей, использованных для строительства склепов, примерно 40 × 40 см, толщина — 8–10 см. Исходя из этих параметров логично было бы предположить, что размеры сырцовых конструкций должны быть кратны 40 см. Однако сведя размеры всех известных склепов в одну таблицу, удалось установить, что это предположение верно лишь в редких случаях (табл. 1). По-видимому, строители склепов не ставили задачу помещать в кладку только целые кирпичи, а могли использовать их части и другие доступные материалы. Это также подтверждается использованием кирпичей с разным наполнителем.

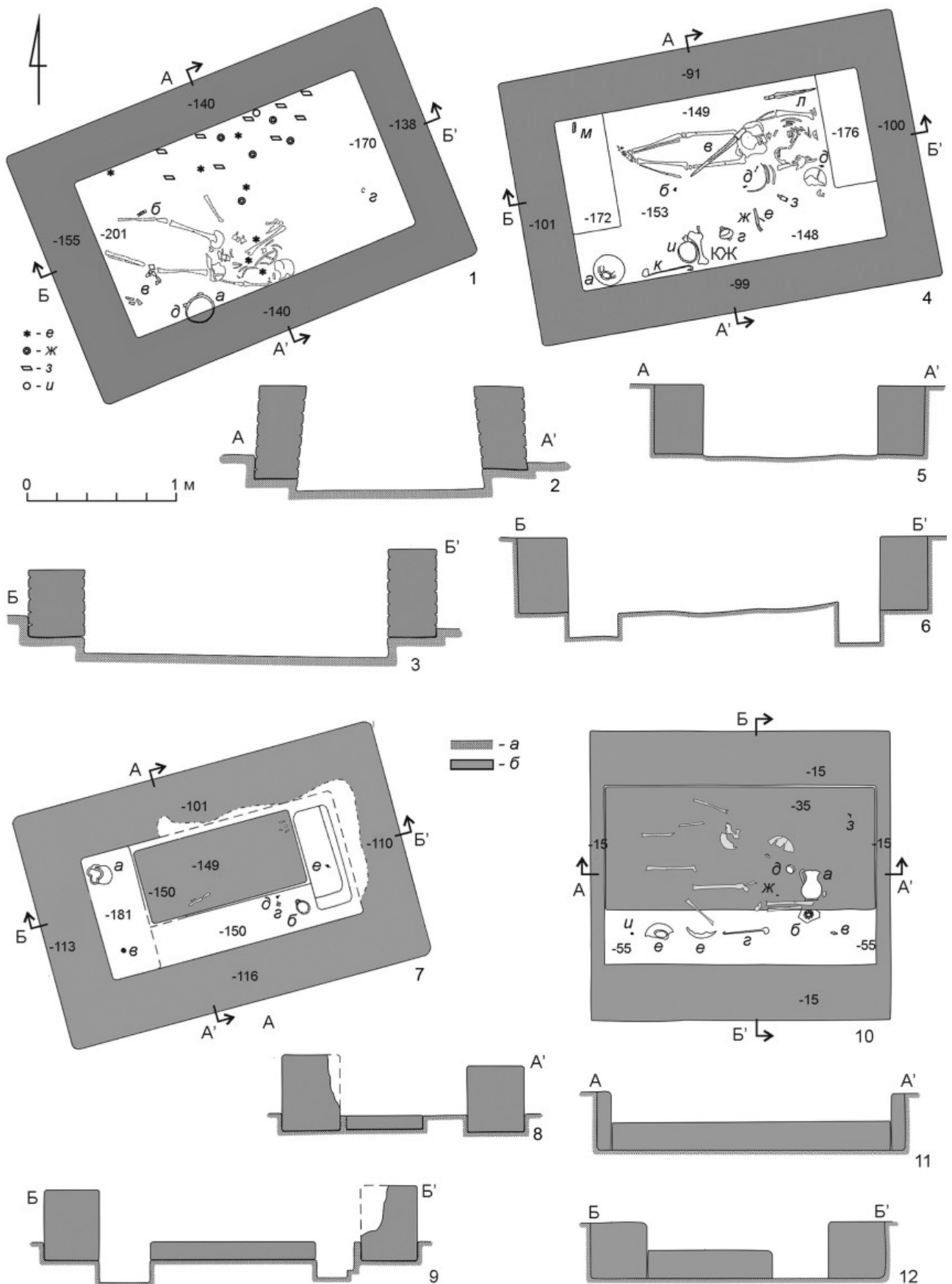
Таблица 1. Внешние размеры сырцовых склепов, распределение на группы по ширине

Table 1. External dimensions of the mud-brick cists, distribution by groups according to their width

№ погр.	Размер сырцовой кладки, см			Кол-во скелетов
	Ширина	Длина	Высота	
7	?	350	40	?
34	155	185	20	1
24	155	245	40	2
44	155	255	20	2
67	160	220	20	1
Г10	175	270	50	1
66	190	240	20	1
40	190	290	50	1
65	190	290	40	1
69	190	290	70	1
64	190	300	80	1
45	200	290	40	1
27	210	220	40	2
47	210	290	40	1
28	220	230	20	3
25	220	250	30	3
Г13	220	280	50	1
Г12	220	290	40	1
Г3	225	295	20	?
32	230	305	60	2

При расчистке сырцовой кладки ряды кирпичей фиксируются по слоям белой промазки между ними. В разных случаях удавалось проследить от двух-трех до семи-восьми рядов кирпичей. Соответственно высота сырцовых стенок могла быть от 20–30 до 70–80 см. Чаще всего она составляет примерно 40–50 см.

⁴ На некрополе поселения Виноградный-7 были встречены кирпичи, в которых в качестве наполнителя использовался железняк. В этом случае кирпичи приобретали ярко-коричневый оттенок (Сударев, Кашаев, 2018. С. 478).



При этом надо учесть, что сырцовая кладка иногда составляла только верхнюю часть стенки склепа. Нижняя ее часть могла быть образована материковым суглинком (погребение Г3). Возможно, это один из способов экономии кирпича.

Из табл. 1 видно, что ширина склепов варьируется от 155–160 до 220–230 см, длина — от 185–250 до 280–305 см. Самые маленькие размеры у склепа в погребении 34 (155 × 185 см), а самые большие — в погребении 32 (230 × 305 см). Максимальная длина склепа зафиксирована в погребении 7 (350 см), но так как этот комплекс разрушен абразией и конструкция его не совсем понятна, то мы учитываем его условно (для статистики). Как правило, склепы для двух-трех погребенных имеют большие размеры, чем склепы, предназначенные для одного. Исходя из этого, примем ширину склепа за главный критерий, который определял размеры всей конструкции. Выстроив склепы в порядке возрастания ширины (и длины), получаем три условные группы:

1) небольшие склепы, ширина 155–175 см, длина 185–270 см (например погребение Г10; рис. 3, 7–9).

2) средние склепы, ширина 190–210 см, длина 220–300 см (например, погребения 69, 40, 27; рис. 3, 1–6, 10–12).

3) большие склепы, ширина 220–230 см, длина 230–305 см.

В небольших склепах хоронили одного, реже двух человек. Например, погребение 44 содержало захоронение двоих детей. В средние по величине склепы, как правило, помещали одного умершего. В большие — чаще всего двух или трех человек, реже одного.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что наиболее часто встречаются средние по размерам склепы, рассчитанные на одного человека, параметрами 190–200 × 290–300 см при высоте кладки минимум 40–50 см. Такой размер можно условно считать неким распространенным стандартом, который брали за основу. При этом, конечно, в каждом конкретном случае размеры гробницы были индивидуальны.

4. Подбойные погребения. Они относятся к типу VI (Сударев, 2005. С. 14). В ходе раскопок нами обнаружено девять подбойных могил (погребения 76, 141, 153, 171, 173, 186, 187, 194, 198), хронологически они относятся к позднему периоду функционирования могильника — III–II вв. до н. э.

Погребения в подбойных могилах имеют различную ориентацию (рис. 4). Четыре из них ориентированы головой в восточном направлении (восток и северо-восток), два — в южном (юго-восток), одно — на север.

Открытые на некрополе подбойные могилы конструктивно однообразны. Они представляют собой подпрямоугольную в плане входную могильную

Рис. 3. Некрополь Артющенко-2. Погребения в сырцовых склепах, планы и разрезы: 1–3 — погребение 69 (для 1: *a* — миска красноглиняная, *b* — накладка костяная, *v* — ойнохоя сероглиняная, *z* — «серьга» (подвеска) серебряная, *d* — шило железное (?), *e* — бусины-подвески золотые, *ж* — бусины пастовые, *з* — фрагменты инкрустации из кости, *и* — бусина гагатовая); 4–6 — погребение 40 (для 4: *a* — амфора протофасосская, *b* — ворворка бронзовая, *v* — меч железный, *z* — килик чернолаковый, *d* — наконечник стрелы железный, *e* — игла бронзовая, *ж* — нож железный, *з* — лекиф чернолаковый, *и* — чаша на ножке чернолаковая, *к* — киаф (черпак для вина) бронзовый, *л* — наконечник копья железный, *м* — вток копья железный, *КЖ* — кости животного); 7–9 — погребение Г10 (для 7: *a* — ойнохоя красноглиняная, *b* — мисочка с ручкой, *v* — пряслице свинцовое, *z* — кольцо бронзовое, *d* — перстень бронзовый № 1, *e* — перстень бронзовый № 2); 10–12 — погребение 27 (для 10: *a* — ойнохоя красноглиняная, *b* — килик чернолаковый, *v* — амфориск чернолаковый, *z* — киаф бронзовый, *d* — солонка чернолаковая, *e* — миска красноглиняная, *ж* — ворворка бронзовая, *з* — спиральная подвеска бронзовая, *и* — кусок пемзы)

Fig. 3. Necropolis of Artyushchenko-2. Burials in mud-brick cists, plans and sections: 1–3 — burial 69 (for 1: *a* — redware bowl, *b* — bone mount, *v* — grey-ware oinochoe, *z* — silver “earring” (pendant), *d* — iron awl (?), *e* — gold pendant beads, *ж* — paste beads, *з* — fragments of bone inlaid work, *и* — jet bead); 4–6 — burial 40 (for 4: *a* — proto-Thasian amphorae, *b* — bridle strap bronze ornament, *v* — iron sword, *z* — black-glossed kylix, *d* — iron arrowheads, *e* — bronze needle, *ж* — iron knife, *з* — black-glossed lekythos, *и* — black-glossed bowl on a stem, *к* — bronze kyathos (wine ladle), *л* — iron spearhead, *м* — iron spear butt, *КЖ* — animal bones); 7–9 — burial Г10 (for 7: *a* — redware oinochoe, *b* — small bowl with a handle, *v* — lead spindle whorl, *z* — bronze ring, *d* — bronze signet-ring № 1, *e* — bronze signet-ring № 2); 10–12 — burial 27 (for 10: *a* — redware oinochoe, *b* — black-glossed kylix, *v* — black-glossed amphoriskos, *z* — bronze kyathos, *d* — black-glossed saltcellar, *e* — redware bowl, *ж* — bridle strap bronze ornament, *з* — bronze spiral pendant, *и* — piece of pumice)

яму, в придонной части которой устроен подбой. Контуры входной ямы практически не фиксируются. Подбой выкапывали с левой стороны входной ямы, если ориентироваться на положение головы захороненного. Контуры подбоя прослеживаются плохо. Наличие подбоя создавало свободное пространство — погребальную камеру.

Для этого типа погребального сооружения в зависимости от материала, которым закладывали подбой, можно выделить три варианта. Первый: использовали поставленные вертикально в один ряд сырцовые кирпичи (погребения 76, 141) (рис. 4, 1–6). Иногда делали широкую стенку заклада, и кирпичи ставили в два ряда (погребение 171) (рис. 4, 7–9). Второй: комбинированный каменно-сырцовый заклад, когда часть подбоя была заложена необработанной каменной плитой. Такой вариант встречен один раз (погребение 153) (рис. 4, 10–12). Третий был прослежен только один раз в захоронении младенца, где заклад был сделан из крупных стенок амфор (погребение 186). Можно предположить, что для заклада могли использовать и дерево, но пока такие случаи не зафиксированы.

Как и в сырцовых гробницах, для сооружения заклада использовались целые кирпичи или их крупные куски. Наиболее часто встречаются кирпичи темно-коричневого и зеленоватого цветов.

Как уже отмечалось, подбойные могилы относятся к позднему периоду функционирования могильника. По сравнению с захоронениями V–IV вв. до н. э. количество и разнообразие погребального инвентаря в них значительно уменьшилось. Чаще всего он представлен одним-тремя предметами. В некоторых подбойных могилах инвентарь вообще не обнаружен: его не было либо же он не сохранился. Это могло быть связано как со сменой или обеднением населения, так и с трансформацией погребального обряда.

Во многих случаях из-за немногочисленности инвентаря точная датировка подбойных могил затруднительна. Приходится давать либо приблизительную, либо очень широкую дату.

Обнаруженные в таких погребениях монеты, как правило, сильно потерты. Вероятно, они находились в обращении в течение достаточно длительного времени. Поэтому датировку погребений на основании этих монет можно считать приблизительной.

И фактическое количество, и процентное соотношение подбойных могил с общим количеством исследованных комплексов невелико.

От общего числа погребений подбойные могилы составляют около 4 %.

5. Захоронения младенцев в амфорах (или крупных сосудах). В таких случаях, скорее всего, не сооружали перекрытие, так как погребальной камерой служила сама амфора. Сооружать еще одно перекрытие могилы не имело смысла.

В некрополе обнаружено 14 детских погребений в амфорах или крупных сосудах (погребение 53, 72, 97, 99, 100, 105, 111, 114, 118, 120, 139, 181, Г7, Г16). Это составляет около 6 % от общего числа исследованных погребений.

В большинстве случаев захоронения совершены в почти целых амфорах или крупных по размеру фрагментах тулова (погребения 53, 97, 99, 100, 114, 120, 139, Г7). Иногда для захоронения были использованы крупные стенки амфор без профильных частей (погребения 72, 105, 111, 118). Крайне редко вместо амфор были использованы другие сосуды (погребение 181).

Данные по амфорам из детских погребений сведены в табл. 2. Отметим, что половина сосудов относится к V–IV вв. до н. э., вторая половина приходится на III–II вв. до н. э.

Таблица 2. Амфоры из детских погребений
Table 2. Amphorae of babies' burials

№ погр.	Амфора, тип	Дата, в. до н.э.
53	Хиосская пухлогорлая	1-я половина V
111	Хиосская пухлогорлая	V
72	Пипаретская	1-я половина IV
Г7	Пипаретская	1-я половина IV
97	Хиосская колпачковая	IV
105	Хиосская колпачковая	IV
99	Косская	III–II
118	Косская	III–I
100	Родосская	1-я половина II
114	Родосская	1-я половина II
139	Синопская	2-я половина II
120	Косская (?)	II (?)

6. Так называемые кенотафы. Это такие погребения, где было обнаружено небольшое количество инвентаря (1–3 предмета), но не было костных останков. Про их конструктивные особенности сказать что-либо сложно, так как пятна, контуры и какие-либо конструктивные детали не читались. Скорее всего, это были простые грунтовые ямы. В данном случае они важны лишь для подсчета статистических данных. К «кенотафам»

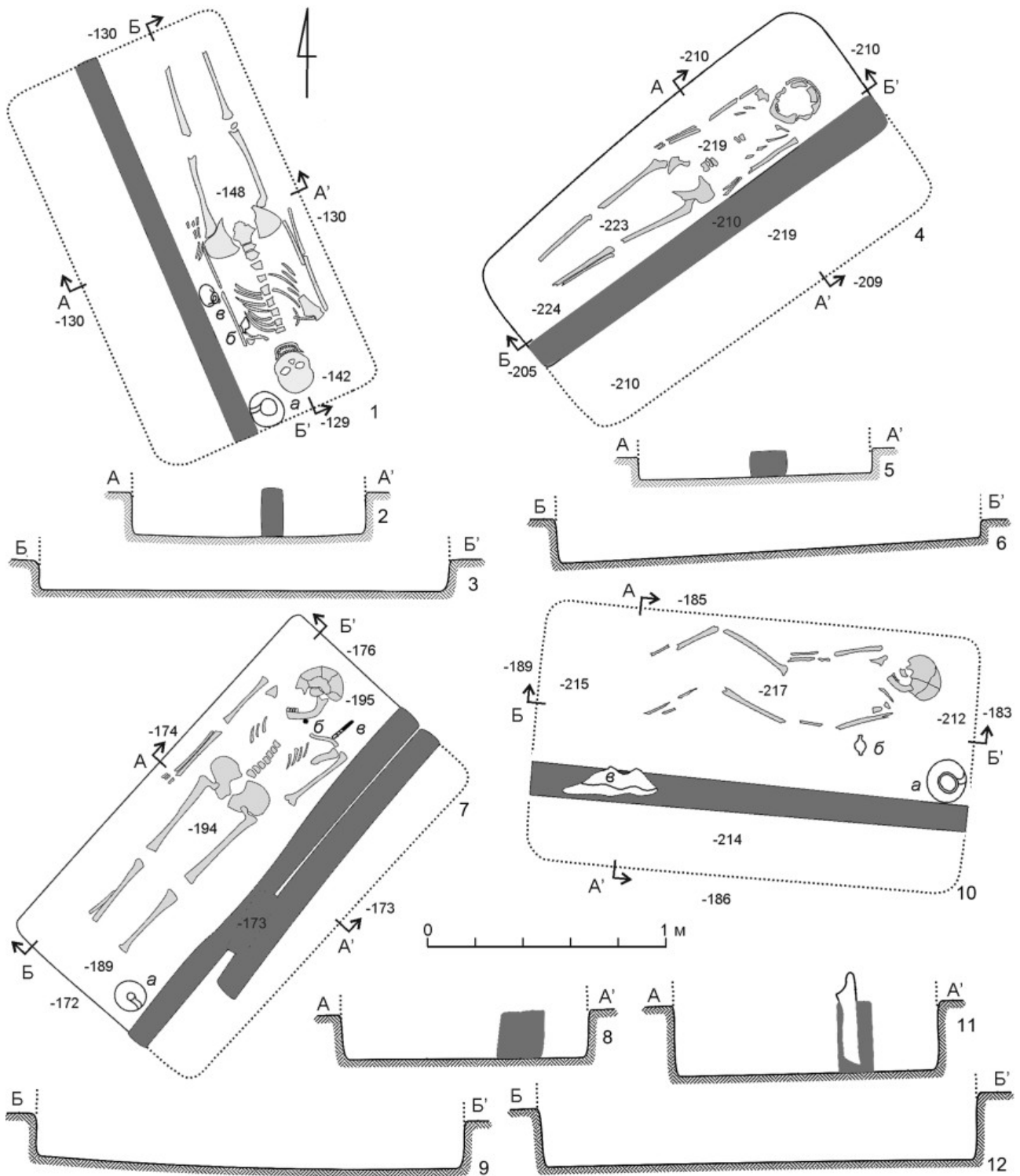


Рис. 4. Некрополь Артющенко-2. Подбойные погребения, планы и разрезы: 1-3 — погребение 76 (для 1: а — кувшин красноглиняный, б — унгентарий красноглиняный, в — ольпа красноглиняная); 4-6 — погребение 141; 7-9 — погребение 171 (для 7: а — кувшин красноглиняный, б — монета бронзовая, в — нож железный); 10-12 — погребение 153 (для 10: а — кувшин красноглиняный, б — унгентарий красноглиняный, в — камень)

Fig. 4. Necropolis of Artyushchenko-2. Niche graves, plans and sections: 1-3 — burial 76 (for 1: a — redware jug, б — redware unguentarium, в — redware olpe); 4-6 — burial 141; 7-9 — burial 171 (for 7: a — redware jug, б — bronze coin, в — iron knife); 10-12 — burial 153 (for 10: a — redware jug, б — redware unguentarium, в — stone)

относятся 12 комплексов, что составляет 5 % от общего числа погребений.

Подводя итог, можно еще раз отметить, что при раскопках некрополя Артющенко-2 были зафиксированы такие погребальные сооружения, как простые грунтовые ямы без перекрытия, грунтовые ямы с перекрытием, сырцовые гробницы, подбойные погребения, захоронения младенцев в амфорах (сосудах). Все они характерны для боспорских некрополей (Сударев, 2005. С. 12–15). Не встречены такие погребальные сооружения, как черепичные гробницы и грунтовые склепы (типы IV/3 и VII (Там же. С. 14)). Проведенный анализ показал, что самым распространенным

типом погребальных сооружений являются грунтовые ямы (с перекрытием и без перекрытия) — около 75 % от общего числа погребений, которые распределяются следующим образом: 15 % — ямы без перекрытия, 45 % — ямы с перекрытием, 15 % — неопределимые. На втором месте по численности находятся сырцовые гробницы, они составляют 10 %. Подбойные погребения составляют 4 %, захоронения младенцев в амфорах — 6 %, еще около 5 % — «кенотафы». Таким образом, можно утверждать, что на некрополе Артющенко-2 грунтовые ямы с перекрытием являются самым распространенным типом погребального сооружения.

Кашаев, 2009 — Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2009 (БИ; Т. XXII). С. 188–267.

Кашаев, 2019 — Кашаев С. В. Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V–II вв. до н. э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии): Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 230–254.

Сударев, 2005 — Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии РАН. М., 2005. 26 с.

Сударев, Кашаев, 2018 — Сударев Н. И., Кашаев С. В. Традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь; Симферополь: Соло-Рич, 2018. С. 476–484.

Burial installations at the necropolis of Artyushchenko-2

S. V. Kashaev⁵

Keywords: Classical period, Northern Black Sea region, Taman Peninsula, flat grave necropolis, grave, burial rite, burial installations.

The flat grave necropolis of Artyushchenko-2 is situated in the southern part of the Taman peninsula. In the course of regular excavations in 2003–2021, an area of ca 5,500 sq m has been investigated, 223 burials have been discovered of which 18 were excavated to completion after modern clandestine diggers. The earliest interments found are dated to the turn of the 6th–5th cen. BC, the younger ones were made in the 3rd–2nd cen. BC. Generally, the necropolis is dated to the 5th–2nd cen. BC. The excavations succeeded to record funerary installations of differing major constructions: plain earthen graves without a covering (Fig. 1), fossae with a wooden stone or wood-and-adobe roofs (Fig. 2), adobe cists (tombs) (Fig. 3), niche graves (Fig. 4), baby burials in vessels (amphorae). All these types are typical of Bosporan necropoleis.

The commonest type of burial installations is that of earth graves (with a covering or without it) — about 75 % of the total number of burials (of these, 15 % are graves without roofs, 45 % — fossae with a covering, and 15 % are unclear structures). The adobe tombs are second in number (10 %). The ratio of the niche burials is 4 %, that of the burials of babies in amphorae is 6 %, and “cenotaphs” amount to 5 %.

⁵ Sergei V. Kashaev — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: kashaevs@mail.ru.

Митиленские следы в монетном деле Боспора Киммерийского¹

А. Е. Терещенко, В. А. Горончаровский²

Аннотация. В представленной статье отмечается сходство многих сюжетов и отдельных персонажей, изображенных на монетах Феодосии, Нимфея, Пантикапея и Синдики с чеканкой лесбосской Митилены, что подразумевает весьма тесную культурно-экономическую и политическую связь этого полиса с Боспором Киммерийским.

Ключевые слова: Боспор, Митилена, монетная чеканка, боспорские полисы, монетные сюжеты.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-18-186

Уже достаточно давно исследователи отмечали удивительное сходство ранней чеканки лесбосской Митилены и некоторых боспорских полисов в отношении композиции, отдельных персонажей и даже монетных сюжетов в целом. Так, в 2001 г. на IX Всероссийской нумизматической конференции Ю. Г. Виноградов и А. А. Молчанов указали на полную сюжетную идентичность нимфейских монет с легендой ΣΑΜΜΑ и одного из монетных типов Митилены (Виноградов, Молчанов, 2001. С. 17 — см. рис. I, 13 и 11А, 12А)³. Тогда же О. Н. Мельников обратил внимание на практически абсолютную тождественность изображений на гемиоболах первой «синдской» серии и митиленских гект 454–428 гг. до н. э. типа

«протома козла вправо с повернутой назад головой / сова с распушенными крыльями анфас» (Мельников, 2001. С. 41 — см. рис. I, 9 и 8А). В дальнейшем это отмечалось и другими исследователями (Строкин, 2012. С. 381; Горончаровский, Терещенко, 2015. С. 79; Goronczarowskij, Tereszczenko, 2016. S. 161. 162).

Наиболее категоричную оценку этого явления недавно продемонстрировал упомянутый О. Н. Мельников: «Это единственный в монетном деле Боспора классического и последующего времени случай как синхронного тождества обеих сторон его монеты с монетой инополисной, так и размещения указанных изображений на монете Боспора» (Мельников, 2019. С. 30, прим. 16). Однако здесь, как видим, не учитывается аналогичная ситуация с нимфейской чеканкой, что делает первый синдский выпуск не таким уж уникальным. Более того, в синдской эмиссии можно найти и другие совпадения: в частности, это сочетание «голова Геракла — голова коня» в синдской серии С-2 и «протома коня — голова Геракла» на митиленских гектах (рис. I, 10 и 9А). Следует также отметить присутствие в обеих чеканках изображений грифона (рис. I, 11, 12 и 10А).

Кроме того, явные соответствия с митиленской типологией наблюдаются в чеканке и других полисов Боспора Киммерийского в V в. до н. э. В частности, сюжетное сходство с монетами Митилены можно наблюдать в феодосийской чеканке. Как писали С. А. Коваленко и А. А. Молчанов: «Первые монеты Феодосии демонстрируют

¹ В. А. Горончаровским исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Терещенко А. Е. — Государственный Русский музей; ул. Инженерная, 4, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru. Горончаровский В. А. — Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: goronvladimir@yandex.ru

³ Фотографии боспорских монет взяты из интернет-ресурсов «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив». URL: <https://bosporan-kingdom.com> (дата обращения: 20.08.2021). Остальные взяты из аукционного архива acsearch.info. URL: <https://www.acsearch.info/home.html> (дата обращения: 20.08.2021).

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Феодосия	Митилена
Монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ	



Рис. 1. Феодосия: 1, 2, 3 — диобол (серия Ф-1, последнее десятилетие V в. до н. э.); 4 — диобол (серия Ф-2, 404/3–397/6 гг. до н. э.); 5 — триобол (серия Ф-3, 397/6–393 гг. до н. э.); 6 — триобол (серия Ф-4, 393–388 гг. до н. э.); 7 — драхма (серия Ф-4, 393–388 гг. до н. э.); 8 — халк (?) (серия Ф-4, 393–388 гг. до н. э.). Монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ: 9 — гемиобол (серия С-1, 427–424/23 гг. до н. э.); 10 — триобол (серия С-2, 424/23–400 гг. до н. э.); 11 — триобол (серия С-3, 400–390 гг. до н. э.); 12 — тетартеморий (серия С-3, 400–390 гг. до н. э.); Нимфей: 13 — диобол (серия Н-2, 405–403 гг. до н. э.). Пантикапей: 14 — диобол (серия Па-13, 432/431–429/428 гг. до н. э.); 15 — тетартеморий (серия Па-13, 432/431–429/428 гг. до н. э.); 16 — диобол (389 г. до н. э. — начало второй половины 80-х гг. IV в. до н. э., 389–384 гг. (?)). Митилена: 1А, 2А — обол (440–400 гг. до н. э.); 3А — гекта (ок. 454–428/7 гг. до н. э.); 4А — гекта (ок. 454–427 гг. до н. э.); 5А — гекта (ок. 412–378 гг. до н. э.); 6А — гекта (ок. 521–478 гг. до н. э.); 7А — дихалк (?) (ок. 400–350 гг. до н. э.); 8А — гекта (ок. 454–427 гг. до н. э.); 9А — гекта (ок. 478–455 гг. до н. э.); 10А — гекта (430–410 гг. до н. э.); 11А — гекта (ок. 454–427 гг. до н. э.); 12А — обол (440–400 гг. до н. э.); 13А — гекта (ок. 454–427 гг. до н. э.); 14А — гекта (ок. 521–478 гг. до н. э.); 15А — гекта (ок. 440–400 гг. до н. э.). 1–7, 9–16, 1А, 2А, 12А — серебро; 8, 7А — медь; 3А–6А, 8А–11А, 13А–15А — электр

Fig. 1. Theodosia: 1, 2, 3 — diobol (series Ф-1, last decade of the 5th cen. BC); 4 — diobol (series Ф-2, 404/3–397/6 BC); 5 — triobol (series Ф-3, 397/6–393 BC); 6 — triobol (series Ф-4, 393–388 BC); 7 — drachm (series Ф-4, 393–388 BC); 8 — chalkon (?) (series Ф-4, 393–388 BC). Coins with the inscription ΣΙΝΔΩΝ: 9 — hemiobol (series С-1, 427–424/23 BC); 10 — triobol (series С-2, 424/23–400 BC); 11 — triobol (series С-3, 400–390 BC); 12 — tetartemorion (series С-3, 400–390 BC). Nymphaion: 13 — diobol (series Н-2, 405–403 BC). Pantikapaion: 14 — diobol (series Па-13, 432/431–429/428 BC); 15 — tetartemorion (series Па-13, 432/431–429/428 BC); 16 — diobol (389 BC — early second half of the 380s BC, 389–384 BC (?)). Mytilene: 1A, 2A — obol (440–400 BC); 3A — hekte (ca 454–428/7 BC); 4A — hekte (ca 454–427 BC); 5A — hekte (ca 412–378 BC); 6A — hekte (ca 521–478 BC); 7A — dichalkon (?) (ca 400–350 BC); 8A — hekte (ca 454–427 BC); 9A — hekte (ca 478–455 BC); 10A — hekte (430–410 BC); 11A — hekte (ca 454–427 BC); 12A — obol (440–400 BC); 13A — hekte (ca 454–427 BC); 14A — hekte (ca 521–478 BC); 15A — hekte (ca 440–400 BC). 1–7, 9–16, 1A, 2A, 12A — silver; 8, 7A — copper; 3A–6A, 8A–11A, 13A–15A — electrum

поразительную типологическую и стилистическую близость к электровым гектам Митилены, чеканка которых датируется 454–427 гг. до н. э. <...> Учитывая широкий ареал обращения лесбосских электровых монет и параллели между ними и феодосийскими монетами, можно, как кажется, с известной долей уверенности предположить, что именно монеты Митилены послужили иконографическим прототипом для первых монет Феодосии» (Коваленко, Молчанов, 2005. С. 51, 52 — см. рис. I, 1–3; 1А–3А). Хотя, насколько можно видеть, в феодосийском монетном деле сюжетные и иконографические совпадения с Митиленой не ограничиваются первым выпуском (ср. рис. I, 4–8 и 4А–7А). В свою очередь добавим, что определенные соответствия с митиленской типологией присутствуют и в монетном деле Пантикапея (ср. рис. I, 14–16 и 13А–15А).

Что же связывало Боспор и лесбосскую Митилену и насколько рано возникают эти контакты, которые, несомненно, затрагивали не только экономическую, но и политическую сферу? В этом отношении можно вспомнить одну из версий основания Гермонассы, согласно которой ойкистом там был некий митиленец Семандр (Arr. Byth. Fr. 55)⁴. Не исключено, что это известие восходит к уроженцу Митилены Гелланику Лесбосскому (около 485–400 гг. до н. э.)⁵, который первую книгу своего труда о делах эолийцев посвятил рассказу о колониях, выведенных Лесбосом (Tzetzes ad Lycophr. 1874). Судя по сохранившимся отрывкам его сочинений (Hellan. FGrHist. 4. F92, 109)⁶, этот логограф был достаточно хорошо осведомлен

⁴ Согласно другой версии, это событие, произошедшее не позднее первой четверти VI в. до н. э., связано с ионийцами (Dionys. Per. 552; Eust. ad Dionys. 549). В настоящее время большинство исследователей считают, что они участвовали в выводе колонии под руководством эолийцев. Возможно, это был не единственный город, основанный лесбосцами на Азиатском Боспоре. Не так давно В. П. Яйленко обратил внимание на то, что упоминаемые Плинием Старшим как поглощенные морем близ Меотиды города Пирра и Антисса в отношении названий имеют аналогии только на Лесбосе и нигде более (Яйленко, 2017. С. 419).

⁵ Подробнее см.: Яйленко, 2017. С. 401.

⁶ Fr. 92: Когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их — меоты скифы. Fr. 109: Выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы.

о географии и народах в районе Боспора Киммерийского.

Кроме того, необходимо упомянуть мнение А. Бёка, усматривавшего связь боспорских Археанактидов с митиленским Археанактом (SIG. II. № 91), основавшим в конце VII в. до н. э. Сигей у входа в Геллеспонт (Strab. XIII. 1, 38). Позднее к этой идее присоединился В. Д. Блаватский, высказавшийся в пользу того, что митиленские Археанактиды, возможно, первоначально правили на азиатской стороне Боспора в Гермонассе (Блаватский, 1954. С. 37). Учитывая, что сама форма имени Археанактидов указывает на их лесбосское происхождение, а единственное упоминание этого рода (Alkaios. 112, 24) связано именно с Митиленой, такая гипотеза вполне правомерна (Чурекова, 2012. С. 148; более подробно см.: Яйленко, 2017. С. 419–424).

С торговой активностью эолийцев можно соотносить стабильное увеличение с третьей четверти VI в. до н. э. поставок лесбосских амфор в Гермонассу⁷. Поступление сюда такого рода импорта достигает максимума в первой четверти V в. до н. э. (Кузнецова, 2013. С. 14)⁸ и сокращается около середины этого столетия (Там же. С. 13), что практически совпадает с концом правления Археанактидов на Боспоре. Отметим, что одной из наиболее ранних иноземных монет, найденных здесь, является лесбосский биллоновый гемистатер из раскопок Пантикапея (Анисимов, 1992. С. 329, 330). На его аверсе голова теленка влево, на реверсе — quadratum incusum. Такой тип обычно датируют достаточно широко, в пределах 550–440 гг. до н. э. (Абрамзон, 2010. С. 484).

Для более позднего периода имеется свидетельство Фукидида об ожидании митиленцами в 428 г. до н. э. помощи лучниками и хлебом из Понта для начала борьбы с Афинами (Thuc. III, 2, 2). Правда, в отношении того, что упомянутая помощь должна была поступить именно с Боспора, есть определенные сомнения (Брашинский, 1963. С. 92, прим. 9). Зато твердо установлено, что

⁷ Тогда же, судя по материалам раскопок поселения Марьянское 1, лесбосские амфоры в числе прочих товаров начинают поступать вглубь варварской территории в результате освоения греческими торговцами водного маршрута, ведущего вверх по течению р. Кубань на расстояние более 100 км (Иванов и др., 2021. С. 101, 113).

⁸ Совсем другая картина наблюдается в этот период в Фанагории, где преобладает продукция центров Северной Эгеиды (Кузнецова, 2013. С. 14).

в третьей четверти IV в. до н. э. митиленцы принимали участие в хлебной торговле с Боспором и даже почтили Левкона I и его сыновей за снижение вывозной пошлины⁹ (Сапрыкин, Федосеев, 2011. С. 93).

⁹ Декрет в честь Левкона I, см.: Syll. 2, 212; ср. Граков, 1939. С. 263.

Абрамзон, 2010 — Абрамзон М. Г. Экономические связи Боспора в VI–III вв. до н. э.: греческие монеты в денежном обращении // ПИФК. 2010. № 1. С. 477–521.

Анисимов, 1992 — Анисимов А. И. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // СГМИИ. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1992. Вып. 10: Археология и искусство Боспора. С. 329–341.

Блаватский, 1954 — Блаватский В. Д. Архаический Боспор // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Наука, 1954 (МИА; № 33). Т. II. С. 7–44.

Брашинский, 1963 — Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 176 с.

Виноградов, Молчанов, 2001 — Виноградов Ю. Г., Молчанов А. А. Еще раз о монетах Нимфея с легендой ΣΑΜΜΑ // Девятая Всеросс. науч. конф.: Тез. докл. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2001. С. 17–18.

Горончаровский, Терещенко, 2015 — Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. О монетном деле Синдики в конце V — начале IV вв. до н. э. // Записки ИИМК. 2015. № 11. С. 77–96.

Граков, 1939 — Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–315.

Иванов и др., 2021 — Иванов А. В., Ларенок П. А., Подорожный А. А. О горизонте второй–третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское I в Нижнем Прикубанье // АВ. 2020. Вып. 30. С. 97–115.

Коваленко, Молчанов, 2005 — Коваленко С. А., Молчанов А. А. О монетной чеканке Феодосии в V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 2005. № 1. С. 49–62.

Кузнецова, 2013 — Кузнецова Е. В. Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора

В заключение следует добавить, что связи лесбосской Митилены и Боспора вряд ли ограничивались только политико-экономической сферой. Исходя из обилия параллелей в их монетной типологии, эта связь, по-видимому, имеет глубокие культурно-религиозные корни, что требует более тщательного изучения этой проблемы.

в VI–III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06 / Воронежский ГУ. Воронеж: б. и., 2013. 24 с.

Мельников, 2001 — Мельников О. Н. Были ли монеты у синдов? // Древний мир. 2001. № 2. С. 40–41.

Мельников, 2019 — Мельников О. Н. Монетное дело Боспора в свете хроники Диодора Сицилийского // Stratum plus. 2019. № 6. С. 17–62.

Сапрыкин, Федосеев, 2011 — Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. Т. 4. С. 89–114.

Строкин, 2012 — Строкин В. Л. Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. 2012. Т. 16. С. 379–418.

Улитин, 2006 — Улитин В. В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII — первой половине I в. до н. э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06 / Ин-т истории материальной культуры РАН. СПб.: б. и., 2006. 26 с.

Чурекова, 2012 — Чурекова Н. Б. Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Вестник Нижегородского университета. 2012. № 6 (3). С. 146–150.

Яйленко, 2017 — Яйленко В. П. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диафрагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // ДБ. 2017. Т. 21. С. 398–440.

Goronczarowski, Tereszczenko, 2016 — Goronczarowski W. A., Tereszczenko A. E. Monety Syndyki (typologia i chronologia) // Biuletyn numizmatyczny. 2016. № 3 (383). S. 161–185.

The Mytilene traces in the coinage of the Cimmerian Bosphoros

A. E. Tereshchenko, V. A. Goroncharovskiy¹⁰

Keywords: Cimmerian Bosphoros, Mytilene, Bosporan coinage, Bosporan cities, coin subjects.

It is already long ago that the researchers noted a remarkable similarity between the early coinage of the Lesbian Mytilene and Bosporan poleis. This is true both as separate figures and compositions are concerned and in relation to the coin subjects in general. In this connection, some researchers took notice of the complete subject identity of Nymphaion coins with the legend ΣΑΜΜΑ with one of the monetary types from Mytilene (cf. Fig. 1, 13 and 11A, 12A), as well as of hemiobols of the first “Sindic” series and Mytilene hektai of 454–428 BC of the type “protome of a goat right with the head turned backward / owl with spread wings enface” (see Fig. 1, 9 and 8A). In the Sindic emission, also some other coincidences can be found, in particular, of the type “head of Herakles — horse head” with the representation of “protome of horse — head of Herakles” on hektai of Mytilene (Pl. I, 10 and 9A). In addition, the presence of representations of a griffin is notable in both coinages (Fig. 1, 11, 12 and 10A).

The evident conformity to the Mytilene typology of the 5th cen. BC is observed also in the minting of other poleis of the Cimmerian Bosphoros, e. g. Theodosia (see Fig. 1, 1–3 and 1A–3A). Moreover, in the local minting, the subject and iconographic coincidences with Mytilene coinage are not limited to only the first issue (cf. Fig. 1, 4–8 and 4A–7A). It must be added that certain correspondence is present also in the coinage of Pantikapaion (cf. Fig. 1, 14–16 and 13A–15A). The connections of the Lesbian Mytilene with Bosphoros hardly were limited to only a political and economical sphere. Considering the abundance of identical subjects in their coin typology, it is evidently possible to admit also cultural and religious contacts and this supposition requires a more detailed examination of the problem.

¹⁰ Andrey E. Tereshchenko — The State Russian Museum, 4 Inzhenernaya ul., Saint Petersburg, 191186, Russia; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru. Vladimir A. Goroncharovskiy — Institute for the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

Древнейшие антовые постройки Северного Причерноморья

Д. Е. Чистов¹

Аннотация. Статья посвящена постройкам с антовым портиком VI–V вв. до н. э., связанным с общественными центрами античных городов Северного Причерноморья. Сопоставление их размерных характеристик и архитектурных особенностей указывает на то, что большинство известных зданий этого типа выделяются из окружающей их рядовой городской застройки исключительно особенностями планировки, что препятствует их однозначной трактовке в качестве храмов.

Ключевые слова: храм в антах, Северное Причерноморье, античность, архаический период.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-187-201

Возникновение первых общественных зданий в античных городах Северного Причерноморья следует отнести, учитывая имеющиеся на сегодняшний день данные, к началу третьей четверти VI в. до н. э., хотя большая часть достоверно зафиксированных сооружений такого рода датируется не ранее последней четверти этого столетия.

Наиболее хорошо изучен общественный центр Березанского поселения: в конце VI в. до н. э. он включал небольшой теменос с храмом в антах и алтарем (Крыжицкий, 2001; Назаров, 2001; Назаров, 2006. С. 147–163), две двухкамерные антовые постройки с галереями (возможно, банкетные залы, гестиатории) и еще один огороженный двор с круглым алтарем (Чистов, Ильина, 2012; Чистов и др., 2012. С. 87–94; Чистов и др., 2020. С. 132–147; Chistov, 2021). Эти сооружения находились в составе разных городских кварталов, но на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга (Chistov, Krutilov, 2014; Chistov, 2015). Несколькими десятилетиями ранее (в третьей четверти VI в. до н. э.), по-видимому, было возведено апсидное здание с анфиладным планом помещений (Ланин, 1966. С. 119; 1978. С. 138–149; Назаров, 2006. С. 143, 144; Крыжицкий, 2009. С. 138, 139). Последней третью столетия

может датироваться монументальное здание ионического ордера, находившееся где-то неподалеку, но известное пока лишь по находкам нескольких архитектурных деталей (Bujskikh, Chistov, 2018. № 1–3, 6, fig. 1–4, 8). Двойное трупосожжение конца VI в. до н. э., обнаруженное на территории квартала J неподалеку от «дома с апсидой» позволяет предположительно локализовать здесь и героон Борисфена — возможное место захоронения предводителей отряда колонистов, прибывшего на Березань в 540-х гг. до н. э. (Chistov, 2021. P. 18, fig. 4). Вместе с тем неясным остается хронология и назначение построек, раскрытых в ходе раскопок Г. Л. Скадовского 1900–1901 гг. (Крыжицкий, 2009. С. 137, 138, рис. 1; Ланин, 1966. С. 118–121): они были расположены на территории некрополя, то есть вне границ квартальной застройки второй половины VI в. до н. э.

Появление первых монументальных культовых сооружений в Ольвии связывают с территорией Западного теменоса (Древнейший теменос..., 2006), где раскрыты остатки храмов и различных связанных с ними объектов — алтарей, оград и отдельных построек. Наиболее ранним достоверно зафиксированным культовым сооружением Западного теменоса Ольвии следует считать храм в антах, посвященный Аполлону Иетросу (Крыжицкий, 1998; Древнейший теменос..., 2006. С. 43–52): он был построен приблизительно в последнем десятилетии VI в. до н. э. и просуществовал до последней четверти V в. до н. э.

¹ Отдел античного мира, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: d.chistov@gmail.com.

Менее обоснована атрибуция в качестве храмов в антах святилищ анонимных божеств № 1 и 2, находившихся к северу и юго-востоку от храма Аполлона (Древнейший теменос..., 2006. С. 27–29, 32–34, 41, 42), а также двух других зданий, раскрытых под руководством Е. И. Леви и Л. В. Копейкиной (Копейкина, 1975. С. 194–196, рис. 8–10; Леви, 1978. С. 36) на территории Северного квартала в 1970-х гг. А. С. Русяева также относит их к первым культовым постройкам Западного теменоса (Древнейший теменос..., 2006. С. 34, 35).

В конце VI в. до н. э. оформляется уличная сеть Ольвии, выделяются участки под агору и будущий Восточный теменос, который начал застраиваться не ранее середины следующего столетия (Буйских, 2021). В то же время в юго-восточной части верхнего плато появляется еще один, так называемый Южный, теменос с небольшим храмом в антах, вероятно, связанным с культом Афродиты (Буйских, 2015; 2020; Буjskikh, 2015).

Древнейший теменос Пантикапея локализуется на Верхнем плато Первого кресла горы Митридат (Толстиков, 2015. С. 270–279; Толстиков и др., 2017. С. 16, 17). Предположение о том, что он получил свое архитектурное оформление вскоре после разрушений и пожаров начала третьей четверти VI в. до н. э. базируется в основном на нескольких архитектурных деталях — фрагментах монументальных алтарей и баз колонн. Реконструкции облика храма Аполлона, возведенного на Верхнем плато в конце VI — начале V в. до н. э. (Толстиков, 2010; 2011; Толстиков и др., 2017. С. 25, табл. 37), также основаны на находках ордерных деталей, так как фундаменты этого и более ранних культовых сооружений акрополя к настоящему времени не раскрыты. Архитектурное оформление и объемная реконструкция предполагаемого храма Аполлона стали предметом длительной научной дискуссии, точка в которой не поставлена до сих пор. Последней четвертью VI в. до н. э. датируется округлое в плане общественное здание — толос, раскрытое на Западном плато (Толстиков и др., 2002). У подножия северного склона Западного плато, то есть за пределами укреплений акрополя, в то же время появляется площадь общественного назначения, возможно — агора, вымощенная крупными полигональными плитами (Марченко, 1979. С. 165; 1984. С. 11–18).

Самой ранней культовой постройкой Нимфея принято считать так называемое святилище Деметры, расположенное на небольшой скалистой

террасе в мысовой части памятника. М. М. Худяк (Худяк, 1962. С. 36–60) выделял несколько строительных периодов существования этого комплекса, охватывающих продолжительное время, с середины VI по III в. до н. э. По мнению исследователя, в разное время в состав святилища входили различные небольшие однокамерные сооружения, пристроенные к выходам скалы или стоящие отдельно на территории террасы, а также разного рода каменные конструкции, называемые им фависсами и жертвенниками. Безусловным алтарем из них всех можно считать только монументальную конструкцию из плит, датированную М. М. Худяком IV в. до н. э. Маленькая однокамерная каменно-сырцовая постройка середины — третьей четверти VI в. до н. э. связана с находившимися поблизости от нее гончарными печами и, вероятнее всего, представляла собой керамическую мастерскую (Бондаренко, Чистов, 2021. С. 252, 253). Наряду со зданием Д-3 на Верхнем плато Пантикапея (Толстиков и др., 2017. С. 14, 15, табл. 5, 6, 11–13) она является одним из древнейших каменно-сырцовых сооружений европейского Боспора, однако нет серьезных оснований рассматривать ее в качестве общественного здания. Вместе с тем большая (но в значительной мере остающаяся неопубликованной) коллекция находок терракот, расписной керамики и граффити из сооружений V–IV вв. до н. э. скорее свидетельствует в пользу культового использования построек классического и раннеэллинистического времени, находившихся на этой же террасе.

В мысовой части занимаемого городищем плато М. М. Худяк раскрыл два строительных комплекса, интерпретированных им в качестве ранних святилищ. Так называемое святилище Афродиты в действительности представляет собой многокамерный жилой дом классического периода, находившийся на краю террасированного склона (Чистов, 2000). «Святилище Кабиров» (Худяк, 1952. С. 79–82; 1962. С. 18–22; Скуднова, 1964), безусловно, является общественным сооружением, на что указывают его значительные размеры (5 × 15 м), вытянутый прямоугольный план и апсидообразная ниша на узкой северной стороне. Однако никаких свидетельств почитания Великих божеств или иных культов в здании не найдено. Требуется уточнений и датировка этого комплекса: строительные остатки, которые М. М. Худяк считал принадлежащими раннему периоду святилища (Худяк, 1962. С. 18, табл. 7, 2),

по-видимому, относятся к помещению частично перекрытого им позднеархаического жилого дома, а основное здание, согласно актуальным датировкам находок керамики из ямы-«ботроса» (Монахов и др., 2019. С. 53–55) и фрагментов архитектурной терракоты (Billot, 2012. P. 265, fig. 31, a–d; 334–336), может датироваться не V, а первой половиной IV в. до н. э.

Наиболее ранними постройками общественного центра Нимфея, по-видимому, следует считать два возведенных в конце VI — начале V в. до н. э. здания II и III, в основном раскопанные В. М. Скудновой в 1960 г. и потому не вошедшие в посмертно вышедшую монографию М. М. Худяка (Худяк, 1962). Одно из них имеет план небольшого храма в антах, с входом с юга (см. с. 192–195), к западу от которого находилось имеющее такую же ориентировку квадратное однокамерное строение большей площади.

Авторы исследований Фанагории в качестве общественных или культовых определяют четыре архаических и раннеклассических сооружения Верхнего города, находившихся по разные стороны от «Центральной» улицы. На этом основании район в центральной и восточной частях холма определяется как административный центр апойкии (Кузнецов, 2018. С. 135, 136; 2019. С. 404). Однако план этих построек не во всех случаях позволяет присоединиться к предложенным атрибуциям. Не приходится сомневаться в общественном назначении большого здания № 300 подквадратной формы (Завойкин, Кузнецов, 2011), однако план соседнего с ним многокамерного здания № 294 имеет признаки жилого дома с внутренним двором. По другую сторону от «Центральной» улицы расположена антовая постройка классического периода № 743/675. Это сооружение перекрывает архаическое подвальное помещение № 835 сходной планировки, также состоявшее из двух маленьких помещений неравной площади, разделенных перегородкой с проходом в центре (Кузнецов, 2019. С. 404, 405, рис. 3). Последнее, по мнению В. Д. Кузнецова, являлось святилищем хтонических божеств, хотя каких-либо находок, обосновывающих это предположение, в подвале сделано не было. Такие же возражения вызывает интерпретация в качестве святилища постройки № 783 (Там же. С. 405, 408–411) — глубокого подвала с сырцовыми стенами третьей четверти VI в. до н. э., расположенного восточнее.

Перечисленные выше ранние общественные здания античных городов Северного Причерноморья можно разделить на несколько групп: 1) постройки антового плана; 2) близкие к ним в планировочном отношении многокамерные постройки с крытой галереей (антовым портиком) или вестибюлем, расположенным по фасаду перед группой основных помещений; 3) не прямоугольные в плане сооружения (круглые или имеющие апсиду с одной из сторон постройки).

Далее будет приведен краткий сравнительный обзор планов и размерных характеристик зданий первой группы, наиболее аргументированно соотносимых с древнейшими греческими храмами Северного Понта. Строительные остатки таких сооружений к настоящему времени раскрыты в Ольвии, на Березани, в Нимфее и Фанагории (рис. 1, 1–7). Все они имеют сравнительно небольшие размеры (табл. 1); вероятнее всего, ни одно из них не датируется ранее конца VI в. до н. э. Антовые постройки Ольвии, Березани и Нимфея были ориентированы на юг или юго-восток. Ордерное архитектурное оформление сравнительно достоверно восстанавливается для храма Аполлона Иетроса, с которым связывают ряд находок архитектурных деталей ионического ордера из плотного привозного известняка — две базы колонн, фрагменты двух капителей², фрагментированный акротерий и несколько частей карнизов фронтона (Буйских, 2006. С. 95 сл., рис. 90, 91, 93; Древнейший теменос..., 2006. С. 44–52, рис. 29–42). Нужно вместе с тем учитывать, что план этого сооружения восстановлен лишь по выборкам фундаментов (остатки каменной кладки принадлежали лишь стене между наосом и пронаосом — рис. 1, 7), баз колонн или следов их установки *in situ* не обнаружено.

Аналогичное архитектурное оформление — как храма в антах с двухколонным портиком — предложено А. В. Буйских и для предполагаемого храма Афродиты на Южном теменосе Ольвии (рис. 1, 3). От этого здания сохранились остатки южной и западной стен и выборка северной, а также часть пола, вымощенного крупными фрагментами сырцовых кирпичей (Буйских, 2015; 2020. С. 45–47; Буjskikh, 2015). Реконструкция облика постройки возможна благодаря найденным

² Фрагменты, относимые С. Д. Крыжицким к капителям храма Аполлона Иетроса, А. В. Буйских атрибутирует как угловые волюты алтарей того же времени (конца VI в. до н. э.) (Буйских, 2006. С. 98, рис. 93, 1–2).

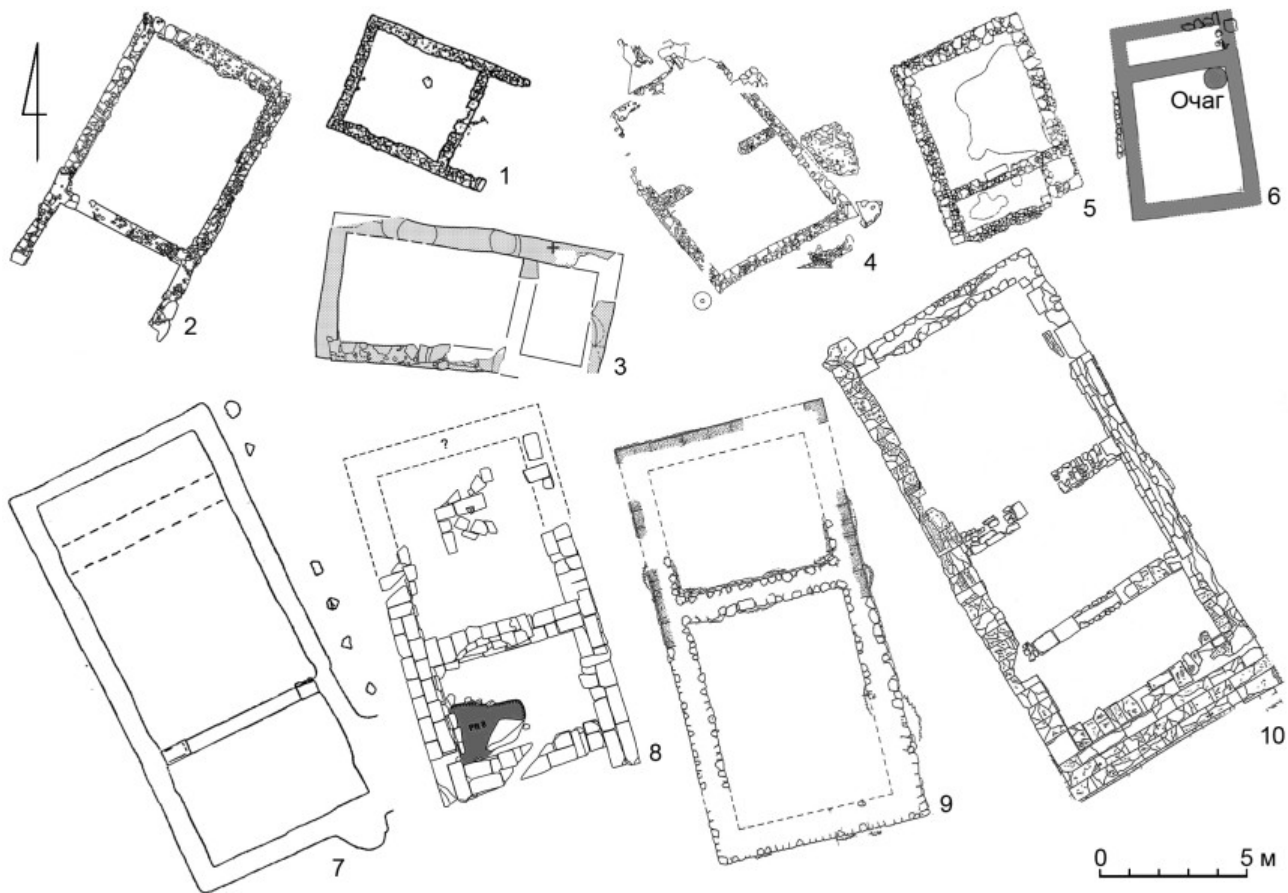


Рис. 1. Архаические и раннеклассические постройки Северного и Западного Причерноморья, имеющие план храма в антах: 1 — «храм Афродиты» в квартале «Е» Березанского поселения (Назаров, 2001. Рис. 2); 2 — антовая постройка в западной части квадрата «Е» (на основе полевой документации В. В. Крутилова); 3 — храм Афродиты на Южном теменосе Ольвии (на основе плана А. В. Буйских — Буйских, 2020. Рис. 1; 2015. Рис. 1); 4 — «храм анонимного божества № 2» на Западном теменосе Ольвии (Древнейший теменос..., 2006. С. 302, рис. 17а); 5 — восточная постройка комплекса ВС-1 в Нимфее (по сводному плану раскопа в полевом отчете В. М. Скудновой — Скуднова, 1960); 6 — постройка № 743 в Фанагории (Кузнецов, 2019. Рис. 3); 7 — храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии (Крыжицкий, 1998. Рис. 2); 8 — Аполлония, архаический храм в антах (Stoyanova, Damyanov, 2021. Fig. 2); 9 — Истрия, храм Афродиты («здание I») (Alexandrescu et al., 2005. Pl. 95); 10 — Истрия, храм Зевса («здание А», план без стереобата) (Ibid., 2005. Depliant 1)

Fig. 1. Archaic and early Classical buildings with the plan of a temple with antae in the Northern and Western Black Sea region: 1 — “temple of Aphrodite” in living block “E” of the Berezan settlement (Назаров, 2001. Рис. 2); 2 — anta building in the western part of square “E” (after the field records by V. V. Krutilov); 3 — temple of Aphrodite in the Southern temenos of Olbia (after a plan by A. V. Buysikh — Буйских, 2020. Рис. 1; 2015. Рис. 1); 4 — “temple no. 2 of an anonymous deity” at the Western temenos of Olbia (Древнейший теменос..., 2006. С. 302, рис. 17а); 5 — the Eastern building of ensemble ВС-1 in Nymphaion (after the composite plan of the excavation in the field report by V. M. Skudnova — Скуднова, 1960); 6 — structure no. 743 in Phanagoria (Кузнецов, 2019. Рис. 3); 7 — temple of Apollo the Physician at the Western temenos of Olbia (Крыжицкий, 1998. Рис. 2); 8 — Apollonia, Archaic temple with antae (Stoyanova, Damyanov, 2021. Fig. 2); 9 — Histria, temple of Aphrodite (“house I”) (Alexandrescu et al., 2005. Pl. 95); 10 — Histria, temple of Zeus (“house A”, plan without the stereobate) (Ibid., 2005. Depliant 1)

Таблица 1. Архаические общественные постройки Северного Причерноморья, имеющие план храма в антах
Table 1. Archaic public buildings with a plan of a temple with antae in the Northern Black Sea littoral

Постройка	Дата, в. до н. э.	Размеры в плане, м (в скобках — соотношение сторон)	Размеры наосов, м	Размеры пронаосов, м	Ориентация
Березань, «святилище Афродиты» (Е-1)	3-я четверть VI (по В. В. Назарову). Возможно, конец VI	4,25 × 5,72 (1 : 1,34)	3,44–3,51 × 3,62–3,75	1,34 × 3,56	Юго-восток
Березань, антовая постройка в западной части квартала «Е»	Конец VI (?)	5,7 × 9,6 (1 : 1,7)	4,60 × 2,45	4,6 × 6,0	Юго-запад
Ольвия, храм Аполлона Иетроса	Конец VI	7,0 × 14,5 (1 : 2)	5,6–5,9 × 9,1	3,7 × 5,6	Юго-восток
Ольвия, храм Афродиты на Южном теменосе	Рубеж VI–V	5 × 10 (1 : 2)	6,1 × 3,7	2,8 × 3,4	Восток
Фанагория, постройка № 743	V	4,4 × 6,6 (1 : 1,5)	3,45 × 4,10	1,3 × 3,3	Север
Нимфей, постройка III комплекса ВС-1	Рубеж VI–V	6,35–6,50 × 4,85–4,90 (1 : 1,32)	4,15–4,30 × 3,80–3,90	3,90 × 1,35	Юго-восток

в слое ее разрушения известняковым архитектурным деталям ионического ордера — фрагменту базы колонны эфесского типа и фрагментам фасадных карнизов. Эти детали малоазийского типа ионического ордера очень сходны с теми, что относятся с храмом Аполлона Иетроса. Кроме того, в окружении храма Афродиты обнаружено около 50 обломков архаической черепицы и архитектурной терракоты, по-видимому, принадлежавших его кровле (Буйских, 2020).

Храм Аполлона Иетроса определенно не был единственным ордерным зданием позднеархаической эпохи на Западном теменосе. С этим священным участком связаны находки фрагментов расписной южноионийской архитектурной терракоты пяти различных стилей (Буjskikh, 2021), однако неясно, каким именно сооружениям они могли принадлежать. Реконструкция храма анонимного божества № 1 как храма в антах размерами 10,00 × 5,25 м (Древнейший теменос..., 2006. С. 32, 33) сомнительна из-за фрагментарной сохранности его стен. Остатки святилища анонимного божества № 2 к юго-западу от храма Аполлона Иетроса (рис. 1, 4) могли принадлежать маленькому безордерному храму (Древнейший теменос..., 2006. С. 29, 41, рис. 17–17а, 27–27а) или возникшей одновременно с храмом Аполлона (Буjskikh, 2021. Р. 51, 52, fig. 1) вспомогательной двухкомнатной постройке.

Каменные цоколи кладок антового храма, раскрытого на территории небольшого теменоса «святилища Афродиты» Борисфена (рис. 1, 1; 2) имели хорошую сохранность, однако никакие из найденных на Березани немногочисленных ордерных архитектурных деталей и фрагментов архитектурной терракоты с этим маленьким зданием связать, по-видимому, нельзя³, поэтому объемная реконструкция С. Д. Крыжицкого (Крыжицкий, 2001. Рис. 5, 6) не лишена условности⁴. От ольвийских храмов Аполлона Иетроса и Афродиты эта постройка отличается меньшим соотношением длины к ширине и почти квадратной формой наоса, что, по мнению С. Д. Крыжицкого, скорее характерно для сокровищницы, а не храма (Крыжицкий, 2001. С. 175).

В ходе дальнейших исследований в западной части того же квартала были раскрыты строительные

³ Подробнее об этих находках см.: Буjskikh, Chistov, 2018.

⁴ С. Д. Крыжицкий реконструирует эту постройку как храм в антах с открытым портиком, лишенным колонн, поскольку при решении с двумя колоннами интервал интерколумния получился бы слишком узким. Антаблемент, по его мнению, мог быть выполнен из дерева. Расчеты пропорций (высоты постройки) базируются на ширине торца левого (южного) анта, который был зафиксирован в ходе раскопок благодаря двум сохранившимся тесаным плитам его облицовки (Крыжицкий, 2001. С. 169, 170, рис. 3).



Рис. 2. Березань. «Святылище Афродиты» (E-1), панорамный вид с юго-востока (Chistov, Krutilov, 2014)
 Fig. 2. Berezan. "Sanctuary of Aphrodite" (E-1), panorama view from south-east (Chistov, Krutilov, 2014)

остатки, которые, по мнению В. В. Крутилова и А. И. Смирнова, могли принадлежать еще одной антовой постройке (рис. 1, 2), обращенной входом на юго-запад, под углом 90° относительно «святылища Афродиты» (Крутилов, Смирнов, 2019а. С. 164, 165, рис. 1; 2019б). От последнего ее отличают более удлиненные пропорции плана (1 : 1,7) и значительно большие размеры (5,7 × 9,6 м; см. табл. 1). Вместе с тем характер и мощность цоколей этого здания также не выделяются на фоне жилых построек. Для его однозначной интерпретации в качестве храма в антах необходима более детальная публикация и исследование окружающей территории.

Сырцовая постройка № 743 в Фанагории, которую В. Д. Кузнецов считает храмом V в. до н. э. (рис. 1, б), размерами и соотношением длины к ширине (около 1 : 1,5) также близка «храму Афродиты» на Березани, однако имеет совершенно нетипичную для греческих святилищ ориентировку входом на север; кроме того, она оказывается обращенной тыльной стороной к городской улице.

В состав восточного из двух позднеархаических городских кварталов Нимфея, частично раскрытых в мысовой части памятника (Чистов, 2017), вместе с жилым домовладением входил примечательный комплекс из двух зданий, существовавший с многократными перестройками с конца VI по первую половину IV в. до н. э. (рис. 3; 4).

В. М. Скуднова была склонна рассматривать эти объекты в качестве изолированных однокамерных домов «мегаронного типа», связанных с расположенным к югу от них апсидным зданием — «святылищем Кабирос» — и также имевших общественное или сакральное назначение. Однако само «святылище Кабирос» датируется более поздним временем: не ранее середины V в. до н. э., а возможно, и первой половиной IV в. до н. э. Архаическая же постройка, им перекрытая, вероятнее всего, представляла собой помещение жилого дома (см. с. 188–189). Таким образом, сооружения, объединенные нами в комплекс ВС-1, были возведены значительно раньше апсидного здания, и, следовательно, не могли служить его «вспомогательными» постройками. Вместе с тем есть серьезные основания все же допускать их нежилую общественную функцию⁵. Поскольку эти здания никогда не публиковались в деталях, позволим себе остановиться на их описании чуть подробнее.

В качестве домов II и III в полевой документации и краткой публикации (Скуднова, 1960. С. 10–21; 1964. С. 33) обозначены два помещения конца

⁵ В вышедшей ранее статье (Чистов, 2017) автор интерпретировал комплекс ВС-1 как многокамерное жилое домовладение. Дополнительное изучение полевой документации Нимфейской археологической экспедиции Эрмитажа заставило меня изменить свою точку зрения.

VI — начала V в. до н. э., имевшие входы с юга⁶ и разделенные узким (1,46 м) проходом или переулком, плитовая вымостка которого многократно подновлялась. Большое (6,0 × 4,9 м, около 29 кв. м) западное помещение II имело глинобитный пол, а восточное (III) — пол из очень плотно утрамбованного известкового щебня. Кладки западной постройки имели два строительных периода (Худяк, 1958. С. 15–17), причем второму периоду, датируемому, видимо, концом V — IV в. до н. э., соответствовал прямоугольный очаг-гестия размерами 1,3 × 1,0 м, сооруженный в центре этого помещения из поставленных на ребро каменных плит. К раннему же периоду относился небольшой очаг в юго-восточном углу, рядом с которым была врыта хиосская пухлогорлая амфора (Скуднова, 1960. С. 12, 13). Дверной проем с крупной плитой порога находился не по центру южной стены постройки, а со смещением к западу, причем в более позднее время его уровень был поднят мелкими камнями (Там же. С. 11, 12, табл. VIII, 2). Раннее помещение погребло в пожаре конца V в. до н. э.; по-видимому, оно имело тростниковую крышу — прослойки упавшего тростника выявлены под основанием гестии (Там же. Табл. IX, 3).

Соседнее помещение III (рис. 3) (Там же. С. 15–19) представляет собой антовую однокамерную постройку с входом, обращенным на юг. Анты были пристроены к квадратному сооружению впритык, то есть, возможно, позднее его возведения. Лучше сохранившийся торец западного анта оформлен крупным известняковым квадром.

Каменные цоколи стен здания III высотой до 0,8 м несли следы многократных ремонтов. Помещение было заполнено мощным слоем расплывшихся сырцовых стен, лежавших непосредственно на известковом полу толщиной до 12 см. Остатки такого же мощения имелись в портике между антами (Там же. С. 15, 16). Значительная часть внутреннего объема помещения и его пола оказалась уничтожена ямой римского времени, поэтому выразительных находок в нем сделано не было.

Поскольку южная стена здания (№ 39) перестраивалась, неясно, как был устроен вход на момент его возведения. Порог позднего строительного

периода был оформлен крупной плитой шириной 83 см, причем, как и в западной постройке, вход оказался смещен на полметра к западу от центральной оси помещения (Там же. С. 17, 18). На самом позднем этапе существования постройки, возможно, уже в IV в. до н. э., пространство между антами было застроено новой кладкой (№ 40), положенной поверх мергелевой вымостки. К югу от зданий II и III располагался двор, вымощенный розовым мергелем — эта вымостка («Д»), вероятно, датируется уже классическим периодом, будучи по уровню значительно выше порога западного здания II⁷. Кроме того, в V в. до н. э. с юга к зданию II были пристроены еще два помещения меньших размеров (рис. 4) (Там же. С. 19–21, табл. X; XIII, 2).

Взаимное расположение построек II и III, одинаковая ориентация входов, как и наличие общего уровня мощения перед ними, наводит на мысль, что мы имеем дело с частями одного неоднократно перестраивавшегося комплекса, сооружения которого в V в. до н. э. группировались вокруг двора с мергелевой вымосткой. Характер ранней застройки этого же квартала между помещением III и проходившей севернее широтной улицей неясен, поскольку архаический горизонт здесь не был доследован; к востоку же от него проходит граница раскопа В-С. К северо-западному углу антовой постройки пристроена более поздняя стена № 41, к которой с запада примыкает вымостка с цистерной (III), служащая продолжением мощения «переулка». Эту кладку и цистерну В. М. Скуднова датировала IV в. до н. э. (Там же. С. 21, 22).

По-видимому, в конце VI — начале V в. до н. э. здание III стояло изолированно, будучи отделенным от соседнего здания II узким мощением проходом. Галерея между антами не могла служить простадой из-за своей малой глубины и отсутствия смежных с ней помещений. Описание этой постройки как «мегарона» неуместно, поскольку речь идет об архитектуре позднеархаического периода, однако ее план вполне может соответствовать небольшому храму в антах. Его размеры очень близки нескольким известным в Северном Причерноморье антовым постройкам архаического периода (см. табл. 1). Площадь наоса —

⁶ Западное помещение в полевой документации — «здание II» (Скуднова, 1960. С. 11–15, табл. VIII–IX), восточное помещение — «здание III» (Там же. С. 15–19, табл. X, XI).

⁷ В ходе раскопок этот двор, как представляется, был ошибочно интерпретирован как участок улицы (Худяк, 1962. С. 30).



Рис. 3. Нимфей. Восточная постройка (III) комплекса ВС-1: 1 — вид с юга, слева на фото — каменный блок, которым оформлен торец западного анта (Скуднова, 1960. Табл. X, 4); 2 — вид с севера (Там же. Табл. XI, 1)

Fig. 3. Nymphaion. East building (III) of ensemble BC-1: 1 — view from south, in the photo on the left there is as stone block forming the shorter side of the western anta (Скуднова, 1960. Табл. X, 4); 2 — view from north (Там же. Табл. XI, 1)

16,3 кв. м и пронаоса — около 5,0 кв. м при общих размерах постройки около 6,35–6,50 × 4,85–4,90 м⁸ несколько превышает те же параметры у «святилища Афродиты» на Березани и почти равна антовому зданию № 743 Верхнего города Фанагории.

Соотношение длины и ширины нимфейской постройки III составляет 1 : 1,3 — 1 : 1,32, то есть идентично храму в антах «святилища Афродиты» на Березани. Ширина торца левого анта нимфейского здания (0,44 м), промеренная по вмонтированному в него каменному блоку, также в точности соответствует ширине левого анта березанской постройки. Все это позволяет применять расчеты, выполненные С. Д. Крыжицким (*Крыжицкий*, 2001) для «храма Афродиты», к нимфейской постройке III комплекса ВС-1. Ширина пронаоса у нимфейского здания лишь на 0,25 м больше, чем у березанского; по аналогии с последним в качестве наиболее вероятного объемного решения можно предполагать бесколонный портик. В ходе позднейшей перестройки здания он, возможно, был превращен в закрытый вестибюль.

Южная ориентировка с отклонением на юго-восток, типичная для архаической сакральной архитектуры Северного Причерноморья, не противоречит интерпретации постройки III в качестве храма. Несимметричное расположение дверного проема как в здании III, так и в соседнем здании II более характерно для банкетных залов, хотя отклонения порогов от центральных осей в обоих случаях невелики. Подобная функция особенно подходит зданию II благодаря размерам помещения, его почти квадратному плану и появлению в нем позднее очага-гестии. Отсутствие посвящений и следов алтаря во дворе перед этими постройками не дает прямых оснований интерпретировать весь комплекс ВС-1 как святилище, однако с высокой долей вероятности его постройки можно считать зданиями гражданского назначения, частью общественного центра Нимфея, возникшего в его мысовой части одновременно с началом наземного каменно-сырцового домостроительства и сложением уличной сети.

Хотя связь комплекса ВС-1 со «святилищем Кабиров» неочевидна, близкое расположение

этих, пусть даже разновременных, объектов не может быть случайным. Оно иллюстрирует преемственность гражданских построек и связанных с ними полисных институтов. Квартал, в состав которого был включен комплекс ВС-1, служил и для размещения жилых домов: по соседству находился комплекс ВС-2, имеющий все признаки жилого домовладения (*Чистов*, 2017. С. 143, 145, 146, ил. 6). Такое сочетание небольших общественных зданий и жилых домов в одном квартале позднеархаического Нимфея очень напоминает особенности планировки Березанского поселения.

Развитие культового строительства в апойкиях Северного Причерноморья с начала третьей четверти VI в. до н. э. хорошо соответствует актуальным датировкам первых храмовых зданий в западнопонтийских городах. К середине — началу третьей четверти столетия относят появление древнейших общественных сооружений на острове св. Кирилла исследователи Аполлонии⁹. Тем же временем датируется и возведение трех каменных храмов на священном участке Истрии, хотя отдельные находки позволяют предполагать наличие небольших деревянных культовых построек на той же территории еще в начале VI в. до н. э. (*Avram et al.*, 2010–2011. S. 41).

Древнейший архаический храм в антах, расположенный на теменосе Аполлонии на о-ве св. Кирилла, датируется последней четвертью VI в. до н. э. Постройка, ориентированная входом на юг с отклонением к юго-востоку, состояла из пронаоса и наоса; в последнем сохранился фундамент под постамент статуи божества (рис. 1, 8). Своими размерами (11,75 × 6,80 м) он несколько уступал храму Аполлона Иетроса в Ольвии, имея не столь вытянутые пропорции плана (соотношение ширины к длине — около 1 : 1,7). В отличие от более позднего храма того же теменоса, это здание возведено без стереобата, непосредственно на скальном основании, однако имело сравнительно мощные фундаменты (толщиной до 1 м), сложенные из крупных известняковых плит (*Panayotova et al.*, 2014. P. 595, 596, fig. 1; *Stoyanova, Damyanov*, 2021. P. 9–11, fig. 1). Архаический храм

⁸ Промер по плану раскопа. В отчете В. М. Скудной (*Скудная*, 1960. С. 16, 17) указаны меньшие значения, возможно, с ошибкой в 1 м: 4,90 (по северной стене) × 5,50–5,60 м.

⁹ К этому начальному периоду отнесены только фрагменты архитектурной терракоты и отдельные архитектурные детали. Как в Ольвии и Пантикапее, древнейший раскрытый храм на теменосе Аполлонии датируется уже последней четвертью VI в. до н. э. (*Stoyanova, Damyanov*, 2021. P. 34).

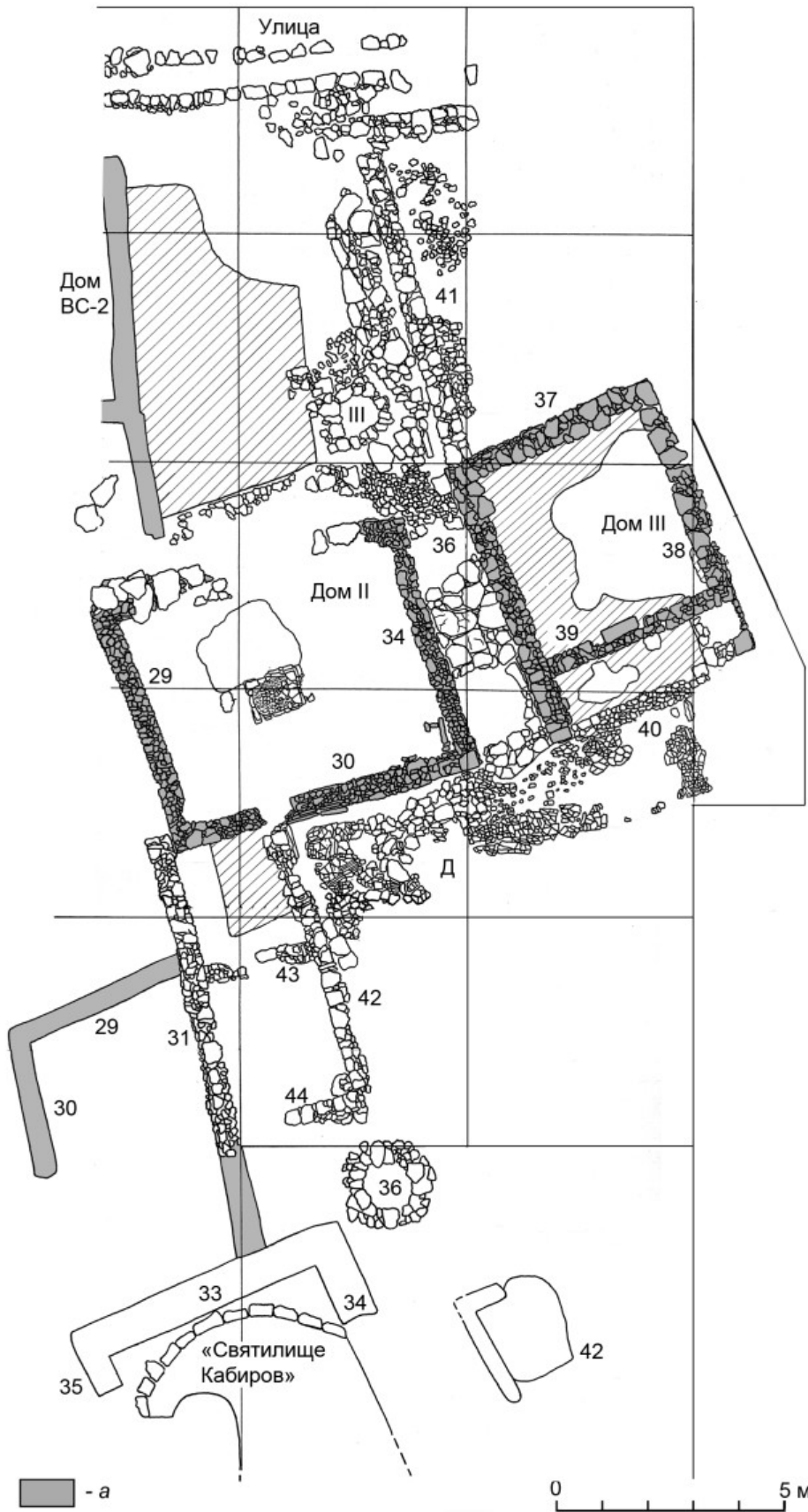


Рис. 4. Нимфей. План комплекса ВС-1 в северо-восточной части раскопа «В» (на основе сводного плана Нимфейской археологической экспедиции Эрмитажа 1949–1962 гг.) (а — постройки позднеархаического периода)

Fig. 4. Nymphaion. Plan of ensemble BC-1 in the north-eastern section of excavation "B" (after the composite plan drawn in 1949–1962 by the Nymphaion archaeological expedition of the State Hermitage) (a — structures of the late Archaic period)

был построен в границах обнесенного оградой теменоса Аполлонии; на его территории позднее возводились и другие общественные сооружения — постройка конца VI в. до н. э. с рельефным фризом на облицовочных терракотовых панелях, фундамент которой пока не найден, и раннеклассический храм, возведенный по соседству с архаическим, к востоку от последнего (*Stoyanova, Damyanov, 2021. P. 14–20*).

На территории теменоса Истрии раскрыты остатки трех архаических святилищ — предполагаемых храмов Афродиты («здание I»), Зевса («здание A») и Аполлона Иетроса («здание A'») (*Alexandrescu et al., 2005. P. 63–84; Avram et al., 2010–2011. S. 40–43*). Все три здания были возведены на прямоугольных платформах, имели южную ориентировку (A и A' — с отклонением к юго-востоку). План храма Афродиты (рис. 1, 9) имел удлиненные пропорции с соотношением сторон 1 : 2 (около 7,1 × 14,2 м), а его внутренне пространство было разделено на длинный пронаос и наос меньшей площади. Предполагается, что в основе этого плана находится еще более древняя антовая постройка, которую авторы раскопок Истрии обозначают как «небольшой храм или ойкос» (*Alexandrescu et al., 2005. P. 53, pl. 1, 1; 68, 69, pl. 95*). Храм A раннего строительного периода также представлял собой дистиль в антах сопоставимых размеров (8,0 × 14,5 м), однако имел трехчастный план (рис. 1, 10) — его внутреннее пространство было разделено на адитон, наос и пронаос (*Pippidi, 1954. P. 246–254; Avram et al., 2010–2011. S. 41, 42*).

Древнейшие постройки Северного Причерноморья с антовым портиком объединяет ряд общих черт. Прежде всего они очень невелики: внутренняя площадь их наосов близка обычным размерам отдельных помещений многокамерных жилых домов того же периода. Толщина и конструкция стен этих зданий, ширина перекрываемых пролетов (то есть, вероятно, и конструкция перекрытия) также не имеют существенных отличий от жилых сооружений. Платформы стереобатов при возведении древнейших антовых построек Северного Причерноморья не сооружались. Фундаментами, как правило, служили нижние ряды кладок каменных цоколей. Фанагорийская постройка совсем не имела каменных фундаментов, а сырцовое основание одной из стен храма южного теменоса Ольвии было заглублено на полметра в грунт.

Из приведенного выше краткого обзора можно сделать вывод, что лишь храм Аполлона Иетроса на Западном теменосе Ольвии и в меньшей степени храм Южного теменоса размерами и пропорциями плана могут быть сопоставлены с современными им образцами монументальной сакральной архитектуры западнопонтийских полисов. Именно они же с наибольшей степенью вероятности имели декорированные черепичные кровли. Архаические антовые здания Березани, Нимфея и раннеклассическая постройка в Фанагории сопоставимы лишь с ранним «ойкосом Афродиты» на теменосе Истрии, хотя площадь несколько уступают и ему. Следует признать, что строительные остатки этих скромных сооружений выделяются из окружающей их рядовой городской застройки только особенностями планировки, что препятствует их однозначной трактовке в качестве храмов.

План однокамерной отдельно стоящей прямоугольной постройки, состоявшей из основного помещения и расположенного перед ним антового портика, прослеживается в домостроительстве Греции с неолита и широко использовался в геометрическую эпоху как для жилых, так и общественных или культовых сооружений (*Mazarakis Ainian, 1997. P. 260, 261, tab. II*). Вместе с тем подыскать близкую аналогию «святилищу Афродиты» на Березани или нимфейскому «дому III» среди современных им культовых зданий метрополии нелегко. С. Д. Крыжицкий (*Крыжицкий, 2001. С. 170, табл. 2*) считал прообразом березанского «храма Афродиты» опубликованный А. Герканом (*Gerkan, 1925. S. 16–26*) небольшой архаический антовый храм восточной террасы Калабак-тепе. Однако в настоящее время эти строительные остатки на северном краю плато признаются исследователями Милета одной из рядовых построек, возникших после персидского разгрома (*Kerschner, 1995. S. 218, 219*). Обнаруженный неподалеку в 1990-х гг. фундамент архаического храма Артемиды Китоны продемонстрировал совершенно иные габариты разрушенного персами святилища (*Kerschner, 1999*).

В качестве примеров небольших антовых построек архаического периода нередко приводят так называемые ойкосы, малые храмы или сокровищницы. Эти второстепенные сооружения входили в состав комплексов многих греческих святилищ, обычно располагаясь на периферии священного участка, вдоль путей для процессий и

т. п. (*Bergquist*, 1967. Р. 100–105). Примерами могут служить здания, расположенные вдоль Священной дороги Герайона на Самосе (*Ziegenaus*, 1957; *Mohr*, 2013. Р. 40, 41), или сокровищницы святилища в Олимпии, возводившиеся с начала VI по первую четверть V в. до н. э. Но и в этих случаях речь идет о куда более монументальных и богато декорированных каменных ордерных зданиях. Так, например, одна из самых небольших построек террасы сокровищниц в Олимпии, ойкос VI, имела план дистилиа в антах размерами 6,0 × 9,5 м (*Mallwitz*, 1972. S. 163–179).

Интересный пример культового и общественного здания VI в. до н. э. дает недавно исследованное святилище Паниониона на горе Микале. Это здание, возведенное около 570/560 гг. до н. э., по видимому, совмещало функции храма и лесхи¹⁰, поскольку в его западной части имелось специальное помещение для собраний с отдельным входом (*Lohmann*, 2012a; 2012b. Р. 43–46, fig. 4.1). Восточная часть сооружения состояла из наоса квадратной формы, кровлю которого подпирали две колонны, и длинного пронаоса с восемью колоннами.

¹⁰ Лесха — здание для собраний, встреч, на которых обсуждались общественные дела.

Несмотря на внушительные размеры храма (по пропорциям — гекатомпедона, 28,8 × 8,6 м), у него отсутствовал общий стилобат: каждая из колонн стояла на отдельном основании, а стены были сырцовыми на каменных цоколях иррегулярной кладки, фундаментом которым служил лишь один ряд крупных камней (*Hulek*, 2017. Р. 77–91, fig. 1, 2). В этих строительных техниках можно усмотреть примечательное сочетание приемов монументальной архитектуры с типичными для архаического периода методами возведения рядовых каменно-сырцовых домов.

Назначение антовых зданий Березани, Ольвии, Нимфея и Фанагории, практически неотличимых от современных им жилых построек техникой возведения и размерами помещений, может предполагаться лишь по косвенным признакам. Постройка «святилища Афродиты» на Березани вряд ли могла служить «сокровищницей» теменоса из-за своего обособленного положения на отдельном, обнесенном оградой участке. Однако почти квадратный план внутренних помещений и нехарактерное для архаических храмов соотношение длины и ширины березанского (Е-1), нимфейского и фанагорийского зданий не исключает их использования для иных общественных нужд.

Бондаренко, Чистов, 2021 — *Бондаренко Д. В., Чистов Д. Е.* «Квартал гончаров» (участок «ГШ») в системе застройки и в экономике архаического Борисфена // *Stratum plus*. 2021. № 3. С. 235–259.

Буйских, 2006 — *Буйских А. В.* Архитектурные каменные детали // *Древнейший теменос Ольвии Понтийской* / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь, 2006 (МАИЭТ; Suppl. 2). С. 95–100.

Буйских, 2015 — *Буйских А. В.* Южный теменос Ольвии Понтийской (Предварительные итоги изучения) // *ВДИ*. 2015. № 2. С. 6–21.

Буйских, 2020 — *Буйских А. В.* Черепица и архитектурная терракота храма Афродиты в Ольвии // *Від античності до християнства: Збірник наукових статей, присвячений 70-річчю В. М. Зубаря* / Под ред. А. В. Буйських, Н. О. Сон. Київ: ІА НАНУ, 2020. С. 45–60.

Буйских, 2021 — *Буйских А. В.* Градостроительный план Ольвии Понтийской // *ВДИ*. 2021. Т. 81, № 3. С. 673–698.

Древнейший теменос..., 2006 — *Древнейший теменос Ольвии Понтийской* / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь: Крымск. отделение Ин-та

востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2006 (МАИЭТ; Suppl. 2). 501 с.

Завойкин, Кузнецов, 2011 — *Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.* Древнейшее общественное здание в Фанагории // *ПИФК*. 2011. № 4. С. 188–198.

Копейкина, 1975 — *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период (истоки строительной традиции) // *СА*. 1975. № 2. С. 188–199.

Крутілов, Смирнов, 2019а — *Крутілов В., Смирнов О.* Розкопки сакрального комплексу на Березані // *Археологічні дослідження в Україні 2017 р.* Київ: ІА НАН України, 2019. С. 164–165.

Крутілов, Смирнов, 2019б — *Крутілов В., Смирнов О.* Сакральний об'єкт теменосу Березанського поселення // *Аркасівські читання: історичні дослідження на сучасному етапі розвитку гуманітарної науки: Матеріали ІХ міжнар. наук.-практич. конф. (10–11 травня 2019 р.)*. Миколаїв: МНУ імені В. О. Сухомлинського, 2019. С. 25–26.

Крыжицкий, 1998 — *Крыжицкий С. Д.* Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии (опыт реконструкции) // *ВДИ*. 1998. № 1. С. 170–190.

- Крыжицкий*, 2001 — *Крыжицкий С. Д.* Храм Афродиты на Березани. Реконструкция // ВДИ. 2001. № 1. С. 165–175.
- Крыжицкий*, 2009 — *Крыжицкий С. Д.* К вопросу о функциональном назначении некоторых сооружений Березани и Ольвии VI–V вв. до н. э. // ВДИ. 2009. № 1. С. 136–149.
- Кузнецов*, 2018 — *Кузнецов В. Д.* Фанагория: заметки по планировке города // ДБ. 2018. Т. 22. С. 133–140.
- Кузнецов*, 2019 — *Кузнецов В. Д.* Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. М.: ИА РАН, 2019. Т. 24. С. 396–414.
- Лавин*, 1966 — *Лавин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966. 238 с.
- Лавин*, 1978 — *Лавин В. В.* Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации (рукопись монографии) // Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 24. № 58.
- Леви*, 1978 — *Леви Е. И.* Раскопки Ольвийской агоры и теменоса (1971–1974 гг.) // КСИА. 1978. № 156: Античность и варварский мир. С. 36–44.
- Марченко*, 1979 — *Марченко И. Д.* О планировке Северного склона Пантикапея (к проблеме изучения агоры) // СА. 1979. № 2. С. 164–178.
- Марченко*, 1984 — *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах // Сообщения ГМИИ. М.: ГМИИ, 1984. Вып. VII. С. 3–27.
- Монахов и др.*, 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Саратов: Амрит, 2019. 351 с.
- Назаров*, 2001 — *Назаров В. В.* Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1. С. 156–160.
- Назаров*, 2006 — *Назаров В. В.* Культовая жизнь Березани // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006. Т. I. С. 139–170.
- Скуднова*, 1960 — *Скуднова В. М.* Отчет о раскопках в Нимфее в 1960 г. // Архив Отдела античного мира Гос. Эрмитажа.
- Скуднова*, 1964 — *Скуднова В. М.* Нимфейский кабрион и его окружение (к 25-летию раскопок Нимфея) // Юбил. науч. сессия Гос. Эрмитажа. Секционные заседания: Тез. докл. Л.: Гос. Эрмитаж, 1964. С. 33–34.
- Толстиков*, 2010 — *Толстиков В. П.* Храм Аполлона на акрополе Пантикапея: Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК. 2010. № 1 (27). С. 277–314.
- Толстиков*, 2011 — *Толстиков В. П.* Ордерная архитектура раннего Пантикапея как источник по истории Боспора Киммерийского // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры / Отв. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2011. Т. 1. С. 149–168.
- Толстиков*, 2015 — *Толстиков В. П.* Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея // ПИФК. 2015. № 1 (47). С. 261–281.
- Толстиков и др.*, 2017 — *Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В.* Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М.: РФФИ, 2017. 396 с.
- Толстиков и др.*, 2002 — *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Архаический толос на акрополе Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. науч. конф. / СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. Ч. 1. С. 43–49.
- Худяк*, 1952 — *Худяк М. М.* Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее // Археология и история Боспора. Симферополь: б. и., 1952. Т. I. С. 5–87.
- Худяк*, 1958 — *Худяк М. М.* Отчет о раскопках в Нимфее за 1958 год // Архив Отдела античного мира Гос. Эрмитажа.
- Худяк*, 1962 — *Худяк М. М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 63 с.
- Чистов*, 2000 — *Чистов Д. Е.* Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н. э. // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 242–243.
- Чистов*, 2017 — *Чистов Д. Е.* Урбанизация архаического Нимфея // Перипл: от Борисфена до Боспора: Сб. ст. / Ред. А. М. Бутягин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2017 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. 88). С. 137–160.
- Чистов и др.*, 2012 — *Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю.* Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции; Т. 2). 297 с.
- Чистов, Ильина*, 2012 — *Чистов Д. Е., Ильина Ю. И.* Комплекс построек общественного назначения периода поздней архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры / Отв. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2012. Т. II. С. 19–48.

- Чистов и др., 2020 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2020 (Археология в Эрмитаже; Т. 1). 436 с.
- Alexandrescu et al., 2005 — Alexandrescu P., Sion A., Avram A., Alexandrescu Vianu M., Baltreş A., Bîrzescu I., Conovici N., Dupont P., Georgescu C., Măcărescu M., Zimmermann K. La Zone Sacrée d'époque grecque. Bucureşti; Paris, 2005 (Histria; Vol. VII). 551 p.
- Avram et al., 2010–2011 — Avram A., Bîrzescu I., Mărgineanu Cârstoiu M., Zimmermann K. Archäologische Ausgrabungen in der Tempelzone von Histria, 1990–2009 // Il Mar Nero. Roma: Edizioni Quasar di Severino Tognon s.r.l., 2010–2011. VIII. S. 39–102.
- Bergquist, 1967 — Bergquist B. The Archaic Greek Temenos. A Study of Structure and Function. Lund: Gleerup, 1967. 136 p.
- Billot, 2012 — Billot M. F., Terres cuites architecturales de Sinope de l'époque archaïque à l'époque hellénistique // Sinope. The Results of Fifteen Years of Research: Proceedings of the International Symposium 7–9 May 2009 / Ed. D. Kassab-Tezgör. Leiden; Boston, 2012. P. 217–359.
- Bujskikh, 2015 — Bujskikh A. V. The Southern Temenos in Pontic Olbia (Preliminary Results of the Investigation) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden: Brill, 2015. Vol. 21. P. 222–250.
- Bujskikh, 2021 — Bujskikh A. Late-Archaic Temple Architecture In Olbia Pontica: An Evidence Of Roof Tiles And Architectural Terracotta // Caiete ARA. 2021. Vol. 12. P. 51–56.
- Bujskikh, Chistov, 2018 — Bujskikh A., Chistov D. Architectural Details and Monumental Buildings at Borysthènes // Caiete ARA. 2018. Vol. 9. P. 5–22.
- Chistov, 2015 — Chistov D. E. The civic centre of Archaic Borysthènes: a new approach to localization // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC — 10th Century AD): Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities / Ed. G. Tsetschladze. London: Archaeopress, 2015. P. 403–413.
- Chistov, 2021 — Chistov D. E. New Data on the Late Archaic Civic Centre of the Berezan Settlement. Courtyard with Altar in the City Block “H” // Hrsg. J. Fornasier & A. V. Bujskikh. An den Ufern des Bug. На берерах Бугу. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen (Frankfurter Archäologische Schriften). Bonn: Verlag Dr. R. Habelt, 2021. S. 115–136.
- Chistov, Krutilov, 2014 — Chistov D., Krutilov V. The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement // Phanagoreia und darüber hinaus.... Festschrift für Vladimir Kuznetsov / Ed. N. Povalachev. Göttingen, 2014. P. 209–230.
- Gerkan, 1925 — Gerkan A. Kalabektepe, Athenatempel und Umgebung. Berlin: Schoetz und Parrlys, 1925 (Milet. 1925; Bd. 1, Ht 8). 125 S.
- Hulek, 2017 — Hulek F. The Architecture of the Middle Archaic Temple at Mount Çatallar Tepe // V. Helike Poseidon, God of Earthquakes and Waters. Cult and Sanctuaries (Conference Aigio 4–6 October 2013) / Ed. D. Katsonopoulou. Athens, 2017. P. 77–98.
- Kerschner, 1995 — Kerschner M. Die Ostterrasse des Kalabaktepe // Archäologischer Anzeiger. 1995. S. 214–220.
- Kerschner, 1999 — Kerschner M. Das Artemis-Heiligtum auf der Ostterrasse des Kalabaktepe. Stratigraphie und Keramikfunde der Sondagen des Jahres 1995 // Archäologischer Anzeiger. 1999. S. 7–51.
- Lohmann, 2012a — Lohmann H. “... und es blitzt von Erz der große Saal”: Zum Bankettsaal des archaischen Panionion // Tryphe und Kultritual im archaischen Kleinasien: ex oriente luxuria? / Ed. L.-M. Günther. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. S. 96–125.
- Lohmann, 2012b — Lohmann H. Ionians and Carians in the Mycale: the discovery of Carian Melia and the Archaic Panionion // Landscape, Ethnicity and Identity in the Archaic Mediterranean Area / Eds. G. Cifani, S. Stoddart. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 32–50.
- Mallwitz, 1972 — Mallwitz A. Olympia und Seine Bauten. München: Prestel-Verlag, 1972. 313 S.
- Mazarakis Ainian, 1997 — Mazarakis Ainian A. From Ruler's Dwellings to Temples: Architecture, Religion and Society in Early Iron Age Greece (1100–700 BC). Jonsered, 1997. (SIMA; CXXI). 424 p.
- Mohr, 2013 — Mohr M. Die Heilige Straße — Ein Weg der Mitte? Soziale Gruppenbildung im Spannungsfeld der archaischen Polis. Rahden, Westf., Leidorf, 2013 (Zürcher Archäologische Forschungen; Bd. 1). 166 S.
- Panayotova et al., 2014 — Panayotova K., Damyanova M., Stoyanova D., Bogdanova T. Apollonia Pontica: The Archaic Temenos and Settlement on the Island of St. Kirik // Proceedings of XVIIIth International Congress of Classical Archaeology. Centre and periphery in the ancient world. Mérida, 2014. Vol. I. P. 595–598.

- Pippidi*, 1954 — *Pippidi D. M.* Sectorul templului grec // *Histria*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1954. Vol. I. S. 231–277.
- Stoyanova, Damyanov*, 2021 — *Stoyanova D., Damyanov M.* Late Archaic and Early Classical Monumental Architecture on the Island of St. Kirik, Apollonia Pontike // *Environment and Habitation around the Ancient Black Sea* / Ed. D. Braund, V. F. Stolba, U. Peter. Berlin; Boston: Gruyter, 2021. P. 7–38.
- Ziegenaus*, 1957 — *Ziegenaus O.* Die Tempelgruppe im Norden des Altarplatzes // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts: athenische Abteilung*. 1957. 72. S. 87–151.

The earliest antae buildings in the Northern Black Sea littoral

D. E. Chistov¹¹

Keywords: temple with antae, Northern Black Sea littoral, Classical period, Archaic period.

The emergence of the first public buildings in ancient cities of the Northern Black Sea region must be dated to the beginning of the third quarter of the 6th cen. BC, although the most of the reliably recorded structures of this type are dated to not earlier than the last quarter of the same century. Archaic and early Classical buildings with antae have been by now revealed within the composition of the public centres of Borysthene (Berezan settlement), Olbia, the Bosphoran cities of Phanagoria and Nymphaion.

These buildings have a number of features in common (Fig. 1, 1–7). Firstly, they are very small: the internal area of their naos is close to the ordinary dimensions of separate rooms in multichamber dwelling houses of the same period. The thickness and construction of the walls of these buildings, and the width of the covered aisles (i. e., possibly, the construction of the ceiling) also do not essentially differ from the ordinary buildings. Only the temple of Apollo Hietros at the Western temenos of Olbia and, to a lesser degree, the temple at the Southern temenos, in terms of their dimensions and plan, can be compared with synchronous examples of the monumental sacral architecture of the West Pontic poleis (Fig. 1, 8–10). Exactly these had a stone entablature and, very probably, were covered with decorated tiled roofs.

The purpose of the other antae buildings may be guessed only through indirect signs. The construction of the “sanctuary of Aphrodite” on the Berezan (Fig. 1, 1; 2) hardly can have served as a treasury of the temenos because of its isolated situation at a separate fenced area. However the almost square plan of the internal rooms and the untypical of the Archaic temples correlation between the length and width of the Berezan (E-1), Nymphaion (Fig. 1, 5; 3; 4) and Phanagorian (Fig. 1, 6) buildings do not exclude their use for some other public needs.

¹¹ Dmitriy E. Chistov — Department of the Ancient World, State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: d.chistov@gmail.com.

Савмак или Савлак: к вопросу об атрибуции монет с ΣΑΥ на реверсе

М. М. Чореф¹

Аннотация. После изучения монет с изображением Гелиоса на аверсе, приписываемых исследователями к выпускам Савмака или Савлака, нами был сделан вывод, что они эмитированы от имени первого из них в период поднятого на Боспоре восстания. Относительно недавно найденной монеты с хорошо читаемым ΣΑΥΛΑΚΟΥ на реверсе, полагаем, что это не подлинный артефакт, а современный новодел.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Савмак, Савлак.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-202-207

Уже не первое столетие идет дискуссия по поводу определения нумизматических артефактов, изображения которых приведены² на рис. 1. Проблема в том, что все еще нет единой точки зрения по вопросу о прочтении легенд их реверса. К сожалению, все эти монеты малого диаметра, так что надпись на оборотной стороне не отчеканена полностью. Приведем их описания.

Тип I

Л. с.³ Голова Гелиоса в лучевой короне вправо.

О. с. Голова быка вправо. Перед ней неясное изображение⁴. Над головой животного различимо ΒΑΣΙ, под ней читается ΣΑΥΜ (рис. 1, 1–6).

Есть основания для выделения двух подтипов. Для монет первого характерны частые лучи, расходящиеся от головы божества (рис. 1, 1, 2).

¹ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия; e-mail: choref@yandex.ru.

² Изображения монет на рис. 1 опубликованы А. фон Заллетом (*Sallet*, 1876. S. 58), П. О. Бурачковым (*Бурачков*, 1884. Табл. XXV, 37), А. В. Орешниковым (*Орешников*, 1914. Табл. I, 1–3), К. В. Голенко (*Голенко*, 1951. Табл. I, 1, 2, 5), а также Т. и Г. Дундуа (*Dundua T., Dundua G.*, 2018. P. 89, 92, 95).

³ Здесь и далее: Л. с. — лицевая сторона, О. с. — оборотная сторона.

⁴ Вполне возможно, что это монограмма или тамга. К сожалению, разобрать это обозначение на известных нам экземплярах не представляется возможным.

На лицевой стороне выпусков второго выбивали голову Гелиоса с редкими лучами (рис. 1, 3–6). Для наглядности приводим реконструкции монет этих подтипов, предложенные А. фон Заллетом (*Sallet*, 1876. S. 58) (рис. 1, 1) и П. О. Бурачковым (*Бурачков*, 1884. Табл. XXV, 37) (рис. 1, 3).

Судя по публикациям⁵, монеты этого типа (4 экз.) чеканили в биллоне или в бронзе. Вес — от 1,04 до 1,65 г. Они хранятся в собраниях Берлинского музея (рис. 1, 1, 2) и Государственного исторического музея (Москва) (рис. 1, 3–6) (*Анохин*, 2016. С. 131, № 1; *Dundua T., Dundua G.*, 2018. P. 88).

Тип II

Л. с. Голова Гелиоса в лучевой короне вправо.

О. с. Цветок граната. Над ним читается ΒΑΣΙΛΕ. Под изображением различимо ΣΑΥ (рис. 1, 7–9).

Монеты этого типа (2 экз.) известны в серебре⁶. Их вес — 0,98 и 1,70 г. Они хранятся в собраниях Берлинского музея (рис. 1, 7) и Музея Вани (рис. 1, 8) (*Анохин*, 2016. С. 131, № 2; *Dundua T.*,

⁵ По данным В. А. Анохина, «точный анализ» сплава, из которого были изготовлены монеты этой группы, не проводился (*Анохин*, 2016. С. 133), так что сведения о материале, использованном при их производстве, неточны, и, вполне возможно, будут скорректированы в обозримом будущем.

⁶ Проба также не установлена (*Анохин*, 2016. С. 133).

Dundua G., 2018. P. 92). Для наглядности приводим реконструкцию монеты этого типа, предложенную Т. и Г. Дундуа (рис. 1, 9).

Тип III

Л. с. Голова Гелиоса в лучевой короне анфас.

О. с. Крылатая молния. Выше нее — ΒΑΣΙ, ниже — ΣΑΥ (рис. 1, 10, 11).

Монеты этого типа чеканились из меди и, возможно, серебра⁷. Известные экземпляры весят 1,75 и 1,83 г. Они хранятся в собраниях Берлинского (рис. 1, 10) и Британского музеев (рис. 1, 11) (Анохин, 2016. С. 131, № 3; *Dundua T., Dundua G.*, 2018. P. 95).

Процесс изучения этих монет начался в конце XIX в. Так, монету типа I ввел в научный оборот А. фон Заллет. Ученый полагал, что в нижней строке легенды ее реверса можно читать ΣΑΥΛ или ΣΑΥΜ. Причем он не считал возможным атрибутировать и датировать данный артефакт (*Sallet*, 1876. S. 58, 59). В том же номере *Zeitschrift für Numismatik* вышла статья А. фон Гутшмидта (*Gutschmid*, 1876. S. 150–153), заключившего, что эта монета могла быть выпущена неизвестным колхидским царем Савлаком, по его мнению, правившем во II в. до н. э. и одноименным государю, о котором писал Г. Плиний Секунд⁸ (*Plin. NH.*, XXXIII, 52).

⁷ Эти данные приведены в публикациях (*Dundua T., Dundua G.*, 2018. P. 95), хотя изучение состава сплава не проводилось (Анохин, 2016. С. 133). Надеемся, что эти данные будут уточнены в ближайшем будущем.

⁸ Ограничимся приведением фрагмента текста Г. Плиния Секунда, в котором упомянут царь Колхиды Савлак: «Iam regnaverat in Colchis Saulaces Aetae suboles, qui terram virginem nactus plurimum auri argentine eruisse dicitur in Suanorum gente, et alioqui velleribus aureis incluto regno. et illius aureae camarae, argenteae trabes et columnae atque parastaticae narrantur vicatē Sesostri, Aegypti regi tam superbo, ut prodatur annis quibusque sorte reges singulos e subiectis iungere ad currum solitus atque ita triumphare!» (*Plin. NH.*, XXXIII, 52) — «У колхов уже царствовал потомок Ээта Савлак, который, как говорят, получив нетронутую землю, вырыл много золота и серебра у племени суанов и вообще в царстве, славном золотым руном. И рассказывают, что у него после поражения египетского царя Сесостриса были золотые потолки, серебряные стропила, колонны и пилястры» (*Подосинов*, 2011. С. 219). То есть этот государь являлся современником и противником некоего фараона Сесостриса. Очевидно, что речь идет о собирательном образе правителя Египта, который вел завоевательные войны. Подробнее о Сесострисе см: *Иванчик*, 1999. Сведения о позднейшем Савлаке

Р. Вейль, развивая эти гипотезы, допустил, что последней различимой буквой в нижней строке легенды реверса является «М». Ученый заключил (*Weil*, 1881), что изученная им монета могла быть выпущена от имени Савмака⁹, известного по херсонесскому декрету в честь Диофанта (IOSPE³ III. № 8). Но этот вывод не принял А. В. Орешников, считая его преждевременным (*Орешников*, 1914. С. 6). В свою очередь К. В. Голенко привел доводы в пользу предположения А. фон Гутшмидта (*Голенко*, 1951; 1963). Его выводы поддержал Д. Г. Капанадзе (*Капанадзе*, 1951). Однако А. Н. Зонграф (*Зонграф*, 1951. С. 185, табл. XLII, 27–29) и В. Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич*, 1949. С. 585, табл. II, 43; 1962. С. 2–23, рис. 2, 3) заключили, что на реверсе монет, опубликованных А. фон Заллетом и А. В. Орешниковым, читается ΣΑΥΜ. К. В. Голенко согласился с ними и допустил, что на монетах изучаемой группы возможны как ΣΑΥΜ, так и ΣΑΥΛΑ, ΣΑΥΛΤ и ΣΑΥΛΥ (*Голенко*, 1963. С. 71). В то же время ученый не сомневался в их колхидском происхождении (*Голенко*, 1951. С. 202–203; 1963. С. 79). Он настаивал на том, что объекты его изучения выпускались по стопе «колхидок», и по той же причине на их реверсе разместили характерные для выпусков Колхиды изображения голов Гелиоса и быка (*Там же*. С. 202). Решающее значение он придавал факту обнаружения трех из них в кладе из окрестностей Сухуми (*Орешников*, 1914. С. 6–8, табл. I, 1–3; *Пахомов*, 1949. С. 13, № 1117). Ученый писал, что вряд ли Савмак мог за непродолжительный период времени — менее года — выпустить два типа монет, да еще и с признаками «деградации пробы металла» (*Голенко*, 1951. С. 202).

Важный вклад в разрешение проблемы внесли Г. Ф. Дундуа и В. А. Анохин. Первый из исследователей поддержал точку зрения В. Ф. Гайдукевича, заметив, что рассуждения К. В. Голенко производят «впечатление искусственно осложненного вопроса» (*Дундуа Г.*, 1987. С. 103). В свою очередь В. А. Анохин хоть и не отнес изначально эти монеты к выпускам государей Боспора (*Анохин*,

отсутствуют в античных источниках исторической информации.

⁹ К такому же выводу пришел П. О. Бурачков, изучив монету из своей коллекции (*Бурачков*, 1884. С. 220, № 13, табл. XXV, 37). В свою очередь А. Л. Бертье-Далагард заметил, что на реверсе этой монеты «надписи не приметны» (*Бертье-Далагард*, 1907. С. 27).

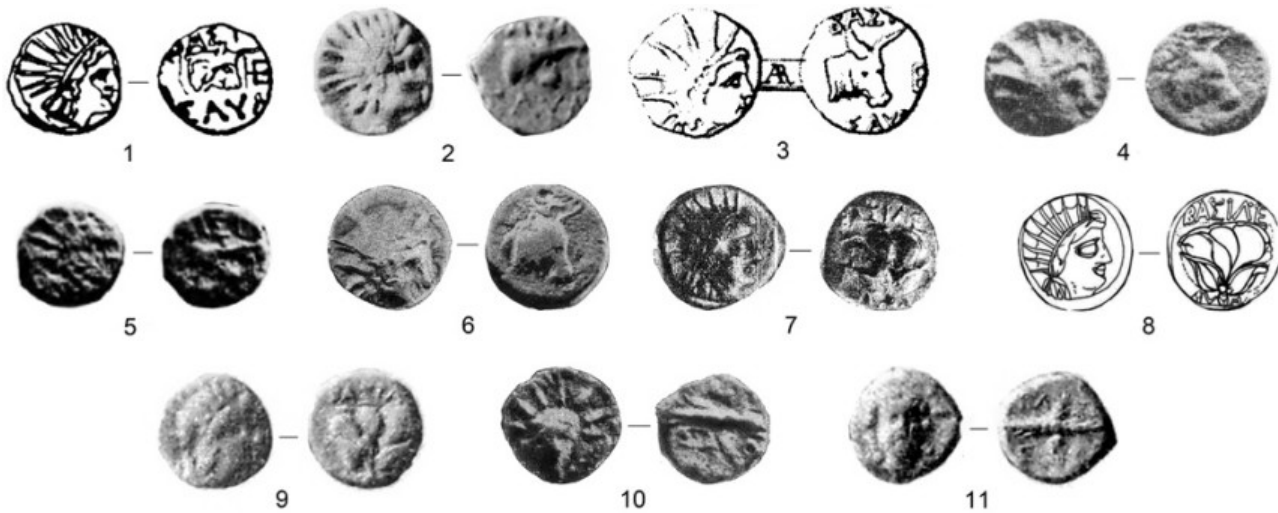


Рис. 1. Монеты Савмака: 1–6 — типа I; 7–9 — типа II; 10, 11 — типа III
 Fig. 1. Coins of Saumakos: 1–6 — type I; 7–9 — type II; 10, 11 — type III

1986), в своих позднейших работах (Анохин, 1999. С. 101–102; 2016. С. 84, № 1286а-б-в; 130–140) изложил весьма веские доводы в пользу этого заключения. Так, он справедливо заметил, что «аргументацию К. В. Голенко нельзя признать объективной и убедительной» (Анохин, 2016. С. 132). В. А. Анохин начал с того, что стопа монет этой группы характерна для боспорских выпусков последней трети II в. до н. э. (Анохин, 2011. № 1078, 1087, 1101–1103; 2016. С. 137, 138), а затем заключил, что изучаемые монеты одного номинала (Анохин, 1999. С. 101), причем нет никаких оснований для отнесения их к чекану Колхиды. Ведь ее правители тогда чеканили только золото — так называемые кавказские подражания статерам Александра и Лисимаха (Анохин, 2016. С. 139). Их последние серии, поступившие в обращение в конце II в. до н. э., были оформлены, не в пример

рассматриваемым монетам, в нарочито варварском стиле. Что же касается «деградации металла», то, как заметил исследователь, «точный анализ» состава сплава не проводился. Причем как раз для регулярной, длительной чеканки было бы характерно сохранение пробы или же ее плавное снижение (Там же. С. 133).

В. А. Анохин не обошел вниманием и сообщение об обнаружении трех монет типа I в кладе, найденном близ Сухуми (Орешиников, 1914. С. 6–8, табл. I, 1–3; Пахомов, 1949. С. 13, № 1117). Он заметил, что одна из них, заинтересовавшая К. В. Голенко (рис. 1, 4), ранее хранилась в коллекции П. О. Бурачкова. Так что есть все основания предполагать ее таврическое происхождение (Анохин, 2016. С. 137). Учитывая все эти обстоятельства, ученый пришел к выводу, что привлечшие наше внимание монеты были выпущены боспорским правителем, по-видимому, Савмаком (Анохин, 1999. С. 101, 102; 2016. С. 84, № 1286а-б-в; 130–140).

Однако сравнительно недавно в научный оборот были введены сведения о весьма интересной монете, на реверсе которой явственно читается ΣΑΥΛΑΚΟΥ (ее изображение опубликовано в работах: Гаврилов, Шоноу, 2007. С. 31; Анохин, 2016. С. 130, рис. 1; Шоноу, 2019. Рис. 255). Приведем ее описание (рис. 2).

Л. с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. О. с. (ΒΑΣΙ)Λ(Ε) ΣΑΥΛΑΚΟΥ. Развернутая влево лежащая птица, голова которой обращена назад.



Рис. 2. Гипотетическая монета Савлака
 Fig. 2. Hypothetical coin of Saulakos

Монета отчеканена из «биллона или низкопробного серебра», ее вес — 1,6 г, диаметр — 1,1 см (Гаврилов, Шонов, 2007. С. 31). Артефакт был найден в 2006 г. на селище Куру Баш неким жителем Феодосии и опубликован А. В. Гавриловым и И. В. Шоновым. Исследователи не разобрали первую строку надписи реверса. Действительно, видна она довольно плохо. Зато они прочли вторую строку, на основании чего отнесли монету к чекану Савлака. Исследователи допустили, что она могла «попасть на Куру Баш как с воинами Диофанта, когда ему силой пришлось взять Феодосию и укрепления в ее округе (IPE I, № 352), так и несколько позже, во время дислокации здесь понтийского гарнизона» (Гаврилов, Шонов, 2007. С. 32). Они пришли к выводу, что раз их монета была выпущена от имени Савлака, то и другие, представленные на рис. 1, были отчеканены от имени этого же правителя, хотя ничего общего в их оформлении не просматривается. Кроме того, А. В. Гаврилов и И. В. Шонов не разобрали титул Савлака на монете и не сформулировали ничего оригинального (Гаврилов, Шонов, 2007).

В. А. Анохин обратил внимание на эту публикацию (Анохин, 2016. С. 130–140) и высказал замечания, опустить которые мы не имеем права. Во-первых, он уточнил легенду реверса, указав, что в первой строке было размещено указание на титул правителя, при котором была отчеканена изучаемая монета (Там же. С. 130). Во-вторых, допустил, что эта монета могла быть выпущена в северной части Колхиды, а точнее, в Диоскурии. С его точки зрения чеканка ее производилась в последние годы правления Митридата VI Евпатора Диониса (121–63 гг. до н. э.) либо без его санкции, когда «царь уже был на Боспоре и не мог реагировать на самоуправство Савлака, либо была санкционирована Митридатом в благодарность за какую-либо помощь» (Там же. С. 140).

Сразу заметим, что мы находим мнение В. А. Анохина безусловно логичным и перспективным. Между тем сам факт обнаружения монеты Савлака в Восточной Таврике и ее исключительная редкость не позволяют нам принять последний тезис уважаемого исследователя. Вряд ли Савлак отчеканил так мало монет, что они не сохранились в Колхиде, но при этом обращались в Таврике, где в результате постоянной деятельности денежных дворов не ощущали дефицита платежных средств. Также нет оснований полагать, что «ослабленная, предоставленная только

своим силам» (Там же. С. 140) Диоскурия осмелилась тогда выпустить серебро без санкции римских властей, да еще и от имени царя Савлака. Ведь в противном случае сам факт его царствования был бы зафиксирован в римских письменных источниках, чего мы, как уже было сказано ранее, не наблюдаем. Зато известно, что на пути в Колхиду Помпей разгромил албанского царя Ороза и иберийского царя Артока, которых, вместе с правителем колхов Олтаком, провел в своем триумфе (App. Mithr., 103, 114, 117). Если верить Л. Аннею Флору, он подчинил тогда и царя колхов Ороза (Flor. XL, 27).

Попытаемся развить наш тезис. Полагаем, что единственно возможным его следствием является констатация того факта, что монета, изданная А. В. Гавриловым и И. В. Шоновым, является фантазийной, а точнее, современным новоделом. Ее изготовили с учетом высокого спроса на «уникумы» у незадачливых коллекционеров.

Чтобы совершенно убедиться в этом, обратим внимание на легенду реверса, а именно на передачу слова ΣΑΥΛΑΚΟΥ. Судя по стилистике, монета не могла быть отчеканена в Колхиде в тот период. Обратим внимание на написание букв «К», «Л» и «Υ». Они нарочито небрежны. Крайне примечательна буква «Υ». Ее наклонные составляющие переданы как сегменты окружностей. Но на драмах Аристарха, правившего в Колхиде по воле Помпея, легенду разместили куда аккуратнее (Dundua T., Dundua G., 2018. P. 108, 109; Pataridze, 2019).

Складывается впечатление, что буквы этой надписи не прорезали, а небрежно процарапали по мягкому и податливому материалу, в результате чего они получились неординарно тонкими и неаккуратными. Но, как ни странно, они довольно хорошо сохранились, в отличие от рельефных и, по-видимому, тщательно прорезанных изображений головы Афины и птицы. Полагаем, что изделие было протравлено для придания ему вида под старину, причем нижнюю строку надписи лишь слегка задели, повредив только ее последние буквы, чтобы не лишиться изделие привлекательности для собирателей¹⁰.

¹⁰ Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. А. В. Гаврилов, публикуя в 2010 г. нумизматические материалы из селища Куру Баш, не счел необходимым упомянуть привлекающую наше внимание монету (Гаврилов, 2010), что может быть следствием

В любом случае у нас нет оснований полагать, что некий легендарный Савлак, царь Колхиды, выпустил монеты, изображения которых приведены на рис. 1. Их могли отчеканить только по приказу Савмака. Причем развитие типов его выпусков было столь же быстрым (Чореф, 2020), как и бронз Пантикапея и Фанагории, отчеканенных в период краткого правления Скрибония (21/20–17/16 гг. до н. э.), после его гибели, а также

или невероятной и недопустимой забывчивости, или тем, что он не уверен в ее подлинности. Последнее, как нам кажется, куда вероятнее. Только этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что исследователь не сослался на совместную с И. В. Шоновым публикацию «монеты Савлака», хотя процитировал позднейшие статьи, вышедшие в 2008 и 2009 гг. (Там же. С. 141, примеч. 1). В свою очередь его соавтор повторил все их соображения в своей монографии (Шонов, 2019. С. 253, рис. 255).

в начале царствования Полемона I (14/13 гг. до н. э. — 9/10 гг. н. э.).

Что же касается фактов обнаружения монет Савмака в восточной части Боспорского государства, то полагаем, что жители его окраин отдавали предпочтение привычным денежным знакам, даже если они выпали из обращения в центре или на территориях государств-эмитентов (Чореф, 2019). Так что неслучайно монеты Савмака нашли вместе с «колхидками» (Пахомов, 1949. С. 13, № 1117). Определенно, их продолжали ценить за содержащийся в них драгоценный металл.

Подчеркнем, что мы не считаем наше исследование завершенным. Рассчитываем, что будут уточнены сведения о сплаве, из которого отчеканили выпуски Савмака. Также надеемся на то, что удастся в обозримом будущем выявить монету типа I с различным обозначением перед головой быка на реверсе.

Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 183 с.

Анохин, 1999 — Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 249 с.

Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011. 328 с.

Анохин, 2016 — Анохин В. А. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды. Киев: Стилос, 2016. 280 с.

Бертъе-Делагард, 1907 — Бертъе-Делагард А. Л. Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова. М.: Тип. О. О. Гербек, 1907. 36 с.

Бурачков, 1884 — Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса: Тип. А. Шульце, 1884. Ч. I. 321 с.

Гаврилов, 2010 — Гаврилов А. В. Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. 2010. № 6. С. 141–157.

Гаврилов, Шонов, 2007 — Гаврилов А. В., Шонов И. В. Монета Савлака с укрепления Куру Баш близ Феодосии // XIV Всерос. нумизматическая конф. (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 г.): Тез. докл. и сообщ. / Отв. ред. В. А. Калинин. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 31–33.

Гайдукевич, 1949 — Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: АН СССР, 1949. 624 с.

Гайдукевич, 1962 — Гайдукевич В. Ф. Еще раз о востании Савмака // ВДИ. 1962. № 1. С. 3–23.

Голенко, 1951 — Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1951. № 4. С. 199–203.

Голенко, 1963 — Голенко К. В. Еще раз о монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1963. № 3. С. 69–81.

Дундуа Г., 1987 — Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 216 с.

Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: АН СССР, 1951 (МИА; № 16). 313 с.

Иванчик, 1999 — Иванчик А. И. Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4. С. 4–3.

Капанадзе, 1951 — Капанадзе Д. Г. Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку» // ВДИ. 1951. № 4. С. 203–204.

Орешиников, 1914 — Орешиников А. Экскурсы в область древней нумизматики черноморского побережья. М.: Синодальная типография, 1914 (Нумизматический сб.; Т. III). 38 с.

Пахомов, 1949 — Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку: АН АзССР, 1949. Вып. IV. 116 с.

Подосинов, 2011 — Подосинов А. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: текст, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2011 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). 502 с.

- Чореф, 2019 — Чореф М. М. Звездовидная надчеканка I в. до н. э. на боспорском оболе III в. до н. э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан // Русин. 2019. № 55. С. 34–43. DOI 10.17223/18572685/55/3.
- Чореф, 2020 — Чореф М. М. Монеты Пантикапея и Фанагории третьей четверти I в. до н.э. как источник исторической информации // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 710–733. DOI 10.24411/2713-2021-2020-00023.
- Шонов, 2019 — Шонов И. В. Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н. э. Симферополь: АРИАЛ, 2019. 478 с.
- Dundua T., Dundua G., 2018 — Dundua T., Dundua G. Catalogue of Georgian Numismatics. Tbilisi: Meridian Publishers, 2018. 395 p.
- Gutschmid, 1876 — Gutschmid A., von. Saulakes, König von Kolchis // Zeitschrift für Numismatik. 1876. Bd. III. S. 150–153.
- IOSPE³ III — Макаров И. IOSPE³ III. Надписи Херсонеса и его окрестностей. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/chersonesos/index-ru.html> (дата обращения: 25.08.2021).
- Pataridze, 2019 — Pataridze M. Aristarchus, the Ruler of Colchis (Numismatic Research) // Pro Georgia. 2019. T. 29. P. 83–95.
- Sallet, 1876 — Sallet A., von. Zur griechischen Numismatik // Zeitschrift für Numismatik. 1876. Bd. III. S. 47–60, 132–140, 240–252. Tf. II.
- Weil, 1881 — Weil R. König Saumakos // Zeitschrift für Numismatik. 1881. Bd. VIII. S. 329–333.

Saumakos or Saulakos: on the issue of attribution of coins with ΣΑΥ on the reverse

M. M. Choref¹¹

Keywords: history, archaeology, numismatics, Saumakos, Saulakos.

Our attention was attracted by coins attributed by researchers to the minting of Saumakos or Saulakos. They are notable for the fact that on their obverse is imprinted the image of Helios in profile or full face. We believe that these coins were minted at the Bosporean monetary yards during the Saumakos uprising. As for the possibility of their release on behalf of Saulakos, who allegedly ruled in Colchis in the second half of the 2nd cen. or in the third quarter of the 1st cen. BCE, there is no information about him in written sources. And this despite the fact that we know about the Caucasian dynasts who resisted Pompey during his campaign against the Bosporus.

In the process of substantiating this thesis, we studied the so-called Saulakos coin, found in recent years near Feodosia, on the territory of the village of Kuru Bash. We believe that there is no reason to unite it into one group with the Saumakos releases. We judge by the fact that not the head of Helios is imprinted on its obverse, but a bust of Athena in a Corinthian helmet.

We have good reason to doubt the authenticity of this Saulakos coin. After all, the inscription on its reverse, judging by the style, could not have been designed in the era of antiquity. We admit that we should be talking about a skillfully aged remake, made to deceive unlucky collectors.

¹¹ Mikhail M. Choref — Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarin pr., Nizhny Novgorod, 603950, Russia; e-mail: choref@yandex.ru.

Эроты феодосийских серег¹

И. Ю. Шауб²

Аннотация. В статье рассматриваются образы крылатых юношей (условно называемых Эротами), которые фланкируют центральный сюжет, представленный на знаменитых феодосийских золотых серьгах. Е. Я. Рогов, посвятивший одну из своих работ установлению места производства этих серег роскошного стиля, предположил, что их создал выходец из Великой Греции. Анализ образов этих Эротов подкрепляет гипотезу исследователя, поскольку их женственное (присущее гермафродам) обличье является отличительной особенностью трактовки аналогичных крылатых персонажей на краснофигурных апулийских вазах. Орфико-пифагорейские верования, лежавшие в основе сюжетов их росписи, позволяют предполагать, что похожие идеи обусловили специфику образов Эротов феодосийских серег, а возможно, и представленный на них главный сюжет.

Ключевые слова: Эрот, античное ювелирное искусство, Феодосия, орфизм, апулийские вазы, Е. Я. Рогов.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-208-213

Ювелирное искусство является ценным источником данных о религиозных верованиях древних греков, поскольку оно «не менее, чем другие виды эллинского искусства, постоянно осуществляло тесную связь между человеком и теми метафизическими силами, которые нас сквозь пронизывали и ограничивали его существование. Ювелиры черпали из глубокого источника греческой религиозности, наполняя ювелирные изделия бесконечным рядом образов» (Hoffmann, Davidson, 1965. P. 13). Однако с этой точки зрения роскошные золотые серьги (рис. 1, 1), найденные в 1853 г. в одном из курганов Феодосии, не рассматривались, хотя они неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, которые пытались понять суть представленного на них центрального сюжета и определить место создания этого шедевра античной «микротехники». Образы

крылатых юношей (условно называемых Эротами), которые фланкируют центральную композицию (рис. 1, 2), вообще никогда специально не анализировались. Относительно сюжета этой композиции М. И. Максимова впервые высказала предположение, что здесь запечатлено состязание юношей-апобатов, которые должны соскочить на ходу с мчащейся квадриги, управляемой Никой, символизирующей победу в состязании. Слева от фигурки богини изображен обнаженный воин-апобат со щитом в левой руке, правой рукой держащийся за передок колесницы, немного согнувший колени и откидывающий назад корпус для прыжка (Максимова, 1958. С. 63–65).

Показательно, что Ника в паре с апобатом известна только на феодосийских серьгах (Тункина, 2012. С. 54). По мнению одних ученых, эта сцена могла воспроизводить реальные состязания с целью напомнить владелице серег о победе в агоне апобатов того, кто подарил ей это украшение (Максимова, 1958. С. 65; Саверкина, 2000. С. 20). Согласно другой гипотезе, высказанной М. В. Скржинской, здесь запечатлена сцена гигантомахии (сражения богов с гигантами), соответственно, на серьгах представлена Ника-возница на боевой колеснице и апобат — Геракл, собирающийся спрыгнуть с колесницы для боя с гигантами. Исследовательница считает, что натурой для ювелира могли

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: schaubigor@mail.ru.

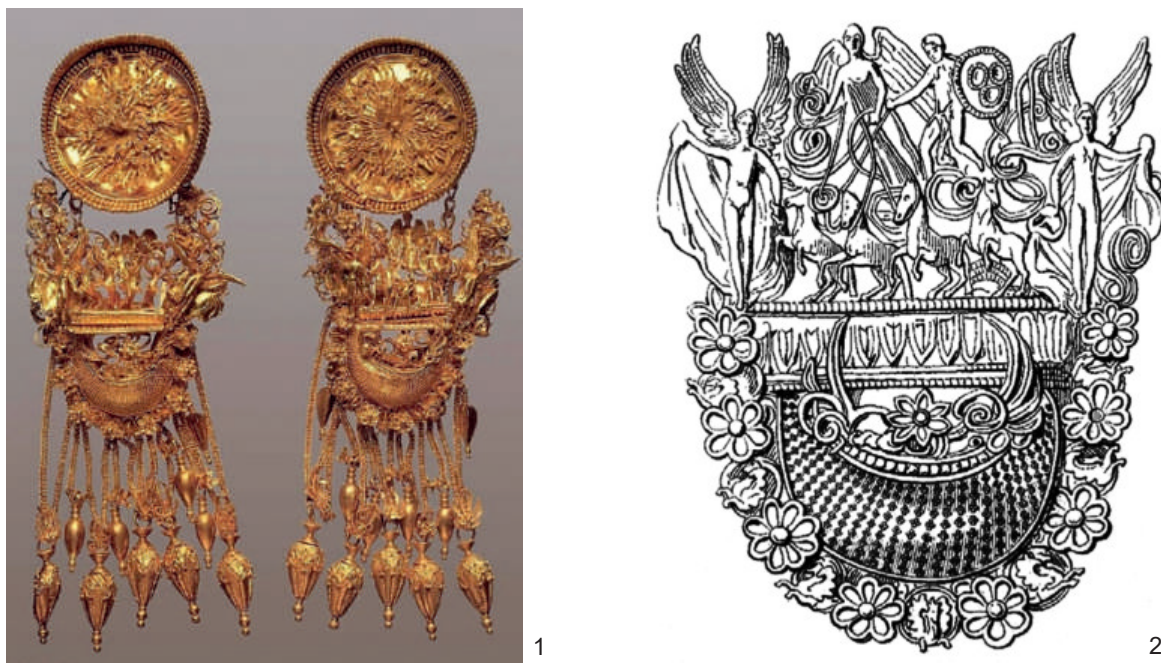


Рис. 1. Серьги (Феодосия), золото, начало третьей четверти IV в. до н. э. (Гос. Эрмитаж) (1) и прорисовка их фрагмента (2)

Fig. 1. Earrings (Theodosia), gold, early 3rd quarter of the 4th cen. BC (State Hermitage Museum) (1) and a redrawing of their fragment (2)

послужить либо реальные панафинейские состязания апобатов, либо какая-то афинская скульптура, так как на агоны апобатов допускались исключительно афинские граждане (Скржинская, 2002. С. 131–133; 2010. С. 223, 224, 230–235). Первая версия выглядит чересчур романтической. Что касается второй, то она представляется еще менее вероятной, поскольку ничто не говорит в пользу того, что апобат может изображать Геракла (в отличие от львиной шкуры, лука и палицы, щит по самой сути этого героя не может быть его атрибутом)³. Оставляя открытым вопрос о смысле центрального сюжета феодосийских серег, обратимся к образам фланкирующих его нагих крылатых юношей.

Этот чрезвычайно популярный в греческом ювелирном искусстве образ почти всегда трактуется как Эрот, сын Афродиты, олицетворение Любви (Уильямс, Огден, 1995. С. 38; Скржинская, 2007. С. 16; *Hermary*, 1986)⁴.

³ Кроме того, общий подход киевской исследовательницы, уверенной в том, что на произведениях античных мастеров (в том числе и на ювелирных изделиях) изображались исключительно мифологические персонажи, не выдерживает проверки при анализе конкретных памятников (см., например: *Виноградов*, 2006).

⁴ Естественно, в этой трактовке имеются вариации. Так, К. Пинкнернелль отмечает, что Эрот «был движущей

А в тех случаях, когда на украшениях представлены две подобные фигурки, «владельцы таких вещей могли рассматривать образ Эрота и в более узком смысле — в его ипостаси Гимера или Пота (оба слова в переводе означают «желание» или «страстное томление»)» (Уильямс, Огден, 1995. С. 38).

силой продолжения рода в природе через мощь сексуального желания. Хотя изображения этого раннего Эрота не встречаются в украшениях (его обычно изображают вместе с Афродитой и/или игривым, крылатым мальчиком), космогонический аспект Эрота может добавить еще одно измерение к связанным с ним украшениям, если рассматривать его в погребальном контексте. Поскольку в греческой мысли силы происхождения были тесно связаны с силами разрушения, возможно, что Эрот играет хтоническую роль в погребальных украшениях. Однако мне бы очень хотелось воздержаться здесь от чрезмерного погружения в интерпретацию, особенно потому, что, насколько мне известно, не сохранились украшения, в которых можно установить иконографию раннего Эрота» (*Pinckernelle*, 2007. Р. 89–90). Последнее замечание шотландской исследовательницы звучит весьма странно, поскольку архаической формой почитания этого бога был камень (Paus. IX, 27, 1), причем, скорее всего, фаллического вида (*Broneer*, 1935. Р. 117 sq.).

Мы не ставим задачу проанализировать все многочисленные боспорские памятники с изображениями крылатых юношей. Отметим лишь тот факт, что образ Эрота на вещах, найденных в Северном Причерноморье, уже был рассмотрен М. В. Скржинской, правда, весьма поверхностно и далеко неполно (*Скржинская*, 2007). Так, хотя она посвятила центральному сюжету феодосийских серег специальную статью и неоднократно упоминала его в своих работах, представленные на серьгах Эроты ее совершенно не заинтересовали. Осталась вне поля зрения этой исследовательницы и проблема связи Эрота с загробными представлениями боспорян, несомненно, весьма актуальная для Боспора, поскольку там на предметах погребального инвентаря из мужских божеств после Диониса и его спутников наиболее часто фигурирует именно Эрот.

В связи с этим можно вспомнить и такой отнюдь не случайный, по нашему мнению, факт, как замена фигурки Ганимеда в композиции на диадеме из Артюховского кургана скульптуркой Эрота (*Шауб*, 2016)⁵. Напомним, что это головное украшение, скорее всего, являлось жреческой инсигнией (*Шауб*, 2017. С. 322). Кроме того, представляется вполне закономерным тот факт, что схожие с феодосийскими серьги из коллективного погребения жриц в херсонесском склепе № 1012 (*Рогов*, 2002) были также украшены фигурками Эротов. Вполне вероятно, что дама, похороненная не только с роскошными серьгами и не менее драгоценным золотым ожерельем с подвесками в виде стилизованных фигурок Артемиды Эфесской (*Reinach*, 1892. Tab. XIIIa, 4), а также с необычным набором терракот (*Reinach*, 1892. Tab. LXXa, 1, 4, 6, 10; *Кобылина*, 1970б. С. 79–80), выполняла при жизни жреческие функции.

К. Излер-Кереньи полагает, что присутствие женских крылатых фигур в сюжетных композициях

⁵ В связи с этой заменой обращает на себя внимание очень широкое распространение образа Эрота в инокультурной среде народов не только Северного Причерноморья (особенно интересен факт популярности образа Эрота у поздних скифов и сарматов; см.: *Пуздровский*, 2002. С. 108–109; *Мордвинцева*, 2002. С. 116–118; *Яценко*, 2009. С. 546), но и Востока (даже в Парфии и Индии; см., например: *Литвинский*, *Пичикян*, 1979; *Сарианиди*, 1989. С. 62–64, 71–74, 118–120). Этот факт невозможно объяснить только его чрезвычайной популярностью в эллинистическом искусстве (например: *Скржинская*, 2007. С. 16 сл.), но, несомненно, он обусловлен религиозными представлениями тех народов, которые по-своему использовали иконографию Эрота.

(а на обеих феодосийских серьгах подобная «Ника» является композиционным центром) намекает на «божественное вмешательство», на нечто происходящее «свыше» (*Isler-Kerényi*, 1969. С. 45). К этому глубокому наблюдению нужно добавить тот факт, что на Боспоре семантика женского образа в иконографии Ники явно зависела от контекста, в котором этот образ фигурировал (*Шауб*, 2020. С. 159). Вероятно, эти наблюдения можно отнести не только к женским, но и к мужским крылатым персонажам⁶. В зависимости от контекста этот крылатый персонаж мог выступать в религиозных верованиях боспорян то как бог любви, то как элевсинский Иакх⁷, то как гений смерти⁸, то как некое синкретическое хтоническое божество (в таком качестве он выступает на вазах «керченского стиля», особенно на пеликах — *Schefold*, 1934; *Шталь*, 1989; *Шауб*, 2007; 2011).

Сюжетную роль Эрота, и прежде всего Эрота-преследователя, в росписи погребальных керченских ваз подробно рассмотрела И. В. Шталь. Она пришла к выводу, что в своем значении он вышел за пределы как афродисийского, так и дионисийского фиасов⁹; в какой-то момент Дионис и Эрот, восседающий на пантере, оказались внутренне сближенными, едва ли не идентичными по своей семантике: «Эрот в смертоносном похищении душ занял место Диониса... Не значит ли это, что большой, выделенный белым, Эрот Преисподней в изображении керченских ваз имеет собственные семантические корни, „уходящие“ в подземный мир, и не является ли этот Эрот в народных верованиях божеством Преисподней¹⁰?

⁶ К сожалению, работа Х. Кеннер (*Kenner*, 1939), посвященная крылатым образам в античном искусстве, нам недоступна.

⁷ На одной из терракот, найденных в феодосийской гробнице вместе с золотыми серьгами; см.: *Кобылина*, 1970б. Табл. 23, 5.

⁸ Наиболее ярко — в росписи пантикапейских гробниц; см., например: *Античная декоративная...*, 2017. Ил. 3 (склеп Сорака); 131 (Стасовский склеп 1872 г.).

⁹ Об Эроте в дионисийских сюжетах см.: *Paul-Zinserling*, 1994. S. 49–53, 63–70.

¹⁰ Автор большой статьи об Эроте в LIMC А. Эрмари стремится доказать, что Эрот в античности не имел никакого погребального значения (*Hermariy*, 1986. P. 938–939). Однако такое упорство французского автора достойно лучшего применения, поскольку слишком многие факты свидетельствуют о тесной связи этого бога с загробными представлениями

В последнем случае он оказался бы и генетически однотипным с Эротом апулийских ваз, выполняющим в сюжетах вазовой живописи те же функции, что и аттический керченский Эрот, но отличным от него иконографически», — пишет московская исследовательница (Шталь, 1989. С. 13). Этого «Эрота Преисподней» можно сравнить с так называемым Эротом-Танатосом¹¹, запечатленным на весьма многочисленных северопричерноморских терракотах IV–III вв. до н. э. (Шауб, 2007; 2011)¹².

Как утверждает И. В. Шталь: «Обращает на себя внимание специфическая, лишь боспорскому изображению присущая иконография Эрота-всадника, не засвидетельствованная в иных областях вывоза аттических керченских ваз, и резкая его противоположность изнеженному двуполому Эроту местных ваз Великой Греции» (Шталь, 1989. С. 134). Однако она не совсем права: на Боспоре знали образы не только «маскулинного» Эрота-Геракла (причем причастного к погребальной сфере; см.: Шауб, 1981), но и Эрота-гермафродита.

И. И. Саверкина и Е. Я. Рогов явно ощущали необычность трактовки геральдических Эротов феодосийских серег, поскольку «ординарные» изображения спутников Афродиты на других боспорских памятниках были этим исследователям, несомненно, хорошо известны. Поэтому, приводя в качестве аналогии феодосийским персонажам обнаженных крылатых «юношей-эротов», представленных на сереге из бывшего собрания Н. Шиммелья (здесь они обрамляют центральную растительную композицию), И. И. Саверкина предположила, что они воплощают, «как и Ники, идею любви и смерти» (Саверкина, 2000. С. 13)¹³.

и культурами не только обитателей периферии античного мира (например, в Аполлонии Фракийской: Пенкова, Конова, 2013. С. 273), но и эллинов метрополии (например: Vermeule, 1979. P. 162, fig. 15 — Эрот-Танатос на мраморном троне начала V в. до н. э. из Южной Италии). Из последних работ об Эроте в погребальной сфере античного Средиземноморья см., например: Mitchell, 2018; Aristodemou, 2021.

¹¹ Так назвала этот тип терракот М. М. Кобылина вследствие их нахождения в составе погребального инвентаря (Кобылина, 1970а. С. 13).

¹² Л. Ханнестад справедливо замечает, что если здесь запечатлен Эрот, то, конечно, не сын Афродиты, а древнее природное божество, о котором говорит в своей «Теогонии» (120 сл.) Гесиод (Hannestad, 2002. P. 207, 208).

¹³ Пятью годами ранее исследовательница называла крылатых персонажей феодосийских серег Эротами со знаком «?» (Саверкина, 1995. С. 264).

Е. Я. Рогов колебался, называть ли феодосийских персонажей Эротами или «крылатыми гениями» (Рогов, 2001. С. 71), как это сделал М. И. Артамонов (Артамонов, 1966. С. 120). Но никто из исследователей не обратил внимание на очень важное наблюдение С. Рейнака, что Эроты рассматриваемых серег имеют гермафродитичный облик (Reinach, 1892. P. 53). Впрочем, и сам французский ученый лишь зафиксировал свое наблюдение, не сделав из него никаких выводов. Подобное обличье Эротов является отличительной особенностью их бесчисленных изображений на памятниках Южной Италии, а именно краснофигурной росписи апулийских ваз (Smith, 1976. Passim). Кстати, как на этих вазах, так и в украшении найденных здесь золотых серег, наблюдается нехарактерное для аналогичных памятников сочетание образов Ники и Эротов (см., например: Schauenburg, 1987. S. 207, 208, 223, 224; Уильямс, Огден, 1995. С. 38). Мало того, на апулийских вазах эти крылатые персонажи подчас имеют не только одни и те же атрибуты (Schauenburg, 1987. S. 216, 217), но и одинаковые прически (Ibid. Abb. 11). Как известно, в основе сюжетов росписи этих погребальных сосудов (Schauenburg, 1989) в значительной степени лежали чрезвычайно распространенные там орфико-пифагорейские верования, ядром которых была вера в бессмертие души и загробное воздаяние (см., например: Mystic cults..., 2009)¹⁴.

Относительно Эрота необходимо напомнить, что именно он являлся ключевой фигурой орфической космогонии, мыслимая двуполом (андрогином) (см., например: Брагинская, 2010). Разительное сходство трактовки образа Эрота на апулийских вазах и феодосийских серьгах позволяет предполагать, что орфические идеи выражены и в сюжете, который запечатлен на рассматриваемых украшениях.

Е. Я. Рогов, посвятивший одну из своих последних работ установлению места производства феодосийских (а также схожих с ними херсонесских) серег роскошного стиля, пришел к выводу, что их создал выходец из Великой Греции (Рогов, 2001. С. 72). Анализ образов Эротов на феодосийских серьгах, кажется, позволяет подкрепить новыми аргументами эту гипотезу безвременно ушедшего от нас исследователя.

¹⁴ О тех же верованиях, нашедших выражение на других памятниках, в частности в позолоченных украшениях деревянных саркофагов, см.: Wiesner, 1963.

- Античная декоративная..., 2017 — Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН; Лема, 2017. 246 с.
- Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артия, Советский художник, 1966. 120 с.
- Брагинская, 2010 — Брагинская Н. В. Откуда у Эрота крылья? // Вопросы классической филологии. Т. 15: Nymphon antron: Сб. ст. в честь А. А. Тахо-Годи / Отв. ред. А. И. Солопов. М.: Никая, 2010. С. 53–94.
- Виноградов, 2006 — Виноградов Ю. А. О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. 2006. Вып. 13. С. 134–161.
- Кобылина, 1970а — Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970 (САИ; Вып. Г 1-11). Ч. I. С. 6–22.
- Кобылина, 1970б — Кобылина М. М. Терракоты из Феодосии // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука. 1970 (САИ; Вып. Г 1-11). Ч. II. С. 78–82.
- Литвинский, Пичикян, 1979 — Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Кушанские эроты (один из аспектов античного влияния на центральноазиатскую культуру) // ВДИ. 1979. № 2. С. 89–109.
- Максимова, 1958 — Максимова М. И. Миниатюрная группа на феодосийских серьгах // Тр. Гос. Эрмитажа. Л.: Искусство, 1958. Т. 2. С. 62–66.
- Мордвинцева, 2002 — Мордвинцева В. И. Три примера украшений местного производства из Усть-Альминского некрополя в Крыму // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2 / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2002. С. 115–118.
- Пенкова, Конова, 2013 — Пенкова Е., Конова Л. Лекифы в погребальном обряде фракийцев // Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды: Каталог выставки / Ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: Кучково Поле, 2013. С. 273–282.
- Пуздровский, 2002 — Пуздровский А. Е. К вопросу о культе женского божества у поздних скифов Крыма // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища... СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. 2. С. 105–115.
- Рогов, 2001 — Рогов Е. Я. О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы Междунар. научн. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 66–73.
- Рогов, 2002 — Рогов Е. Я. 2002. Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища... Ч. I. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 25–42.
- Саверкина, 1995 — Саверкина И. И. Золото Боспора: Дополнительные материалы из собрания Государственного Эрмитажа // Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Славия, 1995. С. 264–265.
- Саверкина, 2000 — Саверкина И. И. Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях // Античное Причерноморье: Сб. ст. по классической археологии / Науч. ред. С. Л. Соловьев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 7–23.
- Сарианиди, 1989 — Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М.: Наука, 1989. 240 с.
- Скржинская, 2002 — Скржинская М. В. Изображение апобата на серьгах из феодосийского некрополя и сюжеты с апобатами на вазах из Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища... СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. I. С. 129–133.
- Скржинская, 2007 — Скржинская М. В. Образ Эрота в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии // РА. 2007. № 2. С. 16–24.
- Скржинская, 2010 — Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Эллад и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
- Тункина, 2012 — Тункина И. В. Некрополь Феодосии: «раскопки» И. К. Айвазовского (1853 г.) // Евразийский археолого-историографический сборник: к 60-летию С. В. Кузьминых / Отв. ред. А. С. Вдовин, И. В. Тункина. СПб.; Красноярск: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Асафьева, 2012. С. 48–69.
- Уильямс, Огден, 1995 — Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Славия, 1995. 272 с.
- Шауб, 1981 — Шауб И. Ю. Пантикапейский Эрот-Геракл // КСИА. 1981. Вып. 168: Античная археология. С. 42–43.
- Шауб, 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб, 2011 — Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.

- Шауб, 2016 — Шауб И. Ю. Золотая диадема из Артюховского кургана // ЗИИМК. 2016. № 14. С. 58–68.
- Шауб, 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 288–324.
- Шауб, 2020 — Шауб И. Ю. Боспорские «Ники» // АВ. 2020. Вып. 29. С. 155–161.
- Шталь, 1989 — Шталь И. В. Эпические предания Древней Греции. М.: Наука, 1989. 299 с.
- Яценко, 2009 — Яценко С. А. Об античном влиянии в оформлении антропоморфных образов сарматов // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 544–547.
- Aristodemou, 2021 — Aristodemou G. Eros Figures in the Iconography of Death. Some Notes on Funerary Monuments from Macedonia during the Roman Period // Eternal Sadness: Representations of Death in Visual Culture from Antiquity to the Present Time / Ed. L. Vives-Ferróndiz Sónchez. Monographic Issue, Eikyn Imago. № 10. 2021. P. 25–42.
- Broneer, 1935 — Broneer O. Excavations on the North Slope of the Acropolis in Athens 1933–1934 // Hesperia. 1935. Vol. IV, no. 2. P. 109–188.
- Hannestad, 2002 — Hannestad L. Terracottas // Panskoye I. Aarhus, 2002. Vol. 1. P. 203–212.
- Hermay, 1986 — Hermay A. Eros // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich, 1986. Vol. 3. P. 850–942.
- Hoffmann, Davidson, 1965 — Hoffmann H., Davidson P. Greek Gold. Jewellery from the Age of Alexander. Brooklyn, New York: The Brooklyn Museum, 1965. 311 p.
- Isler-Kerényi, 1969 — Isler-Kerényi C. Nike: Der Typus der laufenden Flügel Frau in archaischer Zeit. Zürich; Stuttgart: Eugen Rentsch, 1969. 145 S.
- Kenner, 1939 — Kenner H. Flugelfrau und Flugel daemon // Oesterreichische Jahreshfte. 1939. Bd. 31. S. 81–95.
- Mitchell, 2018 — Mitchell E. The Other Classical Body: Cupids as Mediators in Roman Visual Culture. Doctoral dissertation, Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences. 2018. Available at: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:41121259>.
- Mystic cults..., 2009 — Mystic cults in Magna Graecia / Eds. G. Casadio. P. A. Johnston. Austin: University of Texas Press, 2009. 372 p.
- Paul-Zinserling, 1994 — Paul-Zinserling V. Der Jena-Maler und sein Kreis zur Ikonologie einer attischen Schalenwerkstatt um 400 v. Mainz: Ph. von Zabern, 1994. 177 S.
- Pinckernelle, 2007 — Pinckernelle K. The Iconography of Ancient Greek and Roman Jewellery. Glasgow: University of Glasgow, History of Art Department, 2007. 131 p.
- Reinach, 1892 — Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). Rééditées avec un commentaire nouveau et un index général des Comptes Rendus par Salomon Reinach. Paris, 1892. 213 p.
- Schauenburg, 1987 — Schauenburg K. Flugelgestalten auf unteritalischen Grabvasen // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1987. Bd. 102. S. 199–232.
- Schauenburg, 1989 — Schauenburg K. Zur Grabsymbolik apulischer Vasen // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1989. Bd. 104. S. 19–60.
- Schefold, 1934 — Schefold K. Untersuchungen zu den kertscher Vasen. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & C^o., 1934. 161 S.
- Smith, 1976 — Smith H. R. W. Funerary symbolism in Apulian vase-painting / Ed. J. K. Anderson. Berkeley, 1976. 303 p.
- Vermeule, 1979 — Vermeule E. Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979. 270 p.
- Wiesner, 1963 — Wiesner J. Arimaspenmotiv auf tarentiner Sarkophagen // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1963. Bd. 78. S. 200–217.

Erotes of the Theodosian earrings

I. Yu. Schaub¹⁵

Keywords: Erote, ancient jewellery art, Theodosia, Orphism, Apulian vases, E. Ya. Rogov.

The Erotes represented on the gold earrings (Fig. 1) found in 1853 in Theodosia have a hermaphrodite appearance. This feature makes them related with analogous winged figures extremely popular on the red-figure Apulian vases. Since in the basis of the painting subjects of these vessels there were the Orphic-Pythagorean beliefs, we can suppose that the same ideas determined the specifics of the treatment of the images of Erotes on Theodosian earrings. Thus E. Ya. Rogov's hypothesis that these ornaments were created by a native of Magna Graecia receives a further confirmation.

¹⁵ Igor Yu. Schaub — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: schaubigor@mail.ru.

Об изображении на среднем фризе треугольной пластины из кургана Карагодеуашх в Прикубанье¹

М. Ю. Вахтина²

Аннотация. В статье автор рассматривает сцену, представленную на среднем фризе золотой треугольной пластины, украшавшей головной убор женщины, погребенной в кургане Карагодеуашх в Прикубанье, — колесницу, запряженную двумя конями, и изображение женщины (?), соотношенное с нею.

Ключевые слова: курган Карагодеуашх, треугольная пластина, изобразительная система, колесница, стела из музея в Несебре.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-214-221

В последний период жизни Евгений Яковлевич Рогов обратился к исследованиям памятников искусства. Он успел издать лишь две работы — в одной из них предложен анализ инвентаря из знаменитого склепа 1012, сооруженного в оборонительной стене Херсонеса Таврического (Рогов, 2000), в другой речь шла о двух парах золотых серег «роскошного стиля» из некрополя Феодосии и херсонесского склепа 1012 (Рогов, 2001). Еще одна статья (Рогов, 2002) вышла уже посмертно. Он готовил более подробную публикацию о серьгах этого стиля, найденных в Северном Причерноморье, которая, к сожалению, так и не была завершена. В своих работах, где речь шла о находках произведений античной торевтики, он уделял внимание и вопросам их интерпретации, высказывая предположения о значении этих вещей в погребальном обряде, и на этой основе подходил к пониманию памятника в целом.

«Возьму на себя смелость утверждать, — писал он в статье, посвященной столетию открытия склепа 1012 и обнаруженным в нем остаткам инвентаря женских погребений, — что эти женские

наряды жреческие. Перед нами захоронения не женщин из богатой херсонесской семьи, а жриц, причем последовательные захоронения. Таким образом становится очевидно, что и сам склеп жреческий, построен преднамеренно для этой цели и в самом почетном и значимом для города месте — у ворот и под оборонительной стеной. С этой точки зрения становится понятно место, выбранное для склепа, — жрицы и после смерти должны были охранять и оберегать город. Сам факт нахождения погребений жриц под городской стеной обеспечивал оборонительной стеной и городским воротам покровительство богини, которой служили жрицы при жизни» (Рогов, 2000. С. 96).

Такое «прочтение» памятника представляет нам наиболее приближенным к действительности, а саму работу можно без преувеличения считать образцовым исследованием, служащим примером работы с археологическим комплексом и заключенными в нем контекстами.

Идея «жизни-после-жизни», выраженная изобразительными средствами, отражена в целом ряде памятников торевтики Северного Причерноморья античной эпохи. Одним из самых известных произведений, где она выражена достаточно отчетливо, является треугольная золотая пластина, обнаруженная в женской гробнице кургана Карагодеуашх в Прикубанье. Не затрагивая подробно семантического «прочтения» этой вещи, остановимся лишь на одном изображении

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vakhtina@rambler.ru.

в ее декоре — колесницы, представленной на среднем фризе.

Курган Карагодеуашх в Прикубанье (современный г. Крымск, Краснодарский край) был исследован в 1888 г. Е. Д. Фелицыным. Памятник издан в 1894 г. А. С. Лаппо-Данилевским и В. К. Мальмбергом (*Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894*) на основе отчета о раскопках (*Фелицын, 1886*), хранящегося в Научном архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге.

Гробницу кургана, содержащую мужское и женское захоронения и разнообразный погребальный инвентарь, обычно интерпретируют как «богатое» погребение представителей синдо-меотской аристократии. Ее вещевой комплекс датируется в пределах 340–315 гг. до н. э., таким образом Карагодеуашх принадлежит к той же хронологической группе, что и Чертомлык (центральное погребение), Куль-Оба, Огуз, Мелитопольский курган, Козел и некоторые другие элитные курганы региона (*Алексеев, 2003. С. 277*).

Каменная гробница помещалась в западной части насыпи, причем женская погребальная камера, несколько уступавшая по размерам всем остальным, занимала крайнее западное положение. Она состояла из четырех сообщающихся помещений, расположенных по линии запад–восток (*Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 7, 8*) (рис. 1). Ее конструкция находит аналогии в более западных районах, на территории древней Фракии (*Вахтина, 2018. С. 164–165*), где тип подкурганной гробницы, имевшей сложную планировку, был распространен во второй половине IV — III в. до н. э. (*Rousseva, 2000. P. 45–51*). Ее можно отнести к анфиладным гробницам, имевшим прямоугольную форму помещений (*Вълева, 2013. С. 39*). М. Ю. Трейстер обратил внимание на ряд вещей из Карагодеуашха, отражающих связи с западным фрако-македонским миром (*Трейстер, 2002. С. 182–184*).

К числу замечательных находок, обнаруженных при раскопках, принадлежит треугольная пластина (рис. 2), украшавшая головной убор женщины, погребенной в западной камере (*Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894. Табл. III, 1*). В круге изделий так называемой греко-скифской торевтики, в композиции которых присутствуют женские изображения, эта вещь является самой сложной композиционно (и, вероятно, семантически). Ритуальный характер сцен, изображенных на пластине, не вызывает сомнений

у исследователей. Их семантике посвящен целый ряд работ³. Изображения, украшающие пластину, как и на многих других предметах греко-скифской торевтики, помещены в трех поясах (зонах), очевидно, отражающих представления о трех зонах мироздания, существовавшие в идеологии скифского мира, которые часто воплощались в троичных структурах (*Мачинский, 1978. С. 240; Бессонова, 1983. С. 108; Раевский, 1985. С. 190*). Изображения усложняются (как по содержанию, так и композиционно) и насыщаются действием и напряжением по мере продвижения вниз, от верхнего фриза к нижнему. Если наверху изображена одиночная статичная фигура, то на нижнем фризе представлены пять персонажей. Женщина на нижнем фризе восседает в центре композиции. Она одета в «варварские» одежды — на голове у нее остроконечный головной убор и покрывало. Венчает этот убор треугольная пластина, аналогичная той, которая была обнаружена в погребении. Вполне вероятно, что на похороненной здесь женщине был наряд, подобный тому, в который облачено женское божество на нижнем фризе.

На среднем фризе изображена колесница, как бы несущаяся прямо на зрителя; выше помещена фигура, которую исследователи трактовали по-разному. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что здесь изображены Триумф и Ника (*Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 8*), А. П. Манцевич видел здесь изображение Ники (*Манцевич, 1964. С. 131, 132*). М. И. Ростовцев считал, что на среднем фризе представлен безбородый мужчина, царь или же бог (*Ростовцев, 1913. С. 14, 15*). Мы разделяем точку зрения Е. А. Савостиной, полагающей, что на всех трех фризах, включая средний, представлена одна и та же женщина, но в разных состояниях (*Савостина, 1995. С. 118*). Возможно, согласно первоначальному замыслу мастера, на среднем фризе пластины должна была быть изображена не бига, а квадрига. Части изображений по краям пластины утрачены. Неясно, объясняется ли это тем обстоятельством, что вещь была обрета по краям после чеканки или же, как полагал

³ Не имея возможности привести ссылки на все работы, где упоминалась эта вещь и предпринимались попытки интерпретации украшающих ее сцен и всей композиции в целом, отметим лишь некоторые: *Ростовцев, 1913. С. 11–18; Артамонов, 1961. С. 64; Манцевич, 1964. С. 135–138; Бессонова, 1983. С. 106–111; Савостина, 1995. С. 115–118; Ustinova, 1999. P. 123–128; Vakhtina, 2021. P. 309–312.*

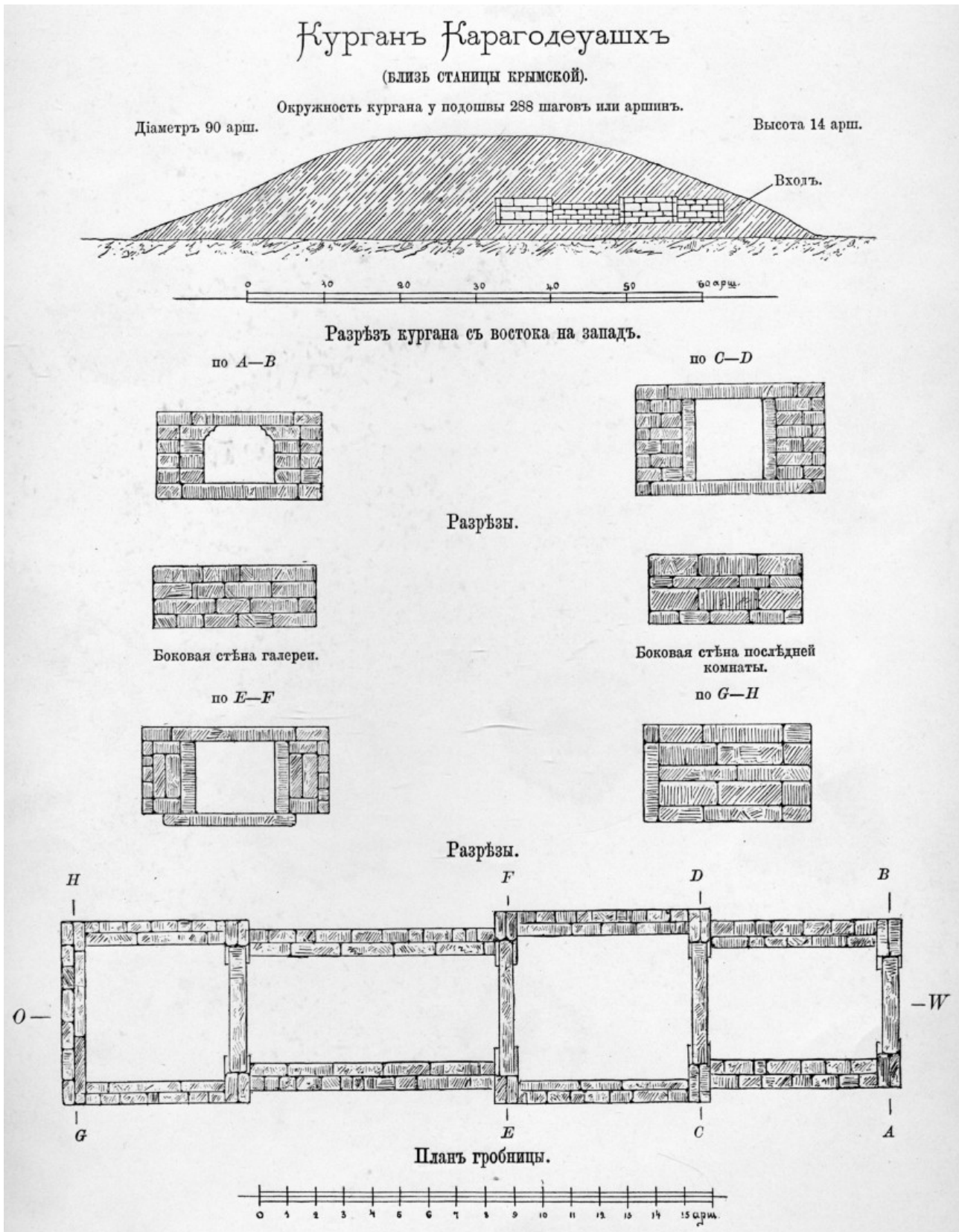


Рис. 1. Курган Карагодеуашх (Латто-Данилевский, Мальмберг, 1894. Табл. 1)

Fig. 1. Karagodeuashkh kurgan (Латто-Данилевский, Мальмберг, 1894. Табл. 1)



Рис. 2. Золотая треугольная пластина из женского погребения (с негатива). НА ИИМК РАН. ФО. 0. 1525-38

Fig. 2. Gold triangular plate from the female burial (from a negative). Scientific Archives of IHMC RAS. Photographic Department 0.1525-38

В. К. Мальмберг, «...мастер, выбивая орнамент готовым штампом, мало заботился о том, укладывается ли весь рисунок на пластине, или нет» (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 160). М. И. Ростовцев также полагал, что на матрице, по которой делалась вещь, была изображена квадрига. Он писал: «Колесница, в которую запряжены тяжелые, могучие лошади, имеет совершенно необычный вид; аналогий к ней я не знаю» (Ростовцев, 1913. С. 14). В литературе не существует единого мнения о том, стоит ли персонаж на колеснице или же находится позади нее.

Фронтальность изображения на среднем фризе пластины, представляющую несомненную сложность для мастера, диктовалась, по-видимому, требованиями заказчиков. В греческой вазописи и на металлических изделиях фронтальные изображения колесниц достаточно редки. В качестве примера приведем изображение на серебряной подвеске из фракийского некрополя в Дуванли (рис. 3), где представлена Ника на колеснице, запряженной четверкой лошадей (Venedikov, Gerassimov, 1976. No. 228).

Существуют разные точки зрения по поводу понимания сцен, изображенных на пластине, и трактовки всей системы декора в целом: апофеоз умершей (Бессонова, 1983. С. 110, 111), ее героизация (Манцевич, 1964. С. 131), изображения богини или же героизированной умершей, которая



Рис. 3. Серебряная подвеска из некрополя Дуванли в Болгарии (Venedikov, Gerassimov, 1976. No. 228)

Fig. 3. Silver pendant from the necropolis of Duvanli in Bulgaria (Venedikov, Gerassimov, 1976. No. 228)



Рис. 4. Фрагмент росписи краснофигурного лутофора из Национального археологического музея Испании
 Fig. 4. Fragment of painting of a red-figured loutophoros from the National Archaeological Museum of Spain

могла быть жрицей богини (Шауб, 2007. С. 100). Не забыто и классическое понимание, предложенное М. И. Ростовцевым, который считал, что на нижнем фризе пластины представлена сцена адорации, или вручения власти царю или же знатному скифу богиней, этой идее соответствуют и изображения верхних фризов (Ростовцев, 1913. С. 14, 15). В комплексе гробницы выявлены элементы, связанные с идеей «священного брака», нашедшей отражение и в изобразительной системе пластины (Виноградов, 1993).

Е. А. Савостина высказала гипотезу о возможной интерпретации сюжетов на золотой пластине из женской гробницы Карагодеуашха. Исследовательница подошла к их анализу с точки зрения представлений о переходе человека в другой мир (и иное состояние) после смерти, существовавших как в греческом, так и в туземном мире. Эта гипотеза дает возможность «увязать» в единый рассказ изображения на всех трех фризах. Движение и развитие сюжета, как нам представляется,

логичнее рассматривать «снизу вверх», исходя из самой формы вещи, — пластина резко сужается в верхней части, приобретая условно форму горы. То, что на головном уборе погребенной женщины пластина занимала вертикальное положение, подтверждается как положением вещи в могиле, так и изображением аналогичного (или близкого по типу) убора женщины, восседающей на нижнем фризе.

Нам близка точка зрения Е. А. Савостиной⁴, полагающей, что на пластине из Карагодеуашха запечатлен переход от жизни земной к жизни вечной. Согласно представлениям древних греков, важным атрибутом «перехода» являлись «крылатые посредники» (Савостина, 1995. С. 117). На греческих сосудах колесницу, запряженную четверкой коней, можно часто видеть в композициях, изображающих владык загробного мира (Linder et al., 1988. Pl. 215, no. 80, 84, 85, 88–90), такие изображения встречаются и в сценах похищения Персефоны Аидом (Ibid. Pl. 219, no. 113). В качестве примера можно привести сцену, представленную на краснофигурном лутофоре, изготовленном около 375 г. до н. э. в Апулии, хранящемся в Национальном археологическом музее Испании в Мадриде (рис. 4)⁵.

Ученые часто обращали внимание на «дублирование» некоторых элементов, представленных в сценах на пластине, и инвентаре женского погребения в кургане Карагодеуашх. Так, женщина, изображенная на нижнем фризе пластины, носит головной убор, подобный тому, который был на погребенной «царице». Обращают внимание и на наличие остатков колесницы, обнаруженных в камере кургана, содержавшей женское погребение (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 8).

Возвращаясь к планировке гробницы кургана Карагодеуашх, напомним, что она состояла из четырех помещений. Вход в гробницу вел с запада, западная камера содержала женское захоронение. Вторая камера, отличавшаяся «более тщательной архитектурной отделкой, чем первая» (Там же. С. 9), была гораздо беднее находками — лишь

⁴ По мнению исследовательницы, «тема перехода в иной мир» разрабатывается на известной погребальной известняковой стеле из Трехбратнего кургана в Крыму, на которой представлена сцена «загробного выезда» (Савостина, 195. С. 118).

⁵ URL: https://dir.md/wiki/Балтиморский_вазописец?host=ru.wikipedia.org (дата обращения: 05.04.2022).

у входа в нее были обнаружены обломки амфоры. В третьем помещении, которое называют галереей, у левой боковой стены были найдены лошадиные кости и железные и бронзовые детали конской упряжи. Последнее, восточное, помещение содержало погребение мужчины (*Там же*. С. 9, 10).

Планировка гробницы, содержавшей погребения «царя» и «царицы», позволяет высказать предположение о том, что ее сакральное пространство могло мыслиться состоящим из двух частей или зон. Западная часть (две первые камеры) могли принадлежать «женскому» пространству склепа, а восточная (две последние камеры) — «мужскому». Тогда условная граница между этими двумя зонами может быть проведена по линии E–F на плане (рис. 1). Крайние западное и восточное помещения склепа, содержавшие погребения, были отделены камерами, которые условно можно назвать дромосами («женским» и «мужским»), примыкавшими друг к другу (*Шауб*, 2017. С. 315).

Кости нескольких лошадей и остатки повозки были найдены в первом, самом западном, помещении гробницы, содержавшем женское захоронение (*Лапто-Данилевский, Мальмберг*, 1894. С. 8). Согласно данным, приведенным в обобщающей работе С. С. Бессоновой, посвященной находкам погребальных повозок в курганах Северного Причерноморья скифской эпохи, в большинстве известных случаев повозки были зафиксированы вне погребений, в ямах в насыпи курганов, или же во входных ямах перед входом в дромос (*Бессонова*, 1982. С. 105, 106). В Прикубанских курганах остатки повозок были обнаружены на древнем горизонте у края могильной ямы, в дромосе склепа, на уступе могильной ямы (*Там же*. С. 107). Похоже, помещение колесницы с лошадьми в единое пространство с человеческим захоронением, как это было сделано в кургане Карагодеуашх, является достаточно редким, а возможно, и единичным случаем. Казалось бы, особенно если мы вспомним о крайне немногочисленном инвентаре следующего, примыкавшего к первому, помещения, представленному обломками амфоры, в гробнице было достаточно места для того, чтобы расположить погребальную повозку. Вероятно, то, что ее поместили непосредственно в камеру, содержавшую захоронение «царицы», диктовалось требованиями сложного погребального ритуала, о котором мы можем судить лишь гипотетически.

Несомненно одно — колесница являлась важным его атрибутом, обеспечивающим «переход»

погребенной в западной гробнице женщины (и, возможно, других захороненных в кургане) к жизни после жизни. Движение в западном направлении, на заход солнца, представляется наиболее логичным, исходя из ритуальных представлений древности. Примечательно, что вход в западную камеру оформлен несколько иначе по сравнению со входами в другие помещения — он имел арочное завершение (рис. 1), тогда как в остальных случаях входные отверстия были прямоугольными (см. также: *Фелицын*, 1886. Л. 35-в, рис. б/н).

Как отдаленную аналогию системе изображений на золотой треугольной пластине можно рассматривать композицию, представленную на античной стеле Юлии-Гекаты из Археологического музея г. Несебр в Болгарии (рис. 5), относящуюся



Рис. 5. Надгробие Юлии-Гекаты (*Kiyashkina et al.*, 2012. No. 41)

Fig. 5. Gravestone of Julia-Hekate (*Kiyashkina et al.*, 2012. No. 41)

к более позднему времени — II в. н. э. (*Kiyashkina et al.*, 2012. P. 78, no. 41). В ее изобразительной системе можно увидеть повозку, уносящую умершую. На фризе, расположенном в верхней части, она представлена с двумя факелами, очевидно, готовясь к путешествию-переходу в иной мир, а ниже — совершающей это путешествие. Надпись на стеле гласит: «Здесь я лежу, обожествленная

как Геката, как вы можете видеть. Некогда я была смертной, но сейчас я бессмертна и нетленна, я, Юлия, дочь знатного человека...».

Представления о посмертном существовании, распространенные как в греческом, так и в варварском мире Северного Причерноморья, находили отражение и в произведениях, изготавливавшихся греческими мастерами для туземной аристократии.

- Алексеев*, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Артамонов*, 1961 — *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. 2. С. 57–87.
- Бессонова*, 1982 — *Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности степной Скифии / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 102–117.
- Бессонова*, 1983 — *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 137 с.
- Вахтина*, 2018 — *Вахтина М. Ю.* Об устройстве каменной гробницы в кургане Карагодеуашх // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 164–171.
- Виноградов*, 1993 — *Виноградов Ю. А.* О ритонах кургана Карагодеуашх // ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 66–71.
- Вълева*, 2013 — *Вълева Ю.* Типология на Тракейските монументални градени гробници (V–III в. пр. н. е.). София: Марс-09, 2013. 292 с.
- Ланпо-Данилевский, Мальмберг*, 1894 — *Ланпо-Данилевский А. С., Мальмберг В. К.* Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. СПб.: ИАК, 1894 (МАР; Вып. 13). 120 с.
- Манцевич*, 1964 — *Манцевич А. П.* О пластине из кургана Карагодеуашх // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1964. Вып. 6. С. 128–138.
- Мачинский*, 1978 — *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культуры Востока. Древность и средневековье / Ред. В. Г. Луконин. Л.: Аврора, 1978. С. 131–150.
- Раевский*, 1985 — *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Рогов*, 2000 — *Рогов Е. Я.* Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 88–97.
- Рогов*, 2001 — *Рогов Е. Я.* О месте производства феодосийских и херсонесских серёг роскошного стиля // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 66–73.
- Рогов*, 2002 — Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 26–42.
- Ростовцев*, 1913 — *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. 1913. Т. 49. С. 1–62, 132–137.
- Савостина*, 1995 — *Савостина Е. А.* Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах / Ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; Москва, 1995. Вып. 1. С. 110–119.
- Трейстер*, 2002 — *Трейстер М. Ю.* Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н. э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2002. С. 180–186.
- Фелицын*, 1886 — *Фелицын Е. Д.* Отчет о раскопках в Кубанской области // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1886. Ед. хр. 16.
- Шауб*, 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 483 с.
- Шауб*, 2017 — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь; Симферополь, 2017 (БИ; Т. 34). С. 288–324.
- Linder et al.*, 1988 — *Linder R., Dahlinger S.-C., Yalouris N., Krauskopf I.* Hades, Aita, Pluto // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München: Artemis Verlag, 1988. Vol. 4. P. 1, S. 367–406. P. 2 (plates), Pl. 210–236.
- Kiyashkina et al.*, 2012 — *Kiyashkina P., Bozkova A., Marvakov T., Ushev D., Delev P.* A Guide to the Collections of the Archaeological Museum of Nessebar. Plovdiv: Vessela Publishers, 2012. 191 p.

Rousseva, 2000 — *Rousseva M.* Thracian Cult Architecture in Bulgaria. Jambol: Ja, 2000. 201 p.

Ustinova, 1999 — *Ustinova Ju.* The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom. Leiden; Boston; Köln: E. J. Brill, 1999. 371 p.

Vakhtina, 2021 — *Vakhtina M. Yu.* The Female Burial at Karagodeuashkh // Environment and

Habitation around the Black Sea / Eds. D. Braund, V. F. Stolba, U. Peter. Berlin: De Gruyter, 2021. P. 305–320.

Venedikov, Gerassimov, 1976 — *Venedikov I., Gerassimov T.* Thrakische Kunst. Leipzig: VEB E. A. Seemann Verlag, 1976. 368 S.

About the representation on the middle frieze of the triangular plate from the kurgan Karagodeuashkh in the Kuban River region

M. Yu. Vakhtina⁶

Keywords: Karagodeuashkh kurgan, triangular plate, visual arts system, chariot, stele from the museum in Nesebar.

This paper considers the scene represented on a gold triangular plate which decorated the headdress of a woman buried in the western chamber of the tomb of the Karagodeuashkhjm in the Kuban River region (Fig. 1). The frieze is located in the frontal representation of a chariot harnessed with two horses; above, an anthropomorphic figure is depicted, apparently, driving or drawn by the vehicle (Fig. 2). Possibly, a quadriga was represented on the matrix used for manufacturing of the plate. As a subject analogous to this scene, a representation on a silver pendant from the necropolis of Duvanli can be adduced (Fig. 3). In the vase painting of the Classical period, quadrigas are encountered among the subjects depicting sovereigns of the underground world; these chariots also are found in the scenes of carrying off of Persephone by Hades (Fig. 3). After E. A. Savostina (*Савостина*, 1995. С. 117, 118), we suppose that on all the three friezes of the plate under consideration, one and the same woman is depicted. It is a goddess or a priestess the image of which in the notions of the ancient people was closely linked with that of the buried. The system of the ornamentation of the plate can be treated as the transfiguration of the deceased and her “movement” to the life after life. The scene represented on the middle frieze of the plate from Karagodeuashkh may be considered as an important element of that “route”. As its subject (and semantic) parallel the image on the funerary stele of Julia/Hekate from Mesembria can be adduced (Fig. 4).

⁶ Marina Yu. Vakhtina — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vakhtina@rambler.ru.

Погребение с греческими импортами позднеклассического времени из могильника Старокорсунского городища № 2¹

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко²

Аннотация. Статья посвящена одному из погребений грунтового могильника, относящегося к Старокорсунскому городищу № 2, расположенному на правом берегу р. Кубань, к востоку от г. Краснодар. Этот памятник является эталонным для меотской культуры VI в. до н. э. — III в. н. э. Погребение кроме местной керамики сопровождалось привозными сосудами — аттическим чернолаковым канфаром и амфорой производства Икоса, которые позволяют ограничить хронологию комплекса в пределах середины — третьей четверти IV в. до н. э.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, грунтовой могильник, сероглиняная керамика, чернолаковый канфар, амфора, хронология.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-222-229

Могильник Старокорсунского городища № 2, расположенного в 4 км к востоку–северо-востоку от станицы Старокорсунской (Карасунский округ, г. Краснодар), исследуется Краснодарской экспедицией Кубанского университета уже более 30 лет. За этот период здесь было открыто более тысячи погребений, хронологический диапазон которых охватывает весь период существования и развития меотской культуры на правобережье Кубани с рубежа VII–VI вв. до н. э. до III в. н. э.

Торговые связи местного населения с городами, основанными древними греками на азиатской стороне Боспора Киммерийского, установились с раннемеотского периода. Об интенсивности этих связей позволяет судить материал грунтовых могильников. Керамические комплексы с греческими импортами из могильников городищ Старокорсунского № 2 и хут. Ленина № 3 легли в основу разработанной нами хронологии лепной и сероглиняной керамики меотского производства

(Лимберис, Марченко, 2005). К настоящему времени количество погребений, сопровождавшихся амфорами и чернолаковыми сосудами, заметно увеличилось. Эти комплексы не уступают греко-варварским некрополям Северного Причерноморья не только по составу и количеству амфорной тары, но и по разнообразию производственных центров-экспортеров. Чернолаковая посуда, поступавшая к меотам вместе с амфорами, была для местного населения предметом роскоши, и в количественном отношении ее намного меньше, чем в некрополях греческих городов, особенно в памятниках, удаленных от восточных границ Боспора. Но меоты вряд ли ощущали недостаток парадной посуды, так как у них прекрасно функционировало собственное гончарное производство, и примерно с середины V в. до н. э. они начали изготавливать кружальную сероглиняную керамику, приняв за образец подражания привозные греческие сосуды (Лимберис, Марченко, 2016. С. 264–266). В меотских погребениях IV в. до н. э. сероглиняные сосуды являются основной составляющей керамического комплекса, а наличие греческих амфор и чернолаковой керамики дает возможность для узкой датировки.

Одно из таких погребений (645з) было исследовано в западной части грунтового могильника

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00134).

² Лимберис Н. Ю. — НИИ археологии; Марченко И. И. — кафедра всеобщей истории и международных отношений, Кубанский ГУ; ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Россия; e-mail: meot@mail.ru.

Старокорсунского городища № 2 в 2008 г. В захоронении мужчины 35–45 лет³, лежавшего вытянуто на спине, головой на юг, были найдены две сероглиняные миски (рис. 1, 3, а, в), в одну из которых был помещен чернолаковый канфар (рис. 1, 2; 3, з), а также два сероглиняных кувшина (рис. 1, 3, б) и амфора (рис. 1, 3, е). Эти сосуды располагались справа от погребенного по линии юго-юго-запад–северо-северо-восток, очевидно, вдоль стенки могильной ямы. В ногах стояли большой (рис. 1, 3, з) и маленький (рис. 1, 3, и) лепные горшки и еще один сероглиняный кувшин (рис. 1, 3, ж), горло и ручка которого были отбиты в древности. Из другого инвентаря были обнаружены железный нож (рис. 1, 3, к), пять железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 1, 3, л) и фрагменты железного пластинчатого предмета (рис. 1, 3, м). Остатки напутственной пищи представлены черепом и разрубленными костями коровы.

Набор лепных и сероглиняных сосудов местного производства из этого погребения типичен для IV в. до н. э. в целом. Выделить на этих сосудах какие-либо узко датируемые морфологические признаки очень сложно, а для лепных горшков — практически невозможно. Лепные бочковидные горшки с плавно загнутым краем (рис. 2, 8, 13) — основной тип кухонных сосудов, бытовавший на правобережье Кубани с раннемеотского времени до I в. до н. э. включительно. Единственным существенным отличием раннемеотских горшков является лощеная поверхность. Даже такая заметная деталь, как «воротничковый» край (рис. 2, 8), крайне редко, но отмечается на лепных сосудах до начала III в. до н. э.

Миски у меотов были не только самым употребительным видом столовой и кухонной посуды, но и занимали особое место в погребальном обряде. Сотни вариантов оформления края сероглиняных мисок чрезвычайно затрудняют классификацию и хронологию этих сосудов. Миски без выделенного бортика с широким нависающим венчиком (рис. 2, 9) и миски с загнутым бортиком и резко выступающим ребром (рис. 1, 4), близкие типам мисок из рассматриваемого погребения, по нашим наблюдениям, были наиболее популярны во второй–третьей четвертях IV в. до н. э., но бытуют до конца столетия и позднее. У серогли-

няных кувшинов (рис. 1, 5, 7; 2, 10, 11) отметим характерные для этого периода изящно выгнутые, уплощенные в сечении ручки, верхний конец которых крепится к горлу ниже венчика. Прием орнаментации горла узкими рифлеными желобками (рис. 1, 5), впервые отмеченный на сероглиняных кувшинах местного производства примерно в середине V в. до н. э., широко использовался меотскими гончарами в IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 231–234, 240, хронол. табл.).

Привозная посуда в погребении представлена аттическим чернолаковым канфаром (высота — 8 см, диаметр венчика — 8,6 см) с широким нависающим венчиком треугольного сечения (*Kantharos: moulded rim*), орнаментированным по внутренней поверхности дна незамкнутым кругом из насечек (рис. 2, 1, 2). Этот сосуд на основании эталонных образцов из раскопок Олинфа и Афинской агоры (Robinson, 1950. P. 289, 290, pl. 185, 192, no. 512–515; Sparkes, Talkott, 1970. P. 122, no. 698–701) был отнесен нами ко второй — третьей четвертям IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2013. С. 430, рис. 2, 7; 2017. С. 183–184, № 2). Пропорции канфара, то есть соотношение между высотой сосуда и диаметром венца (К) — 1,09, более соответствуют середине — третьей четверти столетия. Несколько канфаров этого типа происходят из некрополя Панское I. Аналогичный по пропорциям (К — 1,09) канфар практически таких же размеров, найденный в кургане 49 (могила 1) без сопутствующих предметов, отнесен к 350–325 гг. до н. э. (Монахов, Рогов, 1990б. С. 138, табл. 2, № 79). Но в книге Е. Я. Рогова данный сосуд был датирован более широко — 375–325 гг. до н. э. (Рогов, 2011. С. 118, рис. 70, 11, № 79). Исследователи, опираясь на хронологию совместно найденных амфор и канфаров, ограничивают время бытования классических канфаров близких пропорций с литым венчиком в северопричерноморском регионе второй–третьей четвертями IV в. до н. э. (Брашинский, 1980. С. 60, 61, 133, 134, табл. XVI, 200, 201; Рогов, Тункина, 1998. С. 165, 167, рис. 6, 8, 10, 11, 13). В целом тенденция развития канфаров шла по пути уменьшения пропорций, то есть со временем сосуды приобретали более вытянутые формы. В связи с этим к концу IV в. до н. э. практически исчезает и штампованный орнамент из пальмет и круговых насечек на внутренней поверхности дна (Sparkes, Talkott, 1970. P. 29–31; Rotroff, 1997. P. 37–38; Егорова, 2009. С. 20, 21, 25, 26).

³ Благодарим за определение д-ра ист. наук, профессора М. А. Балабанова (Волгоградский ГУ).

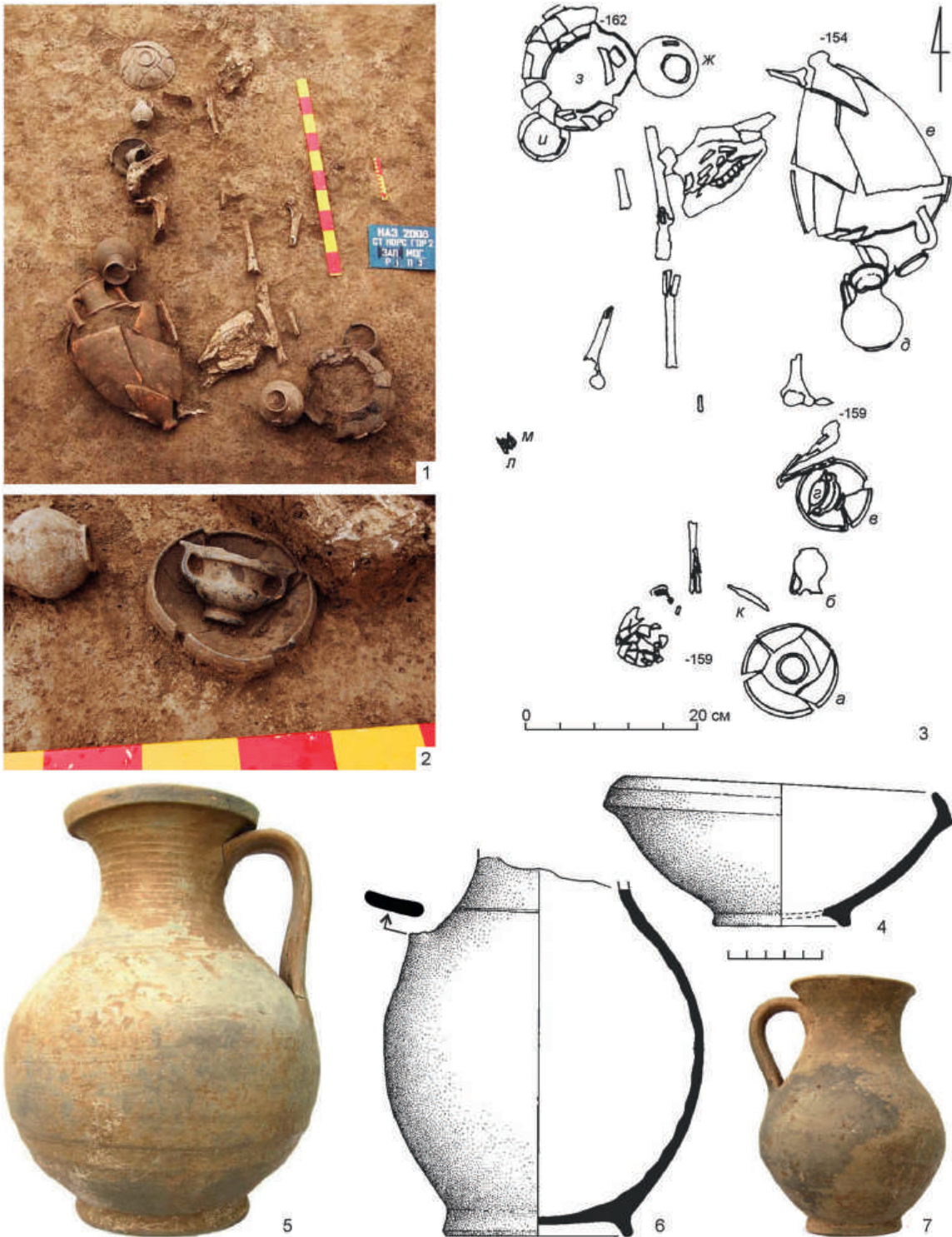


Рис. 1. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 645з: 1 — вид с севера; 2 — чернолаковый канфар в сероглиняной миске *in situ*, вид с востока; 3 — план (а, в — миски; б — кувшинчик; з — канфар; д, ж — кувшины; е — амфора; з, и — горшки лепные; к — нож; л — наконечники стрел; м — пластина); 4 — миска; 5-7 — кувшины. 4, 5, 7 — сероглиняные; 6 — коричневоглиняный

Fig. 1. Cemetery of the Starokorsunskoye fortified site no. 2, burial 645z: 1 — view from north; 2 — black glazed kantharos inside a greyware bowl *in situ*, view from east; 3 — plan (a, b — bowls; b — small jug; z — kantharos; d, zh — jugs; e — amphora; z, u — handmade pots; k — knife; l — arrowheads; m — plate); 4 — bowl; 5-7 — jugs: 4, 5, 7 — greyware; 6 — brownware



Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 645з: 1, 2 — канфар чернолаковый, фото и рисунок; 3, 4 — наконечники стрел; 5, 6 — фрагменты пластинчатого предмета; 7 — нож; 8, 13 — лепные горшки; 9 — миска; 10, 11 — кувшины; 12 — амфора, фото и рисунок. 1, 2 — керамика, черный лак; 3-7 — железо; 8-13 — керамика: 8, 13 — лепная, 9-11 — сероглиняная, 12 — красноглиняная. Масштаб: а — для 1-7; б — для 8-11, 13; в-г — для 12: в — венчик и ножка, г — амфора

Fig. 2. Cemetery of the Starokorsunskoye fortified site no. 2, burial 645z: 1, 2 — black glazed kantharos, photo and drawing; 3, 4 — arrowheads; 5, 6 — fragments of a lamellar object; 7 — knife; 8, 13 — handmade pots; 9 — bowl; 10, 11 — jugs; 12 — amphora, photo and drawing. 1, 2 — black glazed wares; 3-7 — iron; 8-13 — pottery: 8, 13 — handmade, 9-11 — greyware, 12 — redware. Scale: a — for 1-7; б — for 8-11, 13; в-г — for 12: в — rim and toe, г — amphora

Амфора (рис. 2, 12) из этого погребения относится к типу Пепарет II — Икос, выделенному С. Ю. Монаховым среди сосудов, когда-то считавшихся местной продукцией Боспора (*Зеест*, 1961. С. 26, 95, 98, табл. XXI, 39, а, б). Сам С. Ю. Монахов первоначально связывал эти амфоры с ранними сериями херсонесской тары вариантов I-A-1 и I-A-2 (*Монахов*, 1989. С. 42–47). Позднее была предложена классификация этих амфор, разделенных на две морфологические группы, и обоснована их хронология; местом производства амфор предлагалось считать некий неустановленный «дорийский» центр (*Монахов, Кузнецова*, 2009. С. 158–160). В настоящее время достаточно уверенно обоснована локализация этой тары, выпускавшейся одновременно в мастерских на Пепарете и Икосо во второй–третьей четвертях IV в. до н. э. Причем хронология обеих морфологических групп сосудов опирается на комплексы, в которых они были встречены вместе с надежно датированными амфорами других центров производства. Опорными для хронологии стали меотские погребальные комплексы, главным образом из Прикубанского могильника (*Монахов, Федосеев*, 2013а. С. 556–559; 2013б. С. 258–260). Амфоры Икоса обеих хронологических групп выявлены также и в других меотских памятниках правобережья Кубани, как среди старых материалов, так и в результате не столь давних раскопок (*Улитин*, 2014. С. 260, 261; *Лунев*, 2010. С. 369, рис. 10, б).

Отсутствие перехвата на ножке определяет принадлежность амфоры из погребения 6453 ко второй морфологической группе сосудов, датировка которой ограничивается серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (*Монахов, Федосеев*, 2013а. С. 559; 2013б. С. 260). Несколько амфор этой группы (бывший вариант херсонесских I-A-1), датированных третьей четвертью IV в. до н. э., происходит из некрополя Панское I (*Монахов, Rogov*, 1990а. С. 136, табл. 4; 1990б. С. 130, 136–138, табл. 2, № 21, 22, 23, 24; *Rogov*, 2011. С. 110, рис. 61, 3, 5, № 21, 22; *Монахов, Кузнецова*, 2009. С. 150, табл. 8, 1, 2, 4).

Таким образом, хронология погребения 6453 на основании датировок чернолакового канфара и амфоры Икоса второй морфологической группы достаточно твердо определяется в рамках середины — третьей четверти IV в. до н. э.

В памятниках правобережья Кубани амфоры Икоса второй морфологической группы встречаются довольно часто. Они особенно

многочисленны в Прикубанском могильнике (*Монахов, Кузнецова*, 2009. С. 149, 150, табл. 1; 5, 1–4; 7), однако большинство комплексов пока не введено в научный оборот. Другие, вместе взятые, памятники дали гораздо менее обильный, но также весьма информативный материал.

В кургане Карагодеуашх присутствовали две амфоры второй группы (полностандартная и фракционная). По большой амфоре, аналогичной сосудам из некрополя Панское I, комплекс был отнесен к третьей четверти IV в. до н. э. (*Монахов*, 1999. С. 411, 412, табл. 184, 1; *Монахов, Кузнецова*, 2009. С. 159, рис. 6, 4).

В погребении 159 из могильника Спорное с амфорой, определенной ранее как «псевдохерсонесская» варианта I-A-1, были найдены лепные сосуды местного производства, типы которых (корчага, миски, кружка) характерны для раннемеотского периода и вряд ли могли сохраняться позднее середины IV в. до н. э. Поэтому погребение было датировано нами второй четвертью этого столетия (*Бочковой и др.*, 2005. С. 172, рис. 19, 20). Теперь, когда хронология амфор Икоса второй группы конкретизирована, скорее всего и датировку погребения следует сузить до середины или даже рубежа второй–третьей четверти столетия. Вероятно, это погребение можно считать наиболее ранним среди известных в настоящее время комплексов с амфорами Икоса второй группы.

Вместе с амфорой Икоса в погребении 427 Прикубанского могильника были найдены гераклейская амфора с клеймом магистрата Спонтара 40-х гг. IV в. до н. э. и одноручный чернолаковый канфар редкой формы, датированный в пределах 375–350 гг. до н. э., что позволило ограничить хронологическую позицию комплекса началом третьей четверти столетия (*Лимберис, Марченко*, 2018а. С. 102, рис. 9).

В погребении меотского всадника на могильнике городища № 2 хут. Ленина («Дачи») такая амфора без ручек и горла (утраченных в древности) была найдена вместе с амфорой Коса серии I-B-1, хронологическая позиция которой определяется в пределах середины — последнего десятилетия IV в. до н. э. (*Монахов*, 2014. С. 204). Перекрестная хронология амфор и другого инвентаря дает возможность датировать этот комплекс в пределах середины — третьей четверти IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2018б. С. 141). Не исключено, что амфора Икоса в этом погребении

несколько «запаздывает», так как, вероятно, была использована вторично.

Наиболее поздним из известных в настоящее время является комплекс 39в Старокорсунского могильника № 2, где амфоре Икоса сопутствовала синопская пифоидного типа серии II-E-2 последней трети, или, точнее, 20-х гг. IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 151, 152, табл. 103, 2; Монахов, Кузнецова, 2009. С. 159, табл. 8, б), по которой погребение и было нами датировано концом IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 222, 223, рис. 5). Вместе с ними был найден чернолаковый канфар классического типа, украшенный гирляндой в стиле «западного склона». По аналогии с канфаром из здания U6 поселения Панское I его можно отнести к 320–310 гг. до н. э. (Happes-tad et al., 2002. P. 128, 132, pl. 62, 70, V7; Лимберис,

Марченко, 2017. С. 187, рис. 4, 14). Однако такие канфары, как свидетельствуют материалы, появляются в Северном Причерноморье уже в конце третьей — начале последней четверти IV в. до н. э. (Полин, 2014. С. 623, 624, рис. 551, 3; 552, 1).

Хронологический анализ комплексов с амфорами Икоса второй морфологической группы позволяет сделать осторожное предположение, что выпуск амфор этой серии, возможно, начался несколько ранее середины IV в. до н. э. и мог какое-то время продолжаться в последней четверти столетия. Синхронность чернолаковых сосудов и амфор разных центров, совместно встречаемых в меотских погребениях, мы отмечали неоднократно (Лимберис, Марченко, 2001. С. 160; Лимберис, Марченко, 2010. С. 342, 343; Лимберис, Марченко, 2017. С. 191, 192).

Бочковой и др., 2005 — Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 2005. Вып. 5. С. 172–218.

Брашинский, 1980 — Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.

Егорова, 2009 — Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 256 с.

Зеест, 1961 — Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 83). 180 с.

Лунев, 2010 — Лунев М. Ю. Новые погребения IV в. до н. э. из могильника на ул. Постовой (Почтовой) // Древности Боспора. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. Т. 14. С. 357–372.

Лимберис, Марченко, 2001 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Ч. 2. С. 153–160.

Лимберис, Марченко, 2005 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани.

Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 2005. Вып. 5. С. 219–324.

Лимберис, Марченко, 2010 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. Т. 14. С. 322–356.

Лимберис, Марченко, 2013 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Импортная парадная керамика VI–IV вв. до н. э. из могильников меотских городищ Краснодарской группы // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы Междунар. науч. конф. / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 424–434.

Лимберис, Марченко, 2016 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. О греческом влиянии на гончарное производство меотов // Эллинистика в гуманитарном пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: Материалы II Междунар. конф. эллинистов, проведенной в рамках объявленного в 2016 г. перекрестного года России и Греции (Краснодар, 21–23 апреля 2016 г.). Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 2016. С. 261–268.

Лимберис, Марченко, 2017 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum plus, 2017. № 3. С. 181–198.

Лимберис, Марченко, 2018а — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского

- могильника // Вестник Волгоградского ГУ. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2018. Т. 23, № 3. С. 99–113.
- Лимберис, Марченко, 2018б — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребение меотского всадника на могильнике городища № 2 у хут. Ленина // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 2018. Вып. 6. С. 137–148.
- Монахов, 1989 — Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. 158 с.
- Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 680 с.
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.
- Монахов, 2014 — Монахов С. Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. 2014. № 3. С. 195–222.
- Монахов, Кузнецова, 2009 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н. э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: Сб. ст. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов на/Д.: Медиа-Полис, 2009. С. 148–161.
- Монахов, Rogov, 1990а — Монахов С. Ю., Rogov Е. Я. Амфоры некрополя Панское I // Античный мир и археология. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. Вып. 7. С. 128–153.
- Монахов, Rogov, 1990б — Монахов С. Ю., Rogov Е. Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. Вып. 8. С. 122–151.
- Монахов, Федосеев, 2013а — Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф. Амфоры Икоса // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы Междунар. науч. конф. / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 554–561.
- Монахов, Федосеев, 2013б — Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // Античный мир и археология. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. Вып. 16. С. 255–266.
- Полин, 2014 — Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель О. Филук, 2014. 776 с.
- Rogov, 2011 — Rogov Е. Я. Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь: Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2011. 216 с.
- Rogov, Тункина, 1998 — Rogov Е. Я., Тункина И. В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. 1998. Вып. 5 (1996–1997). С. 159–175.
- Улитин, 2014 — Улитин В. В. Амфоры Икоса из раскопок Елизаветинского могильника № 2 // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция, 2014. С. 260–263.
- Hannestad et al., 2002 — Hannestad L., Stolba V. F., Blinkenberg Hastrup H. Black-Glazed, Red-Figure, and Gray Ware Pottery // Panskoye I. The Monumental Building U6. Aarhus University Press, 2002. Vol. I. P. 127–149.
- Robinson, 1950 — Robinson D. M. Vases Found in 1934 and 1938. Baltimore: Johns Hopkins Press, Oxford University Press, 1950 (Excavations at Olynthus; Vol. XIII). 463 p., 267 pl.
- Rotroff, 1997 — Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table ware and Related Material. Princeton, New Jersey: The American school of Classical Studies at Athens, 1997 (The Athenian Agora; Vol. XXIX). Part 1: Text. 594 p.
- Sparkes, Talkott, 1970 — Sparkes B. A., Talkott L. Black and Plane Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, New Jersey: The American school of Classical Studies at Athens, 1970 (The Athenian Agora; Vol. XII). Part 1: Text. 472 p. Part 2: Catalogue. 468 p.

Burial with Greek imports of the Late Classical period from the burial ground of the Starokorsunskaya settlement no. 2

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko⁴

Keywords: Kuban region, Maeotian culture, burial ground, gray-clay pottery, black-glazed kantharos, amphora, chronology.

The article is devoted to one of the burials of a burial ground, belonging to the Starokorsunskaya settlement no. 2, located on the right bank of the Kuban river, east of Krasnodar. Such assemblages are not inferior to the Greco-Barbarian necropolises of the Northern Black Sea region in composition and quantity of amphorae containers of various production centers-exporters. The black-glazed vessels that came with the amphorae, were a luxury item for the local population. In quantitative terms, it is much less than in the necropolises of Greek polities, especially in the Maeotian sites, located far from the eastern borders of the Bosphorus. The main component of ceramic assemblages of the 4th cen. BC there were vessels of local production. Burial no. 6453 in addition to local molded and grey-clay pottery (Fig. 1) was accompanied by Attic black-glazed kantharos and the amphora made by Ikos (Fig. 2). These findings make it possible to narrowly date the burial within the middle — third quarter of the 4th cen. BC. Analysis of other known assemblages with amphorae from this center suggests that production of amphorae of Ikos of the second morphological group may have begun somewhat earlier than the middle of the 4th cen. BC, and could continue for some time in the last quarter of a century.

⁴Nataliya Yu. Limberis — Scientific Research Institute of Archaeology; Ivan I. Marchenko — Department of General History and International Relations, Kuban State University, 149 Ul. Stavropol'skaya, 350040, Krasnodar, Russia; e-mail: meot@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона: трансформация взглядов и современное состояние

А. Н. Коваленко¹

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов нескольких поколений исследователей на основные проблемы хронологии Елизаветовского поселения и описывается современное состояние научных разработок в данной области. Значительное внимание уделено вопросам периодизации городища и хронологии Большой греческой колонии первой трети III в. до н. э., открытой в 1982 г. в верхних горизонтах культурных напластований этого памятника. Сделан акцент на существовании двух строительных периодов в истории этой боспорской колонии, следы которых были зафиксированы на нескольких участках ее застройки, расположенных в разных частях памятника. В научный оборот вводятся некоторые новые, не публиковавшиеся ранее, археологические материалы, полученные в ходе исследований Южно-Донской археологической экспедиции на Елизаветовском городище в последние годы.

Ключевые слова: Нижний Дон, Елизаветовское городище, Большая греческая колония, проблемы хронологии, периодизация, сырцово-каменные конструкции, стратиграфия.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-230-244

Вопросы хронологии ключевого памятника скифо-античного времени степной зоны Северного Причерноморья — Елизаветовского городища на Дону — в течение многих лет были одними из наиболее актуальных и остаются таковыми и сейчас, что обусловлено систематическим археологическим изучением этого памятника, в результате которого источниковая база постоянно расширяется. Одним из наиболее интересных и значимых открытий, сделанных на Елизаветовском городище и связанных с последним этапом истории этого памятника, стало обнаружение в 1982 г. в верхних горизонтах его культурных напластований остатков Большой греческой колонии конца IV — первой трети III в. до н. э. Важная роль в открытии этого античного поселения в дельте Дона принадлежит Евгению Яковлевичу Рогову. Он первым выявил на этом памятнике фрагмент греческой застройки, «отстоял» его в жестком

споре с К. К. Марченко и убедил последнего начать изучение этих загадочных тогда строительных остатков (Вахтина, Виноградов, 2005. С. 10). С этого времени на протяжении многих лет изучение этого памятника античной культуры стало одной из основных задач работ Южно-Донской археологической экспедиции и позволило под новым углом зрения взглянуть на историю Елизаветовского городища и события последней четверти IV — первой трети III в. до н. э. в устьевой области р. Дон.

Следует отметить, что вопросы хронологии Елизаветовского городища привлекали внимание исследователей практически с самого начала изучения этого памятника, и по мере накопления нового материала взгляды ученых трансформировались. На первом этапе эти вопросы теснейшим образом были связаны с поисками города Танаис, о котором сообщали античные авторы. Толчком для первых полевых исследований послужили письма известного знатока античных древностей И. А. Стемпковского, который в 1823 и 1824 гг. побывал на Нижнем Дону. В 1824 г. в «Вестнике Европы» он опубликовал свои путевые заметки в форме писем И. Б. Бларамбергу. В этих письмах

¹ Кафедра археологии и истории древнего мира, Учебный музей археологии, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет; ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: alex_arx1977@mail.ru.

И. А. Стемповский изложил мысли о местонахождении древнего Танаиса и высказал твердое убеждение в соответствии Недвиговского городища остаткам древнего Танаиса (Два письма Стемповского..., 1854. С. 389). Путевые заметки И. А. Стемповского были очень ревниво восприняты на Дону, а известный исследователь донской истории В. Д. Сухоруков под предлогом того, что ему для написания истории донских казаков необходимы сведения о Танаисе, обратился к войсковому атаману А. В. Иловайскому с просьбой направить в слободу Недвиговку и станицу Елисаветинскую А. К. Кушнарёва для определения местоположения Танаиса. Атаман, неоднократно покровительствовавший В. Д. Сухорукову, 4 августа 1824 г. направил «предложение» Войсковой канцелярии, в котором писал: «...Ныне известно нам два городища: одно близ д. Недвиговки, а другое подле Елисаветовской ст. между Донцом и Доном, на коих... находили древние монеты и другие вещи. Доселе в ученом свете неизвестно, на каком именно месте из сих двух городищ построен был г. Танаис. А как таковой предмет должен входить в состав статистики и истории войска Донского, то поэтому и предписал... сотнику Кушнарёву, имеющему о сем предмете достаточные сведения, исследовать те городища со всею точностью и определить местоположение древнего г. Танаиса» (Коришиков, 1985. С. 128). В результате А. К. Кушнарёв в 1824 г. произвел раскопки на Недвиговском и Елисаветовском городищах. Однако поскольку документация об итогах этих работ утрачена, говорить о каких-то конкретных результатах, полученных в ходе полевых исследований, в том числе и связанных с хронологией, на сегодняшний день не представляется возможным. Вместе с тем раскопки эти, по-видимому, были значительными, поскольку сведения о них от местных старожилов через 30 лет, в 1853 г., получил П. М. Леонтьев, а некоторые следы их были этим исследователем зафиксированы на местности (Леонтьев, 1854. С. 409, 512).

Первыми по-настоящему научными исследованиями Елисаветовского городища и его могильника стали работы, проведенные в 1853 г. профессором Московского университета П. М. Леонтьевым, которым были высказаны первые предположения о хронологии Елисаветовского городища и отождествлении его с дополемоновским Танаисом. Надо сказать, что в распоряжении первых исследователей Елисаветовского городища

находился весьма ограниченный круг источников, поэтому и первые датировки памятника были скорее априорны и обусловлены крайне скудными данными письменных источников, нежели какими-то конкретными археологическими материалами. В частности, предположение П. М. Леонтьева о связи Елисаветовского городища с конкретным событием, упоминаемым Страбоном, — наказанием Танаиса за неповиновение боспорским царем Полемоном — существенно расширило хронологию городища до конца I в. до н. э. Это мнение, высказанное самим П. М. Леонтьевым весьма осторожно, тем не менее на долгие годы вошло в науку, и если А. А. Миллер в первые годы своих исследований на памятнике в начале XX в. еще датировал его VI–I вв. до н. э. (Миллер, 1914. С. 220, 222), то последующие работы этого исследователя позволили ему скорректировать первоначальные представления.

С масштабными исследованиями, проведенными в первой трети XX в. экспедицией под руководством А. А. Миллера, связаны более определенные данные о хронологии Елисаветовского городища. Накопленный к 1930-м гг. археологический материал из Елисаветовского и Недвиговского городищ и достигнутый новый уровень знаний об этих памятниках привел исследователя к очевидному выводу, что Танаис существовал на месте Недвиговского городища и до его разгрома Полемоном в конце I в. до н. э., а самые поздние материалы Елисаветовского городища относятся ко времени, намного более раннему относительно этого события. Сохранив представление о Елисаветовском городище как о более древнем Танаисе, А. А. Миллер выдвинул идею о том, что Танаис был перенесен на новое место вследствие того, что рукав Дона, на котором располагалось Елисаветовское городище, перестал быть судоходным, и его дальнейшее использование в качестве транспортной артерии стало невозможным (Марченко и др., 2000. С. 26), и произошло это событие в III в. до н. э. Значительное внимание А. А. Миллером было уделено и выяснению времени основания Елисаветовского городища, а в 1920-е гг. одной из основных задач Северо-Кавказской археологической экспедиции ГАИМК стали поиски на этом памятнике доскифских слоев. На основании проведенных в 1927 г. исследований всю совокупность культурных напластований Елисаветовского поселения А. А. Миллер разделил на два этажа. Время сложения верхнего из них определялось

в рамках V–II вв. до н. э., при этом было отмечено, что весь материал из раскопок 1927 г. укладывается в рамки V–III вв. до н. э. Основанием же для верхней хронологической границы поселения послужила находка в 1910 г. монеты, как впоследствии было установлено Д. Б. Шеловым, ошибочно отнесенной А. А. Миллером ко II в. до н. э., а на самом деле датируемой второй половиной IV в. до н. э. (Шелов, 1970. С. 27). Нижний этаж культурных напластований, состоящий в основе своей из песка и содержащий очень мало находок, А. А. Миллер считал доскифским, синхронным кобьяковской культуре эпохи поздней бронзы. Идеи А. А. Миллера о хронологии Елизаветовского городища были поддержаны и развиты Т. Н. Книпович, работу которой, построенную на результатах комплексного анализа вещественного материала из раскопок Северо-Кавказской экспедиции, проведенных в 1928 г., вышедшую в 1935 г. (Книпович, 1935), по праву можно назвать этапной в изучении Елизаветовского городища. Особое внимание Т. Н. Книпович уделила определению конечной даты существования Елизаветовского городища и пришла к выводу, что она должна быть ограничена серединой или концом III в. до н. э. (Там же. С. 189).

Говоря о хронологии Елизаветовского городища, среди исследований первой половины XX в., касающихся этого вопроса, нельзя обойти вниманием и точку зрения М. И. Ростовцева, который, опираясь прежде всего на материалы Елизаветовского могильника, определял время существования памятника в пределах IV–III вв. до н. э. (Ростовцев, 1925. С. 533).

Отметим, что основные выводы относительно хронологии Елизаветовского городища в XIX — первой половине XX в. преимущественно касались определения общего диапазона временных границ существования памятника, без выделения в его истории более узких периодов. Лишь в исследованиях А. А. Миллера и Т. Н. Книпович была предпринята попытка выделить в истории Елизаветовского городища два больших этапа — доскифского и скифского, однако для более подробного деления скифского периода данных было еще недостаточно, а наличие на месте Елизаветовского городища реальных следов доскифского стационарного поселения эпохи бронзы впоследствии было поставлено под сомнение (Марченко и др., 2000. С. 22). Хотя следует отметить, что за последние 20 лет в ходе работ Южно-Донской экспедиции

в наиболее возвышенной северной части «акрополя» городища на двух раскопах (XXXIV и XXXVI) при изучении слоя лессовидной супеси, расположенного в нижней части стратиграфической колонки, были обнаружены находки (рис. 1, 3, 4) и кости животных, относящиеся к эпохе поздней бронзы. Отдельные переотложенные находки керамики (рис. 1, 5–9) и каменные орудия (рис. 1, 1, 2) эпохи бронзы на этих раскопах были обнаружены и в культурных напластованиях, относящихся к скифскому времени. Количество таких находок невелико, но можно предположить, что на данном возвышенном участке могли сохраниться остатки слоя, который фиксировали в своих исследованиях А. А. Миллер и Т. Н. Книпович, однако более четко ответить на данный вопрос помогут только дальнейшие исследования в этой части городища.

Качественно новый этап в изучении Елизаветовского городища связан с началом работ на его территории Южно-Донской археологической экспедиции, созданной в 1954 г. со специальной целью изучения этого памятника. Систематические многолетние исследования этой экспедиции в дельте Дона привели к значительному расширению источниковой базы, что на определенном этапе заставило вновь обратиться к хронологии городища. В 1970-е — начале 1980-х гг. появляется ряд работ, в которых этому вопросу отводится особое место, а также статьи, специально посвященные данной теме (Шелов, 1970. С. 26–30; Брашинский, 1977; 1983; Марченко, 1983). В частности, в связи с изучением условий и обстоятельств возникновения Танаиса и поиском ответа на вопрос «Не могло ли все же иметь место перенесение древнего поселения из окрестностей станицы Елисаветинской в дельте Дона на территорию современного хутора Недвиговка на коренном правом берегу дельты?» (Шелов, 1970. С. 26), проблема конечной даты существования Елизаветовского городища заинтересовала Д. Б. Шелова. На основании анализа преимущественно синопских амфорных клейм, найденных к тому времени на Елизаветовском городище, этот исследователь пришел к твердому убеждению, что «товары в синопской амфорной таре поступали на Елизаветовское поселение в течение всего III в. до н. э., и даже в начале II в. до н. э.» (Там же. С. 29), а жизнь на Елизаветовском поселении не прекращалась в III в. до н. э., а продолжалась до начала или даже до середины II в. до н. э. (Там же. С. 30).

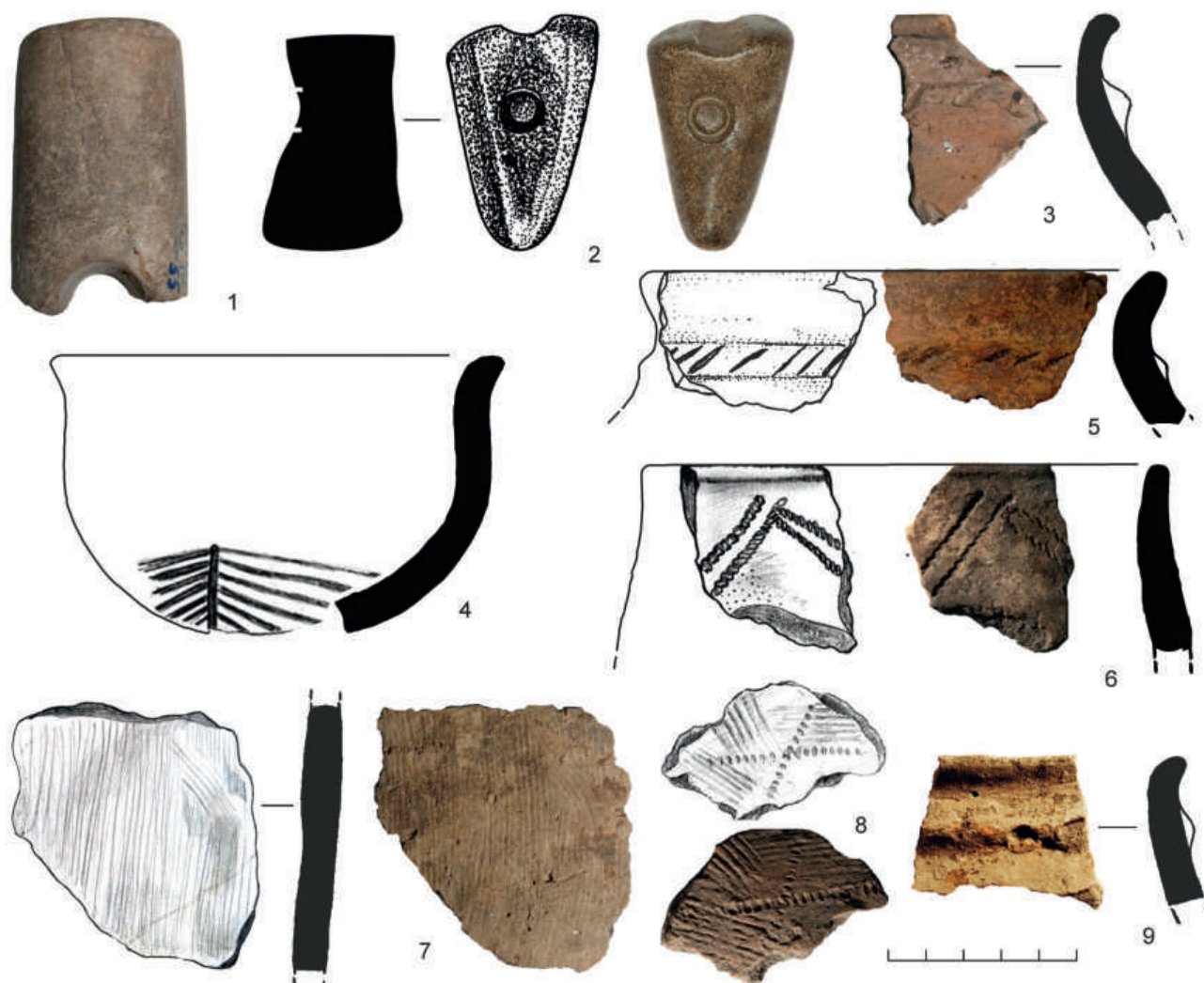


Рис. 1. Елизаветовское городище. Раскопы XXXIV и XXXVI. Некоторые находки эпохи бронзы: 1, 2 — фрагменты каменных шлифованных орудий; 3–9 — фрагменты лепных сосудов

Fig. 1. Elizavetovskoye fortified site. Excavated areas XXXIV and XXXVI. Some finds of the Bronze Age: 1, 2 — fragments of polished stone tools; 3–9 — fragments of handmade pottery

Изучая связи населения Нижнего Дона с Херсонесом Таврическим в IV–III вв. до н. э., к вопросам поступления херсонесского импорта на Елизаветовское городище и в Танаис специально обратился А. Н. Щеглов, который пришел к выводу, что наибольший приток на Елизаветовское городище продукции этого центра в клейменной и неклеяемой амфорной таре приходится на конец IV и первые десятилетия III в. до н. э., а к середине этого столетия, не позже третьей четверти, если не раньше, он затухает и прекращается. Что касается херсонесского импорта в Танаис, то, по мнению А. Н. Щеглова, он туда осуществлялся в ограниченном количестве во второй половине — конце III в. до н. э., то есть в то время, когда на

Елизаветовское городище он уже прекратился (Щеглов, 1973. С. 29).

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. проблемам хронологии Елизаветовского городища особое внимание было уделено в работах исследователей этого памятника И. Б. Брашинского и К. К. Марченко. Так, в вышедшей в 1977 г. статье, специально посвященной проблемам хронологии Елизаветовского городища, И. Б. Брашинским были поставлены четыре наиболее актуальных на тот момент вопроса: 1) возникновение Елизаветовского поселения скифского времени; 2) время прекращения жизни поселения; 3) основные этапы истории поселения; 4) вероятное время существования Елизаветовского поселения и

Танаиса (Недвиговского городища). На каждый из этих вопросов исследователем на основании комплексного анализа археологического материала и новейших разработок в области изучения греческого керамического импорта был предложен развернутый ответ (Брашинский, 1977). На основании анализа как материалов городища, так и окружающего его обширного могильника начальная дата поселения скифского времени была обозначена И. Б. Брашинским в пределах рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э. (Там же. С. 71). Что касается верхней даты Елизаветовского городища, то детальный анализ греческого керамического импорта из материалов этого поселения в сопоставлении с материалами Танаиса привел исследователя к выводу, что почти полное несовпадение комплексов клейм Елизаветовского городища и Танаиса может получить объяснение, если предположить, что оба комплекса хронологически несовместимы или почти несовместимы. При этом поздние амфорные клейма с Елизаветовского поселения и наиболее поздние образцы чернолаковой керамики, по мнению И. Б. Брашинского, не выходят за пределы середины III в. до н. э., и, таким образом, наиболее вероятным временем прекращения жизни на поселении в дельте Дона исследователь считал дату не позднее середины III в. до н. э. (Там же. С. 73–75). По вопросу сосуществования Елизаветовского и Недвиговского городищ И. Б. Брашинский высказал мнение, что этот период сводится к минимуму и ограничивается самое большее несколькими десятилетиями (а возможно, и меньше) (Там же. С. 75). Что же касается четвертого, впервые поставленного И. Б. Брашинским, вопроса о внутренней периодизации истории Елизаветовского городища, то в самых общих чертах исследователем была предложена схема-основа для последующей разработки такой периодизации (Там же. С. 76). Следует отметить, что в дальнейшем разработка как проблем хронологии Елизаветовского городища, так и вопросов, связанных в целом с динамикой греко-варварских отношений на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье, получила в работах И. Б. Брашинского свое продолжение и развитие (Брашинский, 1980; 1983; 1984. С. 148–159), а его фундаментальный труд о греческом керамическом импорте на Нижнем Дону (Брашинский, 1980) на долгие годы стал важным источником для исследований в области хронологии и до сих пор не утратил своей актуальности. В этой работе

автор вновь обращается к периодизации истории Елизаветовского городища и выделяет три основных периода, первый из которых охватывает V в. до н. э., второй включает в себя весь IV и начало III в. до н. э., а третий приходится на всю первую половину III в. до н. э. (Там же. С. 5–6).

В 1983 г. проблемам хронологии Елизаветовского городища была посвящена специальная статья К. К. Марченко, в которой была предложена дробная периодизация истории памятника и выделено пять основных этапов его истории (Марченко, 1983). При этом следует отметить, что начало первого периода истории городища, связанного с его становлением, К. К. Марченко относит еще к концу VI в. до н. э., а по поводу даты прекращения жизни на поселении, автор, так же как и И. Б. Брашинский, считал, что она находится в пределах первой половины или, скорее всего, второй четверти III в. до н. э. (Там же. С. 61, 63).

Открытие в 1982 г. на территории Елизаветовского городища остатков Большой греческой колонии на долгие годы определило направления работы Южно-Донской экспедиции. С этого момента и до середины первого десятилетия XXI в. ее основные усилия были направлены на изучение последнего этапа в истории городища, связанного с этим новым памятником античной культуры в дельте Дона. Следует обратить особое внимание на то, что при разработке периодизации Елизаветовского городища первая половина III в. до н. э. рассматривалась И. Б. Брашинским в качестве отдельного, нового, этапа в истории этого памятника, когда произошли значительные изменения в динамике развития и торговой направленности городища. В то время еще не было известно о существовании на месте городища греческой колонии, и эту ситуацию объяснить было сложно. К сожалению, И. Б. Брашинский не дождался открытия остатков колонии, которое многое прояснило. Как уже было сказано ранее, остатки этой колонии были открыты в 1982 г., а особая роль и заслуга в этом открытии принадлежит Е. Я. Рогову. Его опыт исследований многослойных памятников и работы с сырцовыми конструкциями существенно помогли в открытии остатков греческой колонии, которые располагались в самых верхних горизонтах культурных напластований Елизаветовского городища, порой очень сильно поврежденных распашкой, начатой еще в первой половине XX в., и иной хозяйственной деятельностью. Кроме того, большие утраты имели участки

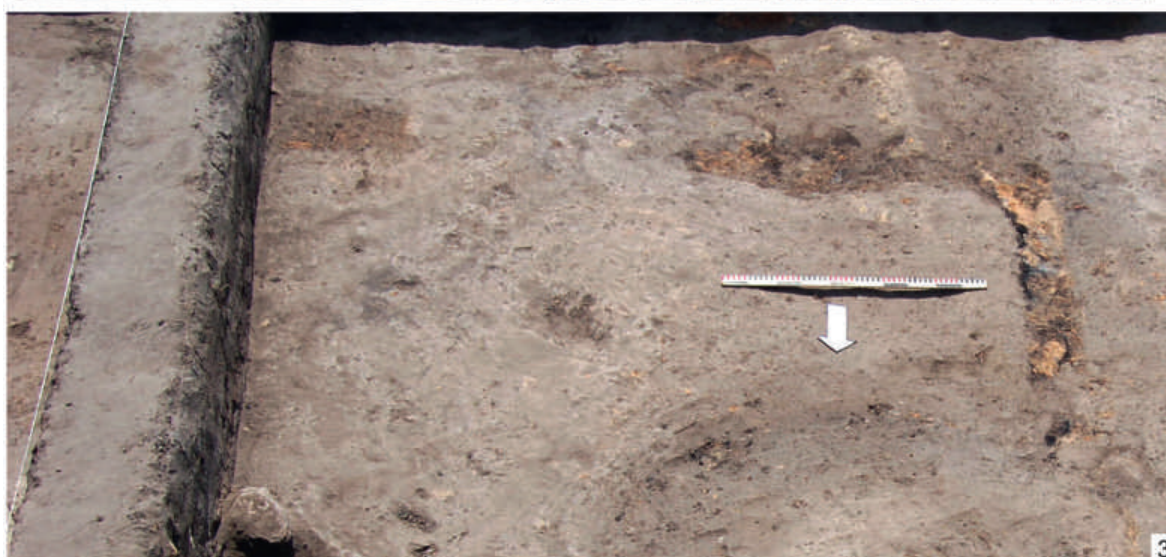
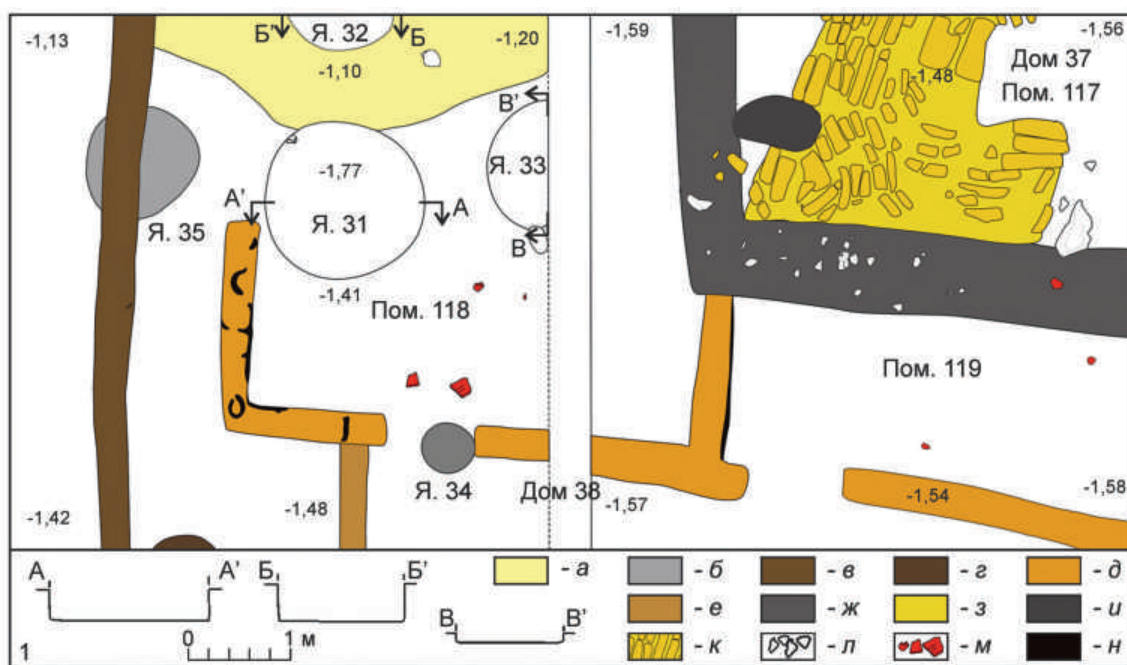
застройки колонии и вследствие массовых выборок камня из цоколей наземных построек, и только при раскопках широкими площадями удалось открыть остатки нового памятника, зачастую сохранившиеся в сильно фрагментированном состоянии. Изучение этого памятника, а также открытие и исследование в 1986–1988 гг. так называемого греческого квартала, как считается, боспорской колонии более раннего времени, расположенного на внешнем валу внутренней линии обороны в западной части Елизаветовского городища (Марченко, 1992), и появление нового археологического материала заставили исследователей под новым углом зрения посмотреть на заключительные этапы истории Елизаветовского городища. В результате уже во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. вышла целая серия статей, посвященных открытым греческим колониям и их хронологии (Кац, Федосеев, 1986; Марченко, 1987; 1991; 1992; Горончаровский, 1987; Копылов В., 1987; Федосеев, 1990; 1992; 1996; Копылов В., Васильев, 1991; Житников, 1992; и др.). В частности, было высказано мнение, что выявленный в западной части Елизаветовского городища «греческий квартал» предшествует остаткам колонии, открытой на территории «акрополя» городища, и если вначале его дата определялась в рамках конца IV — первого десятилетия III вв. до н. э. (Марченко, 1991. С. 54), то затем взгляды на время его функционирования были скорректированы, а хронологические рамки определены в пределах второй половины — конца IV — рубежа IV–III вв. до н. э. (Марченко, 1992. С. 176; Марченко и др., 2000. С. 248).

Что касается греческой колонии, открытой в центральной части Елизаветовского городища в пределах его «акрополя», сначала обозначенной как «елизаветовский эмпорий», а затем получившей название «Большая греческая колония», то в результате систематического изучения ее остатков было установлено, что финал этой колонии наступил внезапно и сопровождался катастрофическими разрушениями, очевидно, вследствие военного нападения, что привело к образованию целой серии закрытых комплексов (Монахов, 1999. С. 484–497; Копылов В., Копылов А., 2017. С. 144–147), наличие которых чрезвычайно важно для установления узкой даты этого события. При этом если насчет времени основания колонии в конце IV в. до н. э. большинство исследователей единодушны, то по поводу времени ее финала

все же высказывались различные точки зрения, причем разница эта, как правило, варьировалась в пределах 10–15 лет (80–60-е гг. III в. до н. э.). Надо сказать, что ситуация в этом отношении до настоящего времени почти не изменилась, и дата гибели колонии сейчас определяется в хронологическом диапазоне с середины 70-х по середину 60-х гг. III в. до н. э. (Горончаровский, 1987. С. 11; Федосеев, 1990. С. 160; Кац, 2007. С. 382–384; Копылов В., 2008. С. 61; Копылов В., Коваленко, 2013. С. 243; и т. д.).

Этапной работой, посвященной Елизаветовскому городищу, можно назвать обобщающую коллективную монографию К. К. Марченко, В. Г. Житникова и В. П. Копылова, вышедшую в 2000 г. на русском и немецком языках, подводящую определенные итоги, достигнутые в изучении памятника к концу XX в., в том числе в области его хронологии и периодизации, которым в исследовании было отведено особое место (Марченко и др., 2000. С. 54–70). В отличие от периодизации, предложенной К. К. Марченко в 1983 г., в данной работе история Елизаветовского городища авторами была разбита не на пять, а на четыре хронологических периода. Согласно этой периодизации, первый этап истории поселения приходится на рубеж третьей и четвертой четвертей VI — V вв. до н. э. и охватывает период его становления, при этом авторы отмечают, что поиски остатков сколько-нибудь выраженного культурного слоя конца VI — V вв. до н. э. дали негативные результаты (Марченко и др., 2000. С. 68). Хронологические рамки второго этапа истории Елизаветовского городища охватывают период около 50 лет, то есть примерно всю первую половину IV в. до н. э., когда поселение превращается в крупнейшее варварское торжище всего Северо-Восточного Причерноморья (Марченко и др., 2000. С. 68). Третий этап приходится на время с середины IV до рубежа IV–III вв. до н. э., когда городище, по мнению авторов, достигает своего наивысшего расцвета, а в его структуре появляется отдельный греческий квартал, своего рода «энойкия». Четвертый же период с рубежа IV–III вв. до н. э. по 80–70-е гг. III в. до н. э. целиком связывается с существованием здесь Большой греческой колонии (Марченко и др., 2000. С. 70).

Следует отметить, что хронологии Елизаветовского городища также была посвящена и специальная статья К. К. Марченко (Марченко, 2000), вышедшая в том же году, что и коллективная



монография, в которой автор заостряет внимание на некоторых наиболее актуальных вопросах в датировке этого памятника и привлекает новые археологические данные, в том числе и материалы, происходящие из закрытых комплексов времени гибели Большой греческой колонии.

Результаты дальнейшего систематического изучения Елизаветовского городища, которое в течение последних 25 лет (с 1994 по 2019 г.) Южно-Донская археологическая экспедиция осуществляла под руководством В. П. Копылова, в 2000-е гг. заставили вновь обратиться к проблемам хронологии и периодизации этого памятника. Так, в 2000-е гг. после долгого перерыва Южно-Донская экспедиция вновь обратилась к изучению более ранних по отношению к Большой греческой колонии культурных напластований, а результаты новых исследований в области периодизации и хронологии Елизаветовского городища и греко-варварских отношений в регионе в целом нашли отражение в серии специальных работ (Копылов В., 2002; 2004; 2009; Копылов В., Коваленко, 2011; 2012; и др.). И хотя представленная В. П. Копыловым в 2004 г. обновленная версия периодизации истории Елизаветовского городища с ее делением на четыре этапа (Копылов В., 2004. С. 62–65) в целом была сходна с предложенной ранее авторами коллективной монографии (Марченко и др., 2000. С. 54–70), некоторые прежние представления все же были скорректированы. Так, например, корректировке подверглась начальная дата основания Елизаветовского городища скифского времени. В частности, крайняя малочисленность в материалах Елизаветовского городища находок VI — начала V в. до н. э., представленных единичными экземплярами, отсутствие на памятнике, несмотря на многолетние исследования, культурного слоя этого времени, а также отсутствие в материалах Елизаветовского курганного могильника погребений ранее конца

первой четверти V в. до н. э. позволили В. П. Копылову прийти к выводу об основании городища скифского времени в конце первой четверти V в. до н. э., то есть вернуться к датировке, предложенной в свое время еще И. Б. Брашинским (Брашинский, 1977. С. 71; Копылов В., 2000. С. 158; 2004. С. 63). Таким образом, на сегодняшний день хронология первого периода в истории памятника ограничена временем с конца первой четверти V в. до н. э. до рубежа V–IV вв. до н. э., который характеризуется отсутствием на Нижнем Дону, за исключением островной части дельты Дона, следов греко-варварской торговли (Копылов В., 2004. С. 63). Следует отметить, что для этого времени на Елизаветовском городище также пока не зафиксированы следы стационарных жилищ-полуземлянок, которые появляются на поселении лишь с начала IV в. до н. э. (Марченко и др., 2000. С. 124).

Также обращает на себя внимание, что известные на территории устьевой области Дона погребальные комплексы варварского населения, имеющие узкую датировку V в. до н. э., не выходят за пределы островной части дельты. Большинство из них исследовано в материалах Елизаветовского могильника (Копылов В., 2000. С. 158) и к западу от него в районе хут. Дугино (Прокофьев, 2014. С. 90–94, 178–180, 182–184, 218–222), где в скифское время, очевидно, находилась одна из важных переправ через Дон (Копылов В., 1994. С. 90).

В 2000 г. авторами коллективной монографии о Елизаветовском городище хронологические рамки второго этапа его истории, связанные с поступательным развитием этого центра и превращением его в крупнейшее варварское торжище обширного региона, определялись с начала IV в. до н. э. и охватывали примерно всю первую половину этого столетия (Марченко и др., 2000. С. 68). Однако если начальная дата этого периода не вызывает сомнения, то его верхняя граница, очевидно,

Рис. 2. Елизаветовское городище. Раскоп XXXVI. Остатки турлочно-плетневых конструкций (помещения 118 и 119 дома 38), обнаруженные в северной его части: 1 — план (а — сырцовый слой; б — пепельное заполнение ямы; в — гумусно-глинистый грунт; г — гумусное заполнение ямы; д — турлук; е — сырцово-золистый слой; ж — гумусное заполнение выборки; з — сырец; и — пепельное заполнение ямы; к — сырцовые кирпичи; л — камни; м — амфорная керамика; н — камыш) и разрезы; 2 — дома 37, 38, вид с северо-северо-востока; 3 — пом. 118, вид с севера

Fig. 2. Elizavetovskoye fortified site. Excavation XXXVI. Remains of daubed wattle structures (rooms 118 and 119 in house 38) revealed in its northern section: 1 — plan (a — adobe layer; б — ashy fill of the pit; в — humic-clayey soil; г — humic fill of the pit; д — wattle daubed with clay (turluk); е — adobe-ashy layer; ж — humic fill; з — adobe; и — ashy fill of the pit; к — mudbricks; л — stones; м — amphora pottery; н — reed) and sections; 2 — houses 37 and 38, view from north northeast; 3 — room 118, view from north

должна быть сдвинута в третью четверть IV в. до н. э. Обусловлено это тем, что комплексное изучение материалов IV в. до н. э. Елизаветовского городища (строительные комплексы полуземляночного типа, результаты исследований фортификационных сооружений городища, колодец с каменной облицовкой стен и т. д., а также результаты анализа отдельных категорий находок с городища и материалов Елизаветовского могильника в совокупности с другими памятниками дельты Дона) позволяет сегодня под новым углом зрения взглянуть на события второй половины IV в. до н. э. в дельте Дона и их динамику (Кац, 2007. С. 382; Коваленко, 2009. С. 18–21; Копылов В., Коваленко, 2016; и др.). В частности, одним из важных открытий последнего времени является вывод о случившихся в третьей четверти IV в. до н. э. катастрофических событий военного характера, нашедших отражение в материалах Елизаветовского городища. Очевидно, в это время поселение подверглось мощному военному удару, который существенно изменил ситуацию в регионе и привел к значительному усилению здесь роли боспорян (Копылов В., Коваленко, 2020. С. 197). В связи с этим третий этап в истории городища представляется менее продолжительным, чем это считалось ранее, и связан не с наивысшим периодом его развития, а с резким, более чем в два раза, снижением его торговой активности (Кац, 2007. С. 382). О кризисных явлениях того времени свидетельствуют и материалы Елизаветовского могильника (Коваленко, 2008; 2009. С. 18–19), и ситуация на островной части дельты Дона в округе Елизаветовского городища, где прекращают свое существование поселенческие структуры (Коваленко, 2020. С. 155).

Начало четвертого периода Елизаветовского городища приходится на конец IV в. до н. э. когда на его территории появляется Большая греческая колония. В настоящее время хронология существования Большой греческой колонии определяется в рамках конца IV — середины 70-х или середины 60-х гг. III вв. до н. э. (Кац, 2007. С. 382–384; Копылов В., 2008. С. 61; Копылов В., Коваленко, 2013. С. 243). Необходимо отметить, что открытие и исследование Большой греческой колонии вновь актуализировало проблему двух Танаисов, последовательно функционировавших в разных пунктах устьевой области Нижнего Дона. Этой тематике в последние годы было уделено значительное внимание в исследованиях В. П. Копылова (Копы-

лов В., 2005; 2008; 2016. С. 84–85), а также специально посвящена совместная статья В. П. Копылова и А. Н. Коваленко (Копылов В., Коваленко, 2013), в которой был представлен подробный анализ данных письменных источников и имеющих на сегодняшний день археологических материалов. Особое внимание было уделено хронологическому сопоставлению конечной даты Большой греческой колонии и начала существования Недвиговского городища, в результате которого исследователи пришли к выводу об отсутствии на сегодняшний день оснований для того, чтобы говорить о сосуществовании двух этих центров (Копылов В., Коваленко, 2013. С. 254).

Несомненно, важное значение при изучении проблем хронологии Елизаветовского городища имеет открытие на территории памятника остатков наземных турлучно-плетневых конструкций, которые, возможно, являлись временными постройками и по времени предшествовали строительству наземных домов Большой греческой колонии (Коваленко, 2018. С. 358–360), имеющих сырцовые стены, возведенные на каменных цоколях. Остатки таких конструкций неоднократно фиксировались на разных участках городища, но наиболее четко и стратиграфически надежно привязанным к разным периодам застройки является сооружение (дом № 38), которое было зафиксировано на раскопе XXXVI (рис. 2). Судя по сохранившимся остаткам, оно представляло собой прямоугольное в плане строение, состоящее как минимум из двух помещений правильной формы, ориентированное по сторонам света. В южной стене каждого из помещений зафиксированы разрывы, которые, очевидно, связаны с дверными проемами.

Говоря о хронологии Большой греческой колонии, следует также обратить внимание на проблему, которой ранее не уделялось должное внимание в научной литературе и которая обозначилась сравнительно недавно. Связана она с тем, что на разных участках застройки Большой греческой колонии было четко зафиксировано два строительных периода, наличие которых на столь узком хронологическом отрезке существования этой колонии обращает на себя особое внимание и вызывает вопросы. Учитывая сравнительно небольшой период функционирования этого памятника, выявление разного рода перестроек объектов капитального строительства, произошедших на таком узком временном отрезке, представляется

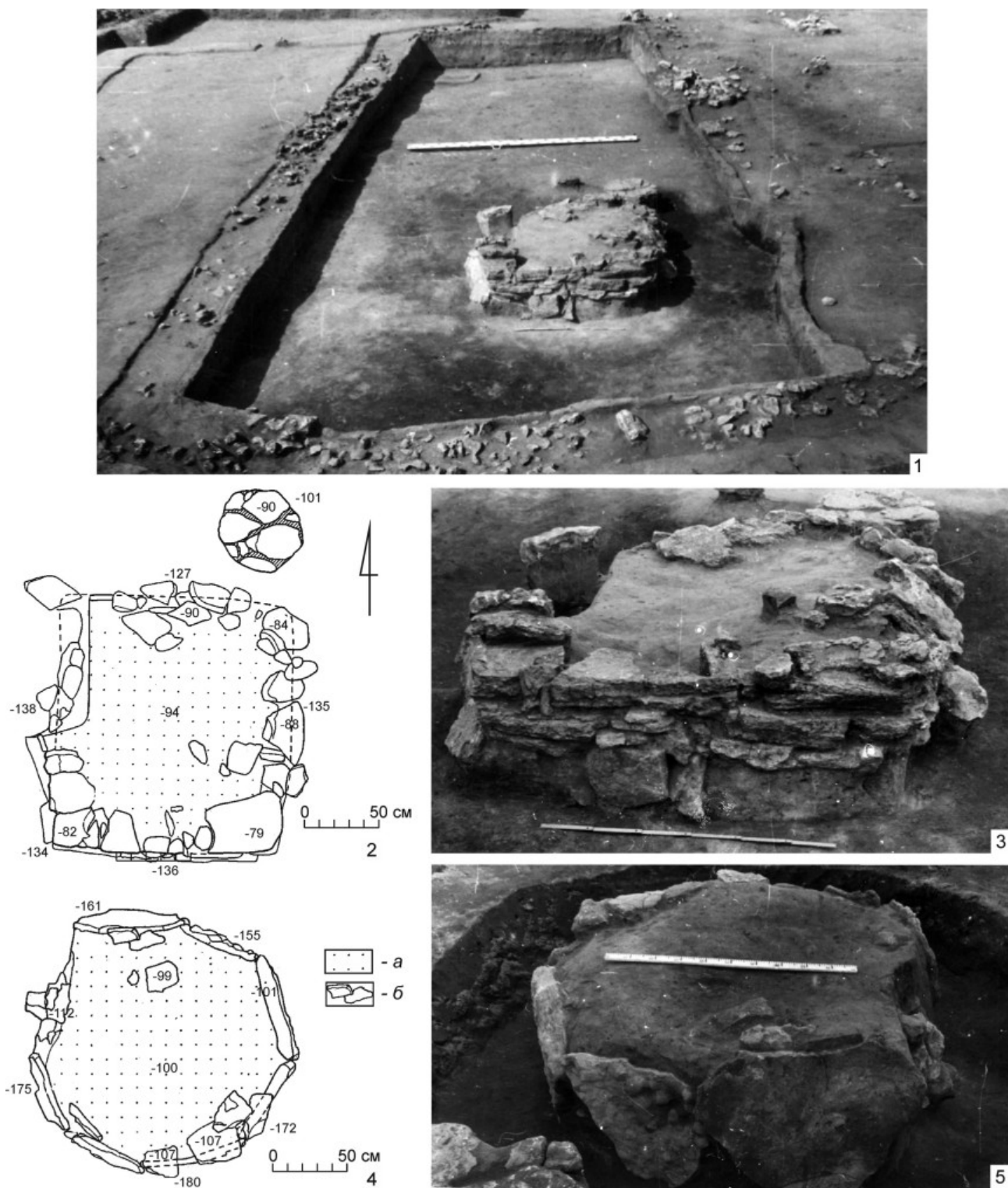


Рис. 3. Елизаветовское городище. Раскоп XXX–XXXI. Остатки сырцово-каменного алтаря в пределах дома 28: 1 — вид с юга; 2, 3 — алтарь (второй строительный период): 2 — план (а — сырец, б — камни), 3 — вид с юга; 4, 5 — алтарь (первый строительный период): 4 — план, 5 — вид с севера

Fig. 3. Elizavetovskoye fortified site. Excavations XXX–XXXI. Remains of an adobe and stone altar within the area of house 28: 1 — view from south; 2, 3 — altar (second building period): 2 — plan (a — adobe, б — stones), 3 — view from south; 4, 5 — altar (first building period): 4 — plan, 5 — view from north

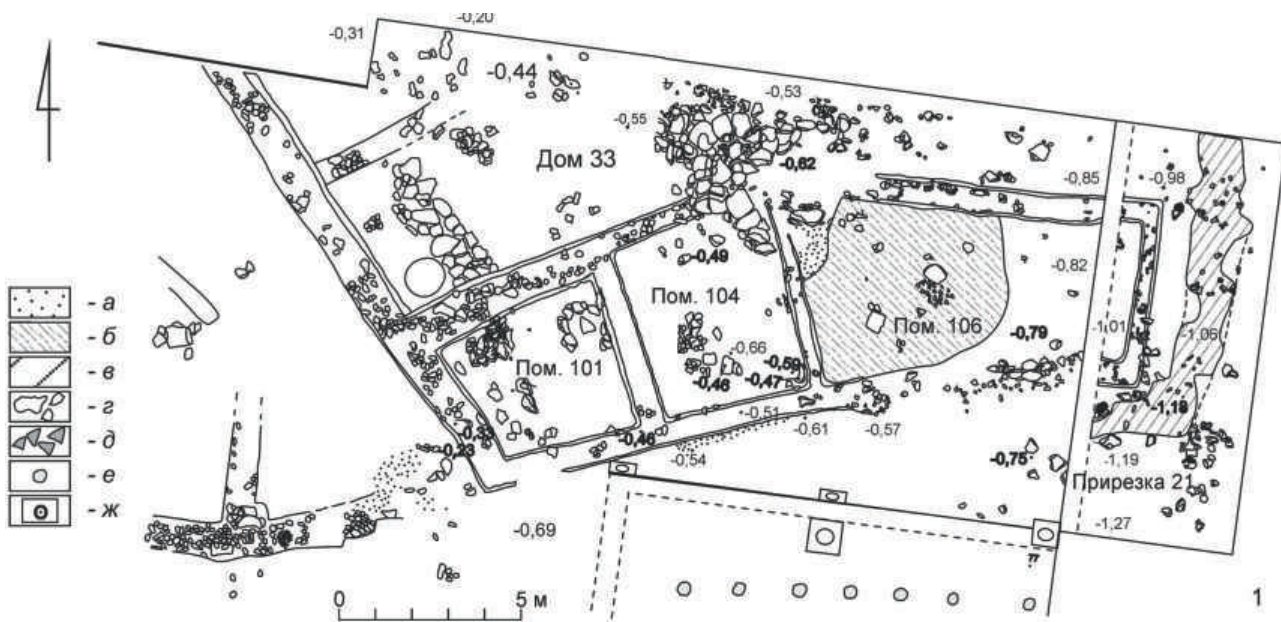


Рис. 4. Елизаветовское городище. Раскоп XXXIV, фрагмент плана. Остатки дома 33 Большой греческой колонии, при исследовании которого было зафиксировано два строительных периода: 1 — план (а — сырец; б — зола; в — керамическая вымостка; з — камни; д — лепная керамика; е — опоры от столбов; ж — бетонный фундамент опоры); 2 — вид с юго-востока

Fig. 4. Elizavetovskoye fortified site. Excavation XXXIV, fragment of the plan. Remains of house 33 of the Great Greek colony with two building periods recorded during its investigation: 1 — plan (a — adobe; б — ashes; в — ceramic pavement; з — stones; д — handmade pottery; е — supports of pillars; ж — concrete foundation of a support); 2 — view from south-east

крайне сложным. Тем не менее к настоящему времени открыто как минимум несколько объектов, для которых надежно зафиксированы следы их перестройки. Впервые на наличие двух строительных периодов при исследовании двух помещений (61 и 64) одного из домов этой греческой колонии обратил внимание В. П. Копылов, который высказал предположение, что окончательному разгрому колонии предшествовало нападение, после которого разрушенные дома были восстановлены и эмпорий сохранился (Копылов В., 1988. С. 23). За исключением этого краткого сообщения и еще одного упоминания в каталоге коллекции Ростовского областного музея краеведения (Копылов В., Язовских, 2004. С. 67), проблема существования у Большой греческой колонии двух строительных периодов в научной литературе не поднималась. Однако сегодня есть основания говорить, что помимо комплексов, упомянутых в статье В. П. Копылова, как минимум еще на двух участках застройки этой колонии в центральной и северной части «акрополя» городища были также зафиксированы два строительных периода. В первом случае речь идет о хорошо сохранившемся монументальном сырцово-каменном алтаре, исследованном на раскопе XXX–XXXI в пределах дома 28 (рис. 3, 1), который, возможно, являлся общественным святилищем (Марченко и др., 2000.

С. 256, табл. 67, рис. 111). В 1992 г. было исследовано два строительных периода этого алтаря, который вначале имел округлую в плане форму (рис. 3, 4–5), а затем прямоугольную (рис. 3, 2–3). Более поздний алтарь имел большие размеры и включал в себя раннее сооружение. В северной части «акрополя» городища два строительных периода очень четко зафиксированы на раскопе XXXIV, при изучении дома № 33 (рис. 4), первоначальные стены которого были разобраны и перестроены, а само строение имело два уровня пола. С чем были связаны перестройки домов и сырцово-каменных конструкций греческой колонии, просуществовавшей сравнительно недолго? С какими-то военными событиями или с потребностями жителей колонии в таких перестройках в мирной обстановке в ходе ее внутреннего развития? Для ответов на эти вопросы и каких-либо интерпретаций на сегодняшний день данных пока недостаточно, и нашей задачей в данном случае является лишь обозначение самого факта наличия в материалах Большой греческой колонии комплексов, которые по каким-то причинам перестраивались.

Таковы реалии, имеющиеся на сегодняшний день в области хронологии Елизаветовского городища, хотя, возможно, со временем, по мере накопления нового археологического материала, ситуация снова может измениться.

Брашинский, 1977 — Брашинский И. Б. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Общественные науки. 1977. № 1. С. 69–76.

Брашинский, 1980 — Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, Лен. отд., 1980. 268 с.

Брашинский, 1983 — Брашинский И. Б. Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону — Северо-Восточном Приазовье // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов на/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. С. 44–51.

Брашинский, 1984 — Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, Лен. отд., 1984. 248 с.

Вахтина, Виноградов, 2005 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Памяти Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001) // Stratum plus. 2003–2004 (2005). № 3. С. 9–12.

Горнчаровский, 1987 — Горнчаровский В. А. К вопросу о времени существования боспорского эмпория в дельте Дона (по нумизматическим данным) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тез. докл. к областному семинару) / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1987. С. 10–11.

Два письма Стемпковского..., 1854 — Два письма Стемпковского Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса // Пропилеи. Сб. ст. по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М.: Университетская тип., 1854. Кн. IV. С. 387–395.

Житников, 1992 — Житников В. Г. Колонии Боспора в низовьях Дона в первой трети III в. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. VI науч. конф. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов на/Д.: Изд-во Рост. пед. ин-та, 1992. С. 30–32.

Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования.

- Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2007. Вып. XVIII. С. 3–478.
- Кац, Федосеев, 1986 — Кац В. И., Федосеев Н. Ф. Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // Античный мир и археология. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. Вып. 6. С. 85–105.
- Книпович, 1935 — Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 году // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 111–197, с приложением.
- Коваленко, 2008 — Коваленко А. Н. Погребальные комплексы второй половины IV в. до н. э. Елизаветовского могильника // РА. 2008. № 1. С. 41–50.
- Коваленко, 2009 — Коваленко А. Н. Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV — первой трети III в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2009. 23 с.
- Коваленко, 2018 — Коваленко А. Н. Эллинические и варварские традиции в строительном деле Елизаветовского городища // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сб. науч. тр., посв. 70-летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов на/Д.: ИП Истратов И. В. (Типография «Лаки Пак»), 2018. С. 347–363.
- Коваленко, 2020 — Коваленко А. Н. М. И. Ростовцев и памятники скифского времени Нижнего Дона в контексте современных археологических реалий // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 1 / Предс. ред. совета В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2020. С. 152–158.
- Копылов В., 1987 — Копылов В. П. О времени прекращения существования варварского торгового центра в дельте Дона в свете боспоро-скифских отношений конца IV — начала III в. до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тез. докл. к семинару) / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1987. С. 13–15.
- Копылов В., 1988 — Копылов В. П. Раскопки боспорского эмпория в дельте Дона в 1987 году // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году (тез. докл. к областному семинару) / Ред. А. А. Горбенко и др. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 1988. С. 22–24.
- Копылов В., 1994 — Копылов В. П. О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через дельту Дона в скифское время // Проблемы скифосарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. Междунар. конф., посв. 95-летию со дня рождения проф. Б. Н. Гракова / Отв. ред. Г. Н. Тощев. Запорожье: б. и., 1994. С. 89–91.
- Копылов В., 2000 — Копылов В. П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология: Сб. тр. конф. / Отв. ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 157–166.
- Копылов В., 2002 — Копылов В. П. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII — первой трети III в. до н. э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 229–235.
- Копылов В., 2004 — Копылов В. П. Хронология греко-варварской торговли в Нижне-Донском экономико-географическом районе (вторая половина VII — первая треть III в. до н. э.) // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 60–67.
- Копылов В., 2005 — Копылов В. П. Большая греческая колония в дельте Дона и Танаис. Проблема двух Танаисов // Танаис и его соседи. 10 лет раскопок Варшавского Университета в античном городе Танаис. Warszawa, 2005. С. 10–11.
- Копылов В., 2008 — Копылов В. П. Большая греческая колония на месте Елизаветинского городища (к проблеме двух Танаисов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 6. С. 60–64.
- Копылов В., 2009 — Копылов В. П. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII — первая треть III в. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: Сб. ст. по материалам XII междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов на/Д.: Медиа-полис, 2009. С. 28–38.
- Копылов В., 2016 — Копылов В. П. Роль урбанистических центров нижнедонского культурно-исторического района в транзитной торговле Востока и Запада (первая половина VI — первая половина III в. до н. э.) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе: Материалы междунар. науч.-практич. конф. / Под ред. В. С. Белозерова, Н. А. Щитовой. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказский фед. ун-та, 2016. С. 80–87.

- Копылов В., Васильев, 1991 — Копылов В. П., Васильев А. Д. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV — начало III в. до н. э.) // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. А. Молев. Воронеж; Белгород: Воронежский гос. пед. ин-т, 1991. С. 27–36.
- Копылов В., Коваленко, 2011 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. О динамике греко-варварских взаимоотношений в Нижнедонском культурно-историческом районе в скифо-античный период и времени появления греков в составе населения Елизаветовского городища // Древнее Причерноморье / Гл. ред. И. В. Немченко. Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 2011. Вып. IX. С. 207–214.
- Копылов В., Коваленко, 2012 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. К вопросу об урбанистических центрах скифо-античного времени в нижнедонском культурно-историческом районе (первая половина VI — первая половина III вв. до н. э.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации: Материалы XIII Боспорских чтений / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: БФ «Деметра», 2012. С. 202–212.
- Копылов В., Коваленко, 2013 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Два Танаиса: миф или реальность? (античная письменная традиция и археологические реалии) // Причерноморье в античное и ранне-средневековое время: Сб. науч. тр., посв. 65-летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов на/Д.: ИП Лавор И. Н. (Тип. «Лаки Пак»), 2013. С. 242–257.
- Копылов В., Коваленко, 2016 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV — первой трети III в. до н. э. // Stratum plus. 2016. № 3. С. 33–44.
- Копылов В., Коваленко, 2020 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Заключительный этап истории в Восточном региональном образовании Скифии // АВ. 2020. Вып. 29. С. 191–206.
- Копылов В., Копылов А., 2017 — Копылов В. П., Копылов А. В. Закрытые археологические комплексы катастроф в материалах Елизаветовского городища на Дону // Крым и северное побережье Черного моря в археологических исследованиях 1956–2013: Материалы конф. / Eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Варшава: Варшавский институт археологии, 2017. С. 139–148.
- Копылов В., Язовских, 2004 — Копылов В. П., Язовских А. Г. Елизаветовское городище и курганный могильник // Сокровища донских степей из собрания Ростовского областного музея краеведения. Ростов на/Д.: Омега-Принт. 2004. С. 59–68.
- Коршиков, 1985 — Коршиков Н. С. Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова // СА. 1985. № 1. С. 122–130.
- Леонтьев, 1854 — Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Кн. IV. М.: Университетская тип., 1854. С. 396–524.
- Марченко, 1983 — Марченко К. К. Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа: Сб. ст. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов на/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. С. 60–63.
- Марченко, 1987 — Марченко К. К. Боспорские колонии в дельте Дона // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тез. докл. к семинару) / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. 1987. С. 8–10.
- Марченко, 1991 — Марченко К. К. Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. А. Молев. Воронеж; Белгород: Воронежский гос. пед. ин-т, 1991. С. 53–62.
- Марченко, 1992 — Марченко К. К. Боспорское поселение на Елизаветовском городище. // Очерки археологии и истории Боспора / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 174–186.
- Марченко, 2000 — Марченко К. К. Хронология Елизаветовского городища на Дону // ΣΥΣΤΙΤΑ: Сб. ст. памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 222–227.
- Марченко и др., 2000 — Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф, 2000. 281 с. + 72 табл.
- Миллер, 1914 — Миллер А. А. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // Известия ИАК. 1914. Вып. 56. С. 220–247.
- Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II в. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 678 с.: ил., табл.
- Прокофьев, 2014 — Прокофьев Р. В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов на/Д.: Альтаир. 2014. 400 с.

- Ростовцев*, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: Тип. 1-й Ленинградской труд. артели печатников, 1925. 618 с.
- Федосеев*, 1990 — *Федосеев Н. Ф.* О времени существования Елизаветовского городища и Танаиса (по данным керамической эпиграфики) // *Античный мир и археология*. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. Вып. 7. С. 154–160.
- Федосеев*, 1992 — *Федосеев Н. Ф.* К вопросу о локализации Псои // *Международные отношения в бассейне Черного моря: Тез. докл. VI науч. конф.* / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов на/Д.: Изд-во Ростовского пед. ин-та, 1992. С. 32–33.
- Федосеев*, 1996 — *Федосеев Н. Ф.* Елизаветовское городище — Псоя — Танаис // *Международные отношения в бассейне Черного моря: Тез. докл. VIII междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов на/Д.: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1996. С. 97–101.
- Шелов*, 1970 — *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 251 с.
- Щеглов*, 1973 — *Щеглов А. Н.* Херсонес и Нижний Дон в IV–III вв. до н. э. // *Археологические раскопки на Дону* / Отв. ред. А. Г. Терещенко. Ростов на/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. С. 26–30.

Problems of the chronology of the Elizavetovskoye fortified site in the delta of the Don: the transformation of the views and the present situation

A. N. Kovalenko²

Keywords: Lower Don, Elizavetovskoye fortified site, Great Greek colony, problems of chronology, periodization, adobe and stone structures, stratigraphy.

This paper considers the evolution of the views of several generations of researchers on the main problems of the chronology of the Elizavetovskoye settlement and the present state of the scientific investigations in this sphere. A significant consideration is given to the questions of periodization of the fortified site and the chronology of the cultural deposits uncovered in 1982 in the upper horizons of this site which was a Great Greek colony of the first third of the 3rd cen. BC. A special attention is paid to the existence of two building periods in the history of this Bosporan colony which have been reflected at several areas of its buildings (Fig. 3-4) located in different sections of the site. Of great significance in studies of the chronology of the Elizavetovskoye townsite is the discovery of the remains of daubed wattle (turluk) structures in the area of the settlement (Fig. 2). These structures were possibly of a temporary character and preceded the construction of surface houses of the Great Greek colony with adobe walls built on stone foundations. Also there are scientifically described some new, unpublished earlier archaeological materials obtained in the course of investigations of recent years by the South-Don Archaeological Expedition at the Elizavetovskoye townsite. The presence of finds dated to the Late Bronze Age is noted among these materials (Fig. 1).

² Alexander N. Kovalenko — Institute of History and International Relations, Southern Federal University; 105/42 Ul. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russia; e-mail: alex_arx1977@mail.ru.

Стратегии греко-варварских взаимоотношений в основных античных центрах Северного Причерноморья: причины формирования

А. М. Бутягин¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме различия в стратегии греко-варварских взаимоотношений основных античных центров Северного Причерноморья: Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства. Причины такой ситуации следует искать в различном географическом положении и варварском окружении. В результате все выработанные стратегии позволяли грекам в течение длительного времени выживать в условиях меняющегося варварского окружения.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, греко-варварские взаимоотношения, Ольвия, Херсонес, Боспорское царство.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-245-251

В своих многочисленных и разноплановых работах Е. Я. Рогов постоянно возвращается к исследованию греко-варварских отношений как к ключевому вопросу истории Северного Причерноморья. Такое внимание к этой теме, без сомнения, было заложено в ходе занятий студенческого семинара кафедры археологии ЛГУ под руководством А. Н. Щеглова. Помимо частных сюжетов, в которых проявлялась греко-варварская тематика, Евгений Яковлевич обращался и к широким обобщениям, например, в совместной работе с Ю. А. Виноградовым, посвященной закономерностям в развитии греческих колоний Северного Причерноморья в период архаики (Виноградов, Рогов, 1997. С. 66–72). Мне также хотелось бы коснуться проблемы греко-варварских взаимоотношений в масштабах всего региона.

Многолетние исследования истории и археологии Северного Причерноморья дали богатейший материал, раскрывающий различные аспекты греко-варварских взаимоотношений в регионе. Можно сказать, что эта тема была и является до сих пор одной из самых важных

в отечественной античной археологии². Кратко опишем положение дел в этой области, которое удалось установить к настоящему моменту³.

На северном берегу Чёрного моря грекам пришлось столкнуться с нетипичной для Средиземноморья ситуацией — соседством степных кочевников. Особенностью Северного Причерноморья является тот факт, что южнорусские степи являются частью так называемого степного коридора, пересекающего в широтном направлении почти всю Евразию. Каждые несколько столетий из глубин Азии в силу демографических и экологических причин появлялись новые орды кочевников. В результате этого рушились установленные отношения, и их нужно было налаживать снова, причём часто с новыми народами. Важным моментом этого взаимодействия является то, что кочевые народы, обитавшие на всём протяжении степного коридора, обладали сходной культурой

² Основные этапы изучения см.: Марченко, 2005а.

³ В связи с тем что в статье описываются процессы, происходившие в масштабах всего Северного Причерноморья на протяжении длительного времени, ссылки даются на работы обобщающего характера или дискуссионные исследования, противоречащие общему взгляду. Подробная библиография присутствует в этих изданиях.

¹ Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: butyagin@gmail.com.

(*Кляшторный, Савинов, 2005. С. 9*). Это облегчало восприятие новых групп номадов греками, которые уже имели представление об особенностях жизни обитателей степи. Также для части региона важным было соседство с таврами, проживавшими в Крымских горах.

В ходе колонизации в Северном Причерноморье сформировались три субрегиона, в каждом из которых наблюдаются определённые особенности греко-варварских взаимоотношений. Основным центром Северо-Западного Причерноморья, простиравшегося от Дуная до Перекопского перешейка⁴, стал город Ольвия, вокруг которого располагалась обширная хора, насчитывавшая многие десятки поселений. Восточная часть Крыма вошла в состав Херсонесского государства. Хора города располагалась в непосредственной близости от него на территории Гераклеяского полуострова, а также севернее, охватывая побережье Тарханкутского полуострова, включая города Керкинитида и Калос Лимен. Греческие колонии Керченского и Таманского полуостровов, расположенные вокруг пролива Боспор Киммерийский, постепенно вошли в состав Боспорского царства, которое распространило своё влияние вплоть до устья Дона, где был основан город Танаис. В отличие от других субрегионов, на территории Боспора находилось относительно много крупных и мелких городов, рядом с которыми располагались сельские поселения, особенно многочисленные на территории Таманского полуострова⁵.

В целом основным контрагентом для греческих колонистов в регионе являлись кочевые или полукочевые племена культуры скифского облика. К ним можно относить степных кочевников, меотов, а также население лесостепи, находившееся в это время под скифским влиянием. Агрессивные и воинственные кочевники могли быть для греков как опасными врагами, так и влиятельными союзниками. В каждом регионе, конечно, складывалась своя специфическая ситуация. Ольвия находилась близко к зоне расселения фракийцев, проникновение которых достигало правобережья Южного Буга; Херсонес был основан вплотную к горам, заселённым таврами, а около границ Боспора проживали земледельцы-синды, а также племена предкавказских горцев.

⁴ Об изменениях границ региона в исторической перспективе см.: *Марченко, 2005б. С. 42–48.*

⁵ Общие данные по истории и археологии Причерноморья представлены в коллективной монографии в серии «Археология СССР» (*Кошеленко и др., 1984*).

Тем не менее именно отношения со степными номадами представляются принципиально важными для функционирования греческих городов и обширной сельской территории. Позднее сходную роль здесь играли сарматские племена.

В этой связи логичным выглядит предположение о том, что различные греческие центры Северного Причерноморья должны были выработать сходные стратегии отношений хотя бы с обитателями степи. Между тем ситуация сложилась иным образом. Во всех трёх субрегионах были выработаны различные модели взаимодействия с окружающими варварами. В целом они сформировались после катастрофических для всех причерноморских греков событий второй четверти V в. до н. э., когда регион подвергся мощному натиску новой волны кочевых номадов. Эти события могут считаться важными даже для Херсонеса, основанного уже после того, как ситуация нормализовалась. Для основания нового поселения момент был выбран удачно, а его обитатели, без сомнения, имели неплохое представление о ситуации в регионе и местном окружении колонии⁶.

Предполагается, что до кризиса греко-варварские взаимоотношения в Причерноморье носили относительно мирный характер. В последние десятилетия были найдены археологические свидетельства в пользу того, что как минимум с середины VI в. до н. э. отношения с местными племенами приводили к открытым столкновениям. В пользу этого говорят следы обширных пожаров и сооружение фортификаций в Пантикапее и Мирмекии (*Толстиков и др., 2017. С. 14, 15; Вахтина, Виноградов, 2001*), а также следы пожара конца VI в. до н. э. в районе ранней оборонительной стены в Тиритаке (*Зинько, 2015. С. 103*). Несмотря на то что периодические столкновения, видимо, имели место, следует думать, что за исключением кратких обострений греко-варварские отношения в это время носили мирный характер, и до длительного глобального кризиса ситуация никогда не доходила. Однако затяжной кризис в первой половине V в. до н. э. явно носил более серьёзный характер и имел долговременные последствия. «Коллапс» ольвийской хоры, сокращение числа сельских поселений на Таманском полуострове, катастрофические разрушения в Мирмекии и Порфмии, следы штурма Пантикапея и другие

⁶ Время основания Херсонеса дискутируется (*Лесная, 2016*), но археологические материалы пока не позволяют датировать основание поселения городского типа ранее последней четверти V в. до н. э. (*Рогов, 2005. С. 146–148*).

наблюдения заставляют говорить о том, что греческие поселения во всём регионе были поставлены буквально на грань существования. Серия военных столкновений заставила жителей греческих городов искать новые долговременные стратегии выживания в новых условиях. Возможно, что этому способствовало и усиление контроля новой волны скифов над степью, что не позволяло пускать эти отношения, так сказать, на самотёк, требуя более прочной основы.

Прежде чем я охарактеризую стратегии, которых, судя по всему, придерживались в области взаимоотношений с варварами причерноморские греки, следует отметить одну существенную черту, которая является важнейшей частью этих стратегий. Она состояла в том, что влияние варваров на внутреннюю жизнь и культуру греческих городов не допускалось. Фактически до римского времени мы не можем обнаружить никаких следов варваризации городской жизни, да и ее поздние черты были незначительны⁷. Таким образом, стратегии взаимоотношений не предполагали включения представителей варварских племён в городскую жизнь. Вопрос состоял в том, каким образом удалось не допустить этого вмешательства.

История Ольвийского государства представляет собой постоянную череду так называемых протекторатов варварских правителей над городом⁸. Видимо, о варианте такого протектората повествует Геродот в рассказе о царе Скиле (Hdt. VI. 76, 78–80). Напомню, что сам варварский правитель, в отличие от его свиты, допускался в город и приобщался там к эллинским обычаям. Другой вариант подобных взаимоотношений описан в декрете в честь Протогена (IPE, I², 32в), который во время прохода по землям полиса царя Сайтофарна, потребовавшего подарков, встретил и сопровождал царя, одарив его. Интересным также является упоминание миксэллинов, живущих на окраине полисных земель. Можно заключить, что полис готов был исполнить любые разумные запросы окружающих варваров, дарил им ценные подарки (завуалированную дань), вероятно, чеканил монеты варварских царей и т. д.

⁷ На примере Мирмекия (Бутягин, 2011).

⁸ Возможно, что непосредственный протекторат варварского царя над Ольвией возникал реже, чем предполагалось (Виноградов, 1989. С. 90–109, 230–250), но подчинённая позиция города по отношению к окружающим варварам рисуется источниками совершенно однозначно.

Мы можем условно назвать такую стратегию стратегией «возможного подчинения», то есть оливиополиты откупались от варварских правителей или номинально подчинялись им, но, конечно, только до той степени, которая не ограничивала полисную жизнь. Однако в середине I в. до н. э. город был разрушен нападением гетов и возродился в начале нашей эры, вероятно, сразу же под протекторатом кочевников, а через некоторое время перешёл под власть Римской империи.

Херсонесское государство на всём протяжении своего развития полагалось на силовое урегулирование греко-варварских взаимодействий⁹. Первоначально тавры были вытеснены с Гераклейского полуострова, подчинена Керкинитида и территория Тарханкутского полуострова. Впоследствии, когда натиск Крымской Скифии и, возможно, нападения сарматских племён вытесняют херсонеситов с Тарханкута, те прочно удерживают за собой Гераклейский полуостров и постоянно ищут союзников для вооружённой борьбы против скифов. В частности, они обращаются к понтийскому и боспорскому царям. В результате Херсонесу удалось получить помощь от Митридата Евпатора, полководец которого, Диофант, нанёс скифам такой удар, после которого они фактически не смогли оправиться. После этого город попадает под власть Митридата, потом подчиняется Боспорскому царству (при этом постоянно пытается освободиться от этой опеки) и, в конце концов, оказывается под протекторатом Рима.

Иным образом сложилась ситуация на Боспоре¹⁰. В течение столетия после катастрофических событий второй четверти V в. до н. э. здесь складывается монархия под управлением династов, скорее всего фракийского происхождения¹¹. Судя по всему, она имела ярко выраженный греко-варварский характер. Это отразилось в активном включении в управление государством варварских вождей различного происхождения. Скорее всего, они кооптировались почти исключительно из среды кочевых и полукочевых варваров-скифов и меотов, а впоследствии — из сарматов. Культура синдской аристократии, если справедливо

⁹ Изложение истории античного Херсонеса: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000. С. 60–208.

¹⁰ Классический труд В. Я. Гайдукевича по истории Боспора: Гайдукевич, 1949. Обновленные сведения см.: Русяева, Зубарь, 1998; Зубарь, Зинько, 2006.

¹¹ Последнее оспаривается рядом исследователей, но пока фракийское происхождение династии является почти общепризнанным.

предположение о том, что Семибратние курганы принадлежали элите синдов, также не отличалась от таковой у их кочевых соседей. Присутствие тавров среди аристократических кругов не зафиксировано, хотя они были в составе населения Боспорского царства. Греко-варварский характер этого государства отвергается некоторыми исследователями, хотя уникальный вид курганных некрополей, в которых захоронения греческой и варварской элиты порой неразличимы, указывает на это впрямую. Судя по всему, греческие поселения продолжали сохранять свой неизменный характер, как и варварские кочующие племена, а слияние происходило только на уровне аристократии, причём варварских вождей приучали к эллинской культуре, а греческая аристократия частично перенимала привычки кочевой элиты. Основой такой власти была царская семья, выступающая, с одной стороны, в качестве тиранов для греческих городов, а с другой — как вожди для варварских племён. Гибкость системы заключалась в том, что в элиту могли быть включены представители разных племён и даже народов, хотя в определённые периоды доминировали представители того или иного этноса.

В конце II в. до н. э. Боспор попадает под власть Митридата Евпатора, который продолжает привлекать варварскую элиту к управлению государством и даже расселяет представителей этих племён на ближайшей к греческим поселениям территории. После смерти сына Митридата Фарнака, на престоле снова утверждается династия варварского, вероятно сарматского, происхождения. Она смогла пережить бурные события рубежа эр, когда на власть претендовали различные претенденты, и просуществовать как минимум до первой половины IV в. н. э. Видимо, характер власти этой династии был несколько иным, чем у Спартокидов, но основные черты правления напоминали предыдущие: во главе царства стояла греко-варварская элита, а в жизни городов варваризация просматривается очень слабо, хотя, видимо, присутствие представителей негреческих племён здесь увеличилось.

Весьма любопытно, что три крупнейших античных центра следовали в течение V–II вв. до н. э. разным стратегиям: частичного подчинения, формирования совместной элиты и вооружённого противостояния. Это требует объяснения. Несмотря на то что сами эти стратегии и конкретные события греко-варварских взаимодействий часто становятся предметом подробного рассмотрения, цельная картина анализируется

редже. Редким примером общего взгляда является разработанная К. К. Марченко и Ю. А. Виноградовым периодизация истории Северного Причерноморья в свете греко-варварских взаимоотношений (Виноградов, Марченко, 2005). Однако здесь основное внимание было сосредоточено на общих для региона периодах мира и конфронтации, а не на способах их урегулирования.

Теорией, претендующей на объяснение различных стратегий греко-варварских взаимоотношений в разных центрах региона, является предложенная И. Б. Брашинским и А. Н. Щегловым концепция «ионийской» и «дорийской» колонизации (Виноградов, Щеглов, 1990. С. 369, 370). Её идея состоит в том, что представители двух основных греческих племён, участвовавших в колонизации Северного Причерноморья, практиковали разные стратегии взаимодействия с окружающими варварами. Предполагалось, что полисы с метрополией «дорийского» происхождения вели себя более агрессивно по отношению к окружающим племенам и одновременно были менее восприимчивы к культуре местного населения, в свою очередь «ионийские» колонисты предпочитали мирное сосуществование и позволяли себе широкие заимствования из варварской культуры, например, в области вооружения (применение луков, отказ от тяжёлой пехоты), формы жилищ (этим объяснялось появление полуземлянок) и т. д. Аналогии таким процессам находились и в колонизационной практике других регионов, например, Западного Причерноморья, Великой Греции и т. д.

В отечественной науке эта идея первоначально оказала плодотворное влияние, заставляя исследователей обращать пристальное внимание на греко-варварские отношения в колониях. Вместе с тем постепенно стали накапливаться факты, которые свидетельствовали о том, что некоторые «дорийские» общины вели себя скорее по-ионийски, а «ионийские» наоборот — решительно и агрессивно. М. А. Колесников внимательно проанализировал этот момент, даже составив рейтинг агрессивности/коммуникабельности различных колоний (Колесников, 2003). Это исследование убедительно показало, что никакой прямой корреляции происхождения колоний и степени агрессивности их политики не существует. Судя по всему, причина не в какой-то изначально принятой в различных греческих племенах политике силы или мирного взаимодействия, а скорее в том, что греческие колонисты гибко приспосабливались к внешним

обстоятельствам, не руководствуясь какой-то предустановленной моделью поведения.

Если мы отказываемся от идеи племенного (в рамках греческих племён) характера формирования стратегий взаимоотношений с варварами, то логично предположить, что реакция на сходную внешнеполитическую обстановку (появление новых волн кочевников из степи, фактор Крымской Скифии и т. д.) у разных греческих колоний должна быть сходной. Между тем, как было указано ранее, различные субрегиональные центры выбрали существенно отличающиеся друг от друга стратегии в области взаимоотношений с варварским окружением. Как кажется, причину этого нужно искать, с одной стороны, в природных условиях региона, а с другой — в этническом окружении субрегионов.

Ольвия находилась, если так можно выразиться, на самой стремнине передвижения кочевников. Со всех сторон город был окружен степными просторами, а соседние племена могли откочевать в любой момент и смениться новыми. В таких обстоятельствах единственной разумной тактикой становилась попытка умиловить соседей любыми способами: подарками, формальным подчинением, возможностью для вождей войти в город и т. д. В целом такая тактика не давала, как кажется, городу надёжных союзников, но удерживала кочевников от прямой военной агрессии. Протектораты варварских правителей, под которыми периодически находился город, были для него скорее бременем, чем помощью в противостоянии внешней угрозе. Естественным союзником в такой геополитической ситуации могло быть только крупное земледельческое государство, способное усилить оборону города дополнительным военным контингентом, а при случае и восстановить или достроить фортификацию поселения. Такими союзниками для Ольвии стали держава Митридата, а впоследствии Рим.

Географическое положение Херсонеса давало ему большие преимущества в отношении защиты от угрозы внешнего нападения. Окружённые горами поля Гераклеяского полуострова могли быть относительно легко обороняемы от степных кочевников исключительно контролем горных проходов и перевалов. В связи с этим город всегда мог рассчитывать на сохранность минимально необходимой сельскохозяйственной территории. Это порождало уверенность в собственных силах и расчёт на военную мощь полиса. Должно быть, разрозненные племена тавров не представляли большой угрозы для Херсонеса и были способны

максимум на грабительские набеги небольшими группами, что не представляло серьёзной угрозы. Владение хорой на Тарханкуте и её потеря привели к пониманию невозможности опоры только на собственные военные силы, что в итоге подтолкнуло к поиску надёжного внешнего союзника.

Уникальная ситуация, которая сложилась на территории Боспора, вполне объясняется его географическим расположением. Разделённые Керченским проливом территории давали надёжную основу для обороны, а Керченский пролив был непроходим для конников в летнее и труднопроходим в зимнее время, в свою очередь Таманский полуостров, представлявший собой несколько островов в дельте Кубани, обладал прекрасными естественными фортификационными свойствами. Зимой он был легче достижим для конницы, но это не имело существенного значения, так как в это время сложно разорять объекты сельского хозяйства. Наиболее опасной для региона проблемой оказывалась «война на два фронта», наподобие той, которая произошла в правление Сатира I, когда царство подверглось ударам с восточной и западной сторон.

Для того чтобы не допустить такой ситуации, были необходимы надёжные союзники. С одной стороны, рядом обитали земледельцы-синды, а также полукочевые меотские племена. С другой стороны, похоже, что кочевавшие на территории Крыма скифы, во всяком случае со второй половины V в. до н. э., имели ограниченную территорию кочёвок, что позволяло наладить с ними длительные отношения. В таком положении трудно было полагаться только на какое-то одно племя или родственные племена, в связи с чем боспорские греки пытались расположить к себе максимум представителей варварской элиты.

Опыт, полученный населением колоний, показал, что в той или иной степени все эти линии поведения на протяжении длительного времени могли спасти греческие поселения от уничтожения или полного подчинения окружающими варварами, хотя, конечно, в какие-то моменты все греческие колонии Северного Причерноморья испытывали трудные времена, а порой и подвергались уничтожению, однако находили силы для возрождения. Это может свидетельствовать о том, что греки на берегах Понта вполне успешно смогли выработать стратегии взаимодействия с варварами, выгодно используя или, во всяком случае, учитывая своё географическое положение, а также обстоятельства их варварского окружения.

В заключение мне хотелось бы написать несколько строк о Евгении Яковлевиче Рогове. Я познакомился с ним в студенческие годы в античном секторе ЛОИА, когда бывал там, посещая своего научного руководителя Ю. А. Виноградова. Обаяние и юмор Евгения Яковлевича сразу же обращали на себя внимание. Впоследствии мне пришлось по пути на городище Станислав по несколько дней работать в его экспедиции на раскопках поселения Козырка 12, где я увидел, как его лёгкий характер и весёлый нрав скрепляли экспедицию в дружный братский коллектив. Обстоятельства сложились так, что в ходе исследований поселения Волна I на Тамани Евгений Яковлевич оказался в моём формальном подчинении, так как я, будучи сотрудником Государственного Эрмитажа, исполнял обязанности начальника отряда, а он считался моим заместителем. Такая ситуация всегда чревата непониманием и постоянными конфликтами. К моему удивлению, всё сложилось совершенно противоположным образом. Благодаря такту и чувству юмора Е. Я. Рогова мы в течение двух сезонов работали в полном взаимопонимании. Это позволило мне многому научиться и в области полевой археологии, и в деле управления экспедицией. Прекрасным личным взаимоотношениям способствовали смешные

истории и байки, которыми буквально фонтанировал Евгений Яковлевич. Находиться рядом с ним было настоящим удовольствием.

В ходе раскопок Волны I я убедился, что Е. Я. Рогов является прирождённым полевым археологом, работать с которым было не только интересно и полезно, но и удивительно легко и радостно. Его огромной заслугой было активное участие в создании конференции «Бспорский феномен», которая по сей день является лучшей исследовательской конференцией, собирающей в Петербурге отечественных и зарубежных археологов, специализирующихся на изучении античного Северного Причерноморья. Каждый раз, встречаясь с Евгением Яковлевичем в секторе, на конференции или в экспедиции, я испытывал искреннюю радость. Его безвременная смерть глубоко поразила меня. Да простят уважаемые коллеги, мне до сих пор кажется, что с уходом Е. Я. Рогова Отдел истории античной культуры ИИМК потерял свою душу, и возникла пустота, ощущаемая до сих пор. Долгие годы после его смерти я не был готов с ней смириться и в любой момент ожидал услышать его голос или увидеть входящим с привычной улыбкой и лукавым взглядом. К сожалению, нам осталось только читать работы Евгения Яковлевича и с любовью вспоминать его.

Бутягин, 2011 — Бутягин А. М. Мирмекий: Малый город Боспора в зеркале варварского влияния // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур: Сб. тр. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Militaria, 2011. С. 37–39.

Вахтина, Виноградов, 2001 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1 / Ред. М. Ю. Вахтина, Е. Я. Рогов, В. А. Хршановский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 41–45.

Виноградов, 1989 — Виноградов Ю. Г. Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 288 с.

Виноградов, Марченко, 2005 — Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. С. 27–41.

Виноградов, Рогов, 1997 — Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Stratum+ПАВ. 1997. С. 66–72.

Виноградов, Щеглов, 1990 — Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1990. С. 310–371.

Гайдукевич, 1949 — Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Зинько, 2015 — Зинько В. Н. Крепостные сооружения боспорского города Тиритака // БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 100–109.

Зубарь, Зинько, 2006 — Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху: очерки социально-экономической истории. Симферополь; Керчь: б и., 2006 (БИ; Вып. XII). 304 с.

Кляшторный, Савинов, 2005 — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2005. 346 с.

Колесников, 2003 — Колесников М. А. Греческая колонизация Средиземноморья. Киев: б. и., 2003. 158 с.

- Кошеленко и др.*, 1984 — *Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т., Долгоруков В. С.* (ред.) *Античные государства Северного Причерноморья*. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). 392 с.
- Лесная*, 2016 — *Лесная Е. С.* Ранняя история Херсонеса Таврического в современной историографии // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. 2016. Серия «История. Международные взаимоотношения». Т. 16, вып. 4. С. 416–420.
- Марченко*, 2005а — *Марченко К. К.* Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху* / Ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. С. 12–26.
- Марченко*, 2005б — *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху* / Ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. С. 42–136.
- Рогов*, 2005 — *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху* / Ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. С. 137–210.
- Русяева, Зубарь*, 1998 — *Русяева А. С., Зубарь В. М.* Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев: Возможности Киммерии, 1998. 110 с.
- Сорочан, Зубарь, Марченко*, 2000 — *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.
- Толстиков и др.*, 2017 — *Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тузушева О. В.* Древнейший Пантикапей. От апойкии к городу. М.: Перо, 2017. 400 с.

Strategies of the Graeco-barbarian interrelations in the major Classical centres of the Northern Black Sea littoral: the causes of their formation

A. M. Butyagin¹²

Keywords: Northern Black Sea region, Graeco-barbarian relations, Olbia, Chersonesos, Bosporan kingdom.

In the course of the Greek colonization of the Northern Black Sea littoral, three major regions arose here: the Olbian and Chersonesean states and the Bosporan Kingdom. These centres had to enter relations with the barbarian tribes surrounding them, primarily with the steppe nomads or groups close to the latter in culture. Within a similar external surrounding, each of these states had formed their own strategy of the Greek-barbarian relations. Olbia accepted the way of paying tribute and partial subjection to the nomads that resulted in the city's periodically finding itself under a protectorate of barbarian rulers. Chersonesos attempted to resist the external perils by power. The Bosporan Kingdom had developed a unique way of the formation of the Greek-barbarian elite for a joint control of the Greek cities and local tribes. The theory of the establishment of an "Ionian" and "Doric" models of the colonization proposed before cannot exhaustively explain this phenomenon.

Taking all these facts in consideration, the differences in the strategy of the Graeco-barbarian relations are to be explained through different geographic situation of the Greek states and the specifics of their barbarian environment. The Olbian state was open to attacks from the steppe, Chersonesos and its near chora were reliably protected by the mountains, while Bosporos could use the different situation on the Kerch and Taman peninsulas evading a situation of a "war on two fronts". This resulted in choosing the most effective line of conduct enabling the Greek cities to preserve their culture in the conditions of a relative safety. Nevertheless, the pressure of different barbarian tribes compelled, in the long run, Olbia, Chersonesos and, to some extent, Bosporos to rely on a union with the Roman Empire. Such a situation demonstrates the flexibility of the external policy of the colonies adopting no ready schemes but choosing the best strategy in any particular situation.

¹² Aleksander M. Butyagin — Department of Antiquity, State Hermitage; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: butyagin@gmail.com.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Работы разведочного отряда Таманской экспедиции ГАИМК в 1931 г. на левобережье Старой Кубани¹

А. В. Батасова²

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот результатов работ разведочного отряда Таманской экспедиции ГАИМК в 1931 г. На основании археологической карты и полевого дневника начальника отряда А. А. Иессена, сохранившихся в научном архиве ИИМК РАН, восстановлен маршрут экспедиции и приведено описание выявленных местонахождений памятников. В заключение представлены выводы, сделанные А. А. Иессеном по итогам работ 1931 г.

Ключевые слова: история науки, Таманская экспедиция ГАИМК, археологические разведки, Северное Причерноморье, Краснодарский край.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-252-259

Таманская экспедиция ГАИМК, проводившаяся под руководством А. А. Миллера в 1930–1931 гг., является одним из знаковых проектов своего времени (см. подробнее: *Виноградов*, 2020). Перед экспедицией стояли широкомасштабные задачи по исследованию археологического наследия Таманского полуострова, бассейна Кубани, а в перспективе — территории вплоть до устья Дона (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118. Л. 68об.³).

Пожалуй, самым известным результатом работ экспедиции 1930–1931 гг. является археологическая карта, хранящаяся в научном архиве ИИМК РАН (Р-И. Д. 158. Л. 1а–1з). Она наряду с другими материалами послужила основой для рукописи Я. М. Паромова «Археологическая карта Таманского полуострова», составленной им в 1980-х гг.

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)», № 20-09-00180 А.

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: batasova.angela@gmail.com.

³ Здесь и далее используются материалы из фондов Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН. Для краткости в последующих ссылках будет опущено указание на архив.

Стоит отметить, что помимо собственно Таманского полуострова и Курчанской гряды, участками экспедиции был обследован коренной берег Старой Кубани. Основные результаты обследования были кратко охарактеризованы в публикации А. А. Иессена и А. А. Миллера (*Иессен, Миллер*, 1932), однако на хорошо известной крупномасштабной археологической карте А. А. Миллера этот участок, относящийся в настоящее время к Крымскому и Анапскому районам Краснодарского края, отражен лишь частично (отсутствующие листы, вероятно, утрачены). К счастью, в Научном архиве ИИМК РАН сохранилась вторая, менее детальная, археологическая карта, где восполнен данный пробел (рис. 1, 1). На ее основании представляется возможным восстановить маршрут экспедиции в этом районе и соотнести отмеченные на ней местонахождения (рис. 1, 2) с обследованными пунктами, описание которых приведено в полевом дневнике А. А. Иессена и в вышеупомянутой публикации отчета за 1931 г (*Иессен, Миллер*, 1932). Эта задача осложняется тем, что в полевом дневнике отсутствует нумерация местонахождений, за исключением некоторых случаев, отсылающих к неизвестной нам карте, которая, возможно, не сохранилась или еще не обнаружена. Тем не менее характер дневниковых записей и приложенные к ним схемы местности позволяют найти решение.

Все эти немногочисленные, но крайне ценные архивные материалы восполняют пробелы, имеющиеся в отношении как работ Таманской экспедиции в 1931 г., так и археологических памятников на восточной окраине Азиатского Боспора.

Территориальные разведки изначально являлись важнейшим пунктом программы работ Таманской экспедиции ГАИМК. В 1930 г. разведочный отряд экспедиции обследовал практически весь Таманский полуостров. В целом было выявлено более 60 поселений, отнесенных к разным хронологическим периодам. План работ экспедиции на 1931 г. предполагал дополнительное обследование Таманского полуострова и расширение границ района работ на восток, до левого берега Старой Кубани, на участке от станицы Варениковская до Анапы (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 149).

Работы разведочного отряда в 1931 г. были проведены в период с 17 июля по 10 августа; обследование восточного района заняло четыре дня — с 5 по 8 августа. Очевидно, что в столь сжатые сроки было бы невозможно провести подробное исследование всей территории, поэтому основная задача экспедиции заключалась в проверке и дополнении сведений об археологических местонахождениях и отдельных находках, известных по работам предшественников, а также получение информации от местных жителей. Участок между Варениковской и Анапой был осмотрен в 1927 г. экспедицией НИИ археологии и искусствознания РАНИОН под руководством А. С. Башкирова. Отчет об этих работах (Башкиров, 1928) и послужил основой для маршрута обследования в 1931 г.

В состав разведочного отряда Таманской экспедиции ГАИМК в 1931 г. входили А. А. Иессен (начальник), А. П. Круглов, Ю. Я. Подгаецкий и два студента-практиканта (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 149). По окончании работ на Таманском полуострове и Курчанской возвышенности 5 августа 1931 г. члены отряда переместились в станицу Варениковская. В самой станице, вблизи Кубанской пристани, были зафиксированы следы древнего поселения, представленные в виде небольшого количества «красных и грубых» черепков на улицах. По предварительному заключению А. А. Иессена, данное местонахождение могло относиться к римскому времени (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 94). На археологической карте оно обозначено № 99.

Далее участниками экспедиции был осмотрен район к востоку от Варениковской, по направ-

лению к горе Большой Разнокол. Под № 100 на археологической карте представлены следы поселения с невыразительным материалом предположительно античного времени (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 94об.)⁴.

Следующим пунктом обследования стало Семибратнее городище, обозначенное в тексте дневника как «Батарейка», «Рендонт» (№ 101 на археологической карте). Городище было осмотрено в 1927 г. А. С. Башкировым. Им отмечалось наличие на площади памятника обильного керамического материала (как гончарных греческих, так и лепных сосудов), черепицы, строительного камня, а также кусков мрамора (Башкиров, 1928. С. 79). В 1931 г. сбор подъемного материала был осложнен тем, что все городище было засеяно ячменем и заросло (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 95). Тем не менее в ходе работ удалось собрать некоторое количество материала, относящегося почти исключительно к эллинистическому времени (по определению А. А. Иессена) (Там же). Помимо этого, участниками экспедиции был снят план городища, сделаны заметки о его топографии и сохранности оборонительных сооружений.

По мере дальнейшего продвижения экспедицией были осмотрены окрестности горы Малый Разнокол. К югу от нее на карте отмечено три местонахождения. Первое, самое восточное, обозначенное № 102, находилось на правом берегу р. Капиляпсин⁵, «на втором выступе берега к западу от курганов на мысу и южнее дороги» (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 96). Здесь были выявлены следы поселения античного времени. Следующее местонахождение располагалось западнее (№ 103). Оно представляло собой находки «редких черепков», которые встречались на западном склоне балки (в ее верхней части), расположенной у бывшего хутора Манулова (также — хутор Малый Разнокол, или Второй Разнокол) (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 96). В полукиломе-

⁴ Возможно, отсюда же происходит находка части мраморной колонны. Сведения об этой находке, полученные от местных жителей, передает в своем дневнике А. А. Иессен. Согласно дневниковой записи, фрагмент мраморной колонны высотой около 1 м и диаметром около 0,4 м был найден на хуторе Пономарева, который располагался между станицей Варениковская и р. Чекупс (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 95об).

⁵ В тексте дневника — Котляпсин.



Рис. 1. Археологическая карта, составленная по результатам разведок Таманской экспедиции ГАИМК в 1930–1931 гг. (1), и ее фрагмент (2) с указанием пунктов, обследованных на левобережье старого русла Кубани (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 777. 1931. Л. 187)

Fig. 1. Archaeological map compiled after the results of surveys of the Taman Expedition of GAIMK in 1930–1931 (1) and its fragment (2) with an indication of points surveyed on the left bank of the old riverbed of the Kuban (SA IHMC RAS. Manuscript department. A. G. 2. Inv. 1. F. 777. 1931. Sh. 187)

тре южнее отмечалось наличие многочисленных («много десятков») небольших распаханных курганных насыпей (*Там же*). К западу от горы Малый Разнокол № 104 обозначено местонахождение фрагментов керамики античного или современного периода. Согласно замечанию в дневнике, они могли происходить из погребения или из поселения типа коша (*Там же*).

6 августа участники отряда осмотрели район Джигинки. В своем дневнике А. А. Иессен передает сведения местного учителя о находке «Михаэльсфельдского клада». Он отмечает, что купленные А. С. Башкировым вещи происходят не из обрыва правее Михайловского укрепления, где был найден «Михаэльсфельдский клад», а из могильника, расположенного к юго-востоку от колонии (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 97). В окрестностях этого могильника находились, предположительно, «следы селища», которые при осмотре оказались курганами. В самой Джигинской находок не было обнаружено (*Там же*).

Два местонахождения археологического материала, обозначенные на карте № 105 и 106, были выявлены к северу от Джигинской. Согласно записи в дневнике, черепки на поверхности нераспаханного селища встречались редко. Однако в береговом обрыве на глубине до 0,5 м были зафиксированы фрагменты античной керамики, в том числе фрагменты амфор и чернолаковых сосудов (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 98).

В тот же день отряд переместился в район хуторов Уташа, где, согласно сведениям А. С. Башкирова, у местных жителей имелось большое количество находок античного и средневекового времени (*Башкиров*, 1928. С. 77). В ходе осмотра Таманской экспедицией ГАИМК участка Алексея Мазанова было обнаружено 19 фрагментов надгробных известняковых стел⁶ (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 99–100об.). На некоторых из них

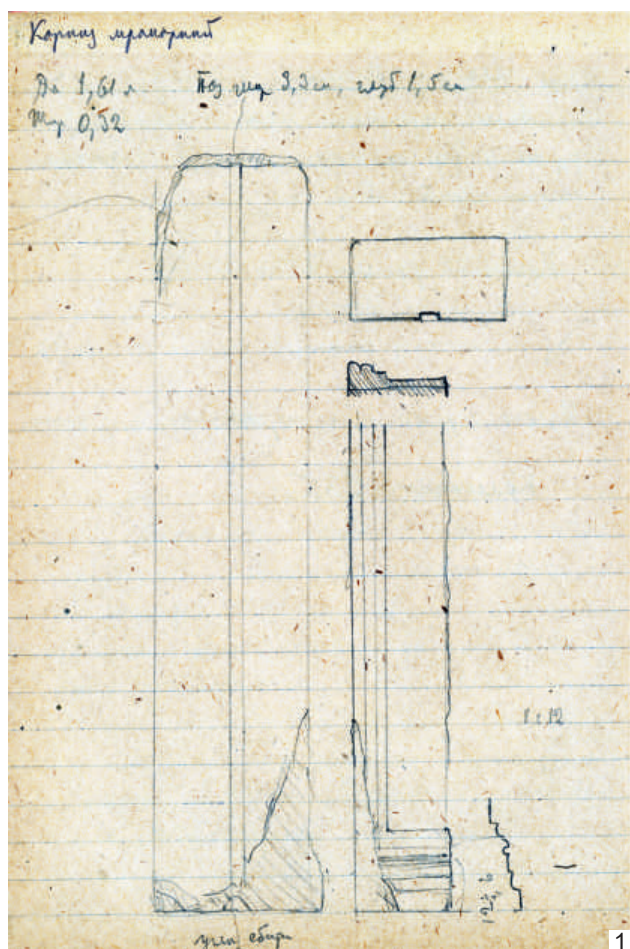
сохранились изображения крестов. По сообщению владельца участка, изначально у него имелось более 100 стел, однако их большая часть пошла на постройку сарая (*Там же*. Л. 100об). Стелы, по мнению А. С. Башкирова, имели отношение к христианскому могильнику (*Башкиров*, 1928. С. 77), местонахождение которого обозначено на археологической карте № 107.

Здесь же, на хуторах Уташа, во дворе Иосифа Никоты был обнаружен фрагмент мраморной детали (карниза), предположительно происходящий из античного склепа (*Башкиров*, 1928. С. 77). В отчете Таманской экспедиции РАНИОН за 1927 г. содержатся лишь краткое описание и размеры находки. В 1931 г. карниз был повторно осмотрен и зарисован (рис. 2). Рисунок сопровождается краткими записями: «Другие две стороны чистые, плохо отесаны. В стороне А (рис[унок] — паз) в центре цапфенное гнездо диам[етром] ок[оло] 6 см, глуб[иной] ок[оло] 4,5 см» (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 102).

Фрагменты керамики, собранные на территории хуторов, были отнесены к римскому времени (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 101).

Далее отрядом был осмотрен участок берега от устья р. Уташ до Суворово-Черкесского аула. В ходе обследования в 1927 г. А. С. Башкиров отмечал здесь наличие ряда «рыбацких селищ античной и средневековой поры» (*Башкиров*, 1928. С. 78). Членами Таманской экспедиции ГАИМК были уточнены эти сведения. На археологической карте № 108 обозначены три области местонахождения керамики. В северной части были обнаружены следы античного поселения, отмеченного редкими черепками на поверхности (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 103). Далее к югу материал встречался чаще. На втором участке — «вплоть до высоты вершины с 2 курганами» — был также встречен античный материал (*Там же*. Л. 103об.). Здесь же, в береговом обнажении на глубине 1 м, был найден фрагмент черепицы (*Там же*). К северу от Суворово-Черкесского аула было обнаружено «значительное скопление керамики римского времени» (*Там же*). Находки

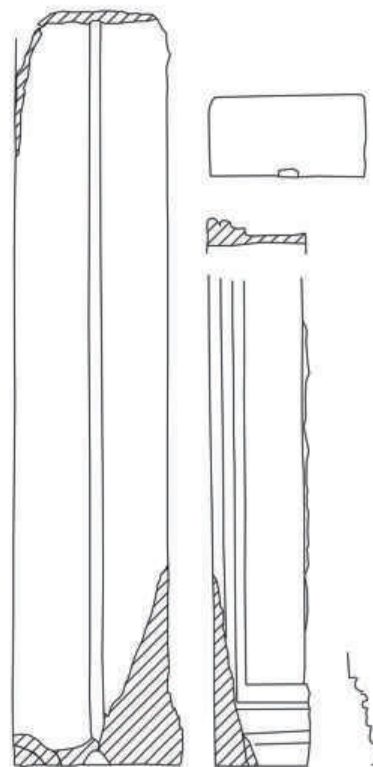
⁶ Четырьмя годами ранее в этом же дворе Таманской экспедицией РАНИОН было зафиксировано около 70 фрагментов стел (*Башкиров*, 1928. С. 77).



Карниз мраморный

Длина 1,61 м
Ширина 0,32 [м]

Паз: ширина 3,3 см, глубина 1,5 см



Углы оббиты

2

Рис. 2. Мраморный карниз, обнаруженный в районе восточных хуторов Уташа: 1 — рисунок из дневника А. А. Иессена (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 101об.); 2 — прорисовка А. В. Батасовой
Fig. 2. Marble cornice found in the area of the eastern farmsteads of Utash: 1 — sketch from A. A. Iessen's field diary (SA IHMC RAS. Manuscript department. A.G. 2. Inv. 1. 1931. F. 778ж. Sh. 101rev.); 2 — processed by A. V. Batasova

керамики встречались в обнажениях на глубине от $\approx 0,70$ м до 1,25 м. Единичные фрагменты относились к классическому и средневековому времени (Там же).

7 августа разведочный отряд обследовал Суворово-Черкесский аул. На городище, расположенном на мысу в западном конце аула, были собраны находки от эллинистического до византийского времени, большая часть которых относилась к римской эпохе (Там же. Л. 104об.). Согласно описанию, культурный слой городища достигал 1 м (Там же). Местонахождение обозначено на карте № 109.

Из Суворово-Черкесского аула отряд выдвинулся в станицу Благовещенская для проверки сведений предшественников о сохранившихся в этом районе древностях. В дневнике есть ссылки на «Археологическую топографию Таманского

полуострова» К. К. Герца и отчет А. С. Башкирова за 1927 г. В «Археологической топографии...» передано сообщение нидерландского консула в Одессе Тетбу де Мариньи о наличии в районе Джеметейской косы значительных развалин (Герц, 1898. С. 74). Примечательно, что в тексте первоисточника сообщается лишь о двух курганах, расположенных на косе, а также выражается уверенность в том, что где-то в отдалении имеются значительные развалины, которые автор связывает с древней Гермонассой (Taitbout de Marigny, 1836. P. 221). Согласно отчету А. С. Башкирова, в 1927 г. здесь были зафиксированы лишь следы «мелких рыболовных селищ с тонкими культурными слоями, единственным источником жизни которых был рыбный промысел» (Башкиров, 1928. С. 76).

На пути в станицу Благовещенская участники отряда осмотрели остров западнее Суворово-

Черкесского аула, где обнаружили остатки построек XIX в. (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 105об.).

В 1,25 км к востоку от станицы Благовещенская членами экспедиции было зафиксировано курганообразное возвышение, изрытое грабительскими ямами, в которых встречались куски камня и фрагменты плит⁷. На глубине около 1,5 м были обнаружены остатки плитовой гробницы, в которой нашли три обломка «скульптурообразной стелы» с изображением мужской фигуры (рис. 3) (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 106), которая была оставлена в школе станицы Благовещенская (Иессен, Миллер, 1932. С. 60).

В ходе осмотра самой станицы Благовещенская участникам разведочного отряда не удалось добыть сведений о находках, однако на ее северо-западной окраине были обнаружены следы поселения античного времени (классического эллинистического периода). В дневнике Иессена содержится следующее описание: «Культ[урный] слой до 1 м, в одном месте — нижняя половина мусорной ямы с вертикаль[альными] стенками, врезанной в лессовидный суглинок; много золы, угля, обмазки» (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 107). Данное местонахождение отмечено на археологической карте № 111.

В последний день работ, 8 августа 1931 г., членами отряда был обследован восточный берег Витязевского лимана. № 112 и 113 на карте представлена цепочка местонахождений (пять участков). Участок I располагался вблизи хутора Капустин⁸. В ходе обследований 1927 г. в береговых обнажениях неподалеку от хутора был зафиксирован ярко выраженный культурный слой, в котором присутствовали находки античной керамики. Согласно наблюдению А. С. Башкирова, в верхнем, позднеантичном, слое встречалось большое количество лепной посуды и остеологического материала (костей животных, рыб, ракушки). В нижнем слое попадались фрагменты лепной керамики как

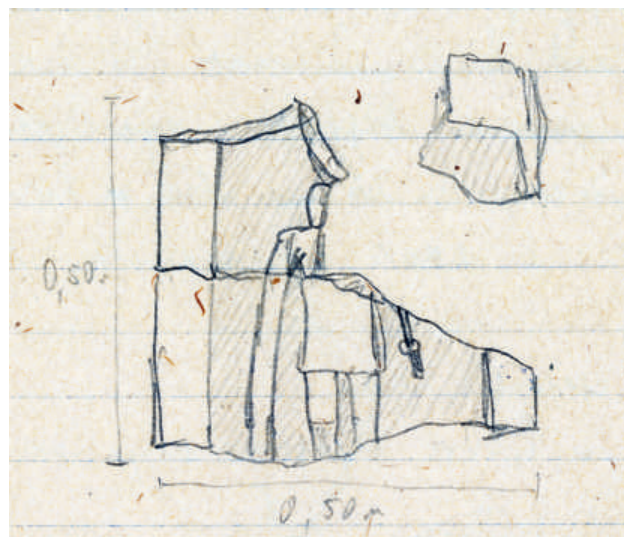


Рис. 3. Стела, обнаруженная в окрестностях станицы Благовещенская. Рисунок из дневника А. А. Иессена (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 106об)
Fig. 3. Stele found in the surroundings of the Cossack village of Blagoveshchenskaya. Sketch from A. A. Iessen's field diary (SA IHMC RAS. Manuscript department. A. G. 2. Inv. 1. 1931. F. 778ж. Sh. 106rev.)

местного производства, так и греческой, включая фрагменты амфорной тары и чернолаковых сосудов (Башкиров, 1928. С. 76). В 1931 г. из-за густой и высокой растительности участникам экспедиции не удалось зафиксировать площадь и конфигурацию поселения. Лишь при осмотре берегового обрыва был вновь отмечен хорошо выраженный культурный слой мощностью до 1 м, насыщенный камнем, черепицей, костями, с включениями угля и золы (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 108). Самые древние находки из слоя относились к V–IV вв. до н. э., наиболее поздний материал — к римскому времени (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 155).

На участке II, расположенном на небольшом мысе (угол улиц Лиманная и Набережная на территории современного Витязево), также был зафиксирован материал классического времени. Мощность слоя составляла порядка 1 м (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 108об.). Далее по берегу, на участках III и IV, были встречены отдельные античные черепки. В дневнике А. А. Иессен отмечал: «При рытье ям для фруктовых деревьев находили черепки и кости. В саду и огородах — черепки; в обресе на выс[оте] ок[оло] 7 м, глуб[ине] от вер-ху ок[оло] 1 м — 2 плиты известняка и черепки пифоса и амфор; выше на 0,30 м — мелкие камни»

⁷ На археологической карте отсутствует местонахождение № 110. Согласно логике маршрута, оно должно было располагаться между Суворово-Черкесским аулом и станицей Благовещенская. Таким образом, первоначально этим номером могли обозначаться курган или следы поселения XIX в., описанные ранее.

⁸ Вероятно, этот участок, соответствующий выявленному ранее поселению, обозначен № 112.

(Там же. Л. 109об.). И, наконец, на участке V, локализованном в станице Витязевская перед поворотом берега на юго-восток, в береговом обрыве были выявлены остатки поселения античного времени (Там же. Л. 110). Согласно имеющейся ниже приписке, «далее к NO жители находили могилы» (Там же).

№ 114 на карте обозначены еще два местонахождения, зафиксированные на территории Витязевской станицы. Первое, участок А, представляло собой «скопление костей в поле», где были найдены единичные фрагменты керамики и голова стелы. По предположению А. А. Иессена, здесь мог располагаться древний могильник. Второе местонахождение (участок В) был отнесен им к поселению римского времени (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж. Л. 110об.).

Финальной точкой маршрута разведочного отряда стал хутор Благовещенский⁹. В полевом дневнике А. А. Иессена имеется запись, что на его северной стороне были обнаружены следы античного поселения, где, по сообщению местных жителей, находили целые амфоры (Там же. Л. 111). На карте данное местонахождение обозначено № 115.

По окончании осмотра Благовещенских хуторов отряд отправился в Анапу, откуда пароходом вернулся в Тамань (Иессен, Миллер, 1932. С. 60). Хотя описание обследования Анапы отсутствует в дневнике А. А. Иессена, на карте она отмечена № 116. Видимо, в данном случае участниками отряда были учтены сведения, полученные ранее экспедицией под руководством А. С. Башкирова (Башкиров, 1928. С. 75).

В заключительной части отчета о работах территориального отряда в 1931 г. А. А. Иессен подчеркивал, что закончена лишь черновая разведка, которая выявила важнейшие пункты. В дальнейшем, писал он, «необходимо будет разведку продолжать параллельно со стационарной исследовательской работой в немногих наиболее важных местах» (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777. Л. 156). Говоря о предварительных выводах по результатам обследования левобережья старого русла Кубани, авторы публикации отмечали: «В отношении распределения поселений заслуживает особого внимания чрезвычайно большое число поселений по берегам Кзылташского

и Витязевского лиманов, относящихся, преимущественно к античному времени, главным образом к римскому периоду. На некоторых участках следы поселений тянутся по берегам непрерывно на несколько километров (Уташ — Суворово-Черкесский; хутор Капустин — Благовещенские хутора). Причиной такого характера заселения скорее всего является обилие рыбы в лиманах, связанных в то время с морем. Особенная густота поселений по восточному берегу быть может связана с тем, что морская рыба, входя в лиман, проходила именно у этого берега, т. е. что Кубань одним из своих русел впадала в море именно здесь, на участке современной Благовещенской (Джеметейской) косы» (Иессен, Миллер, 1932. С. 60–61). Кроме того, было сделано предположение, что «основной путь торговли с Кубанью шел из Черного моря через единый Витязевско-Кзылташский лиман» (Там же. С. 61). Ключевая роль на этом пути отводилась городищу у Семибратних курганов, которое, по версии исследователей, являлось важным торговым и стратегическим пунктом, перехватывающим «сообщение Кубанского бассейна с морем и Боспором как раз у выхода Кубани в широкую дельту» (Там же). Таким образом, уже на основании предварительных материалов была предпринята попытка осмысления и объяснения полученной картины распространения археологических памятников. Примечательно, что гипотеза о связи лиманов с морем в античности находит подтверждение в современных палеогеографических реконструкциях (Kelterbaum et al., 2011. P. 249–250), что еще раз подчеркивает прозорливость этого выдающегося исследователя.

Приведенные нами материалы не только восполняют историографический пробел, но также свидетельствуют об уровне задач и целей, которые ставили перед собой организаторы и участники Таманской археологической экспедиции ГАИМК. Как следует из кратких отчетов экспедиции, работы 1930–1931 гг. носили во многом предварительный и подготовительный характер. На следующие несколько лет планировались масштабные работы по составлению подробной археологической карты. К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться. Однако даже собранные за столь короткий срок и дошедшие до нас материалы Таманской экспедиции ГАИМК позволяют восполнить пробелы на археологической карте.

⁹ В настоящее время — юго-западная часть села Витязево, в основании косы (урочище Джамутай).

- НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Д. 158: Таманская экспедиция 1930 года. Археологическая карта.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118: Исследование Таманского полуострова. Таманская экспедиция /начальник А. А. Миллер/ Ч. I: Переписка и план работ.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 777: Таманская экспедиция в 1931 г. под начальством А. А. Миллера. Ч. I: Переписка, планы, предварительные отчеты, дневники и чертежи.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 778ж:¹⁰ Таманская экспедиция под руководством А. А. Миллера. Ч. II: Дневники [Таманская экспедиция ГАИМК. 1931 г. Разведочный отряд. Дневник А. А. Иессена].
- ¹⁰ Дело 778 состоит из нескольких полевых дневников, обозначенных буквами. В архивной описи имеется только общее название дела. Поскольку в статье использовался конкретный дневник, его название дано в квадратных скобках (название дается по титульному листу).
- Баширов*, 1928 — *Баширов А. С.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. М.: РАНИОН, 1928. Вып. III. С. 71–86.
- Виноградов*, 2020 — *Виноградов Ю. А.* Из истории Таманской экспедиции ГАИМК // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2020. Вып. 22. С. 25–29.
- Герц*, 1898 — *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. СПб.: б. и., 1898. Вып. 2. 128 с.
- Иессен, Миллер*, 1932 — *Иессен А. А., Миллер А. А.* Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 58–61.
- Kelterbaum et al.*, 2011 — *Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) — the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // *Die Erde*, 2011. 143 (3). P. 235–258.
- Taitbout de Marigny*, 1836 — *Taitbout de Marigny E.* Voyages an Circassie. Odessa; Simphéropol: б. и., 1836. 296 p.

Works of the surveying team of the Taman Expedition of GAIMK in 1931 on the left bank of the old Kuban

A. V. Batasova¹¹

Keywords: history of science, Taman Expedition of GAIMK, archaeological surveys, Northern Black Sea littoral, Krasnodar Krai.

The Taman Expedition of GAIMK (State Academy of the History of Material Culture) was conducted in 1930–1931 under the direction of A. A. Miller. It resulted in creation of an archaeological map of the Taman Peninsula. However, the results of the investigations of the riverine bank at the area extending from the Cossack village of Varenikovskaya to the village of Vityazevo by the surveying team have not been scientifically published. The task of this paper is to correlate the sites marked in the archaeological map (Fig. 1) with their description in the field diary by the head of the team A. A. Iessen. The studies by the team began from an investigation of the village of Varenikovskaya where the finds of the Roman period (no. 99) were noted. To the east from this Cossack village, traces of a settlement presumably of the Classical period were recorded under no. 100. Further on, the expedition surveyed the Semibratneye (Seven Brothers) fortified site (no. 101). In the surroundings of Mt Raznokol, the participants of the expedition revealed three sites with surface materials presumably of the Classical period (no. 102–104). To the north from the Cossack village of Dzhiginskaya were found two areas where fragments of Ancient Greek pottery were encountered (no. 105, 106). In vicinity of Utash (no. 107), fragments of Christian grave steles and architectural fragments of the Classical period in possession of two local residents were examined. It had been informed earlier about these artefacts. Among them, a marble cornice was revealed and drawn by A. A. Iessen (Fig. 2). Further on, the expedition investigated the bank in the direction toward the aul of Suvorovo-Cherkessky and the aul itself where several sites with Ancient Greek pottery were revealed (no. 108–109). On the way to the Cossack village of Blagoveshchenskaya the participants of the expedition examined a tomb in which fragments of a grave stele (Fig. 3) were found. In the village Blagoveshchenskaya they succeeded also to reveal remains of a settlement-site of the Classical period (no. 111). The area extending along the eastern shore of the Vityazevsky liman became the final point of the surveys. Here a chain of sites with materials predominantly of a Roman period was revealed (no. 112–115). The evidence obtained allows us to fill the current historiographic gap and to supplement the archaeological map of that region.

¹¹ Anzhela V. Batasova — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: batasova.angela@gmail.com.

Российская эпитафия после В. В. Латышева (1921–1941).

II. Лапидарные надписи^{1, 2}

Н. А. Павличенко³

Аннотация. В статье рассматривается история изучения северочерноморских лапидарных надписей в России в два десятилетия между датами смерти В. В. Латышева и С. А. Жебелёва — 1921–1941 г. В это время прекратилось их систематическое изучение и издание. Многие вновь найденные эпитафические памятники оседали в музейных фондах, и лишь небольшая их часть издавалась сотрудниками южнорусских музеев или работавшими на памятниках исследователями.

Ключевые слова: В. В. Латышев, С. А. Жебелёв, российская эпитафия, лапидарные надписи, II том IOSPE.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-260-271

Первый обзор исследований по античной эпитафии в СССР в 1920–1930-е гг. был опубликован в конце 1930-х гг. коллегой В. В. Латышева Н. И. Новосадским (*Новосадский*, 1938). Годом ранее появилась обзорная статья С. А. Жебелёва об итогах изучения античности в СССР как составной части «изучения истории народов СССР», но основное внимание в ней было уделено исследованиям по социальной и экономической истории и археологическому изучению Северного Причерноморья, так как «памятники античной письменности» не дают возможности «составить надлежащее представление о характере греческих колоний Северного Причерноморья...» (*Жебелёв*, 1937. С. 1115–1116). Совпадение дат выхода в свет этих двух публикаций неслучайно. Обе работы

появились в разгар выковывания «марксистской исторической науки» и «систематики... знаний по древности и обработки их с подлинно-научной, марксистско-ленинской точки зрения» (*Мишулин*, 1938. С. 7). Характерно, что статья Н. И. Новосадского является скорее перечислением вышедших публикаций, а одно из немногих оценочных суждений в его обзоре — это замечание об убедительности трактовки С. А. Жебелёвым восстания Савмака (*Жебелёв*, 1933).

Опубликованная в посвященном «разработке древней истории в советской науке» № 3 ВДИ за 1947 г. статья Е. М. Штаерман «Античная эпитафия в СССР», по словам автора (*Штаерман*, 1947. С. 51, примеч. 1), основывалась на статье Новосадского. Такой же вторичной была и работа Н. П. Шкляева (*Шкляев*, 1952. С. 144–149)⁴.

¹ Статья представляет вторую часть работы о развитии русской эпитафии после смерти академика В. В. Латышева и посвящена истории изучения лапидарных надписей в 1921–1941 гг. Первая часть была посвящена истории изучения керамических клейм в этот период (*Павличенко Н. А.* Российская эпитафия после В. В. Латышева (1921–1941). I. Керамические клейма // АВ. 2020. Вып. 30. С. 301–311).

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40115 («Древности»)).

³ Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com.

⁴ Николай Павлович Шкляев (1888–1959), выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического института, преподавал историю, географию и древние языки в различных гимназиях Минска, после 1917 г. также преподавал в различных учебных заведениях этого города, впоследствии являлся заведующим охраной архивов в подотделе охраны памятников старины и искусства Отдела искусства Наркомпроса БССР, был членом Архивной комиссии Академического центра БССР. С 1940 г. преподавал латинский язык в Казанском университете, с 1946 г. являлся заведующим кафедрой классической филологии Казанского университета (*Гернович*, 2018).

Больше соответствовал критериям, предъявляемым эпиграфическим обзорам, краткий очерк А. С. Коцевалова, вышедший в Мюнхене в 1948 г. (*Kocevalov*, 1948). Он приводит греческий текст большинства надписей и свои варианты их чтения и восстановления.

Во всех этих обзорах рассматривались не только публикации лапидарных надписей и керамических клейм, найденных на территории СССР и других стран, но и исследования, в которых были использованы эпиграфические памятники. В этот период появилось множество подобных работ. Между тем, по словам А. Н. Никитского, сам В. В. Латышев, хотя, «конечно, никогда не опускал случая установить значение трактуемого памятника среди прочего наличного литературного, эпиграфического и археологического материала и не уклонялся принципиально от общих построений, когда это казалось возможным», тем не менее предпочитал анализ отдельного эпиграфического памятника «широким синтетическим построением» (*Яйленко*, 1972. С. 188).

С. А. Жебелёв видел в этом отличие «заправских эпиграфистов», то есть тех, «кто имеет постоянное общение с самыми „камнями“, с их эстампажами, кто публикует впервые надписи, кто предлагает к ним восстановления», от тех, кто хотя и предлагает восстановления к надписям, но гораздо больше занимается их толкованием и привлекает их «как материал» в своих работах. К последним он относил себя, к первым — В. В. Латышева и А. В. Никитского (*Жебелёв*, 1993. С. 179).

Публикаций новых надписей и работ, в которых рассматривалось то или иное их чтение и восстановление, в 1921–1941 гг. было сравнительно немного⁵.

Уже после смерти В. В. Латышева вышли еще две его статьи — их корректуру просматривал А. Н. Никитский. В одной из них он издал знаменитое посвящение патриды кититов Богу гремящему (*Латышев*, 1922б; КБН, 942). Вторая статья публиковалась в I и II выпусках Известий РАИМК (*Латышев*, 1921; 1922а). В ней помимо уточнения текста ранее изданных надписей, например надписей из усадьбы Уваровых Поречье, В. В. Латышев обсуждает предложенное О. О. Крюгером (*Крюгер*, 1921) чтение надписи Леокса, сына Молпагора (IOSPE I² 270).

⁵ В настоящей статье рассматриваются публикации только причерноморских надписей.

Различия в понимании этой надписи В. В. Латышевым, Б. В. Фармаковским, М. И. Ростовцевым, А. В. Никитским с одной стороны и О. О. Крюгером с другой исходят из различий в восстановлении одной из букв в обломанной сверху 1-й строке стороны «А» этой стелы (HKAΛEIQΔOTITHΛEΠOΛE). О. О. Крюгер нашел на эстампаже «достаточный след» от горизонтальной гасты справа от вертикальной гасты между *эпсилон* и *омега*, дополнил этот вертикальный штрих как *гамму* и восстановил 1-ю строку как [ἐνθάδε σῆμ' ἔστ]ηκα· λέγω δ' ὅτι τῆλε πόλε[ως σου] κтл. Саму надпись он считал не посвящением, а стихотворной эпитафией. В. В. Латышев же полагал, что исходя из палеографических особенностей памятника эта буква может быть только *йотой*⁶ и что с точки зрения метрики гапакс λεωδότης вполне допустим.

Восстановление О. О. Крюгера, который привел дополнительные аргументы в пользу своего чтения в 1925 г. (*Крюгер*, 1925. С. 91–93), в дальнейшем стало общепринятым, и за исключением известного своей эпиграфической акрибией С. Я. Лурье (SEG 3. 594) все последующие издатели этой надписи читали в 1-й строке λέγω δ' ὅτι, даже не помещая *гамму* в квадратные скобки (*Dubois*, 1996. P. 87; *Vinogradov*, 1997. S. 231; SEG 41. 619; *Яйленко*, 2017. С. 260–265).

В той же статье О. О. Крюгер издал две ольвийские надписи по фотографиям С. А. Семенова-Зусера, работавшего в Ольвии в 1920 г. Это эпитафия афинянина Аркефона, сына Кефисодота, III в. до н. э., и почетный декрет в честь Дадага, сына Падага (*Крюгер*, 1925. С. 81–90). О. О. Крюгер и И. Б. Брашинский видели в упоминавшемся в декрете πρεσβεῖα πρὸς τοὺς ἡγεμόνας посольство

⁶ По словам В. В. Латышева, после того как О. О. Крюгер прочитал в Эрмитаже доклад об этой надписи, они, вместе с А. Н. Никитским, «очень внимательно рассмотрели данное место камня, но никак не могли убедиться, чтобы буква, о которой идет речь, была действительно гамма; мы не усмотрели никакого следа верхней черты ее, хотя по состоянию камня в этом месте черта должна была бы сохраниться довольно ясно; то, что Крюгер принимает за „след“ этой черты, нам показалось просто двумя легкими щербинками камня, из которых одна находится в начале предполагаемой Крюгером горизонтальной черты гаммы, а другая — в конце; между щербинками заметен бугорок, на котором эта черта должна была бы сохраниться явственно, а между тем ее тут вовсе незаметно» (*Латышев*, 1922а. С. 67).

к римским императорам; И. Н. Храпунов же допускал, что это могли быть «какие-нибудь местные правители» (Храпунов, 1990. С. 168). И. Б. Брашинский впоследствии предложил удревнить этот декрет и относить его не к II–III вв. н. э., а к I — первым десятилетиям II в. н. э. (НО 42).

Кроме О. О. Крюгера ольвийские надписи издавали С. С. Дложевский и А. С. Коцевалов. С. С. Дложевский, вплоть до своей смерти в 1930 г. руководивший Ольвийской экспедицией, опубликовал проксению эвоката Агафокла, бывшего, по его мнению, уроженцем Фракии или Южной Мезии (Дложевский, 1927; 1930а. С. 49)⁷. Датировка этой надписи основывается на палеографии и вызвала споры в новейшее время: если первоиздатель датировал ее III в. н. э., то И. Б. Брашинский относил ее ко II в. н. э. (НО 45), Ю. Г. Виноградов — к I в. н. э., наконец, В. П. Яйленко — к концу II — началу III в. н. э. (Яйленко, 2017. С. 557).

В 1940 г. А. С. Коцевалов, являвшийся в то время сотрудником Института археологии АН УССР (1935–1941) и профессором классической филологии Харьковского университета (1937–1941) издал восемь ольвийских надписей из раскопок 1935–1936 гг. (Коцевалов, 1940). Среди этих надписей был почетный декрет в честь неизвестного гражданина (НО 34), в котором, по его мнению, можно восстановить слово *σύλλογος*, понимаемое им как некий общий совет ольвийских граждан и какого-то другого народа, например, по аналогии с декретом в честь Протогена, миксэллинов. И это восстановление, и его транскрипция 6-й строки как [...] ἐκ Νομίας κ[ώμης ...] вызвали обоснованную критику И. Б. Брашинского и В. П. Яйленко. И. Б. Брашинский отметил, что «само слово *σύλλογος* целиком восстановлено <...> поэтому и дальнейшие восстановления являются целиком гипотетическими» (НО 34). В. П. Яйленко же указал, что восстановление в 6-й строке названия одной из ольвийских деревень противоречит контексту — в этой фразе речь идет об увенчании чествуемого золотым венком (Яйленко, 2017. С. 521).

Еще одна сильно фрагментированная надпись является почетным декретом в честь жителей Прусы (НО 47). Остальные (среди них есть еще один декрет, строительная и, по-видимому,

посвятительная и метрическая надписи) сохранились в виде небольших фрагментов (НО 46, 53, 131, 137, 138, 141).

Пожалуй, самой известной из всех работ А. С. Коцевалова является вышедший в 1935 г. *Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini* (Коцевалов, 1935)⁸. В нем систематизируются синтаксические явления, присутствующие во всех известных к тому времени греческих надписях Северного Причерноморья. Вплоть до настоящего времени это руководство А. С. Коцевалова и «Краткий очерк грамматики боспорских надписей» (КБН. С. 797–831) остаются единственными пособиями по грамматике причерноморских эпиграфических памятников.

Поправки к чтению еще одной ольвийской надписи, утраченной уже ко времени подготовки IOSPE, были опубликованы Р. Л. Эрлих (Эрлих, 1928а)⁹. Надпись IOSPE I² 176 сообщает о том, что некие четыре архонта соорудили молельню: ἄρχ[οντες] τὴν προσευχὴν ἐ[πε]σκεύασαν. Привлекая параллели (Ios. Flav. XIV. 258. 2; Juv. Sat. III. 296), исследовательница замечает, что *προσευχή* является *terminus technicus* именно для иудейской молельни, как ранее предположил Л. Стефани (Stephani, 1866. P. 202). В. В. Латышев же полагал, что *προσευχή* в данном случае означает языческий храм. Одним из его аргументов было чтение плохо сохранившейся последней строки, где он, как и Келер, читал ἀπὸ τοῦ θεοῦ (то есть «от (статуи) бога»), а П. Кеппен, первый издатель надписи, только Α...ΤΟΥ... (Köhler, 1850. S. 35; Köppen, 1823. S. 82). В настоящее время чтение В. В. Латышева поддерживает В. П. Яйленко, привлекающий в качестве аналогий КБН 985 и 1123, которые он не считает иудейскими манумиссиями (Яйленко, 2010. С. 374–375). По мнению И. А. Левинской, напротив, «у нас отсутствуют

⁸ Грамматический материал, вошедший в эту работу, рассматривался также в статье 1929 г. (Коцевалов, 1929).

⁹ Рогнеда Леонидовна Эрлих (1901–1930), ученица И. Ю. Крачковского и П. В. Эрнштедта, филолог-классик, арабист. Окончила факультет общественных наук Петроградского университета по еврейско-арабско-сирийскому разряду, занималась в том числе исследованиями по истории появления иудеев в Северном Причерноморье. Эта статья была вначале опубликована в «Докладах АН СССР» (Эрлих, 1928а) и затем в сборнике в честь 25-летия со дня появления первой печатной работы И. И. Толстого «Ἀσπασίος» (Эрлих, 1928б).

⁷ С. С. Дложевский издал также надгробную надпись неизвестного происхождения, обнаруженную в Одессе во дворе дома, в котором в 1891–1899 гг. жил А. А. Скальковский (Дложевский, 1930б).

сколько-нибудь надежные свидетельства того, что язычники когда-либо заимствовали из иудейского религиозного словаря термин *προσευχή* для своих культовых сооружений». Последнюю строку, ввиду невозможности проверить оригинал надписи, она предлагает «при интерпретации <...> не учитывать» (Левинская, 2000. С. 159–168).

Херсонесские надписи в этот период публиковали сотрудники Херсонесского музея М. А. Шангин и Г. Д. Белов. Выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета, византист и палеограф М. А. Шангин был командирован в Херсонесский музей по распоряжению Наркомпроса РСФСР в 1936 г.¹⁰ В Херсонесе он проработал чуть больше года — с апреля 1936 г. до июня 1937 г. (Курьшева, 2012. С. 37)¹¹. В декабре 1915 г. директор Херсонесского музея древностей Л. А. Моисеев писал В. В. Латышеву об утрате бывшего при К. К. Косцюшко-Валюжиниче «хозяйственного порядка в хранении древностей». Каталог херсонесских надписей, подготовку которого Л. А. Моисеев начал вместе с Е. О. Прушевской (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 33. Л. 3, 4), тогда так и не был завершен. В 1930-е гг. ситуация с каталогизацией, по-видимому, не изменилась¹². Будучи высококвалифицированным специалистом, М. А. Шангин принимал деятельное участие в работе музея, в том числе в инвентаризации эпиграфических памятников, обнаруженных после декабря 1907 г., когда умер К. К. Косцюшко-Валюжинич (Курьшева, 2019.

¹⁰ 10 февраля 1931 г. М. А. Шангин был осужден по так называемому академическому делу. В 1932 г. он был освобожден из лагеря в г. Кемь с лишением права проживания в определенных городах на три года, некоторое время жил в Тамбове, впоследствии был сотрудником Института истории науки и техники АН СССР в Ленинграде вплоть до перевода института в Москву в 1936 г. (Курьшева, 2016. С. 54, 56).

¹¹ В одной из биографий М. А. Шангина была допущена досадная неточность: С. Н. Гукова писала, что «Шангин в течение небольшого периода — сотрудник музея города Херсона (1936–1937 гг.)» (Гукова, 1999. С. 498).

¹² В дневнике В. И. Вернадского за 2 мая 1938 г. сохранился красноречивый отзыв М. А. Шангина о Херсонесском музее того времени, сделанный уже после его возвращения в Ленинград: «Херсонесский музей весь пострадал: остались одни аспиранты. Важные ком[м]унисты, стоявшие во главе и с настоящим интересом, — в странах дальних» (Курьшева, 2016. С. 60–61; Вернадский, 2006. С. 281).

С. 373–408). Судя по сохранившемуся в архиве ГМЗ «Херсонес Таврический» протоколу научного совещания Херсонесского музея, 7 декабря 1936 г. М. А. Шангин сделал «доклад о херсонесских надписях на камнях» (НА ГМЗ ХТ. Оп. 2. Д. 361: Протоколы научных совещаний музея за 1937 г. Л. 45–45об. Цитируется по: Курьшева, 2019. С. 394–395). Впоследствии этот доклад послужил основой статьи «Некоторые надписи Херсонесского музея» (Шангин, 1938. С. 72–87). В ней автор рассматривает и уже ранее изданные надписи, в частности, последний, содержащий заклятие, параграф херсонесской присяги. М. А. Шангин указывает на аналогии: так называемую клятву дельфийских амфиктионов (Aeschin. III. 111) и пафлагонское заклятие на верность Августу (St. Pont. III. 66), а для последней строки присяги, которую и IOSPE I² 401, и все остальные издания воспроизводили как *μητέ ... ΘΑΝΑ ...*, предлагает восстановление *μητέ [...εὐ]θανα[τ]ή[σασι]* (Шангин, 1938. С. 74). Это восстановление было недавно справедливо оспорено И. А. Макаровым, который заметил, что фрагмент плиты с буквами ΘΑΝΑ, найденный через несколько лет после двух остальных фрагментов присяги, по ряду признаков нельзя относить к этой надписи, и предложил дополнить последнюю строку как *μητέ π[ρόβ]ατα εὐθηνοί* (Макаров, 2018. С. 298).

М. А. Шангин объединил фрагменты семейного надгробия второй половины II — начала III в. н. э. (IOSPE I² 518; IOSPE I² 459; Шангин, 1938. С. 76, № 5)¹³, надгробия Гермеса, сына Аристора, II в. н. э. (IOSPE I² 622; IOSPE I² 497; Шангин, 1938. С. 77, № 6)¹⁴ и латинского надгробия 286–293 гг. н. э., обломок одной из частей которого был опубликован В. В. Латышевым (IOSPE I² 630; Шангин, 1938. С. 79, № 9; Соломоник, 1983. С. 74–75)¹⁵. Кроме того, он прочел непрочитанную В. В. Латышевым вторую надпись на византийской плите XII в. с изображением креста (Латышев, 1908. С. 33–34, № 29; Шангин, 1938. С. 84, № 13)¹⁶.

¹³ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.403-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁴ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.361-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁵ И. А. Макаров ошибочно отнес его к греческим надписям. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.550-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁶ А. Ю. Виноградов, соглашаясь с чтением М. А. Шангина, полагает, что эта надпись не надгробная,

М. А. Шангин публикует и несколько новых надписей: эпитафию Александра II в. н. э. (*Шангин*, 1938. С. 76, № 4)¹⁷ и метрическую эпитафию Басса, сына Патериона, конца II — III в. н. э. (*Шангин*, 1938. С. 77–79, № 8). Греческий текст и перевод последней приводится, кроме того, в отчете Г. Д. Белова о раскопках некрополя в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. (*Белов*, 1941. С. 239–241)¹⁸.

Плиты с надписями, обнаруженные в вымостке пола среднего нефа базилики в 1935 г., также публиковались и М. А. Шангиным, и Г. Д. Беловым. Среди них эпитафия агораномы и первого архонта Дельфа, сына Стратоника, второй половины II — начала III в. н. э. (*Шангин*, 1938. С. 80, № 10. II; *Белов*, 1940. С. 268–269; 1941. С. 268, № 1)¹⁹ и эпитафия Фемиста и Василики последней четверти II в. н. э. (*Шангин*, 1938. С. 80, № 10. I; *Белов*, 1940. С. 271–272; 1941. С. 271–273, № 5)²⁰.

Всего в статью М. А. Шангина вошло около 20 эпиграфических памятников, в том числе надписи на пифосах, свинцовой урне, каменной гире и браслете, но это было лишь малой частью эпиграфического материала из раскопок Р. Х. Лепера, К. Э. Гриневича и Г. Д. Белова, отложившегося в фондах Херсонесского музея в этот период и опубликованного уже только в 1960-е гг. Э. И. Соломоник (см., например, НЭПХ. I. № 1, 2, 7, 11, 20, 25, 30, 33, 35, 53, 54, 56, 57). Отдельные упоминания херсонесских надписей, например происходящих из раскопок башни Зенона Р. Х. Лепером (*Гриневич*, 1927. С. 54–57, рис. 54, 56–58), или уточнение А. С. Коцеваловым обстоятельств

обнаружения и подготовки к печати херсонесской (?) надписи конца I — первой половины II в. н. э., в которой упоминается рыбный рынок (*Коцевалов*, 1948. С. 266)²¹, не могли изменить ситуацию.

Боспорские надписи до 1918 г. помимо самого В. В. Латышева изучались и публиковались прежде всего В. В. Шкорпиллом. После его трагической гибели в декабре 1918 г., пост директора Керченского музея занимает вначале табачный фабрикант П. К. Месаксуди, а после эмиграции последнего во Францию в апреле 1919 г. — далекий от эпиграфики К. Э. Гриневич. Наконец, в июле 1921 г., после отъезда К. Э. Гриневича в Петроград, директором Керченского музея древностей стал Ю. Ю. Марти. Вплоть до 1921 г. Ю. Ю. Марти заведовал музеем Мелек-Чесменского кургана и он, в отличие от К. Э. Гриневича, имел значительный опыт работы с эпиграфическими памятниками. Первой его эпиграфической публикацией на посту директора Керченского музея стала статья о стихотворной эпитафии амастрийца Гелиодора, сына Гелия, I в. н. э. (*Марти*, 1927; 1934. С. 78–79; КБН 134). Издатели КБН согласны с Ю. Ю. Марти в том, что эта стела была высечена не на Боспоре, а в Амастриде, и была привезена на Боспор родственниками умершего подобно многим другим изготовленным в Малой Азии стихотворным эпитафиям. Издатели отмечают, что личностные и деловые качества Гелиодора несомненно были равно хорошо знакомы жителям и Амастриды, и Пантикапея (*Гаврилов*, 2019. С. 183–185).

С начала 1920-х гг. Ю. Ю. Марти производил раскопки и разведки как в самой Керчи, в том числе охранные, перед строительством консервного завода и Камыш-Бурунского железорудного комбината, так и на территории Керченского полуострова и Тамани. Надписи, полученные в результате раскопок и покупок 1922–1931 гг., вошли в большую статью, напечатанную в 1934 г. (*Марти*, 1934). В ней были опубликованы две надписи времени Левкона I из Гермонассы, важные для изучения политической истории Боспорского царства IV в. до н. э. (КБН, 1037, 1038), и разнообразные эпитафии IV и II в. до н. э. — II в. н. э.

а апотропеическая (URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.42-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021)).

¹⁷ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.355-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁸ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.197-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021). Г. Д. Белов иначе прочитал конец последней строки и восстановил возраст, в котором утонул Басс не ἐτῶν ἐν τρισὶν ἐνδεκάσι (в возрасте трех одиннадцатилетий), как предлагали М. А. Шангин и позже И. А. Макаров, а ἐτῶν ἐν τρισὶν ἐπὶ δέκα ἔ[π]τά («37 лет»).

¹⁹ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.360-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021). Г. Д. Белов восстанавливает в стр. 6 не ἐπ(αι)νοῦμενος, как это делали М. А. Шангин и И. А. Макаров, а ἐπέν[δυμα].

²⁰ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.363-ru.html> (дата обращения: 14.11.2021).

²¹ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/3.131-ru.htm> (дата обращения: 05.10.2021). По словам А. С. Коцевалова, в 1940 г. эта надпись была прочитана и объяснена Д. Гринманом. По его рукописи С. А. Семенов-Зусер уже после войны подготовил ее к печати (*Семенов-Зусер*, 1947. С. 244–246).

(КБН, 83, 101, 121, 183, 266, 268, 300, 490, 548, 646, 667, 881, 885, 899, 943, 969). Несколько из этих надписей в настоящее время, по-видимому, утрачены (КБН, 101, 266). Кроме того, благодаря точному определению места находки китейского жертвенного стола (КБН, 942), Марти уточнил местонахождение Китея, прежде ошибочно помещаемого В. В. Латышевым у дер. Кыз-Аул (см. также: *Марти*, 1928. С. 114–116). Недавняя находка в Босфорском переулке в Керчи (*Сидоренко*, 2018. С. 513–516) позволила уточнить чтение двух последних строк опубликованной в той же статье Ю. Ю. Марти манумиссии (КБН, 71). Стало очевидно, что *ню* в конце 9-й строки было вырезано по ошибке, и отсутствие «беспокойства и захвата со стороны кого-либо из наследников» гарантируется «иудейской общиной и почитающими бога» (τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεο<ν>σεβῶν). Таким образом, подтверждается существование на Боспоре еврейских общин, в которые входили квазипрозелиты (*Левинская*, 2019).

В 1941 г. Ю. Ю. Марти было издано еще около 20 надписей. По его словам, после публикации этой статьи в Керченском музее не осталось неопубликованных эпиграфических памятников (*Марти*, 1941). Среди них была одна из немногих известных нам надписей с полностью сохранившимся названием синода Афродиты (θεῖς Ἀφροδείτης σύνδοξ), упоминающая также ὁ ἐπὶ αὐλῆς (КБН, 1055; реконструкцию надписи см.: *Завойкина*, 2013. С. 81–82; 255–257)²², и еще две эпитафии от имени пантикапейских синодов (КБН, 89, 92). Кроме многочисленных эпитафий II в. до н. э. — II в. н. э. (КБН, 261, 282, 466, 493, 529, 543, 562, 905, 907, 909, 941, 945) он издает две сильно фрагментированные почетные надписи из Мирмекия и Тиритаки (КБН, 869, 901) и крайне важную для изучения административного устройства Боспорского царства I в. до н. э. эпитафию просодиков (КБН, 519).

Что касается северной части Боспорского царства, то можно упомянуть три мраморных обломка с надписями, приобретенных в районе Недвиговки в 1926 г. во время разведок Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ)²³. Опубликовавшие

их П. Н. Черняев и А. Ф. Семенов переехали в Ростов-на-Дону вместе с эвакуированным Варшавским университетом. В это время они являлись сотрудниками Северо-Кавказского государственного университета и принимали активное участие в работе СКОАИЭ. Содержание текста на первых двух обломках ввиду их небольших размеров установить вряд ли возможно (*Семенов*, 1928; КБН, 1301 *а, б*). Третий обломок (*Черняев*, 1928; КБН, 1257) является фрагментом строительной надписи о сооружении ворот (?) стандартного формуляра. Местонахождение всех этих обломков в настоящее время неизвестно.

Кроме южнорусских исследователей внимание боспорским надписям уделял также Н. И. Новосадский. В статье о боспорских фиасах он выступал против мнения М. И. Ростовцева о сакрально-военной природе боспорских сообществ первых веков н. э. и о фиасах как объединениях только эфетов (*Новосадский*, 1928). В 1928 г. по эстампажу и фотографии директора Темрюкского музея С. Ф. Войцеховского он опубликовал манумиссию Филодеспота, который отпускался на волю под покровительство Зевса и Геры Килидов, одного из знатных боспорских родов (*Новосадский*, 1930; КБН, 1021). А. И. Болтунова полагала, что Зевс и Гера в данном случае выполняли функции богов-сотеров (*Болтунова*, 1977. С. 182).

В одной из плохо сохранившихся таманских надписей первых веков н. э., которую В. В. Латышев считал надгробной или списком фиасотов, М. А. Тиханова увидела ранневизантийскую надпись — посвятельную или в память какого-либо лица (*Тиханова-Клименко*, 1926; КБН, 1099). В. П. Яйленко полагает, что эта надпись на колонне является «надгробием гуннов, членов паракристианского фиаса», в первых строках он восстанавливает: [Κύριε, ἐλέησον δούλους σουὲς περ]ιπόλου[ς ? πισ]τοὺς ἐπτά ... — «[Господи, помилуй рабов твоих верных] пограничных стражей семерых...», датируя ее 403–502 гг. н. э. (*Яйленко*, 2010. С. 426–439). А. Ю. Виноградов, признавая важный вклад В. П. Яйленко в восстановлении начала надписи, предлагает другой вариант реконструкции начальной формулы, также несвободный, по его словам, от некоторых

²² Эта надпись в настоящее время, вероятно, утрачена.

²³ После того как в 1922 г. был закрыт Донской археологический институт, было образовано новое краеведческое общество — Донское общество археологии

и истории искусств. В дальнейшем на его основе было создано Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии (1925–1930) (*Лунин*, 2010; *Бойко, Толочко*, 2019. С. 82–83).

допущений: [ἀ]μπελου[ργούς σου] σέλτα[σον ?, κ(ύρι)ε], (καὶ) ζεσο αὐτοῦς ... — «Виноградарей Своих почти, Господи, оживотвори их и помяни меня со святыми; здравие». Учитывая тождество комита Савага этой надписи с комитом, известным по другим памятникам последней четверти V в. н. э., он датирует эту колонну 770–780-ми гг. н. э. и полагает надпись посвящением²⁴.

Наконец, в 1941 г. Н. П. Розанова опубликовала семь надписей из раскопок Государственного музея изобразительных искусств на Тамани в 1928–1930 и 1937 гг. (Розанова, 1941). Во фрагменте из разведок 1937 г. на Артюховском городище, который содержал буквы ANΔA, она полагала возможным восстанавливать название племени дандариев. Остальные надписи происходят из Фанагории, среди них — посвящение Агия Гераклу (КБН, 973), остающееся единственной для этого полиса лапидарной надписью, свидетельствующей о почитании этого героя в Фанагории во второй половине IV в. до н. э., и фрагмент установленного Аврелием почетного декрета в честь некоего хилиарха конца II — первой половины III в. н. э., также единственное упоминание этой должности в Фанагории (КБН, 984).

Из Фанагории происходит также плита с посвящением отеческим богам, найденная в слое IV–V вв. н. э. (Блаватский, 1940. С. 294; КБН, 977). Н. П. Розанова полагала, что эта надпись, попавшая в данный слой из более ранних слоев, указывает на наличие храма этих божеств (Розанова, 1949. С. 174). В настоящее время она, по видимому, утрачена.

В 1936 г. в Фанагории был найден фрагмент почетного декрета в честь Савромата I. Его чтение и восстановление дано в КБН по оставшейся неопубликованной рукописи Б. Н. Гракова «Эпиграфический материал из раскопок Государственного исторического музея на Фанагорийском городище летом 1936 г.» (лемма КБН, 981).

Граков же осуществил проект В. В. Латышева по изданию греческих надписей, касающихся истории Северного Причерноморья (Граков, 1939). О необходимости такого свода В. В. Латышев писал А. Н. Орешникову сразу после выхода в свет I тома IOSPE (Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 136.

Оп. 1. Д. 29. Л. 5–6об.), но сам успел составить только сборник письменных источников о Северном Причерноморье (Латышев, 1893, 1896, 1900, 1904, 1906). Эта подборка включает 125 надписей, разделенных по пяти тематическим отделам, и введение, в котором дан очерк о торговле рабами в Северном Причерноморье. К числу несомненных достоинств этого свода относится то, что для каждого документа приводится его греческий текст, перевод, лемма и комментарии, так что он даже сейчас остается крайне полезным для всех изучающих Северное Причерноморье (Виноградов, Шелов, 1977. С. 211–213).

Особое место в антиковедении 1920–1940-х гг. занимал С. А. Жебелёв. Он относился к тем ученым, которые сами практически не публиковали новые эпиграфические памятники, но постоянно использовали их в своих научных штудиях. В качестве примера можно привести такие его статьи, как, например, «Боспорские этюды: I. Образование Боспорского государства, II. Афины, Нимфей и измена Гилона, III. Был ли Танаис разрушен Полемоном, IV. Фиас навклеров в Горгиппии» (Жебелёв, 1953. С. 159–216), «Херсонесская присяга» (Там же. С. 217–247)²⁵, «Ольвия и Митридат Евпатор» (Там же. С. 275–290), «Что понимать под Борисфеном» (Там же. С. 291–298), «Танаидские братья-приемыши» (Там же. С. 299–302).

Одна из его статей — «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (Жебелёв, 1933) — занимает исключительное место в антиковедческой историографии этого периода. В 1878 г. в Херсонесе был найден декрет в честь полководца Митридата Евпатора Диофанта, одержавшего победу над скифами и вернувшего Херсонесу Керкинитиду и другие укрепления (IOSPE I² 352). В этом декрете содержался пассаж (с. 34–35): τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθῶν νεωτερίζαντων καὶ τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτὸν [βα]σιλέα Βοσπόρου Πατριάδα ἀνελόντων — «когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его боспорского царя Перисада» (пер. В. В. Латышева). Первоначально под αὐτὸν понимали Савмака (этой точки зрения придерживался и В. В. Латышев — см. лемму к IOSPE I² 352), его считали знатным скифом или персидским

²⁴ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.331-ru.html> (дата обращения: 23.11.2021).

²⁵ В обсуждении значения слова ΣΑΣΤΗΡ принял участие также и Н. И. Новосадский (Новосадский, 1926. С. 78–83).

царевичем. С. А. Жебелёв же увидел в нем дворцового раба, так что восстание скифов являлось, по его мнению, революцией и «рабским восстанием» (Жебелёв, 1933. С. 36).

Диаметрально противоположное толкование этого места было предложено С. Я. Лурье. Он показал, что слово «воспитавшего» не может относиться к Савмаку, что исключает его рабский статус, а место постановки в этом пассаже частиц $\mu\acute{\epsilon}\nu$ и $\delta\acute{\epsilon}$ свидетельствует о том, что под $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ подразумевается сам Диофант. Таким образом, «вскармливающим» Перисада оказывается Диофант, который, следовательно, воспитывался при дворе этого боспорского царя (Lurie, 1959). Это толкование было решительно поддержано Ю. Г. Виноградовым (Виноградов, 1987. С. 76).

С. Ю. Сапрыкин вслед за А. И. Немировским полагал, что происхождение Диофанта было недостаточно высоким для того, чтобы воспитываться при царском дворе; по его мнению, воспитанником Перисада был Митридат Евпатор (Немировский, 1978; Сапрыкин, 1996. С. 140–147). Но, как справедливо заметил А. К. Гаврилов, «грамматики и стилистики никакое историческое величие не отменяет». Действительно, $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ в декрете используется применительно и к Митридату, и к Диофанту, но в речевом периоде стилистически отшлифованного текста $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, употребленное дважды в сочетании с частицами $\mu\acute{\epsilon}\nu$ и $\delta\acute{\epsilon}$, может подразумевать только одно и то же лицо (Гаврилов, 2019. С. 37). Развивая точку зрения С. Я. Лурье, А. К. Гаврилов предложил иное толкование для $\acute{\epsilon}\kappa\theta\rho\acute{\epsilon}\psi\alpha\nu\tau\alpha$. Приведя примеры, где $\tau\rho\omicron\phi\acute{\eta}$ и $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ используются для обозначения выплат наемникам, он предположил, что $\acute{\epsilon}\kappa\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ в данном случае означает не «вскармливать» в буквальном смысле этого слова («вскармливать ребенка»), а скорее «пестовать, возвращать»: Перисад возвратил Диофанта в том смысле, что дал ему возможность и денежные средства для снаряжения войска (Гаврилов, 2019. С. 48–57). Если $\acute{\epsilon}\kappa\theta\rho\acute{\epsilon}\psi\alpha\nu\tau\alpha$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ относится не к Савмаку, то его социальный статус может быть определен только формулой $\tau\acute{\omega}\nu$ $\mu\epsilon\rho\acute{\iota}$ $\Sigma\alpha\upsilon\mu\alpha\kappa\omicron\nu$ $\Sigma\kappa\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu$ и общим историческим контекстом декрета. Предположительно его можно считать одним из лидеров тесно связанной с Боспорским царством скифской аристократии (Виноградов, 1987. С. 82, 85; Сапрыкин, 1996. С. 147).

Публикация статьи о последнем Перисаде серьезным образом изменила отношение к С. А. Жебелёву власть имущих после событий ноября 1928 г. — января 1929 г., и некогда порицаемый ученый становится признанным классиком отечественного антиковедения (Тункина, 2000; Лурье, 2004. С. 201; Гаврилов, 2019. С. 30–34; Ананьев, Бухарин, 2020а. С. 761–762; 2020б. С. 198–203).

Список трудов С. А. Жебелёва насчитывает не менее 300 публикаций, внушительным выглядит и список научных институтов и учебных учреждений, в которых он служил в эпоху перемен и организационной неразберихи. Среди этих занятий он подготовил к печати переиздание II, боспорского, тома IOSPE, что он особо отмечает в своей автобиографии: «После смерти В. В. Латышева Жебелёвым было подготовлено не вышедшее в свет издание 2-го тома IOSPE — *Inscriptiones regni Bosporani*» (Жебелёв, 1993. С. 182). К сожалению, он не смог довести его до публикации. Сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН материалы «жебелёвского» II тома IOSPE свидетельствуют о том, что он хотел изменить формат сборника — это должно было быть *editio minor* с более краткими комментариями, но с большим количеством иллюстративного материала (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 34; Nadel, Oświecimski, 1967. S. 242; КБН-альбом. С. 395–396). Работу над боспорским томом продолжили уже в послевоенные годы ученики С. А. Жебелёва — С. Я. Лурье и А. И. Болтунова.

1920-е и 1930-е гг. нельзя назвать успешным временем для российской лапидарной эпиграфики Северного Причерноморья. Со смертью В. В. Латышева прекратилось систематическое ежегодное издание надписей. Многие новонайденные эпиграфические памятники оставались в музейных фондах, и лишь небольшая их часть издавалась сотрудниками южнорусских музеев или работавшими на памятниках исследователями. Их коллеги из Петрограда/Ленинграда и Москвы публиковали надписи только по фотографиям или чужим эстампам. В эти десятилетия все научные работы, в которых причерноморские надписи использовались как нарративный источник, являются диалогом или дискуссией с В. В. Латышевым. И пройдет не менее четверти века, прежде чем будут опубликованы новые корпуса эпиграфических памятников Северного Причерноморья.

- Ананьев, Бухарин, 2020a — Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Ч. II: 1927–1932 // ВДИ. 2020. № 3. С. 753–774.
- Ананьев, Бухарин, 2020b — Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Ч. III: 1932–1940 // ВДИ. 2021. № 1. С. 198–210.
- Белов, 1940 — Белов Г. Д. Херсонесские рельефы // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 266–287.
- Белов, 1941 — Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (МИА; № 4). С. 202–268.
- Блаватский, 1940 — Блаватский В. Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3. С. 287–300.
- Бойко, Толочко, 2019 — Бойко А. Л., Толочко И. В. При явно неблагоприятных условиях: археология Дона в 1920–1931 годах // Очерки истории отечественной археологии. М.: ИА РАН, 2019. Вып. V. С. 66–87.
- Болтунова, 1977 — Болтунова А. И. Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. 1977. № 1. С. 176–183.
- Вернадский, 2006 — Вернадский В. И. Дневники. 1935–1941 / Отв. ред. В. П. Волков. М.: Наука, 2006. Кн. 1: 1935–1938. 444 с.
- Виноградов, 1987 — Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–87.
- Виноградов, Шелов, 1977 — Виноградов Ю. Г., Шелов Д. Б. Б. Н. Граков и греческая эпиграфика // Б. Н. Граков. Ранний железный век. М.: Изд-во Московского университета, 1977. С. 205–213.
- Гаврилов, 2019 — Гаврилов А. К. Исследование по древнегреческим надписям Северного Причерноморья. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. 320 с.
- Гернович, 2018 — Гернович Т. Д. Николай Павлович Шкляев — хранитель минских архивов // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посв. 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты / Гл. ред. А. Д. Король. Минск: Белорусский ГУ, 2018. С. 17–25.
- Граков, 1939 — Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–315.
- Гриневич, 1927 — Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. II. Севастополь: Издание Херсонесского музея, 1927 (Херсонесский сборник; Вып. II). 296 с.
- Гукова, 1999 — Гукова С. Н. М. А. Шангин: жизнь и творчество // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 497–520.
- Дложевский, 1927 — Дложевский С. С. Новый Ольбійський декрет на честь Агатокла-евоката // Ювілейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія. Київ, 1927 (УАН. Збірник Іст.-філол. від; № 51). Т. 1. С. 310–315.
- Дложевский, 1930a — Дложевский С. С. Епіграфічні дрібниці (3 нових матеріалів Північного побережжя Чорного моря) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Української Академії наук. 1930. Секція археологічна. Одесса, 1930. Ч. 4–5. С. 49–57.
- Дложевский, 1930b — Дложевский С. С. Новый напис Одеського історично-археологічного музею, з садиби де р.р. 1891–1899 жив А. О. Скальковский // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Української Академії наук. 1930. Секція археологічна. Одесса, 1930. Ч. 4–5. С. 47–48.
- Жебелёв, 1933 — Жебелёв С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Босфоре // Известия ГАИМК. 1933. Вып. 70. С. 1–36.
- Жебелёв, 1937 — Жебелёв С. А. Итоги изучения античности в СССР за 20 лет // Известия Академии наук, Отделение общественных наук. 1937. № 5. С. 1115–1124.
- Жебелёв, 1953 — Жебелёв С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.
- Жебелёв, 1993 — Жебелёв С. А. Автонекролог / Подготовка текста, публикация и комментарии И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 2. С. 172–201.
- Завойкина, 2013 — Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 288 с.
- КБН — Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
- КБН-альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. XVI+432 с.: ил.+геогр. карты (вкладыш).
- Коцевалов, 1929 — Коцевалов А. С. Заметки к надписям греческих колоний Черноморья // Известия РАИМК. 1929. Вып. II. С. 330–333.

- Коцевалов, 1940 — Коцевалов А. С. Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Т. 1: Отчеты и материалы за 1935–36 гг. и исследования / Отв. ред. Н. И. Ячменев. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. С. 259–272.
- Крюгер, 1921 — Крюгер О. О. Надгробие Леокса, сына Молпагора // Известия РАИМК. 1921. Вып. 1. С. 41–50.
- Крюгер, 1925 — Крюгер О. О. Эпиграфические мелочи (1. Новые находки в Ольвии. 2. К изданным надписям. 3. Неизданные посвящения Гераклу) // Известия РАИМК. 1925. Вып. 4. С. 81–96.
- Курьшева, 2012 — Курьшева М. А. Византинист М. А. Шангин — сотрудник Херсонесского музея в 1936–1937 гг. // I Бахчисарайские чтения памяти Е. В. Веймарна: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (Бахчисарай, 5–7 сентября 2012 г.). Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2012. С. 37–38.
- Курьшева, 2016 — Курьшева М. А. Мстислав Антонович Шангин — сотрудник Библиотеки Академии наук // Современные проблемы археологии. Вып. 2: Сб. ст. по материалам конф. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук (21–24 октября 2014 г.) / Отв. ред. И. Н. Беляева, сост. М. В. Корогодина. СПб.: БАН, 2016. С. 53–64.
- Курьшева, 2019 — Курьшева М. А. Византинист Мстислав Антонович Шангин в Херсонесском музее в 1936–1937 гг. // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2019. Вып. 2. С. 373–408.
- Латышев, 1893, 1896, 1900, 1904, 1906 — Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Scythica et Caucasia e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis). Vol. 1: Scriptorum Graeci. Fasc. 1, 2, 3. Petropoli, 1893, 1896, 1900; Vol. 2: Scriptorum Graeci. Fasc. 1, 2. Petropoli, 1904, 1906.
- Латышев, 1908 — Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1907 г.) // ИАК. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1908. Вып. 27. С. 15–41.
- Латышев, 1921 — Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике // Известия РАИМК. 1921. Т. I. С. 17–28.
- Латышев, 1922а — Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике // Известия РАИМК. 1922. Т. II. С. 65–83.
- Латышев, 1922б — Латышев В. В. Неизданные Боспорские надписи // Известия РАИМК. 1922. Т. II. С. 84–104.
- Левинская, 2000 — Левинская И. А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: Логос, 2000. 352 с.
- Левинская, 2019 — Левинская И. А. Община иудеев и боящихся Бога // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 314–321.
- Лунин, 2010 — Лунин Б. В. Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии // Донской временник. Год 2011-й. Ростов-н/Д.: Донская государственная публичная библиотека, 2010. Вып. 19. С. 135–138.
- Лурье, 2004 — Лурье Я. С. История одной жизни. СПб.: Изд-во Европейского ун-та СПб, 2004. 279 с.
- Макаров, 2018 — Макаров И. А. О заключительном параграфе Херсонесской присяги // ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре: Сб., посв. юбилею И. Е. Сурикова / Под ред. О. Л. Габелко, А. В. Махлаюка, А. А. Сеницына. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2018. С. 296–298.
- Марти, 1927 — Марти Ю. Ю. Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора, сына Илиева // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Вып. I (58). С. 118–121.
- Марти, 1928 — Марти Ю. Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи/ Киммерик. Китей. Акра // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. Вып. II. С. 103–126.
- Марти, 1934 — Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 57–89.
- Марти, 1941 — Марти Ю. Ю. Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина // ВДИ. 1941. № 1. С. 198–211.
- Мишулин, 1938 — Мишулин А. За передовую науку по древней истории. К построению марксистской «Истории древнего мира» АН СССР // ВДИ. 1938. № 2. С. 5–17.
- Немировский, 1978 — Немировский А. И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов // Византиноведческие этюды / Гл. ред. Т. В. Гамкрелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 63–70.
- НО — Надписи Ольвии (1917–1965). Л.: Наука, 1968. 133 с.
- Новосадский, 1926 — Новосадский Н. И. Несколько заметок к надписям, помещенным во втором издании Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Pontis Euxini / Ed. В. Latyshev. Petropoli, MCMXVI // Сборник в честь С. А. Жебелёва. Л.: б. и., 1926. С. 76–88.

- Новосадский*, 1928 — *Новосадский Н. И.* Боспорские фиасы // Труды секции археологии и искусствознания РАНИОН. М.: РАНИОН, 1928. Т. II. С. 55–70.
- Новосадский*, 1930 — *Новосадский Н. И.* Неизданная надпись Темрюкского музея // Доклады Академии наук СССР. 1930. Серия В. № 12. С. 224–227.
- Новосадский*, 1938 — *Новосадский Н. И.* Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917–1937) // ВДИ. 1938. № 4. С. 200–213.
- НЭПХ. I — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1964. 196 с.
- Розанова*, 1941 — *Розанова Н. П.* Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова // СА. 1941. № 7. С. 247–257.
- Розанова*, 1949 — *Розанова Н. П.* Посвятительные надписи Фанагории как источник по топографии города // ВДИ. 1949. № 3. С. 170–178.
- Сапрыкин*, 1996 — *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. М.: Наука, 1996. 348 с.
- Семенов*, 1928 — *Семенов А. Ф.* Эпиграфические мелочи из Недвиговского городища // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-н/Д.: СКОАИЭ, 1927–1928. Кн. 1, вып. 3/4. С. 4–5.
- Семенов-Зусер*, 1947 — *Семенов-Зусер С. А.* Рыбный рынок в Херсонесе. Новооткрытая надпись музея Харьковского государственного университета // ВДИ. 1947. № 2. С. 237–246.
- Сидоренко*, 2018 — *Сидоренко В. А.* Две надписи на камне из раскопок в Босфорском переулке в Керчи в 2007 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 23. Симферополь: Солорич, 2018. С. 510–519.
- Соломоник*, 1983 — *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.: Наука, 1983. 94 с.
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 33: Письма Л. Моисеева В. В. Латышеву; Ф. 729. Оп. 1. Д. 34: Материалы по античной эпиграфике Юга России.
- Тиханова-Клименко*, 1926 — *Тиханова-Клименко М.* Греческая надпись с Таманского полуострова (IOSPE II № 389) // Сборник в честь С. А. Жебелёва. Л.: б. и., 1926. С. 546–560.
- Тункина*, 2000 — *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161.
- Храпунов*, 1990 — *Храпунов И. Н.* О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. 1. С. 167–169.
- Черняев*, 1928 — *Черняев П. Н.* К вопросу о чтении фрагмента Танаидской надписи, хранящегося в Северо-Кавказском краевом обществе археологии, истории и этнографии // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на/Д.: СКОАИЭ, 1927–1928. Кн. 1, вып. 3/4. С. 5–7.
- Шангин*, 1938 — *Шангин М. А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3. С. 72–87.
- Шкляев*, 1952 — *Шкляев Н. П.* Выдающийся русский эпиграфист академик В. В. Латышев // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Казань, 1952 (Серия «История»). Т. 112, кн. 5. С. 117–151.
- Штаерман*, 1947 — *Штаерман Е. М.* Античная эпиграфика в СССР // ВДИ. 1947. № 3. С. 51–67.
- Эрлих*, 1928а — *Эрлих Р. Л.* Ольвийская надпись IOSPE I² 176 // Доклады Академии наук СССР. 1928. Серия В. № 6. С. 124–127.
- Эрлих*, 1928б — *Эрлих Р. Л.* Ольвийская надпись IOSPE I² 176 // Ἀσπασμός. Ивану Ивановичу Толстому ученики и друзья. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 55–58.
- Яйленко*, 1972 — *Яйленко В. П.* Александр Васильевич Никитский (к 50-летию со дня смерти) // ВДИ. 1972. № 4. С. 175–188.
- Яйленко*, 2010 — *Яйленко В. П.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М.: Гриф и К^о, 2010. 740 с.
- Яйленко*, 2017 — *Яйленко В. П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.
- Dubois*, 1996 — *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève: Librairie Droz S.A., 1996. 208 p.
- Kocevalov*, 1935 — *Kocevalov A.* Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini. Leopoli: Ministerium instructionis publicae, 1935. 131 p.
- Kocevalov*, 1948 — *Kocevalov A.* Die antike Epigraphik der euxinischen Kolonien in den letzten Jahren // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1948. Bd. 3, nr. 2. S. 263–270.
- Köhler*, 1850 — *Köhler H. K. E.* Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus // Gesammelte Schriften. Bd. II. Serapis. Theil B. St. Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1850. S. 5–44.

- Köppen*, 1823 — *Köppen P.* Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien: Gedruckt bey C. Gerold, 1823. 107 p.
- Lurie*, 1959 — *Lurie S.* Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // *Meander*. 1959. № 2. P. 67–78.
- Nadel, Oświęcimski*, 1967 — *Nadel B., Oświęcimski S.* Nowe wydanie napisów Bosporańskich // *Archeologia*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. No. 18. S. 241–245.
- Stephani*, 1866 — *Stephani L.* Parerga archaeologica. XXIII // *Mélanges gréco-romains: tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*. St. Pétersbourg: l'Académie impériale des sciences, 1866. T. II. P. 200–216.
- St. Pont. III — *Anderson J., Clark G., Cumont Fr., Grégoire H.* *Studia Pontica*, III. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie. Fasc. 1. Brussels, 1910. 274 p.
- Vinogradov*, 1997 — *Vinogradov J. G.* *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Herausgegeben in Verbindung mit Heinz Heinen. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1997. S. 231–241.

Russian epigraphy after V. V. Latyshev (1921–1941). II. Lapidary inscriptions

N. A. Pavlichenko²⁶

Keywords: V. V. Latyshev, S. A. Zhebelev, Russian epigraphy, lapidary inscriptions, II volume of IOSPE.

This paper considers the history of the studies of lapidary inscriptions from the Northern Black Sea littoral in Russia in 1921–1941, i. e. during the two decades between the deaths of V. V. Latyshev and S. A. Zhebelev. After the flourishing of the ancient epigraphy in the late 19th — early 20th cen. related primarily with energetic researching and publishing activities of V. V. Latyshev, the ancient epigraphy in Russia returned to almost the same state in which it had been remaining before the beginning of his work. Lapidary inscriptions were actively used as a narrative source for the history of the Northern Black Sea area but their systematic annual publication ceased during that period. The majority of the revealed epigraphic monuments remained among the museum collections while only few of them were published by curators of the South-Russian museums who worked as researchers at archaeological sites and after photographs or rubbing squeezes made by some others experts in the Greek and Roman antiquities from Petrograd / Leningrad and Moscow.

²⁶ Natalia A. Pavlichenko — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com.

Поселение бронзового века Ярылгачское Восточное (Тарханкут) по данным 1975 г.¹

М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина²

Аннотация. В статье рассматриваются материалы охранно-спасательных работ, проведенных на поселении Ярылгачское Восточное на Тарханкутском полуострове в 1975 г. Материалы для изучения *in situ* на сегодняшний день оказались недоступными, но сохранившиеся в полевом отчете рисунки керамики и кремневых изделий подтверждают отнесение поселения к среднему и позднему бронзовому веку.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, Тарханкут, поселение Ярылгачское Восточное, средний и поздний бронзовый век, охранно-спасательные работы 1975 г., керамика, кремневые изделия.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-35-272-279

В 1975 г. в Тарханкутской экспедиции, работавшей под руководством А. Н. Щеглова и ставшей школой для Е. Я. Рогова, в те годы еще студента, помимо масштабных работ на античном поселении Панское I и его некрополе проводились разведки и осмотры памятников, как расположенных в окрестностях Панского, так и удаленных, до которых иногда приходилось добираться на машине. Во время таких разведок проводились сбор подъемного материала, фотофиксация объектов, делались рисунки, обмеры, составлялись описания. Иногда состояние памятника требовало более решительных действий. В том году было решено провести охранно-спасательные работы на стремительно разрушавшемся поселении

эпохи бронзы, расположенном неподалеку, на берегу Ярылгачской бухты. Для этого был создан небольшой отряд, заложивший разведочный раскоп в наиболее хорошо сохранившейся его части. В этот отряд входили тогдашние студенты кафедры археологии ЛГУ — М. Ю. Вахтина, О. Ю. Соколова и Н. К. Жижина. Руководивший курганным отрядом экспедиции Е. Я. Рогов относился к работе начинающих археологов с большим интересом, всегда был готов поддержать хорошим советом, добрым словом и веселой шуткой.

На Тарханкутском полуострове (Северо-Западный Крым) лишь на нескольких поселениях с материалами эпохи бронзы, обнаруженных в XX в., проводились археологические исследования. Речь идет о стационарных раскопках широкими площадями поселений Бурун-Эли I и Бай-Кият (Колотухин, 1990; 2000; 2003. С. 28–39), а также разведочных работах на отдельных памятниках, которые сопровождалась закладкой шурфов или небольших раскопов с целью получения материалов для их датировки и определения культурной принадлежности. Среди последних — поселение Ярылгачское Восточное. При упоминании сведений об этом поселении (Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 107; Междисциплинарные исследования..., 2020. С. 36) обычно приводятся краткие данные из сборника «Археологические открытия 1975 года» (Щеглов и др., 1976а. С. 410). Известно, что на поселении были заложены три шурфа, работы на которых дали керамику, кости

¹ М. Т. Кашуба провела свою часть исследования в рамках проекта, поддержанного грантом РНФ № 22-18-00065 «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход»; М. Ю. Вахтина провела свою часть исследования в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Кашуба М. Т. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Вахтина М. Ю. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru; vakhtina@rambler.ru.

животных и изделия из кремня. Керамика была отнесена к катакомбной и срубной культурам, что позволило датировать поселение «средней и финальной бронзой» (Там же). Между тем в Научном архиве ИИМК РАН имеется полевой отчет 1975 г., в котором сохранились документы, относящиеся к разведочным работам в окрестностях Ярылгачской бухты, благодаря чему было открыто новое поселение эпохи бронзы (Щеглов и др., 1976б).

Хотя добытые при охранно-спасательных работах 1975 г. материалы на сегодняшний день оказались недоступными для изучения *in visu*, в отчете помимо описания работ имеются чертежи, рисунки керамики и кремневых изделий, публикация которых расширит представление об этом поселении.

Поселение Ярылгачское Восточное по данным 1975 г.

Поселение эпохи бронзы было обнаружено при обследовании западного побережья Ярылгачской бухты — на нем был собран подъемный материал и заложены три разведочных шурфа (рис. 1). Поселение расположено в 0,5 км к северо-западу от шоссе Черноморское–Межводное и 0,6 м к юго-востоку от юго-восточного угла некрополя поселения Панское I. Оно занимает западный берег южного залива Ярылгачской бухты (оз. Малое Солёное), низменную прибрежную равнину, плавно и постепенно повышающуюся к западу. Прибрежная часть (шириной до 45 м) заливается во время сезонных колебаний уровня воды в бухте и сгонно-нагонных явлений, в результате чего почвенный и культурный слои поселения в этой части полностью разрушены.

Разведки показали, что на заиленном дне бухты (оз. Малое Солёное) в полосе до 10 м находки не встречены. Это вызвало предположение, что материалы из размытого слоя могли быть переработаны морем или находиться в донных отложениях. Согласно распространению подъемного материала (рис. 1) поселение с северо-востока на юго-запад имело длину около 120 м и с северо-запада на юго-восток — не менее 80–90 м. Часть поселения (с северо-восточной стороны) могла быть поглощена в результате морской ингрессии и образования Ярылгачской бухты в современных ее пределах. Сохранившаяся поверхность поселения повреждена современной хозяйственной деятельностью (верхний слой частично снят бульдозером; юго-западная часть распахана).

В центральной и северо-восточной частях поселения были заложены три шурфа (2 × 2, 3 × 5 и

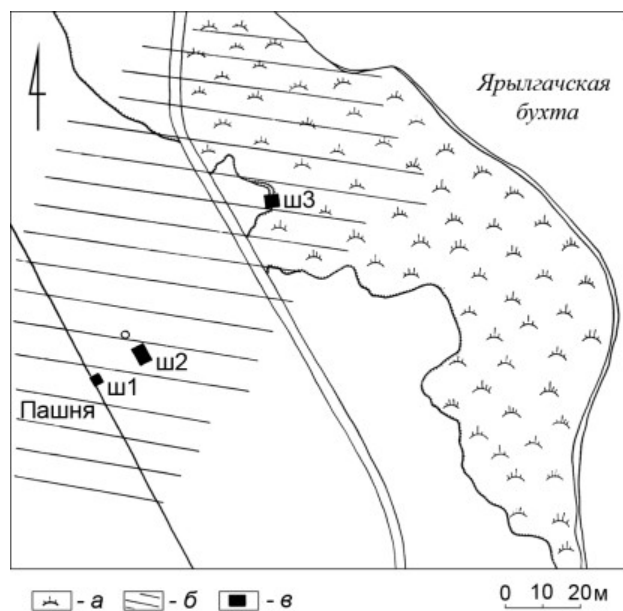


Рис. 1. Поселение Ярылгачское Восточное (Тарханкут), план. Условные обозначения: а — заливаемая поверхность (во время сезонных колебаний уровня моря и сгонно-нагонных явлений); б — территория распространения подъемного материала; в — шурфы. Публикуется впервые (по: Щеглов и др., 1976б. Рис. 75; НА ИИМК РАН, Фототдел, негатив I 93127)

Fig. 1. Settlement Yarylgachskoye Vostochnoye (Tarkhankut peninsula), plan. Keys: а — sea-flooded surface (during seasonal fluctuations in sea level and surge events); б — distribution of the material on the surface; в — test pits. Previously unpublished (after Щеглов и др., 1976б. Рис. 75; Scientific archives of the INMC RAS, Department of Photography, Negative I 93127)

3 × 3 м), общая раскопанная площадь составила 28 кв. м. Зафиксированная наибольшая толщина культурного слоя — 0,6 м. Согласно выявленной стратиграфии в шурфе 1 (рис. 2, 1) пахотный слой имел мощность до 0,2 м, далее следовал культурный слой (грунт темно-серого цвета, с кротовинами, слабо насыщенный фрагментами лепной керамики) мощностью до 0,30–0,38 м, который подстилал лессовидный суглинок. В шурфе 2 (рис. 2, 2) дерновый слой и большая часть культурного слоя были нивелированы в результате современной хозяйственной деятельности. В сохранившейся нижней части культурного слоя, на подстилающем суглинке (на глубине 0,05–0,12 м), зафиксирован развал необработанных известняковых камней. Обнаружены фрагменты лепной керамики. Шурф 3 (рис. 1) находилась в северо-восточной части поселения, в 40 м

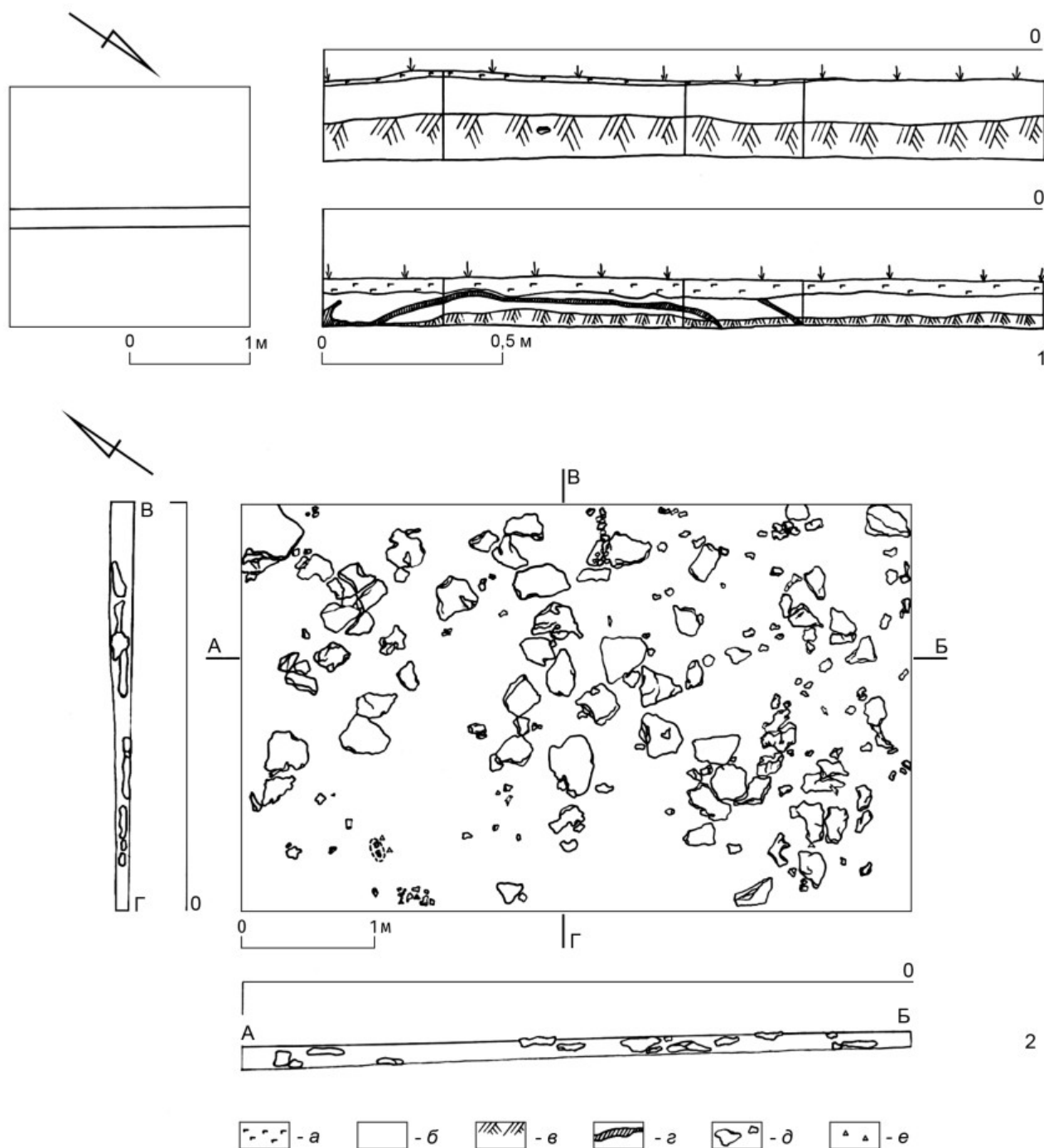


Рис. 2. Поселение Ярылгачское Восточное: 1 — шурф 1, план и разрезы; 2 — шурф 2, план и разрезы. Условные обозначения: а — пахотный слой; б — культурный слой; в — материк (лессовидный суглинок); з — кротовины; д — камни; е — керамика. Публикуется впервые (1 — по: Щеглов и др., 1976б. Рис. 77; НА ИИМК РАН, Фототдел, негатив I 93128; 2 — по: Щеглов и др., 1976б. Рис. 80; НА ИИМК РАН, Фототдел, негатив I 93129)

Fig. 2. Settlement Yarylgachskoye Vostochnoye: 1 — test pit 1, plan and profiles; 2 — test pit 2, plan and profiles. Keys: а — plowed layer; б — cultural level; в — base layer (loess-like loam); з — molehills; д — stones; е — ceramics. Previously unpublished (1 — after Щеглов и др., 1976б. Рис. 77; Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative I 93128; 2 — after Щеглов и др., 1976б. Рис. 80; Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative I 93129)

от уреза, — на границе затапливаемой и неза-
тапливаемой частей. При его раскопках выяв-
лено, что мощность дернового слоя составляла
0,15–0,20 м, ниже располагался культурный слой
(грунт темно-серого цвета, в котором местами за-
фиксированы золистая прослойка и кострище)
мощностью до 0,35 м и подстилающий его лес-
совидный суглинок. В основании дернового слоя
(или в верхнем горизонте) зафиксировано ско-
пление камней с находками античной и средневе-
ковой керамики. Сам культурный слой в шурфе 3
был сильно нарушен кротовинами, в нижние его
горизонты попадали поздние находки из верхне-
го горизонта, например, три крупных фрагмента
гончарного сосуда железного века. На уровне зо-
листой прослойки зафиксировано кострище, при
исследовании которого обнаружены разновре-
менные находки (стенки амфоры, фрагменты леп-
ного сосуда бронзового века, кремневый скребок,
обломок стеклянного средневекового браслета,
обломки костей животных).

Основной материал из сборов на поверхности
и шурфов представлен лепной керамикой и крем-
невыми изделиями бронзового века (рис. 3–5).

Согласно сведениям полевого отчета при опре-
делении материала обратились за консультациями
к специалистам по эпохе бронзы — В. С. Бочкарёву
и А. М. Лескову. «По мнению В. С. Бочкарёва, весь
комплекс может быть отнесен ко второй половине
II тыс. до н. э. и лишь два обломка, возможно, отно-
сятся к более позднему времени, соответствующе-
му белозерскому этапу срубной культуры. По мне-
нию А. М. Лескова, весь материал можно разделить
на две хронологические группы: А. — не позднее
начала третьей четверти II тыс. до н. э. (большая
часть материала) и Б. — к более позднему времени,
соответствующему сабакиновскому этапу срубной
культуры» (Щеглов и др., 1976б. С. 19). В сведениях
о поселении в «Археологических открытиях...» со-
держится информация о «керамике катакомбной и
срубной культур» (Щеглов и др., 1975а. С. 410), что
прочно вошло в научную литературу (см.: Смека-
лова, Кутайсов, 2017. С. 107).

Ярылгачское Восточное и материалы поселений эпохи бронзы на Тарханкуте

Проведенные на памятнике охранно-спаса-
тельные работы дали остатки каких-то каменных
конструкций, возможно, напоминающие в шур-
фах 2 и 3 развалы стены. Однако возможность
соотнести их с определенным историческим пе-
риодом отсутствует, учитывая разновременность
находок в этой части поселения.

На имеющихся рисунках керамики рассма-
триваемого поселения обращают на себя вни-
мание фрагменты широких отогнутых венчиков
сосудов (раструбный венчик) с шаровидным ту-
ловом (рис. 3, 4, 7, 10, 11), прямо срезанных вен-
чиков с полосами горизонтальных вдавленных
линий или оттисками шнура (рис. 4, 9, 13), а также
стенок с отпечатками шнура, вертикальных углов,
рядов овальных (фасолевидных?) или узких пря-
моугольных наколов-вдавнений (рис. 4, 4–8). Та-
кие признаки выразительные и характеризуют
в целом керамику среднего бронзового века: они
свойственны посуде катакомбной культуры всех
хронологических групп (см.: Тоцев, 2007. С. 95
сл., рис. 56, 1–9; 58, 5–7; 68; 69; Копьева, 2021.
Рис. 90–92; 108–110), а также каменной (камен-
ско-планерской) культуры посткатакомбного пе-
риода (Тоцев, 2007. С. 144 сл.). В ходе недавних
разведочных раскопок на Тарханкуте, на близко
расположенных к Ярылгачскому Восточному по-
селениям Тарханкут-18 и Тарханкут-22а полу-
чена подобная керамика (Междисциплинарные
исследования..., 2020. Рис. IV.3.29, 1, 6; IV.3.33, 2,
5, 6; IV.3.34, 1, 3, 7). Среди последней показате-
льны фрагменты сосудов с раструбным венчиком
(Там же. Рис. IV.3.36), имеющие близкие анало-
гии среди керамики поселения Бабино III (Брат-
ченко, 2012. Рис. 105, 1–8, 11). Радиоуглеродные
даты (по образцам из костей животных) показа-
ли заключительный период среднего бронзово-
го века или последнюю треть XXII — середину
XX в. до н. э.: для Тарханкут-18 — четыре пробы
(№ 2, 3, 5, 6) из шести отобранных дали комби-
нированную дату, которая лежит в интервале
2133–1945 cal BC (2σ); для Тарханкут-22а — две
пробы (№ 1 и 2) из трех отобранных дали ком-
бинированную дату, которая лежит в интерва-
ле 2136–1923 cal BC (2σ) (Смекалова и др., 2020;
Kashuba et al., 2021. Tab. 1).

Стоит упомянуть и кремневые изделия из по-
селения Ярылгачское Восточное, среди которых
явно присутствуют сколы с вторичной обработ-
кой, отщепы с ретушью и, возможно, орудийные
формы (?) (рис. 5). Исследования показали, что в
среде населения среднего бронзового века Крым-
ского полуострова присутствовала технология об-
работки камня. Фактически на каждом раскопан-
ном поселении каменной (каменско-планерской)
культуры собрана коллекция изделий из кремня.
Например, выразительная коллекция кремневых
изделий получена при раскопках поселения Пла-
нерское I: всего собрано более 600 экз., из кото-
рых 376 были проанализированы и включали

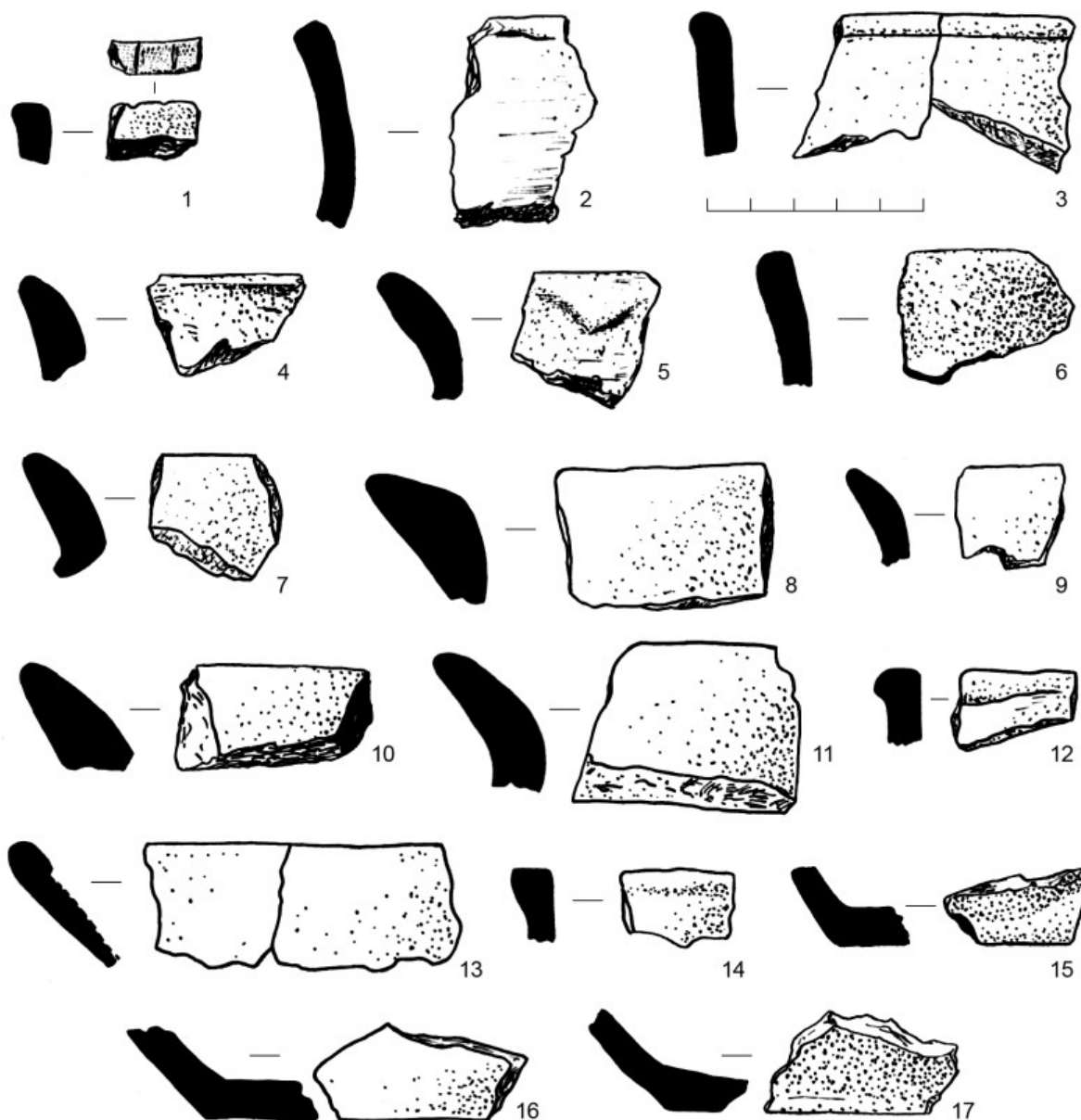


Рис. 3. Поселение Ярылгачское Восточное. Лепная керамика
(по: Щеглов и др., 1976б. Рис. 86; НА ИИМК РАН, Фототдел, негатив I 93132)

Fig. 3. Settlement Yarylgachskoye Vostochnoye. Handmade ceramics. Previously unpublished
(after Щеглов и др., 1976б. Рис. 86; Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative I 93132)

34 изделия с вторичной обработкой (пластину со скошенным концом; проколку-развертку; угловой резец; обломки наконечников; отщепы, обломки нуклеусов и осколки с ретушью и др.) (см.: Тоцев, 2007. С. 155–158, рис. 84). На вышеупомянутых поселениях Тарханкут-18 и Тарханкут-22а была собрана коллекция из 31 изделия из кремня, анализ которой выявил ситуационный характер первичного расщепления и изготовления орудийных форм (см.: Междисциплинарные

исследования..., 2020. С. 199 сл., прил. 2, табл. 1). Находки на поселении Ярылгачское Восточное кремневых изделий — дополнительный аргумент в пользу отнесения какой-то части его материалов к среднему бронзовому веку.

Что касается отмеченной специалистами керамики позднего бронзового века на Ярылгачском Восточном, то на рисунках к таковой могут быть отнесены фрагменты сосудов с расчлененным валиком (рис. 4, 10–12), а также фрагменты

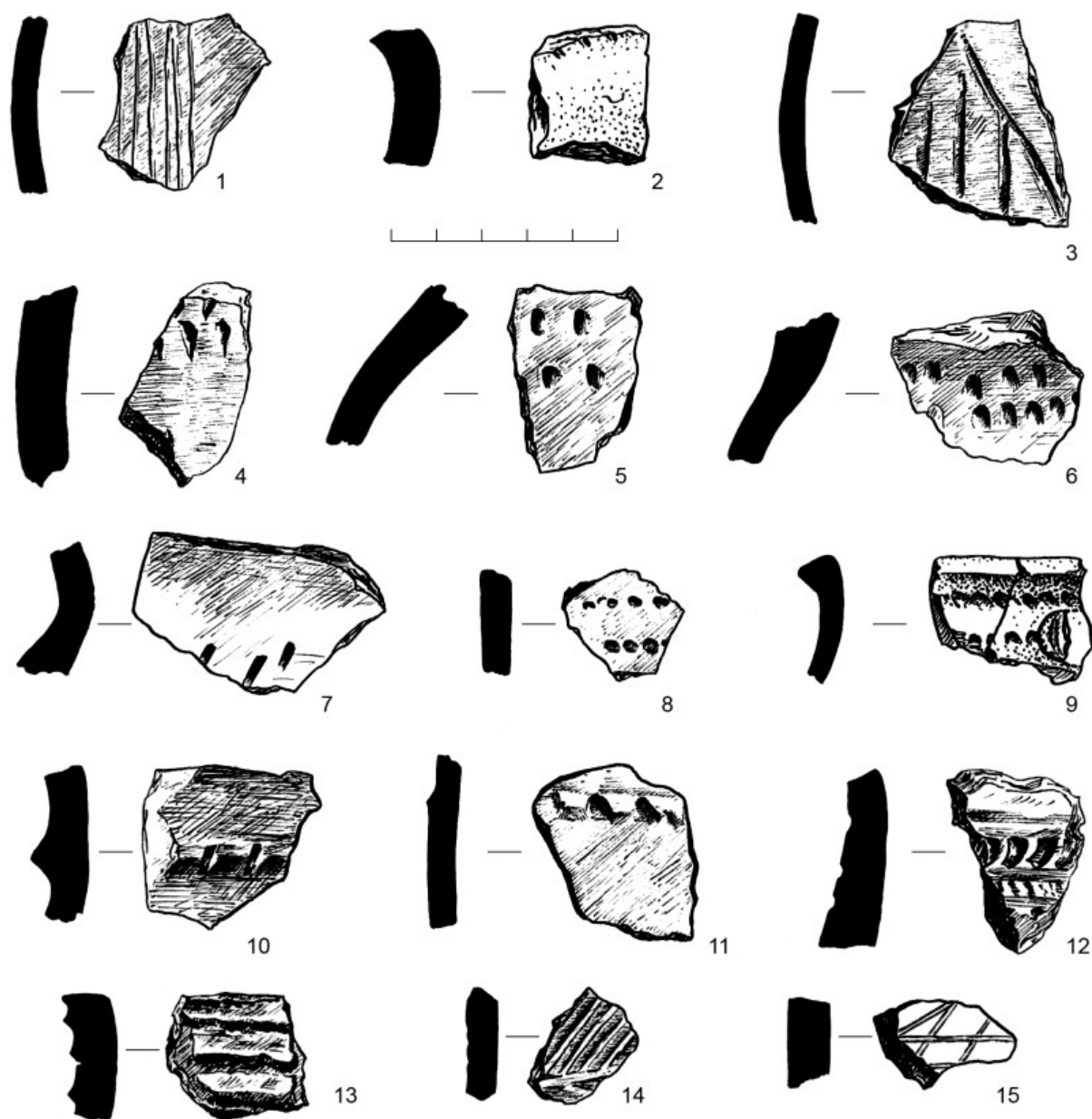


Рис. 4. Поселение Ярылгачское Восточное. Лепная орнаментированная керамика (по: Щеглов и др., 1976б. Рис. 87; НА ИИМК РАН, Фототдел, негатив I 93133)

Fig. 4. Settlement Yarylgachskoye Vostochnoye. Handmade decorated ceramics. Previously unpublished (after Щеглов и др., 1976б. Рис. 87; Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative I 93133)

тонкостенных сосудов с резным (?) и/или прочерченным (?) геометрическим узором (рис. 4, 1, 3, 15). Судя по наличию последних, речь, скорее, может идти о керамике белозерской культуры. На тарханкутских поселениях позднего бронзового века Бурун-Эли I, Бай-Кият и Скалистое 2, отнесенных к сабагиновской и белозерской культурам, имеются горшки с расчлененным валиком в основании шейки и верхней части тулова

(Колотухин, 2003. Рис. 49, 8; 50, 2, 3, 7, 10; 51, 4–6; 52, 5; 55, 10, 13, 15). Наличие тонкостенных сосудов с пролощенными (продавленными) узкими каннелюрами и/или резным (прочерченным) узором характерно для керамики белозерской культуры, например таковые обнаружены на поселении Бай-Кият (Там же. Рис. 54, 2, 10, 12, 13, 15, 16).

Можно заключить, что сохранившиеся рисунки керамики и кремневых изделий из поселения

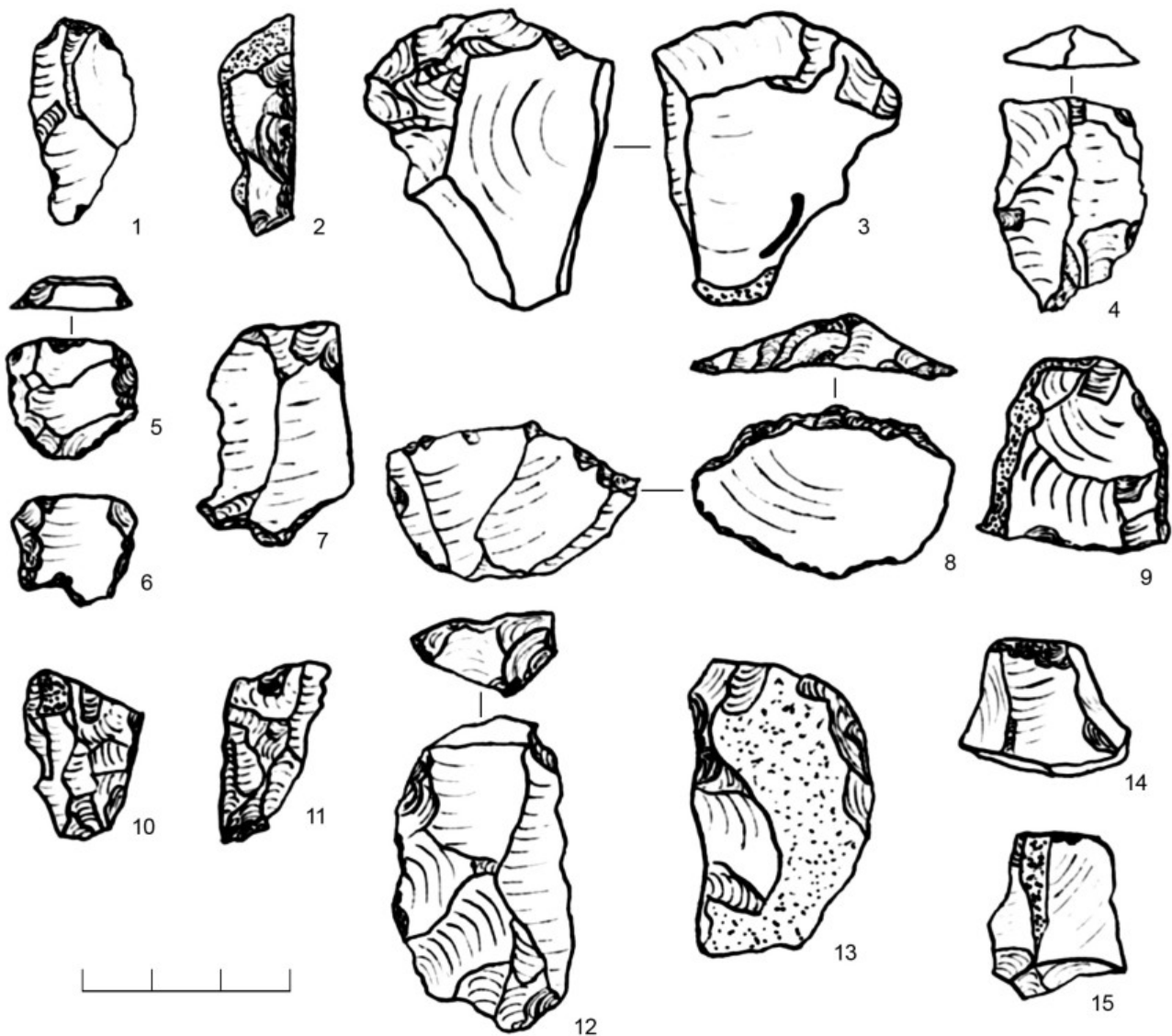


Рис. 5. Поселение Ярылгачское Восточное. Изделия из кремня (Щеглов и др., 1976б. Рис. 88; © НА ИИМК РАН, Фототдел, негатив I 93134)

Fig. 5. Settlement Yarylgachskoye Vostochnoye. Flint items Previously unpublished (after Щеглов и др., 1976б. Рис. 88; © Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative I 93134)

Ярылгачское Восточное, несмотря на условность поиска аналогий и сравнения, подтверждают датировку поселения средним и поздним бронзовым веком. Согласно современным представлениям о хронологии восточноевропейского бронзового века, ранние материалы поселения могут быть отнесены к началу II тыс. до н. э. Исследования этого местонахождения представляют интерес не только в плане археологическом, но также в области палеогеографии. Локализация этого поселения показывает, что «не позднее середины II тыс. до н. э. уровень Черного моря в районе

Тарханкутского полуострова стоял ниже современного не менее чем на 0,5–1,0 м. Таким образом значительно уточняется время смены фазы Новочерноморской трансгрессии Фанагорийской регрессией, максимум которой совпадает с интенсивным хозяйственным освоением прибрежной зоны в античную эпоху» (Щеглов и др., 1976а. С. 410; Щеглов и др., 1976б. С. 20). Сохранившиеся данные (Щеглов и др., 1976б. С. 18–20, рис. 76–88) позволяют считать, что территория поселения была неоднократно заселена в разные исторические периоды.

- Братченко, 2012 — Братченко С. Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев: Издат. дом Скиф, 2012. 308 с.
- Колотухин, 1990 — Колотухин В. А. Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму // Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1990. Т. 1. С. 137–144.
- Колотухин, 2000 — Колотухин В. А. Поселение эпохи поздней бронзы Бай-Кият в Крыму // *Stratum Plus*. 2000. № 2. С. 526–553.
- Колотухин, 2003 — Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 138 с.
- Копьева, 2021 — Копьева Т. А. Катакомбная культура на территории Крымского полуострова: по материалам погребальных памятников. СПб.: Нестор-История, 2021. 424 с.
- Междисциплинарные исследования..., 2020 — Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма: коллективная монография / Смекалова Т. Н., Кашуба М. Т., Мульд С. А., Лисецкий Ф. Н., Борисов А. В., Соломонова М. Ю., Каширская Н. Н., Бэван Б. У., Кулькова М. А., Очередной А. К.; Науч. ред. Т. Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2020 (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIX). 204 с.
- Смекалова и др., 2020 — Смекалова Т. Н., Кулькова М. А., Кашуба М. Т. Новые радиоуглеродные даты материалов бронзового века полуострова Тарханкут (Крым) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее: Материалы междунар. конф., посвящ. 80-летию ст. науч. сотр. ИИМК РАН, канд. хим. наук Г. И. Зайцевой / Отв. ред. Н. Д. Бурова, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ им. А. И. Герцена; Самара: СГСПУ/ООО Порто-принт, 2020. С. 91–92.
- Смекалова, Кутайсов, 2017 — Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с.
- Тоцев, 2007 — Тоцев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во Запорожского национального ун-та, 2007. 304 с.
- Щеглов и др., 1976а — Щеглов А. Н., Балт Т. В., Вахтина М. Ю., Внучков Г. В., Кац В. И., Рогов Е. Я. Работы на Тарханкутском полуострове // Археологические открытия в 1975 году. М.: Наука, 1976. С. 409–410.
- Щеглов и др., 1976б — Щеглов А. Н., Рогов Е. Я., Вахтина М. Ю. Отчет о работах Тарханкутской экспедиции в 1975 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1975. Д. 147. 1976. 23 л.
- Kashuba et al., 2021 — Kashuba M. T., Smekalova T. N., Kulkova M. A., Gurov E. Yu. New Results of Interdisciplinary Study of Bronze Age Settlements in Northwestern Crimea // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021. Vol. 66, issue 4. P. 1270–1295.

Bronze Age settlement Yarylgachskoye Vostochnoye (Tarkhankut peninsula) according to 1975 data

М. Т. Kashuba, М. Yu. Vakhtina¹

Keywords: Northwestern Crimea, Tarkhankut peninsula, settlement Yarylgachskoye Vostochnoye, Middle and Late Bronze Age, rescue excavations in 1975, ceramics, flint artifacts.

The settlement of the Bronze Age Yarylgachskoe Vostochnoye on the Tarkhankut peninsula is known in the specialized literature according to brief information. A field report on the rescue excavations which were carried out at the site in 1975 is kept in the Scientific Archive of the Institute of the History for Material Culture of the Russian Academy of Sciences. It contains plans, drawings of ceramics and flint items, which are published in this article (Fig. 1–5). The authors made a comparison of these finds with the materials of the Late Bronze Age known for the Tarkhankut peninsula, obtained during large excavations on the settlements of Burun-Eli I and Bai-Kiyat, as well as those from the rescue excavations on Skalistoe 2, Tarkhankut-18, and Tarkhankut-22a. Though the materials of Yarylgachskoe Vostochnoye are now unavailable for *in visu* study, the analysis of the preserved drawings confirms the dating of the settlement to the Middle and Late Bronze Age.

¹ Maya T. Kashuba, Marina Yu. Vakhtina — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru; vakhtina@rambler.ru.

AD MEMORIAM

Великое перенесение того, что осталось от греков и римлян, из палаты № 6 в Авгиевы конюшни

Повседневные картинки сомнительного содержания в трех частях, с прологом и эпилогом

Е. Я. Рогов

От редакции. В конце 1990-х гг. в Отделе истории античной культуры ИИМК произошло радостное событие — было выделено новое просторное и светлое помещение для камералки, находившееся во дворе, во флигеле, где некогда располагались дворцовые конюшни. До этого на протяжении многих лет находки и экспедиционное оборудование хранились в тесном, темном и душном подвальном помещении с номером 6 на двери. В народе оно именовалось «шестеркой». Переезд археологических материалов и прочих вещей, копившихся там годами (если не десятилетиями), вылился в достаточно трудоемкую работу, совершавшуюся сотрудниками Отдела в несколько этапов. Не обошлось и без забавных эпизодов, а также неожиданных находок. Предлагаем вниманию читателей небольшой отрывок из шуточной пьесы, которую Е. Я. Рогов, принимавший, как и большинство сотрудников Отдела, участие в переезде, начал писать по горячим следам. Некоторые персонажи легко узнаваемы. 1-й крупный учёный-античник — это К. К. Марченко, 4-я крупная учёная-античница — Н. В. Головачева, филолог — С. Р. Тохтасьев.

Действующие лица:

- 1-й крупный учёный-античник.
 - 2-й тоже крупный учёный-античник, но меньше ростом и почти трезв.
 - 3-й просто крупный учёный-античник, абсолютно трезвый.
 - 4-я крупная учёная-античница, конечно же, не пьющая (ну как вы могли подумать?!), зато с метлой и мешком для мусора.
 - 5-й ещё не совсем крупный учёный-античник, вовсе не пьющий (не удивляйтесь, такие тоже есть).
 - 6-й мелкий учёный-античник, крупно пьющий.
- В эпизодах заняты и другие разной величины учёные-античники, про пьянство больше ни слова.

Действие происходит во дворце.

Автор предупреждает, что все персонажи учёных-античников вымышленные и случайные, за непреднамеренные совпадения с реальными лицами автор ответственности не несёт.

ДЕЙСТВИЕ 1

Картина 1

Тёмная сырая лестница, с потолка капает вода, под ногами тоже хлюпает. В конце лестницы — новая железная дверь. За ней слева деревянная дверь, из-за которой раздаётся жужжание аппаратуры и брзжание Сергея Попова. С тусклым фонарем в руке нетвердо, но осторожно, по лестнице спускается 1-й крупный учёный-античник. Медленно, задумчиво идет по коридору, подходит к двери. На двери надпись: «ПАЛАТА № 6». Достает ключ, открывает дверь и застывает на пороге.

1-й крупный учёный античник

Как молодой повеса ждёт свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести по горсти в кучу,

И гордый холм возвысился. И я
 Мог с вышины с весельем (*икнул*) озирать.
 И дол, покрытый белыми шатрами,
 И море, где бежали корабли.
 Так мы, по горсти бедной принося
 Привычну дань, заполнили чертог.
 Коробки, ящики, мешочки —
 У каждого судьба своя, всё помню...
 Вот ящик, доверху набитый, здесь
 Клейма, чёрный лак, обломки штукатурки, —
 Всё Ольвия счастливая дала.
 А этот из Мирмекия приехал, хранит он
 Пот натруженных эфебов и смех девичий.
 Кажется, немного,
 А сколько человеческих забот,
 Обманов, слёз, молений и проклятий
 Хранится в этих сундуках!
 Я каждый раз, когда хочу сундук
 Свой отпереть, впадаю в жар и трепет.
 Не страх (о нет, кого бояться мне?!) —
 Какое-то неведомое чувство,
 Когда я ключ в замок влагаю... То же
 Я чувствую, что чувствовать должны
 (Ну, сами понимаете, о чём я...)
 (*Оглядываясь вокруг*)
 Немые всё свидетели былого.
 (*Указывая на флягу*)
 В бидоне этом брага зрела,
 Кто выпил — то неведомо теперь.
 (*Берёт вкладыш от спального мешка*)
 Вот вкладыш, раньше белоснежный,
 Немой свидетель сладостных утех...
 Послушна мне, сильна моя держава;
 В ней счастье, в ней честь моя и слава.
 Я царствую — но кто вослед за мной
 Приимет власть над нею? Мой наследник,
 Безумец, расточитель молодой,
 Повеса, пьяница,
 Развратников разгульных собеседник?
 О, если б мог от взоров недостойных
 Я скрыть подвал! О, если б из могилы
 Прийти я мог сторожевою тенью,
 Сидеть на сундуке и от живых
 Сокровища мои хранить, как ныне!
 Что толку говорить, пойду-ка к террористу...¹
Занавес. Конец первого действия.

¹ «Террорист» («У террориста») именовалось в те годы археологами ИИМК и Эрмитажа небольшое кафе в полуподвальном помещении на ул. Желябова, 5. Это заведение было любимо и часто посещаемо. Здесь можно было перекусить, немного выпить и побеседовать в приятной компании.

ДЕЙСТВИЕ 2

Картина 1

Светлые дворцовые чертоги. В окна льется яркий весенний солнечный свет. За длинным столом сидят жрецы в живописных одеждах (они же крупные и крупнейшие учёные-античники).

Раздается гром полуденной пушки. Все вздрагивают. Из-за двери слышен голос Галины Вацлавовны Длужневской: «Стреляйте, стреляйте пока, скоро разверну дуло в другую сторону...».

1-й жрец (крупный учёный-античник)

Вот полдень. Все ль мы в сборе?

Мне надо вам сказать сегодня...

(*Задумчиво*)

Благую весть нам боги принесли.

5-й жрец (еще не совсем крупный учёный)

(*с сарказмом и недоверчиво*)

Благую ли?

1-й жрец

Благую! Ясно это всем, как божий день,
 Что солнечным лучом нам в окна льётся.

2-й жрец (*с сарказмом и недоверчиво*)

А боги ль принесли?

1-й жрец

Ну, может, и не боги, а первый зам
 Верховного жреца. Он ясно нам сказал:
 «Сокровища оттель перенесите!!!».

3-й жрец

О, боги! Мыслимо ли это!

Зачем лишать сознания жреца,

Хоть не верховного, но всё же по науке?..

Все эти годы терпеливо копили мы

Сокровища свои, и вот теперь,

Когда мы так богаты, отдать, пустить по ветру?

Ну, нет!

1-й жрец

Глупец! Он дал нам новые палаты!

Сокровища останутся при нас,

Хранить их будем только в новом месте.

2-й жрец (*недоверчиво*)

В каком?

1-й жрец

В каком, в каком... В конюшне...

2-й жрец (*мрачно*)

О, ужас! С лошадьми, в навозе?

Сокровища — в дерьмо, привычная судьба...

1-й жрец (*с восторгом*)

Там окна велики, полы покрыты лаком,

Шкафы и стеллажи приветливо манят

<...>

ДЕЙСТВИЕ 3

Мрачные дворцовые подвалы. Вся сцена находится в темноте, и только изредка всполохи яркого света высвечивают фигуры, переносимые ящики и коробки. Слышны вздохи, сопение, а иногда и вопли, выкрики отдельных слов, часто похожих на матерные, но не матерные (Академия наук всё же). Так продолжается с картины 1 по картину 17. Все диалоги идут на украинском языке, с синхронным переводом на русский. Голос переводчика — дико гундосый.

Картина 18

Голос крупного учёного-античника
Ещё одна последняя коробка — и пуст чертог.
Всё вынесли уже и всё перетасили.
Голос ещё не совсем крупного учёного-античника (испуганно)
Я падаю куда-то, пол разверзся!
За что схватиться, удержаться как?!
Голос другого крупного учёного-античника,
который в начале был почти трезв
Моя рука тебе! Держись, поможем!
Голос крупного учёного-античника
Огня, огня!!! Полцарства за огня!!!

Вспыхивает яркий свет. Из совершенно прогнившего и обрушившегося пола торчит торс ещё не совсем крупного учёного-античника, другой держит его за руки, не давая совершенно провалиться.

Ещё не совсем крупный учёный-античник
Я твердь обрёл под правую ногой!
Сейчас упрусь обеими и выйду,
Если помогут мне мои коллеги.

Все бросаются на помощь и вытаскивают его. Собравшись вокруг ямы, смотрят в неё.

Самый крупный учёный-античник
Там что-то есть, давайте-ка достанем!

С трудом вытаскивают огромный камень.

Самый крупный учёный-античник
Тю, письменники, подывытыся,
Яка велька каменюка!

Крупная учёная-античица
(*смахивая с него пыль метлой*)

Да нет, не так уж он велик.
Да это же древний декрет —
какие ровные красивые буквы!

Все хором
Действительно, декрет.
Что за декрет, как он попал сюда —
Никто уже не знает.
И шифра нет...

Самый крупный учёный-античник
Сейчас прочтём и всё тотчас узнаем!

Третий учёный-античник
Не очень-то прочтём — неведомый язык здесь,
Вот видишь, «И» как наша, а здесь — нет,
Здесь гаста не в ту сторону.
Слова как будто наши и не наши.
Придётся звать филолога.
Самый крупный-учёный
Филолога сюда!

Входит Филолог. То, что это действительно филолог с большой буквы, видно сразу и по всему. Правда, плохо вяжет слова.

Филолог
Пос-мот-риииим... Ну что ж тут не понять?
Конечно, ридна мова.
Могли бы сообразить и сами.

Все хором читают декрет. Хор нестройный, но читают вдохновенно. Весь текст идёт на украинском языке, и это всем должно быть понятно, но в действительности ни одного слова не разобрать в шуме голосов и лишь последняя фраза произносится ясно и чётко, тоже на украинском языке.

Все хором
«Минздрав предупреждает: курение и употребление горячительных напитков опасно для здоровья».
После этого — длинная пауза.

Наконец одинокий, но ясный голос
(*отчетливо*)

Во, блин, дают!
Занавес.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. Вып. 1–13 — СПб., ИИМК РАН; 14, 15 — М., Наука; 16–21 — СПб., Дмитрий Буланин; 22 и далее — СПб., ИИМК РАН
- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
- АН — Академия наук
- АО — Археологические открытия
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
- БАН — Библиотека Академии наук. СПб.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
- БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
- БФ — благотворительный фонд
- ВАШ — Высшая антропологическая школа, Кишинев
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВНК — Всероссийская нумизматическая конференция
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края
- ГБУК КК КГИАМЗ — «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына»
- ГИМ — Государственный исторический музей. М.
- ГМЗ ХТ — Государственный музей заповедник «Херсонес Таврический»
- ГМИИ — Государственный музей истории искусств им. А. С. Пушкина. М.
- ГУ — государственный университет
- ДБ — Древности Боспора. М.
- ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
- ИА — Институт археологии
- ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины
- ИАК — Императорская археологическая комиссия
- ИМАО — Императорское Московское археологическое общество
- ИПЦ СПбГУПТД — Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета промышленной технологии и дизайна
- КП — книга поступлений
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛО — Ленинградское отделение
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
- МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
- МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.
Армавир–Карачаевск
НА ИИМК РАН. РО — Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
Рукописный отдел
НАН — Национальная академия наук
НИАЗ — Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия»
НОА ИА РАН — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
ОАМ — Одесский археологический музей
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
РА — Российская археология. М.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов обществен-
ных наук, 1924–1930
РГПУ — Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена. СПб.
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина. М.
СКОАИЭ — Северо-Кавказское общество археологии, истории и этнографии.
Ростов на Дону
СУГ — сжиженный углеводородный газ
- AJA — American Journal of Archaeology. Boston
BAR — British Archaeological Reports
BSH — Bulletin de correspondance hellénique. Athènes
CIG — Corpus inscriptionum graecarum. Auctoritate et impensis Academiae Litterarum
Regiae Borussicae / Ed. A. Bökh. Berlin, 1843
IA — Институт археології
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 35

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 12.05.2022. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 35,5. Тираж 300 экз. Заказ 1517.
Дата выхода: 26 мая 2022 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 35 —

